ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго.

Выпускъ I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова. Б. Итальянская, 11.
1890.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи честь имѣетъ обратить благосклонное вниманіе гг. Членовъ Общества, близко интересующихся вопросами этнографическаго изученія нашего отечества, на нижеслѣдующее предложеніе, доложенное въ Засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 19-го Декабря 1889 г.:

Отъ лица дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ нашихъ: акад. А. Н. Веселовскаго, проф. И. П. Минаева, акад. Л. Н. Майкова, А. Н. Пыпина, честь имѣю представить Отдѣленію слѣдующее предложеніе, къ которому я съ моей стороны вполнѣ присоединяюсь:

«Современное развитіе изученія внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей и ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ, изученія народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, вообще живой народной старины, вызвавшее въ западной Европѣ и въ Америкѣ массу спеціальныхъ повременныхъ изданій по антропологіи, народной психологіи, діалектологіи, этнологіи и этнографіи, вызываетъ и у насъ въ Россіи необходимость такихъ изданій, посвященныхъ критическому и библіографическому обзору быстро растущей литературы народовѣдѣнія и частнымъ научнымъ изслѣдованіямъ и пересмотрамъ разнообразныхъ вопросовъ антропологіи, этнографіи, исторической географіи и этнологіи Россіи и соплеменныхъ намъ народовъ,—всѣхъ предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій Отдѣленія Этнографіи. Въ ученомъ Архивѣ Географическаго Общества хранится множество такого рода матеріаловъ, статей, записокъ, которыя не могутъ быть напечатаны цѣликомъ, заключаютъ въ себѣ однако весьма важныя нерѣдко наблюденія и данныя. Тамъ же имѣется не мало такихъ статей, которыя не смотря на свой небольшой объемъ не были напечатаны въ повременномъ изданіи Общества «Извѣстіяхъ»—такъ какъ ихъ слишкомъ много,—ни въ Запискахъ Отдѣленія,—въ нихъ едва хватаетъ мѣста для большихъ трудовъ. Въ виду того, что въ Петербургѣ имѣется подъ рукою много важныхъ научныхъ пособій и находится не мало ученыхъ силъ, готовыхъ принять дѣятельное участіе въ столь необходимомъ изданіи по этнологіи и этнографіи вообще и русской въ особенности, что два, состоящихъ при здѣшнемъ Университетѣ, ученыхъ Общества Филологическое и Неофилологическое расположены оказать свое посильное содѣйствіе такому повременному изданію, что одна извѣстная книгопродавческая фирма изъявила желаніе обезпечить подписку на это изданіе на сумму въ 500 р.; въ виду всѣхъ этихъ данныхъ и соображеній, вышеупомянутыя лица честь имѣютъ предложить Отдѣленію:

1. *Предпринять* при Этнографическомъ Отдѣленіи и съ его содѣйствіемъ изданіе посвященнаго народовѣдѣнію Россіи и соплеменныхъ ей странъ журнала подъ названіемъ «Живая Старина» — 4 книжки въ годъ, по 10 листовъ каждая приблизительно, съ слѣдующими отдѣлами: I. Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія. II. Небольшіе матеріалы съ примѣчаніями. III. Критика и библіографія. IV. Вопросы и отвѣты—ученая корреспонденція. V. Смѣсь. Дѣйствія ученыхъ Обществъ въ Россіи и за границей и пр. Цѣна годовому изданію 5 р., съ пересылкою 5½ р.

2. Средствъ на подобное изданіе Географическое Общество не имѣетъ и имѣть не будетъ, пока не разовьется въ русскомъ обществѣ сознаніе необходимости поды-

вать и поддерживать рускую ученую литературу частными пожертвованіями и складчинами, какъ оно вездѣ дѣлается въ Англіи, во Франціи, въ Германіи и въ Сѣв. Америкѣ. У насъ въ Россіи уже довольно много жертвуютъ на цѣли благотворительныя, на школы, на университетскія стипендіи (на послѣднія въ нѣкоторыхъ университетахъ, напр. въ Петербургѣ, Москвѣ, можетъ быть, даже больше, чѣмъ нужно; у насъ дѣлаются пожертвованія и ученымъ Обществамъ, также и Географическому, преимущественно впрочемъ на экспедиціи; но у насъ еще не вошло въ обычай жертвовать и собирать въ складчину нужныя на ученыя изданія суммы. Еще много должно пройти времени, когда специальныя періодическія изданія будутъ себѣ находить въ Россіи легкій сбытъ и приносить извѣстный доходъ. Между тѣмъ ни въ какой странѣ никакая наука не можетъ, какъ слѣдуетъ, двигаться впередъ и развиваться безъ научныхъ періодическихъ изданій. По громадности Россіи и разнообразію племенъ и народовъ, ее населяющихъ, руская этнографія одними небольшими періодическими изданіями, въ родѣ недавно возникшаго въ Москвѣ Этнографическаго Обозрѣнія, ограничиваться не можетъ. Если въ средѣ членовъ Императорскаго Рускаго Географическаго Общества, по Отдѣленію Этнографіи преимущественно, будетъ признана потребность такого періодическаго изданія, то кажется не трудно будетъ собрать общею подпискою среди членовъ нужную на такое предпріятіе сумму.

3. Слѣдуетъ напечатать это заявленіе въ видѣ рукописи и разослать съ разрѣшенія Совѣта къ членамъ Общества съ просьбою къ сочувствующимъ этому предпріятію увѣдомить въ двухнедѣльный срокъ, по полученіи заявленія, Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи о готовности ихъ оказать извѣстное матеріальное содѣйствіе этому предпріятію или подписаться на одинъ или на нѣсколько экземпляровъ. При этомъ нѣкоторые изъ членовъ, можетъ быть, пожелаютъ на первый разъ дать сумму свыше требуемой на то количество экземпляровъ, которое имъ можетъ понадобиться. Быть можетъ, сочувствующіе этому предложенію члены Общества позаботятся о прінсканіи журналу подписчиковъ и внѣ Общества, и о привлеченіи, къ содѣйствію этому изданію, постороннихъ любителей просвѣщенія и отечественной науки, которые никогда не оставляли нашего Общества безъ пожертвованій на ученыя предпріятія, посвящаемыя изученію нашего отечества.

4. Если доставленные гг. членами Общества сочувственные этому предпріятію отвѣты позволятъ расчитывать на сумму не менѣе двухъ тысячъ рублей, то Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи имѣетъ обратиться къ этимъ гг. членамъ съ просьбою выслать въ Общество на имя его Секретаря или передать его Казначею предположенныя ими ко взносу деньги. Имена подписчиковъ и жертвователей (полностію или начальными буквами или подъ знакомъ NN, смотря по желанію) съ обозначеніемъ суммъ будутъ обнародованы въ журналахъ засѣданій Отдѣленія Этнографіи, которые предполагается печатать и въ книжкахъ Живой Старины.

5. Всѣ собранныя такимъ путемъ и обыкновенною подпискою суммы должны образовать при Императорскомъ Рускомъ Географическомъ Обществѣ особый фондъ Этнографическаго Отдѣленія, специально назначаемый на упомянутое изданіе. Суммы превысившія двѣ тысячи рублей, получатся ли онѣ отъ подписки или отъ пожертвованій, должны быть употребляемы на внутреннее улучшеніе журнала Этнографическаго Отдѣленія (увеличеніе объема, приложеніе рисунковъ, иллюстрацій).

6. Въ случаѣ если изданіе журнала состоится, Отдѣленіе избираетъ въ началѣ года редакціонную и издательскую Коммиссію для веденія журнала, а въ концѣ года ревизіонную Коммиссію для провѣрки счетовъ.

7. Отвѣтственнымъ редакторомъ журнала, независимо отъ перемѣны лицъ, всегда имѣетъ быть Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи».

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи *В. Ламанскій.*

Секретарь *Ѳ. Истоминъ.*

По разсылкѣ этого предложенія гг. Членамъ Общества были получены отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и ихъ знакомыхъ слѣдующія заявленія:

1.	Батюшковъ, Ѳ. Д. (Спб.)	2	экз.	10	р.	к.	„
2.	Ольденбургъ, С. Ѳ. (Спб.)	2	„	10	„	—	„
3.	Бобринскій, гр. А. А. (Спб.)	10	„	50	„	—	„
4.	Мусинъ-Пушкинъ, гр. А. А. (Спб.)	5	„	25	„	—	„
5.	Пыпинъ, А. Н. (Спб.)	2	„	50	„	—	„
6.	Ламанскій, В. И. (Спб.)	2	„	50	„	—	„
7.	Струве, Н. Б. (Спб.)	2	„	10	„	—	„
8.	Флери, И. И. (Спб.)	2	„	10	„	—	„
9.	Григорьевъ, А. В. (Спб.)	1	„	10	„	—	„
10.	Суворинъ, А. С. (Спб.)	100	„	500	„	—	„
11.	Геруцъ, К. Ю. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
12.	Толстопятовъ, А. А. (Москва)	3	„	25	„	—	„
13.	Весинъ, Л. П. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
14.	Лыткинъ, Г. С. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
15.	Софіано, Л. П. (Спб.)	2	„	11	„	—	„
16.	Асланбеговъ, Авр. Б. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
17.	Гротъ, К. К. (Спб).	1	„	30	„	—	„
18.	Клепшъ, Э. Э. (Спб.)	1	„	10	„	—	„
19.	Бунге, Н. Х. (Спб.)	1	„	50	„	—	„
20.	Галкинъ-Враcскій, (Спб.)	1	„	25	„	—	„
21.	Небольсинъ, П. И. (Спб.)	1	„	15	„	—	„
22.	Глуховской, П. И. (Спб.)	1	„	10	„	—	„
23.	Вишняковъ, А. Г. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
24.	Статистическій Комитетъ (Нижній Новгородъ)	1	„	5	„	50	„
25.	Бѣлостоцкій, А. В. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
26.	Анучинъ, Д. Н. (Москва)	1	„	10	„	—	„
27.	Розенъ, бар. В. Р. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
28.	Слав. Благотвор. Общ. (Спб).	10	„	50	„	—	„
29.	Друри, И. В. (Спб.)	1	„	5	„	50	„
30.	Дабижа, кн. В. Д. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
31.	Романовъ, Е. Р. (Витебскъ)	1	„	5	„	50	„
32.	Сапуновъ, А. П. (Витебскъ)	1	„	5	„	50	„
33.	Титовъ, А. А. (Ростовъ Яросл. губ.)	1	„	10	„	—	„
34.	Брюннеманъ, Ю. В. (Спб.)	1	„	10	„	—	„
35.	Ильинскій, Я. (Кременецъ)	1	„	5	„	50	„
36.	Трусманъ, Ю. Ю. (Ревель)	1	„	5	„	50	„

37.	Дурново, А. В. (Вытегра)	1	экз.	10 р.	к.	„
38.	Кидошенковъ, Н. В. (Спб.)	1	„	10 „	—	„
39.	Веневитиновъ, М. А. (Воронежъ)	3	„	20 „	—	„
40.	Коншинъ, А. М. (Тифлисъ)	1	„	5 „	50	„
41.	Зеленой, А. И. (Спб.)	1	„	5 „	—	„
42.	Вахрамѣевъ, И. А. (Ярославль)	1	„	25 „	—	„
43.	Будиловичъ, А. С. (Варшава).	1	„	20 „	—	„
44.	Лавровскій, Н. А. (Варшава)	1	„	5 „	50	„
45.	Варшавск. Импер. Универ. (Варшава)	2	„	11 „	—	„
46.	Гротъ, К. Я. (Варшава)	1	„	5 „	50	„
47.	Кулаковскій П. А. (Варшава)	1	„	5 „	50	„
48.	Редакція „Варшавск. Дневн.“ (Варшава)	1	„	5 „	50	„
49.	Самоквасовъ, Д. А. (Варшава)	1	„	5 „	50	„
50.	Дьячанъ, Ф. (Варшава)	1	„	5 „	50	„
51.	Смирновъ, А. И. (Варшава)	1	„	5 „	50	„
52.	Созоновичъ, И. П. (Варшава)	1	„	5 „	50	„
53.	Зигель, Ѳ. Ѳ. (Варшава)	1	„	5 „	50	„
54.	Романовъ, А. М. (Спб.)	2	„	10 „	—	„
55.	Властовъ, Г. К. (Спб.)	1	„	5 „	50	„
56.	Марксъ, А. Ѳ. (Спб.)	1	„	[1]) 5 „	—	„
57.	Добровольскій, В. В. (с. Даньково)	2	„	10 „	—	„
58.	Пироговъ, В. Г. (Кострома)	1	„	5 „	50	„
59.	Махвичъ-Мацкевичъ, А. I. (Спб.)	1	„	5 „	50	„
60.	Кибальчичъ, Т. В. (Кіевъ)	2	„	11 „	—	„
61.	Ровинскій, Д. А. (Спб.)	1	„	50 „	—	„
62.	Лиліенфельдъ Тоаль, П. Ѳ. (Спб.)	1	„	10 „	—	„
63.	Корфъ, бар. К. Н. (Спб.)	1	„	10 „	—	„
64.	Макшеевъ, А. И. (Спб.)	1	„	5 „	—	„
65.	Дриновъ, М. С. (Харьковъ)	1	„	5 „	50	„
66.	Черкаевъ, П. А. (с. Березовка Сарат. г.)	1	„	5 „	—	„
67.	Клеръ, О. Е. (Екатеринбургъ)	1	„	5 „	50	„
68.	Оржевскій, П. В. (Спб.)	1	„	25 „	—	„
69.	Тилло, А. А. (Спб.)	1	„	5 „	—	„
70.	Смитъ, Т. С. (Москва)	3	„	16 „	50	„
71.	Слюнинъ, Н. В. (Кронштадтъ)	2	„	10 „	—	„
72.	Корниловъ, Ѳ. П. (Спб.)	1	„	20 „	—	„
73.	Федоровъ, П. Ѳ. (Кронштадтъ)	1	„	5 „	50	„

[1]) Съ предложеніемъ напечатать въ Нивѣ объявленій о подпискѣ на 200 руб.

74.	Ламанская, М. Н. (Спб.)	1	экз.	10	р.	—	к.
75.	Полѣнова, О. И. (Спб.)	1	„	10	„	—	„
76.	Щербатской, Ф. И. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
77.	Подвинцевъ, Е. Е. (Кочкарь Оренб. г.)	1	„	15	„	—	„
78.	Шишковскій, К. (Кочкарь Оренб. г.)	1	„	6	„	—	„
79.	Тасвинъ, А. Н. (Спб.)	2	„	15	„	—	„
80.	Соболевскій, А. И. (Спб.)	1	„	25	„	—	„
81.	Галинъ, А. М. (Екатеринбургъ)	1	„	25	„	—	„
82.	Флоринскій, В. М. (Томскъ)	1	„	10	„	—	„
83.	Мазингъ, М. К. (Асхабадъ)	5	„	27	„	50	„
84.	Мойсеенко-Великій, С. В. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
85.	Минхъ, В. Н. (Полчаниновка Сарат. г.)	1	„	5	„	50	„
86.	Китицынъ, П. А. (Головановскъ Подольск. г.)	1	„	5	„	50	„
87.	Муратовъ, Н. А. (Тула)	1	„	5	„	50	„
88.	Шиманскій, Л. И. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
89.	Платоновъ, С. Ѳ.[?]						
90.	Бильбасовъ, В. А. (Спб.)	1	„	50	„	—	„
91.	Липовскій, А. Л. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
92.	Семевскій, М. И. (Спб.)	1	„	10	„	—	„
93.	Шульцъ, П. А. (Спб.)	1	„	5	„	50	„
94.	Милютинъ, гр. Д. Л. (Мисхоръ Тавр. г.)	1	„	10	„	—	„
95.	Фельдманъ, Ѳ. А. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
96.	Шмурло, Е. Ф. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
97.	Масальскій, кн. В. И. (Спб.)	1	„	5	„	—	„
98.	Истоминъ, Ѳ. М. (Спб.)	1	„	10	„	50	„
99.	Ламанскій, Е. И. (Спб.)	—	„	600	„	—	„
100.	Успенскій, Ѳ. И. (Одесса)	1	„	10	„	—	„
101.	Кирпичниковъ, А. И. (Одесса)	1	„	10	„	—	„
102.	Маркевичъ, А. И. (Одесса)	1	„	10	„	—	„
103.	Воеводскій, Л. Ф. (Одесса)	1	„	5	„	50	„
104.	Некрасовъ, И. С. (Одесса)	1	„	5	„	50	„
105.	Перстятковичъ, Г. И. (Одесса)	1	„	5	„	50	„
106.	Палаузовъ, В. Н. (Одесса)	1	„	5	„	50	„
107.	Попруженко, М. Г. (Одесса)	1	„	5	„	50	„
108.	Вырланъ, А. В. (Одесса)	1	„	5	„	50	„
109.	Соколовъ, И. И. (Спб.)	2	„	10	„	—	„
110.	Веселаго, Ѳ. Ѳ. (Спб.)	1	„	25	„	—	„
101.	Дондуковъ-Корсаковъ, кн. Н. А. (Спб.)	1	„	6	„	—	„

112.	Милютинъ, Ю. Н. (Спб.)	1	экз.	6	р. —	к.
113.	Шидловскій, С. И. (Волоконовск. почт. отд. Воронежъ)	1	„	10	„ —	„
114.	Чарыковъ, Н. В. (Спб.)	1	„	6	„ —	„
115.	Мандельштамъ, I. Е. (Спб.)	2	„	10	„ —	„
116.	Архангельскій, А. С. (Казань)	1	„	5	„ 50	„
117.	Голицынъ, кн. Г. С. (Спб.)	1	„	5	„ —	„
118.	Толстой, гр. М. М. (Одесса)	1	„	50	„ —	„
119.	Вильмсъ, Зинаида Гавриловна (Спб.)	1	„	100	„ —	„
120.	Чалѣевъ, Ѳ. Н. (Спб.)	1	„	5	„ —	„
121.	Потанинъ, Г. Н. (Иркутскъ)	1	„	5	„ 50	„
122.	Ординъ, Н. Е. (Кадниковъ Вологод. г.)	1	„	5	„ 50	„

Лица, не успѣвшія еще прислать въ Общество записанныхъ или денегъ, благоволятъ отправить ихъ въ Общество на имя Секретаря для передачи Казначею на изданіе Живой Старины.

ПОДПИСКА

НА

„ЖИВУЮ СТАРИНУ"

Съ осени (сентября—октября) текущаго года Этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, съ разрѣшенія Совѣта Общества, предпринимаетъ изданіе журнала «ЖИВАЯ СТАРИНА», имѣющаго выходить четыре раза въ годъ книжками въ 12 и болѣе листовъ каждая, со слѣдующими Отдѣлами: I. Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія. II. Небольшіе материалы съ примѣчаніями: памятники языка и народной словесности, русскіе и инородческіе. III. Критика и библіографія. Обзоръ этнографической литературы русской и иностранной. IV. Вопросы и отвѣты — ученая корреспонденція. V. Смѣсь. Частныя замѣтки. Ученыя новости. Дѣйствія ученыхъ обществъ въ Россіи и за границею.

Цѣна годовому изданію 5 р., съ пересылкою во внутреннія губерніи Имперіи и за границу 5 р. 50 к.

Посильно трудясь, совмѣстно съ другими Отдѣленіями Географическаго Общества, надъ изученіемъ нашего отечества, родственныхъ намъ народовъ и пограничныхъ Имперіи странъ азіатскихъ, Этнографическое Отдѣленіе съ самаго основанія Общества, въ теченіи 45 лѣтъ, обнародовало цѣлый рядъ сборниковъ-матеріаловъ, наблюденій, изслѣдованій, немаловажныхъ для народовѣдѣнья Россіи, вызвало и поощрило много цѣнныхъ трудовъ различныхъ мѣстныхъ наблюдателей со всѣхъ частей Имперіи, представителей разныхъ народностей и всѣхъ классовъ общества.

Въ послѣднее время, по причинамъ понятнымъ, значительно возрасло число крестьянъ въ рядахъ членовъ-сотрудниковъ Общества. Рядомъ съ этимъ замѣчается и другое отрадное явленіе. Съ возвышеньемъ и распространеньемъ у насъ женскаго образованья, стали все чаще являться русскія образованныя женщины, съ любовью изучающія этнографію. За послѣдніе годы Этнографическое Отдѣленіе пріобрѣло себѣ нѣсколько почтенныхъ членовъ-сотрудницъ. У всѣхъ племенъ и народовъ женщина по преимуществу хранительница преданья, обычая, живой старины. Не говоря уже о народностяхъ мусульманскихъ, и простолюдинки христіанки всѣхъ племенъ многаго никогда не повѣдаютъ мущинѣ, особенно иного съ ними круга, изъ того, что съ полною откровенностью выскажутъ и выложатъ женщинѣ, совершенно отъ нихъ отличной по состоянью и по образованью. Такое появленье новыхъ наблюдателей—этнографовъ съ одной стороны изъ самаго ядра народнаго, изъ крестьянства, главнаго хранителя и созидателя народнаго быта и обычнаго права, чистаго языка и народной словесности, съ другой изъ безпрерывно ростущаго круга образованныхъ русскихъ женщинъ, съ интересомъ къ этнографическимъ изученіямъ, наконецъ усиленье, въ учащейся, особенно въ высшихъ заведеніяхъ, молодежи, любви къ народу, стремленья къ сближенью съ нимъ и къ живому его изученью сулятъ и несомнѣнно принесутъ въ ближайшемъ будущемъ много добра русской литературѣ по народовѣдѣнью.

Не прерывая изданія Записокъ — большихъ сборниковъ матеріаловъ, наблюденій, болѣе или менѣе обширныхъ изслѣдованій,—теперь печатаются два большіе сборника: Смоленскій Члена Сотрудника В. Н. Добровольскаго и Македонскій Члена-Сотрудника П. Д. Драганова,—Этнографическое Отдѣленіе въ предпринимаемомъ имъ періодическомъ изданіи «ЖИВАЯ СТАРИНА» желаетъ помѣщать преимущественно небольшія статьи и записки, доставляемыя или давно уже доставленныя въ Географическое Общество, а также извлеченія изъ хранящихся въ ученомъ его архивѣ матеріаловъ.

Редакція «ЖИВОЙ СТАРИНЫ» будетъ сверхъ того стараться объ устроеньи новыхъ сношеній съ различными мѣстными наблюдателями во всѣхъ краяхъ Россіи, поддерживать и развивать общеніе Отдѣленія съ многочисленными членами-сотрудниками Общества и пріобрѣтать ему новыхъ, обмѣниваясь съ ними мыслями о кругѣ наблюденій и о вопросахъ,—ожидающихъ разрѣшенья, о выработкѣ наилучшихъ пріемовъ въ дѣлѣ записыванья и изученія особенностей языковъ, нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ, памятниковъ народной словесности, повѣрій, преданій, примѣтъ, народнаго быта съ его обычнымъ правомъ, экономическимъ ростомъ или упадкомъ, съ домашнимъ обиходомъ и строемъ со внѣшнею обстановкою, съ народнымъ вкусомъ и чувствомъ къ изящному, съ народными воззрѣньями религіозными, нравственными, общественными, государственными и международными. При этомъ «ЖИВАЯ СТАРИНА» будетъ удѣлять мѣсто и вниманье не только всѣмъ разновидностямъ Русскаго народа и цѣлаго Славянскаго племени, но и всѣмъ инородцамъ Россіи. Сверхъ этнографіи въ собственномъ смыслѣ «ЖИВАЯ СТАРИНА» будетъ принимать на свои страницы изслѣдованія и замѣтки по исторической географіи Россіи, славянскихъ земель Балканскаго полуострова, Австро-Венгріи и Германіи, исторической этнологіи Восточной Европы и сопредѣльной съ ней Азіи. Въ Отдѣлѣ Критики и Библіографіи будутъ ведены особыми спеціалистами обзоры и указатели отдѣльныхъ сочиненій и періодическихъ изданій по этнологіи и этнографіи, какъ русскихъ и славянскихъ, такъ

и иностранныхъ, велико-британскихъ американскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ, скандинавскихъ, французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, румынскихъ и греческихъ. Въ Отдѣлѣ Вопросы и Отвѣты редакція дастъ мѣсто отвѣтамъ Отдѣленія или ученыхъ, къ коимъ оно обратится, на вопросы и справки различныхъ мѣстныхъ наблюдателей и вопросамъ разныхъ ученыхъ къ мѣстнымъ знатокамъ.

Вообще «ЖИВАЯ СТАРИНА» имѣетъ главнѣйше въ виду служить органомъ общенія Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и богатой научными пособіями, не скудной и живыми учеными силами столицы съ нашею провинціею, съ уѣздными городами и уѣздами по преимуществу. Совершенно почти лишенные всякихъ научныхъ пособій (чего уже о разныхъ губернскихъ, особенно университетскихъ, сказать нельзя), наши уѣздные города и уѣзды изобилуютъ неистощимыми и нерѣдко едва початыми богатствами этнографическаго матеріала, не бѣдны и людьми съ великимъ запасомъ живаго, непосредственнаго знанія окружающей дѣйствительности, народнаго быта и обычая. Къ сожалѣнью, наука народовѣдѣнія въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наша гражданственность и просвѣщенье не мало страдаютъ отъ двухъ всеобщихъ у насъ и потому всѣмъ извѣстныхъ явленій. Въ провинціи мы находимъ много такихъ мѣстныхъ знатоковъ роднаго края, что̀ изъ преувеличенной ли скромности и недовѣрія къ себѣ, или по незнанью, куда обратиться за нужнымъ подъ часъ совѣтомъ или разъясненьемъ, не рѣшаются дѣлиться своимъ богатымъ опытомъ и не пускаютъ въ общее свѣдѣніе своего живаго знанія. Въ то же время мы встрѣчаемъ въ уѣздахъ и въ уѣздныхъ городахъ (а также и въ губернскихъ) множество лицъ средняго, а часто и высшаго образованія, что̀ про себя и громко сѣтуютъ на томящую ихъ скуку, на провинціальную спячку и пошлость развлеченій, на отсутствіе всякихъ идеальныхъ и умственныхъ интересовъ, тогда какъ имъ никто и ничто не мѣшаетъ, часть свободнаго отъ служебныхъ занятій времени, вмѣсто ежедневныхъ карточныхъ вечеровъ и позднихъ пріятельскихъ ужиновъ, посвящать изученію края; напротивъ, все къ тому ихъ призываетъ: каждый уголокъ Россіи любопытенъ и достоинъ изученія въ разныхъ отношеніяхъ, и у этихъ скучающихъ людей подъ бокомъ кипятъ живые ключи и будятъ ихъ любознательность. Стоитъ только возъимѣть и воспитать въ себѣ охоту и любовь къ наблюденіямъ надъ окружающею природой, мертвою, вещественною и живою стариной, и люди заснувшіе и отупѣвшіе было отъ скуки и пошлаго равнодушія къ окружающему обрѣтутъ въ себѣ мало-по-малу высшіе интересы мысли и знанія, поймутъ, какими сокровищами они овладѣть могутъ, какое могутъ почетное имя и какой слѣдъ по себѣ оставить въ наукѣ и просвѣщеньи.

Внушая любовь и интересъ къ этнографическому знанію, указывая, что̀ сдѣлано, дѣлается и имѣетъ быть сдѣлано по народовѣдѣнью вообще, русскому въ особенности, вызывая мѣстныхъ знатоковъ къ постояннымъ сообщеньямъ и къ новымъ наблюденьямъ, «ЖИВАЯ СТАРИНА» послужитъ Богъ дастъ и дѣлу науки и дѣлу русскаго просвѣщенья. Наука въ правѣ ожидать массы новыхъ драгоцѣнныхъ данныхъ, высоковажныхъ открытій и разъясненій отъ строгаго этнологическаго и этнографическаго изученія всѣхъ когда либо населявшихъ и нынѣ населяющихъ Россію племенъ и народностей. Русская гражданственность и просвѣщеніе нуждается также во всестороннемъ изученіи Россіи и укорененьи въ Русскомъ Обществѣ убѣжденья въ необходимости внимательнаго и бережнаго отношенья къ окружающей дѣйствительности, къ народной жизни и обычаю, къ живой старинѣ, какъ она сложилась вѣками своеобразной жизни различныхъ краевъ нашего отечества.

Редакторомъ «ЖИВОЙ СТАРИНЫ» будетъ всегда, независимо отъ перемѣны лицъ, Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи, въ настоящее время дѣйствительный членъ *В. И. Ламанскій*. Сверхъ Помощника Предсѣдательствующаго проф. *Н. И. Веселовскаго* и Секретаря Отдѣленія *Ѳ. М. Истомина*, ближайшее участіе въ редакціи примутъ дѣйствительные члены и члены-сотрудники: проф. *А Н. Веселовскій*, акад. *Л. Н. Майковъ*, прив.-доц. *С. Ѳ. Ольденбургъ* и *А. Н. Пыпинъ*. Въ числѣ сотрудниковъ «ЖИВОЙ СТАРИНЫ» можемъ назвать: *Н. И. Андерсона*, *Ѳ. Д. Батюшкова*, проф. *В. В. Богишича*, *И. М. Болдакова*, *Ѳ. Ѳ. Брауна*, проф. *А. С. Будиловича*, *Н. В. Волкова*, проф. *В. П. Васильева*, *А. К. Васильева*, проф. *С. М. Георгіевскаго*, проф. *К. Я. Грота*, проф. *М. С. Дринова*, проф. *И. Н. Жданова*, проф. *К. Г. Залемана*, проф. *В. А. Жуковскаго*, проф. *А. И. Кирпичникова*, *М. И. Кудряшева*, *Д. Н. Кудрявскаго*, прив.-доц. *О. Е. Лемма*, прив.-доц. *Н. Я. Марра*, проф. *Э. Ю. Петри*, проф. *А. М. Позднѣева*, *И. Н. Половинкина*, проф. *А. И. Пономарева*, проф. *А. И. Соболевскаго*, проф. *В. Д. Смирнова*, проф. *И. Н. Смирнова*, *В. В. Стасова*, прив.-доц. *П. А. Сырку*, проф. *Ѳ. И. Успенскаго*, проф. *Т. Д. Флоринскаго*, проф. *Д. А. Хвольсона* и мн. др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ.

Лица, желающія доставлять сообщенія въ редакцію, благоволятъ обращаться къ редактору (Владиміру Ивановичу Ламанскому) въ С.-Петербургъ (Коломенская, 33 или въ Императорское Русское Географическое Общество).

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи Д. Чл. **В. Ламанскій.**

Отъ редактора.

Посвящается памяти дорогаго товарища И. П. Минаева.

I. Таковы зачатки, средства, цѣль и программа нашего журнала. Съ помощью своихъ сотрудниковъ „Живая Старина“ надѣется найдти сочувствіе и поддержку въ русскомъ обществѣ. Есть несомнѣнная нужда въ подобныхъ періодическихъ изданіяхъ. Съ успѣхами русской гражданственности, съ появленіемъ новыхъ общественныхъ группъ народились новыя потребности и интересы, усложнились и возвысились задачи русской литературы и науки. Прежнее исключительное господство и понынѣ замѣчаемое на русскомъ книжномъ рынкѣ преобладаніе болѣе или менѣе толстыхъ ежемѣсячныхъ литературно-научныхъ журналовъ начинаетъ кажется отживать свой вѣкъ. Эта форма литературнаго издѣлія долго была особенно излюбленною у книжныхъ предпринимателей, литературныхъ рабочихъ и читателей-потребителей. По видимому и тутъ, какъ во всякой промышленности, на какой товаръ наиболѣе спроса, тотъ больше и предлагается. Но книга, журналъ, не какъ любой товаръ или произведеніе фабричной и заводской промышленности, только предметъ спроса и предложенія. Какъ театръ, концерты, художественныя выставки, какъ амвонъ, трибуна и каѳедра, книги приносятъ художественное наслажденіе, увлекаютъ къ подвигамъ, даютъ уроки и поученія, распространяютъ идеи и знанія. Книжнымъ предпринимателямъ и работникамъ потребители ничего собственно не заказываютъ, а только отъ нихъ принимаютъ, что дадутъ, какъ слушатели отъ проповѣдника, какъ зрители отъ содержателя театра и актеровъ, какъ ученики отъ школы. Читающая публика воспитывается и образуется книгою, журналомъ. Если въ литературномъ дѣлѣ возобладаетъ извѣстная рутина, то потребители сами безсильны исправить замѣчаемые недостатки и ввести желанныя преобразованья. Для того нужно явиться новымъ предпринимателямъ или новому направленію и рѣшимости въ старыхъ.

Наши литературные журналы имѣютъ свою почтенную исторію. Въ лѣтописяхъ русской образованности они занимаютъ весьма важное мѣсто, начиная если не съ „Телескопа“, „Телеграфа“, „Наблюдателя“, то хотя бы

съ „Отечественныхъ Записокъ“ Краевскаго, „Библіотеки для Чтенія“ Сенковскаго, „Современника“ Пушкина и Плетнева, „Москвитянина“, Погодина и кончая семью современными, пятью петербургскими и двумя московскими, ежемѣсячными журналами. Ихъ заслуги, ихъ значенье въ русской литературѣ окажутся намъ сразу, если припомнить, что въ нихъ впервые явились многія произведенія Лермонтова, всѣ почти замѣчательнѣйшія стихотворенія Языкова, Баратынскаго, Тютчева, почти всѣ большія и малыя пьесы Кольцова, Некрасова, А. Толстаго, Огарева, Ознобишина, Фета, Майкова, Полонскаго, кн. Кутузова, точно также какъ и всѣ почти произведенія Льва Толстаго, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, С. Аксакова, Островскаго, Салтыкова, Писемскаго, Мельникова, Григоровича, Крестовскаго, словомъ всѣхъ нашихъ лучшихъ новѣйшихъ писателей, полныя собранія сочиненій которыхъ составляютъ принадлежность каждой порядочной русской частной библіотеки, наравнѣ съ произведеніями старыхъ нашихъ писателей отъ Ломоносова до Пушкина и Гоголя включительно. Въ этихъ же ежемѣсячныхъ журналахъ почти исключительно являлись всѣ почти важнѣйшія произведенія русской критики и многія статьи разныхъ видныхъ представителей русской науки, по философіи, естествознанію, наукамъ историко-нравственнымъ, въ особенности по русской исторіи, по исторіи русской литературы. Справедливость однако требуетъ замѣтить, что далеко не всѣ журналы за послѣднее пятидесятилѣтіе одинаково отличались крупными достоинствами. Многіе изъ нихъ бывали вообще даже очень слабы, и даже ни одинъ изъ нихъ никогда почти не бывалъ вполнѣ свободенъ отъ болѣе или менѣе крупныхъ недостатковъ и вовсе не по однимъ такъ называемымъ независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ. Всячески надо признать, что главная сила и особенно цѣнная въ глазахъ читателя сторона лучшихъ нашихъ старыхъ и новыхъ журналовъ всегда почти заключалась въ отдѣлахъ русской изящной словесности и литературной критики и библіографіи. Эти отдѣлы всегда были и понынѣ остаются наиболѣе читаемыми частями нашихъ журналовъ. Правда отдѣлъ критики какъ прежде, такъ и теперь, меньше отдѣла изящной словесности русской и иностранной, привлекалъ и привлекаетъ большинство обычныхъ читателей. Этотъ отдѣлъ изящной словесности иногда съ какою нибудь юмористическою или увеселительною смѣсью, хроникою, составлялъ и понынѣ зачастую составляетъ едва ли не добрую треть, если не половину ежемѣсячной книжки любаго изъ нашихъ журналовъ. Большая часть русскихъ повѣстей и романовъ слабыхъ или начинающихъ, и потому дешевыхъ, сочинителей и переводы иностранныхъ романовъ, этотъ

своего рода балластъ и эта непритязательная, приманиваемая имъ, публика издавна доставляютъ издателямъ главнѣйшія прибыли, какъ товарный грузъ и пассажиры 3-го и 4-го класса обществамъ желѣзныхъ дорогъ.

Что же касается такъ называемыхъ серьезныхъ или научныхъ статей, особенно если онѣ принадлежатъ болѣе или менѣе именитымъ ученымъ, то обыкновенно онѣ обходятся дорого издателямъ, хотя цѣною и не равняются съ дорогими повѣстями и романами знаменитыхъ авторовъ, но за то онѣ мало и окупаются. Стоя большихъ денегъ, статьи извѣстныхъ ученыхъ не подлежатъ урѣзкамъ и исправленіямъ со стороны редакціи. Въ качествѣ невѣсомыхъ величинъ, онѣ придаютъ лишь отвлеченной важности журналу, не прибавляя ему новыхъ подписчиковъ и даже внушая нѣкій страхъ огромному большинству читателей. Въ большей части случаевъ онѣ остаются даже неразрѣзанными или во всякомъ случаѣ непрочитанными: въ иныхъ мѣстностяхъ онѣ такъ и называются „нечитательными“.

Изданіе журнала не одно литературное, но и экономическое предпріятіе. Издатель тотъ же капиталистъ-предприниматель. Рискуя своимъ капиталомъ, жертвуя своимъ временемъ и заботами, онъ естественно ищетъ вознагражденія, прибылей. Сотрудники журнала—тѣ же рабочіе. Чѣмъ извѣстнѣе писатели-художники и ученые, тѣмъ естественно выше ихъ задѣльная плата. Разореніе предпринимателя неизбѣжно, если онъ будетъ помѣщать на страницахъ журнала только и даже преимущественно статьи знаменитостей. Потому издавна стало главною заботою издателей отпустить товаръ получше и себѣ дороже въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ и поплоше и подешевле въ остальные мѣсяцы. Особенно крупные таланты и большія знаменитости вообще рѣдко принадлежатъ всецѣло извѣстнымъ партіямъ, на которыя обыкновенно распадаются наши журналы, часто безо всякихъ особенныхъ внутреннихъ основаній. Они легко мѣняютъ журналы, особенно если не они сами основали то или другое изданіе. Чаще всего они смотрятъ на книжки журналовъ, какъ на общественныя кареты или вагоны: взялъ билетъ и сижу съ кѣмъ Богъ послалъ. Какъ не ограниченъ кругъ нашихъ ученыхъ, все же многіе изъ нихъ вообще довольно далеки отъ нашихъ журналовъ, рѣдко даже ихъ читаютъ, чаще лишь ихъ пробѣгаютъ или просматриваютъ, еще рѣже помышляютъ о помѣщеніи въ нихъ статей.

Изготовленіе такъ называемыхъ серьезныхъ статей для отдѣла наукъ издавна въ большей части нашихъ журналовъ выпадаетъ обыкновенно на долю или молодымъ начинающимъ ученымъ или старымъ опытнымъ сотруд-

никамъ, иногда дѣйствительно даровитымъ, свѣдущимъ и просвѣщеннымъ, а иногда лишь бойкимъ, набившимъ руку и изучившимъ вкусы публики, литераторамъ съ извѣстнымъ въ русскомъ смыслѣ энциклопедическимъ образованіемъ. Срочность работы, которою завалены постоянные сотрудники журналовъ, полистная плата, извѣстное требованіе редакторовъ и издателей—избѣгать излишней сухости и учености, давно создали и утвердили въ нашей журналистикѣ извѣстный пошибъ статей отмѣнно длинныхъ, многословныхъ и малосодержательныхъ. При давнемъ преобладаніи на нашемъ книжномъ рынкѣ формы ежемѣсячныхъ сборниковъ въ 30—40 листовъ каждый, самаго разнообразнаго и по возможности общезанимательнаго содержанія, эти недостатки надолго укоренились въ нашей литературѣ, такъ что краткость и ясность, сжатость и дѣльность, столь обычныя качества въ литературахъ англійской, французской и новѣйшей нѣмецкой, у насъ составляютъ вообще большую рѣдкость.

II. Если припомнимъ, что всѣ почти лучшія произведенія нашей изящной словесности, въ теченіе 50 лѣтъ украшавшія наши ежемѣсячные журналы, вошли въ полныя собранія сочиненій ихъ авторовъ, что многія и многія, лучшія и въ свое время прославленныя критическія и научныя статьи вышли также въ послѣдствіи отдѣльными книгами, то понятно станетъ, отчего самые лучшіе наши журналы, а тѣмъ болѣе всѣ вмѣстѣ взятые, составляя теперь громадную серію нѣсколькихъ сотенъ толстыхъ томовъ, для всѣхъ частныхъ и многихъ общественныхъ библіотекъ (напр. ученыхъ обществъ, стѣсненныхъ въ своихъ помѣщеніяхъ) являются положительною тягостью и, по минованіи въ нихъ надобности, черезъ годъ, другой, обыкновенно сбываются за ничто, какъ старыя афиши и газеты. Любители старой литературы и разные ученые перебираютъ на рынкахъ старые журналы для вырѣзки изъ нихъ нѣкоторыхъ нужныхъ имъ статей Исключеніе составляютъ журналы за нѣкоторые годы, когда они подвергались позднѣйшимъ запретамъ и изъятіямъ. Такія книжки старыхъ журналовъ неожиданно пріобрѣтаютъ на рынкѣ высокую цѣну, усердно розыскиваются и охотно покупаются любителями рѣдкостей и запретнаго чтенія.

Какъ въ теченіе послѣдняго полувѣка бывали годы, когда литературно-научныхъ журналовъ выходило не болѣе трехъ, четырехъ, то предположимъ что среднимъ числомъ въ первое двадцатипятилѣтіе ежегодное изданіе журналовъ брало съ издателей и подписчиковъ (одни долговѣчные журналы приносили значительные доходы, другіе только окупались, третьи недолговѣчные издавались въ убытокъ) не менѣе 100—150 тысячь руб., а во второе двадцатипятилѣтіе, когда число журналовъ значительно воз-

расло и подписка на нихъ увеличилась, не менѣе 200—250 тыс. руб. Слѣдуетъ припомнить, что на нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ („Русское Слово" гр. Кушелева, „Свѣточь" и пр.) бывали зря бросаемы бѣшеныя деньги. Если же иные предприниматели за это время начинали свои изданія безъ достаточнаго капитала и скоро прогорали, не получивъ достаточнаго числа подписчиковъ, то все же расходы на эти непроизводительныя предпріятія ложились въ извѣстной степени на страну и выражались въ неоплаченныхъ долгахъ издателей бумажнымъ фабрикамъ, типографіямъ и всякаго рода сотрудникамъ и служащимъ. Но не немногіе журналы доставляли и доставили издателямъ немалые доходы, и потому можно считать, что Россія за эти полвѣка истратила на ежемѣсячные литературно-научные журналы никакъ не менѣе 6—8 милліоновъ рублей.

Какъ бы мы не возвышали и не преувеличивали заслуги и значеніе нашихъ журналовъ, все же нельзя отрицать, что, затраченный на нихъ въ послѣднія 50 лѣтъ, капиталъ слишкомъ не соразмѣренъ съ принесенною ими пользою Русской литературѣ и образованности. Пусть хоть не половина этой суммы, какъ мы думаемъ, то конечно добрая ея треть, разумно употребленная на другія, болѣе нужныя и доброкачественныя, изданія и книги, принесла бы предпринимателямъ не только уже болѣе чести и славы, но и матеріальной прибыли, а потребителямъ не доставила бы разумѣется такого несмѣтнаго количества листовъ по большей части совсѣмъ теперь почти никому не нужной печатной бумаги, за то подарила бы русской литературѣ нѣсколько десятковъ хорошихъ, полезныхъ книгъ, въ коихъ бы долго нуждались отцы, матери и дѣти каждой небогатой, но любознательной, русской семьи. Отдѣливъ если не три или четыре, то хотя бы два милліона слишкомъ и расходуя ихъ ежегодно въ теченіе 50 лѣтъ на изданіе, напр., энциклопедическаго словаря, цѣлой серіи хорошихъ основныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, дѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій, посвященныхъ описанію различныхъ краевъ Россіи и проч., наши издатели литературно-научныхъ журналовъ получили бы больше выгодъ и оставили бы по себѣ добрую, заслуженную память въ исторіи русскаго просвѣщенія. Сравнивая въ этомъ отношеніи вторую половину нашего со второю половиною прошлаго столѣтія, приходится признать, что въ издательской дѣятельности Новикова и нѣкоторыхъ его современниковъ было больше разумѣнія нуждъ русскаго общества и болѣе просвѣщеннаго отношенія къ своему дѣлу. Откровенно говоря, нами всегда овладѣваетъ грустное чувство, когда читаемъ объявленіе о какомъ нибудь новомъ ежемѣсячномъ литературно-научномъ журналѣ съ подписною платою отъ 10 до

12 руб. и болѣе, или о переходѣ стараго прогорѣвшаго журнала съ его долгами къ новому издателю. Мы вѣримъ благороднымъ намѣреніямъ издателей, редакторовъ и ютящихся около нихъ сотрудниковъ, но жалѣемъ непроизводительной траты денегъ и умственныхъ все же силъ, видя въ такихъ предпріятіяхъ лишь рутинное отношеніе къ дѣлу и непониманье современныхъ нуждъ русской литературы и образованности. Онѣ же прежде всего требуютъ освобожденія значительной части капитала, поглощаемаго теперь изданіемъ ежемѣсячныхъ литературно-научныхъ журналовъ, на другія болѣе нужныя и желательныя изданія. Всѣ наличные журналы только выиграютъ во внутренней цѣнности, съ значительнымъ уменьшеніемъ ихъ объема и подписной на нихъ платы. Отъ этого утончепія и удешевленія нашихъ литературно-научныхъ журналовъ должна также много выиграть русская образованность и литература. Лучшая часть сотрудниковъ получитъ возможность работать болѣе производительно, съ большею для себя и для читателей пользою, за ту же, если не большую въ послѣдствіи, плату, а читатели сберегутъ деньги и вниманіе на покупку и потребленье болѣе добротнаго и нужнаго книжнаго товара. У предпринимателей освободится часть оборотнаго капитала, которую они могутъ употребить на иныя изданія съ неменьшею для себя и съ гораздо большею пользою для литературы.

Разсматривая любую книжку нашихъ журналовъ, не только лѣтнихъ но и зимнихъ мѣсяцевъ, вы найдете въ ней не мало лишняго. Такъ вмѣсто двухъ, трехъ повѣстей русскихъ можно бы было ограничиться одною въ листа два, три, а переводы иностранныхъ романовъ и вовсе исключить. Затѣмъ, кажется безъ ущерба дѣлу, можно бы было значительно сократить статьи постоянныхъ сотрудниковъ, имѣющія своею задачею развивать читателей и воспитывать ихъ въ соотвѣтственномъ направленіи, консервативномъ, либеральномъ, смотря по журналу. Постояннымъ читателямъ общія воззрѣнія и идеи этихъ авторовъ обыкновенно давно уже знакомы, такъ что, при повтореніи нужныхъ истинъ, они бы могли быть гораздо менѣе пространны въ ихъ изложеніи. Отъ сжатости всѣ эти истины только бы лучше запечатлѣвались въ памяти ревностныхъ читателей, что кажется и требуется. Само собою разумѣется, изъ-за того, что статьи могутъ выиграть въ достоинствѣ, гонораръ за нихъ не долженъ бы быть уменьшаемъ. Въ этомъ отношеніи особенно выступаетъ несправедливость полистной платы. Во всякомъ случаѣ каждая книжка любаго болѣе или менѣе толстаго журнала уменьшилась бы такимъ образомъ на половину; понизилась бы соотвѣтственно и подписная цѣна на каждый журналъ.

Такимъ образомъ наши литературно-научные журналы своимъ объемомъ и составомъ, а затѣмъ и характеромъ и интересомъ изложенія, стали бы болѣе походить на этого рода европейскіе журналы. Во Франціи, въ Англіи, въ Германіи книжки журналовъ вообще гораздо тоньше, а между тѣмъ тамъ образованныхъ писателей и умѣющихъ писать популярно ученыхъ гораздо больше, чѣмъ у насъ. При бѣдности нашихъ силъ, у насъ положительно невозможно ежемѣсячно выпускать семь хорошихъ довольно толстыхъ книгъ. Во всѣхъ нашихъ журналахъ попадаются иногда сами по себѣ очень цѣнныя статьи хорошихъ ученыхъ, но по своему содержанію и изложенію часто неумѣстныя для литературно-научнаго журнала, хотя и самъ авторъ и редакція съ его согласія уже многое въ ней сократили, выпустили, иное прибавили, не безъ ущерба для избраннаго вопроса и его рѣшенія, принаравливаясь единственно къ характеру энциклопедическаго журнала и къ требованіямъ обычныхъ его читателей. Будь у насъ больше журналовъ не столь общаго и энциклопедическаго характера, многія прекрасныя статьи, пропадая теперь въ ежемѣсячныхъ литературныхъ журналахъ, нашли бы себѣ подходящее мѣсто и явились бы, въ лучшемъ, исправленномъ видѣ, въ журналахъ спеціальныхъ, вполнѣ впрочемъ доступныхъ для образованныхъ читателей. Смѣемъ думать, что книжное дѣло въ Германіи, Франціи и Англіи поставлено гораздо правильнѣе, чѣмъ у насъ, главнѣйше же потому, что тамъ издается и читается много книгъ и періодическихъ изданій, посвященныхъ извѣстнымъ отраслямъ знанія, гораздо больше, чѣмъ журналовъ энциклопедическихъ, да и такихъ большихъ, какъ наши, и вовсе почти не имѣется. У насъ же эти ежемѣсячные сборники, обыкновенно на скоро составленные, поглащаютъ слишкомъ много денегъ, труда и времени у капиталистовъ-предпринимателей и у публики и труда и времени у многихъ иначе полезныхъ литературныхъ работниковъ и положительно мѣшаютъ печатанію и распространенію многихъ необходимыхъ книгъ и періодическихъ изданій не энциклопедическаго характера.

Все это заставляетъ желать и ожидать новой *эволюціи* отъ нашихъ ежемѣсячныхъ литературно-научныхъ журналовъ. Было же время, когда въ нихъ бывалъ отдѣлъ модъ съ картинками, отдѣлъ сельскохозяйственный и театральной хроники. Отъ всего этого они уже отступились. Стала также понижаться и ихъ подписная цѣна; журналы стали выходить потоньше. Будемъ надѣяться, что наши предприниматели на нынѣшнемъ объемѣ и подписной цѣнѣ ихъ не остановятся и изыщутъ лучшіе способы удовлетворенія спроса большой публики на русскія повѣсти и романы (хотя бы очень

2

слабые) и на переводы романовъ иностранныхъ. Изъ нынѣшнихъ же издателей журналовъ могли бы найтиться охотники, что на освобожденную часть капитала стали бы издавать особыя библіотеки или серіи русскихъ и иностранныхъ повѣстей и романовъ, продавая ихъ по подпискѣ или отдѣльно. Теперь зачастую одинъ и тотъ же иностранный романъ единовременно, завѣдомо переводится двумя, тремя лицами и печатается въ двухъ-трехъ журналахъ, нерѣдко на спѣхъ, съ пропусками и искаженіями. Поручивъ это дѣло особымъ редакторамъ, ничѣмъ другимъ не развлеченнымъ, извѣстныя фирмы, по извѣстномъ предварительномъ между собою соглашеніи, могли бы устроить это дѣло гораздо лучше нынѣшняго.

III. Ожиданіе такой именно *эволюціи* отъ нашихъ ежемѣсячныхъ литературно-научныхъ журналовъ оправдывается еще двумя обстоятельствами. Въ послѣдніе полвѣка всегда были журналы, издаваемые себѣ въ убытокъ. Нерѣдко будущій редакторъ съ кружкомъ пріятелей литераторовъ находитъ себѣ какого нибудь великодушнаго богатаго друга: искренне желая послужить родному просвѣщенью и литературѣ, но не зная ихъ насущныхъ нуждъ, онъ жертвуетъ въ теченіе года, двухъ, трехъ, пока хватитъ силъ и охоты, на изданіе ежемѣсячнаго журнала, въ необходимости котораго успѣли его убѣдить пріятели. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, мы видимъ, постоянно прогараетъ нѣсколько такихъ журналовъ, иные же, мѣняя издателей, держатся довольно долго безъ нужнаго числа подписчиковъ. Въ этомъ журнальномъ производствѣ постоянно было меньше спроса, чѣмъ предложенія. Этотъ отдѣлъ нашей книжной промышленности уже давно страдаетъ перепроизводствомъ. Въ то же время замѣчается, что каждый новый журналъ всегда находитъ себѣ подписчиковъ. Не новые являются, а подписчики старые или входятъ въ новый расходъ и значитъ еще болѣе сокращаютъ свои расходы на пріобрѣтеніе другихъ изданій или книгъ или бросаютъ прежній журналъ, очевидно имъ не вполнѣ довольные, въ ожиданіи не будетъ ли новый получше. Въ русскомъ обществѣ уже какъ будто начинаетъ сказываться недовольство такимъ преобладаніемъ журналовъ энциклопедическаго характера и все сильнѣе слышится запросъ на нетолстые, недорогіе, ежемѣсячные, полугодовые и третные журналы не энциклопедическаго характера, а посвященные частнымъ родамъ искусства или отдѣльнымъ отраслямъ чистаго и прикладнаго знанія. Таковы Вѣстникъ изящныхъ искусствъ, Артистъ, Пантеонъ литературы, журналы по психологіи, филоссофіи, юридическіе, по русской филологіи, по русской исторіи, по этнографіи, археологіи, по физикѣ, химіи, геологіи и пр. и пр. Не станемъ утверждать, что всѣ эти

журналы одинаково успѣшно выполняютъ свою задачу, не отвергаемъ и пользы и необходимости литературно-научныхъ журналовъ, въ уменьшенномъ противъ нынѣшняго объемѣ и съ пониженною подписною платою. Мы только настаиваемъ на крайней необходимости для русскаго просвѣщенія возможно большаго размноженія изданій, служащихъ не столько для развлеченія и разсѣянія или развитія и укрѣпленія извѣстныхъ направленій (въ этомъ отношеніи едва ли не пригоднѣе ежедневныя или еженедѣльныя газеты), сколько для цѣлей самообученія и самообразованія.

У насъ въ литературѣ къ сожалѣнью давно принято обращать вниманье, при оцѣнкѣ общественныхъ явленій и дѣятелей, не столько на ихъ характеръ, способности и знанія, сколько не такъ называемое ихъ направленіе. При этомъ обыкновенно забывается, что господствующія въ нашемъ журнальномъ мірѣ направленія и партіи выражаютъ по преимуществу интересы и настроенія журнальныхъ кружковъ и литераторовъ, болѣе или менѣе къ нимъ примыкающихъ. Въ столицахъ же и въ различныхъ краяхъ Россіи имѣются цѣлыя многочисленныя группы людей просвѣщенныхъ, иногда отличныхъ ученыхъ и вообще образованныхъ людей, что̀ больше читаютъ иностранные, нежели русскіе журналы, обыкновенно пробѣгая послѣдніе или останавливаясь лишь на нѣкоторыхъ статьяхъ въ какомъ бы журналѣ онѣ ни были, себя не причисляютъ ни къ одному изъ господствующихъ въ журналистикѣ партій, ни одинъ изъ нашихъ журналовъ не считаютъ въ особенности своимъ, имѣютъ свой образъ мыслей и свое направленіе и къ каждой изъ нашихъ литературныхъ партій и ея органамъ относятся вполнѣ критически и свободно. Во всей же Россіи находится множество такихъ почтенныхъ, скромныхъ дѣятелей изо всѣхъ слоевъ общества, что̀ любятъ науку и просвѣщенье, читаютъ книги и нѣкоторыя спеціальныя періодическія изданія, а съ литературно-научными журналами или вовсе почти не знакомы или очень мало. Эти дѣятели и труженики сами вырабатываютъ себѣ свой образъ мыслей, свое направленіе. Оно опять таки имѣетъ мало общаго съ направленіями нашихъ литературныхъ журналовъ и ихъ партій. Въ образѣ мыслей и въ направленіи этихъ почтенныхъ дѣятелей бываетъ много разнообразія, смотря по мѣстнымъ условіямъ ихъ родины или того края, гдѣ они живутъ, по ихъ средствамъ, образу жизни и занятіямъ. Наконецъ въ мірѣ постоянныхъ читателей нашихъ журналовъ, едва ли не большинство читающей ихъ публики опять таки относится ко всѣмъ журнальнымъ партіямъ безразлично и читаетъ въ нихъ почти исключительно оригинальныя и переводныя повѣсти и романы.

При этой же довольно общепринятой у насъ критикѣ, мало придается

значенья воспитательному характеру науки и могучему ея вліянію на жизнь личную, общественную и государственную. Какъ прежнія русскія барышни, по выходѣ замужъ, навсегда бросали музыку, чтеніе стиховъ и романовъ, такъ и понынѣ многіе и многіе изъ кончающей у насъ среднія и высшія училища молодежи, по вступленіи на службу частную, земскую или государственную, навсегда бросаютъ ученье и науку. Каждый изъ пожилыхъ университетскихъ профессоровъ не разъ на своемъ вѣку слыхалъ отъ студентовъ на дружескій упрекъ человѣку, зачѣмъ-де онъ того или другого не знаетъ: я вѣдь буду служить или я буду учителемъ, я наукою никогда не расчитывалъ заниматься, я вѣдь не буду ученымъ. Такъ у насъ зачастую даже люди съ высшимъ образованіемъ думаютъ, что наука нужна лишь ученымъ. У насъ теперь еще въ каждомъ вѣдомствѣ найдутся канцеляріи и департаменты, гдѣ на служащихъ, занимающихся, сверхъ службы, не картами напр., а наукою, и начальники и товарищи глядятъ съ нѣкоторымъ нерасположеніемъ и въ лучшемъ еще случаѣ съ сожалѣньемъ и улыбкой, какъ на людей со странностями. Въ такихъ богатыхъ древностью и стариною городахъ, какъ Псковъ и Новгородъ, гдѣ издавна не мало, а въ послѣднее время и подавно, живетъ учителей и другихъ служащихъ съ высшимъ образованіемъ, много ли въ эти двадцать лѣтъ было преемниковъ митрополиту Евгенію, арх. Макарію, Красову, Купріянову, Отто?... Я слыхалъ отъ одного пріятеля, имѣвшаго случай, по дѣламъ службы, ознакомиться со всѣми чинами судебнаго вѣдомства на Кавказѣ, что большинство русскихъ молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ, живя въ глухихъ, отдаленныхъ мѣстахъ, обыкновенно изнывало отъ скуки, отъ неумѣнья чѣмъ нибудь заняться въ свободное отъ службы время, падало и опускалось умственно и нравственно,—это было давно и конечно надо думать, теперь все это измѣнилось къ лучшему,—и въ тоже время молодые чиновники изъ Нѣмцевъ, бодрые и дѣятельные, по способностямъ не выше своихъ русскихъ товарищей, умѣли найти себѣ интересы въ занятіяхъ кто кавказской флорой, кто древностями, кто этнографіей и любопытными нарѣчіями горцевъ. Такое скучанье русскихъ образованныхъ людей отъ неумѣнья найти себѣ дѣло и трудъ, въ самыхъ занимательныхъ для любознательнаго, несонливаго ума краяхъ, къ несчастью дѣло довольно у насъ заурядное.

Виною этому отчасти наша школа, а еще болѣе наша литература. Упомянутые Нѣмцы на Кавказѣ были по преимуществу воспитанники русскихъ же заведеній, а не Дерптскіе; но родственная имъ по языку нѣмецкая литература воспитывала и развивала въ нихъ уваженіе къ наукѣ, духъ пытливости и любовь къ ученымъ изслѣдованіямъ.

Мы не споримъ, что въ нашей молодежи послѣднихъ поколѣній было много горячей преданности идеаламъ и готовности служить общественному благу. Но, при фанатической часто страсти къ обличенію и искорененію окружающаго насъ и далекаго отъ насъ зла, въ ней мало было скромности, самоповѣрки и самоосужденія, мало критики въ отрицаніи всего стараго и, по ея мнѣнію, отжившаго, и слишкомъ много вѣры во все, казавшееся ей новымъ, благимъ и истиннымъ. Всѣ крупные грѣхи извѣстной части послѣднихъ поколѣній имѣли вообще своимъ источникомъ два великіе недостатка русскаго общества, нашего домашняго воспитанія, нашей школы и литературы.

Эти недостатки заключаются съ одной стороны въ отсутствіи или слабости у насъ преданій, традицій, въ неуваженіи къ живому народному обычаю, къ свободѣ и разнообразію жизни, къ живой старинѣ, въ легкомысленномъ непониманіи, что жизнь общественная и народная бываетъ здорова и правильна только при непрерывности внутренняго развитія, безъ внѣшнихъ ломокъ и насильственнаго нарушенія народнаго обычая, въ маломъ наконецъ знаніи Россіи, ея прошлаго и настоящаго. Съ другой стороны и общественная жизнь и школа и литература слабо въ насъ развивали искреннюю любовь и уваженіе къ знанію и наукѣ. Второй недостатокъ естественное послѣдствіе перваго, ибо человѣческое знаніе начинается съ самоизученія, самопознанія.

Зародыши знанія, зачатки интереса къ различныхъ его отраслямъ, какъ прекрасно раскрылъ великій нашъ соплеменникъ Амосъ Коменскій, западаютъ и развиваются въ душѣ человѣка еще съ самого ранняго младенческаго возраста. [1]) Всякой здоровый, умный и неиспорченный человѣкъ, какого бы состоянія онъ не былъ, имѣетъ расположеніе и наклонность какъ къ извѣстному физическому труду, и въ часы досуга къ извѣстной физической забавѣ и потѣхѣ, такъ и къ извѣстному искусству или отдѣлу знанія. Любой умной, терезвый, добропорядочный крестьянинъ-пахарь, рыбакъ, плотникъ, пчеловодъ, ремесленникъ-кустарь, фабричный или заводскій мастеровой, много жившій и поработавшій на своемъ вѣку. обладаетъ большимъ запасомъ унаслѣдованныхъ отъ отцовъ и дѣдовъ и самолично нажитыхъ наблюденій, свѣдѣній и пріемовъ, всегда любопытныхъ для науки чистой или прикладной. При грамотности, извѣстномъ обезпеченіи и досугѣ, эти люди нерѣдко выдаются своею любознательностью и наклонностью къ той или другой отрасли знанія. Въ странахъ

[1]) Informatorium školy mateřské.

со старою образованностью такія кряжовитыя, ядреныя, умныя и благочестивыя крестьянскія и ремесленическія семьи зачастую высиживали и выводили великолѣпныя головы геніальныхъ ученыхъ, техниковъ, художниковъ. Примѣры Ломоносова и Кулибина даютъ право надѣяться, что съ распространеніемъ образованія такія явленія будутъ и у насъ все чаще повторяться. Нельзя одобрить мнѣнія, будто надо исключать всякаго рода научныя книги изъ народныхъ библіотекъ. Можно сказать, что наша литература еще очень бѣдна по этой части, что у насъ не выработаны ни пріемы, ни языкъ для такого рода самоучителей или дешевыхъ, краткихъ, но толково, ясно изложенныхъ, съ богатствомъ фактовъ, пособій по различнымъ отраслямъ чистаго и прикладнаго знанія. Въ этомъ отношеніи мы могли бы многому поучиться у братьевъ нашихъ западныхъ Славянъ, особенно у Чеховъ, Словаковъ, Словѣнцевъ... Ихъ вышедшая изъ народа интеллигенція дала народу много прекрасныхъ народныхъ календарей, всякаго рода книжекъ и разныхъ періодическихъ изданій. Тамъ многіе сельскіе священники, католики, протестанты и православные (у Сербовъ австро-венгерскихъ), народные учителя и люди другихъ профессій уже достойно себя прославили на этомъ поприщѣ. Нѣтъ у насъ толковыхъ, дешевыхъ журналовъ для народа, столь любимыхъ и съ такою пользою издаваемыхъ у западныхъ Славянъ и отчасти у нашихъ Латышей и Эстовъ. Вообще эта дешевая народная литература, религіозно-нравственная, изящная, чисто-научнаго и прикладнаго характера, отдѣльныя книжки, сборники (календари), журнальчики, и главныя хранительницы и распространительницы этой словесности, народно-городскія и сельскія читальни, вмѣстѣ съ выставками и всѣмъ открытыми музеями въ маленькихъ, по нашему, уѣздныхъ городахъ составляютъ необходимое дополненіе къ народной школѣ. Народныя театральныя представленія, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго содержанія (въ родѣ средневѣковыхъ мистерій) могли бы также кажется доставлять народу много высокаго и поучительнаго интереса. Въ Тиролѣ напр. (Ober-und Unter-Ammergau) ежегодно даваемыя представленія религіознаго содержанія, съ участіемъ крестьянъ, приносятъ въ иные годы свыше 300.000 марокъ валоваго и свыше 150.000 м. чистаго доходу, который обыкновенно идетъ частью на вознагражденіе участникамъ, частью на благотворительныя цѣли. Само собою разумѣется, ни изъ народнаго театра, ни изъ народной литературы, ни устной проповѣди и словеснаго обученія не слѣдуетъ безусловно выключать нашъ литературный языкъ; но необходимо давать жить и развиваться и мѣстнымъ языкамъ. При такой свободѣ и терпимости нашъ общелитературный языкъ будетъ изучаться инородцами и иноплеменниками въ Имперіи и внѣ ея, во всѣхъ наконецъ западныхъ славянскихъ земляхъ, тѣмъ

съ большею готовностью и охотою. Отъ развитія маленькихъ народныхъ, инородческихъ и иноплеменныхъ, словесностей государственный языкъ обширной Имперіи, языкъ преподаванія въ средней и высшей ея школѣ, языкъ богатой литературы, единственно общепонятный и уже потому, не только внѣшне, но и внутренне, обязательный для всѣхъ инородческихъ племенъ Европейской и Азіатской Россіи и для всѣхъ разновидностей нерусскаго Славянства, никогда ничего не потеряетъ въ своемъ значеніи и не потерпитъ ни малѣйшей утраты отъ того, что мы въ уваженіе къ допущенному Провидѣніемъ различію племенъ и нарѣчій признаемъ ихъ божескія, естественныя права. Напротивъ русская литература, искусство, наука, особенно же языкознаніе и народовѣдѣніе тогда только бы выиграли въ многосторонности и разнообразіи. Русская образованность могла бы тогда обогатиться множествомъ разнообразнѣйшихъ иноплеменныхъ тоновъ, мелодій, оттѣнковъ, чувствъ и мыслей, которыя иначе пожалуй замрутъ и погибнутъ безслѣдно. Надо помнить, что природно-русскій проповѣдникъ, учитель, художникъ, ученый никогда не съумѣетъ и не сможетъ такъ тѣсно сблизиться съ инородцами, такъ полюбить и разпознать ихъ душу, какъ это возможно и легко всякому образованному и развитому инородцу, не вынесшему изъ русской школы ни презрѣнія къ своимъ родичамъ, ни ненависти къ русскому языку и Русскимъ, какъ безжалостнымъ побѣдителямъ [1]). Мы, Русскіе, многое въ этомъ случаѣ опустили и дали болѣе насъ образованнымъ Нѣмцамъ, преимущественно нашимъ же согражданамъ, протянуть черезъ наши головы руку нашимъ инородцамъ. Почти вполнѣ нѣмецкая по своимъ преданіямъ, почти исключительно работая для нѣмецкой ученой литературы, первое наше ученое государственное учрежденіе, Петербургская Академія Наукъ, черезъ своихъ членовъ Нѣмцевъ давно вошла въ непосредственныя связи съ инородцами нашими, не только съ Латышами, но и Литовцами, не только съ Эстами, но и съ другими Финскими, а также и съ Турко-Татарскими и Монгольскими инородцами, и стала издавать на нѣмецкомъ языкѣ и съ нѣмецкими объясненіями грамматики и словари этихъ нарѣчій и памятники ихъ народной словесности, на основаніи матеріаловъ, записанныхъ и собранныхъ любознательными инородцами, обыкновенно хорошо знавшими по русски и ничего, за исключеніемъ Эстовъ и Латышей, не знавшими по нѣмецки. Такъ въ образованныхъ нашихъ инородцахъ уже начало слагаться воззрѣніе на Русскихъ, какъ исключительно на военныхъ, чиновниковъ, полицейскихъ, на русскій языкъ, какъ лишь на языкъ власти, а на Нѣмцевъ, какъ на ученыхъ, просвѣтителей и покро-

[1]) См. у насъ любопытную статью г. Трусмана О полувѣрцахъ, стр. 45 и сл.

вителей ихъ народности, а на языкъ нѣмецкій въ Россіи, какъ языкъ свободы, образованности и науки. Мы не упрекаемъ Нѣмцевъ, если они даже сознательно старались прививать такіе взгляды инородцамъ Россіи, и уважаемъ ихъ за научную любознательность, ученую дѣятельность и энергію; но печатаніе по нѣмецки этнографическихъ и лингвистическихъ трудовъ касательно азіатскихъ и европейскихъ инородцевъ на счетъ государственный, какъ и вообще всѣ нѣмецкія изданія нашей Академіи Наукъ, считаемъ крупною государственною ошибкою. Отказываемся вѣрить и скорому преобразованію нашей Академіи въ русскую, ибо признаемъ силу привычекъ, традицій и извѣстныхъ кровныхъ сочувствій. Мы полагаемъ, что оно всячески не совершится, пока Москва, въ сознаніи своего призванія, не объединитъ извѣстнымъ образомъ различныя, состоящія при Московскомъ Университетѣ, ученыя общества и не создастъ у себя вольной, безъ жалованья, безъ чиновъ и орденовъ, безъ казенныхъ квартиръ, но одаренной большими средствами для изданій и всякаго рода ученыхъ предпріятій, Академіи. Для этого же, кромѣ многаго другаго, необходимо прежде всего образованіе при Московскомъ университетѣ недостающаго ему факультета восточныхъ языковъ, при чемъ Богъ дастъ не забудутъ о каѳедрѣ финскихъ языковъ, какъ забываютъ о ней, и совершенно напрасно, въ Университетѣ Петербургскомъ. Новый, хорошо обставленный, Восточный факультетъ въ Москвѣ не повредилъ бы, а только бы помогалъ процвѣтанію факультета Петербургскаго, соревнованіемъ, контролемъ. Открываемый постепенно, по отдѣленіямъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Московскій факультетъ не потребовалъ бы сразу слишкомъ большихъ расходовъ отъ государства, а между тѣмъ принесъ бы огромную пользу и русской наукѣ и торговлѣ нашей съ Азіею. Щедрое на пожертвованія въ пользу роднаго просвѣщенья, Московское купечество не преминуло бы, нѣтъ сомнѣнія, съ своей стороны обставить этотъ столь важный для него факультетъ нужнѣйшими, матеріальными и учеными, пособіями.

Только созданіемъ общественными силами вольнаго, а не казеннаго, чисто національнаго высшаго ученаго учрежденія, хотя бы и не подъ названіемъ Академіи, и именно въ Москвѣ,—въ ней одно оно и возможно,—гдѣ уже дѣйствуютъ различныя ученыя общества, за исключеніемъ восточнаго, можно будетъ наконецъ хотя бы нашимъ внукамъ съ полнымъ успѣхомъ и уже навсегда преобразовать нашу Академію въ желательномъ для Россіи смыслѣ. До тѣхъ же поръ многостороннее и основательное изученіе всѣхъ нашихъ инородцевъ, постановка ихъ элементарныхъ школъ, равно какъ и дѣло всего народнаго образованія въ Россіи, а вмѣстѣ и удовле-

твореніе многихъ иныхъ насущнѣйшихъ потребностей русской науки будутъ сильно страдать отъ разныхъ ложныхъ господствующихъ воззрѣній и пріемовъ и встрѣчать въ своемъ развитіи и примѣненіи неодолимыя препятствія.

IV. Всегда и вездѣ есть тѣсное взаимодѣйствіе народной школы со школою среднею и высшею, и всѣхъ трехъ съ національною литературою и наукою. Какъ жалка тамъ элементарная школа, гдѣ обучавшіеся въ ней два, три года, забываютъ въ послѣдствіи и письмо и грамоту, такъ не завидна и средняя и высшая школа, когда окончившіе въ нихъ свое образованіе юноши и молодые люди не выносятъ изъ нея и не сохраняютъ на всю жизнь уваженія къ знанію, любви къ тому или другому его отдѣлу, охоты и привычки къ извѣстному научному или техническому труду. Изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ образованные люди должны быть учеными по профессіи. Чѣмъ образованнѣе общество, тѣмъ значительнѣе въ немъ масса развитыхъ, просвѣщенныхъ людей, кои, не причисляя себя ни къ художникамъ, ни къ ученымъ, и, посвятивъ себя службѣ государственной или трудамъ хозяйственнымъ, промышленнымъ и торговымъ, не перестаютъ однако отдавать часть досуга своего на самообученіе и самообразованіе и услаждать свою жизнь занятіями или работами по любимому искусству или наблюденіями и изысканіями въ области излюбленной науки. Иногда такіе просвѣщенные любители знанія дарятъ родной литературѣ превосходные труды, какъ напр. банкиръ Гротъ Исторію Греціи или знаменитые англійскіе же государственные люди Гладстонъ и Люисъ, первый изслѣдованія о Гомерѣ, второй о древней римской исторіи. Что же касается художниковъ слова, то они всегда тѣмъ болѣе выигрывали, чѣмъ менѣе бывали только литераторами и чѣмъ ближе познавали жизнь общественную и глубже вникали въ насущные и разнообразные интересы своего народа и отечества.

Человѣкъ, получившій извѣстное образованіе, не можетъ безнаказанно отворачиваться отъ науки, иначе онъ пошлѣетъ, опускается, падаетъ. Одно постоянное чтеніе, особенно разнообразное и энциклопедическое, какъ и постоянное слушаніе публичныхъ лекцій о самыхъ разнородныхъ вопросахъ, хотя-бы даже самыхъ блестящихъ и ученыхъ лекторовъ, подъ конецъ только раздражаетъ и утомляетъ умъ, разсѣиваетъ, разметываетъ мысль. Умъ крѣпнетъ лишь при извѣстномъ сосредоточеніи, при самостоятельной работѣ надъ строго разграниченными вопросами. За такими излюбленными неспѣшными трудами уравновѣшиваются духовныя силы человѣка, очищается его міросозерцанье, закаляется характеръ и съ твердостью убѣжденій развивается исполненная благоволенія къ людямъ терпимость.

Такимъ просвѣщеннымъ любителямъ науки, искусства, принадлежитъ важное мѣсто въ исторіи образованности каждой страны. Ихъ не надо смѣшивать съ такъ называемыми дилетантами. Дилетантизмъ давно и справедливо подвергается осмѣянію и нападкамъ. Дилетанты безплодны и даже вредны: ихъ интересы къ искусству и наукѣ руководятся тщеславіемъ и самообожаніемъ. Кичась знатностью, богатствомъ или своею якобы геніальною всесторонностью, они взаправду думаютъ, что перебрасываясь съ одного предмета на другой, ничѣмъ не занимаясь съ искреннею любовью, только балуясь искусствомъ и наукою, они приносятъ имъ даже честь, придаютъ имъ благородства, жизни и разнообразія, на что-де неспособны скованные своими правилами и пріемами цеховые художники и ученые. Не таковы искренніе, просвѣщенные любители искусства и науки, къ какимъ-бы общественнымъ слоямъ они ни принадлежали. Это лучшіе друзья и главная опора художниковъ и ученыхъ, разумнѣйшая и высшая часть публики, ея истинная аристократія въ противуположность черни, profanum vulgus, изъ какихъ-бы классовъ она не состояла.

V. Если въ мірѣ искусства художеству слова во всѣхъ странахъ всегда почти принадлежало первое мѣсто, то въ области науки отдѣльныя отрасли знанія только по временамъ завоевываютъ себѣ исключительное господство у народовъ образованныхъ. Впрочемъ, можно сказать, богословіе съ философіею, медицина и правовѣденіе издавна привлекаютъ къ себѣ въ Европѣ, отчасти по причинамъ житейскимъ, наиболѣе учениковъ, преподавателей и ученыхъ. Но въ нашъ вѣкъ, по тѣмъ-же причинамъ, физико-математическій факультетъ, политехника, агрономическія и коммерческія академіи имѣютъ всюду такое-же множество послѣдователей и приверженцевъ. Тѣ-же практическія потребности, вызываемыя гуманистическимъ строемъ гимназій и духовныхъ семинарій, опредѣляютъ приливъ молодежи въ историко-филологическіе факультеты. Различныя отрасли историко-филологическаго знанія разрабатываются также богословами и юристами по своему образованію. Нерѣдко натуралисты (геологи, зоологи, ботаники, анатомы, медики), какъ напримѣръ А. Гумбольдтъ, К. Беръ, Уалласъ, Вирховъ и мн. др., увлекшись путешествіями въ малоизвѣстныхъ странахъ или изслѣдованіями по антропологіи и доисторическимъ древностямъ человѣка, углубляются попутно и въ историко-этнологическія, историко-географическія, археологическія и этнографическія изысканія. Но сверхъ потребностей практическихъ, ко всѣмъ факультетамъ и высшимъ техническимъ школамъ влекутся умы поколѣній и внутренними наклонностями къ тѣмъ

или другимъ отраслямъ знанія. За исключеніемъ нѣкоторыхъ эпохъ, когда является рѣшительное увлеченіе, родъ моды на иныя науки, вообще можно отмѣтить извѣстную равномѣрность и правильность въ распредѣленіи занимающихся ими. Всегда и всюду умъ человѣческій наиболѣе останавливался на самоизученіи и самопознаніи и томился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ и загадокъ о происхожденіи міра и своемъ появленіи на землѣ, о своихъ отношеніяхъ къ первопричинѣ, Виновнику бытія, къ внѣшней природѣ, о своей жизни, ея сохраненіи и обезпеченіи въ потомствѣ, о лучшемъ устройствѣ своего быта. И нынѣ, когда научное знаніе достигло въ части человѣчества, у народовъ европейскихъ и вообще христіанскихъ, наивысшаго своего развитія и распалось на множество частныхъ дисциплинъ, самоизученіе и самопознаніе составляетъ повсюду главную заботу человѣчества. Необычайное развитіе естествознанія и интереса къ нему въ настоящемъ столѣтіи не мало не говорить противъ этого. Оно лишь доказываетъ, что кругозоръ человѣчества неизмѣримо расширился противъ прежняго, и его воззрѣнія на свое мѣсто и значеніе во вселенной стали иными, чѣмъ были въ древности и въ средніе вѣка. Механика, физика, химія и прочія опытныя науки дали новѣйшему человѣчеству громадный запасъ силъ для борьбы съ природой и ея подчиненія себѣ, для сохраненія и продленія человѣческой жизни, для усовершенствованія всѣхъ ея условій. И въ этомъ увлеченіи умовъ естествознаніемъ странно было-бы видѣть какое-либо уклоненіе человѣчества отъ самоизученія и самопознанія. Наконецъ науки историко-нравственныя, психологія, этнографія и этнологія, археологія доисторическая и историческая, всеобщая исторія, не получили-ли ужъ множество указаній и поученій отъ анатоміи и физіологіи, геологіи, палеонтологіи, ботаники, зоологіи, астрономіи, математической и физической географіи? Сильное движеніе, произведенное въ послѣднія тридцать лѣтъ въ научномъ мірѣ и въ обществахъ всѣхъ образованныхъ странъ ученіемъ Дарвина, объясняется главнѣйше тѣмъ, что оно есть ученіе о происхожденіи всѣхъ организмовъ, до человѣка включительно, что оно столько-же принадлежитъ естествознанію, сколько и исторіи религіозно-философскихъ попытокъ объяснить вѣчно волнующіе и вѣчно загадочные вопросы человѣчества.

При всемъ глубокомъ интересѣ и увлеченіи современнаго общества къ наукамъ опытнымъ, къ естествознанію, все-же и нынѣ вопросы религіозные (рѣшаются-ли они положительно или отрицательно съ точки зрѣнія христіанской) философскіе, нравственные, эстетическіе, соціальные, экономическіе, политическіе и нынѣ всюду составляютъ злобу дня. Изящная сло-

весность, разрядъ богословско-философскій и вообще наукъ историко-нравственныхъ представляетъ богатѣшій отдѣлъ въ литературѣ любаго изъ Европейскихъ народовъ, да и разрядъ наукъ физико-математическихъ и естественныхъ едва-ли не на добрую половину заключаетъ въ себѣ сочиненія и изданія болѣе или менѣе практическаго и прикладнаго характера. Вникая далѣе во внутренній составъ и содержаніе новѣйшихъ литературъ великихъ народовъ, мы увидимъ, что самый обильный по числу и самый важный по содержанію отдѣлъ ея посвященъ описаніямъ, изслѣдованіямъ, художественнымъ изображеніямъ родной страны и ея населенія, словомъ изученію отечества въ самомъ обширномъ и многостороннемъ смыслѣ, изслѣдованію всей государственной и національной территоріи, со всѣми близкими къ ней частями неба, морей и океановъ, со всѣми ея колоніями, словомъ изученію земли и людей въ предѣлахъ даннаго государства, и за его предѣлами, если данная національность или племя далеко не покрывается этимъ государствомъ. Понятно, что въ великихъ странахъ и у великихъ народовъ этотъ отдѣлъ отчизновѣдѣнія гораздо богаче и разнообразнѣе, чѣмъ въ странахъ и у народовъ малыхъ. У Англичанъ, у Нѣмцевъ, у Французовъ богаче и разнообразнѣе, чѣмъ у Шведовъ, Чеховъ или Датчанъ. Этотъ отдѣлъ каждой національной литературы находится въ тѣснѣйшей связи съ поэзіею и вообще съ искусствомъ страны, съ ея высшими и дорогими національными идеалами, преданіями и привязанностями, ими постоянно вдохновляясь и ихъ въ свою очередь воспитывая и укрѣпляя. Эта отрасль литературы, воздѣлываемая національными учеными и писателями всѣхъ родовъ и спеціальностей, всегда запечатлѣнная народнымъ геніемъ и характеромъ, сама въ свою очередь кладетъ сильную печать и на всю научную производительность страны. На изученіи родной природы, исторіи, роднаго быта, церкви, вѣрованій и государственныхъ учрежденій, писатели и ученые данной страны воспитываются и научаются понимать и изучать чужія, дальнія и прежде незнакомыя явленія внѣшней природы и жизни человѣческой. Отсюда не только вся художественная, но и научная производительность народовъ великихъ и образованныхъ, всегда носитъ печать ихъ національности. Противъ народности въ наукѣ многіе у насъ думаютъ обойтиться возраженіемъ: наука-де общечеловѣческое достояніе, имѣетъ свои законы, методы, пріемы, она познаетъ истину, единую для всѣхъ временъ и народовъ и потому наука никогда не народна, не національна, а общечеловѣчна. Какъ будто поэзія, художество слова и прочія искусства не общечеловѣческое тоже достояніе, не имѣютъ также своихъ законовъ, методовъ, пріемовъ, не служатъ истинѣ и не познаютъ ея, а между тѣмъ поэзія и всѣ искус-

ства, по крайности въ высшихъ и оригинальныхъ своихъ представителяхъ, всегда были и будутъ національны. Конечно въ ученыхъ трудахъ и изданіяхъ, состоящихъ изъ однихъ таблицъ астрономическихъ, метеорологическихъ статистическихъ, или вообще требующихъ одной точности, внимательности и исполнительности, нельзя искать и трудно находить печать національнаго генія, но во всѣхъ научныхъ произведеніяхъ, гдѣ выступаютъ умственное творчество и вообще высшія способности ума, особенно синтезъ, неизбѣжно проявляется съ высокимъ талантомъ или геніемъ ученаго и его народность. Общій планъ, руководящая мысль, по которымъ исполняются всѣ вышеупомянутые труды и изданія всегда впрочемъ зависятъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста, отъ свойствъ ума, гдѣ они зародились. И нельзя отрицать, что даже работы и изданія астрономическихъ и физическихъ обсерваторій, генеральныхъ штабовъ, статистическихъ комитетовъ, археографическихъ и археологическихъ коммиссій въ различныхъ странахъ Европы и Америки, имѣютъ всѣ несомнѣнно свой національный отпечатокъ. Нигдѣ, какъ въ Россіи, не отвергается съ такимъ ожесточеніемъ народный элементъ въ наукѣ. Оно не случайно и вообще понятно. Ярко, всѣмъ во очію проявляется національный геній только въ геніальныхъ ученыхъ, и въ ихъ истинно-монументальныхъ трудахъ, завершаемыхъ и дополняемыхъ основанными ими школами, цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе даровитыхъ ихъ послѣдователей. Къ сожалѣнію, какъ не много талантовъ въ русскомъ народѣ, справедливость не позволяетъ намъ не сознавать, что великихъ геніевъ русская наука еще не имѣла и, представивъ нѣсколько крупныхъ и немало болѣе или менѣе даровитыхъ дѣятелей, все-же не достигла высоты и оригинальности нашей художественной литературы. Въ области науки мы еще не имѣли ни Пушкина, ни Гоголя, ни Глинки.

VI. Обращаясь къ нашей научной литературѣ по такъ называемому отечествовѣдѣнію или всестороннему изученію Россіи, мы должны отмѣтить два обстоятельства, которыя замолчаны и вычеркнуты быть не могутъ. Значительная масса работъ и трудовъ по изслѣдованію Россіи задумана и совершена у насъ не учеными Русскими, а иностранными, преимущественно приглашенными въ Россію, а также остзейскими, петербургскими и вообще русскими, Нѣмцами. Всѣ почти ихъ труды о Россіи изданы по нѣмецки и принадлежатъ не русской, а нѣмецкой литературѣ. Далеко не всѣ эти изданія имѣютъ русскіе переводы. Этотъ порядокъ вещей продолжается отчасти и теперь. Онъ также нѣсколько объясняетъ господство въ русскомъ литературно-научномъ мірѣ воззрѣнія о ненародности въ наукѣ. Это воззрѣніе служитъ, пожалуй, нѣкоторымъ оправ-

любитъ соборъ и монастырь своего города, крестные ходы вокругъ него, его ярмарки, его пока однѣ грубыя забавы и часто лишь развращающія увеселенія. Въ каждомъ уѣздномъ городѣ есть или наберется хоть небольшой кружокъ людей изъ мѣстныхъ и пришлыхъ жителей, что вмѣстѣ съ умными, любознательными сельскими священниками, коихъ не такъ ужъ мало, съ лучшими земскими дѣятелями и съ прибывающею въ уѣзды на лѣто изъ столицъ учащеюся молодежью, радостно бы взялись за дружную работу изученія и вмѣстѣ просвѣщенія своего уѣзда. Отъ столичныхъ силъ, отъ столичной печати, отъ съѣздовъ натуралистовъ, географовъ и археологовъ могъ бы раздаться голосъ поощренія и одобренія мысли о музеяхъ въ уѣздныхъ нашихъ городахъ. Много виданныхъ мною примѣровъ подобныхъ маленькихъ музеевъ и обществъ у разныхъ западныхъ Славянъ доказываетъ, что оно осуществимо и у насъ. Нашъ народъ слава Богу не глупѣе другихъ Славянъ, и интеллигенціи теперь у насъ довольно, лишь бы только побольше она занималась дѣломъ близкимъ и наиболѣе нужнымъ, а литература и печать, благо она ихъ слушаетъ, почаще ей о томъ напоминала.

VII. Мы, Русскіе, не можемъ не приходить въ сильное смущеніе, когда намъ приводится слышать и читать, какъ Англичане, Французы, Нѣмцы нерѣдко выражаются про себя, что они еще мало знаютъ свою страну и свой народъ. Не приходится ли тогда намъ сознаваться, что мы и того меньше знаемъ нашу Россію? Не говоря уже о множествѣ предстоящихъ работъ и изслѣдованій разныхъ краевъ Россіи и разныхъ сторонъ ея жизни и природы, мы страдаемъ еще въ особенности большимъ невѣдѣніемъ того, что уже сдѣлано въ Россіи по нѣкоторымъ чисто русскимъ предметамъ. Такъ у насъ чуть не большая еще часть литераторовъ и художниковъ совсѣмъ почти не интересуется или очень мало трудами по русской филологіи. У многихъ ли изъ нашихъ писателей-художниковъ имѣются всегда подъ рукой русскіе словари, Академическій, Далевскій, Областные? Кто изъ нихъ вчитывался въ глубокія, высокодаровитыя розысканія Потебни по русскому синтаксису? Многіе ли наши писатели вникали въ старинные памятники русской словесности и письменности? Пушкинъ, Языковъ. Гоголь, высоко цѣнили важность ихъ изученія, изъ новѣйшихъ развѣ Л. Толстой, Майковъ, А. Толстой, Мельниковъ, Островскій, Чаевъ, Лѣсковъ и многіе ли еще?

Вообще многіе ученые труды и изслѣдованія о Россіи въ разныхъ отношеніяхъ остаются совершенно невѣдомыми русскому обществу, и важные результаты ихъ не входятъ въ общее сознаніе, не усвоиваются нами. Они по долгу не собираются и не сводятся въ одно цѣлое, не

излагаются въ общедоступныхъ сочиненіяхъ и изданіяхъ. Тутъ особенно невыгодно сказывается преобладаніе въ нашей литературѣ толстыхъ ежемѣсячныхъ, по старой рутинѣ и по извѣстнымъ шаблонамъ издаваемыхъ журналовъ, и бѣдность нашей литературы какъ въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ, такъ и въ хорошихъ книгахъ, посвященныхъ изученію Россіи въ томъ или другомъ отношеніи, и въ цѣлыхъ серіяхъ извѣстныхъ монографій или въ большихъ изданіяхъ энциклопедическаго характера, составляемыхъ подъ руководствомъ нѣсколькихъ редакторовъ и цѣлыхъ обществомъ спеціальныхъ сотрудниковъ.

У насъ зачастую выражается общее сожалѣніе, и совершенно справедливо, о неимѣніи понынѣ хорошаго русскаго энциклопедическаго словаря, ибо всѣ новѣйшія попытки этого рода отличались полною неудачею и удивительнымъ легкомысліемъ. Не въ оправданіе и не въ извиненіе послѣднихъ издателей и редакторовъ нашихъ энциклопедическихъ словарей надо замѣтить, что русская ихъ часть, безспорно самая важная въ русской энциклопедіи, представляетъ у насъ огромныя трудности, коихъ почти не вѣдаютъ ни Нѣмцы, ни Французы, ни Англичане. У насъ еще слишкомъ мало предварительныхъ работъ и изслѣдованій по изученію Россіи въ разныхъ отношеніяхъ и еще менѣе хорошихъ, основательныхъ, цѣльныхъ, систематическихъ и справочныхъ трудовъ по всякой части. Каждый русскій ученый любой спеціальности согласится, что ему гораздо легче и удобнѣе получить болѣе или менѣе удовлетворительное указаніе или свѣдѣніе о чемъ бы то ни было касательно Франціи, Англіи и Германіи, не смотря на нерѣдкій у насъ недостатокъ по этой части первоисточниковъ, чѣмъ сдѣлать вѣрную, удовлетворительную справку о какомъ нибудь фактѣ или подробности относительно Россіи въ какомъ бы то ни было отношеніи. Тутъ человѣку приходится прерывать и свою настоящую работу и работы своихъ пріятелей и знакомыхъ и отнимать свое и чужое время на цѣлые иногда поиски и розысканія о какой-нибудь случайной, но нужной, частности. Прекрасный во многихъ отношеніяхъ Географическій Словарь, изданный Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ подъ редакціею нынѣшняго его Вице-Предсѣдателя П. П. Семенова, въ настоящее время уже становится рѣдкостью да и въ значительной степени требуетъ разныхъ поправокъ и обширныхъ дополненій. Есть надежда, что Географическое Общество снова примется не столько за второе его изданіе, сколько за совершенно новую его переработку. Уповаемъ, что на такое предпріятіе Общества съ великимъ сочувствіемъ отзовется вся Россія, и необходимыя на предварительныя приготовленія и совершеніе столь необходимаго труда большія матеріальныя сред-

ства будутъ найдены въ болѣе или менѣе крупныхъ пожертвованіяхъ Обществу. Потребность въ подобныхъ цѣльныхъ, полныхъ и систематическихъ трудахъ о нашемъ отечествѣ въ разныхъ отношеніяхъ чувствуется многими, и съ разныхъ сторонъ уже обнаруживаются стремленія къ ея удовлетворенію. Такъ Русское Историческое Общество приготовляетъ изданіе біографическаго словаря русскихъ замѣчательныхъ людей. Общества археологическія и отдѣльные археологи уже возбуждали мысль о разныхъ систематическихъ трудахъ по археологіи Россіи, и даже были сдѣланы и дѣлаются отдѣльныя, болѣе или менѣе удачныя, попытки въ этомъ родѣ. Общество Палестинское издало вновь цѣлый рядъ древнихъ и старинныхъ нашихъ путешествій въ Святую Землю. Будемъ надѣяться, что II-е Отдѣленіе Академіи Наукъ или Общество древней письменности приступитъ къ изданію всѣхъ замѣчательныхъ памятниковъ древней и старинной Русской словесности и письменности съ краткими учеными предисловіями, съ краткими примѣчаніями и словарями и станетъ издавать эти памятники, каждый отдѣльно, безъ соблюденія хронологическаго порядка и соображаясь лишь съ нахожденіемъ подходящаго редактора. Какъ ни почтенна христоматія Буслаева, но она во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительна для основательнаго изученія древней и старинной нашей словесности. Не знаемъ отъ кого ожидать, а не желать нельзя, переизданія или новаго изданія всѣхъ почти источниковъ древнѣйшей русской исторіи до половины или конца XV в., особенно же грамотъ, нынѣ разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ и далеко не всегда хорошо изданныхъ? Нельзя не желать и гораздо большихъ средствъ и большей энергіи и новаго плана для изданія источниковъ русской исторіи XVI и XVII вв.

Есть великая потребность и во многихъ другихъ подобныхъ изданіяхъ. посвященныхъ цѣльнымъ описаніямъ и разслѣдованіямъ Россіи и возможныхъ лишь при болѣе или менѣе значительныхъ, готовыхъ, матеріальныхъ средствахъ, при хорошей организаціи редакціи и наилучшемъ выборѣ нужныхъ сотрудниковъ. У насъ нѣтъ достойнаго Россіи и соотвѣтственнаго современнымъ требованіямъ науки полнаго обстоятельнаго русскаго землевѣдѣнія и народовѣдѣнія. Есть нѣкоторые почтенные труды по извѣстнымъ лишь частямъ, напр. Этнографическая карта Россіи Кеппена, но она требуетъ и поправокъ и въ особенности значительныхъ дополненій. Мы не имѣемъ еще полной основательной Русской діалектологіи съ текстами образцовъ и карты русскихъ нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ; нѣтъ у насъ сколько нибудь полнаго собранія великорусскихъ лирическихъ, бытовыхъ пѣсенъ, какъ уже есть болѣе или менѣе цѣльныя собранія былинъ и историческихъ пѣ-

сенъ, духовныхъ стиховъ и заговоровъ или пѣсенъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ. Всѣ такого рода предпріятія принадлежатъ къ великимъ насущнымъ нуждамъ русской науки, литературы и образованности. Все это потребности общенародныя. Безъ успѣховъ въ самоизученіи и самопознаніи нельзя двигаться впередъ ни одной странѣ, никакому народу. По сложности этихъ задачъ, при громадности Россіи и при необходимости еще многихъ и многихъ долголѣтнихъ предварительныхъ работъ и розысканій, иныя изъ этихъ предпріятій, непосильныя отдѣльнымъ лицамъ, возможны и осуществимы по взаимному соглашенію и при совмѣстной работѣ многихъ и многихъ лучшихъ научныхъ дѣятелей Россіи, и то лишь въ теченіе цѣлаго ряда годовъ.

Такія обширныя научныя предпріятія у насъ еще дѣло небывалое. Обычные при изданіи ежемѣсячныхъ литературно-научныхъ журналовъ способы и пріемы тутъ рѣшительно не гожи. Болѣе еще подходящи способы и пріемы, употребительные при изданіи энциклопедическихъ словарей; но полнѣйшая ихъ неудача у насъ убѣждаетъ лишь, что мы доселѣ оказывались неспособными къ должной организаціи издательской и редакціонной части большихъ научныхъ изданій. Приготовленіе же полнаго обстоятельнаго землевѣдѣнія и народовѣдѣнія Россіи представляетъ неизмѣримо болѣе трудностей.

И не возлагая даже исполненія этихъ трудовъ на нынѣшнія поколѣнія, можно и слѣдуетъ нынѣ же подумать о составленіи отдѣльныхъ программъ для собиранія недостающихъ матеріаловъ и для пополненія пробѣловъ въ тѣхъ и другихъ частяхъ. Для составленія подобныхъ программъ нуженъ обмѣнъ мыслей и соглашенный трудъ многихъ спеціалистовъ, какъ оно недавно еще было устроено въ Германіи по ея землевѣдѣнію и народовѣдѣнію. Изслѣдованіе Россіи по этимъ программамъ можетъ быть ведено единовременно изъ разныхъ центровъ, отъ отдѣловъ Географическаго Общества, отъ Университетовъ и Академій и состоящихъ при нихъ ученыхъ обществъ, довольно успѣшно трудящихся и часто уже довольно много сдѣлавшихъ для изученія своего края въ разныхъ отношеніяхъ.

Относительно потребныхъ на это денежныхъ средствъ, сверхъ извѣстной помощи отъ государства, нужно обращеніе отъ имени извѣстнаго юридическаго лица, того или другаго ученаго общества, стоящаго во главѣ предпріятія, къ общей добровольной подпискѣ по всей Россіи. Дѣло общенародное требуетъ и общенародной помощи. При такихъ подпискахъ опредѣляется конечно извѣстный minimum для дароваго полученія извѣстнаго числа выпусковъ или частей предположеннаго изданія и конечно не полагается maximum, можетъ быть лишь указываема приблизительно сумма, послѣ взноса которой каждый вкладчикъ получаетъ право на даровое по-

лученіе всего изданія, какъ бы оно обширно и дорого не было. Опредѣленный minimum можетъ быть разлагаемъ на нѣсколько лѣтъ. Безъ народной подписки никакія крупныя предпріятія ни въ одной странѣ не обходятся. И въ этомъ нѣтъ ничего страннаго или неодобрительнаго. Это самое чистое и нравственное явленіе, обычное всѣмъ здоровымъ обществамъ. Обычное въ нашемъ народѣ — не такъ ли воздвигаются на святой Руси Божьи храмы? — это явленіе не совсѣмъ слава Богу чуждо и русскому обществу — такъ былъ недавно поставленъ памятникъ Пушкину, такъ будутъ поставлены памятники Гоголю и Пржевальскому, Богъ дастъ Грибоѣдову и другимъ [1]).

VIII. Однимъ изъ способовъ успѣшнаго приготовленія къ подобнымъ предпріятіямъ могутъ быть и специальныя періодическія изданія. Не надѣясь дожить до того счастливаго года, когда лучшіе русскіе ученые, собравшись и сговорившись, рѣшатся приступить къ изданію полной обстоятельной этнографіи Россіи, первый редакторъ „Живой Старины", Богъ дастъ не послѣдній, вмѣнитъ себѣ однако за честь и за счастье, если ему удастся съ помощью Божьею, при пособіи товарищей и сотрудниковъ, такъ поставить нашъ журналъ, чтобы онъ заодно со своимъ нѣсколько старшимъ Московскимъ товарищемъ, Этнографическимъ Обозрѣніемъ, могъ успѣшно распространять въ Россіи любовь и охоту къ этнографическимъ наблюде-

[1]) Въ послѣдней книжкѣ «Этнографическаго Обозрѣнія» мы прочли слѣд., по поводу нашего разосланнаго членамъ Общества, заявленія, объ изданіи «Живой Старины»: «Привѣтствуя радушно новое изданіе, не можемъ—не выразить сожалѣнія, что Обществу приходится дѣлать такого рода заявленіе, что «средствъ на подобное изданіе Геогр. Общество не имѣетъ и имѣть не будетъ...» (отч. стр. 77) и что оно принуждено обращаться къ частнымъ пожертвованіямъ и складчинамъ. (Не понимаемъ, что тутъ худаго, неправильнаго или непріятнаго!). Если даже такое богатое, какъ Географическое, истрачивающее десятки тысячъ (да вѣдь не ежегодно же), на всякаго рода отдаленныя экспедиціи въ чужіе края (а по Россіи точно не бываетъ ежегодныхъ экспедицій?) не находитъ возможнымъ удѣлить какія нибудь 1½—2 тыс. на изданіе, посвященое отечественной этнографіи, то это служитъ лучшимъ показателемъ того, въ какомъ положеніи вообще у насъ находится этнографическое изученіе Россіи, признаваемой иностранцами истиннымъ кладомъ для науки этнографіи». Сердечно благодаря за сочувствіе къ нашему изданію, не умолчимъ о вкравшемся тутъ недоразумѣніи. Географическое Общество не такъ уже богато средствами, какъ кажется. Частныхъ крупныхъ пожертвованій оно давно не получало. Ежегодно, сообразуясь со своею смѣтою, оно располагаетъ извѣстною суммою на экспедиціи и извѣстною суммою на ученыя изданія. Экспедиціи снаряжаются по Россіи и по сосѣднимъ краямъ Азіи, всестороннее изслѣдованіе коихъ составляетъ прямую обязанность Россіи: въ этомъ ея призваніе и ея слава. Отдѣленія Общества имѣютъ свои Записки, и Этнографическое, предпринимая «Живую Старину», отъ Записокъ своихъ отказываться не желало и не думало. Слѣдовательно на новый расходъ потребовались и новыя средства. Важность этнографическаго изученія Россіи не должна заслонять важности ея изученія и въ другихъ отношеніяхъ. Это понятно и намъ и иностранцамъ.

ніямъ и изслѣдованіямъ, освѣщать разные темные участки русской этнографіи, новыми изысканіями выяснять старые, ставить и разрѣшать новые вопросы въ нашей наукѣ и тѣмъ содѣйствовать желанной постройкѣ будущаго величаваго зданія. Какъ ни далеко отъ насъ время появленія перваго выпуска или части будущей русской этнографіи, она должна быть идеаломъ и далекою, но постоянною, свѣтлою метою и нашего журнала и всѣхъ настоящихъ тружениковъ нашей науки.

Составленіе полнаго обстоятельнаго народовѣдѣнія Россіи потребуетъ много совмѣстнаго труда антропологовъ, языковѣдовъ, историковъ, археологовъ, этнологовъ и этнографовъ, знатоковъ финскихъ, монгольскихъ, турко-татарскихъ, различныхъ кавказскихъ языковъ и народностей, затѣмъ филологовъ русскихъ, славистовъ и литвовѣдовъ, германистовъ и романистовъ, наконецъ классиковъ и арабистовъ.

Въ будущемъ громадномъ систематическомъ трудѣ, посвященномъ полному этнографическому описанію Россіи, необходимо должны найти мѣсто антропологическія, археологическія и историко-этнологическія, лингвистическія, этнографическія изысканія какъ о нѣкогда обитавшихъ, такъ и о всѣхъ нынѣ обитающихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи народностяхъ, съ географическимъ описаніемъ ихъ областей, территорій, съ историческимъ обзоромъ ихъ новѣйшихъ судебъ, ихъ отношеній къ прочимъ инородцамъ и къ русскому племени, съ подробнымъ изложеніемъ и характеристикою ихъ внѣшнихъ и внутреннихъ свойствъ и особенностей, религіозныхъ, бытовыхъ и пр. и пр., съ приложеніемъ результатовъ антропометрическихъ измѣреній, изображеній типовъ, костюмовъ, жилищъ, утвари и пр. и пр.

Въ этой этнографіи Россіи не могутъ быть опущены и антропологическія, археологическія, историческія и этнографическія свѣдѣнія, изысканія о такихъ исчезнувшихъ или понынѣ живущихъ въ Азіи и Европѣ, но внѣ Россіи, племенахъ и народахъ, большія или меньшія части коихъ входили или входятъ въ составъ нынѣшней Россіи. Такимъ образомъ въ извѣстной степени къ болѣе или менѣе подробному обзору должны быть привлечены разныя народности Средней, Малой Азіи, Китая, Персіи, Турціи Азіатской, а въ Европѣ все племя славянское, разныя вѣтви и отрасли Германскаго (Готы, Варяги, Скандинавы, Шведы, Нѣмцы, по поводу Шведовъ Финляндіи и островковъ балтійскихъ, новѣйшихъ нѣмецкихъ колонистовъ и стародавнихъ и новѣйшихъ отношеній Нѣмцевъ къ Полякамъ и другимъ западнымъ Славянамъ), древніе Пруссы, Ѳракійцы и Иллиры, Румыны и Албанцы.

Конечно многое и многое въ этомъ отношеніи должно быть сдѣлано

совершенно вновь, но очень многіе сюда входящіе предметы и вопросы уже издавна привлекаютъ къ себѣ пытливость изслѣдователей, и не немногое изъ этого многаго имѣетъ обширную литературу европейскую и русскую. Ни та, ни другая не можетъ быть пренебрегаема.

Нельзя въ этомъ случаѣ не привѣтствовать весьма важнаго и полезнаго труда нашего сотрудника въ Живой Старинѣ А. Н. Пыпина. Трудъ имъ давно задуманный и по частямъ напечатанный нынѣ приводится къ окончанію. Разумѣемъ Исторію Русской Этнографіи въ четырехъ томахъ съ обширнымъ библіографическимъ приложеніемъ.

Этотъ достопочтенный трудъ послужитъ необходимымъ пособіемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ работъ и изслѣдованій по русскому народовѣдѣнью.

По выходѣ этого труда, сверхъ необходимыхъ пополненій неизбѣжныхъ въ первомъ трудѣ такого рода пробѣловъ, весьма желательно появленіе историко-критическихъ обзоровъ литературы по каждому инородческому племени и по разнымъ отдѣламъ русской этнографіи. Такіе обзоры впрочемъ уже начаты. Довольно указать на два почтенные труда проф. Казанскаго Университета И. Н. Смирнова о Черемисахъ и Вотякахъ. Позволимъ себѣ также обратить вниманіе библіотекарей и завѣдующихъ библіотеками уѣздныхъ городовъ, большею частью библіотекъ земскихъ, что, при выписываніи книгъ литературнаго и научнаго содержанія, слѣдовало бы имъ заботиться и о пріобрѣтеніи для своихъ библіотекъ наилучшихъ картъ своего уѣзда и по возможности всѣхъ книгъ и статей, посвященныхъ цѣликомъ или отчасти изслѣдованіямъ и описаніямъ уѣзда. Въ этомъ отношеніи библіографія Пыпина могла бы давать полезныя указанія. Разъ ставши на такую точку зрѣнія, и земскіе дѣятели уѣзда и грамотные и образованные обыватели уѣзднаго города послѣдовательно придутъ сами собой къ мысли объ образованіи при библіотекѣ и уѣзднаго музея.

IX. Въ новѣйшее время послѣ трудовъ Бастіана, Тейлора, Лэббока, Ланга, Поста, Гедоза и другихъ столь же видныхъ и менѣе извѣстныхъ ученыхъ и писателей сталъ сильно распространяться въ Европейскихъ литературахъ и въ нашей новый родъ изслѣдованій, какъ будто этнологическихъ и этнографическихъ. Но собственно говоря онѣ только исходятъ изъ фактовъ или наблюденій этнографическихъ и затѣмъ прямо вступаютъ въ область психологіи съ одной и въ область исторіи культуры человѣчества съ другой стороны. Эти будущія психологія и исторія культуры безъ сомнѣнія могутъ со временемъ оказать великія услуги этнологіи и этнографіи. Эти двѣ послѣднія занимаются прошлымъ и настоящимъ расъ, племенъ и народностей, опредѣленіемъ и характеристикою ихъ внѣшнихъ и внутрен-

нихъ особенностей, ихъ взаимными отношеніями и пр., всегда строго держась въ предѣлахъ историко-географическихъ. Мы постараемся представить въ нашемъ журналѣ рядъ критическихъ статей о важнѣйшихъ трудахъ вышеупомянутыхъ и другихъ близкихъ съ нимъ ученыхъ и писателей. Призывы критики къ строгости анализа въ пользованіи источниками и къ точности пріемовъ проведенія сравненій и аналогій тѣмъ необходимѣе, что въ этихъ новыхъ трудахъ приводятся аналогіи и производятся сравненія вѣрованій и миѳовъ, понятій, обрядовъ и обычаевъ самыхъ разнообразныхъ племенъ и народовъ земнаго шара, древнихъ и новыхъ, при чемъ авторы полною рукой черпаютъ свои данныя и извѣстія изъ разнообразнѣйшихъ источниковъ и пособій. Всего легче провѣряемы пріемы тѣхъ историковъ культуры, что̀ занимаются сравненіемъ вещественныхъ памятниковъ (орудій, утвари и пр.) самыхъ разнообразныхъ, вымершихъ и нынѣ живущихъ, племенъ и народовъ всего земнаго шара. Слѣдуетъ прибавить, что сравнительное изученіе народной устной и письменной словесности разныхъ европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ, древнихъ и новыхъ, разныя находки и данныя доисторической археологіи и свидѣтельства древнихъ и средневѣковыхъ источниковъ установили уже то несомнѣнное положеніе, что не только въ раннія эпохи исторической жизни различныхъ народовъ, но и въ доисторическое время въ Европѣ, въ части Азіи и въ сѣверной по крайней мѣрѣ Африкѣ, между различными племенами и народами бывали дружественныя и враждебныя отношенія и связи, что, при мирномъ сосѣдствѣ, при переселеніяхъ, взаимныхъ столкновеніяхъ племенъ и завоеваніяхъ однихъ другими, происходили въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ скрещиванія и смѣшенія, а съ ними и взаимный обмѣнъ вѣрованій, миѳовъ, понятій, обрядовъ и обычаевъ. Такъ издавна и непрерывно совершался, надо полагать, и во всѣхъ другихъ частяхъ земнаго шара, процессъ общенія, скрещиванья и смѣшенья расъ и племенъ, а съ нимъ и неизбѣжный процессъ взаимнаго обмѣна внѣшнихъ и внутреннихъ свойствъ разныхъ расъ и племенъ и ихъ разнообразныхъ заимствованій другъ отъ друга. Есть и другое столь же несомнѣнное положенье. Оно тѣсно связано съ сейчасъ отмѣченнымъ первымъ и служитъ ему оправданіемъ. Это второе положенье заключается въ томъ, что не глядя на все внѣшнее и внутреннее разнообразіе человѣческихъ расъ и племенъ, во всѣхъ разновидностяхъ семьи человѣческой имѣется много общаго, родственнаго и сходнаго по существу, а не по одной наружности. Это общечеловѣческое сродство и сходство между прочимъ было полно и ясно раскрыто въ большомъ, хотя уже старомъ, но существенно устарѣломъ строго говоря развѣ лишь въ первой своей части, превосходномъ трудѣ

строгаго мыслителя, человѣка тонкаго чутья, глубокой учености и обширнаго образованія, всегда съ большою критикою, пользовавшагося знакомою ему изъ первыхъ рукъ громадною литературою путешествій. Говоримъ о капитальномъ трудѣ Вайца Anthropologie der Naturvölker съ продолженіемъ Герланда. Этотъ основный выводъ блистательно раскрытъ и освѣщенъ у Вайца-Герланда массою критически провѣренныхъ данныхъ изъ жизни и быта разнообразныхъ дикарей и низко-стоящихъ народовъ, никакими произвольными соображеніями и позднѣйшими трудами за послѣднія 20 лѣтъ не былъ да и не можетъ быть опровергнутъ; напротивъ, только подтверждался.

Отвергать всякія заимствованія въ духовной и внѣшней жизни народовъ также неправильно и ошибочно, какъ и отрицать ихъ основное общечеловѣческое сходство, не смотря на все ихъ внѣшнее и внутреннее разнообразіе. На этихъ двухъ несомнѣнныхъ положеніяхъ, на этихъ фактахъ, какъ на двухъ краеугольныхъ камняхъ, опирается законность сравнительнаго метода въ изученіи параллельныхъ и аналогическихъ явленій внѣшней и внутренней жизни всѣхъ племенъ и народовъ земнаго шара.

Но сходства бываютъ болѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя, наружныя, а не внутреннія, случайныя, а не существенныя, бываютъ сходства отъ дѣйствительнаго заимствованія, усвоенія путемъ общенія, смѣшеній разныхъ племенъ и народовъ, и сходства коренныя, обязанныя основному общечеловѣческому ихъ сродству и единству. Строгое, точное опредѣленіе, къ какой изъ этихъ категорій дѣйствительно относится находимое наблюдателемъ и изслѣдователемъ то или другое сходство, составляетъ обыкновенный камень преткновенія большей части собирателей аналогій и изслѣдователей сравненій и заимствованій.

Сравнительный методъ какъ въ языкознаньи, такъ и въ народовѣдѣньи требуетъ основательной спеціальной подготовки, большой осторожности и постояннаго надъ собой контроля, соединеннаго съ извѣстнымъ скепсисомъ, даже увѣренностью въ легкой возможности безпрестанныхъ ошибокъ, какъ при сведеніи разныхъ данныхъ изо всѣхъ вѣковъ и со всѣхъ угловъ земли, такъ и при различныхъ комбинаціяхъ по прінсканію настоящей ячейки, протоплясмы того или другаго миѳа, обычая и по объясненію новыхъ, дальнѣйшихъ, развитыхъ его формъ. Какъ не стѣсняемое извѣстнымъ знаніемъ и пріемами, сравнительное объясненіе сходныхъ звуковъ въ различныхъ языкахъ, ихъ формъ, словъ и реченій, легко и часто переходило въ пустое баловство и вздорную забаву, въ дебри нелѣпѣйшихъ словопроизводствъ, такъ и сравненіе миѳовъ и обычаевъ, и возведеніе разныхъ survivals, „переживаній“ къ простѣйшей, якобы первоначальной, формѣ,

впадаетъ нерѣдко въ отчаянную игру самыхъ смѣлыхъ соціологическихъ и эволюціонныхъ догадокъ и выводовъ.

Такъ называемый фольклоръ, фольклористика съ ея представителями, фольклористами, получили и у насъ полное право гражданства въ слѣдъ за такими же новыми науками или лучше за новыми названіями старыхъ дисциплинъ, за соціологіею и ученіемъ эволюцій. Собственно же фольклоръ, хотя и обращается съ этнографическимъ матеріаломъ, имѣетъ своею задачею создать новую опытную психологію, новое ученіе о душѣ не личной, а общечеловѣческой, всенародной, вселюдской, если можно такъ выразиться, и новую исторію человѣческой культуры съ самыхъ первыхъ ея зачатковъ. Этнографія, этнологія разлагаетъ, различаетъ, опредѣляютъ свойства и особенности расъ, племенъ и народовъ. Фольклоръ соединяетъ, сопоставляетъ разныя черты и данныя различныхъ степеней развитія человѣчества, безъ отличенія расъ и племенъ. Наша цѣль, наша главная задача гораздо скромнѣе. Мы желаемъ по силамъ помочь и безъ того трудному сооруженію колосальнаго зданія—этнологическаго и этнографическаго описанія и разслѣдованія Россіи. Наша цѣль и задача конечно гораздо подручнѣе, ограниченнѣе безпредѣльной, неуловимой цѣли и задачи фольклористовъ. Не отказываясь совершенно отъ помѣщенія статей сравнительнаго направленія, если онѣ идутъ отъ настоящихъ ученыхъ со строгими пріемами и обширными знаніями, мы смѣемъ считать жалкою потерею времени, когда мѣстные любители этнографіи, вмѣсто живыхъ наблюденій и изслѣдованій окружающей дѣйствительности, отворачиваются отъ нея или, вырвавъ изъ нея отдѣльные курьезы, спѣшатъ свалить и высыпать для сравненія и аналогіи кучи всякаго рода примѣровъ, кое какъ набранныхъ изъ перво-попавшихся русскихъ и иностранныхъ книжекъ и статей по фольклору. Отъ такой погони за новымъ методомъ, новыми пріемами и новою наукою мы бы рады были всегда отклонять мѣстныхъ дѣятелей, отъ души благожелая имъ самаго безхитростнаго и лукаво не мудрствующаго проникновенія въ окружающую ихъ народную жизнь, твердо увѣренные, что этимъ собственно путемъ они принесутъ великую пользу и себѣ и отечественной наукѣ и самому народу.

X. Съ великимъ удовольствіемъ прочли мы въ началѣ нынѣшняго года статью заслуженнаго германиста, профессора Берлинскаго университета, Вейнгольда, о фольклорѣ и считаемъ нелишнимъ познакомить съ нею нашихъ читателей [1]). „Народовѣдѣнье“ (die Volkskunde) или какъ Англичане и Американцы, а за ними Голландцы, Скандинавы, Романцы и Славяне называютъ

[1]) Zeitschr. f. Völkerpsychologie 1890. I.

фольклоръ, теперь стало любительскимъ занятіемъ. Собирать можно все, собиранье занимательно и нерѣдко полезно. Любитель можетъ смотрѣть ученымъ, если онъ собираетъ со рвеніемъ, охотою и въ извѣстномъ порядкѣ. Фольклористы, такъ называютъ себя эти люди, уже составляютъ международный цехъ, собираются на конгрессы, какъ было въ Парижѣ съ 29 іюля по 3 августа (1889 г.). Образовались общества для собиранья народныхъ преданій, появился цѣлый рядъ журналовъ на различныхъ языкахъ по модному спорту, выдаваемому за науку. Если разобрать эти журналы, то въ нихъ рѣдко встрѣтишься съ серьезнымъ трудомъ, съ методическимъ изслѣдованіемъ на научной почвѣ. По большей части это довольно бѣдное собранье матеріаловъ и ужасно много мусору и соломы, брошенной на вѣтеръ. Еще хуже статьи съ критическими замашками, съ опроверженіемъ твердыхъ научныхъ основъ. Статьи эти лишь доказываютъ, что ихъ авторы ничего основательно не изучали изъ того, что̀ они осмѣиваютъ съ противнымъ высокомѣрьемъ.

„Народовѣдѣнью нужно болѣе, чѣмъ господа фольклористы предполагаютъ. Нужно знакомство съ исторіею и языкознаніемъ, съ антропологіею и психологіею, съ исторіею права и народнаго хозяйства, съ техникою и естествознаніемъ, съ литературою и искусствомъ, и прежде всего нуженъ простой, здравый смыслъ. Задача народовѣдѣнья—изслѣдованіе народа т. е. опредѣленнаго, исторически и географически ограниченнаго, человѣческаго союза въ тысячи, милліоны душъ. Такимъ разграниченьемъ народовѣдѣнье отличается отъ антропологіи или науки о человѣкѣ, которая изучаетъ человѣка, независимо отъ расы, времени и мѣста. Правда антропологія обращаетъ вниманіе на исторію, всего болѣе на доисторическую древность. Но она для антропологіи только средство для возможно точнаго познанія человѣка самого по себѣ во всѣхъ его проявленіяхъ.

„Народовѣдѣнье вѣрно понятое есть наука національная и историческая. Прежде всего, она изучаетъ опредѣленный народъ, и только по изученіи его можетъ и должна приступать къ сравнительнымъ наблюденіямъ и выводамъ, которыя въ послѣдней точкѣ сойдутся съ антропологіею, ибо народовѣдѣнье и антропологія въ концѣ концовъ служитъ той же цѣли“...

„Народовѣдѣнье, дабы быть наукою, должно опираться на другихъ устояхъ, чѣмъ такъ называемые фольклористскіе журналы“.

Достойно вниманія, что лучшій французскій журналъ по такъ называемому фольклору или сравнительному народовѣдѣнью „Mélusine“ въ лицѣ своего ученаго редактора Гедоза, счелъ нужнымъ привести у себя рѣзкія нападки Вейнгольда на фольклористовъ, изъ коихъ-де многіе роняютъ фольклоръ, и

выразить свое согласіе со взглядомъ Вейнгольда, за однимъ лишь исключеніемъ. „Вейнгольдъ, говоритъ Гедозъ, хочетъ ограничить народовѣдѣнье или фольклоръ изученіемъ одного народа, а мы, мы хотимъ распространить его на все человѣчество; ибо одинъ народъ, если взойти къ его началу, можемъ сказать — только вѣтвь другого народа, а восходя еще выше, можемъ прибавить, что эти народы—только различныя отрасли одного и того же человѣчества“.

Опровергается ли такимъ образомъ мысль о народовѣдѣньи, какъ наукѣ національной и исторической? Отъ того, что Россія еще не весь земной шаръ, а Русскіе—еще не все человѣчество, слѣдуетъ ли намъ напримѣръ не заниматься по преимуществу самостоятельно русскимъ землевѣдѣньемъ, русскимъ народовѣдѣньемъ, русскою исторіею? Если мы равномѣрно будемъ изучать весь земной шаръ, всю всеобщую исторію и науку о человѣчествѣ и всѣ его языки безъ различія, то мы, никогда не узнавъ хорошо дальнія отъ насъ страны, всѣ чуждые языки и народы, будемъ еще менѣе, чѣмъ теперь, знать Россію, ея народности, нашу исторію и нашъ языкъ. И такъ можно бы было сказать про всѣ народы. Общечеловѣческое познаніе и значеніе доступно и достижимо народамъ преимущественно въ самоизученіи и самопознаніи.

Еще важнѣе, хотя нѣсколько неожиданно, другое замѣчаніе Гедоза на счетъ такъ называемаго фольклора: „Впрочемъ фольклоръ есть ли еще наука, какъ провозглашаютъ многіе фольклористы Не есть ли это скорѣе новая область, доселѣ презираемая и только-что открытая историческимъ изслѣдованіямъ? Не скорѣе ли онъ еще просто методъ изслѣдованія? Для насъ фольклоръ есть методъ состоящій въ томъ, что при изученіи религіи, миѳологіи, учрежденія, вѣрованія, обычая, предметъ разсматривается не въ его полной и окончательной кристаллизаціи, но берется съ первыхъ зачатковъ, съ самаго зародыша (съ самой, если возможно, образовавшей его клѣточки), затѣмъ онъ прослѣживается по всѣмъ ступенямъ своего развитія, причемъ принимаются во вниманіе всѣ вліянія, коимъ онъ могъ подвергаться, и въ тоже время приводятся къ сравненію, въ объясненіе дѣла, всѣ аналогическія формы, которыя могли произойти у другихъ народовъ или въ другія времена, дабы опредѣлить, и способомъ экспериментальнымъ, психологическую точку отправленія данной религіи, данной миѳологіи, извѣстнаго учрежденія, вѣрованія и обычая. Мы полагаемъ въ тоже время, что эти изслѣдованія, труды психологическіе, по народной психологіи (démopsychologie, Völkerpsychologie) основываются вообще на наблюденіяхъ надъ народомъ и на народныхъ па-

мятникахъ. Тутъ для насъ самопознаніе человѣчества, тутъ познается его душа лучше, чѣмъ въ памятникахъ литературныхъ. Такимъ образомъ слѣдуетъ брать въ разсчетъ проявленія народной души и подаваемыя ею указанія, идетъ ли дѣло о переживаньяхъ въ нашихъ образованныхъ обществахъ или о параллеляхъ, доставляемыхъ народами низшихъ ступеней развитія. Такъ надо искать часто въ различныхъ странахъ и у различныхъ народовъ разсѣянныя звенья цѣпи, подлежащей возстановленію. Натуралистъ поступаетъ точно такимъ же образомъ, когда, желая возстановить вымершій видъ, какое нибудь доисторическое животное, онъ розыскиваетъ его разсѣянныя по всему материку кости. За неимѣніемъ сохранившагося образца, необходимо сопоставлять рядомъ эти обломки для открытія плана исчезнувшаго существа. Вотъ каковъ, по нашему мнѣнію, методъ фольклористскихъ изслѣдованій. Но онъ примѣняется къ области, гдѣ масса матеріаловъ громадна: ибо дѣло идетъ о человѣкѣ, обо всемъ человѣкѣ!“ (т. е. всемъ человѣчествѣ).

„Но, замѣчаетъ Гедозъ, между нашими фольклористами многіе ли имѣютъ достаточно критики и эрудиціи—или настолько терпѣнія, чтобы попытаться усвоить себѣ трудомъ то и другое—для примѣненія этого метода къ предмету фольклора. (Назвавъ фольклоръ не наукою, а методомъ, Гедозъ опять обзываетъ его наукою!). Увы! къ нимъ можно примѣнить слова Масильона: „Великій Боже! гдѣ избранники ваши и что̀ остается вамъ въ удѣлъ?“ Пользуясь тѣмъ, что немногіе ученые, особенно во Франціи, занимаются этими розысканіями, фольклористы набросились на нихъ, какъ трапперы на необитаемую область американскаго запада. Для приданія важности добычи или находкамъ въ своихъ экспедиціяхъ, они поспѣшили заводить общества, обозрѣнія... но это Gründerthum—эта горячка компаній—не могла не окончиться крахомъ, крахомъ литературнымъ“.

„Среди фольклористовъ въ различныхъ странахъ материка есть много лицъ, которыя подрываютъ кредитъ фольклора передъ ученою публикою. Мы видимъ передъ собой картину пустой и безплодной агитаціи, что̀ по нѣмецки можно назвать die Verflachung der Volkskunde—опошливаніемъ народовѣдѣнья“...

„Мы съ сожалѣніемъ глядимъ на писателей, когда они, бывши донынѣ добросовѣстными собирателями нашего фольклора (здѣсь опять фольклоръ уже не методъ, а матеріалъ, предметъ изслѣдованія и изученія), покидаютъ твердую почву своихъ изысканій для великихъ вопросовъ, къ разрѣшенію коихъ они вовсе не подготовлены. Собирать и сводить одно дѣло и дѣло полезное, когда оно производится старательно, но иное дѣло

и несравненно болѣе трудное — изслѣдовать исторію или предлагать синтезъ (rechercher l'histoire ou essayer la synthèse).

Таковъ отзывъ одного изъ лучшихъ и ученѣйшихъ истолкователей фольклора объ его литературѣ и о большей части ея представителей. Для самого Гедоза фольклоръ трудно поддается точному опредѣленію. Онъ и методъ науки, и самая наука, и предметъ этой же науки. Но, кажется, по убѣжденію Гедоза, фольклоръ не наука, а только методъ тоже новой науки, народной психологіи, новоявленной лѣтъ тридцать назадъ, и слѣдовательно все же болѣе старой, чѣмъ совсѣмъ уже новѣйшій фольклоръ. Прибавимъ, что описанный Гедозомъ новый методъ далеко еще не выработанный и не достигшій желаемаго совершенства методъ. Каждая наука должна имѣть свой методъ и свои пріемы. Желаніе же перенести кое какіе пріемы и термины естествознанія (ячейка, клѣточка, протоплазма) въ науку историко-нравственную едвали еще можетъ создать методъ этой наукѣ? Во всякомъ случаѣ, по утвержденію одного изъ крупныхъ его представителей, фольклоръ есть методъ народной психологіи. Слѣдовательно слово фольклоръ, употребляемое Гедозомъ, и какъ названіе самой науки, фольклоръ, какъ наука, есть уже тоже, что народная психологія. По словамъ другихъ представителей фольклора, его можно отожествлять и съ исторіею человѣческой культуры.

Всячески, новѣйшій ли это методъ новой науки, народной психологіи, и гораздо болѣе старой науки, исторіи человѣческой образованности, или этотъ фольклоръ—самоновѣйшая наука есть тоже, что и народная психологія и исторія культуры, всячески въ журналѣ, посвященномъ этнологическому и этнографическому изученію Россіи и народовъ ей близкихъ по культурѣ и происхожденію, такъ называемому фольклору,—какъ бы его не принимать за методъ или за науку,—не можетъ быть отводимо первостепенное мѣсто. Иное дѣло осторожный и критически обставленный, уже довольно давно выработанный сравнительный методъ въ языкознаніи, въ изученіи народной словесности и близкой къ ней письменности, наконецъ въ археологіи. Какъ уже сказано, мы признаемъ законность и надобность такого метода, съ извѣстною мѣрою, безъ невозвратныхъ полетовъ въ совершенно недосягаемыя для трезвой мысли области воображаемой или, по выраженію Вирхова, ипотетической этнографіи, безъ пылкихъ порываній къ непремѣнному возстановленію и открытію всегда таинственнаго начала всѣхъ вещей, къ узрѣнію незримой и къ представленію неощутимой, а лишь воображаемой каждымъ изслѣдователемъ по своему, протоплазмы, клѣточки, ячейки, чуть не послѣдняго, окончательно недѣлимаго, атома

любаго миѳа, вѣрованія, преданія и обычая. Намъ и ближайшимъ поколѣніямъ такъ еще много дѣла у себя въ Россіи, въ сосѣдней Азіи и въ родной намъ части Европы, что мы можемъ кажется съ спокойною совѣстью предоставить далекимъ потомкамъ требуемые идеальными, безпредѣльными задачами фольклора и для насъ, одному Богу извѣстно, къ несчастью или счастью, совершенно невыполнимые подвиги.

Редакторъ часто уже получалъ запросы отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ знатоковъ и наблюдателей, какого рода статьи были бы для „Живой Старины“ желательны.

Въ отвѣтъ на эти вопросы перепечатываемъ нашу этнографическую програму послѣдняго изданія. Въ настоящемъ академическомъ году будетъ изготовлено новое, исправленное изданіе, пока же довольствуемся старымъ. Эта программа достаточно разъясняетъ, какого рода статьи намъ нужны. Быть можетъ эта программа пригодится и для разныхъ нашихъ славянскихъ сотрудниковъ съ юга или съ запада. Для занимающихся же собираніемъ юридическихъ обычаевъ должна быть полезна, составленная знатоками дѣла программа юридическая. Желающимъ она можетъ быть выслана по указаннымъ адресамъ.

Настоящая книжка составлялась лѣтомъ, когда всѣ мы почти были въ отъѣздѣ, и мы не успѣли Отдѣлы критики, библіографіи и Смѣси обставить такъ, какъ бы желали и какъ надѣемся ихъ повести въ слѣдующихъ книжкахъ. Эта же книжка безъ того вышла слишкомъ велика, да и намъ не хотѣлось откладывать ея появленія. Книжка II-я выйдетъ въ концѣ Ноября—въ началѣ Декабря, III-я въ половинѣ Февраля и IV-я въ половинѣ Мая.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

ПРОГРАММА

ДЛЯ СОБИРАНІЯ СВѢДѢНІЙ ПО ЭТНОГРАФІИ.

I. Физическія свойства, наружность, внѣшніе признаки и т. п.

Въ этомъ отношеніи, въ описаніяхъ края, мѣстности, околотка, желательно было бы находить слѣдующія свѣдѣнія:

1. Старожилы ли жители или новоприбывшіе? Въ томъ и другомъ случаѣ не сохранилось ли письменныхъ свидѣтельствъ или устныхъ преданій, когда, откуда и по какимъ обстоятельствамъ они водворились въ краѣ?

2. Мѣстная физіономія жителей: а) преобладающій ростъ и дородство мужчинъ и женщинъ; сухощавость и дебелость сложенія; б) относительная величина и взаимная соразмѣрность главныхъ частей тѣла, какъ-то: не слишкомъ ли велика или мала голова—по отношенію къ цѣлому человѣку; не длинны ли, или не коротки ли руки, ноги, не искривлены ли ноги; сутулость, узкость плечь, особенная развитость бедръ, ладоней и ступней, высота и плоскость подъема; не отличаются ли особенною выпуклостію, впалостію, или вислостію лобъ, щеки, грудь и т. п.; сплюснутость головы: отъ темени къ шеѣ, отъ лицевой стороны къ затылку, отъ одного виска къ другому; в) господствующій цвѣтъ тѣла: особенная бѣлизна и смуглость; г) господствующая форма глазъ: большіе, открытые, малые и узкіе, прорѣзанные прямо-горизонтально, прорѣзанные наклонно отъ виска къ носу или наоборотъ, отъ носа къ скулѣ; цвѣтъ глазъ: черные, каріе, голубые, сѣрые; д) господствующій цвѣтъ волосъ на головѣ и бородѣ: курчавость, тонкость и толстота ихъ; рѣдкость и густота волосъ на головѣ и лицѣ; обиліе волосъ на груди, рукахъ, ногахъ; совершенное отсутствіе волосъ на бородѣ и щекахъ; носятъ ли бороду или только усы? какъ носятъ бороду, клиномъ, крестомъ, лопатою? какую форму даютъ усамъ? подстригаютъ ли волосы на маковкѣ или носятъ чубы, заплетаютъ ли косы и какъ? или носятъ распустя по плечамъ; е) форма носа: прямой, горбатый, короткій и круглый съ открытыми ноздрями и т. п.; ж) форма губъ: толстыя и отвислыя, тонкія и рѣзко очерченныя, углы губъ направлены ли къ верху, или къ низу; з) не слишкомъ ли выдается впередъ верхняя челюсть отъ положенія зубовъ; не слишкомъ ли велика нижняя челюсть; и) развитіе горла, кадыковатость, зобатость.

Для большей наглядности, крайне полезно было бы прилагать къ описаніямъ портреты, всего лучше, если можно, фотографическіе, выбирая для нихъ особенно характеристическіе, мужскіе и женскіе типы. Снимать эти портреты нужно лицевые (en face) и съ боку (en profil).

Точно также необходимо въ описаніяхъ объяснять, что̀ считается, по мѣстнымъ понятіямъ, признаками мужской и женской красоты или безобразія, и какія употребляются для выраженія ихъ названія?

3) Тѣлесная сила, ловкость, проворство, вялость въ движеніяхъ и въ занятіяхъ, особенная наклонность къ тому или другому роду физическихъ трудовъ. Осо-

бенность походки, сидѣнья, движеній руками; при ходьбѣ держатся ли прямо, покачиваются со стороны на сторону, наклоняются впередъ, любятъ ходить быстро, медленно и т. п.

4) Здоровье. Крѣпость и слабость сложенія вообще, господствующія въ краѣ болѣзни, мѣстныя ихъ названія и мѣстные способы лѣченія.

II. Умственное и нравственное развитіе.

Въ этомъ отношеніи необходимо обращать вниманіе на тѣ только свойства и наклонности ума и характера, которыми рѣзко отличаются жители извѣстной мѣстности отъ ихъ сосѣдей, а не помѣщать того, что̀ составляетъ общую принадлежность цѣлаго племени или народа.

Прежде всего нужно опредѣлить важнѣйшую черту характера, живость и вялость его. Воспріимчивы ли къ разнымъ впечатлѣніямъ жители и преимущественно въ какихъ случаяхъ? въ чемъ и какъ выражается эта впечатлительность: рѣзкими и быстрыми движеніями, громкими восклицаніями, скоростію переходовъ отъ робости къ огорченію и т. п.? Или жители отличаются особенною сдержанностью въ выраженіи своихъ чувствъ, серьезною обдуманностію касательно представляющихся имъ предметовъ, настойчивостью въ исполненіи предпринятаго намѣренія и т. п.? Любознательны ли жители, обнаруживаютъ ли пытливость при встрѣчѣ съ предметомъ или явленіемъ новымъ, желаютъ ли узнать его сущность, причины его существованія и послѣдствія, имъ производимыя; или они остаются равнодушными во всѣхъ такихъ случаяхъ и выказываютъ мало желанія узнать больше того, что̀ знаютъ?

Насколько въ этихъ случаяхъ обнаруживается способность пониманія, переимчивость и стремленіе усвоить знаніе, или на оборотъ, выказывается отвращеніе ко всякой перемѣнѣ, упорство удержаться въ прежнемъ, привычномъ положеніи.

Замѣчается ли въ народѣ склонность къ развитію себя грамотностію? Есть ли школы, основанныя по собственному желанію народа, а не вслѣдствіе какихъ-либо постороннихъ побужденій? Гдѣ обучаются болѣе грамотѣ: въ училищахъ или у такъ-называемыхъ мастеровъ или мастерицъ, или дома?

При исполненіи этого отдѣла этнографическаго описанія, необходимо указывать на тѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ принято то или другое направленіе наклонности народа, и вообще сложился весь его характеръ. Само собою разумѣется, что подобныя объясненія и указанія должны основываться на фактахъ, а не на однихъ умозаключеніяхъ. Въ этомъ случаѣ, весьма важное значеніе имѣютъ употребляемыя въ народѣ о самомъ себѣ и сосѣдяхъ какія-либо насмѣшливыя или похвальныя прозвища, поговорки и эпитеты, а также и самые разсказы и легенды о причинахъ ихъ происхожденія. Желательно получить такія преданія, по возможности изложенныя съ удержаніемъ мѣстнаго говора, что̀ имѣетъ особенную важность въ разсужденіи языка.

III. Языкъ, народныя преданія и памятники.

Весьма желательно, чтобы при мѣстныхъ описаніяхъ были доставляемы и сохранившіяся между жителями воспоминанія о временахъ прошедшихъ, мѣстныя сказки, пѣсни, поговорки, разсказы, пословицы, загадки, байки, прибаутки, поговорки, причитанія, заговоры, примѣты, толкованія сновъ и т. п., однимъ словомъ—всѣ выраженія народной памятливости, замысловатости и изобрѣтательности, сохраняющіяся въ живомъ употребленіи, присовокупивъ объясненіе настоящаго значенія, и если возможно, то и самаго ихъ происхожденія, равно какъ происшедшихъ въ нихъ въ теченіе времени перемѣнъ. Изъ пѣсенъ особенное вниманіе должно обращать на тѣ, которыя поются при извѣстныхъ случаяхъ, или въ соединеніи съ особенными наружными дѣйствіями и обрядами, какъ-то: вообще свадебныя и хоро·

водныя, въ особенности такъ называемыя Колядки, Щедривки, Купальскія, Семицкія, Троицкія; стихи, которыя поются нищими и слѣпыми по домамъ или сидя на мостахъ и переулкахъ съ чашкой, напримѣръ, объ Аникѣ воинѣ, объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ и т. д.; былины и пѣсни богатырскія, мѣстныя преданія, напримѣръ, о кладахъ, буграхъ, разбойникахъ и т. д. Подобные памятники народной жизни необходимо передавать тѣмъ самымъ языкомъ, на какомъ они существуютъ въ устахъ народа, а къ пѣснямъ хорошо прилагать и ихъ напѣвы, особенно къ замѣчательнымъ или малоизвѣстнымъ.

Въ этнографическомъ описаніи языкъ долженъ разсматриваться преимущественно, какъ выраженіе народныхъ понятій. Поэтому здѣсь нужны не только замѣчанія о произношеніи словъ и о грамматическихъ формахъ языка, но и списки словъ, общеупотребительныхъ во всей описываемой мѣстности или только въ нѣкоторой части ея. Такимъ образомъ желательно было бы имѣть списки словъ:

а) служащихъ для выраженія понятій отвлеченныхъ;

б) означающихъ мѣстныя особенности окружающей природы и различныхъ ея силъ; напримѣръ, въ Архангельской губерніи для извѣстныхъ пространствъ земли существуетъ названіе тундра или трунда, и вовсе нѣтъ слова степь, извѣстнаго въ южныхъ губерніяхъ; такъ для водныхъ пространствъ на сѣверѣ свои названія: губа, шаръ и другія; а на югѣ свои: лиманъ, морцо, затонъ и проч., горы въ однихъ мѣстахъ называются камнями, въ другихъ—сыртами, лѣсныя пространства: раменье, боръ, урема и проч.; существуютъ въ народѣ свои названія для странъ свѣта, для различныхъ вѣтровъ, перемѣнъ погоды, и проч.

в) опредѣляющихъ мѣстныя особенности быта: буй, погостъ, село, сельцо, деревня, слобода, хуторъ и прочія названія различныхъ населенныхъ мѣстъ не вездѣ одинаковое значеніе имѣютъ; кромѣ того, существуютъ названія для извѣстнаго рода обиталищъ, совершенно неизвѣстныя въ другихъ краяхъ, напримѣръ: заимка, уметъ, фольваркъ, зимовникъ, курень и т. п.; изба, хата, домъ, чумъ, кибитка, юртъ, келья, пуня и прочія названія зданій, назначаемыхъ для жилья, а равно названія зданій для домашняго скота, птицы и для складовъ хозяйственныхъ принадлежностей и т. п. При подробномъ описаніи устройства и расположенія цѣлыхъ поселеній или отдѣльныхъ жилыхъ или нежилыхъ зданій необходимо присоединять и мѣстныя названія отдѣльныхъ частей;

г) названій различныхъ одеждъ и частей одеждъ;

д) названій хозяйственныхъ вещей, утвари, музыкальныхъ орудій (волынка, гудокъ, варганъ), игрушекъ (чирга, ластыга и пр.) и игръ (спрятки, ималки, посидѣлки);

е) названій яствъ и питей;

ж) названій мѣстныхъ промысловъ и занятій и всѣхъ инструментовъ, матеріаловъ и другихъ принадлежностей, относящихся къ извѣстному промыслу, напримѣръ, на различныхъ рѣкахъ употребляются различныя названія рыболовныхъ снастей и способовъ ловли, или судовъ, употребляемыхъ для плаванья, и способовъ ихъ плаванія и проч.;

з) мѣстныхъ словъ ласкательныхъ, унизительныхъ, бранныхъ, съ объясненіемъ ихъ смысла, и если можно, съ указаніемъ причинъ происхожденія;

и) словъ, взятыхъ изъ другихъ языковъ и нарѣчій.

Послѣ всего этого нужно замѣчать отличія мѣстнаго выговора: пѣвучесть и растянутость, скорость и усѣченность произношенія словъ и т. п.; отличается-ли въ произношеніи оканьемъ (особеннымъ удареніемъ на о́), или аканьемъ (удареніемъ на а̀), замѣтнымъ пристрастіемъ къ смягченію нѣкоторыхъ звуковъ, или къ неумѣстному ихъ употребленію, къ замѣнѣ одного звука другимъ, напримѣръ, *и* вмѣсто *ѣ*, *у* вмѣсто *в*, *ц* вмѣсто *ч*, и на оборотъ. Кромѣ того, при записываніи мѣстныхъ словъ необходимо отмѣчать, на которую изъ гласныхъ падаетъ удареніе при произнесеніи слова.

Весьма желательно, чтобы сообщалось какъ можно болѣе мѣстныхъ сказокъ, баекъ, прибаутокъ, пѣсенъ, загадокъ, былинъ, пословицъ, поговорокъ, присловій, причитаній, заговоровъ, преданій о кладахъ, разбойникахъ и т. п., чтобы все это сообщалось съ точнымъ удержаніемъ мѣстнаго выговора и оборотовъ рѣчи, и чтобъ о каждой сказкѣ, пѣснѣ или преданіи было сказано: гдѣ и отъ кого они слушаны, съ чьего разсказа они записаны.

Сюда относится также возможно подробное описаніе всякаго рода веществен-ныхъ остатковъ старины, гдѣ таковые есть, какъ-то: насыпей, кургановъ, могилъ, городищъ, маровъ, валовъ, признаковъ старыхъ зданій или сельбищъ, примѣчатель-ныхъ по названіямъ, хотя-бы въ нихъ ужъ и не было никакихъ другихъ примѣтъ стараго быта, при чемъ должны быть присовокупляемы и соединенныя со всѣми подобными мѣстами преданія. Особенное вниманіе должно быть обращено при та-кихъ описаніяхъ на городища и курганы: при описаніи городищъ нужно обозначать ихъ форму или внѣшній видъ, также показывать, имѣютъ-ли они входъ, съ ко-торой именно стороны, также имѣютъ-ли они придѣлки или присыпки, и какъ на-зываются самыя городища и сосѣднія съ ними урочища; если нѣсколько городищъ и кургановъ расположено вмѣстѣ, то должно показывать, какое ихъ взаимное раз-стояніе, и составляють-ли они, вмѣстѣ взятые, какую-нибудь правильную фигуру; желательно также получать планы городищъ, какъ отдѣльно каждаго, такъ и нѣ-сколькихъ вмѣстѣ; наконецъ, какъ о городищахъ, такъ и о курганахъ, любопытно имѣть свѣдѣнія, были-ли они разрываемы, и если были, то что въ нихъ было найдено, и гдѣ, у кого найденныя вещи находятся.

Въ заключеніе, было-бы весьма полезно, при описаніи всякой мѣстности, при-лагать подробный списокъ названій живыхъ урочищъ (какъ-то: ручьевъ, рѣчекъ, рѣкъ, озеръ, лѣсовъ, рощъ, болотъ, пригорковъ, яровъ и т. п.), селъ, деревень, слободъ, сельбищъ и проч., находящихся въ той мѣстности.

IV. Домашній бытъ.

Сюда относятся:

1. Мѣстныя названія и описаніе народныхъ жилищъ какъ отдѣльно, такъ и цѣлыхъ селеній вообще, расположенія тѣхъ и другихъ, способа постройки и мате-ріала, изъ коего выстроены жилища, внѣшней ихъ обстановки и внутренняго убранства, а также всѣхъ дворовыхъ принадлежностей и домашней утвари (напри-мѣръ: нѣтъ-ли гдѣ особаго рода повозокъ, сбруи, а по рѣкамъ—челноковъ, лодокъ, ботовъ, барокъ съ особеннымъ устройствомъ и названіемъ и т. д.) Къ этимъ опи-саніямъ должны быть прилагаемы, для образца, планы, хотя-бы и отъ руки сдѣ-ланные, цѣлаго двора и каждаго изъ жилыхъ строеній (избы, свѣтлицы, хаты и т. п.), съ подробнымъ обозначеніемъ на планѣ, гдѣ находится печь, въ которомъ углу поставленъ образъ, стоитъ столъ и т. д. Желательно-бы получать и фасады означенныхъ строеній, а также рисунки дворовыхъ принадлежностей, домашней утвари и посуды, отличающихся какою-либо особенностію, хотя-бы съ перваго взгляда и маловажною.

2. Платье: мужское и женское, зимнее и лѣтнее, обыкновенное и нарядное, у старыхъ людей и у молодежи, у мужчинъ, женщинъ и дѣвицъ; всѣ принадлеж-ности одѣянія и ихъ мѣстныя названія; прическа головы, подбриваніе, подстриганіе и выстриганіе волосъ, равно какъ манера заплетать ихъ у женщинъ и дѣвушекъ; головные уборы мужскіе, женскіе и дѣвичьи; обувь и проч. Описаніе всего озна-ченнаго должно быть подробно до мелочей. Для большей наглядности весьма полез-но было-бы, по возможности, присоединять къ описаніямъ рисунки, раскрашенные, или даже не раскрашенные: такіе рисунки, будучи сняты съ живыхъ лицъ съ наиболѣе характеристическими мѣстными физіономіями въ ихъ мѣстной одеждѣ, могли-бы служить и для вразумительности описаній наружнаго вида жителей и для описаній одежды. Кромѣ того, желательно было-бы получать рисунки каждой изъ

принадлежностей одежды въ распластанномъ видѣ и словари мѣстныхъ названій, какъ цѣлыхъ принадлежностей одѣянія (напримѣръ, зипунъ, дубасъ, сорока, кика, и т. п.), такъ и частей ихъ (напримѣръ, въ рубахѣ — ластовицы, вороты; въ кичкѣ—подзатыльникъ, сорочка и т. д.). Въ рисункахъ съ живыхъ лицъ должно быть подробно обозначено, кромѣ мѣстности, и то, сняты-ли они съ холостаго или съ женатаго, съ женщины или съ дѣвушки: для тѣхъ и другихъ рисунки должны быть особенные.

3. Пища: ежедневная и употребляемая по праздникамъ, въ постные дни и скоромные, съ подробнымъ обозначеніемъ состава и способа приготовленія кушаній; какія животныя, птицы и т. п. признаются нечистыми, и почему считается грѣшно или непозволительно употреблять ихъ въ пищу; какія именно кушанья считаются непремѣнною принадлежностію извѣстныхъ простонародныхъ праздниковъ или извѣстныхъ обрядовъ (напримѣръ, свадебный коровай, яичница, курникъ, похоронное коливо или кутья и т. п.). Къ описаніямъ пищи должны быть также прилагаемы подробные словари мѣстныхъ названій разныхъ кушаній и всѣхъ принадлежностей столоваго и домашняго кухоннаго обихода, съ подробнымъ ихъ описаніемъ.

4. Разные обычаи и обряды, соблюдаемые при рожденіи и крещеніи дѣтей, при вступленіи въ возмужалость и на свадьбахъ, при похоронахъ и поминкахъ по умершимъ, при разныхъ особыхъ житейскихъ случаяхъ, какъ-то: при начинаніи и окончаніи разныхъ полевыхъ и другихъ работъ и занятій, при пожарахъ и неурожаяхъ, скотскихъ падежахъ, моровыхъ язвахъ и обыкновенныхъ болѣзняхъ, въ послѣднемъ случаѣ съ означеніемъ домашнихъ лѣкарственныхъ снадобій и другихъ способовъ лѣченія, какіе въ употребленіи. При описаніи лѣкарствъ и лѣченій должны быть доставляемы собранія заговоровъ, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ обрядовъ, при которыхъ каждый изъ нихъ произносится; мѣстныя названія лѣкарственныхъ растеній и другихъ врачебныхъ веществъ съ присовокупленіемъ, если возможно, ихъ ученыхъ названій и особенностей, или дѣйствительныхъ, или воображаемыхъ, какія приписываютъ имъ простолюдины.

5. Занятія, наиболѣе любимыя въ мѣстности: хлѣбопашество, огородничество, разные сельскіе промыслы, звѣриная и рыбная ловля, скотоводство, коневодство, прогонъ грузовъ, занятія табунщиковъ и косяшниковъ, бурлачество, чумачество, рукодѣльности и рукомесленности. При этомъ обращать главное вниманіе на мѣстныя особенности этихъ занятій, время, когда они происходятъ, виды, ихъ названія, способы и употребляемыя при нихъ орудія.

6. Народное веселье: праздники простонародные, съ возможно подробнымъ описаніемъ; игры взрослыхъ и дѣтскія, съ означеніемъ, когда и въ какихъ случаяхъ обыкновенно играютъ въ тѣ или другія игры; разнаго рода забавы, какъ-то: пѣніе, хороводы, пляски, музыка съ описаніемъ, и если можно, изображеніемъ музыкальныхъ орудій и т. п.

7 Примѣрный разсчетъ жизненныхъ средствъ, приходящихся на мѣстное семейство, съ показаніемъ, откуда эти средства получаются и куда расходуются; а именно: сколько употребляется семействомъ на уплату податей и разныхъ повинностей, на земскіе сборы, на насущное пропитаніе и другіе необходимые по дому прожитки, какъ-то: соль, желѣзо, одежду, обувь, деготь и т. п., а затѣмъ и на прихоти, какъ-то: щегольство, праздничное угощеніе, вино, табакъ и т. п.

Императорское Русское Географическое Общество съ полнымъ довѣріемъ обращается къ жителямъ губерній съ покорнѣйшею просьбою заняться на мѣстахъ собраніемъ свѣдѣній и составленіемъ мѣстныхъ описаній для доставленія въ Общество. Доставленіе этихъ свѣдѣній, хотя-бы самыхъ короткихъ, и хотя-бы по какой-либо одной статьѣ программы, будетъ принято обществомъ съ искреннею признательностію. Имена лицъ, доставляющихъ свѣдѣнія, будутъ по прежнему публикуемы во всеобщее свѣдѣніе, замѣчательнѣйшія изъ доставленныхъ печатаемы въ изданіяхъ

Общества, а авторы лучшихъ изъ нихъ награждаемы малыми золотыми, серебряными и бронзовыми медалями.

Составляя въ настоящее время коллекцiя видовъ и типовъ Россiи, Географическое Общество проситъ лицъ, интересующихся предметомъ, не отказать также въ доставленiи ему фотографiй типовъ различныхъ народностей, населяющихъ Россiю. изображенiя ихъ одеждъ, предметовъ домашняго обихода, жилищъ, а также видовъ различныхъ мѣстностей Россiи и странъ сопредѣльныхъ.

ПАМЯТИ

Ивана Павловича Минаева

9-го окт. 1840—1 іюня 1890.

(Вступительная лекція въ чтеніе курса санскритской литературы въ 1890—91 г.).

Господа! Прежде чѣмъ возобновить въ этомъ году наши занятія санскритской литературой мнѣ хочется вмѣстѣ съ вами помянуть нашего общаго учителя, котораго мы лишились это лѣто. Говорить Вамъ подробно о немъ, какъ о человѣкѣ и профессорѣ, мнѣ не приходится, потому что вы сами знали его, сами, какъ и я, не только слушали его лекціи здѣсь въ университетѣ, но и просиживали надолго намъ всѣмъ памятные вечера въ его кабинетѣ, сплошь уставленномъ книгами, гдѣ съ разныхъ полочекъ глядѣли на насъ безстрастные Будды! Сколько припоминается здѣсь длинныхъ разговоровъ, горячихъ споровъ, по временамъ прерываемыхъ немного насмѣшливыми, ироническими замѣчаніями покойнаго, за которыми скрывалось столько искренней доброты и любви. И когда подумаешь, что все это прошло, и больше никогда уже не увидишь и не услышишь его, то хочется какъ можно цѣльнѣе воскресить въ памяти дорогой образъ. Вамъ, еще только начинающимъ знакомиться съ тою областью знанія, въ которой работалъ покойный, вѣроятно мало извѣстны его работы, и потому я, насколько умѣю, постараюсь дать Вамъ ихъ характеристику.

Иванъ Павловичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые еще въ самомъ началѣ научной дѣятельности, поставивъ себѣ опредѣленную задачу, стремятся къ ней потомъ всю жизнь, къ ней ведутъ всѣ свои работы; предметомъ его занятій сдѣлался Востокъ, и выборъ этотъ указываетъ намъ ясно, какіе вопросы больше всего привлекали его: Востокъ по сравненію съ Западомъ, по преимуществу страна религіи; Западъ стремится все постичь умомъ, все провѣрить научнымъ

опытомъ, для него послѣ годовъ горячей вѣры наступаетъ время провѣрки того, во что онъ вѣрилъ, вѣра смѣняется отрицаніемъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе выдвигается впередъ умъ, заслоняя собою все остальное;—не то на Востокѣ: здѣсь горячая фантазія человѣка всегда стремится дальше и дальше за узкія границы знанія, здѣсь религія смѣняется религіей, а не отрицаніемъ ея, безъ религіи человѣкъ не можетъ жить на Востокѣ и въ особенности въ Индіи. Я приведу вамъ нѣсколько выдержекъ изъ работъ покойнаго гдѣ, какъ мнѣ кажется, очень ярко обрисовывается этотъ религіозный характеръ Индійца. „Единственный вопросъ, говоритъ онъ, по прежнему могущій возбудить въ Индіи общій интересъ, есть религіозный.... Великіе вопросы о тайнахъ жизни и смерти занимали Индійца уже въ отдаленной древности; глубокій спиритуалистъ, но неправильный до капризности въ своихъ созданіяхъ, онъ, постоянно находясь подъ сильнымъ гнетомъ неразрѣшенныхъ вопросовъ, всегда стремился обоготворять нѣчто такое, къ чему можно было бы въ то же время относиться по человѣчески. И его боги по большей части тѣже люди, другая фаза земныхъ существъ, сильныхъ, поражавшихъ его своею силою и произволомъ. Какъ на землѣ сильные міра, такъ и боги на небѣ были великою тяготою для него въ его личномъ существованіи, и у него родилось стремленіе не просто покончить съ земнымъ существованіемъ и отправиться славословить боговъ, но отожествиться съ божествомъ или безусловно уничтожиться.

Что проку въ смерти и въ пребываніи на небѣ? Умершіе возвращаются на землю, воплощаются въ новыя существа; боги являются на землю разрѣшить вопросы, непосильные человѣку. И какъ люди становятся богами, такъ и боги рождаются людьми. И всюду скорбь и тягота личнаго существованія. Постичь тотъ путь, который вывелъ бы его изъ широкихъ предѣловъ всеобщей скорби за границы личнаго существованія—въ этомъ состоялъ основный вопросъ всей индійской философіи и всѣхъ индійскихъ религій“ [1]).

„Мистикъ и поэтъ, онъ (т. е. Индіецъ) не придаетъ никакой цѣны тому, чѣмъ въ особенности склоненъ гордиться Европеецъ. Твой умъ не сильнѣе моего, сравниваетъ себя индіецъ съ своимъ западнымъ властелиномъ, онъ не богаче Идеями; то новое въ мірѣ идей, что волнуетъ умы твоихъ лучшихъ людей, то мнѣ было уже давно извѣстно, все это я передумалъ и нашелъ выходъ даже изъ того пессимизма, которымъ ты страдаешь. Ты богаче меня запасомъ истинъ, провѣренныхъ и доказанныхъ

[1]) Свѣдѣнія о Жайнахъ и Буддистахъ. Ж. М. Н. П. CXCV. Отд. 2. стр. 245—46.

опытомъ, ты сильнѣе меня успѣхами прикладныхъ знаній, но развѣ теперешняя опытная истина есть вѣнецъ мудрости, или какую цѣну могутъ имѣть для меня, непоколебимо вѣрующаго въ безконечное совершенствованіе человѣческой личности, въ то совершенствованіе, которое даруетъ человѣку властительство надъ міромъ видимымъ и невидимымъ — твои техническія знанія“ [1])?

То преобладающее мѣсто, которое покойный отвелъ въ своихъ работахъ исторіи религіи, онъ самъ прямо объясняетъ намъ въ эпиграфѣ къ путевымъ очеркамъ изъ Индіи и Цейлона [2]), эпиграфѣ взятомъ изъ его любимаго писателя Карлайля: It is well said in every sense, that a man's religion is the chief fact with regard to him. A man's or a nation of men's [3]). (Вѣрно во всѣхъ отношеніяхъ говорится, что главное данное для оцѣнки человѣка—это его религія; какъ для оцѣнки отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлой націи).

Въ 1858 году Иванъ Павловичъ, по окончаніи курса въ Тамбовской губернской гимназіи, поступаетъ въ Петербургскій университетъ на факультетъ восточныхъ языковъ по китайско-манчжурскому разряду, гдѣ и кончаетъ курсъ въ 1862 году, написавъ на тему „Георафическія изслѣдованія о Монголіи“ сочиненіе, удостоенное золотой медали. Эта любовь къ исторической географіи Азіи у него осталась потомъ на всю жизнь и немало цѣнныхъ работъ написано имъ въ этой области [4]), но увы, какъ и въ томъ, что составляло его главный научный интересъ, такъ и тутъ, основной работѣ, подводящей итоги всѣмъ предыдущимъ не суждено было дождаться окончанія; его переводъ Марко Поло съ примѣчаніями, отчасти только приготовленный къ печати, такъ и остался въ рукописи. Его занятій исторической географіей Азіи я коснусь подробно въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же ограничусь его дѣятельностью, какъ изслѣдователя Индіи.

Въ университетѣ Иванъ Павловичъ сталъ слушать лекціи одного изъ лучшихъ тогда знатоковъ буддизма В. П. Васильева и это вѣрно не осталось и безъ нѣкотораго вліянія на выборѣ именно буддизма; на первыхъ же

---

[1]) Объ изученіи Индіи въ русскихъ университетахъ. Рѣчь читанная на актѣ С.-Петербургскаго университета 8-го февраля 1884 года.

[2]) Очерки Цейлона и Индіи изъ путевыхъ замѣтокъ Русскаго. 2 ч. Спб. 1878.

[3]) Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ: Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи. С.-Петербургъ, 1879. Старая Индія. Замѣтки на хоженіе за три моря Афанасія Никитина. С.-Петербургъ, 1881. (Изъ Ж. М. Н. П. №№ 6—7). Поиски золота. (Рец. на изданіе записокъ Унковскаго). Ж. М. Н. П. ч. CCLVII. отд. 2, 237—49. Забытый путь въ Китай. (По поводу описанія четвертаго путешествія Пржевальскаго Ж. М. Н. П. CCLXIV отд. 2. 168—89.

[4]) «Человѣкъ—это его вѣра»—прекрасно сказано И. В. Кирѣевскимъ. (Сочиненія—1861. II, 338). Ред.

порахъ онъ убѣдился, что для истиннаго пониманія этой индійской религіи, надо обратиться къ индійскимъ первоисточникамъ, и вотъ на ряду съ занятіями китайской литературой онъ принимается за санскритъ. По окончаніи курса въ университетѣ, онъ ѣдетъ за границу и продолжаетъ свои занятія санскритомъ у Бенфея и Вебера, а затѣмъ уже самостоятельно принимается за изученіе Палійскихъ рукописей Парижской библіотеки. Тутъ онъ кладетъ основаніе той обширной начитанности въ еще неизданныхъ памятникахъ, которая всегда отличала потомъ его работы. Къ этому времени относится и составленіе каталога Палійскихъ рукописей Парижской національной библіотеки, первой научной работы Ивана Павловича; каталогъ этотъ управленіе библіотеки собиралось печатать, но за недостаткомъ средствъ не привело своего намѣренія въ исполненіе; теперь же, какъ я могъ убѣдиться въ бытность свою въ Парижѣ этимъ лѣтомъ, каталогъ находится въ безпорядкѣ, да и послѣ многихъ новыхъ поступленій потерялъ свое прежнее значеніе.

Въ 1868 г. Иванъ Павловичъ возвращается изъ-за границы послѣ пятилѣтняго пребыванія и приготовляетъ къ печати свою магистерскую дессертацію [1]). Выборъ темы сразу показываетъ намъ какъ ясно и опредѣленно уже тогда былъ у него намѣченъ планъ изученія Буддизма. Пратимокша, сборникъ предписаній монаху буддисту—одинъ изъ древнѣйшихъ, если не древнѣйшій памятникъ Буддизма: съ него несомнѣнно и правильнѣе всего было начать свои изслѣдованія.

Въ обширномъ предисловіи разсмотрѣнъ рядъ существенныхъ вопросовъ по исторіи канона и уже тутъ въ первой же работѣ, мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ тѣмъ критически скептическимъ отношеніемъ къ источникамъ, который придавалъ такую цѣну всему, что писалъ Иванъ Павловичъ. Къ вопросамъ затронутымъ въ предисловіи онъ вернулся еще разъ въ своемъ „Буддизмѣ". Къ Пратимокшѣ тѣсно примыкаетъ другая его работа 1879 г. „Община Буддійскихъ монаховъ" [2]), гдѣ онъ даетъ подробный очеркъ вступленія буддійскаго монаха въ общину. Эти двѣ работы и остались единственнымъ, что онъ напечаталъ по вопросу о Буддійской общинѣ, хотя онъ и продолжалъ собирать матеріалы для ея исторіи, которая впослѣдствіи должна была войти въ его „Буддизмъ".

Къ 70-му году относится статья „Новые факты относительно связи древней Индіи съ Западомъ [3]), которая въ 1871 г., въ нѣсколько рас-

[1]) Пратимокша-сутра, Буддійскій служебникъ, изданный и переведенный. Спб. 1869. Прил. № 1, къ XVI т. Зап. Имп. Акад. Наукъ).
[2]) Ж. М. Н. Пр. CCI. отд. 2 стр. 1—35.
[3]) Ж. М. Н. Пр. 1870. № 8.

пространенномъ видѣ, появилась по нѣмецки подъ заглавіемъ Buddhistische Fragmente [1]) и тотчасъ обратила на себя вниманіе спеціалистовъ. За этой статьей слѣдуетъ рядъ другихъ, посвященныхъ Джатакамъ т. е. легендамъ изъ перерожденій Будды [2]). Благочестивыя легенды во всякой религіи имѣютъ большое значеніе, такъ какъ черезъ нихъ главнымъ образомъ и знакомится съ религіей масса, для которой мало доступны отвлеченные догматы; Буддизмъ въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и священныя книги буддистовъ полны легендъ, ихъ храмы покрыты иллюстраціями къ этимъ легендамъ. На знаменитой Бхархутской ступѣ, древнѣйшемъ, по всей вѣроятности, доселѣ извѣстномъ буддійскомъ памятникѣ, „Отовсюду на молельщика смотрѣли лики, какъ бы разсказывающіе эпопею Вѣщаго, разнообразную и исполненную невѣроятныхъ контрастовъ; эпизоды изъ его послѣдней земной жизни смѣнялись изображеніями его предшествующихъ перерожденій... [3]).

Джатаки, кромѣ спеціальнаго значенія, какъ памятники буддійскаго канона, имѣютъ еще и другое не менѣе важное; въ нихъ намъ сохранились древнѣйшія литературныя формы цѣлаго ряда легендъ, басень, сказокъ, и потому вполнѣ справедливо будетъ сказать, „что значеніе этого сборника (Джатакъ), для научнаго изученія народныхъ литературныхъ созданій почти таково же, какъ и значеніе гимновъ Вэдъ для научнаго изученія индо-европейскаго слова и миѳа“ [4]).

Въ небольшомъ введеніи къ переводамъ изъ Джатакъ Иванъ Павловичъ нѣсколько останавливается на значеніи Джатакъ въ вопросѣ о духовномъ общеніи народовъ; онъ говоритъ: „Выясненіе духовнаго общенія народовъ т. е, опредѣленіе, съ какой стороны было заимствованіе и какимъ путемъ оно шло, или же объясненіе сродныхъ явленій единствомъ человѣческой природы предоставляется сдѣлать изслѣдователю на основаніи фактовъ, весьма часто допускающихъ нѣсколько прямо противоположныхъ и всегда болѣе или менѣе вѣроятныхъ толкованій; въ такомъ случаѣ недостаточно обозначеніе путей, которыми могло идти заимствованіе, или опредѣленіе времени появленія памятниковъ, но необходимо выяснить

---

[1]) Mél. As. VI. 578—99.

[2]) Нѣсколько разсказовъ изъ перерожденій Будды. Ж. М. Н. П. 1871. № 11. стр. 88—133.
Нѣсколько словъ о буддійскихъ Жатакахъ Ib. 1872. № 6.
Индѣйскія сказки. Ib. 1874. № 11. 1876. №№ 2. 4. 5. Въ 1879 г. въ брошюрѣ А. Н. Веселовскаго. Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши (Прилож. къ 34 т. Зап Ак. Наукъ № 2), стр. 28—34 выдержки изъ перевода Mahâsupinajâtaka.

[3]) Буддизмъ I, 149.

[4]) Нѣсколько разказовъ изъ перерожденій Будды стр. 88.

мотивы, почему тотъ или другой народъ, заимствовалъ тогда-то, такъ-то, то или другое представленіе. И въ такомъ только случаѣ заимствованіе, какъ гипотеза для объясненія множества сходныхъ явленій въ области человѣческаго творчества, получаетъ научное значеніе..." Выяснивъ требованія, предъявляемыя при сравнительномъ изученіи литературныхъ памятниковъ разныхъ временъ и народовъ, онъ заканчиваетъ словами: „за всѣмъ тѣмъ изученіе извѣстной редакціи какого бы то ни было памятника необходимо начинать съ вопроса хронологическаго, иными словами, постараться разъяснить, когда эта редакція появилась въ данной литературѣ, и не слѣдуетъ ли ея начала отнести къ гораздо болѣе глубокой древности" [1]). Девять лѣтъ спустя Ивану Павловичу пришлось коснуться тѣхъ же вопросовъ духовнаго общенія народовъ и литературныхъ заимствованій, но на этотъ разъ уже какъ критику при разборѣ книги R. Seydel, Das Evangelium von Jesu in seinen Verhältnissen zu Buddha-Sage und Buddhalehre. Leipzig, 1882 [2]). Книга, которую онъ разбиралъ, нарушала на каждомъ шагу самыя несомнѣнныя правила истинно научной критики, и онъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы дать увлекающимся сравненіями и заимствованіями нѣсколько уроковъ относительно того, какъ часто неосторожное обращеніе съ матеріаломъ можетъ довести даже до потери здраваго смысла; воздавъ должное, нѣсколько правда саркастически, большой эрудиціи автора, онъ замѣчаетъ..... „правда на нѣкоторыхъ страницахъ не замѣтенъ здравый смыслъ, но такъ какъ ученый трактатъ нашего автора есть своего рода розысканіе въ области странствующихъ сказаній, то упоминаніе о послѣднемъ обстоятельствѣ можетъ казаться излишнею и мелочною придирчивостью" [3]). Предостереженіе черезъ чуръ увлекшимся „сравнителямъ" Иванъ Павловичъ облекъ въ эпиграфъ—классическое сравненіе Монмоута и Македоніи.

На ряду со всѣми этими своими работами по Буддизму Иванъ Павловичъ занимался разными изслѣдованіями по языку Пали, хорошо сознавая всю необходимость основательнаго знакомства съ священнымъ языкомъ Буддистовъ: еще въ 1869 г. онъ печатаетъ небольшую палійскую метрику [4]), а въ 1872—уже и полную грамматику Пали съ весьма важнымъ введеніемъ, подробно касающимся вопроса объ отношеніи Пали къ Санскриту и

---

¹) Индѣйскія сказки. Введеніе стр. 68—69.
²) Новооткрытое значеніе буддійскихъ легендъ. Христ. чтен. 1883. I, стр. 732—53.
³) Ib. стр. 734.
⁴) Die Pâli-Metrik Vuttodaya. Mél. As. VI, 195—225.

къ пракритскимъ нарѣчіямъ[1]). Грамматика эта была построена преимущественно на туземной грамматикѣ Rûpasiddhi, изданіе которой Иванъ Павловичъ тоже приготовлялъ къ печати; изданіе это почти кончено, и я надѣюсь, что представится возможность въ ближайшемъ будущемъ выпустить ее въ свѣтъ. Кстати здѣсь будетъ коснуться еще одной тоже неконченной грамматической работы покойнаго—Парадигмы санскритской грамматики[2]).

Продолжая безъ устали кабинетную работу, Иванъ Павловичъ всегда имѣлъ въ виду путешествіе въ Индію, которое освѣтило бы ему уже добытые результаты, намѣтило бы новые вопросы, и вотъ къ 1874 г. онъ отправляется въ двухгодичное странствованіе по Цейлону и Индіи. Свои путевыя впечатлѣнія онъ изложилъ въ рядѣ журнальныхъ статей, которыя затѣмъ соединилъ, нѣсколько дополнивъ ихъ, подъ заглавіемъ: „Очерки Цейлона и Индіи изъ путевыхъ замѣтокъ Русскаго"[3]). Путешествіе начинается съ Цейлона, одного изъ главныхъ современныхъ очаговъ Буддизма—Буддизмъ здѣсь процвѣтаетъ и теперь, но развалины на каждомъ шагу, на каждомъ шагу памятники минувшаго блеска и величія, которыя вѣрно никогда уже не вернутся. Не смотря на это раззореніе, Цейлонъ все же страна буддійская—не то въ Бихарѣ—родинѣ Буддизма; сюда правда стекаются въ Гаю, къ своей главной святынѣ—священному древу, буддійскіе паломники всѣхъ странъ, но вокругъ святыни живутъ иновѣрцы, и буддистъ здѣсь лишь гость, а не хозяинъ. Посѣщеніе въ Сомнагарѣ брахманской школы наводитъ нашего путешественника на размышленія о Наландѣ, знаменитомъ буддійскомъ монастырѣ—университетѣ, гдѣ „выработалась окончательно та религіозная система, которая до сихъ поръ крѣпко держится въ Непалѣ, Тибетѣ, Китаѣ и Монголіи". Долгое время былъ здѣсь центръ буддійской учености, не разъ разрушался монастырь, не разъ сжигалась библіотека и разгонялись профессора и студенты; но всякій разъ благочестивыя руки возстановляли святыню, и мы до сихъ поръ не имѣемъ вѣрныхъ извѣстій о времени ея окончательнаго разрушенія.

Посѣтивъ буддійскія святыни въ Гаѣ, Иванъ Павловичъ знакомится затѣмъ съ Непаломъ, гдѣ онъ опять сталкивается съ буддизмомъ, но уже далеко не тѣмъ, который онъ наблюдалъ на Цейлонѣ; девять лѣтъ спустя онъ посѣтилъ еще и третью буддійскую страну—Бирму, запасшись такимъ

[1]) Очеркъ фонетики и морфологіи языка Пали. С.Петербургъ. 1872. Грамматика эта была переведена на французскій и англійскій языки.
[2]) С.-Петербургъ. 1889 (литограф.).
[3]) 2 части. С.-Петербургъ. 1878. Изд. Л. Ф. Пантелѣева.

образомъ богатымъ живымъ матерьяломъ для знакомства съ тою религіею, которую онъ такъ тщательно изслѣдовалъ.

Къ первой же поѣздкѣ относится и посѣщеніе Камаона, откуда онъ вывезъ интересное собраніе сказокъ[1]). За первымъ путешествіемъ послѣдовало второе въ 1879 г.; описанія этого путешествія по какимъ-то причинамъ Иванъ Павловичъ не напечаталъ, но оно сохранилось въ его бумагахъ и будетъ издано. Въ третье путешествіе въ 1885 г. онъ лишь мелькомъ посѣтилъ Индію и направился въ Бирму; частичное описаніе этого путешествія онъ далъ въ статьѣ „Англичане въ Бирмѣ" [2]). Три путешествія нисколько не ослабили его энергіи, и меньше чѣмъ за годъ до смерти онъ говорилъ о четвертомъ, болѣе продолжительномъ путешествіи въ Индію, которое онъ хотѣлъ предпринять въ недалекомъ будущемъ.

Ни путешествія, ни лекціи не мѣшали ему все это время собирать, приготовлять къ печати и печатать рядъ буддійскихъ текстовъ, по преимуществу Палійскихъ [3]). Къ этому же времени относится и начало печатанія его основнаго труда „Буддизмъ" (печатаніе началось еще до третьяго путешествія[4]).

Въ эту книгу, которая, несмотря на свое скромное названіе „Очерки и изслѣдованія" должна была по возможности изслѣдовать индійскій буддизмъ въ его полномъ объемѣ, Иванъ Павловичъ вложилъ трудъ цѣлой жизни — она должна была объяснить возникновеніе и судьбы великой, міровой религіи. Много было писано о буддизмѣ, много большихъ и хорошихъ и дурныхъ книгъ, но всѣ онѣ почти либо обходили критическое разсмотрѣніе источниковъ исторіи Буддизма, либо подходили къ нимъ съ предвзятой и часто слишкомъ правовѣрной точки зрѣнія. Надо было разобраться въ этомъ лабиринтѣ свѣдѣній и мнѣній и ясно отвѣтить на вопросъ, что мы знаемъ о буддизмѣ и что мы можемъ узнать? На это, какъ мнѣ кажется, въ высшей степени ясный отвѣтъ дается первымъ выпускомъ книги (Введеніе: объ источникахъ). За первымъ томомъ должно было послѣдовать изслѣдованіе вопроса „О Святомъ (arhat)", кореннаго вопроса древнѣйшаго Буддизма, разборъ легенды о Буддѣ и повидимому еще многое дру-

---

[1]) Индѣйскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ въ 1885 г. Спб. 1877 г.

[2]) «Вѣстн. Евр.» 1887. № 11 стр. 153—91.

[3]) Въ Journal of the Pali Text Society: 1885. The Cha—kesa—dhâtu—vamsa. 5—16. The Sandesa-Kathâ. 16—28. 1886. Anâgata—vamsa. 33—53. Gandha-vamsa. 54—80. 1887. Sîmâ—vivâda—vinicchaya—Kathâ. 17—34. Въ Запискахъ Восточнаго Отд. Арх. Общества. T. I. Буддійскій Символъ вѣры. 203—205. т. IV. Буддійскія Молитвы I и II. 125—36. 233—40.

[4]) Буддизмъ. Изслѣдованія и матерьялы т. I. вып. 1. 2. С.-Петербургъ. 1887.

гое, о чемъ мы, надо надѣяться, получимъ нѣкоторое представленіе, когда будутъ разобраны бумаги покойнаго.

После выхода въ свѣтъ I-го тома буддизма, Иванъ Павловичъ неутомимо продолжалъ изданіе буддійскихъ текстовъ [1]) и подготовлялъ продолженіе Буддизма. На этихъ то работахъ его и настигла смерть.

Какъ то невыразимо грустно подумать, что 49 лѣтъ—въ самую еще лучшую пору жизни онъ сошелъ въ могилу, оборвавъ, не окончивъ того, что составляло задачу цѣлой жизни напряженной мысли и упорнаго труда. Не то, чтобы приходилось сѣтовать о томъ, что онъ мало далъ наукѣ; даже изъ моего краткаго, охватывающаго только часть его работъ, очерка—вы могли убѣдиться какъ богата была эта жизнь въ научномъ отношеніи; но когда такъ цѣльно строилось научное зданіе, хотѣлось бы видѣть его вполнѣ законченнымъ.

Въ заключеніе, еще нѣсколько словъ совсѣмъ личныхъ: покойному не разъ ставилась въ упрекъ крайняя рѣзкость отзывовъ какъ въ печати, такъ и въ разговорѣ; если даже и признать такую рѣзкость, то можно смѣло сказать, что она была всегда прямой и открытой и почти всегда находила себѣ полное оправданіе въ томъ, на что была направлена; для всякаго, кто дѣйствительно близко зналъ покойнаго, извѣстно, сколько глубокой и искренней любви скрывалось за его нѣсколько холодной и насмѣшливой наружностью. Жизнь его была чистая и ясная—жизнь глубоко честнаго, выдающагося научнаго дѣятеля. Мы съ полнымъ правомъ, господа, можемъ гордиться тѣмъ, что мы его ученики; постараемся всегда хранить тѣ уроки, которые мы получили отъ него самого, и тѣ, которые такъ обильно для насъ разсѣяны въ его работахъ.

Сергѣй Ольденбургъ.

Прилагаю здѣсь списокъ нѣкоторыхъ, еще не упомянутыхъ выше, работъ покойнаго [2]).

1874. Рец. на сочиненіе В. П. Васильева. Религіи Востока. Ж. М. Н. П. № 3. 127—48.

---

[1]) Petavatthu. (Pali Text Soc.) London 1889.

Kathâvatthuppakarana—atthakathâ. Journ. Pali Text Soc. 1889. 1—199. 213—22.

Посланіе къ ученику. Соч. Чандрагомина Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. IV. 29—52.

Спасеніе по ученію позднѣйшихъ буддистовъ. Ib. IV. 153—228.

[2]) Нѣсколько статей были мнѣ указаны Л. Н. Майковымъ, которому и приношу мою благодарность за сдѣланныя указанія.

1876. Рец. на книгу М. Венюкова: Краткій очеркъ англійскихъ владѣній въ Азіи. „Ж. М. Н. П.“ № 5. 157—61.

Рец. на сочиненія: Pezzi, Introduction à l'étude de la science du language. Hovelacque. La Linguistique. Manitius. Die Sprachenwelt. „Ж. М. Н. П.“ № 12. 309—314.

1877. Мнѣніе о составленіи сборника свѣдѣній о странахъ по верховьямъ Аму Дарьи. Изв. Геогр. Общ. 34—35.

Рец. на книги Миклошича: Ueber die Mundarten und Wanderungen der Zigeuner и Beiträge zur Kenntniss der Zigeunermundarten. „Ж. М. Н. П.“ № 3. 190—94.

Рец. на Domenico Pezzi, Glottologia etc. „Ж. М. Н. П.“ № 3. 194—95.

Записка о работахъ по составленію сборника свѣдѣній о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи. Изв. Геогр. Общ. 1878. 16—20.

1878. Непалъ и его исторія. „Ж. М. Н. П.“ № 1.

1879. Ширъ-Али и его отношенія къ Англіи. „Русская Рѣчь“. № 4 и 5.

1880. Очеркъ важнѣйшихъ памятниковъ Санскритской литературы. (Всеобщ. Истор. Литер., изд. подъ ред. В. Корша. Выпускъ I).

Рец. на книгу Цагарели. Мингрельскіе этюды. „Ж. М. Н. П.“ № 11. 225—31.

1882. Новыя свѣдѣнія о кяфирахъ. „Ж. М. Н. П.“ № 5. 139—57.

Фонетическія изслѣдованія Мельвиль Беля. „Ж. М. Н. П.“ № 8. 350—55.

1883. Родовой бытъ въ современной Индіи. „Ж. М. Н. П.“ № 3. 164—180.

Землевладѣніе въ современной Индіи. Ib. № 11. 135—52.

1884. Великій русскій миссіонеръ Ib. № 9. 219—27.

Русскіе помыслы объ Индіи въ старину. Ib. № 10. 349—59.

1888. Апологія Ламства. Ib. № 6. 434—48.

Н. М. Пржевальскій (некрологъ). Ib. № 11. 49—50.

Новый журналъ по фонетикѣ, Ib. № 12. 284—86.

Замѣтка на отвѣтъ А. М. Позднѣева Ib. № 12.

Pânini. I. 4. 79. Зап. В. Отд. Арх. Общ. II. 275.

Чандрагоминъ Ib. 276—77.

Рец. на Legge J. A. Record of Buddhistic Kingdoms. Ib. 310—317.

1889. Обще-лингвистическая азбука Изв. Геогр. Общ. 333—38.

Неизданнымъ остался небольшой санскритскій текстъ Câṇakyasârasaṃgraha уже совсѣмъ отпечатанный. Въ бумагахъ покойнаго, къ разборкѣ которыхъ я теперь приступилъ, сохранилось довольно много матеріаловъ для продолженія „Буддизма“ и нѣсколько другихъ уже начатыхъ работъ; что изъ нихъ можетъ быть напечатано, пока сказать трудно.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

I

1890

ОТДѢЛЪ I.

Пѣсни о князѣ Михаилѣ.

Въ ряду памятниковъ нашего былеваго эпоса, кромѣ пѣсенъ историческихъ и былинъ о богатыряхъ, есть еще особаго рода произведенія, которыя можно назвать былинами бытовыми или побывальщинами въ поэтической формѣ. Въ содержаніи такого рода пѣсенъ мы напрасно стали бы искать слѣдовъ героической саги или воспоминаній о великихъ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Дѣйствующія лица поэтическихъ побывальщинъ не появляются на широкой исторической аренѣ рядомъ съ величавыми фигурами эпическихъ знаменитостей; они выступаютъ обыкновенно передъ нами какъ исполнители той или другой роли въ драмѣ бытоваго содержанія, разыгрываемой на домашней сценѣ. Имена этого рода пѣсенныхъ героевъ— имена безвѣстныя: Ванька ключникъ, гость Терентьище и т. п. Нерѣдко такіе герои даже не называются по имени: молодецъ и жена неудачливая, молодецъ и королевна Политовская, братья разбойники и сестра. Иногда, правда, вмѣсто безыменныхъ молодцевъ появляются лица, называемыя именами, за которыми скрываются, быть можетъ, какія нибудь опредѣленныя, хотя и трудно разгадываемыя, историческія воспоминанія: кн. Михайло, кн. Данило, кн. Димитрій и т. п. Но не смотря на черты, указывающія на историческое пріуроченіе побывальщины, все содержаніе такого рода пѣсни ясно даетъ понять, что интересъ ея сосредоточивается на развитіи не историко-эпической, а психологическо-бытовой темы. Пѣсня разсказываетъ о какой-нибудь семейной драмѣ, въ которой, какъ дѣйствующія лица, выступаютъ мужъ и жена, свекровь и невѣстка, братья и сестры; содержаніе драмы— проявленіе любви и ревности, довѣрчивости и коварства, преступленіе и раскаяніе.

Изъ круга такого рода бытовыхъ былинъ я предполагаю разсмотрѣть пѣсни, связанныя съ именемъ князя Михаила.

I.

Былина о кн. Михайлѣ, извѣстная въ нѣсколькихъ пересказахъ, [1]) имѣетъ слѣдующее содержаніе:

Князь Михайло отправляется на войну (или на охоту), оставивъ дома молодую жену.

Собирался князь Михайло
Въ государеву во службу (Кир. 5., ср. 1, 2, 3).

Или:

Какъ поѣхалъ же князь Михайло
Въ чисто полечко погуляти
Со своими князьями—боярами,
Со совѣтничками потайными,
Со причетниками удалыми. (Рыбн. II, 46).

Такъ начинается пѣсня о князѣ Михайлѣ въ большей части пересказовъ. Но два пересказа (Рыбн. 47, Гильф. 299) упоминаютъ прежде всего, что Михайло женился противъ воли матери. Невѣста не нравилась свекрови.

Поѣхалъ князь Михайло жениться,
Женился—у матушки родимой не спросился,
Обвѣнчался онъ—ей не сказался.
Его матушка родима
Была гнѣвна и сердита. (Рыбн. 47).

Уѣзжая кн. Михайло проситъ мать позаботиться объ его женѣ. Онъ наказываетъ родной матушкѣ:

„Охъ ты, матушка родимая!
Береги мою молоду княжну:
Клади ее спать во соборную вечерню,
Подымай ее во соборную обѣдню;
Ты корми ее крупитчатыми калачами,
Ты пой ее медовой сытой. (Кир. 3).

---

[1]) Пѣсни, собр. *Кирѣевскимъ*, вып. V, пять пересказовъ: стр. 68—70; 70—71; 72—73; 74; 75—76. Пѣсни, собр. *Рыбниковымъ*, т. II, № 46 и 47, стр. 249—250; Онежскія былины, запис. *Гильфердингомъ* № 299 ст. 1277—1278. Новгородскій Сборникъ, вып. II (1865), отд. I. стр. 169—171 и 171—173. Пѣсни изъ собр. *Якушкина*, стр. 125—126.

Въ пересказѣ *Кир.* 2 указывается на необходимость особаго рода заботъ:

Не повинь мою молоду княгиню
Да при нужномъ при времѣ.

Въ отсутствіе сына мать рѣшается погубить невѣстку.

Какъ съѣхалъ князь Михайло
Съ широкаго подворья,
Велѣла она банюшку топити,
Горючь камень разжигати:
Молодой княгинѣ
На бѣлыя груди клала;
Она первый разъ закричала,
А въ другой-то застонала,
А въ третій замолчала. (Кир. 2).

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ это злое дѣло передается съ такими подробностями:

Его матушка родима
Скоро съ дому спроводила,
Парну баенку топила,
Парну байну не угарну;
Созвала мать княгиню
Въ парну баенку помыться
. . . .
Выжигала у княгини
Мать младеня изъ утробы,
Завернула мать младеня
Въ бѣлотравчату рубашку,
Положила мать княгиню со младенемъ
Въ бѣлодубову колоду,
Набивала на колоду
Три обруча желѣзныхъ,
Опустила мать колоду
Въ синё морё Волынско (Рыбн. 47).

По дурнымъ примѣтамъ князь догадывается, что у него дома творится что-то недоброе.

Добрый конь его спотыкнулся! [1])
„Ахти, братцы, не здорово!
Либо матушки не стало,
Либо молодой княгини! (Кир. 1).
Или:
Подъ княземъ конь спотыкнулся,
Подъ правой рукой
Ясный соколъ встрепенулся,
Съ князя шапочка свалилась.
Какъ возговоритъ Михаилъ князь:
„Ахти, дома всѣ здоровы-ль?
Вѣрно матушки не стало
Или молодой моей княгини (Кир. 3)

Пересказъ Новгородскаго сборника присоединяетъ къ изображенію убійства подробности, неизвѣстныя по другимъ варіантамъ.

Мать
Парну байну затопляла,
Понасередки [2]) клала.
— Ты, родная моя мать!
Позволь три слова сказать,—
Съ отцемъ, матерью проститься
И со княземъ со Михайломъ.
Она вышла на крылечекъ,
Закричала громкимъ гласомъ:
— Вы завійте, витры буйны,
Зашумите, лиса темны,
Сколыбайся, сине море,
Сдогадайся, князь Михайло!
— Охти мни, братцы, тошненько,
Ретиву сердцу больненько:

---

[1]) Споткнувшійся конь—дурная примѣта, нерѣдко упоминаемая въ памятникахъ народнаго эпоса. Споткнулся конь Марка Кралевича, предвѣщая его смерть. «У Добрыни конь потыкается», давая знать о готовящейся свадьбѣ жены Добрыниной съ Алешей. (Пѣсни, собр. *Рыбниковымъ* I, стр. 132. *Миллеръ*, Илья Муром. стр. 494, 794). См. еще *Чубинскій*, Труды эксп. въ зр. край, V, стр. 719, № 312; Sušil, Moravské národní písně стр. 88, № 91.

[2]) «Обыкновенное очень выраженіе во всей Новгородской губерніи, если хотятъ выразить, что сдѣлано что-нибудь по злобѣ» (Примѣч. Собир.)

Либо дома не здорово,
Либо матушки не стало,
Не то молоденькой княгини,
Моей поручной Катерины.
Князь Михайло побросался
Въ легку лодку,
Легка лодка въ сине море,
Съ синя моря въ чисто поле.
Въ чистомъ поли на добра коня садился,
Добрый конь подъ имъ бодрился.

Князь спѣшитъ домой, узнаетъ о случившемся и умираетъ, самъ лишивъ себя жизни. Этотъ послѣдній эпизодъ пѣсни передается въ пересказахъ неодинаково:

а) Михайло встрѣчается съ матерью и отъ нея узнаетъ о страшной потерѣ.

Ужь ты, матушка родная!
Гдѣ-жъ моя княгиня?
— Ужь твоя, сударь, княгиня
Во бѣлыхъ палатахъ:
Во тесовой во гробницѣ.
Вынимаетъ князь саблю остру,
Съ себя голову снимаетъ (Кир. 4).

Въ пересказѣ Кир. 5 мать на вопросъ сына о женѣ отвѣчаетъ словами злобы и клеветы:

Что твоя-то ли княгиня,
Что твоя-то ли молодая
Всю ноченьку не сыпала,
Все съ друзьями просидѣла:
Она топеречи почиваетъ
Что во свѣтлой во свѣтлицѣ:
Во дубовой во гробницѣ.

б) Князя встрѣчаютъ его слуги.

На вопросъ:

Охъ вы, вѣрны мои слуги,
Все-ли дома здорово?

Слуги отвѣчаютъ:

Славу Богу, да не само.

Такой же загадочный отвѣтъ даютъ затѣмъ нянюшки и сѣнны дѣвушки. Далѣе слѣдуетъ: встрѣча съ матерью, печальное извѣстіе, смерть (*Кир.* 1).

в) Князь встрѣчается прежде всего съ матерью; на вопросъ о женѣ мать даетъ уклончивые и ложные отвѣты:

Твоя молода княгиня
Съ нянькамн—мамками играетъ (*Кир.* 2).

Или:

Пошла твоя княгиня во высокъ теремъ,
Во высокъ теремъ бѣлиться—румяниться. (*Кир.* 3).

Михайло узнаетъ правду отъ сѣнныхъ дѣвушекъ:

Ахъ ты, батюшко нашъ, Михаилъ князь,
Мы не смѣемъ вамъ сказать:
Наша молодая княгиня переставилась,
Она стоитъ во соборной церкви (*Кир.* 3).

г) Отъ слугъ узнаетъ Михайло о смерти жены и въ тѣхъ пересказахъ, которые упоминаютъ о бросаніи труповъ въ воду [1]).

Онъ пошелъ, князь Михайло,
Къ рыболовамъ,
Велѣлъ онъ рыболовамъ
Закинуть шелковъ неводъ.
Шелковъ неводъ закидали,
Колоду вытягали;

[1]) Въ плохомъ пересказѣ *Рыбн.* 46 разсказывается, что княгиня сама бросилася въ воду въ припадкѣ умопомѣшательства. Слуги говорятъ вернувшемуся князю:

Княгиня-то, наша матушка,
Ума—разума лишилася,
Она бросилась вовъ сине море,
Вовъ сине море къ желтымъ пескамъ.

Этимъ и заканчивается пѣсня. Объясненіе этого разсказа объ утопленницѣ слѣдуетъ искать въ смѣшеніи разсматриваемой былины съ особаго рода пѣснями, образцомъ которыхъ можетъ служить моравская пѣсня: „Utonulá". Герой пѣсни отправляется на войну, оставивъ на родинѣ любящую подругу. Истекаетъ семь лѣтъ; милый не возвращается. Думая, что его уже нѣтъ въ живыхъ, дѣвушка бросается въ Дунай. Возвратившійся узнаетъ о бѣдѣ и убиваетъ себя. (Sušil, Moravské národní písně, стр. 87—88, № 91).

Тутъ колоду разбивали,
Увидалъ тутъ князь Михайло
Княгиню со младенемъ,
На колоду ушибался,
Со бѣлымъ свѣтомъ прощался,
Со своей душой разстался (Рыбн. 47).

Пѣсня заканчивается криками муки и раскаянія преступной матери:

Его маминька родима
Вдоль по бережку ходила,
По бережку ходила,
Причеты говорила:
Причеты говорила:
„Тяжко, тяжко согрѣшила,
„Три души я погубила:
„Перву душу безымянну,
„Другу душу безотвѣтну,
„Третью душеньку сердечну“ (Рыбн. 47).

Или:

Его матушка раскаялась,
Со слезами слово молвила;
„Передъ Богомъ согрѣшила я,
„Три души я погубила вдругъ:
„Первую душеньку—сыновнюю,
„Другую душу—невѣсткину,
„А третью—младенца во утробѣ. (*Кир*. 3).

Памятники народной поэзіи вообще, а побывальщины въ особенности представляютъ обыкновенно широкій просторъ для сопоставленій и параллелей, которыя отыскиваются и въ предѣлахъ и за предѣлами той литературы, которой принадлежитъ изучаемый памятникъ. Пѣсня о князѣ Михайлѣ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія.

Ближайшее сходство съ нашей былиной имѣютъ пѣсни словенская (словацкая) и моравская, текстъ которыхъ привожу вполнѣ.

Katariena a Herceg.

Bola jedna stará vdova,
Sedem synov vychovala,

Milenka st'ata.

Byla jedna chudá vdova
Svojich osem synů měla.

A tú ôsmu Katarienu,
Do dvora ju slúžit' dala.
‹Ne daj ma tam, stara matí,
Bo tam ludia všelijací;
Najdú sa tam starí, mladí,
S dievčatmi sa hrajú radi›.
Katariena kravy dojí,
Mladý herceg pri nej stojí;
Katariena mlieko cedí,
Mladý herceg pri nej sedí.
Mladý herceg strojí vojnu
A lúči sa s Katkú strojnú:
Zdravá bud', moja dušíčka,
Nezabývaj na mužíčka.›
Katrienka po dvore chodí,
A ruce za hlávku lomí:
‹Ach Bože môj premilený,
Kto že mne je v tom príčina?›
Hercegova stará mati
Dala Katku zavolati.
‹Katariena, dievka moja,
Od koho si samodruhá?›
—‹Od koho by od druhého,
Od hercega od mladého!›
«Katariena, Katariena,
Akú si smrt' zaslúžila?
Či na kusy posekati,
Či za živa zahrabati?›
—«Radš' na kusy posekati,
Sak za živa zahrabati'.
Vsětci páni z vojny idú,
Mladý herceg smutný ide;
Všetkym kone poskakujú,
Jeho smutne vykročujú.
‹Otvor, mamuš, otvor branu,
Nach uvidím Katarienu
Ci so synom, či so dcérú.»
—‹Nie so synom, nie so dcérú,
Lež na kusy posekanú,
V šírom poli zahrabanú.›
Mladý herceg nič ne meškal,
Len do ruky dva nože bral;
Jednym nožom jamu kopal,
A druhým si srdce preklal.

Měla ona osem synů,
A devátú Katerinu,
A tu dala do majira,
Do Heršekového dvora.
Paní mámo moja milá,
Nedávaj mia do majira.
Šak sa mně tam neco stane,
Čo mia velce hanba bude.
Neminula malá chvila,
Katerina sama druhá.
Na koho mám žalovati,
Na koho mám povidati?
Na Heršeka na mladého,
Ci na služebníka jeho?
Nepovídaj na jiného,
Na Heršeka na mladého.
Už páni do vojny jedú,
Svojich paní si ne vezú.
Heršek mladý taky jede,
Katerinky si ne veze.
Hned izbetky zametala,
Slzami jich polévala.
Ach čeho sem tu dočkala,
Svůj věneček jsem stratila!...
Už ti páni z vojny jedú,
Svojim paňám dary vezú.
Heršek mladý taky jede,
Katerince dary veze.
Veze on jí postelenku,
V postelence kolébenku.
Jak ho máti uviděla,
Hned mu vrata otvírala.
Pani mámo moja milá,
Kde je moja Katerina?
A v kravárni kravy dojí,
Druhá divka u ní stojí.
Heršek mladý s koňa skocil
A hned do kravárně vkročil.
Kde je moja Katerina,
Moja věrná služebkyňa?
Není tu tvá Katerina,
Šak o ní ví paní máma.
Paní mámo moja milá,
Kde je moja Katerina?

«Nach tu leží telo s telom.
A tri duše s Pánom Bohom.

(Sborník slovenských národnich piesni... Vyd. Matica slovenská, Sv. II, Soš. I, 1874, стр. 100—101, w 36).

Poslala jsem ju prat šaty,
Nemožu sa jí dočkati.
Heršek mladý koňa bodel,
A hned rychle k Dunaju jel.
Postřetl ho tam starý pán:
Heršek mladý, kam jedeš, kam?
A ja jedu ku Dunaju,
A já tam mám Katerinu,
Svoju věrnú služebkyňu!
Není tu tvá Katerina,
Šak o ní ví paní máma.
Paní mámo moja milá,
Kde je moja Katerina?
Dala jsem ju katom sťati,
Měla na ťa nesváďati.
A měl on dva nože čisté,
Na oba dva boky ostré.
Jedným sobě hrob vykopal,
Tym druhým si hlavěnku sťal.
Zostavaj tu tělo s tělem,
A dušičky s Pánem Bohem.

(Moravské národní písné sebr. od Fr. Sušila, стр. 89—90, № 92).

Въ варіантѣ словенской пѣсни, къ сожалѣнію напечатанномъ невполнѣ, Катерина называется даже *женой* графа (такъ титулуется герой пѣсни):

Vyhral hrabe vojnu veľkú,
Domov chváta objať ž i e n k u;
Ale koník smutne kráča,
Z boka na bok sa otača.
. . . .
Bo Katuška t v o j a ž e n a
S synom v hrobe zavraždená (l. c.)

Такимъ образомъ сходство нашей былины о кн. Михайлѣ и пѣсенъ словенской и моравской такъ велико, что оно сводится въ сущности къ отношенію пересказовъ одной и той же пѣсни.

Пѣсни, указываемыя далѣе, не представятъ такого полнаго параллелизма. Сходство окажется не во всѣхъ, а лишь въ нѣкоторыхъ, хотя и существенныхъ, частяхъ пѣсни. Установленіе такихъ частныхъ параллелей имѣетъ особенный интересъ, помогая намъ разглядѣть художественное строеніе пѣсни и опредѣлить ея связи съ другими, сосѣдними ей произведеніями народнаго эпоса.

Былина о кн. Михайлѣ представляетъ художественное сліяніе нѣсколькихъ пѣсенныхъ темъ, которыя даютъ содержаніе отдѣльнымъ произведеніямъ, осложняясь и разнообразясь при этомъ тѣми или другими подробностями.

1) Жена (= невѣста, любовница) умираетъ въ отсутствіе мужа (= жениха, любовника). Вдовецъ — въ отчаяніи. Образцомъ пѣсенъ на эту тему могутъ служить тѣ безсмысленные пересказы, которые напечатаны въ сборникѣ Кирѣевскаго въ видѣ дополненія къ пѣснѣ о кн. Михайлѣ. Дѣйствующимъ лицемъ въ этихъ пересказахъ является „король“, „королевичъ“, „козаченько“. Содержаніе пѣсни одинаково передается во всѣхъ варіантахъ; разница между ними замѣчается только въ томъ, съ большей или меньшей полнотой передаются всѣ подробности пѣсни. Извѣстны и малорусскіе пересказы этой пѣсни [1]). Привожу рядомъ два пересказа великорусскій и малорусскій:

Отъѣзжаетъ королевичъ на разгуляньице (вар. воеваньице),
Покидаетъ Марусеньку на гореваньице.
Пустилъ своего добраго коня на зеленые луга,
Ложился спать въ бѣломъ шатрѣ,
Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся королевичу явношунекъ сонъ:
Изъ-подъ ручки изъ-подъ правой соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ ручки сѣрая утица.
Сказали вѣсть королевичу — и радость и печаль—
„Твоя жена Марусенька сына родила,
По утрицу ранёшенько сама померла.

Поѣхавъ Ивасенько на полованье,
Лишивъ свою милу на горёванье.
Выѣхавъ Ивасенько въ чистое поле,
Пустивъ коника на попасанье,
А самъ припавъ къ сирôй землѣ на спочиванье.
Приснився Ивасенкови дивненькій сонъ,
Що злетѣвъ съ правой ручки ясненькій соколъ,
А зъ лѣвой изъ бѣлой сивая зозуля.
Пріѣхавъ Ивасенько до вороженьки,
Щобъ вôдгадала дивненькій сонъ:
Вороженька голубонька сонъ отгадала,
Молодому Ивасеви жалю задала:
„Уже-жь твоя Марисенька сына повила,
А за сыномъ Марисенька сама полягла“.

[1]) Пѣсни, собр. *Кирѣевскимъ*, вып. 5, стр. 78—91. Помѣщено 11 пересказовъ. Пересказъ № 9 взятъ изъ сборника *Мордовцевой* и *Костомарова* (Лѣт. р. лит. и древн. т. IV, отд. II, стр. 48—49); послѣдній пересказъ—малорусскій (изъ ст. *Костомарова* о Горѣ-Злосчастьѣ въ «Современникѣ» 1856, № 10 и въ Памятн. стар. лит. вып. I.—Пѣсни, собр. *Якушкинымъ* 120—122. Новгородскій Сборникъ, вып. III (1865), отд. 1, стр. 1—3. *Головацкій*, пѣсни гал. Руси, I, стр. 181—182; *Чубинскій*, Труды эксп. въ зап. р. край, V, 766—778 (18 пересказовъ).

Воротился королевичъ къ дому своему:
Широкіе воротички растворены стоятъ,
Косячетыя окошечки повыставлены,
Генералы—полковнички въ черномъ убраны.
„Твоя Марусенька въ цвѣтномъ убрана“.
Ударился королевичъ объ дубовый столъ:
„Ахъ свѣтъ—моя Марусенька, опустѣлъ домокъ!
Очи её прекрасныя не ўзрѣли меня,
Ножки её рѣзвёшуньки не встрѣтили меня,
Ручки её бѣлёшуньки не обняли меня,
Уста её сахарныя не промолвили.

(Кир. 5).

Варіантъ:

Привидился королевичу единъ дивенъ сонъ:
Поѣхалъ королевичъ къ старой бабѣ ворожить
„Скажи, скажи, бабусенька, мнѣ правду-истину:
Вечеръ я, королевичъ, ложился спать
На крутой на горѣ, во бѣломъ шатрѣ;
Изъ правой моей ручки ясенъ соколъ вылеталъ,
Изъ лѣвой моей ручки сѣрая утица“.
—Скажу тебѣ, королевичъ, правду-истину:
Вечеръ твоя Марусенька сына родила,
По утру ранешенько сама померла.

(Кир. 1).

—Ступомъ, ступомъ, сивый коню, нога за ногою,
Та чей же я ще застану миленькую мою!
Ѣде, ѣде Ивасенько, все коника бьючи,
А вже своей миленькой та не застаючи.
Пріѣхавъ Ивасенько та пôдъ вороточка,
Стукнувъ, пукнувъ сивый коникъ та у копыточка.
Выйшла до него найстаршая свѣсть:
„А вже жь тобѣ, Ивасеньку, недобрая вѣсть!
Витай, витай, пане зятю чужій, а не нашъ,
Бо вже твоей миленькой на свѣтѣ не машъ“.
Війшовъ Ивасенько до новой свѣтлицѝ,
Лежить его миленькая на престôлницѣ:
„Нôжки-жь мои скоропадни, чому не пôдете?
Ручки мои бѣленькіи, чомъ не пригорнете?
Очка мои чорненькіи, чому не глянете?
Уста мои пріязненьки, чомъ не прôмовите?
—Нôжки мои скоропадни вже ся находили,
Ручки мои бѣленькіи вже ся наробили,
Очка мои чорненькіи вже ся надивили,
Уста мои синенькіи вже сь наговорили.
(Головацк., I, стр. 181—182 [1]).

---

[1]) Сходство великорусской и малорусской пѣсенъ объ умершей женѣ давно указано было *Костомаровымъ*, по мнѣнію котораго сѣверная пѣсня—пересказъ южной. «Не много нужно навыка къ народной поэзіи, чтобъ видѣть въ пѣснѣ не чисто великорусскую, а перенятую отъ малороссіянъ». (Пам. стар. р. лит. I, стр. 16). Подобное же замѣчаніе находимъ въ статьѣ г-жи *Кохановской*: «Сличеніе нѣсколькихъ русскихъ пѣсенъ». (Воронежская Бесѣда 1861 г.) Слѣдуетъ, кажется, согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

Съ южно-русскими и сѣверно-русскими пересказами побывальщины о несчастномъ вдовцѣ можно сопоставить цѣлый рядъ пѣсенъ сходнаго содержанія въ другихъ литературахъ. Такова нѣмецкая пѣсня о молодой женщинѣ, умершей отъ родовъ въ отсутствіе мужа. Мужъ, отправившійся пригласить тещу, слышитъ, возвращаясь домой, похоронный звонъ. Встрѣтившійся пастухъ объявляетъ ему значеніе этого звона. Несчастный спѣшитъ домой, цѣлуетъ умершую и закалывается. Умираетъ и мать: у нея разрывается сердце отъ горя [1]).

Есть подобнаго же содержанія датская пѣсня. Malfred беременна двѣнадцатымъ ребенкомъ. Мужъ ея Esben отправляется пригласить родныхъ. Жена проситъ его остаться, подождать: еще въ ранней молодости ей было предсказано, что она умретъ, если забеременѣетъ двѣнадцатый разъ. Esben не обращаетъ на это вниманія и уѣзжаетъ. Дорогой ему каждую ночь грезятся печальные сны. Вернувшись, онъ видитъ дѣтей въ траурѣ, встрѣчается затѣмъ съ матерью и узнаетъ отъ нея, что предсказаніе сбылось. Въ отчаяніи Esben хватаетъ ножъ и убиваетъ себя. Мужъ и жена погребены въ одной могилѣ [2]). — Въ новогреческой пѣснѣ объ умершей женѣ дѣйствующими лицами выступаютъ Харосъ, молодая женщина и ея мужъ. Стрѣла смерти поражаетъ женщину, когда мужа ея не было дома. Вернувшійся мужъ лишаетъ себя жизни. На могилахъ супруговъ выростаютъ кипарисъ и тростникъ [3]). Въ варіантѣ этой пѣсни вмѣсто мужа и жены упоминаются женихъ и невѣста [4]). Такое же обозначеніе упоминаемыхъ въ пѣснѣ лицъ повторяется въ шведскомъ пересказѣ. Птица приноситъ жениху вѣсть отъ невѣсты. Вѣсть эта намекаетъ на какую-то печаль. Женихъ спѣшитъ къ возлюбленной и застаетъ ея похороны. Онъ останавливаетъ погребальное шествіе, проситъ сдѣлать могилу побольше, бросается на мечъ и погребенъ, какъ хотѣлъ, вмѣстѣ съ невѣстой. На ихъ могилѣ выростаетъ липа, листья которой сплетаются одинъ съ другимъ [5]). Шотландская баллада разсказываетъ о лордѣ Lovel и Lady Nanciebel, которые любили другъ друга. Lovel отправляется въ далекій путь, изъ котораго вернется только черезъ семь лѣтъ. Но миновалъ лишь одинъ годъ, какъ у него является какое-то тяжелое предчувствіе. Онъ возвращается къ возлюбленной, но уже не застаетъ ея въ живыхъ. Снимаетъ онъ гробовую крышку, открываетъ по-

---

[1]) *Uhland* Schriften, IV 13. (Anmerkungen zu den Volksliedern) s. 99—100.

[2]) Ibid. 100.

[3]) *Passow*, Popularia carmina Graeciae recentioris, № 414—416. Ср. *Liebrecht*, Zur Volkskunde, s. 182—183.

[4]) *Uhlands* Schriften. IV, 104. Пѣсня—изъ сборника *Форіеля* (II, 112).

[5]) Ibid., 101.

кровъ и цѣлуетъ блѣдныя губы усопшей. Lovel не пережилъ потери. На другой день онъ умеръ [1]). Семилѣтнее отсутствіе влюбленнаго человѣка, упоминаемое шотландской балладой, повторяется въ моравской пѣснѣ: „Milá v hrobě" [2]). Юрій отправляется на войну, оставивъ на родинѣ невѣсту:

Marianno dzěvečko,
Ež do ročku sedmého
Ně miluj tu žadného.

На седьмой годъ Юрій возвращается и узнаетъ, что его милой уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ спѣшитъ на могилу невѣсты.

Třikrat klašter objechal,
Marijanku zavolal.
«Marijanko dzěvečko,
Přemluv ke mně slovečko!»
—«Cěžké moje mluvení,
Dy ve mně dechu ňení.»
Zlaty prsteň s prstu sjal,
Marijance na prst dal,
A sam se zamordoval.

Есть варіанты этой пѣсни, заканчивающіеся голосомъ изъ могилы [3]). Самоубійство возвратившагося не упоминается, какъ и въ русскихъ пѣсняхъ о королюшкѣ.

Во всѣхъ указанныхъ пѣсняхъ [4]) нѣтъ и намека на жестокую свекровь. Страданія невѣстки отъ свекрови—особая тема, которая въ пѣсняхъ такого типа, какъ наша былина о кн. Михайлѣ, сплелась съ темою, повторяющейся въ приведенныхъ выше пересказахъ пѣсни объ умершей женѣ.

2) Мужъ уѣзжаетъ, оставивъ жену на попеченіи своей матери. Свекровь преслѣдуетъ невѣстку, обижаетъ ее. Возвратившійся мужъ узнаетъ объ этомъ. Злой матери приходится раскаиваться въ своей безразсудной жестокости. Изъ пѣсенъ съ такимъ содержаніемъ укажу прежде всего на новогреческую пѣсню. Молодая женщина терпитъ въ отсутствіе мужа всякаго рода оскорбленія

---

[1]) Ibid., 103.

[2]) Sušil, Moravské nár. písně, № 96, стр. 92—95 (6 пересказовъ). Въ примѣчаніи къ пѣснѣ указаны ея варіанты въ другихъ славянскихъ литературахъ: *Erb*. I, 19; *Luž*. I, 34, 88. *Vojc*. I, 56; II, 295; *Ol*. 399. *Ž. P*. ч. II, 13.

[3]) Ibid. 92, 93, 95.

[4]) Обиліе варіантовъ разсматриваемой пѣсни (о смерти жены или невѣсты) въ европейскихъ литературахъ, варіантовъ чрезвычайно близкихъ одинъ къ другому и къ нашей пѣснѣ о королевичѣ даетъ основаніе предполагать, что русская пѣсня—прямой потомокъ баллады, занесенной съ запада. Роль посредницы при этомъ могла принадлежать народной поэзіи одного изъ западно-славянскихъ племенъ. На русской почвѣ заносная пѣсня усвоена была сначала на югѣ, а оттуда перебралась на сѣверъ, въ область великорусской народной поэзіи.

отъ свекрови и деверей. Когда сынъ вернулся, мать пытается обмануть его: говоритъ, что жены его уже нѣтъ въ живыхъ. Ложь открывается. Мужъ находитъ жену въ полѣ: ее заставили пасти скотъ. Злая мать должна сознаться и въ обманѣ и въ жестокости. Совершенно сходнаго содержанія испанская пѣсня: Don Guillermo. Онъ отправляется на войну, оставивъ жену у матери. Свекровь обижаетъ невѣстку, обременяетъ ее работой, посылаетъ ее пасти свиней. Вернувшійся мужъ узнаетъ объ этомъ. „Еслибы ты не была моя мать, говоритъ онъ жестокой старухѣ, я бы сжегъ тебя и пепелъ пустилъ по вѣтру.“ [2]) — Къ этому кругу пѣсенъ принадлежитъ малорусская пѣсня:

Поіхавъ Ясенько та й на воёванне,
Ой гоя, гоя, гоя та й войеванне,
Покинувъ Касеньку та на горованне.
Казавъ давати Каси пшеничного хліба,
Казавъ ій давати пити зеленого вина,
Казавъ кладовити спати въ пуховихъ перинахъ.
Матка Яся не слухала и казала ій давати овсяного хліба,
Давала ій пити помый изъ корита,
Казала ій спати у ячной полові.
Ажъ на трете літо мой Ясенько іде;
То Ясенько іде, штирі коні веде;
Штирі коні веде, самъ на пъятомъ іде.
Кася не видала, матка вискочила.
„Матуню, матуню, ци гораздъ все дома,
Ци гораздъ все дома, ци Кася здорова?“
— Синочку Ясеньку, усе гораздъ дома,
Усе гораздъ дома и Кася здорова.
Синочку Ясеньку, мене Кася не слухала,
Въ сваволю вдавала. (Чуб. V, 726—727).

Пѣсня представляется не законченной. Сравненіе съ указанными выше пересказами позволяетъ восполнить недостающее: обманъ и клевета раскрываются; мужъ узнаетъ, какія оскорбленія приходилось переносить его женѣ.— Французскій пересказъ этой пѣсни (La Porchéronne), представляющій близкое сходство съ указанными выше варіантами, отличается отъ нихъ одной лишней подробностію,, занесенной изъ другаго круга пѣсенъ.

---

[1]) *Passow* op. cit. № 458. Ср. *Liebrecht,* Zur Volkskunde, 187.
[2]) *F. Wolf.* Proben portugiesischer und catalanischer Volksromanzen, 145 (Sitzungsberichte der philos.—hist. Classe der Wiener Akademie. Bd. XX.

C'est monsieur de Beauvoire,
Tout jeun' s'est marié.
Na pris un' femm' si jeune
Qu'ell' ne sait pas habillier.

Юной четѣ не долго пришлось побыть вмѣстѣ. Мужу нужно отправиться на войну. Уѣзжая, онъ поручаетъ свою жену заботамъ матери въ выраженіяхъ, напоминающихъ слова нашего князя Михайла:

«Mèr', voilà mon épouse;
Mère, gardez-la bien.
Ne faites lui rien faire
Qu'à boire et à manger
Et aller à la messe,
Quand il faudra y aller.
Quand elle ira à la messe,
Trois chambrières après:
Un' portera son livre,
Et l'autre ses gants blancs,
Et l'autre sa boursette
Pour donner aux pauvres gens.»

Мать выслушала просьбу сына, но лишь только онъ уѣхалъ, злая женщина отобрала у невѣстки всѣ дорогія вещи, которыя подарилъ ей мужъ, и послала ее пасти свиней. Прошло семь лѣтъ. Мужъ возвращается. Приближаясь къ дому, онъ встрѣчается въ полѣ съ пастушкой, въ которой узнаетъ свою жену, самъ оставаясь неузнаннымъ. Не узнаетъ его и мать, когда онъ вошелъ въ домъ и попросилъ дать ему помѣщеніе и ужинъ. Просьба эта исполнена. Пріѣзжій заявляетъ потомъ, что онъ не хочетъ провести ночь одинокимъ. Старуха рекомендуетъ ему свою пастушку. Послѣ ужина мужъ уводитъ съ собой все еще неузнающую его жену.

Allons donc, porchéronne,
Tu couch'ras avec moi.
—«Ho! non, ho! non, monsieur,
J' l'ai pas accoutumé;
Je couche à l'écurie
Aveque mes lévriers.»
L'a pris par sa main blanche,
En chambre l'a mené;
La pauvre porchéronne
Ell' s'est mise à pleurer.
—«J'en suis fille honnête,
Je perdrais mon honneur.
«Ne pleurez pas, madame,
Je suis votre mari.»

Жена узнаетъ наконецъ мужа и разсказываетъ ему о своихъ лишеніяхъ. Утромъ старая хозяйка будитъ мнимую пастушку: пора ей приниматься за работу. На это требованіе отвѣчаетъ мужъ:

«Allez-y vous, ma mère,
Elle y est tant allée!
Si vous n' étiez ma mère,
Tuée vous en seriez;
Du fil qu'elle a filé
Vous en seriez étranglée;
Du bois qu'elle a porté
Vous en seriez brûlée;
Puisque vous êtes ma mère
Tout sera pardonné.
Ho! donnez moi, ma mère,
Les clefs de mon château.» [1])

Сходнаго содержанія пѣсня о Germaine (или Germine). Мужъ въ отъѣздѣ. Спустя семь лѣтъ, онъ возвращается и проситъ у жены, неузнавшей его, позволенія переночевать.

Non, non, mes beaux messieurs, je ne puis vous loger:
Car à mon mari je promis fidelité.
Allez à c' beau château que vous voyez d'ici,
Là vous y trouverez un log'ment pour la nuit:
Car c'est là qu'reste la mèr' de mon mari.

Въ замкѣ пріѣзжій и его спутники встрѣчаютъ радушный пріемъ. Они просятъ, чтобы приглашена была Germine. Хозяйка согласна исполнить и эту просьбу. Она отправляется къ невѣсткѣ, зоветъ ее. Та съ негодованіемъ отвергаетъ сдѣланное ей приглашеніе:

Si n'étiez pas la mèr', la mèr' de mon mari,
Je vous ferais passer à Lyon sur le pont
Pour vous faire manger les petits poissons.
La bell'-mèr' s'en retourn', s'en retourne en pleurant:
— Mangez, mes beaux messieurs, Germin' n'veut pas venir;
C'est la plus méchant' femm' qu'il y ait dans le pays.
— Si vous n'tiez pas la mèr', la mèr' qui m'a nourri,
Je vous ferais passer au fil de mon épée,
D'avoir voulu séduir' Germin' ma bien aimée [2]).

Этотъ разсказъ о неузнанномъ мужѣ примѣшался къ пѣснямъ о преслѣдуемой невѣсткѣ изъ особаго рода пѣсенъ, извѣстнымъ во множествѣ варіантовъ [3]).

---

[1]) «Romania», I (1872), 352—359.

[2]) Chants populaires recueillis dans le pays Messin... par le c-te de Puymaigre, nouv. éd. (1881) t. I. p.47—59.—Указаны варіанты бретонскій, провансскій и др.

[3]) Наприм. Cap. cit. 60—64 («Le retour du Mari»).

Нѣкоторыя изъ пѣсенъ разсматриваемаго круга, разсказывающія о страданіяхъ невѣстки отъ преслѣдованій свекрови, вводятъ такую подробность: мать, встрѣчая сына, клевещетъ на его жену, обвиняя ее въ своевольствѣ и легкомысліи [1]). Относительно этой подробности нужно замѣтить, что клевета свекрови—тема, развиваемая въ особыхъ пѣсняхъ, въ которыхъ притомъ лживыя обвиненія не разоблачаются такъ скоро и такъ удачно, какъ въ приведенныхъ пересказахъ. Пріѣхавшій мужъ, повѣривъ наговорамъ матери, въ гнѣвѣ убиваетъ жену. Позже онъ узнаетъ, что былъ обманутъ, и проклинаетъ злодѣйку. Пѣсня съ такимъ именно содержаніемъ извѣстна и въ Малой, и въ Великой, и въ Бѣлой Руси. Вотъ варіанты малорусскій и великорусскій:

Ой уже сімъ літъ доньця зъ-за Дону нітъ,
А на восьмий годъ донецъ па Донъ иде.
Пристигла ёго нічка темная,
Нічка темная, та невидная;
Вінъ самъ лігъ та на кургані,
Привъязавъ коня до дубового колка.
Прилізла къ нёму чорна гадина;
То не гадина—то мати его.
„Ой ти ідь, козаче, та швидчій на Донъ,
Ой уже твій двіръ изпустошений,
Вже твоя жінка та заміжъ пішла,
Вже твої діти посиротіли,
Вже твої слуги безъ пана живуть,
Вже твої жупані поношені,
Вже твої меда одпечатані.“
Приїжає казаченько на тихій Дінъ,
Зустріла ёго жінка молода.
Ой якъ вихопивъ та остренький мечъ,
Та й znявъ жінці головку зъ плечь.
Приїжае козакъ та у свій у двіръ,
Ёго дворочокъ—та якъ віночокъ,
Діточки его за столомъ сидять,
За столомъ сидять, все перомъ пишуть,

Летѣла пава черезъ улицу,
Ронила пава павино перо.
Ой не жаль пера, жаль мнѣ павушки,
Ой мнѣ жаль младца, одинъ сынъ въ отца,
Одинъ сынъ въ отца, добрый молодецъ.
Онъ на службу идетъ государеву;
Онъ и годъ служилъ, и другой служилъ,
А на третій годъ ко двору идетъ.
Его мать встрѣла середи поля,
А сестра встрѣла середи села,
А жена встрѣла середи двора.
Ой, и мать сыну поразжалилась:
„А твоя жена увесь домъ снесла:
Что коней твоихъ пораспродала,
Соколовъ твоихъ пораспустила,
А меды твои поразвыпила.“
Вынулъ молодецъ саблю вострую,
Онъ и снесъ женѣ буйну голову;
Голова жены покатилася
Ворону коню подъ праву ногу...
Пошелъ молодецъ во конюшенку,
Кони стоятъ, сѣно-овесъ ѣдятъ,

[1]) Клевета матери внесена, какъ мы видимъ, и въ нѣкоторые пересказы пѣсни о князѣ Михаилѣ (Кир. № 5).

2

А слуги ёго золотомъ шиють,
Золотомъ шиють, силненько плачуть
По своій панеі та по добренькій.
Якъ увійде вінъ въ нові комори,
У его жупани та позлежовалися,
Якъ увійде вінъ въ нові погреби,
У его меды позацвітали...
—„Ой, мати моя, моя мати!
Ты не мати—чорна гадина!
Зъіла сонце, зъїшъ і місяця,
Зъіжъ и зірочки-дрібні діточки.

(Чуб. V, стр. 734—735)

Пошелъ молодецъ во соколенку,
Соколы сидятъ, почищаются,
И меды стоятъ не починены.
Пошелъ молодецъ на новы сѣни,
На новыхъ сѣняхъ колыбель виситъ.
Колыбель виситъ, тамъ дитя кричитъ:
„Ты баю-баю, мое дитятко,
Ты баю-баю, мое милое!
У тебя, дитя, нѣту матери,
У меня, младца, молодой жены.
Пошелъ молодецъ на высокъ теремъ;
Какъ ударился о дубовый столъ:
„Что не мать ты мнѣ и не матушка,
А змѣя же ты подколодная!“ [1])

(Воронежская Бесѣда 1861 г.)

Варіантъ, сообщенный въ сборникѣ Гильфердинга („Онежскія былины“, № 253) подъ неудачнымъ заглавіемъ: „Ревнивый мужъ“, представляетъ нѣкоторыя особенности. Уѣзжавшій и вернувшійся—князь.

И женился князь во двѣнадцать лѣтъ,
Онъ ли бралъ княгину девяти годовъ,
Онъ ли жилъ со княжной ровно три года,
На четвертой годъ онъ гулять пошелъ.
Онъ гулялъ, гулялъ да ровно три года,
На четвертой годъ онъ домой пошелъ.

Ложныя вѣсти о женѣ сообщаютъ ему встрѣтившіяся „двѣ старицы—двѣ чёрноризицы“. Онѣ говорятъ, между прочимъ, что:

„Молода жена во терему сидитъ,
Во терему сидитъ, колубень качатъ.“
И не синеё-то море всколыбалосе,
У князя сердце разгорѣлосе.

---

[1]) Въ статьѣ г-жи Кохановской: «Сличеніе нѣсколькихъ русскихъ пѣсенъ». Ср. Пѣсни изъ собр. Якушкина (1865) стр. 114. Сличеніе приведеннаго великорусскаго пересказа съ малорусскимъ указываетъ, при полномъ сходствѣ основнаго содержанія, нѣкоторыя разности въ подробностяхъ. Слѣдуетъ допустить существованіе великорусскаго пересказа болѣе близкаго къ малорусскому, ибо приведенный южнорусскій варіантъ по его складу, по его поэтическому стилю, предполагаетъ кажется великорусскій первообразъ.—Два бѣлорусскихъ варіанта см. въ сборникѣ Шейна: Матеріалы для изученія быта и языка р. населенія сѣверо-зап. края, т. I, ч. 1, стр. 534—435 и 481—482.

И приходитъ князь къ своему дворцу,
Къ своему дворцу да княженецкому,
Топне ворота правой ноженкой,
Улётѣли тѣ ворота середи двора,
Середи двора да княженецкаго,
Вышла княгина на круто крыльцо,
Въ одной тоненкой рубашкѣ безъ нитничка,
Въ однѣхъ бѣленкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ.
Вынималъ тутъ князь востру сабельку,
А срубилъ у княгины буйну голову.

Убѣдившись потомъ, что обвиненіе, взведенное на его жену, было ложно, князь спѣшитъ въ погоню за старицами.

И заставалъ онъ князь и въ чистомъ поли
Этыхъ старицей да чёрноризицей,
Вынимаетъ князь и востру сабельку,
Онъ срубилъ у старицъ буйну голову.

Съ этими русскими пѣснями можно сопоставить одинъ изъ романсовъ, сообщенныхъ въ упомянутомъ выше трудѣ Вольфа. Мужъ въ отъѣздѣ. Вернувшись, онъ не находитъ жены дома: она отправилась къ своимъ роднымъ. Свекровь клевещетъ на невѣстку. Разгнѣванный мужъ спѣшитъ въ домъ тестя и требуетъ, чтобъ жена сейчасъ же отправилась вмѣстѣ съ нимъ, не смотря на ея болѣзнь. Во время пути несчастная женщина умираетъ. Вдовецъ пускается въ паломничество [1]).

Послѣдняя подробность могла находиться и въ первообразѣ русской пѣсни. Въ измѣненномъ видѣ это паломничество могло дать поводъ къ упоминанію въ пѣснѣ странствующихъ старицъ, замѣнившихъ клеветницу-мать.

3) Пѣсня о кн. Михайлѣ соединяетъ два разсказа объ отсутствующемъ мужѣ (умершая жена, преслѣдуемая невѣстка), но при этомъ соединеніи вводится новая подробность, которая и служитъ связующимъ элементомъ, придающимъ пѣснѣ значеніе самостоятельнаго цѣлаго. Мать кн. Михайла—убійца; она не обижала только свою невѣстку, а извела ее. На внесеніе этой подробности, а слѣдовательно и на сложеніе самой были-

---

[1]) Sitzungs-Berichte der Wiener Akademie, XX 99—103. («Helena»).—Ср. Liebrecht, Zur Volkskunde, 187 (Злая мачиха, обижавшая жену своего пасынка во время его отсутствія, клевещетъ на нее, когда тотъ вернулся, обвиняетъ въ измѣнѣ. Мужъ требуетъ, чтобы жена сама покончила съ собой. Внезапно молнія поражаетъ злую старуху. Мужъ видитъ въ этомъ проявленіе божественнаго суда, наказавшаго неправду, и примиряется съ женой).

ны, могла оказать вліяніе аналогія пѣсенъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о злой женщинѣ, которая задумываетъ погубить невѣсту (жену) сына и при этомъ губитъ и самого сына. Таковы пѣсни о матери-отравительницѣ, образцомъ которыхъ можетъ служить былина о Васильѣ и Софьѣ [2]).

Во славномъ городи во Кіеви
Жила-то была честная вдова.
Было у вдовушки тридцать дочерей
И вси оны во спасенье пошли,
Вси разъѣхались по пустымъ пустынямъ
И по всѣмъ монастырямъ,
Всѣ становились по крылосамъ
И всѣ поютъ: „Господи Боже“.
Одна Сафеюшка промолвилась:
Хотѣла сказать: „Господи Боже“,
А втыпоры сказала: „Васильюшко, подвинься сюды“.
Услышала Васильева матушка,
Скорешенько бѣжала во Кіевъ градъ,
На гривенку купила зелена вина,
На другую купила зелья лютаго.
Василью наливала зелена вина,
А Сафеи наливала зелья лютаго.
Говоритъ она таково слово:
„Ты, Васильюшка, пей, да Сафеи не давай,
А, Сафеюшка, пей, Василью не давай.“
А Васильюшка пилъ и Сафеи подносилъ,
А Сафеюшка пила и Василью подносила.
Васильюшка говоритъ, что головушка болитъ,
А Сафея говоритъ: ретиво сердце щемитъ.
Они оба вдругъ переставилися
И оба вдругъ переславилися.

---

[2]) Пересказы: Безсоновъ, Калѣки перехожіе, ч. I, вып. 3, №№ 167 и 168, стр. 697—700; Гильфердингъ, Онежскія былины, №№ 31, 134, 285, стр. 154—156, 696—697, 1242; Барсовъ, Изъ обычаевъ обонежскаго народа, № 12 (Олон. губ. вѣд. 1867, № 14). Г. Квашнинъ-Самаринъ (въ статьѣ о сборникѣ Гильфердинга) относитъ пѣсню о Васильѣ и Софьѣ къ ряду былинъ о Васильѣ Казимировичѣ: «думаемъ, что дѣло идетъ о немъ, другаго Василья въ кіевскомъ эпосѣ мы не знаемъ, да онъ же названъ княземъ («Русск. Вѣстн.» 1874, № 10, 784—785). Основаніе, какъ ясно само собой,—недостаточное.—Имена великорусскаго варіанта (пѣсня, какъ увидимъ, извѣстна и за предѣлами русскаго былеваго эпоса) могли быть подсказаны смутными воспоминаніями о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ и князѣ Васильѣ Васильевичѣ Голицынѣ.

Василья несутъ на буйныхъ головахъ,
А Сафею несутъ на бѣлыхъ на рукахъ.
Василья хоронили по правую руку,
А Сафею хоронили по лѣвую руку.
На Васильѣ выростало кипарично дерево,
А Сафеѣ выростала золота верба;
Они вмѣстѣ вершочками свивалися
И вмѣстѣ листочками слипалися.
Тутъ старый идетъ-то наплачется,
А младыій идетъ надивуется,
А малый идетъ—то натѣшится.
Тутъ провѣдала Васильева матушка,
Кипарично дерево повырубила,
А золоту вербу повысушила.

(Гильф. 134).

Разницы, находимыя въ варіантахъ пѣсни, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

а) Въ пересказѣ Безсонова 168, къ упоминанію Кіева присоединяется указаніе на кн. Владиміра:

Повелъ онъ Софію по Кіеву
Ко славному князю Владиміру.

Въ пересказѣ Безсонова 167 говорится только, что мать Василья „сходила во въ Кіевъ городокъ.“ Переск. Гильф 285 замѣняетъ Кіевъ Китай-городомъ („поѣзжала во Китай-города“). Въ вар. Гильф. 31 и Барсовъ 12 мѣсто дѣйствія не опредѣляется.

б) Пересказы Гильф. 31 и 285 упоминаютъ о вѣнчаніи Василья и Софьи:

Взялъ онъ Салфею за бѣлы руки,
Повелъ Салфею во Божью церкву,
Принялъ съ Салфеей золоты вѣнцы.

в) Число дѣтей Софьиной матери опредѣляется неодинаково: 9 дочерей (Гильф. 31; Барсовъ 12); 30 дочерей (Безс. 168); 33 доч. (Гильф. 285); 33 сына и одна дочь (Безс. 167).

г) Въ пересказѣ Гильф. 285 Василій названъ княземъ:

Князь молодой ты, Васильюшко,
Ты, Васильюшко, подвинься сюда.

д) Въ варіантѣ, сообщенномъ г. Барсовымъ, свиданье Василья и Софьи передается такъ:

Всѣ они (сестры Софіи) пошли по Божьимъ церквамъ,
Меньшая сестра—на бесѣдушку.
Она сѣла-посѣла на дверну лавочку.
Надумала сказать, что „Господи прости,“
И попало сказать, что „Васильюшко дружокъ,
Потронься, подвинься по лавочкѣ сюда.“

Извѣстно не мало пѣсенъ, сходныхъ съ нашей былиной о Васильѣ и Софьѣ. Такова малорусская пѣсня о юношѣ, который выбралъ себѣ невѣсту противъ воли матери:

А мати якъ ся дознала,
Доразъ на гору бѣжала,
На высоку гору бѣжала,
Жолте корѣня копала,
Въ червеномъ винѣ мочила,
Жебы невѣсту гостила.
Невѣста презъ прагъ вкрочуе,
Свекра ей сь виномъ честуе:
„Пій ты, невѣсто, пій вино,
Не пила 'сь таке якъ живо!“
Невѣста краснѣ здравкала,
Не пила, Ванёви дала.
Скоро Ванюсё ся напилъ,
Доразъ за сердце ся хватилъ:
„Ахъ, мамо, чьто вы сробили,
Никда вы добры не были.
Хотѣли 'сте Ганчю стравити,
Ей, а вы мени стравили.“

(Голов. II, стр. 711—712. Ср. I, стр. 81).

Такого же содержанія моравская пѣсня: «Matka travička». Дѣвушка идетъ по воду. Проѣзжіе люди зовутъ ее съ собой. Дѣвушка соглашается, отправляется въ путь, прося увѣдомить ея мать,

Że se svadba strojí
Na Rakúském poli.

По другому варіанту начало пѣсни передается такъ: юноша и дѣвушка полюбили другъ друга, сблизились. Женихъ приводитъ невѣсту въ свой домъ. Дальше варіанты сходятся:

Matka ne meškala,
Dvě sklenice vzala,
Do sklepa běžela,
A do jedné medu,
A do druhé jedu.
A před syna s medem,
Před nevěstu s jedem.
Sám Pán Bůh to změnil,
Napil se syn jedu,
A nevěsta medu.
Syn se jedu napil,
Po světnici chodil,
Poručenství robil.

Брату онъ отказываетъ коней, сестрѣ—коровъ, милой—свой домъ. Очередь доходитъ до матери.

Co mně, synu, co mně?
Co mně, staré mamě?
Tobě, matko, tobě
Ten kameň široký
A Dunaj hluboký.
Že's mě otrávila,
S milú rozlúčila [1]).

Можно еще указать новогреческую пѣсню: злая мать отравляетъ жену своего сына варевомъ, приготовленнымъ изъ змѣй [2]).

Заключеніе русской пѣсни объ отравленіи сближаетъ ее съ пѣснями на другую, хотя и близкую, тему: юноша и дѣвушка любятъ другъ друга, но мать (его или ея) мѣшаетъ ихъ браку; для несчастныхъ влюбленныхъ жизнь теряетъ свою прелесть: они умираютъ одинъ за другимъ (онъ, потомъ она, или наоборотъ). Въ сборникѣ Караджича помѣщено нѣсколько пересказовъ сербской пѣсни такого именно содержанія: Смерть драге и драгога, Смерт Ивана и Јелене, Смрт Омера и Мериме [1]).

Для образца привожу въ пересказѣ одну изъ этихъ пѣсенъ. „Иванъ и Елена сильно любили другъ друга. Вотъ однажды Иванъ и говоритъ Еленѣ: „Елена, душа моя дорогая! спрашиваю тебя, хочешь ли выйти за-мужъ за меня?“ Елена ему отвѣчаетъ: „Дорогой мой Иванъ! Ты меня спрашиваешь, хочу ли я выйти за тебя? Да, я хочу, но нужно спросить у милой моей матери, выдастъ-ли она меня за тебя.“ Идетъ она къ

[1]) Sušil, Moravské nár. písně, стр. 154—155, № 157.
[2]) Passow, № 456, 457. Ср. Liebrecht, Zur Volkskunde, 187, 214 (указано нѣсколько параллелей).
[1]) Српске народне пјесме, ч. I (1841), стр. 238—259, №№ 340—345.

бѣлому двору, увидѣла матушку и спрашиваетъ: „Милая матушка моя, проситъ меня у тебя молодой Иванъ. Хочешь ли выдать меня за него?“—„Не дури, Елена,—говоритъ мать,—я хочу выдать тебя за лучшаго и богатѣйшаго.“ Идетъ Елена къ горѣ, встрѣчаетъ Ивана и разсказываетъ ему обо всемъ. Затѣмъ подаетъ ему такой совѣтъ: „Иванъ мой, дорогой изъ дорогихъ! Проси племянницу мою Маиду, она меня и выше, и лучше, и одеждой богаче.“ На это Иванъ ей отвѣчаетъ: „Лучше не говори пустяковъ, дорогая моя Еля! Пусть себѣ Маида и выше, и лучше, и одеждой богаче, но сердцу моему она не мила.“ Какъ бы то ни было, онъ все-таки послѣдовалъ совѣту своей милой. Отправляется онъ къ бѣлому двору и проситъ Маиду; получивъ согласіе, онъ отправляетъ къ ней сватовъ. Елена увидѣла сватовъ Ивана, подозвала свою матушку и сказала, что еслибъ она согласилась тогда выдать ее за Ивана, то теперь они шли бы къ ней. Когда сваты прошли мимо двора Елены, заплакала прекрасная дѣвица: она не могла снести душевнаго горя, взошла на башню и тамъ повѣсилась. На ея могилѣ простился съ душой и Иванъ. Здѣсь подлѣ милой его Елены похоронили и его“. [1]) Въ другой пѣснѣ разсказывается, что юноша погибаетъ изъ-за черноокой дѣвицы. „Мать уложила его на носилки, пронесла его возлѣ двора любимой его дѣвушки. Черноокая увидѣла его и говоритъ своей старой матери: „Я умираю, моя старая мать! Положи меня на легкія носилки и неси меня за этимъ мертвецомъ. Выкопайте намъ рядомъ могилы и чрезъ гробы соедините наши руки“. [2]) Пѣсни этого круга заканчиваются обыкновенно картинкой, знакомой намъ по нѣкоторымъ варіантамъ пѣсни объ умершей женѣ и по былинѣ о Василье и Софьѣ:

Мало време затим постајало,
Више драгог зелен бор израсте,
А виш' драге румена ружица;
Па се вије ружа око бора,
Као свила око ките смиља (№ 341).

Есть малорусская пѣсня, чрезвычайно сходная съ указанными сербскими пересказами. Жили двѣ сосѣдки,—у одной была дочь, у другой—сынъ.

Тоты двое люди такъ ся любовали,
Же и въ святой церкви покоя не мали.
Они въ святой церкви покоя не мали,
Со златымъ яблочькомъ до себе метали.

---

[1]) Пересказъ взятъ изъ соч. г. Веревскаго: Вукъ Караджичъ и его сборникъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ, стр. 72—73 («Филологич. Записки» 1889 г., вып. 2).
[2]) Ib. 72.

Любовь мѣшаетъ имъ молиться, какъ Василью и Софьѣ. Ганусина мать противится сближенію молодыхъ людей, разлучаетъ ихъ. Влюбленные не переносятъ разлуки.

„Умру я, мамичко, про бѣлу Ганичку.“
А ужь конець былъ, серденько не било.
Ганчя ся дознала, кановцу порвала,
Кановцу порвала, на воду бѣжала,
Труны ся хватила, житя утратила.
А такъ едно тѣло легло съ другимъ тѣломъ,
Души спочиваютъ съ милымъ паномъ Богомъ.
Съ едной страны церкви Яничька сховали,
Съ другой про Ганичьку смутный гробъ выбрали;
На Янчовомъ гробѣ росла размарія,
На Ганчиномъ бѣла прекрасна лелія.
Тоты двое зѣля такъ повырастали,
Ажь ся ихъ вершочьки верхъ церкви сходжали.
Ганусина мати на томъ застояла,
Драбины ставляла, вершки сожинала.
Яничьково тѣло съ гробу прогварило:
„Ей мати, ты, мати, пренедобра мати,
Не дала 'сь намъ жити, дай намъ почивати!
Хоцъ тѣло въ гробѣ гніе, порохніе,
Але наша любовь и за гробомъ жіе.“

(Голов. II, стр. 710—711).

Въ новогреческой пѣснѣ о злой матери разсказывается слѣдующее: мать, подслушавъ нѣжный разговоръ дочери съ молодымъ человѣкомъ, подговариваетъ своихъ сыновей убить сестру; умершую несутъ мимо дома ея возлюбленнаго; тотъ, узнавъ о несчастіи, закалывается; женихъ и невѣста погребены въ одной могилѣ; два растенія поднимаются надъ этой могилой, обнимаясь и цѣлуясь одно съ другимъ [1]).

Близость указанныхъ выше пѣсенныхъ темъ вела къ ихъ смѣшенію.— Слѣды такого смѣшенія замѣтны и въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ уже пересказовъ. Такъ пѣсни о смерти жены въ отсутствіе мужа допускаютъ разницу въ заключительной части. Наша пѣсня (Королевичъ) заканчивается

[1]) Passow, № 469, 470. Liebrecht, op. cit. 188—189.

изображеніемъ горя вдовца; въ испанскомъ пересказѣ, указанномъ Уландомъ, послѣдняя часть пѣсни передается такъ: вдовецъ идетъ на могилу жены, онъ проситъ умершую взять его къ себѣ, но изъ могилы слышится голосъ, призывающій къ жизни и счастью [1]); подобное же окончаніе (голосъ изъ могилы) мы встрѣтили въ нѣкоторыхъ варіантахъ моравской пѣсни. По другому ряду пересказовъ пѣсня оканчивается изображеніемъ смерти вдовца, причемъ, какъ заключительная подробность, упоминается появленіе на могилѣ сплетающихся растеній [2]). Такое окончаніе пѣсни сложилось едва ли не подъ вліяніемъ аналогіи съ пѣснями такого типа, какъ „Василій и Софья" или „Смрт драге и драгога" и т. п.

Еще яснѣе выступаетъ вліяніе аналогіи въ нѣкоторыхъ малорусскихъ пѣсняхъ разсматриваемаго круга. Такова пѣсня объ отравленіи, которую привожу въ двухъ разныхъ варіантахъ:

Оженила мати свого сина,
Молодоі невістки да не злюбила.
Що синъ пішовъ у військо-дорогу,
Молода невістка—коней стадо пасти *)
Коней пасе, рушникъ вишивае,
Рушникъ вишивае, до коней промовляе:
„Пасітеся, коні, на шовковій травці,
Да пийте, коні, холодную воду,
Поки прийде милый изъ війська, зъ дороги."
Прийшовъ милый изъ війска, зъ дороги,
Да кланяется своій жінці низенько у ноги:
—„Ходімъ, жінко, до матері въ гості."
Пришли до матері—чоломъ и рукою,
А мати до сина изъ горілкою,
А до невісточки изъ отрутою;

*) Варіантъ:
Та послала сина въ далеку дорогу,
А молоду невістку—стада пасти.

На середъ села седѣла вдова,
Ой мала жь вона сына Василя,
Ой мала жь вона, до школы вдала,
Зô школы взяла, въ вôйсько вôддала,
Въ вôйсько вôддала, на вôйну пôслала!..
Чекае рочокъ, не йде сыночокъ,
Чекае другій, не йде сынъ любый,
На третій рочокъ иде сыночокъ,
Сыночокъ иде, невѣстку веде.
Ой выйшла мати зъ новои хати,
Ой взяла жь вона сына витати:
Вынесла вона двѣ склянцѣ вина,
А трета бутылька сама тротина.
До сынонька пье червонымъ виномъ,
Невѣстцѣ дае саму тротину.
Сынъ вина не пивъ, пôдъ коня выльявъ,
А тротиноньку по половинцѣ;
Невѣстка пье, та й омлѣвае,
А сынъ ся дивитъ, съ коня ся хиляе.

[1]) Schriften, IV, 103—104.

[2]) Сплетающіяся растенія—образное выраженіе той мысли, что разлученные здѣсь соединяются тамъ. Поэтому появленіе такого образа существенная и необходимая заключительная часть тѣхъ пѣсенъ, которыя построены на упомянутой антитезѣ совершающагося до могилы и за могилой. Внесенный въ пѣсни о женщинѣ, смерть которой изображается, какъ «судъ Божій», образъ этотъ утрачиваетъ свой первоначальный смыслъ.

Посадила сина у конець стола,
Молоду невістку у порога;
Да частуе сина горілкою,
Молоду невістку отрутою.
„Ой, вилийно, жінко, горілку до дому,
Да випиймо отруту за мною;
Випийно, жинко, да по повній чарці,
Щобъ насъ поховали да у одній ямці;
Ой випиймо да по половинці,
Щобъ насъ поховали въ одній домовинці.“
Ой, умеръ синъ у неділю въ ранці,
Молода невістка—пообідавши.
Положили сина на тисовий лавці,
А невісточку на постійниці. (?)
Що по синові отець мати плаче,
А по невісточці чорний воронъ краче.
Що по синові въ усі звони звонять,
А по невісточці всі люде говорять.
Заховали сина да підъ церквою,
Молоду невістку—підъ звоницею.
Та на синові яворъ зеленіе,
А на невісточці береза біліе,
Гілька до гільки схиляется,
Мати за дітьми да побивается:
„Коли бъ я була знала, да дітей не труіла,
Свого серденька да не печалила.“

(Чуб. V, стр. 711—712).

„Знала 'сь насъ, мати, якъ чаровати,
Знай же насъ, мати, вкупцѣ сховати.“
А мати сына не послухала,
Якъ сама хтѣла, такъ ихъ сховала:
Сына Василя пôдъ оконцями,
А невѣсточку пôдъ воротцями;
На сыну Василю соненько сходить,
На невѣстонцѣ увесь міръ бродить;
На сынонькови яворъ зелененькій,
На невѣстонцѣ бѣла березанька.
Береза росте, розрастаеся,
Листъ до листонька привертаеся;
А яворъ росте, розрастаеся,
Листъ вôдъ листонька вôдвертаеся.

(Голов. I, стр. 186—187).

Соединеніе въ первомъ изъ этихъ пересказовъ (Чуб.) двухъ пѣсенныхъ темъ (отравленіе; женщина, обижаемая свекровью во время отлучки мужа) ясно до очевидности [1]).

Другой яркій образецъ сліянія пѣсенныхъ темъ представляетъ малорусская же пѣсня, очень близко стоящая къ нашей былинѣ о кн. Михайлѣ (Голов. I, стр. 74—77, №№ 30 и 31).—Молодой человѣкъ, женившійся безъ вѣдома матери, уѣзжаетъ на войну, оставивъ жену у свекрови.

[1]) См. еще бѣлорусскіе пересказы въ сборникѣ Шейна: Матеріалы для изученія быта и языка р. населенія с.-зап. края I, 1, стр. 447—451.

Ой поѣхавъ Ивасенько семь лѣтъ на войну,
Лишивъ свою Марусеньку на матѣнку рȏдну.
Ой поѣхавъ на вȏйноньку, просивъ свою матѣноньку:
„Ой матусю, матусенько, шануй мою Марусеньку!
Купай же ю, моя мамко, въ бѣлȏмъ молоцѣ,
Постели й моя мамко, пȏдъ бȏкъ перину,
Положи й, въ головоньки двѣ подушеньки,
Накрывай й, моя мамко, лехковъ периновъ,
Годуй же й, моя мамко, съ перцемъ каплуномъ,
Наповай й, моя мамко, медомъ та й виномъ!“

Мать Ивасенька не послухала: купала ее въ холодной водѣ, вмѣсто перины дала „стару ряднину“, вмѣсто подушекъ—камни, годовала ее не каплуномъ, а „лютымъ ящуромъ“, поила „гȏркимъ полиномъ“.

Ой а за дня Марусенька ще кужѣль пряла,
А зъ вечера Марусенька детя купала,
О пȏвночи Марусенька та й застогнала,
Ой у куряхъ Марусенька вже исконала.
Не наймали Марусенцѣ, абы звонили,
Ой до днины Марусеньку вже й поховали,
Щобы да ту Марусеньку й люде не знали!

Ивасенько возвращается и узнаетъ о бѣдѣ.

Ой та пȏшовъ Ивасенько на Марусячинъ грȏбъ,
Та уклякъ же Ивасенько Марусѣ до нȏгъ:
„Чи кажешь ми, Марусечко, чи кажешь ся жинити,
Чи кажешь ми, Марусечко, вдȏвцемъ ходити?“
—„Ахъ, я жь тобѣ, Ивасеньку, та й не бороню...
Твоя мати—чарȏвниця, счарує й тоту,
Якъ вона мня, Ивасеньку, та й счаровала,
Лютыми мня ящурами нагодовала;
Не наймала, Ивасеньку, менѣ звонити,
Щобы менѣ, Ивасеньку, тяжко лежати!“

Варіантъ:

Нѝ кажу ти женитоньки, нѝ кажу ти тужитоньки;
Посѣй же ты руту круту на сѣмъ камени:
Якъ та рута, якъ та крута буде сходити,
Тогдѣ жь ты ся, Ивасеньку, будешь женити.
Ой якъ озьмешь лѣпшу мене, забудешь за мене,
А якъ озьмешь гȏршу мене, то згадаешь мене.“

Нѣкоторые отдѣлы этой пѣсни буквально сходны съ приведенными выше пересказами пѣсни о смерти жены въ отсутствіе мужа; заключительная часть совпадаетъ съ той группой варіантовъ, въ которой упоминается только о горѣ вдовца (голосъ изъ могилы). Но не менѣе близкое сходство представляетъ указанная пѣсня и съ пересказами побывальщины о преслѣдуемой невѣсткѣ: мужъ уѣзжаетъ, жена остается у его матери, сынъ проситъ мать позаботиться о молодой женщинѣ, свекровь обижаетъ и преслѣдуетъ невѣстку. Вступленіе пѣсни („Поѣхавъ Ивасенько на войну=на полованье")— буквальное повтореніе соотвѣтствующаго мѣста въ пѣснѣ о несчастной невѣсткѣ. Что касается изображенія смерти молодой женщины („счаровала, лютыми ящурами нагодовала"), то тутъ слышится отголосокъ пѣсенъ объ отравленіи.

Пѣсня такого типа, какъ былина о кн. Михайлѣ, идетъ далѣе въ сліяніи пѣсенныхъ темъ. Къ разсказамъ о преслѣдованіи невѣстки свекровью и о смерти жены былина присоединяетъ еще разсказъ о самоубійствѣ вдовца,— разсказъ, появляющійся (какъ мы видѣли) и въ нѣкоторыхъ варіантахъ пѣсни объ умершей женѣ, но не представляющій существенной, первоначальной части этой пѣсни. Было уже замѣчено, что въ пѣснѣ объ умершей женѣ разсказъ о самоубійствѣ внесенъ вѣроятно подъ вліяніемъ поэтической аналогіи. Это замѣчаніе можно повторить и относительно былины о кн. Михайлѣ съ оговоркой, что въ былинѣ означенная подробность (самоубійство) могла явиться черезъ посредство того извода пѣсенъ о смерти жены, который осложнился разсказомъ о смерти вдовца. Въ былинѣ недостаетъ только упоминанія о сплетающихся растеніяхъ [1],—подробности, которая такъ часто встрѣчалась намъ въ пѣсняхъ разсматриваемаго круга.

Сліяніе пѣсенныхъ темъ въ былинѣ о кн. Михайлѣ и сходныхъ съ ею пѣсняхъ (пересказы моравскій и словацкій)—не плодъ смѣшенія неточно сохраняемаго памятью эпическаго матеріала, какъ это нерѣдко бываетъ при передачѣ пѣсни плохими пѣвцами. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ другаго порядка. Сліяніе темъ въ былинѣ о кн. Михайлѣ—не ошибка памяти, а выраженіе художественнаго замышленія пѣвца-устроителя пѣсни.—замышленія, составляющаго основу всей пѣсни, а потому проходя-

---

[1]) Объ этомъ образѣ см. A. Koberstein: Ueber die in Sage und Dichtung gangbare Vorstellung von dem Fortleben abgeschiedener menschlicher Seelen in der Pflanzenwelt (Weimarisches Jahrbuch für deutsche Sprache, Litteratur und Kunst, I Band. s. 73—100) и дополненіе къ этой статьѣ R. Köhler-a (Vom Fortleben der Seelen in der Pflanzenwelt, ein Nachtrag... ibid. 479—483); Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. слав. на природу, т. 2, стр. 500—508; Мандельштамъ, Опытъ объясненія обычаевъ, созданныхъ подъ вліяніемъ миѳа, ч. I, стр. 59—69; «Этнографическое обозрѣніе» 1889 г. кн. 3, стр. 50—53, 211.

щаго чрезъ всѣ ея пересказы. Пѣсня построена на нѣсколькихъ темахъ, но знакомясь съ нею вы не замѣчаете какой-нибудь спайки разнородныхъ частей; всѣ подробности слиты въ единствѣ содержанія, развивающагося съ стройной послѣдовательностью: кн. Михайло уѣзжаетъ, оставивъ беременную жену на попеченіи матери; мать, женщина жестокая, не любитъ невѣстки и не задумывается надъ преступленіемъ, чтобы освободиться отъ постылой; вернувшійся мужъ, узнавъ о бѣдѣ, не въ силахъ пережить ее: онъ умираетъ [1]).

Ив. Ждановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Кромѣ разсмотрѣнной былины о кн. Михайлѣ есть еще великорусская пѣсня о смерти какого-то «командира» русской «армеюшки», называемаго въ пѣснѣ «княземъ Михайломъ». Этотъ Михайло попалъ въ плѣнъ къ врагамъ («злымъ-чернымъ молдаванамъ и злымъ безбожнымъ татарамъ»):

Какъ ни мучили, ни били, души его не выняли;
И умеръ князь Михайло на тридсятомъ на году.
(Кир. V, стр. 77).

Содержаніе пѣсни напоминаетъ нѣкоторыя малороссійскія думы; любопытно, что въ пѣснѣ упоминаются «войска русскія—козаки украинскіе». По стилю пѣсня похожа на позднія солдатскія пѣсни. Нѣтъ, конечно, основанія пріурочивать эту пѣсню къ тому-же эпическому лицу, о которомъ говорится въ разсмотрѣнной былинѣ.

Полувѣрцы Псково-Печерскаго края.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію данныхъ и наблюденій, добытыхъ мною во время поѣздки въ 1885 г. по западной окраинѣ Псковской губ. для этнографическихъ изслѣдованій, я считаю своимъ долгомъ выразить здѣсь свою благодарность тѣмъ лицамъ, которыя оказали мнѣ благосклонное содѣйствіе. Во Псковѣ высшія власти снабдили меня надлежащими документами, а членъ статистическаго комитета Н. А. Строкинъ предоставилъ въ мое распоряженіе новѣйшія статистическія данныя о такъ называемыхъ полувѣрцахъ. Изборскъ, который находится какъ разъ на границѣ Русскихъ и полувѣрцевъ, былъ исходнымъ пунктомъ наблюденій. Здѣсь я провелъ болѣе недѣли, воспользовавшись удобнымъ случаемъ посѣтить съ о.о. Пановымъ и Щекинымъ окрестныя деревни, ибо въ это время они ѣздили „съ молитвою" по приходу. Съ первымъ я ѣздилъ по деревнямъ съ полувѣрческимъ населеніемъ, со вторымъ—по русскимъ деревнямъ. Кто дѣлалъ этнографическія экскурсіи, тотъ хорошо знаетъ, какъ трудно бываетъ проникнуть въ народную душу, внушить къ себѣ довѣріе, заставить простолюдина выложить свое духовное сокровище предъ проѣзжимъ чужестранцемъ, когда при этомъ нѣтъ посредствующаго лица, пользующагося довѣріемъ. Главнымъ центромъ своихъ изслѣдованій я избралъ пригородъ Печеры, поселившись въ монастырѣ. Здѣсь я провелъ болѣе трехъ недѣль, изучая монастырскій архивъ и предпринимая по временамъ экскурсіи по окрестнымъ полувѣрческимъ поселеніямъ. Достоуважаемый настоятель монастыря о. Павелъ и казначей о. Аркадій значительно облегчали мои труды. Будучи родомъ полувѣрецъ, о. Аркадій не только лично сообщалъ мнѣ разнообразныя свѣдѣнія, но и повезъ меня къ своимъ роднымъ, живя у которыхъ въ деревнѣ Воробьевѣ среди полувѣрцевъ, я имѣлъ возможность ближе изучать нравы, обычаи, вѣрованія и духовное творчество послѣднихъ. Вынужденный по личнымъ дѣламъ на время уѣхать въ Петербургъ, я на обратномъ пути взялъ другое направленіе, именно, сѣвъ во Псковѣ на пароходъ, я высадился въ Выбовкѣ, на берегу Псковскаго озера въ Лифляндіи и отсюда, держась берега, то пѣшкомъ, то на лодкѣ обошелъ все побережье до деревни Будо-

вижи, откуда повернулъ внутрь страны къ Печерскому монастырю и наконецъ отсюда предпринялъ поѣздку по западной окраинѣ Псковской губерніи на югъ до Щемерицъ. Во время своей поѣздки я старался по возможности бывать на всѣхъ народныхъ праздникахъ, сборищахъ, играхъ, пирушкахъ и т. п.

Начну съ описанія древнихъ городищъ и могилъ Псково-Печерскаго края. Прежде всего я долженъ засвидѣтельствовать, что этотъ край гораздо бѣднѣе достопримѣчательностями въ этомъ родѣ, чѣмъ Гдовскій уѣздъ. Культура уже успѣла значительно истребить эти памятники старины. Въ то время какъ въ Гдовскомъ уѣздѣ суевѣрная рука поселянина не дерзаетъ коснуться этихъ святынь, въ слѣдствіе чего многія изъ нихъ сохранились почти неприкосновенными, здѣсь же большею частью можно встрѣтить только слѣды ихъ, и лишь тамъ, гдѣ неплодородность почвы, напр., голый песокъ, не обѣщала выгодной эксплоатаціи, онѣ сохранились довольно хорошо.

Подвигаясь съ сѣвера на югъ по побережью, мы встрѣчаемъ древнія могилы въ дер. Глазовѣ. Холмы обложены камнями; сохранился только одинъ каменный крестъ. Кладбище это называется военнымъ, tsõa kalmu. Далѣе, на юговосточномъ концѣ дер. Мартыново (или Красное Село) находится кладбище, о которомъ говорятъ, что тутъ „проходила Литва". На могилахъ сохранились два каменные креста съ надписью: „Царь Іисусъ Христосъ Ника." Разсказываютъ, одному старцу было сказано во снѣ, что если кто на себѣ принесетъ бревно и построитъ часовню на немъ, тотъ можетъ вырыть здѣсь кувшинъ съ золотомъ. Говорятъ также, что одинъ крестъ три года пропадалъ, а потомъ, неизвѣстно какъ, очутился на прежнемъ мѣстѣ. Въ часовнѣ слѣдующей за тѣмъ деревни Красныя горы находится большой каменный крестъ съ обычною отчетливою надписью. По увѣренію мѣстныхъ жителей, пять человѣкъ не въ состояніи вынести его, а внести можетъ и одинъ. Но, безспорно, самая замѣчательная мѣстность около дер. Лисье, расположенной на полуостровѣ. На ю.-восточной сторонѣ ея находится мѣсто древняго замка „Городецъ", защищенное съ востока, со стороны озера, чрезвычайно высокимъ и крутымъ берегомъ, съ запада заливомъ, и лишь небольшой перешеекъ, саженъ въ 20, съ сѣвера соединяетъ его съ сушей. Впрочемъ, низменность перешейка даетъ основаніе думать, что въ древности онъ могъ быть подъ водою и Городецъ былъ окруженъ водою со всѣхъ сторонъ. Городецъ представляетъ собою неправильную, продолговатую возвышенность, въ длину саженъ 50, въ ширину около 40 саж. По разсказамъ старика Осташева, умершаго въ 1877 году на 120 году жизни, она, по преданію, была обло-

жена стѣною и служила въ древности городомъ. На памяти старожиловъ въ южномъ углу его росла громадная сосна, называвшаяся городецкою, въ діаметрѣ около 4-хъ футовъ. Она была свалена мокрикомъ (ю.-з. вѣтромъ). Преданіе гласитъ, что она стояла на дверяхъ въ погребъ, гдѣ скрыты 12 бочекъ-сороковокъ серебра и золота. Нѣкоторые любопытные производили здѣсь незначительныя раскопки, но ничего не нашли. Преданія не сохранилось, кому въ древности принадлежалъ этотъ замокъ, но „Чудскія могилы“, лежащія отсюда къ югу на 1/2 версты, съ достовѣрностью свидѣтельствуютъ, что имъ нѣкогда владѣла Чудь. Могилы эти расположены на той же песчаной возвышенности, что и Городецъ, и отдѣлены отъ материка озеромъ и заливомъ. Въ настоящее время могилы представляютъ собою три отдѣльныя кладбища длиною вмѣстѣ шаговъ въ 80; въ промежуткѣ находятся двѣ нивы. Могилы, говорятъ, были обложены камнями, которыхъ теперь нѣтъ; крестовъ на нихъ не было. По небольшимъ могильнымъ холмикамъ можно судить, что могилъ было очень много. И здѣсь происхожденіе могилъ приписывается войнѣ. Разсказываютъ, что здѣсь найденъ мечъ. Раскопки здѣсь, можно думать, дали бы много интереснаго. Южная сторона могилъ омывается заливомъ, а лѣтъ 30 назадъ, во время наводненія, гора подмылась, и показались длинныя кости и черепъ. По ту сторону залива, къ югу, еще теперь сохранились явные слѣды древняго поля. Одинъ старикъ намъ сообщилъ, что въ этой мѣстности, по преданію, люди всѣ повымерли, и поле заросло сосновымъ лѣсомъ. Когда, послѣ основанія деревни Лисья, лѣсъ былъ вырубленъ, то оказалось, что подъ нимъ было поле. Межи и слѣды бороздъ ясно доказываютъ это. Еще теперь нѣкоторыя избы въ Лисьѣ, построенныя изъ этого лѣса, цѣлы, и жители не могутъ достаточно надивиться твердости дерева. Замѣтны отдѣльныя полосы съ межами въ отдѣльныхъ низменностяхъ или луговинахъ; ширина ихъ около 50 шаговъ, длина около 70, нѣкоторыя поменьше (23 шага шириною, 50 длиною). Отсутствіе крутыхъ краевъ и холмиковъ даетъ понять, что поле долго служило для земледѣлія. Судя по тому, что на полосахъ неодинаковая трава, нужно думать, что на немъ засѣвали разный хлѣбъ. Въ настоящее время окрестности Лисья совсѣмъ голыя. Возможно, что въ древности онѣ были покрыты сосновымъ лѣсомъ, который употреблялся на постройку судовъ въ Городецкомъ заливѣ. Подобныя же мѣста предполагаемыхъ древнихъ верфей можно указать еще въ Верхоустенскомъ (или Колпинскомъ) и Лагазовскомъ заливѣ: по крайней мѣрѣ въ XVII в. они служили таковыми. Древнія кладбища можно указать еще въ слѣдующихъ деревняхъ. Въ Будовежи, на

южномъ концѣ деревни, могилы на песчаной возвышенности, плохо сохранившіяся, да притомъ здѣсь хоронили покойниковъ еще на памяти стариковъ, когда не было Лисейскаго кладбища (новаго). Могилы лишены камней, сохранился только одинъ каменный крестъ. На берегу подъ крышей на столбѣ другой крестъ, верхъ котораго круглый съ тремя треугольными дырами и съ обычною надписью. Далѣе въ дер. Подмогильцахъ, въ Дольчинѣ и Городищѣ могилы и кресты сохранились довольно хорошо. Замѣчательны древности при Городищѣ. Уже самое названіе свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь—мѣсто древняго замка. Съ одной стороны высокій берегъ Пивжи, съ другой болото, открыта третья сторона. Въ древней березовой рощѣ сохранились курганы, обложенные сѣрымъ гранитомъ и на одномъ каменный крестъ съ обычною надписью. Въ Печерской волости въ дер. Барканово въ древней рощѣ сохранились курганы, а на нихъ два каменные креста. Курганы наз. „tsõa kalmu“, т. е. военныя могилы. Въ Паниковской волости въ дер. Аристово могильникъ съ сосновой рощей; курганы большею частью обложены сѣрымъ гранитомъ, на трехъ—плиты съ крестомъ отъ востока къ западу; надписи обычныя. Въ Изборской волости мнѣ пришлось осмотрѣть древнія кладбища при двухъ деревняхъ, Замогильнѣ и Шакицахъ. На первомъ кладбищѣ 6 большихъ крестовъ (могилъ болѣе), утвержденныхъ на могилахъ въ плитахъ (на западномъ концѣ). Нѣкоторыя плиты полупровалились. Надписи обычныя, на западной сторонѣ крестовъ. Кладбище при Шакицахъ сохранилось довольно хорошо. Есть и курганы и плоскія могилы разнообразныхъ формъ. Стороны кургановъ большею частью обложены сѣрымъ гранитомъ въ видѣ параллелограма. Раскопокъ произведено много и прежде и недавно. Съ обычными надписями (очень отчетливыми) сохранилось крестовъ десять. На юго-западной оконечности кладбища находится большая продолговатая возвышенность, края которой обложены камнями. Ее, какъ видно, недавно разрывали (валяются двѣ ручныя кости). По сторонамъ ея находятся углубленія, по которымъ можно судить, что хоронили на поверхности земли и затѣмъ засыпали землею. На этомъ кладбищѣ нашли два горшка, наложенные одинъ на другой (въ одномъ кости), цѣпь и большія кости. Самую богатую древними могилами мѣстность безспорно представляетъ пригородъ Изборскъ, столица Трувора. Общій типъ могилъ и крестовъ однако одинъ и тотъ же во всемъ Псково-Печерскомъ краѣ, съ тою только разницею, что въ Изборскѣ все въ большемъ размѣрѣ и лучшей отдѣлки. Навѣрно, выдѣлка крестовъ на могилахъ производилась въ Изборскѣ, и отсюда снабжался ими весь край. Намогильные кресты вообще почитаются, какъ святыня, и обыкновенно помѣ-

щаются въ часовняхъ на ряду съ иконами. На нѣкоторыхъ крестахъ, кромѣ обычной надписи, бываютъ болѣе подробныя указанія о томъ, кѣмъ и на коихъ онъ поставленъ, напр., въ Изборскѣ въ часовнѣ большой крестъ, вставленный въ могильную плиту, имѣетъ надпись: „лѣта ЧМ. (1440) поставилъ крестъ сей....... на Степанѣ“; въ Печерскомъ монастырѣ каменный крестъ, найденный подъ крышей Успенскаго собора, въ землѣ близъ дуба, и лежащій нынѣ въ оградѣ, которою обведенъ самый большой дубъ, кромѣ обычной надписи и изображенія восьмиконечнаго креста, весь исписанъ съ лицевой стороны; я могъ разобрать только на правомъ крылѣ слѣдующія слова: „поставленъ крестъ сей....... на поклоненія крестьяномъ.“

Псково-Печерскій край заселенъ Русскими и такъ наз. полувѣрцами, у Эстовъ „Setu“, „Setukene“, „Setu rahwas“. Какъ извѣстно, русское названіе полувѣрцы (эст. poluwernikud) носятъ и жители Исаакскаго прихода въ Эстляндіи, въ углу, образуемомъ Наровой и сѣвернымъ берегомъ Чудскаго озера. Эти поселенцы Исаакскаго прихода суть объэстонившіеся русскіе бѣглецы изъ Московской Руси въ XVI и XVII вв., большею частью раскольники. Нынѣ они носятъ смѣшанное платье, понимаютъ поэстонски, хотя домашній языкъ русскій, исповѣдуютъ лютеранство. Очевидно, названіе полувѣрцы, pola-wernikud, дано имъ сосѣдними Русскими, вѣроятно, еще въ то время, когда они, посѣщая кирку, сохранили въ то же время въ домашнемъ быту нѣкоторые православные обычаи, крестное знаменіе, радоницу, почитаніе иконъ и т. п. Они считаютъ себя Эстами и оскорбляются, когда ихъ назовешь Русскими. Другое дѣло съ полувѣрцами Псково-Печерскаго края. Это Эсты, подвергшіеся сильному вліянію Русскихъ и во внѣшнемъ быту мало отличающіеся отъ послѣднихъ. Въ настоящее время здѣшніе Русскіе уже не могутъ удовлетворительно объяснить, почему эти Эстонцы названы оскорбительнымъ именемъ полувѣрцевъ, между тѣмъ какъ они — преданнѣйшія чада православной церкви. Говорятъ, что они названы такъ потому, что, исповѣдуя православіе, въ тоже время говорятъ поэстонски. По всей вѣроятности, названіе „полувѣрцы“ обязано своимъ происхожденіемъ еще тому времени, когда, перешедши въ православіе, они сохранили въ то же время въ домашнемъ быту древне-языческія вѣрованія и обычаи. Но какъ произошло другое, эстонское прозвище ихъ „Setu“, Setukene“, „Setu rahwas“ и что оно значитъ — это трудно рѣшить. Оно, по всей вѣроятности, столь же древне, какъ и прозвища лифляндскихъ Эстовъ въ различныхъ уѣздахъ и мѣстностяхъ, напр. Феллинцы — Mulk, Верровцы — Ugulane, Tsurklane, въ Линамеги — Sètkene, въ Пэлвѣ — Wetka (отъ употребленія русскаго

вѣдь, въ Толамо—Ōkarahwas (отъ употребленія ō вмѣсто on—есть) и т. д. Граница поселеній такъ наз. Setu совпадаетъ съ западной границей Псковской губерніи, именно начиная съ Выбовки (эст. Wôbs) на рѣкѣ Воо и при впаденіи въ Пейпусъ и переходя по р. Медѣ, къ югу къ рѣкѣ Пимжѣ и затѣмъ, по ней къ западу и югу до Новгородка (Нейгаузенъ) и, наконецъ, отсюда нѣсколько южнѣе Псковскаго шоссе; съ юга граница начиная съ Паниковичей до Изборска идетъ нѣсколько сѣвернѣе шоссе. Восточная граница не можетъ быть опредѣлена, или, вѣрнѣе, ея не существуетъ, потому что, чѣмъ восточнѣе отъ Лифляндской границы, тѣмъ смѣшаннѣе становится населеніе съ чисто русскимъ.

Такъ называемые Сету не переселенцы изъ Лифляндіи, какъ нѣкоторые думаютъ, но аборигены, послѣдняя эмиграціонная вѣтвь финскаго племени, нѣкогда занимавшаго весь за-Пейпусскій край и большую часть Псковской губ. О доисторическомъ мѣстожительствѣ и движеніи народностей финскаго племени въ предѣлахъ Псковской и Новгородской губерніи я надѣюсь написать особую статью.

Не смотря на многовѣковое сожительство съ Русскими, Сету до сихъ поръ сохранили свою національность, хотя по внѣшнему образу жизни они мало отличаются отъ Русскихъ. Расположеніе деревень, отдѣльныхъ частей зданія и обстановка въ нихъ та-же, что у Русскихъ; отличіе замѣтно только у Сету, граничащихъ съ Лифляндіей. Національный костюмъ, языкъ, духовное творчество, обычаи, нравы сохранились у нихъ болѣе, чѣмъ у остальныхъ Эстовъ. Это объясняется тѣмъ, что во внутреннемъ быту они живутъ совершенно особнякомъ отъ Русскихъ. Супружескія связи между ними и Русскими рѣдки, особенно въ приходахъ, граничащихъ съ Лифляндіею. Случаи, когда Русскіе женятся на полувѣркахъ, рѣже, чѣмъ обратные случаи, когда полувѣрцы женятся на Русскихъ. Главная причина этого явленія та, что полувѣрки не знаютъ порусски, а Русскіе плохо говорятъ на полувѣрческомъ нарѣчіи. Между полувѣрцами и Русскими еще доселѣ существуетъ нѣкоторая непріязнь, начиная со школьной скамьи (русскіе мальчики прозываютъ полувѣрческихъ „чухнами“—одна изъ причинъ, по которой дѣти полувѣрцевъ не желаютъ посѣщать школы) и кончая общественной дѣятельностью при выборахъ, напр., волостныхъ старшинъ и др. Вообще же рознь эта незначительна, и обѣ народности живутъ мирно другъ подлѣ друга. Въ національномъ отношеніи перевѣсъ берутъ все же Русскіе. Въ среднихъ приходахъ (въ Печерскомъ, Залѣсскомъ и Изборскомъ) Русскіе мало умѣютъ говорить поэстонски, между тѣмъ взрослые полувѣрцы всѣ говорятъ порусски; въ сѣверныхъ же приходахъ (Верхоустенскомъ,

Колпинском, Кулейском и Зачеренском) Русскіе достаточно хорошо владѣютъ эстонскимъ языкомъ. Замѣчательно, что вообще полувѣрческая молодежь умѣетъ пѣть русскія пѣсни, тогда какъ русская молодежь совсѣмъ не знаетъ полувѣрческихъ пѣсенъ. Игры молодежи происходятъ большею частью отдѣльно, не смотря на то, что деревни русскія и полувѣрческія нерѣдко бываютъ расположены другъ подлѣ друга. По мѣстамъ старожилы еще помнятъ, что полувѣрцы въ старину носили длинные волосы, какъ это вообще извѣстно о древнихъ Эстахъ; равно и избы ихъ на памяти стариковъ были первобытныя, менѣе походили на русскія избы. Арфы семиструнныя, бывшія прежде во всеобщемъ употребленіи, нынѣ составляютъ уже рѣдкость; умѣнье играть на нихъ замѣчается лишь у стариковъ, и арфы находятся въ пренебреженіи. Пѣсня нынѣ поется безъ аккомпанимента на арфѣ. Въ прежнія времена полувѣрцы были робки и скрывались при появленіи въ деревнѣ священника; дѣтей своихъ они пугали попомъ: papp tuleb! Теперь къ духовнымъ лицамъ они относятся съ большимъ уваженіемъ; женщины, подавая что-нибудь священнику, дѣлаютъ ему поклонъ въ поясъ. Пѣть или играть на арфѣ молодежь не рѣшается безъ предварительнаго позволенія священника. Но предъ чужими людьми, одѣтыми по-господски, они въ противоположность лифляндскимъ и эстляндскимъ Эстамъ, не чувствуютъ никакого страха и, встрѣчая или видя ихъ, они преспокойно дѣлаютъ свое дѣло и не обнаруживаютъ ни малѣйшаго стѣсненія. Въ противоположность Русскимъ ихъ характеризуютъ почтительными, вѣжливыми, покорными властямъ, тогда какъ въ иныя русскія деревни волостныя власти въѣзжаютъ со страхомъ. Съ другой стороны они упорны, и за малѣйшую обиду обращаются къ суду и требуютъ удовлетворенія. Вообще въ противоположность Эстамъ, порабощеннымъ Меченосцами въ XIII в., они имѣютъ характеръ открытый, прямодушный, довѣрчивый; они гостепріимны, смѣлы, не угрюмы, хотя и задумчивы и сосредоточены. По трудолюбію они сходятся съ балтійскими Эстами: при наймѣ, напр., на работу или на подводу, они соглашаются и за незначительное вознагражденіе, тогда какъ Русскій предпочтетъ пролежать на печи; хотя съ другой стороны, нужно сказать, имъ не достаетъ бережливости, доходящей до скупости у балтійскаго Эста. Работы они исполняютъ честно, и помѣщики бываютъ довольны ими. Женщины, какъ у полувѣрцевъ, такъ и у Русскихъ, не косятъ сѣна, чего нѣтъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Хотя въ настоящее время большинство полувѣрцевъ—преданнѣйшія чада православной церкви, но черты язычества въ ихъ религіозныхъ представленіяхъ довольно замѣтны. Еще понынѣ особеннаго усердія къ посѣ-

щенію церкви они не выказываютъ. Священники замѣчаютъ, что прихожане, живущіе вдали, близъ Лифляндской губерніи, крайне рѣдко являются въ церковь. Издавна они привыкли къ домашнему богослуженію, или вѣрнѣе идолослуженію. Еще нынѣ въ каждомъ домѣ можно найти подъ кіотомъ или въ немъ глиняный горшочекъ съ ручкой, служащій кадиломъ, ладонницу, сплетенную изъ тонкихъ сосновыхъ корней, футляръ для свѣчи длиною пять—шесть вершковъ, въ діаметрѣ одинъ вершокъ, сплетенный также изъ тонкихъ сосновыхъ корней. Кіоты деревянные съ вырѣзными узорами. На кіотѣ виситъ полотенце вышитое по концамъ. Свѣчи восковыя, возжигаемыя предъ иконами, во многихъ мѣстахъ приготовляются еще теперь дома. Безъ дара Богу въ видѣ свѣчи полувѣрецъ молиться не станетъ, ибо каждый изъ нихъ считаетъ необходимою обязанностью поставить предъ иконой хотя двухъ-копѣечную свѣчу. Бѣднѣйшіе, являясь въ Печеры на богомолье, приносятъ съ собою 3—4 яйца и за нихъ получаютъ въ лавкѣ двухъ-копѣечную свѣчку. Старожилы еще помнятъ, что въ глуши, именно въ такъ называемомъ Макарлугѣ въ Тайловскомъ приходѣ и въ Лому (эст. Luha) въ Паниковскомъ приходѣ у Лифляндской границы, существовали свои попы — старцы, совершавшіе домашнее богослуженіе, которое въ прежнее время совершалось открыто. Разсказываютъ, что одинъ изъ бывшихъ тайловскихъ священниковъ съ волостными властями, заставъ празднующихъ врасплохъ, обличалъ ихъ въ идолослуженіе и увѣщевалъ посѣщать церковь Божію. Послѣ этого, будто, открытое служеніе въ Макарлугѣ прекратилось и обратилось въ тайное, домашнее. Но и теперь уголъ этотъ темный, и мѣстный причтъ не ѣздитъ туда съ „молитвой“, за сборомъ руги. По преданію, у полувѣрцевъ нынѣшняго тайловскаго прихода и сосѣднихъ лифляндскихъ Эстовъ было общее мѣсто богослуженія въ обширномъ бору на с.-в. отъ м. Орава и къ югу отъ Пауленгофа. Здѣсь въ заповѣдной сосновой рощѣ собирался народъ и совершались жертвоприношенія подъ руководствомъ жрецовъ-поповъ. И дѣйствительно, у окрестныхъ лифляндскихъ Эстовъ эта священная мѣстность называется „Bohomola palo“, т. е. боръ богомола. Можно думать, что такое же мѣсто богослуженія было около русской деревни Богомолова въ Паниковской волости, близъ Лифляндской границы. Тамъ есть и часовня. Въ Макарлугѣ лишь въ недавнее время стало выводиться языческое служеніе. Наканунѣ Троицы въ каждомъ дворѣ варилось пиво, которое затѣмъ свозилось въ одинъ дворъ, гдѣ въ этотъ годъ должно было совершаться празднество. Мѣсто празднества каждый годъ избиралось другое, и хозяинъ праздника узнавался такъ: на утро до разсвѣта возились между

собою, стараясь окровавиться; у кого перваго появилась кровь, тотъ и считался хозяиномъ, у котораго на слѣдующій годъ долженъ былъ справляться праздникъ. На праздникъ приходили съ каждаго двора только хозяинъ и хозяйка. Здѣсь служили какому-то „Peko Jumal“, т. е. богу Пеко, зажигали черныя свѣчи и предъ круглымъ образкомъ (? идолъ). Въ началѣ пиршества обращались къ нему съ возваніемъ: „Peko, Peko, tule õlut juoma, maamma maitsma!“ т. е. Пеко, Пеко, иди пить пиво, вкушать сладчайшаго! Жрецъ-старецъ приносилъ ему какую-то жертву. Въ прежнее время у жителей этой глуши одинъ старецъ долго слылъ за Peko Jumala papp. Жители этого темнаго угла прозывались другими Peko Jumala pallejad, т. е. поклонники бога Пеко, что считалось высшимъ оскорбленіемъ. Мѣстному священнику эти идолопоклонники ничего не открывали даже на исповѣди и обижались, когда ихъ спрашивали объ этомъ. Поклоненіе Пеко должно быть очень древнее. Что это за богъ, у Эстовъ не осталось объ этомъ никакого воспоминанія даже въ языкѣ, но у Финновъ peiko, peikko — привидѣніе, бѣсъ; pekko — полевикъ, полевой духъ. Очевидно, и у Финновъ объ этомъ существѣ осталось лишь темное представленіе. Если отожествлять Peko съ эстонскимъ Pitkne, Pikne (богъ грома и молніи) или съ общеславянскимъ Перунъ и латышскимъ Pehrkons, то получилось бы болѣе ясное понятіе объ этомъ праздникѣ. Время праздника — весна благопріятствуетъ такому мнѣнію.

И на современныхъ христіанскихъ празднествахъ полувѣрцы проявляютъ крайне грубыя языческія представленія. Такъ, напр., въ Никольской церкви въ Печерскомъ монастырѣ помѣщается грубое изваяніе изъ дерева св. Николая Чудотворца въ ризахъ и митрѣ, лицо и ноги черныя, въ правой рукѣ мечъ, въ лѣвой — миніатюрный видъ многоглавой церкви, на груди старинное женское украшеніе — лента въ длину дюйма 4, въ ширину $1^1/_2$ д., вышитая кораллами. Въ день Святителя это изваяніе обкладывается снизу до верху лепешками и кадками съ масломъ и творогомъ, такъ что его и не видно. Еще до недавняго времени, лѣтъ десять тому назадъ, невѣжественные богомольцы, молясь предъ изваяніемъ, обмазывали его губы масломъ и творогомъ. Сохранившіяся въ нѣкоторыхъ церквахъ деревянныя руки, ноги и другія части статуй святыхъ свидѣтельствуютъ о большомъ распространеніи такого культа въ прежнія времена. О празднованіи Аннѣ Праведной 25 іюля въ Сульпикахъ Паниковскаго прихода и Малой Троснѣ Верхоустенскаго прихода, гдѣ существуютъ часовни во имя этой святой, разсказываютъ также, что подставляя къ иконѣ приношенія въ видѣ бараньихъ головъ, ногъ и шерсти, приговариваютъ: „Ашка,

Ашка! ѣшь барашка!“ Вообще всякій праздникъ обязательно сопровождается припошеніемъ въ церковь или часовню извѣстныхъ продуктовъ скотоводства или земледѣлія, напр., на праздникѣ въ честь Аллилуи или, у полувѣрцевъ, „Luja pühа“, празднуемомъ въ Паниковичахъ, приносятся въ церковь яйца, масло, творогъ; все это кладется на столѣ предъ иконой, при чемъ возсылаются молитвы къ святой Аллилуи или pühа Luja. Въ Петровъ день приносятъ въ церковь сыръ и масло. Въ праздникъ Власія, у полувѣрцевъ Ulase pühа, въ четвергъ на масляной недѣлѣ, причтъ въ Тайловскомъ приходѣ ѣздитъ по ближайшимъ деревнямъ съ молитвой, собирая ругу въ видѣ масла и творога. Всѣ приношенія въ церкви или часовни на праздникахъ раздаются причту и нищимъ; послѣднихъ собирается обыкновенно очень много, иногда больше даже, чѣмъ остальнаго народа. Немалымъ почитаніемъ въ прежнія времена пользовался и Титовъ Камень, находящійся въ четверти версты къ западу отъ Печерскаго монастыря, въ ручьѣ Каменцѣ, протекающемъ черезъ монастырь. Камень этотъ въ длину 2 саж., въ ширину 1 саж., въ вышину надъ землей болѣе аршина. Поверхность и одинъ бокъ довольно ровны. Праздникъ около него совершался во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, въ Радоницу. Недалеко отъ камня, къ западу, въ высокомъ крутомъ берегу ручейка съ юго-восточной стороны находится пещера въ длину саженъ шесть, съ небольшими боковыми углубленіями. По преданію, въ ней жилъ нѣкогда отшельникъ Титъ, по имени котораго и названъ камень. Поклоненіе камню прекратилось съ тѣхъ поръ, какъ архимандритъ монастыря Антоній (1835—1844) поѣхалъ на мѣсто празднества съ головой пригорода и палкой разогналъ всѣхъ приносившихъ жертву, опрокинулъ и разбилъ чашки и ведерки съ масломъ и творогомъ.

Болѣе общимъ и великимъ почитаніемъ пользуется другой камень, такъ называемый Jaani kiwi, Ивановъ камень, въ Ивановъ день. Камень этотъ находится при большой деревнѣ Мегузица (эст. Meeksi), какъ разъ на лифляндской границѣ, при ручьѣ Мегузицѣ, недалеко отъ Новгородка (Нейгаузена). Въ грамотѣ Ивана Васильевича Псково-Печерскому монастырю въ 1561 г. этотъ камень именуется Теплымъ Камнемъ, на курганѣ при ручьѣ, и служилъ тогда однимъ изъ пограничныхъ знаковъ. Какой величины былъ онъ въ то время—неизвѣстно, но нынѣшніе старожилы говорятъ, что на ихъ памяти онъ имѣлъ въ діаметрѣ сажень и въ вышину аршинъ. Въ послѣдующее время онъ подвергался неоднократному разрушенію. Такъ, напримѣръ разсказываютъ, что одинъ арендаторъ Новгородскаго имѣнія, на землѣ котораго онъ лежалъ, приказалъ разнести его и изъ облом-

ковъ его сдѣлалъ фундаментъ стойла, однако, говорятъ поклонники камня, вскорѣ скотъ и лошади его стали падать, и арендаторъ былъ принужденъ принести обломки назадъ. Говорятъ также, что одна нечестивая Латышка бросила кусочекъ камня въ близъ текущій ручеекъ, отъ чего она сильно заболѣла, и выздоровѣла лишь послѣ того, какъ положила его на прежнее мѣсто. Вообще разсказовъ, подобныхъ приведеннымъ, въ устахъ народа встрѣчается немало. Въ настоящее время на поверхности земли лежитъ одинъ большой обломокъ, приблизительно $2^1/_2$ фута въ длину и нѣсколько менѣе въ ширину. Маленькихъ обломковъ видно два. Изъ земли тутъ же торчатъ еще 3—4 малыя оконечности. По разсказамъ старыхъ людей, на этомъ камнѣ сидѣли Іоаннъ Креститель и Ап. Петръ, умывали ноги въ близъ лежащемъ ручейкѣ и обувались. По нѣкоторымъ, Іоаннъ Креститель оставилъ на камнѣ слѣды своихъ ступней. Изъ упомянутаго акта Ивана Грознаго извѣстно, что Теплый камень находился на курганѣ, а, по народному преданію, плоскогорье, при подошвѣ котораго лежатъ нынѣ обломки, служило въ древности кладбищемъ; послѣднее существовало здѣсь еще до постройки Тайловской церкви, къ приходу которой причисляется деревня Мегузица. На одномъ мѣстѣ, гдѣ берутъ песокъ, можно замѣтить, что земля здѣсь смѣшанная; слѣдовъ погребенія никакихъ не осталось; только въ двухъ мѣстахъ можно усмотрѣть возвышенности, похожія на могильные холмы. Къ сѣверу отъ этого камня, за ручьемъ, на Псковской землѣ находится часовня, посреди которой подъ иконой лежитъ часть этого камня. Предъ часовней высится гигантскій кленъ, береза и ива, другая ива растетъ близко къ Иванову камню. По всей вѣроятности, въ древности вся эта мѣстность была покрыта священною рощей, гдѣ хоронили покойниковъ и приносили имъ на камнѣ у ручейка жертву. Въ настоящее время празднество около камня совершается слѣдующимъ образомъ. Наканунѣ Иванова дня начинаетъ стекаться сюда народъ изо всего Псково-Печерскаго края. Большая часть везетъ съ собою дары: масло, творогъ, лепешки, яйца и т. п. Сюда же пріѣзжаетъ и причетъ Тайловской церкви совершать въ часовнѣ молебны. И вотъ уже съ вечера начинается невыразимая давка въ часовнѣ и около нея, ибо всякій стремится поставить здѣсь свѣчу, поднести къ иконамъ дары и помолиться. Одновременно съ этимъ у камня собирается масса нищихъ, по преимуществу изъ Лифляндіи, и суевѣрныхъ богомолокъ. Лифляндскіе нищіе распѣваютъ здѣсь лютеранскія церковныя пѣсни, за что набожныя щедрыя богомолки богато расточаютъ имъ милостыню. Поклоненіе и жертвоприношеніе проявляется здѣсь различно: большая часть богомолокъ приходитъ сюда со свѣчей и кадкой съ масломъ и

творогомъ. Свѣча сжигается на камнѣ, а изъ кадки обязательно берутъ ложкой творогъ или масло и бросаютъ на камень (очевидно, это жертва камню); потомъ ставятъ на него или подлѣ него кадку; совершаютъ камню нѣсколько поклоновъ съ крестнымъ знаменіемъ и иногда цѣлуютъ камень; затѣмъ содержимое кадки дѣлится ложкой между тѣснящимися къ камню нищими; иная при такихъ же церемоніяхъ кладетъ на камень хлѣбъ. тряпье, лапти и раздаетъ также нищимъ, наблюдая при этомъ, чтобы эти дары предварительно непремѣнно лежали на камнѣ или коснулись его; другая беретъ кусокъ камня и прикладываетъ его къ животу, къ шеѣ и другимъ мѣстамъ. Такъ продолжается до полудня Иванова дня, когда богомольцы начинаютъ разъѣзжаться. Въ 1885 году, когда мнѣ пришлось тамъ быть, въ народѣ ходила молва, что на мѣстѣ, гдѣ находится камень, предполагаютъ построить православную (по инымъ, лютеранскую) школу, такъ что камень послужитъ ей фундаментомъ; нѣкоторые же утверждали, что обломки камня, по приказанію русскаго священника, будутъ отвезены отсюда въ другое мѣсто для постройки школы. Тогда же находился здѣсь сомнительный нищій изъ Лифляндіи, который велъ двусмысленныя рѣчи, направленныя противъ такого нечестиваго обожанія камня, жаловался, что богатымъ даютъ, а бѣднымъ нѣтъ, предлагалъ поставить ограду вокругъ камня для правильнаго распредѣленія приношеній, грозилъ бросить камень въ ручей, если ему не дадутъ милостыни и т. д. Въ поклоненіи камня принимаютъ участіе почти исключительно полувѣрцы; Русскіе ограничиваются только молебномъ въ Мегузицкой часовнѣ. Поклоненіе камню, повидимому, коренная привычка полувѣрцевъ. Въ Паниковскомъ волостномъ правленіи года 4 назадъ разбиралось дѣло о томъ, что одна полувѣрка купила у Чухонца камешекъ за 25 копѣекъ; сосѣдка ея, замѣтивъ его у играющихъ дѣтей, отняла и отказалась возвратить цѣликомъ, а только половину. Она очевидно придавала камешку сверхъестественную силу.

За то Ильинская пятница, празднуемая при Зачеренской церкви въ честь Параскевы Пятницы, есть общій праздникъ какъ Русскихъ, такъ и полувѣрцевъ. Зачеренская церковь построена на кладбищѣ, на которомъ высятся нынѣ довольно большія сосны. Судя по двумъ громаднымъ соснамъ и пнямъ, нужно думать, что и здѣсь нѣкогда была священная роща, въ которой хоронили покойниковъ и совершали жертвоприношенія. Еще нынѣ ближайшая къ церкви громадная сосна признается священною, ибо богомольцы считаютъ своимъ долгомъ прикасаться къ ней и сидѣть подъ нею. На нѣкоторыхъ могилахъ поставлены просто продолговатые небольшіе камни; сохранились обломки четырехъ каменныхъ крестовъ. Но не эти предметы

привлекаютъ сюда массы народа, а богоявленный крестъ. Крестъ этотъ четырехконечный, въ діаметрѣ дюймовъ шесть, въ толщину дюйма два, грубо обдѣланъ изъ сѣраго гранита; на немъ вырѣзано изображеніе осьмиконечнаго креста. Большинство на вопросъ объ его происхожденіи отвѣчало: „Господь его знаетъ"; но нѣкоторые утверждаютъ, что, по преданію, онъ былъ найденъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи поставлена церковь. Утверждали также, что на немъ существуетъ надпись, коею повелѣвается поставить на этомъ мѣстѣ церковь; но, на самомъ дѣлѣ, никакой надписи не имѣется. Говорятъ далѣе, что крестъ этотъ былъ найденъ одновременно съ богоявленной иконой св. Пятницы, хранящейся нынѣ во Псковскомъ Троицкомъ соборѣ. Св. Пятница оставила здѣсь свое имя, именно этотъ крестъ, и сталъ онъ ей угоденъ, ибо многія чудеса бываютъ черезъ него. Крестъ этотъ обыкновенно лежитъ въ церкви на аналоѣ и можетъ быть въ любое время вынесенъ изъ церкви, если кто попроситъ, чтобы его обнесли кругомъ церкви. Онъ обносится кругомъ церкви большею частью по обѣту, въ болѣзняхъ и несчастьяхъ. Обнесеніе происходитъ противъ солнца. Къ Ильинской пятницѣ въ Зачеренье съѣзжается народу больше, чѣмъ на другіе мѣстные праздники, такъ какъ въ этотъ же день здѣсь бываетъ ярмарка. Ношеніе креста начинается ужъ наканунѣ въ четвергъ и продолжается вплоть до вечера пятницы. Въ то время какъ въ церкви при страшной давкѣ народа безпрерывно служатъ молебны, цѣлая толпа людей, которые могутъ двигаться только впередъ, касаясь креста, обходитъ вокругъ церкви, оставляя между собою подъ крестомъ пустое пространство для суевѣрныхъ богомольцевъ, нагинающихся другъ за другомъ и образующихъ такъ цѣлую вереницу, чрезъ которую проносится крестъ. Во время ношенія крестъ, большею частью, лежитъ на головѣ одного, а остальные стараются только держаться или касаться его. По обнесеніи его каждый изъ участвовавшихъ въ процессіи считаетъ своимъ долгомъ приложиться къ нему. Къ помощи креста прибѣгаютъ большею частью престарѣлыя, хворыя и больныя лица, особенно женщины съ младенцами на рукахъ, а также мальчики и дѣвочки; менѣе благоговѣнія къ нему замѣтно со стороны молодыхъ парней и дѣвицъ. Крестъ этотъ прикладывается къ больному мѣсту, послѣ чего полагается ему земной поклонъ. При ношеніи креста, на него накладываются деньги, крестики съ лентами или безъ нихъ, тряпки, ленты и т. п. У сѣвернаго угла церкви стоитъ поставленный причтомъ человѣкъ, который собираетъ деньги, крестики и проч., что даютъ богомольцы за ношеніе креста. Въ церкви крестъ хранится въ хорошо обдѣланномъ футлярѣ, открытомъ сверху для прикладыванія. Въ 1885 г. при обношеніи кругомъ церкви

футляръ этотъ, снизу уже подгнившій, сломался, и его обносили последнюю часть праздника безъ футляра. Нѣкоторыя престарѣлыя женщины богомолки были обвѣшаны мѣшечками съ неизвѣстными въ нихъ талисманами. Кромѣ заказыванія молебновъ и ношенія креста, богомольцы отправляютъ нѣкоторымъ образомъ тризну по умершимъ роднымъ, закусывая на ихъ могилахъ. Необходимою принадлежностью этого праздника нужно считать пѣвчихъ-нищихъ изъ Островскаго уѣзда Псковской губ., такъ называемыхъ костоломовъ, съ мѣшками во всю спину. Въ Зачеренѣ они расположились у входа на кладбище въ двѣ кучи, по три человѣка вмѣстѣ. Опираясь на свои палки лицами другъ къ другу, съ опущенными глазами, они безумолчно распѣваютъ въ три голоса духовныя пѣсни и поминовеніе родныхъ. Непрестанно подходятъ къ нимъ одна за другой набожныя полувѣрки, произносятъ имя лица, которое хотятъ помянуть, и, постоявъ три-четыре минуты, пока костоломы окончатъ пѣніе поминовенія, раздаютъ за поминовеніе ломти хлѣба, лепешки, яйца, творогъ, сыръ и т. п. и отходятъ; это продолжается безпрерывно за исключеніемъ того времени, когда служатъ обѣдню. Само собою разумѣется, что поминовеніе остается совершенно непонятымъ суевѣрною набожной полувѣркой, развѣ только она можетъ разобрать въ немъ имя поминаемаго или поминаемой и какое-либо церковное выраженіе. Поминовеніе гласитъ такъ: „Помяни, Господи, во царствіи небесномъ всѣхъ сродниковъ, царей, патріарховъ и всихъ православныхъ христіанъ! Помяни, Господи, батюшекъ родныхъ и матушекъ родиныхъ! Помяни, Господи, батюшекъ крестныхъ и матушекъ крестныхъ, бабушекъ пупорѣзныхъ! Помяни, Господи, во царствіи небесномъ дѣдушекъ и бабушекъ и дядюшекъ и тетушекъ, братьевъ и сестеръ, младыхъ младенцевъ и всѣхъ красныхъ дѣвицъ, сиротъ и вдовъ, безпріютныхъ головъ, на огнѣ сгорящихъ, на водѣ потопляющихъ, въ лѣсу заблудящихъ, во звѣри съѣдящихъ, древомъ біенныхъ, громомъ біенныхъ, молоньею зажженныхъ, затюремныхъ заключенныхъ, въ дальну землю заведенныхъ! Помяни, Господи, всихъ православныхъ христіанъ, царей, патріарховъ, князей, бояръ въ царствіи небесномъ со святыми молитвами и сотвори имъ вѣчную память! (3 раза). При послѣднемъ словѣ пѣвцы и просительница осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Бываютъ здѣсь на ярмаркѣ и Эсты изъ Лифляндіи, съ недоумѣніемъ смотрящіе на обожаніе каменнаго креста и сомнѣвающіеся въ томъ, чтобы этотъ камень могъ исцѣлять болѣзни. Однако глубокая живая вѣра суевѣрныхъ богомольцевъ по видимому производитъ на этихъ послѣдователей разсудочнаго сухаго культа Лютера убѣдительное впечатлѣніе.

Вообще, кругъ религіозныхъ понятій у полувѣрцевъ очень бѣденъ, ре-

лигіозность стоитъ на степени чувственнаго поклоненія, носящаго несомнѣнные слѣды язычества. Они, повидимому, питаютъ большое благоговѣніе къ иконамъ, которыя отличаются рѣзкими очертаніями или суровыми, страшными выраженіями изображаемыхъ лицъ. Свѣчи, иногда собственнаго издѣлія, и произведенія домашняго хозяйства составляютъ непремѣнную часть ихъ молитвы предъ святыми иконами. При этомъ они крѣпко обижаются, если не дадутъ догорѣть поставленной предъ образомъ свѣчѣ. Все это вполнѣ понятно. Въ религіозномъ отношеніи полувѣрцы находятся въ исключительномъ положеніи: пастырей и пасомыхъ, церковь и народъ, раздѣляетъ другъ отъ друга взаимное непониманіе; во всемъ краѣ лишь одинъ священникъ (Тайловскій) можетъ объясняться со своими прихожанами на ихъ родномъ языкѣ. Положеніе остальныхъ, какъ пастырей, довольно затруднительное: напр., на исповѣди приходится обращаться къ помощи переводчиковъ. Само собою разумѣется, что здѣсь немыслимо живое общеніе между церковью и народомъ, и потому полувѣрцы до сихъ поръ воспитаны исключительно на обрядахъ православной церкви и знаютъ только требованія церковнаго устава: „Я только то исполняю, что въ уставѣ сказано, а ничему другому не повѣрю“—характерное выраженіе, которое мнѣ пришлось услышать. Связь съ духовными пастырями у нихъ болѣе вещественная: они обязаны, по обычаю, содержать своихъ пастырей и платить имъ за требы. Руга, которая полагается здѣсь во всемъ краѣ, бываетъ не вездѣ одинаковая; она состоитъ изъ одной мѣры хлѣба, вмѣщающей въ себѣ 8 гарнцевъ. Зажиточные даютъ мѣру ржи, а бѣднѣйшіе иногда туже мѣру картофеля. Въ Изборской странѣ привыкли давать больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того причетъ нѣсколько разъ въ годъ ѣздитъ по приходу „съ молитвою“ для сбора руги и, смотря по времени года, собираетъ то масло, творогъ, яйца, то хлѣбъ, зерна, то мясо. За отдѣльныя требы причетъ получаетъ, напр., за сороковую молитву—лапти, являясь къ батюшкѣ съ просьбою обвѣнчать, проситель даритъ овчинку, послѣ вѣнчанія—перчатки, чулки и т. д. Но въ отдаленныхъ отъ церкви, глухихъ деревняхъ и этой связи нѣтъ. Тамъ полувѣрцы выростаютъ и умираютъ въ суевѣріяхъ и язычествѣ, руководимые своими колдунами, врачами „арбуями“, къ которымъ они обращаются за помощью во всѣхъ бѣдахъ и недугахъ. И лишь когда тѣ не помогутъ, то являются къ священнику, прося его отчитать заклинательную молитву. Такъ, напр., въ Паниковскомъ приходѣ въ дер. Любры въ Лому въ 1884 г. умеръ колдунъ Иванъ, 30 лѣтъ не ходившій на причастіе. Правдоподобенъ поэтому распространенный анекдотъ, что въ Обозерьѣ одна полувѣрка въ спорѣ упрекнула другую тѣмъ.

что у нея ребенокъ не крещенъ (а ребенку было уже около 10 лѣтъ). Это ее оскорбило, и супруги рѣшили окрестить мальчика. Отецъ отправился къ священнику. Узнавъ, что десятилѣтній ребенокъ еще не крещенъ, священникъ съ негодованіемъ плюнулъ, обозвавъ мужика харей. Тотъ, услышавъ слово харя, поблагодарилъ батюшку за данное имя и отправился домой. Отсюда мальчикъ сталъ называться Харей.

Древняя чистота нравовъ полувѣрцевъ начинаетъ въ новѣйшее время быстро портиться. Тамъ, гдѣ лѣтъ тридцать тому назадъ, и именно вдали отъ Печоръ и Изборска, не знали еще употребленія замковъ, гдѣ воровства и слышно не было, теперь каждый можетъ и за замками опасаться за цѣлость своего имущества. Особенно сильно развилось конокрадство. Имъ заражены бываютъ цѣлыя семейства и деревни. Въ Лифляндіи Печерцы пользуются самой дурной репутаціей; полувѣрцы, ѣздащіе туда съ глиняными издѣліями, говорятъ, что тамъ не даютъ имъ ночлега, если сказать, что они изъ Печерской страны; зная это, они выдаютъ себя обыкновенно за жителей Пейпусскаго побережья. Однако извѣстная добродѣтель Эстовъ и Финновъ—цѣломудріе еще въ настоящее время очень уважается; нарушеніе супружеской вѣрности никогда не встрѣчается; оно считается самымъ гнуснымъ порокомъ.

Полувѣрцы не отличаются чистоплотностью: новорожденныхъ дѣтей приносятъ крестить такихъ грязныхъ, что священнику нерѣдко приходится предварительно вымывать ихъ. Избы большею частью курныя, иногда съ задвижными или „локовыми“ окнами; полы еще во многихъ мѣстахъ земляные; мебель состоитъ изъ стола, лавки, двухъ-трехъ скамеекъ. Зимой, когда топится печь, передъ ея отверстіемъ въ одномъ углу обыкновенно виситъ котелъ, въ другомъ сидитъ ребенокъ. Единственный отхожій промыселъ, которымъ полувѣрцы занимаются (именно, въ Зачеренскомъ приходѣ)—это продажа глиняной посуды въ Лифляндіи, въ зимнее время; кромѣ того покупаютъ старыхъ лошадей въ Лифляндіи (оттого старыя клячи и называются по ихъ имени Setuke), шкуру снимаютъ, а мясо продаютъ въ Нейгаузенъ на фабрику, гдѣ изъ него приготовляется удобрительное вещество. Въ сѣверныхъ приходахъ они особенно любятъ табакокуреніе. У каждаго имѣется трубка и на поясѣ виситъ мѣшечекъ для спичекъ. Даже нѣкоторыя женщины имѣютъ трубки. У балтійскихъ Эстовъ, своихъ собратьевъ, полувѣрцы служатъ предметомъ посмѣшища; Setu считается унизительнымъ, презрѣннымъ прозвищемъ.

Книжнаго образованія у полувѣрцевъ нѣтъ никакого; только немногіе изъ мужчинъ умѣютъ читать и писать, разумѣется, порусски. Невѣрно

говорятъ, что они боятся грамотности, какъ заразы, и всѣми мѣрами стараются освободить своихъ дѣтей отъ обученія въ сельскихъ школахъ. Дѣло въ томъ, что дѣти ихъ не понимаютъ русской рѣчи, не могутъ обучаться учителями, которые не знаютъ полувѣрческаго нарѣчія. Этимъ и объясняется, почему процентъ полувѣрческихъ дѣтей въ школахъ такъ незначителенъ въ сравненіи съ Русскими и почему, напр., изъ Тайжевскаго прихода нѣкоторые отдавали своихъ дѣтей въ Лифляндію, въ Гаангофское православное училище. Вообще учителя неохотно принимаютъ дѣтей полувѣрцевъ, ибо грамота имъ дается гораздо труднѣе, чѣмъ Русскимъ, напр., они вмѣсто у произносятъ ю, вмѣсто з—с, вмѣсто ч—и, а—нѣчто среднее между а и е. А шипящіе звуки ж, ч, ш, щ, которымъ нѣтъ соотвѣтствующихъ въ языкѣ полувѣрцевъ, даются имъ еще труднѣе. Между тѣмъ школьное образованіе есть единственное дѣйствительное средство сближенія и слитія полувѣрцевъ съ Русскими. Замѣчено, что дѣти полувѣрцевъ, кончившія курсъ въ земскихъ школахъ, большею частью перестаютъ носить національный костюмъ и говорить на родномъ языкѣ.

Нѣкоторые русскіе писатели, касавшіеся жизни полувѣрцевъ, высказываютъ весьма превратное сужденіе о полномъ отсутствіи у полувѣрцевъ дара духовнаго творчества, между тѣмъ какъ у нихъ, на самомъ дѣлѣ, замѣчательное богатство пѣсенъ, сказокъ, загадокъ, пословицъ и т. п. Правда, въ новѣйшее время уже мало сохранилось пѣсенъ эпическихъ, миѳическихъ и историческихъ, но за то бытовыхъ, особенно свадебныхъ, можно слышать еще теперь очень много. Мотивъ пѣнія крайне однообразенъ: я слышалъ только два мотива, состоящіе изъ двухъ колѣнъ. Пѣсня обыкновенно поется хоромъ, причемъ запѣвала, импровизаторъ, начинаетъ всегда четырехстопнымъ трохеемъ, по окончаніи котораго хоръ повторяетъ его. Въ то время импровизаторъ припоминаетъ другой параллельный стихъ, который поется также и т. д. Въ существующихъ нынѣ сборникахъ эстонскихъ народныхъ пѣсенъ, помѣщается не мало пѣсенъ, добытыхъ именно у полувѣрцевъ. И нужно сказать, онѣ отличаются большею оригинальностью и древностью, чѣмъ пѣсни Эстовъ балтійскихъ, въ которыхъ большею частью замѣтно вліяніе новѣйшей культуры. Я считалъ излишнимъ записывать пѣсни полувѣрцевъ, такъ какъ балтійскіе собиратели D-r. Гуртъ и D-r. Веске неоднократно посѣщали полувѣрческій край для собиранія произведеній народнаго творчества и возвращались всегда съ богатою добычею. D-r. Гуртъ, уже извѣстный изданіемъ нѣсколькихъ книгъ народныхъ пѣсенъ, предполагаетъ издать сборникъ спеціально произведеній духовнаго творчества полувѣрцевъ, который, нужно ожидать, будетъ содержать немаловажный и богатый этно-

графическій матеріалъ. Особенно процвѣтаетъ у полувѣрцевъ свадебная пѣсня, безъ которой немыслима ни одна свадьба. Свадебная пѣснь соединяется, нѣкоторымъ образомъ, съ драмой: образуется два хора изъ гостей и родныхъ жениха и невѣсты; каждый хоръ восхваляетъ своего новобрачнаго (или новобрачную) и порицаетъ другаго. Каждый хоръ выбираетъ извѣстнѣйшаго пѣвца запѣвалой, и они здѣсь состязаются въ искусствѣ составлять стихи. При такихъ случаяхъ и совершается пѣснотворчество, изучаются подростающимъ поколѣніемъ пѣсни и передаются такимъ же способомъ потомству. Пѣніе вообще составляетъ самое пріятное времяпрепровожденіе у полувѣрцевъ, какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. По вечерамъ въ сумерки, проходя по деревнѣ, вы во многихъ домахъ услышите пѣніе и, входя въ избу, вы видите группу, по срединѣ которой сидитъ старецъ запѣвала, а молодые вторятъ ему. Кромѣ того, для подростающаго поколѣнія существуетъ другая школа изученія сказокъ и загадокъ—это супрядки, на которыя собираются въ зимніе вечера исключительно дѣвушки. Потому-то дѣвушки знаютъ болѣе другихъ сказокъ и загадокъ.

Въ послѣднее время полувѣрцы подвергаются въ національномъ отношеніи двойному вліянію—Русскихъ и лифляндскихъ Эстовъ. Обрусѣніе, хотя и медленное, замѣтно подвигается впередъ на восточной сторонѣ ихъ поселеній, особенно около Изборска. „Пустой языкъ: имъ только до Печеръ можно дойти“—сказалъ тамъ одинъ почтенный полувѣрецъ. Съ другой стороны, могущественное религіозно воспитывающее дѣйствіе на полувѣрцевъ святынь Псково-Печерскаго монастыря, продолжающееся уже нѣсколько столѣтій, очень сильно отразилось на ихъ религіозныхъ понятіяхъ въ православномъ духѣ. Однако со времени переселенія въ этотъ край многихъ семействъ Эстовъ лютеранъ изъ Лифляндіи, что произошло лѣтъ 20 тому назадъ, полувѣрцы стали подвергаться вліянію лютеранскихъ воззрѣній на иконопочитаніе и посты; слабые слѣды такого вліянія уже обнаруживаются въ Печерской странѣ, въ сосѣднихъ съ лютеранскимъ молитвеннымъ домомъ въ селѣ Лазаревѣ полувѣрческихъ деревняхъ.

Число полувѣрцевъ въ настоящее время трудно опредѣлить въ точности. Дѣло въ томъ, что въ однихъ деревняхъ они сроднились съ Русскими, въ другихъ уже почти обрусѣли. Кромѣ того они обижаются, когда ихъ зовутъ полувѣрцами; въ то же время они строго отличаютъ себя отъ лифляндскихъ Эстовъ и предпочитаютъ называть себя Русскими или Setu. Въ слѣдствіе этого возможно только приблизительно опредѣлить ихъ число. Ниже у меня приведены двойныя числа, по ревизскимъ сказкамъ и метрическимъ записямъ. Данныя по ревизскимъ сказкамъ должны быть при

знаны ближе къ истинѣ, хотя, нужно думать, полувѣрцевъ нѣсколько больше, чѣмъ сколько указываютъ эти данныя, ибо въ нихъ къ полувѣрцамъ причисляются только такіе жители, у которыхъ дома преобладаетъ чухонскій языкъ. Само собою понятно, что при такомъ правилѣ счисленія не мало полувѣрцевъ, находящихся на послѣдней ступени обрусѣнія, попали въ число Русскихъ. Метрическія же записи указываютъ отдѣльныя полувѣрческія деревни, изъ которыхъ во многихъ живутъ и русскія или вполнѣ обрусѣвшія семейства; а такихъ семействъ не мало. Поэтому понятно, что число полувѣрцевъ, получаемое по метрическимъ записямъ, значительно превышаетъ дѣйствительное число, такъ что самое близкое къ истинѣ число должно занимать средину между обоими.

Въ настоящее время полувѣрцы живутъ въ одинадцати приходахъ приблизительно на половину съ Русскими, причемъ въ сѣверозападныхъ приходахъ преобладаютъ полувѣрцы, въ восточныхъ—Русскіе; въ общемъ числѣ Русскихъ оказывается во всемъ краѣ нѣсколько болѣе полувѣрцевъ. По приходамъ Русскіе и полувѣрцы распредѣляются такъ:

Верхоустенскій. . .	2334	полув.	463	русск.
Тайловскій. . . .	2237	„	826	„
Залѣсскій	1572	„	991	„
Зачеренскій. . . .	1115	„	1346	„
Панковскій . . .	1055	„	1519	„
Кулейскій	1006	„	924	„
Печерскій 1-й. . .	952	„	1966	„
Изборскій	811	„	2615	„
Колпинскій. . . .	727	„	863	„
Печерскій 2-й. . .	643	„	1368	„
Мальскій.	389	„	334	„
Всего . .	12841	полувѣрцевъ	13165	Русскихъ.

Къ сожалѣнію, я не имѣю всѣхъ данныхъ для гражданскаго счета, ибо списка полувѣрцевъ Слободской волости не было въ моемъ распоряженіи. Въ трехъ волостяхъ они распредѣляются такъ:

Печерская.	5080
Панковская	2119
Изборская.	1023
Всего .	8222.

По церковному счету всего въ приходахъ Колпинскомъ, Кулейскомъ и Верхоустенскомъ, обнимающихъ Слободскую волость, полувѣрцевъ 4067

чел. Если прибавить это число къ 8222, то получится 12289—число, указывающее приблизительное количество полувѣрцевъ по гражданскому счету.

Въ приложеніи II, при названіяхъ полувѣрческихъ поселеній (ок. 250), не повсюду указано число жителей; я призналъ это излишнимъ и потому оставилъ свое первоначальное намѣреніе. Число дворовъ и географическое положеніе каждой деревни см. у И. Васильева: „Опытъ статист.—геогр. словаря Псковск. губ. Псковъ 1882 г.“ Замѣчательно, что громадное большинство названій полувѣрческихъ поселеній чисто русскаго происхожденія: полувѣрческія названія ихъ—только искаженныя русскія и лишь нѣкоторыя чухонскаго происхожденія. Русскія названія большею частью происходятъ отъ личныхъ именъ, чухонскія—отъ предметныхъ. Преобладаніе русскихъ названій можно объяснить принадлежностью деревни или двора тому или другому помѣщику, имя котораго переходило на нихъ; затѣмъ и личныя имена крестьянъ, конечно, русскія, поселившихся гдѣ-нибудь на пустопорожнемъ мѣстѣ, также передавались поселеніямъ. Этотъ порядокъ передачи названій могъ имѣть мѣсто именно въ этомъ краѣ постоянныхъ опустошеній, войнъ, моровой язвы и т. п. Понятно, что по вымираніи или истребленіи туземныхъ жителей пришлые поселенцы, завладѣвъ оставшимися пустыми мѣстами, переносили на нихъ свои имена. Перемѣною владѣтелей поселеній и объясняется то обстоятельство, что они обыкновенно имѣютъ болѣе одного названія. А русскія названія укрѣплялись потому, что употреблялись въ оффиціальномъ языкѣ. Въ виду этихъ соображеній нельзя объяснить страннаго факта русскихъ названій полувѣрческихъ поселеній тѣмъ, что полувѣрцы нѣкогда заселяли русскія поселенія. Чаще должно было происходить противоположное явленіе, именно завладѣніе Русскими полувѣрческихъ поселеній, хотя безспорно эстонскіе бѣглецы изъ Лифляндіи во время господства тамъ Ордена поселялись здѣсь среди Русскихъ, какъ свидѣтельствуютъ акты XVI—XVII в. Не касаясь вопроса о времени поселенія во Псково-Печерскомъ краѣ полувѣрцевъ, о чемъ я думаю написать особую статью, нельзя не признать того факта, что замѣчательнѣйшій изъ игуменовъ Псково-Печерскаго монастыря Корнилій (+1570) ставилъ близъ рубежа дворы и деревни, пріобрѣвъ отъ Московскихъ князей пустопорожнія мѣста, и населялъ ихъ лифляндскими бѣглецами. Что первоначальное населеніе Псковской губ. и Псково-Печерскаго края въ частности принадлежало къ финскому племени, это не можетъ подлежать сомнѣнію: названія урочищъ, рѣкъ, озеръ и вообще несмѣняемыхъ предметовъ большею частью чудскаго происхожденія. Остатки подобныхъ названій, сравненныхъ

съ чудскими названіями въ другихъ мѣстностяхъ, даютъ возможность дѣлать нѣкоторыя заключенія о разселеніи и движеніи чудскихъ народностей въ доисторическія времена.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Загадки.

Безрогій бѣжитъ по полю, плѣшивый—въ кустарникѣ—мышь и лягушка.

Безъ дождя тянется, безъ росы ростетъ—сажа.

Безъ рукъ, безъ ногъ, бѣжитъ вверхъ по угламъ. Дымъ.

Безъ языка говоритъ, безъ ума понимаетъ—часы.

Бѣлый камень подъ амбаромъ—вымя.

Бѣлая земля, черное сѣмя— бумага.

Бѣлая коровушка, черное молоко—береза и березовица.

Внизу вилы, вверху ранецъ, надъ ранцемъ щель, надъ щелью пещеры, за пещерами (pelktus), ворота wärek), надъ воротами лѣсъ, (tsiberik-tsaberik) прислонившись къ горѣ—человѣкъ (ноги, желудокъ, ротъ, глаза, уши и волосы).

Всѣ волки вдоль, одинъ волкъ наперекрестъ подъ другими—потолокъ.

Въ длани, но не видишь—ухо.

Въ лѣсъ несутъ величиною съ блоху, домой приносятъ величиною съ сыръ—рѣпа.

Въ миску не льютъ, въ мискѣ не рѣжутъ, ѣстъ нищій и господинъ (saks)—молоко матери.

Въ той землѣ рубятъ дубъ, щепки летятъ сюда—громъ.

Въ той странѣ снаряжаютъ невѣсту, наряды видны здѣсь—солнце.

Вѣнокъ межъ когтей—углы избы.

Гибкое, круглое, на корточкахъ подъ верескомъ—ухо.

Гладкая подъ мостомъ, шаршавая подъ верескомъ, мягкій подъ сосной—рыба, земля, грибъ.

Гладь (liba) дороги, скребница земли—соха и борона.

Гнѣздо въ землѣ, яйцо въ воздухѣ—хмѣль.

Голый человѣкъ, кафтанъ на деревѣ—свѣча.

Дарья за избой, сто гвоздей въ задницѣ—борона.

Два брата обвязаны однимъ поясомъ—пара кольевъ въ изгороди.

Два брата гонятся за двумя другими братьями, но никогда не могутъ догнать—четыре колеса телѣги.

Два брата работаютъ, третій въ гостяхъ—три поля (трехпольная система).—

Двѣ жерди полны бѣлыхъ куръ—зубы.

Два закрома, полные жиру—ноздри.

Два пѣтуха по сторонамъ горы, никогда не сходятся—глаза.

Двѣнадцать лѣтъ назадъ былъ онъ мой отецъ, девять сутокъ я его мать; дитя, которое я кормила, былъ мужъ моей матери—отецъ и дочь. (За великое преступленіе отца заключили на вѣки въ тюрьму и обѣщали свободу только въ томъ случаѣ если онъ девять сутокъ пробудетъ безъ крошки. Его дочь, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ вышедшая замужъ и имѣвшая ребенка, выпросила позволеніе нагая посѣтить его, поплакать и погоревать при немъ; она плакала и горевала, положивъ руку ему наплечо: онъ сосалъ грудь ея девять сутокъ.

Деревенская собака сидитъ, считаетъ звѣзды—журавль колодезный.

Дерево носитъ, кость пилитъ, лопата поворачиваетъ—ложка, зубы, языкъ.

Деревянный сосудъ, глиняный мѣшокъ, нитяная плетенка (Puine pukri, sawine sakri, niitsine nikri)—печеніе хлѣбовъ (квашня, печка и сито).

Длиною съ дерево, шириною съ рукоятку веретена—сердцевина.

Длиннѣе деревьевъ, ниже травы—дорога.

Дубовая щепа, никогда не гніетъ и не сохнетъ—языкъ.

Дьячокъ въ деревнѣ, попъ въ кустарникѣ—собака и волкъ.

Дѣти родились прежде матери—копна и копенки.

Желѣзный волкъ, пакляный хвостъ—игла.

Задъ медвѣдя полонъ занозъ—печь.

Заяцъ сидитъ середь деревень, считаетъ звѣзды—колодезный журавль.

Заяцъ на горѣ, желѣзныя поршни на ногахъ—соха.

Заяцъ на горѣ, на ногахъ золотые башмаки—соха.

Зеленый гусь, голая голова—вѣникъ.

Зеленый гусь, голая голова, валитъ на землю старосту, на бокъ царя деревни (küla kuningas)—вѣникъ.

Злодѣй за замкомъ, благодѣтель за изгородью—ружье и соха.

Изба полна родныхъ, одинъ другого не узнаетъ—слѣды.

Каменистое поле, желѣзная соха, ростетъ сѣмя изъ березовой коры—кремень, огниво и трутъ.

Котелъ кипитъ въ вереснякѣ, безъ дровъ, безъ смоленины—муравейникъ.

Кошачій хвостъ черезъ море—дужка котла,

Красная коровушка, волосяный недоуздокъ—клюква.

Кривоногій дѣдушка выгоняетъ изъ стойла красныхъ лошадей—кочерга.

Кривоногій дѣдушка выгоняетъ изъ конюшни красныхъ лошадей; чѣмъ больше гонитъ, тѣмъ краснѣе лошади становятся—кочерга.

Куда несешься извиваясь, какова твоя работа, плѣшивая голова (püit pää)?—вода и покосъ.

Легче всего, а на избу не бросишь—перо.

Лѣсной пѣтухъ, морской козелъ—кукушка, ракъ.

Лѣтомъ пирогъ, зимой лепешка—собака.

Мала-малешенька, сквозь тынъ тащитъ дрова—игла.

Марья спитъ, черезъ годъ узнается мѣсто—стогъ сѣна.

Мартинъ подъ землею, борода на землѣ—рѣдька.

Медвѣдь идетъ изъ влажнаго царства (kägemä), ножницы въ лапахъ, сумка на шеѣ—ракъ.

Мужикъ идетъ въ лѣсъ, бросаетъ снѣты по сторонамъ дороги—сопли.

Мужикъ идетъ въ лѣсъ, жена за пупъ на спинѣ—топоръ.

На землѣ больше дыръ, чѣмъ на небѣ звѣздъ—жниво, покосъ.

На куриной ножкѣ вертится хатка—мотовило.

На Гладкой горѣ (? kalina) восемь ногъ, двѣ руки—ракъ.

Невѣста наряжается за лѣсомъ—восходящее солнце.

Несмѣняемый впереди, зимній позади, чурбанъ посрединѣ, кнутъ въ рукахъ—лошадь, дровни и человѣкъ.

Новая посудина полна дыръ—сито.

Носить можешь, сосчитать не сможешь—волосы.

Обращается туда, обращается сюда, обращается къ каждой избѣ—тропинки.

Огненная средина, влажный край—самоваръ.

Одинъ боченокъ, два сорта пива—яйцо.

Одинъ братъ сказалъ: мнѣ лѣтомъ лучше, другой сказалъ: мнѣ зимою лучше, третій сказалъ, мнѣ все равно—дровни, телѣга и лошадь.

Одинъ гусь, четыре носа—подушка.

Одинъ дѣлаетъ тупъ-тупъ, другой дѣлаетъ тупъ-тупъ, третій дѣлаетъ тупъ-тупъ, четвертый дѣлаетъ тупъ-тупъ, пятый дѣлаетъ цопъ (karwihti)—лошадь.

Одинъ дубъ, у дуба двѣнадцать вѣтвей, на каждой вѣтви четыре гнѣзда, въ каждомъ гнѣздѣ семь яицъ—годъ, мѣсяцы, недѣля и день.

Одинъ нищій, сто плащей—курица.

Одна древесина, два хвоста—ночвы (netswa).

Одна мышь, два хвоста—поршень.

Одинъ сказалъ: ночь длинна, другой сказалъ: день длиненъ, третій сказалъ: лѣто длинно, четвертый сказалъ: зима длинна, пятый сказалъ: мнѣ все равно—кровать, полъ, телѣга, сани, лошадь.

Опрокинутая корзинка, сѣмена внутри звучатъ—изба и люди.

Опрокинутая—полна, стоитъ—пуста—шляпа.

Отецъ рождается, сынъ на печку взбирается—дымъ.

Откроются городскія ворота—весь народъ видитъ—дверь избы.

Отрѣжь голову, вынь сердце, дай пить—станетъ говорить—перо.

Парень съ дѣвушкой работаютъ; я пришелъ, сказалъ: Богъ въ помощь и спросилъ: вы братъ и сестра или мужъ и жена? Дѣвушка поклонилась и отвѣтила: ни мужъ, ни жена, ни братъ, ни сестра: его мать моей матери свекровь—отецъ съ дочерью.

Пень вверху, макушка внизу—лошадь и хвостъ.

Подъ одной крышей четыре брата—столъ.

Пришелъ мужикъ къ царю. Царь спросилъ: что я думаю? М. Ты думаешь, что я болѣе не прійду. Ц. Вѣрно, это я думаю. Какъ высоко небо? М. Этого не знаю ни я, ни ты. Падающая дождевая капля нигдѣ не останавливается. Ц. Это вѣрно. Какъ тяжелъ мѣсяцъ? М. Не тяжелѣе, чѣмъ четыре четверти фунта. Ц. Какъ широкъ міръ? М. Вѣтеръ дуетъ съ одной стороны и идетъ въ другую, нигдѣ не стоитъ. Ц. Это вѣрно.

Пожираетъ бѣлое, испускаетъ черное—лучина.

Полный хлѣвъ овецъ, бѣлый баранъ посрединѣ—звѣзды и луна.

Поросенокъ бѣжитъ вокругъ избы: чѣмъ дольше бѣжитъ, тѣмъ больше становится—цѣвка.

Полный хлѣвъ овецъ, всѣ безъ хвоста—хлѣбы въ печи.

Пѣтухъ на жерди, кошки подъ жердію—церковный колоколъ.

Прыгаетъ, рѣзвится, ежедневно башмаки на ногахъ, шубой покрыта—овца.

Пѣтухъ у порога клѣти—нагрудное украшеніе (sõlg).

Пять братьевъ гонятся другъ за другомъ, ни одинъ не догоняетъ—вязаніе чулка спицами.

Растетъ ель корнями вверхъ, макушкой внизъ—лошадиный хвостъ.

Реветъ какъ быкъ, роетъ какъ свинья, падаетъ какъ колъ—жукъ.

Раздвинь шерсть, возьми изъ средины сладкое—березовица.

Свиной калъ на стѣнѣ—висячій замокъ.

Сестра слѣпая, братъ пятисторонній—ночь и вѣтеръ.

Собака лаетъ, съ зубовъ течетъ—трепалка.

Сорока вошла въ городъ, хвостъ оставила снаружи—сажаніе на лопатѣ хлѣбовъ въ печь.

Спускаются внизъ яловыя, подымаются на гору стальныя — ведра на коромыслѣ.

Старая корзина, новая покрышка—земля, покрытая снѣгомъ.

Сто досокъ теса, тысяча черемховыхъ досокъ—книга.

Слѣпая (что?) туда, сѣрая сюда, сѣрая въ каждый дворъ—тропинка.

Треугольный амбаръ полонъ бѣлаго хлѣба—гречневое зерно.

Три брата прыгаютъ въ одномъ голенищѣ—жито толкутъ.

Толкни свѣтъ (lille), потяни свѣтъ, свѣта глаза сокращаются, совиные глаза убавляются—задвижное окно.

У насъ есть, у Бога нѣтъ—грѣхъ.

У осины сто сучьевъ, на каждомъ сукѣ гнѣздо, въ каждомъ гнѣздѣ два яйца—чечевица.

Царь въ своемъ калѣ—огонь въ пеплѣ.

Чего нельзя въ ситѣ обнести кругомъ избы? Воды.

Чего трехъ нѣтъ на землѣ? У камня корней, у птицы молока, у воды сучьевъ.

Человѣкъ безъ ума, лошадь безъ ногъ—дитя въ колыбели.

Черный быкъ, вѣтвистые рога, подымаетъ на затылкѣ цѣлый приходъ—винный котелъ.

Четыре дѣйствуютъ, борода подражаетъ—волосы на ногахъ лошади.

Четыре лошади, пятая въ стойлѣ, ни откуда не попадаютъ въ стойло—вязаніе чулокъ.

Четыре сестры подъ однимъ покрываломъ—ножки у стола.

Четыре сестры мочатся въ одну яму—сосцы у коровы.

Четыре смотрятъ внизъ, двое на небо—корова.

Что мягче всего на свѣтѣ? Рука.

Что на свѣтѣ быстрѣе всего? Солнце.

Что не отдыхаетъ ни днемъ, ни ночью? Вода.

Что сильнѣе всего на землѣ? Земля.

Что умнѣе царя? Безмѣнъ.

Шаръ впереди, шило позади, вмѣстилище для мышей посрединѣ—кошка.

Шаръ посрединѣ, шило впереди, лопата позади—курица.

Шесть ногъ безъ копытъ, рога есть, а не быкъ—жукъ.

Ѣдетъ лошадь, оглобли стоятъ—ручеекъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Названія полувѣрческихъ поселеній.

Сокращенія: В.—Верхоустенскій, Зал.—Залѣсскій, Зач.—Зачеренскій, Изб.—Изборскій, Колп.—Колпинскій, К.—Кулейскій, М.—Мальскій, Пан.—Панпковскій, П.—Перскій, Т.—Тайловскій. Число въ четыре цифры означаетъ годъ упоминанія въ актахъ, остальныя числа указываютъ количество жителей по ревизскимъ сказкамъ и церковнымъ метрикамъ (послѣднія въ скобкахъ).

А.

Авдѣево, Audjahaar, Колп. [1]).
Авинчище, Obinitsa, Т. 1652, 126.
Андрейково, Kolo, Изб. 1652, 52, (47).
Андрюково (**Андроново**), Т. 1652, 29.
Анцина Гора, Пан. (34).

Б [2]).

Бабино-Каменище, Sega к. В.
Барканово, **Бурканово** [3]), П. 1652, 55, (47).

---

[1]) Хотя и прибрежная деревня, но жители полувѣрцы занимаются земледѣліемъ. Вообще замѣтно, что псковскіе чухонцы или полувѣрцы чуждаются рыболовства, какъ постояннаго промысла, и расположены къ земледѣлію, представляющему болѣе ручательства въ вознагражденіи за приложенный трудъ. Національныя отличія сохранили вполнѣ, ибо только мужчины знаютъ по-русски.

[2]) Будовенъ, Лис. прих., нынѣ русская деревня. Первоначально здѣсь, по преданію, былъ только одинъ жихарь-полувѣрецъ; указываютъ даже мѣсто, гдѣ онъ жилъ; теперь тамъ голый песокъ. Русскіе, будто, переселились сюда изъ Изборска и дер. Кошельки.

[3]) Здѣсь рядъ полувѣрческихъ поселеній, представляющихъ хорошій примѣръ національной устойчивости полувѣрцевъ. Образуя сплоченную группу, полувѣрцы живутъ здѣсь вполнѣ особнякомъ отъ Русскихъ, сохранили свои нравы, обычаи, можетъ быть болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ въ восточныхъ приходахъ. По преданію, дер. Лебеда позднѣйшаго происхожденія; первоначально здѣсь, будто, жилъ только одинъ жихарь; да и теперь еще баркановскіе жители владѣютъ здѣсь землею.

Березнюгъ, П. 1652, 83, (82).
Боловино, Болвино, Т. 1652, 20.
Боровыхъ, Борокъ, Т. 14.
Боровенки, Lawеritsa к. Зал.
Ботатино, Зал. 55, (54).
Брездѣлево, Пан. (25).
Булыгино, Мал. Кулиско, К.
Булатнова, П. 54.
Бурмакино, Зал.
Бѣлохвостово, П. 1652, 25.

В.

Ваксарово, (Пельзики), Пан. 1652, (37).
Варусово, Waresse Mäe, Колп.
Варза, В.
Ведерниково, Зач. 102, (124).
Веребково [1]), Зал. 1624—1627.
Веретино, Т. 1652, 44.
Веселкино, Зал. 1652.
Верхоулицы, В. 1652.
Верхутско, В. 1652.
Воробьево, П. 1561, 1652, 44.
Воронково, (Островокъ), К.
Воронково, Saarebi, Зач. 21 (55).
Выбовка [2]), Кол.
Вылозы, К.
Выморково, П. 1536, 1652, 55,
Выползово, В. 1652.
Вязиково, Зал. 55.

Г.

Гагарино [3]), Изб. 14, (16).
Гигина, Tedre küla, Т. 29.
(Глазово [4]), К.).
Глистихино (Глистино), Т. 1652, 19.
Головино, П. 1623, 58.
Горланово Мал. Пан. 1652, (37).
Горемыкино, Härme К., Т. 1652, Новое 14, Старое—47.
Горинка, Пан. (31).
Горѣлая мельница, Korela k., Зач. 1652.
Горушка, Korsti k., П. 12.
Горушка Мал., Т.
Грабилово, Зач. 21.
Грабилово, П.
Грехнево, Wasili k. Т. 1652, 26.
Гусинецъ [5]), Изб. 1652, 84, (85).

Д.

Дегатницы, Togenitsi, Колп.
Демидово, П. 1652, 25.
Денисково, Hurowitsi, Т.
(Дрисливикъ К. [6]),
Дубровка [7]), Зал. 1561, 135.
Дуплево, Т. 1561, 26.
Дуравино, Зач. 52 [8]).

---

[1]) Населеніе близко къ обрусѣнію; линники (женскій головной уборъ) перестали носить лѣтъ шесть тому назадъ.

[2]) На лифляндской границѣ съ сѣвера. Жители занимаются земледѣліемъ и рыболовствомъ. Жилыя помѣщенія убогія, построенныя на чухонскій ладъ, нѣкоторыя съ русскимъ крыльцомъ. Три новые дома по внутренней обстановкѣ походятъ на русскіе. Четыре смѣшанныхъ семейства, въ которыхъ однако господствуетъ языкъ чухонскій. Восемь человѣкъ получили первоначальное образованіе. Во время крѣпостничества Выбовка принадлежала Райновскому помѣщику. Нѣкоторые носятъ лифляндскую одежду. Сосѣдніе лифляндскіе Эсты заимствуютъ отъ полувѣрцевъ пѣсни.

[3]) Глушь; всѣ четыре двора полувѣрческіе; женщины лишь кое-что понимаютъ по-русски; супружескія связи заключаются между своими-же изъ другихъ приходовъ. Въ одномъ дворѣ была арфа, на которой сынъ игралъ очень хорошо; самъ отецъ-старикъ отказался играть, ибо ходилъ только что сватать сыну невѣсту верстъ за 15.

[4]) Населеніе обрусѣвшее; старожилы помнятъ еще время, когда предки ихъ были полувѣрцами; нынѣ даже не всѣ мужчины знаютъ по-чухонски. Такова, вѣроятно, судьба многихъ деревень Кулейскаго прихода.

[5]) Близка къ совершенному обрусѣнію. Уже лѣтъ 15 тому назадъ женщины перестали носить линники. Языкъ чухонскій забытъ. У троихъ были арфы: двое долго хранили ихъ безъ употребленія, но наконецъ бросили въ печку, у третьяго (Евдокима) она сохранилась. Теперь уже никто не играетъ на ней; только одинъ Русскій въ часы досуга услаждаетъ другихъ искусствомъ играть на ней. Лишь одинъ дворъ можно считать нынѣ полувѣрческимъ.

[6]) Населеніе обрусѣвшее благодаря брачнымъ связямъ.

[7]) Здѣсь одна Русская, выйдя замужъ за полувѣрца, стала носить линникъ и перестала говорить на родномъ языкѣ. Деревня воровская; конокрадство обратилось въ промыселъ. Двѣ женщины извѣстныя пѣвицы.

[8]) Дольнево, Кул. пр.; по преданію, здѣсь было полувѣрческое населеніе. Вообще замѣтно, что прибрежное населеніе скорѣе другаго русѣетъ.

Е.

Егерева Мельница, В.
Екшино, Зал.
Ермаково, Т. 1652, 42.

Ж.

Жагры, Пан. (22).
Жеребцово, Т. 1652, 58.
Жуковичи, Sökowitsi k., В.
Журово-Кахово, Saare k., Jārwe k. В. 1652.

З.

Заболотье, Зач. 96, (97).
Заболотье, Wilo k., Зал.
Забѣлино [1]), П. 44.
Загорье, П. 1652, 63.
Загубочье, Krõmesüwa k., В. 1652.
Заднее Церковно, Juɛa, Т. 25.
Задорожье, Зал.
Задребье, Изб. 1652, (20).
Займище, Lindsi k., Т. 1561.
Замошье [2]), К. 1652.
Запутье [3]), Изб, 87, (61).
Захарино [4]), Т. 58.
Захново, Изб. 1652. (98).
Злыполье, К.
Зуево, Зал.

И.

Игнатово (Горохово), Alaotsa k. 47, (48).
Игнашево, Т. 1652, 86.
Игрище, В.
Извадъ [5]) зал. 79.

К [6]).

Каменецъ, Т. 1652. 3.
Каменка, Т.
Карамзино, Т. 1652. 20
Карабково, Т. 21.
Кастьково, В.
Кербы, Кербино, Зал.
Керы, Radaja, Зал.
Кіево, Т. 22.
Кикишево [7]), Кукишево 1561, Т. 20
Кирилловъ Боръ, В.
Кислово, Мал. П., 1652, (29).
Клавшино, Haosina, Колп.
Ковязлово [8]), Изб. 40, (51).
Кожуховъ [9]), Косиково, Т. 38.
Колосова, В.
Кондрашево, Зач. 83, (90).
Константиново, Serga k., 1652, 139.
Котельниково, Зач. 14, (15).
Кошельки [10]), М. 93 (обѣ 206).
Кошельки Никулины, М. 88.
Кранцова [11]), Пан. 25.
Красиково (Юковъ конецъ), Зал. 9.
Крохово, (Крухново), П. 44.
Кулиско Мал., (Булыгино), К.
Курвицы, Зал.
Курцупово, Пан. (25).
Кярикъ [12]), Колп.

Л.

Лабаны (Любаны), Пан. (10).
Лахново, П. 1652, 45.
Лединки, Лядины, Зач, 1536, 76, (80).
Лейманы, Пан. (29).
Линусы, Пан. (28).

---

[1]) Чухонское населеніе происходитъ, по преданію, изъ Лифляндіи; первоначально здѣсь, будто, жилъ только одинъ жихарь, лифляндскій бѣглецъ.

[2]) Населеніе обрусѣвшее; первоначально здѣсь былъ только одинъ жихарь полувѣрецъ; нынѣ здѣсь много сроднившихся семействъ.

[3]) Близка къ обрусѣнію. Здѣсь у двоихъ арфы, но безъ струнъ. Одинъ отецъ сдѣлалъ арфу для сына, который очень просилъ его; вообще дѣти сохранили любовь къ игрѣ на арфѣ.

[4]) Населеніе смѣшанное.

[5]) Здѣсь нѣкоторые Русскіе сдѣлались полувѣрцами.

[6]) Кулье, русская дер. По преданію, первоначальное населеніе ея вымерло отъ войнъ и моровой язвы; затѣмъ, спустя долгое время, здѣсь поселились выходцы изъ Осташкова (и теперь нѣкоторыя семейства носятъ фамилію Осташковыхъ) и Польши (семейства Поляковы). По всей вѣроятности, основатели этой деревни были чудскаго племени.

[7]) Шесть семействъ, два русскихъ, четыре полувѣрческихъ.

[8]) Близка къ обрусѣнію.

[9]) Два двора русскихъ, хотя говорятъ на обоихъ языкахъ; три семейства говорятъ по-чухонски. Прежде только одно семейство было русское.

[10]) Близка къ обрусѣнію.

[11]) Извѣстная пѣвица Дарья.

[12]) Жители—переселенцы Эсты изъ Лифляндіи, именно мызы Керкюла.

Литвиново, Зач. 111 (115).
Лыбовка-Выбовка, Колп.
Лугина [1]), П. 1652, 37.
Луковка, Pöni, Изб. 30, (31).
Лутобижи, В. 1652.
Лыково, Пан. (111).
Лытино, М. 58 (66).
Люлино (Лелино), Пан. 1652, (38) [2]).

М.

Макарово [3]), Изб. 27, (28).
Мал. Горланово, Пан. (37).
Манухново, Зал.
Маслово [4]), П. 1652, 16.
Маслово, Т. 1652, 16.
Махново, Изб. 1652, 29, (34).
Машнево, Т.
Мегузицы (Каменка), 1569—1652.
Медвѣдево [5]), Зал. 9.
Мелдово, Mudowa, Т. 1652, 12.
Метковицы, П. 1652.
Митино [6]), Изб. (30).
Мокрики, Пан. (61).
Мязовичи, К.
Мясники, Пан. 74.

Н.

Напики [7]), Пан. (32)
Настахино, Пан. (32).
Никитина Гора, В. 1652.
Ничаево Боль. В, 1561.
Ничаево Мал. В. 1561.
Новинки, Т. 1652, 53.
Новинокъ, Karisilla k., В.
Ново-Клавшино, Колп.
Нутрецово, П. 1652, 19.

О.

Оглобино, Miku k. Т. 1652, 58.
Олехново (Олухово-Невское), 1561, Пан. (47).
Олухово (Печерское), Зал. (21).
Осиповъ Боръ, В.
Островка, Зал.
Островокъ (Воронково). Saareba, К.

П.

Паклово, Treala, Зал. 1652.
Паклово, Т. 43.
Пальцева, П. (30).
Пальцово, Пан. 1652, 55.
Парышкино, П. 1652, 42.
Пепина гора, Mãcussa, Колп.
Пердовка, Зач. 76 (77).
Переднее Церковно, (Церковка), 1561, 33.
Пластырково, П. 13.
Погиблово, Т. 60.
Подгорье (Невское), Ala k., Изд. 54, (55).
Поддубье, Пап. (13).
Поддубы, П. 34.
Подлѣсы, П. 1652, 18.
Подмогилицы, [8]) Podmotsa, К. 1652.
Подсадниче, Helbiki, Т. 1652, 46.
Подсосенье, [9]) Pedaspääliste k., Колп.
Подтекалово (Шляпниково), П. 23.
Подчерняево, Kieru K. Т. 1652, 39.

---

[1]) Здѣсь извѣстенъ пѣвецъ, солдатъ Василій Терентьевъ.
[2]) Любятово (Щемер. прих.); жители—олатышенные Русские, которые во время крѣпостной зависимости брали въ жены Латышекъ, ибо тогда не было позволено брать женъ изъ другого имѣнія.
[3]) Близка къ обрусѣнію. Въ одномъ семействѣ три брата женились: двое на полувѣркахъ, одинъ—на Русской; въ этихъ семействахъ говорятъ на обоихъ языкахъ.
[4]) Три семейства: 1 русское, 2 чухонскія; прежде всѣ были русскія; очухонились черезъ брачныя связи.
[5]) Здѣсь поселилось нѣсколько семействъ Эстовъ изъ Лифляндіи.
[6]) Населеніе смѣшанное: пять семействъ русскихъ, остальныя полувѣрческія. Полувѣрцы брали въ жены русскихъ дѣвушекъ, которыя отстояли свою національность. Дѣти всѣ могутъ говорить по-русски.
[7]) Здѣсь находится громадная сосна, къ которой жители относятся съ благоговѣніемъ.
[8]) Черезъ заливъ противъ дер. Кулья; дворы четыреугольные, совершенно на русскій ладъ: жилой домъ, хлѣвъ, амбары и везде съ воротами; во внутренней жизни жители держатся особнякомъ. По виду взрослы, здоровы, блондины.
[9]) Лифляндскій эстонскій костюмъ начинаетъ входить въ моду; дѣвушки одѣваютъ украшенія только въ праздники на хороводахъ. Это можно сказать вообще о деревняхъ на лифляндской окраинѣ. Пѣніе полувѣрческихъ пѣсенъ и арфы здѣсь еще не въ ходу. Во время крѣпостничества Подсосенье принадлежало Райновскому помѣщику.

Поколодово, М. 59, (58).
Покшино, Т. 1652, 25.
Поповичи, В.
Порослово [1]), Пан. (26).
Поталово [2]), Пан. (27).
Прудище [3]), Зал.
Прунтово, Пан. (22)
Пуганцы, (Пугницы), В. 1652.

Р.

Райново, Колп.
Раково, [4]) Изб. 30, (35).
Растяково, (Юковъ Конецъ), Polande К. Зал.
Ржаво, Ersada В. 1652.
Ройкино [5]), Т. 1652, 57.
Рыжиково [6]), Зал.
Рысево, П. 47 (48).
Рябцево, Боль. и Мал. Зач. 1652.

С.

Савино, Зач. и В.
Самарино, Зач. 32, (31).
Свинска, [7]) Т. 1637, 42.
Салтаново, М. 49, (59).
Саурово, П. 77.
Селище, Selisja, В. 1652.
Серпухово, Зач. 54, (57).
Сигово, Radaje, Зал.
Слободка, В. 1652.
Смолина Гора,(Смольникъ), П. 1623,123.
Соколово [8]), Изб. 1652, 41, (58).
Соловьево, Т. и Пан. 1652, (27).
Сорокино, П. 18.
Спицыно, Зач. 30, (31).
Стешево, (Стехнево), Т. 1536. 1652. 18.
Стригина, Т. 1652, 23.
Ступино, Зач. 47, (49).
Сузиково, Soelane, В
Сульпики, (Сюльпики), Pelsik, Пан.
Сурянка, Зач. 15, (14).
Сухлово, Изб. 26, (21).
Сыромятино [9]), Зал.

Т.

Танищево, П. 1652. 79.
Тереховщина, Melso К. 1652, 29.
Тилики, Пан. (50).
Тимошева[10]),(Юковъ Конецъ), Зал. 1652.
Толстопятово, Talkak. Т. 1652, 45.
Тони, Tona К., В.
Томасова Гора, Tooma Mägi, Колп.
Тросна, Боль. и Мал. В. 1652.
Тростянка, Боль. и Мал. Trostka, В. 1652.
Трынтова Гора [11]), Tronnek. Изб. 93, (87).
Тюлитино [12]), Külätowa К., Зал. 37.
Тюлитино, Т. 142.
Тюршино (Курвичъ) [13]) ,Изб. 15, (6).
Тютино, Т. 1561, 1652, 48.

---

[1]) Смѣсь народностей; чухонскую часть образуютъ потомки бѣглецовъ лифляндскихъ.

[2]) Населеніе смѣшанное на половину изъ Русскихъ и полувѣрцевъ.

[3]) Русѣетъ; костюмы полувѣрческіе уже вышли изъ моды. Здѣсь почти въ каждомъ домѣ имѣется арфа.

[4]) Раково-Подгорье склонно къ обрусѣнію. Здѣсь въ 1884 г. завели на собственныя средства школу грамотности, нанявъ учителемъ отставнаго солдата, но тотъ спился и убѣжалъ. Въ 1885 году жители намѣрены были обратиться къ содѣйствію земства для возстановленія школы.

[5]) Прежде было русское населеніе; нынѣ нѣкоторыя семьи очухонились черезъ брачныя связи.

[6]) Упорно держится своей національности, хотя и окружена русскими деревнями.

[7]) Извѣстна пѣвица Татьяна.

[8]) Мужчины говорятъ по-русски; женщины и дѣти совсѣмъ мало; костюмы національные; человѣка три самоучкой выучились читать. Одинъ выдалъ трехъ дочерей за Русскихъ въ русскія деревни. Ѳедоръ Ивановъ искусно воспроизводилъ на арфѣ трезвонъ въ Псковскомъ соборѣ. Жители выражали сильное желаніе дать дѣтямъ школьное образованіе

[9]) Деревня значительно обрусѣвшая, лининковъ не носятъ, преобладаетъ русскій языкъ.

[10]) Три семейства обрусѣли благодаря брачнымъ узамъ.

[11]) Всѣ полувѣрцы, упорно держатся старины, женщины стыдятся русской рѣчи, браки между своими-же.

[12]) Населеніе смѣшанное на половину изъ Русскихъ и полувѣрцевъ. Нѣкоторые Русскіе женились на полувѣркахъ и въ семьѣ говорятъ по чухонски.

[13]) Тростино, М. прих., нѣкогда была полувѣрческою. Третьяково, русск. дер. Изб. прих. Здѣсь Тимоѳей Александровъ говорилъ слѣдующее: лѣтъ 150 тому назадъ, здѣсь

У.

Узеница Боль. В.
Узеница Мал. В.
Уласково [1]), Зал.
Уиковичи, П. 1652. 164, (170).
Усова Гора, Jugo, Зал.

Ф.

Филлипова Гора, Т. 1652,55.

Х.

Хельково, (Ананьино), Зал. 31.
Херково, П. 67, (69).
Холодникъ, М. 7.

Ч.

Чальцево, Т. 1652, — Большое, 39. Малое, 14.
Чолково, Tõlgo К. В.
Черемново, Пан. (71).
Черный Лѣсъ, Rãsowa, В. 1652.
Черепы, Пан. (32).
Черный Ручей, Mustoja. К.
Чудской Конецъ, Зач. 63, (64).

Ш.

Шешниково, В. 1652.
Ширково, Пан. (10).
Шляпниково-Подтекалово, П.

Щ.

Щапихино, В.

Ю.

Юковъ Конецъ, Juga otsa-Крысикаво-Тимошево, Зал.

Я.

Ямище, Кул.
Янкино, Пан. (41).
Янкина Мельница, В.
Ястребье, Кул.
Ячменово, Кул.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Слова [2]).

Ahinik—печникъ.
Angel—Евангеліе.
Arbja—знахарь, слововѣдъ.
ägil—борона.
deda—старый человѣкъ.
dedakene, babakene—обращеніе къ чужимъ.

hamé—русская рубаха изъ бѣлаго холста, воротникъ съ красными узорами, рукава обшиты красной полосой.

hamé—женская рубаха съ вышитыми широкими рукавами, верхняя часть изъ тонкаго холста, нижняя изъ грубаго.

armi hamé—древняя рубаха съ длинными рукавами; послѣдніе изъ самаго тонкаго холста; до пояса холстъ хуже, а внизу совсѣмъ грубый; рукава длиною 2½ арш., въ срединѣ ихъ отверстіе, чрезъ которое продѣвалась рука, когда напр. мѣсили хлѣбъ или мыли бѣлье, а концы связывались за спиною; на памяти старожиловъ ее надѣвали еще, когда ѣздили вѣнчаться и причащаться; ее брали у другихъ на прокатъ, за что обязывались работать цѣлый день (такую рубаху я нашелъ и въ Гдовскомъ уѣздѣ въ 1884 г. и подарилъ Географическому Обществу).

armi hamé въ этомъ же родѣ рубаха, только изъ болѣе грубой матеріи и безъ отверстій въ рукавахъ; ее носили на толокѣ и супрядкахъ.

hitskma—леха.
iskma, istma—прясть супрядки.
jaah—студень.
Jumal—образъ, Богъ.
juomi tsai—чай.

поселился его дѣдъ изъ Лифляндіи, мызы Орава, по имени Юсъ и женился на Полькѣ ... Поляки убѣгали отъ жестокостей и насилій пановъ. Еще донынѣ дер. Лопатово и ... Лятки называются польскими и поулочно нѣкоторые дворы носятъ прозвища: заяцъ... ...овъ, дроздъ и др., которыя переходятъ по наслѣдству. Общій лѣсъ этихъ трехъ деревень называется Полянкимъ. Въ дер. Кликушино лѣтъ 200 тому назадъ былъ только ... жихарь, отъ котораго и произошла вся деревня (нынѣ 6 дворовъ). Въ жены ...али одни полувѣрокъ, другія русскихъ. Полувѣрческій языкъ въ этихъ деревняхъ ...мво исчезъ.

[1]) Жители занимаются конокрадствомъ.

[2]) Ихъ нѣтъ у Видемана, или есть, но съ другимъ значеніемъ.

kaal—льняной платокъ около 3 арш. длиною, шириною $1^1/_2$ фут. посрединѣ вытканный кумачемъ, перекидывается черезъ плеча и на груди застегивается пряжкой (prees); въ немъ невѣста ѣдетъ вѣнчаться и на свадьбу къ жениху; дружки (kaazik) также носятъ kaal.

kaala—знахарь, гадающій по картамъ, по вращенію креста, ключа и книги.

kalski—своякъ.

kama—густое толокно, мѣщанка.

kamr—толокно (приготовленіе: размачиваютъ овесъ, прибавляютъ пшеницы, сушатъ на солнцѣ или въ печи; на мельницѣ обдираютъ шелуху и мелютъ въ мелкую муку, мѣшаютъ послѣднюю съ водою и солью и такъ ѣдятъ).

kambre—кладовая для хлѣба и для мелочи.

katsakat—мужскіе порты;

alos katsakat—нижніе порты изъ болѣе тонкаго холста.

katus kahru persega—эстонская четырехсторонняя крыша.

kääpa—могила.

kirmas—туховицы (праздникъ молодежи, соединенный съ играми и танцами).

kittask—женское одѣянье безъ рукавовъ.

kalatskit—калачи.

kiut подвода.

kiwi—мельница.

kolga—повѣсьма (накладываютъ на прялецъ и бьютъ).

kostkaheitja—знахарь, гадающій посредствомъ бросанія костей.

kõlgus—амбаръ для сѣна (по Видеману, соломникъ).

kõrik—самотканый шерстяной платокъ. съ черною или пестрою каймою; при вѣнчаніи полагается подъ ноги, (по Видеману, женскій кафтанъ).

krupenä—кишица изъ картофельной крупы.

kübar—шапка.

kütis—тютижи (способъ удобренія земли посредствомъ сжиганія хвороста, покрытаго дерномъ).

lak—козырекъ (у Вид. шляпа).

last—лопата для точенія косы.

lehet—древнія шейныя украшенія, числомъ 5—12, изъ серебра, походятъ на древесный листъ, длиною $2^1/_2$ и шириною $1^1/_2$ дюйма.

linnik—платокъ въ видѣ длиннаго полотенца, которымъ замужнія женщины обвязываютъ голову, оставляя концы висѣть на спинѣ.

lindaja, lindaja lõi ärr, lindaja tõbi—вѣроятно, параличъ; колдуны могутъ насылать lindaja; если lindaja поражаетъ сердце, то слова не помогаютъ, а если лишь ударяетъ сзади или спереди. Когда у коровы бываетъ три теленка, то третій и есть lindaja: его нельзя поймать, ибо онъ, какъ птица, пролетаетъ сквозь пальцы; если же поймать его и зарыть, то всѣ куски двигаются. Женщина также можетъ рождать lindaja, именно при преждевременныхъ родахъ, въ видѣ крота, который при погребенія разбивается въ двигающіеся куски.

lõigi raud—рѣзецъ, которымъ пашутъ новь; сохою сзади подымаютъ.

loigus—проказы, шутки.

Maa—Лифляндія, Maa poole въ Лифляндію, за Пивжу.

Maamies—чужестранецъ, Лифляндецъ.

Maa järw—Чудское озеро.

Maa Mihkli päew—канунъ Покрова (30 сент.).

Maa mõtsis—бранное слово къ Эстамъ лифляндскимъ.

master—монастырь.

moleben—молебенъ.

moll—жидкое толокно, болтонка.

muda kurts—болотная курица.

mudajane—мошка.

näitsk-служанка.

netswa — ночвы (лотокъ, служившій вмѣсто рѣшета.).

nikri—издѣлие, плетенка.

nõid—колдунъ, причиняющій болѣзни.

otspaja—дымникъ.

Paasa püha — Преображеніе.

painet rüid—крашеный женскій сарафанъ съ рукавами и отворотами для нихъ; носится всегда.

päälik—чердакъ.

paternas—лапоть изъ павляныхъ веревокъ (большею частью носятъ Русскіе въ Изборской странѣ).

Pihkwa imä jõgi, Suur imõ jõgi, Suur imä—рѣка Великая.

pikkaperra—продолговатый.

pinnar - межа.

pindre—гряда.

Piusa—Пивжа, Пижма (рѣка).
postenik —постель.
prädimine—пряденіе.
prälets—прялочникъ (дощечка, утвержденная на плахѣ или на трехъ ножкахъ).
pühane, pühasi —образъ.
raot—высѣчка.
rappik—лѣтній женскій кафтанъ.
rätt—платокъ; на свадьбѣ женщины дѣлаютъ изъ треугольнаго платка два рога на головѣ, что называется kuld plakaga (sarwiga) rätt.
ratta—телѣга.
ratta tsür—колесо телѣги.
Risti päew—Вознесеніе.
rittel—лѣстница
rüid—сарафанъ безъ рукавовъ, синяго цвѣта, покрываетъ все тѣло; willane rüid—сарафанъ съ длинными рукавами, короче простаго rüid на ¼ арш.; рукава не продѣваются, а торчатъ за спиною подъ поясомъ.
rohi—желобъ, въ коемъ лошадямъ готовятъ болтенку.
roog—мясной супъ.
rüä wiirat—рожь бороздчатая.
soolapuhuja, soolasobija—знахарь, лѣкарь; когда ребенокъ убьется, то онъ причитываетъ: harakalle halu, wareselle walu, musta tsirgule mun tõbi, т. е. горечи сорокѣ, боли воронѣ, черной птицѣ иная болѣзнь, а ты поправишься; soolapuhuja беретъ на ложку соль, шепчетъ на ней, даетъ три или девять зернышекъ, приказываетъ бросить въ воду, помѣшать и помолиться.
sõnad—слова; есть sõnad противъ волка, которыми можно сдѣлать его безопаснымъ для стада; противъ вывиха, перелома, кровавой мочи. бѣшеной собаки, змѣинаго яда, зубной боли (послѣднія знаютъ обыкновенно повивальныя бабки).
terri—жидкое или густое кушанье изъ толченаго жита и бобовъ, съ постнымъ или скоромнымъ масломъ.
tiranik—утиральникъ.
tõld—телѣга для ѣзды.
tsagada—ковать (по Видеману, вскапывать, рубить).
tsasop—часовня.
tsõrg—круглый.
tsuug—поршня изъ сырой кожи.
walge rüid—бѣлый сарафанъ съ рукавами и отворотами для нихъ.
wannik—родъ вѣнцовъ изъ обшитой золотомъ шелковой матеріи; образуетъ сзади двойную ленту, т. наз. wanniku händ.
wats—лепешка поповская.
Wedenie päew—Введеніе.
wieri pak—каталка.
wie ristmine—водосвятіе въ праздникъ Крещенія.
wiirama—бороздить.
wiisu'—лапти изъ выдѣланной кожи.
wirges, wirg—полоса, борозда (по Видеману, кличка къ быку или лошади).
wõsaj—сѣчка на подобіе малой косы: лезвее длиною въ 4 дюйма, рукоятка болѣе аршина, поясомъ навѣшивается черезъ плечо; употребляется для вырубки кустарниковъ.
prukost, sawtrak—завтракъ.

Вообще нарѣчіе полувѣрцевъ сходно съ Верроскимъ нарѣчіемъ эстонскаго языка съ тѣмъ отличіемъ, что въ него вошло очень много словъ, заимствованныхъ изъ русскаго языка. Заимствованныя изъ русскаго языка собственныя имена, напр. личныя названія, большею часть искажены до неузнаваемости. Есть въ этомъ нарѣчіи и слова готскаго или нѣмецкаго происхожденія, изъ чего можно заключить, что полувѣрцы въ прежнее время занимали этнографическое положеніе, общее со своими балтійскими соплеменниками; но нѣкоторыя данныя, повидимому, указываютъ на ихъ соприкосновеніе съ Мордвою.

Происхожденіе аршина. Семь разъ полагаютъ пядень, держа за палку, и приговариваютъ: аршинъ! гдѣ ты росъ? Въ лѣсу.—Кто тебя рубилъ?—Мастеръ.—На что?—На мѣру.

Происхожденіе фута. Кладутъ 12 разъ большіе пальцы одинъ подлѣ другого на палку; пространство, занятое такимъ образомъ, составитъ футъ. Семь такихъ футовъ составляютъ сажень.

Бранныя слова. Wana purask; wana Jaak, wana näks; oh, sa mustlase oakott, laku pirst pipardega, sita mulk sibuldega.

Игры. Jänest legena (дѣлать зайца)—дѣтская игра; ставятъ на голову соломенные рожки, рубашечку закладываютъ въ штаны и бѣгаютъ на четверенкахъ. Weski meng—(въ мельницу)—ложится одинъ изъ играющихъ животомъ на скамью, беретъ въ руки палочки и стучитъ по нижней сторонѣ скамьи. Другой въ качествѣ хозяина стоитъ подлѣ, имѣя въ рукахъ соломенный жгутъ (изгутъ, tuut), спрашиваетъ, сколько пуръ смолото, и, получивъ отвѣтъ, ударяетъ выводимую къ нему изъ толпы дѣвушку; на кого парни сердиты, ту бьютъ довольно больно.

Обрядъ погребенія. Умирающему давали въ руки свѣчу, прощались, какъ родные, такъ и сосѣди, открывали окно и вывѣшивали черезъ него полотенце, видя которое всякій проѣзжій поминалъ усопшаго. На ночь приходили къ нему молодые и старые бодрствовать. Въ старину гробъ дѣлали изъ цѣльнаго бревна, еще заранѣе пріобрѣтеннаго для трупа. Подобные гробы еще понынѣ можно видѣть въ пещерахъ Печерскаго монастыря. Оплакиваніе умершаго со всякими причитаніями было обязательно (въ противномъ случаѣ обижались родные усопшаго). Подъ голову клали вѣникъ и стружки; въ гробъ непремѣнно бросали монету. Землею засыпаютъ всѣ; на могилѣ обязательно выпиваютъ или закусываютъ. На обратномъ пути на дорогѣ разводился огонь, и чрезъ него проѣзжали на лошадяхъ. Поминаніе на могилѣ бывало и бываетъ на Троицу: обходятъ съ вѣткой, сорванной съ надмогильнаго дерева, трижды вокругъ могилы, опахивая ее; затѣмъ втыкаютъ вѣтку въ могилу и начинаютъ тризну.

Юрій Трусманъ.

Три года въ Якутской области.

Этнографическіе очерки.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1881 году, благодаря любезному предложенію генералъ-губернатора Восточной Сибири Дмитрія Гавриловича Анучина, мнѣ пришлось перенестись съ береговъ Вислы въ г. Якутскъ. Живя до того времени подолгу въ центрѣ Европейской Россіи и окраинахъ: на Волгѣ, въ Бессарабіи, въ Польшѣ, я весьма охотно принялъ сдѣланное предложеніе: далекій и совершенно невѣдомый мнѣ край рисовалъ въ моемъ воображеніи много новаго и интереснаго, а быстрые и неожиданные сборы въ далекій путь застали меня совершенно неподготовленнымъ; за лѣтнимъ вакаціоннымъ временемъ я не могъ познакомиться съ литературой области ни въ Москвѣ, ни въ Иркутскѣ.

Я перенесся съ крайняго запада Россіи въ Якутскъ въ промежутокъ времени около двухъ мѣсяцевъ, и въ памяти моей были еще живы впечатлѣнія края съ его благословенною природой, а на ряду съ ними уже выростали новыя, поражавшія своей самобытностію, неизвѣстною даже большинству коренныхъ жителей Сибири. Отсутствіе въ Якутскѣ музея и библіотеки о краѣ, на которыя я надѣялся, лишало меня послѣдней надежды возможно скорѣе теоретически ознакомиться съ бытомъ и условіями жизни инородцевъ, что было необходимо и въ интересахъ моихъ служебныхъ занятій.

Возвращеніе чрезъ Якутскъ спасшихся Американцевъ съ парохода Жаннета, затертаго во льдахъ Ленской дельты; ужасная смерть двухъ третей экипажа этого парохода; затѣмъ пожаръ американскаго парохода Роджерсъ въ Комочинской губѣ у Сердце-Камень; тяжелое пребываніе нашихъ отшельниковъ науки на Сагастырской метеорологической станціи у устья Лены; провозъ труповъ погибшихъ Американцевъ; пріѣздъ въ Якутскъ корреспондентовъ отъ редакціи Нью-Іоркъ Геральдъ — всѣ эти обстоятельства вызывали особое вниманіе не только нашего правительства, но и сосѣднихъ государствъ, возбуждали вниманіе всей читающей публики; съ интересомъ

слѣдившей за происходившимъ въ этой непривѣтливой отдаленной окраинѣ. Въ виду этого возраставшаго интереса къ Якутской области, росло и мое желаніе ознакомиться во очію съ тундрами, о которыхъ такъ много разсказывалось несбыточнаго и невѣроятнаго, въ особенности иностранцами. Мечтѣ моей удалось осуществиться, благодаря благосклонному вниманію генералъ-губернатора Анучина, и я отправился въ Верхоянскій округъ для ревизіи мѣстныхъ инородческихъ управленій и ознакомленія съ условіями жизни этихъ инородцевъ. Эта поѣздка моя по сѣверному прибрежью продолжалась 132 дня. Такимъ образомъ, воспользовавшись счастливымъ случаемъ, я познакомился во очію, хотя только отчасти, съ Якутскимъ и Верхоянскимъ округами, стараясь пополнить свои знанія объ остальной части области тѣмъ матерьяломъ, которымъ могъ располагать, живя въ Якутскѣ.

Этимъ моимъ вступленіемъ я спѣшу предупредить читателя, что въ настоящихъ очеркахъ моихъ я не обѣщаю никакихъ систематически изложенныхъ данныхъ, а тѣмъ болѣе выводовъ; я предлагаю только скромныя и совершенно отрывочныя свѣдѣнія и въ тѣхъ цѣляхъ, что, быть можетъ, я въ состояніи буду удовлетворить невзыскательному любопытству тѣхъ, которые, подобно мнѣ, отправляясь въ Якутскую область, будутъ въ затрудненіи удовлетворить своему законному желанію ознакомиться съ ней предварительно.

Въ концѣ очерковъ я привожу составленный мной библіографическій указатель сочиненій объ Якутской области. Не беру смѣлости утверждать, чтобъ списокъ этотъ былъ полонъ; напротивъ, твердо увѣренъ, что литература области гораздо пространнѣе, но я сдѣлалъ, что могъ, и въ тѣхъ предѣлахъ, какими располагалъ, и буду совершенно удовлетворенъ, если посильный трудъ мой, въ особенности по составленію указателя, будетъ пополненъ и тѣмъ совершенно исправленъ.

ГЛАВА I.

Общій видъ Якутской области.

а) Пространство и населенность; б) наружный видъ области—орографія и гидрографія; в) распредѣленіе населенія по городамъ и областямъ; г) климатическія условія, качество почвы; д) различныя племена области, ихъ особенности; е) занятія и образъ жизни инородцевъ.

Якутская область по направленію отъ В. къ З. занимаетъ пространство между Приморскою областью и Енисейскою губерніей, а отъ Ю. В. и Ю. З., гдѣ одной стороной соприкасается съ Амурскою областью, а другою съ Иркутской губерніей, тянется къ крайнему сѣверу, оканчиваясь Ледовитымъ океаномъ.

Вся эта площадь области съ выдающимися на южной и восточной границахъ ея длинными отрогами горъ Становаго и Яблоноваго хребтовъ, испещренная повсюду множествомъ озеръ и покрытая необъятною сѣтью рѣкъ съ необозримою гладью тундръ къ С. З. отъ горной и лѣсистой мѣстности и, наконецъ, прорѣзанная Верхоянскимъ хребтомъ, по исчисленію Стрѣльбицкаго, вмѣстѣ съ дельтою р. Лены въ 30 т. кв. верстъ и островами въ Ледовитомъ океанѣ въ 24.145_5 кв. верстъ,—обнимаетъ собой пространство въ 3.486.952 кв. версты, которое дѣлится на пять округовъ области:

Якутскій	округъ	761.760	кв. в. съ нас. въ 1883 г.	148.973 души
Верхоянскій	„	767.303	„ „ „ „ „	13.573 „
Вилюйскій	„	969.793	„ „ „ „ „	67.782 „
Колымскій	„	670.306	„ „ „ „ „	6.458 „
Олекминскій	„	317.792	„ „ „ „ „	13.685 „
		3.486.954	кв. вер.	250.471 д.

Такимъ образомъ, Якутская область занимаетъ $^1|_{36}$ часть всей суши земнаго шара, или $^1|_6$ Россійской имперіи, но съ населеніемъ крайне рѣдкимъ, такъ что

въ	Якутскомъ	округѣ	1	человѣкъ	приходится	на	$5_{,1}$	кв. верстъ.
„	Верхоянскомъ	„	1	„	„	„	$56_{,4}$	„ „
„	Вилюйскомъ	„	1	„	„	„	$14_{,3}$	„ „
„	Колымскомъ	„	1	„	„	„	$103_{,7}$	„ „
„	Олекминскомъ	„	1	„	„	„	$23_{,2}$	„ „

Въ административномъ отношеніи каждый округъ дѣлится на общества крестьянскія, кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ. Всего въ области считается 6 крестьянскихъ обществъ и 18 улусовъ, заключающихъ въ себѣ 221 наслегъ кочевыхъ инородцевъ, 6 родовъ кочевыхъ Тунгусовъ и 60 родовъ бродячихъ инородцевъ разныхъ наименованій (Юкагиръ, Чукочъ, Чуванцевъ и Ламутовъ).

По наружному виду Якутская область составляетъ большую равнину, склоняющуюся къ С.-З. На южной и восточной границахъ Якутская область прорѣзана болѣе или менѣе длинными отрогами граничащихъ горъ Становаго и Яблоноваго хребтовъ. Склоны горъ, обращенныхъ къ Сѣверному океану, покрыты низкою, корявою растительностію, тогда какъ склоны горъ, обращенныхъ къ Тихому океану, покрыты густыми вѣковыми хвойными лѣсами. Особенность Становаго и Яблоноваго хребтовъ та, что нерѣдко на самыхъ вершинахъ ихъ находятся топи и болота, а узкія пади

и долины заняты то быстрыми горными потоками, то болотами. Въ этихъ горахъ и въ Верхоянскомъ хребтѣ берутъ начало всѣ рѣки Якутской области. Общій характеръ мѣстныхъ рѣкъ тотъ, что, составляясь изъ множества горныхъ рѣчекъ, каждая сначала быстро катится между скалистыми берегами и вѣковыми лѣсами, въ узкомъ и стѣсненномъ ложѣ по каменистому грунту; оставляя же горную страну и вступая въ обширныя низменности, она раздѣляется на множество рукавовъ и образуетъ цѣлые архипелаги острововъ, теченіе дѣлается лѣнивымъ, низменнымъ; илистые берега покрыты густой травой. Эти рѣки, какъ всѣ берущія начало въ горахъ, разливаются нѣсколько разъ въ году; самый большой разливъ бываетъ въ іюлѣ, иногда же въ августѣ, что зависитъ отъ таянія ледниковъ и выпаданія дождей. Во время разливовъ эти рѣки заливаютъ на огромное пространство свои низменные берега, по спаденіи же воды рѣка снова вступаетъ въ свое русло. Въ сухое, жаркое лѣто пересыхаютъ даже многія протоки (побочные рукава); поэтому прежде, чѣмъ достигнуть лѣтомъ какой нибудь рѣки съ материка, всегда приходится встрѣчать сначала нѣсколько такъ называемыхъ сухихъ протокъ, пока наконецъ не доберешься до настоящаго русла рѣки. Якутскъ, лежащій на одной изъ величайшихъ рѣкъ земнаго шара,—на Ленѣ, лишенъ по этой причинѣ близкой проточной воды. Впадая въ море, эти рѣки образуютъ обыкновенно большіе заливы и цѣлый архипелагъ острововъ, какъ бы замыкающій входъ въ устье. Къ С.-З. отъ горной лѣсистой окраины простирается необозримая гладь тундры съ ея сплошными озерами, болотами и топями; небольшой рѣденькій кустарникъ низкорослой лиственницы дѣлаетъ видъ тундры еще болѣе унылымъ; стелющійся верескъ и тальникъ, сплошной мохъ и лишаи, особый видъ темно-синихъ цвѣтовъ, морошка, брусника, охта и голубица устилаютъ топи густымъ ковромъ темной зелени съ сизымъ отливомъ, такъ характеризующимъ тундры сѣверной Сибири. Самый край тундры, упираясь въ море, лишенъ всякой растительности и представляетъ равнину изъ голаго илистаго, мѣстами хрящеватаго песку, обмываемаго морскими приливами. Если вѣрить разсказамъ жителей полярныхъ побережій, здѣсь не встрѣчается значительнаго снѣжнаго покрова, который держался бы въ продолженіе цѣлаго лѣта.

Въ гидрографическомъ отношеніи Якутская область замѣчательна значительнымъ протяженіемъ рѣкъ. Область прорѣзывается величайшею въ мірѣ рѣкою—Л е н о ю и орошается ея притоками. Лена въ хозяйственномъ значеніи стоитъ несравненно ниже Оби и Енисея, сколько потому, что притоки ея не простираются къ Ю. далѣе $51^1|_2{}^0$ широты и потому, что

впадаютъ они въ главное русло въ полосѣ холодной, допускающей плаваніе въ продолженіе малаго времени, столько и по причинѣ значительнаго возвышенія всего восточнаго отдѣла Сибири, который холоднѣе и потому безплоднѣе запада. Рѣчную сѣть Лены составляютъ, не считая малыхъ, 323 притока, изъ которыхъ пять: Киренга, Вилюй, Витимъ, Олекма и Алданъ судоходны. Лена, вытекая изъ С.-Западной части горъ Байкальскихъ, въ 30 верстахъ отъ озера Байкала, дѣлается судоходною въ 230 верстахъ отъ истока, у Качугской пристани; у Якутска Лена шириной около 7 верстъ и, пробѣгая пространство до 4.500 верстъ, впадаетъ въ Ледовитый океанъ пятью болѣе замѣчательными устьями, образуя цѣлый архипелагъ, на одномъ изъ острововъ котораго—Сагастырѣ въ 1882 году была устроена полярная метеорологическая станція.

Лена обращена съ Ю.-З. на С.-В. и тѣмъ доказываетъ, что течетъ по краю склоняющихся горъ, параллельно оси Становаго хребта. Рѣка Вилюй течетъ съ З. къ В. на протяженіи 860 верстъ и впадаетъ въ Лену подъ 64° широты. Берега ея круты и гористы; мѣстность же, по которой тянется Вилюй, составляетъ плоскую возвышенность. Остальныя три рѣки стекаютъ съ восточнаго и сѣвернаго склоновъ Яблоноваго хребта и направляются съ Ю. къ С., впадая въ Лену подъ 60° и 63° широты. Изъ нихъ Витимъ (длиной 1.700 верстъ) начинается на одной почти широтѣ съ самой Леной; Олекма же (1.700 в.) и Алданъ (1.000 в.) сѣвернѣе ея. На Витимѣ много пороговъ, но звѣроловы и искатели слюды поднимаются по ней довольно далеко. Рѣка Олекма чрезвычайно быстра, извилиста, наполнена порогами и шиверами. Алданъ сопровождается высокими горами и оттого, при весеннемъ разливѣ, воды его поднимаются иногда до 60 ф. выше обыкновеннаго уровня. Алданъ принимаетъ, между прочимъ, большую рѣку Маю, имѣющую теченіе 980 верстъ, быструю и потому мало судоходную, но до урочища Нельканъ, по которой однакожъ и по притоку ея Юдомѣ поднимались тяжести, шедшія изъ Якутска въ Охотскъ. Чтобъ убѣдиться въ огромности размѣровъ Лены, стоитъ припомнить, что только одинъ Миссисипи имѣетъ протяженіе до 4.500 верстъ, затѣмъ Волга достигаетъ 3.500 в. Кромѣ Лены, сѣверную часть области орошаютъ слѣдующія болѣе выдающіяся своими протяженіями рѣки: Яна, Индигирка, Колыма. Яна начинается въ Верхоянскомъ хребтѣ, на самой границѣ Верхоянскаго и Якутскаго округовъ и протекаетъ на разстояніи болѣе 2.000 верстъ. Болѣе значительные ея притоки: Дулгалахъ и Бытантай, впадающіе съ лѣвой стороны, первый на 10 в. выше г. Верхоянска, а послѣдній на 400 в. ниже; съ правой же сто-

роны впадаетъ въ Яну превышающая ее по своей величинѣ р. Адыча. Притокъ Адыча въ свою очередь имѣетъ множество притоковъ, изъ которыхъ р. Тостахъ—значительной величины. Рѣка Индигирка, вторая по величинѣ послѣ Лены, беретъ начало въ Якутскомъ округѣ, близъ урочища Оймяконъ; по ней расположены жилища Якутовъ Эльгетскаго улуса, а при впаденіи ея въ море—селенія верхоянскихъ мѣщанъ. Главнѣйшіе притоки Индигирки составляютъ Мома—съ правой стороны и съ лѣвой—Уянда. Р. Колыма вытекаетъ съ вершинъ Яблоноваго хребта и его отроговъ. и течетъ на протяженіи около 2.000 верстъ, впадая въ Ледовитый океанъ. Главнѣйшіе ея притоки—съ правой стороны: Большой и Малый Анюй, Омолонъ и Каркадонъ. Изъ числа предыдущихъ рѣкъ слѣдуетъ признать судоходными Индигирку и Колыму съ ея притоками; рѣка же Яна, хотя и отнесена къ числу главнѣйшихъ рѣкъ области, въ дѣйствительности-же не можетъ быть причислена къ разряду большихъ рѣкъ. Она становится многоводною и имѣетъ болѣе правильное теченіе лишь по впаденіи въ нее р. Адычи, на разстояніи около 800 в. отъ верховья; до этого же соединенія она имѣетъ всѣ отличительныя свойства небольшой горной рѣчки: крайне извилиста, быстра и имѣетъ пороги; при дождливой погодѣ вода въ рѣчкѣ быстро поднимается, выступаетъ изъ береговъ и затѣмъ столь же быстро опадаетъ. Р. Колыма съ ея важнѣйшими притоками составляетъ главную жизненную артерію Колымскаго округа; она служитъ кормилицей всего прибрежнаго населенія, доставляя ему прекрасную рыбу разнаго рода, какъ-то: осетра, стерлядь, нельму, чиръ, омуль и сельдь. При этомъ нельзя не отмѣтить, что вершина р. Каркадона близко подходитъ къ вершинѣ р. Бикичи и отдѣляется отъ послѣдней невысокимъ горнымъ отрогомъ, весьма удобнымъ для перевала; рѣка же Каркадонъ впадаетъ въ р. Колыму въ томъ ея пунктѣ, съ котораго она становится судоходною. Такимъ образомъ сама природа какъ-бы указываетъ на естественный водный путь между городами Средне-Колымскомъ и Гижигинскомъ, лежащимъ на берегу Тихаго океана. Въ виду того, что цѣны на всѣ товары стоятъ въ Гижигинскѣ значительно ниже якутскихъ, открытіе для торговли вышеуказаннаго воднаго сообщенія съ Гижигинскомъ имѣло бы въ высшей степени благотворное вліяніе на благосостояніе Колымскаго округа, населеніе котораго страждетъ отъ чрезмѣрно высокихъ цѣнъ на всѣ товары, привозимые по длинному и неудобному пути отъ г. Якутска. Для казны новый путь былъ бы также выгоднымъ, удешевивъ доставку въ округъ муки, крупы, пороху, свинцу и прочихъ припасовъ, которыхъ въ округѣ, по среднему исчисле-

нію десятилѣтней сложности, доставляется ежегодно изъ Якутска до 3.600 пудовъ (казенной клади вьюкомъ). Такимъ образомъ, въ гидрографическомъ отношеніи Якутская область замѣчательна числомъ рѣкъ, значительныхъ своимъ протяженіемъ. Кромѣ обилія рѣкъ, въ области имѣется множество озеръ, изобилующихъ рыбою, около которыхъ, какъ и около рѣкъ, группируются инородческія жилища.

Якутская область, не смотря на такое богатство природныхъ путей сообщенія, слишкомъ холодна, чтобъ могла когда-нибудь получить большое развитіе: это—область пушныхъ звѣрей и рыбы, промысломъ которыхъ преимущественно живутъ и должны жить всѣ обитатели края; съ увеличеніемъ же населенія, при отсутствіи строгихъ правилъ промысла, естественнымъ образомъ уменьшится количество промысла.

На всемъ пространствѣ Якутской области находятся только пять городовъ, по числу округовъ, отъ которыхъ самые округа получили свое названіе, но они совершенно не заслуживаютъ названія городовъ. Всѣ эти города, не исключая и Якутска (въ которомъ три каменныхъ дома и 6 каменныхъ церквей) въ сущности стоятъ несравненно ниже не только торговыхъ, но и обыкновенныхъ селъ Россіи, какъ по своимъ постройкамъ, такъ и по существующимъ въ нихъ промышленности и торговлѣ. Такъ въ 1883 г. считается жителей.

въ г.	Якутскѣ	3,441	муж.	2,324	жен.	итого	5,765	душъ
„ „	Олекминскѣ	298	„	224	„	„	522	„
„ „	Вилюйскѣ	180	„	155	„	„	335	„
„ „	Верхоянскѣ	156	„	128	„	„	284	„
„ „	Средне-Колымскѣ	248	„	230	„	„	478	„

Итого. 4,323 м. и 3,061 ж., а всего 7,385 души.

Чтобы приступить къ общей характеристикѣ различныхъ племенъ, населяющихъ область, и опредѣлить особенности ихъ жилищъ и виды промышленности, необходимо остановиться на опредѣленіи качествъ самой почвы и тѣхъ климатическихъ условій, при которыхъ возможно существованіе ихъ. Какъ ниже увидимъ, земледѣліе и огородничество возможны къ распространенію только въ трехъ южныхъ округахъ области. Верхоянскій же и Колымскій округи на пространствѣ своемъ въ 1,437,606 кв. верстъ недоступны земледѣлію, какъ покрытые каменистыми отрогами Яблоноваго и Становаго хребтовъ, озерами и тундрами, при короткости очень влажнаго лѣта и продолжительности слишкомъ суровой зимы. Съ половины ноября

въ Верхоянскомъ и Колымскомъ округахъ наступаютъ сумерки, переходящія, къ полюсу, въ совершенную ночь; наступаютъ совершенные морозы, доходящіе до 50° Р., и сильные вѣтра съ Ледовитаго океана сковываютъ всю природу своими ледяными объятьями, а, сталкиваясь съ западными вѣтрами, производятъ ужасныя пурги, сметая все на своемъ пути и навѣвая цѣлыя горы снѣга. Пурги продолжаются до двухъ недѣль (каждый разъ), и въ это время человѣкъ выходитъ изъ юрты только за дровами, приготовленными у самыхъ дверей жилья, и то привязанный на длинный ремень—въ страхѣ отбиться отъ жилища и замерзнуть въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. На восточныхъ и южныхъ границахъ округовъ стоятъ на стражѣ убѣленные сѣдинами горные гиганты и не допускаютъ далѣе своего поста ни южныхъ, ни юго-восточныхъ теплыхъ вѣтровъ, отчего вся жизнь, какъ растительная, такъ и животная носитъ на себѣ постоянную печать прозябанія. Число дней между послѣдними морозами весной и первыми осенью равно въ Верхоянскѣ, среднимъ числомъ, только 37, а въ Среднемъ и Нижнемъ Колымскѣ и въ устьяхъ Индигирки и Яны число лѣтнихъ дней не достигаетъ и этой цифры. Только къ концу такого мимолетнаго лѣта земля едва успѣваетъ оттаять не болѣе какъ на $^3/_4$ аршина, затѣмъ наступаетъ опять оцѣпенѣніе природы. Средняя температура, при которой рѣки и озера надѣваютъ свои ледяныя оковы,—приблизительно 15° Р. До покрытія рѣкъ сплошнымъ льдомъ на поверхности появляются небольшія ледяныя пластинки, повсемѣстно въ Сибири извѣстныя подъ названіемъ шуги. Этотъ ледъ всплываетъ со дна, гдѣ вода замерзаетъ скорѣе или отъ шероховатости каменистаго ложа, или же отъ породы камней, обладающихъ особенной теплопроводностію. Обмерзаніе дна замѣчается благодаря прозрачности водъ этой части Сибири. Въ ноябрѣ и декабрѣ наступаютъ сильные морозы; съ ними неразлучны зимніе разливы, составляющіе особенность въ отличіе отъ европейскихъ. Разливы эти чаще встрѣчаются на большихъ рѣкахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ нихъ впадаютъ побочныя рѣки: вода притоковъ сильно напираетъ на воду главной рѣки, которая въ слѣдствіе этого и вытѣсняется. Разлившаяся такимъ образомъ вода иногда замерзаетъ на поверхности — наледь и манитъ путешественника своею кажущейся твердостію: природа, какъ бы нарочно, съ умысломъ, ставитъ всюду засады и заставы своему непримиримому врагу, человѣку, чтобъ удержать его горделивое стремленіе и защитить свою дѣвственность отъ его всепроникающаго вліянія. Пока не успѣетъ замерзнуть наледь, изъ нея выдѣляются теплые водяные пары, образующіе туманъ, и чѣмъ холоднѣе, тѣмъ болѣе бываетъ наледей, а съ ними и тумана, который, сгущаясь

и кристаллизуясь, покрываетъ землю на огромныя пространства; подобные непроницаемые для глаза холодные туманы и сильно разрѣженный воздухъ затрудняютъ дыханіе человѣка; въ дыхательнихъ органахъ чувствуется особое раздраженіе, и кровь готова хлынуть каждую минуту. Въ эти морозы все въ природѣ коченѣетъ, и нѣтъ возможности голою рукой прикоснуться даже и къ дереву: ледъ и дерево пріобрѣтаютъ крѣпость и жгучесть желѣза. Наступленіе морозовъ, а затѣмъ толщина льда на рѣкахъ и озерахъ для жителей сѣверныхъ округовъ области, по отношенію къ промысламъ и торговлѣ, являются, въ большинствѣ случаевъ, вопросомъ жизни. Отъ толщины льдовъ зависитъ не только уловъ рыбы, но иногда и ея полнѣйшее исчезновеніе въ извѣстномъ мѣстѣ. Вода двухъ сѣверныхъ округовъ почти три четверти года находится въ замерзшемъ состояніи, и даже среди лѣта, въ іюнѣ, на рѣкахъ встрѣчаются глыбы плавающаго льда,—понятно, что ледъ достигаетъ тамъ значительной толщины. Около Якутска, при умѣренной зимѣ, ледъ на озерахъ достигаетъ толщины отъ $5^1/_4$ ф. до $7^1/_4$. Бóльшая толщина — на озерахъ меньшихъ, и ледъ тоньше на широкихъ озерахъ; толщина льда зависитъ также отъ глубины покрывающаго его снѣга, а количество выпадающаго снѣга находится въ обратномъ отношеніи къ стоящимъ морозамъ. Ледъ на рѣкахъ не достигаетъ приведенной толщины; промерзаніе рѣкъ до дна встрѣчается очень рѣдко, завися отъ горныхъ ключей, отъ которыхъ рѣки получаютъ свою пищу. Лена у Якутска, замерзая, образуетъ ледъ толщиной до $5^1/_2$ ф., но на шиверяхъ или порогахъ рѣки промерзаютъ слабо, и не рѣдкость среди зимы встрѣтить образовавшуюся полынью.

Въ непосредственной связи съ сѣверными холодами стоитъ свойственное только одной полярной странѣ явленіе—сѣверное сіяніе. Чѣмъ трескучіе морозы, тѣмъ чаще и продолжительнѣе одно за другимъ слѣдуютъ эти явленія въ теченіе долгой, двухмѣсячной ночи. Въ г. Якутскѣ, напр., сѣверныя сіянія бываютъ не ежедневно, какъ у полярнаго прибережья, за то яркость и разнообразіе цвѣтовъ сѣверныхъ сіяній, видимыхъ въ полосѣ г. Якутска превосходитъ всякое описаніе. Начинаясь на сѣверѣ отдѣльными вспышками блѣдно-зеленаго или ярко-пунцоваго цвѣта, высоко вверхъ, по радіусамъ подымаются ракеты голубаго оттѣнка, которыя, расплываясь по окружности, обливаютъ небосклонъ чарующими красками. Цѣлые потоки яркихъ радужнихъ цвѣтовъ такъ и льются изъ волшебныхъ столбовъ, то раздѣляясь, то соединяясь, то смѣшиваясь между собой, то переливаясь изъ одного цвѣта въ другой, то вспыхивая, то потухая, то уносясь дальше, погасая въ безпредѣльномъ пространствѣ... Нѣтъ словъ на человѣческомъ

языкѣ для передачи всей волшебной прелести этой фантастической игры угрюмой и жестокой сѣверной природы.

Для болѣе образнаго представленія о средней температурѣ временъ года въ сѣверныхъ округахъ приведу слѣдующую таблицу:

	сѣв. шир.	вост. долг.	зима.	весна.	лѣто.	осень.	годъ.
Якутскъ	62° 2′	147° 25′	—30° R.	— 6,85 R.	+13,09	— 8,39	— 8,79 R.
Верхоянскъ . . .	67° 33′	151° 30′	— 37 42	—12,53 »	+11,60	—11,67	—12,50 »
Нижеколымскъ .	68° 32′	178° 15′	— 26,33	—10,45 »	+ 8,30	—11,73	—10
Устьянскъ	70° 55′	139° 55′	— 30,18	—14,49 »	+ 6,53	—13,76	—12,97 »

Говоря о климатѣ края, по необходимости я долженъ коснуться и вопроса о температурѣ почвы, во первыхъ, уже потому, что температура почвы есть, въ нѣкоторомъ отношеніи, слѣдствіе атмосферныхъ метеорологическихъ явленій, а затѣмъ и потому, что и сама она, въ свою очередь, оказываетъ весьма дѣятельное участіе въ тѣхъ или другихъ климатическихъ условіяхъ данной мѣстности. Если можно по средней годовой температурѣ опредѣлить приблизительно температуру почвы той же мѣстности, то съ другой стороны и по температурѣ почвы можно судить о приблизительномъ климатѣ страны. Это взаимное воздѣйствіе другъ на друга температуры, воздуха и почвы получаетъ особую важность въ арктическихъ странахъ сѣвера, гдѣ проходитъ столь мало изслѣдованная еще полоса вѣчно ледяной почвы. По вычисленіямъ оказывается, что толщина ледяной почвы въ Якутской области простирается отъ 600′ до 1,000′ англ. и тянется съ дальняго сѣвера непрерывнымъ пластомъ къ югу, въ Забайкалье, а къ Ю. В. на южные берега Охотскаго моря, и состояніе Якутской почвы должно принять за нормальное, хотя наблюденія намекаютъ на существованіе значительныхъ отклоненій. Важно прогрессивное возвышеніе температуры по мѣрѣ проникновенія въ подземныя глубины: чѣмъ глубже отъ поверхности земли, тѣмъ прогрессія возвышенія идетъ быстрѣе,—среднимъ числомъ температура возвышенія на 1° R. на каждые 100 ф. англ., тогда какъ въ Европѣ надобно спуститься среднимъ числомъ на 150 ф. англ., чтобъ достигнуть разности температуры на 1° R.

Замѣчено, что малыя рѣки Якутской области вскрываются и замерзаютъ ранѣе большихъ; такъ р. Вилюй, притокъ Лены, съ рѣзкою точностію замерзаетъ около 6-го октября, а Лена у Якутска около 21 октября. Упоминаніе о времени рѣкостава, Лены въ особенности, имѣетъ значеніе въ послѣднее время, когда, при развитіи золотопромышленности, развивается, въ свою очередь, пароходство и судоходство по всей Ленѣ.

Таблица вскрытія и замерзанія р. Лены въ предѣлахъ Якутской области:

	свв. шир.	время вскрытія.	время замерзанія.
С. Нохтуйскъ	59° 51′	1 мая	7 окт.
Г. Олекминскъ	60° 22′	10 мая	24 »
Ст. Бестяхъ (170 в. выше Якутска) . .	—	8 мая	22 окт.
Г. Якутскъ	62° 21′	12 мая (+3,96° R.)	22 окт. (—17,56 R.)

Раннему вскрытію рѣкъ способствуютъ разныя климатическія условія—теплые предшествующіе вскрытію дни, дожди и юго-западные или западные вѣтры.

Если не всѣ, то по крайней мѣрѣ бѣдное населеніе области, занимающееся по преимуществу рыбной и звѣриной ловлей, съ нетерпѣніемъ ждетъ вскрытія рѣкъ и озеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаннаго лакомаго куска послѣ столь долгихъ и мучительныхъ лишеній: у большинства уже давно истощились запасы полусгнившей рыбы, и сосновая заболонь съ молокомъ служила пока единственнымъ предметомъ пропитанія; толпа дѣтей полунагихъ и изнуренныхъ, съ отвислыми отъ древесной пищи животами, но съ сіяющими отъ восторга лицами, провожаетъ отца къ рѣкѣ на рыбную ловлю. Вскрытіе и замерзаніе рѣкъ, такимъ образомъ, для жителей сѣверной окраины составляетъ вопросъ о жизни, и потому среднее время этихъ естественныхъ явленій и безъ помощи письма затвержено въ памяти изъ опытовъ и передается изъ рода въ родъ. День вскрытія и замерзанія рѣки связывается въ памяти со днемъ того или другого уважаемаго въ народѣ святого, и всякое уклоненіе, въ этомъ случаѣ, составляетъ для жителей этихъ странъ достопамятное событіе. На сколько толщина ледяного покрова или время нахожденія земли подъ снѣгомъ, на столько же и глубина снѣга имѣетъ въ инородческомъ быту громадное значеніе, въ виду бродячей и кочевой жизни, и для прокормленія домашнихъ животныхъ, изъ которыхъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большая часть находится круглый годъ на подножномъ корму. Глубина снѣга въ лѣсу и ущельяхъ всегда большая, на возвышенностяхъ же и открытыхъ мѣстахъ снѣгъ сдувается вѣтрами, а вершины и склоны горъ зачастую и вовсе обнажены отъ снѣга.

	послѣдній снѣгъ весной.	первый снѣгъ осенью.	число дней, свободн. отъ снѣга.
Якутскъ	7 мая	29 сент.	145
Нельканъ	10 »	20 »	133
Вилюйскъ	24 »	24 »	123
Верхоянскъ	30 »	11 авг.	73

Съ наступленіемъ января морозы становятся сноснѣе, изъ-за горъ Станового хребта пробиваются первые лучи солнца; съ каждымъ днемъ становится свѣтлѣе, и увеличивается долгота дня. Наконецъ, изъ-за го-

ризонта показывается солнце, но не грѣющее, а только свѣтящее. Въ февралѣ и мартѣ солнце подымается выше и подготовляетъ природу къ предстоящему лѣту: разрыхленный и растаявшій снѣгъ образуетъ горные ручьи и цѣлыя рѣчки, которыя съ шумомъ и ревомъ несутся въ притоки рѣкъ; отъ напора притоковъ пробуждаются и самыя рѣки; начинается весна, но съ сильными вѣтрами, проливнымъ дождемъ и снѣгомъ; съ началомъ іюня, рѣки успокоиваются и наступаетъ лѣто съ своимъ незаходящимъ до половины августа солнцемъ. Лѣто, хотя и короткое, отъ Николы до Спаса, но, если оно не сопровождается сѣвернымъ или сѣверо-западнымъ вѣтромъ—благодѣтельное: природа быстро оживаетъ и спѣшитъ обновиться и запастись силами на вновь предстоящую зиму, но сѣверные и сѣверо-западные вѣтры быстро превращаютъ жаркій день въ пасмурный и холодный, нагоняютъ съ моря туманъ—выпадаетъ снѣгъ и губитъ нѣжныя растенія, не успѣвшія вполнѣ разцвѣсти. Рѣзкіе переходы отъ темноты и холода къ непрерывному свѣту и испареніямъ вредно вліяютъ на здоровье человѣка. Подъ отвѣсными лучами незаходящаго солнца гніютъ болотныя водоросли, выдѣляютъ изъ себя вредныя испаренія и заражаютъ воздухъ; отсюда общія страданія лихорадкой, слѣпотой, золотухой и худосочіемъ. Выше было сказано, что земля въ южныхъ частяхъ сѣверныхъ округовъ растаиваетъ къ концу лѣта приблизительно на $^3/_4$ аршина; сѣвернѣе же не доходитъ и до этой глубины. Верхоянскій хребетъ составляетъ рѣзкій переходъ отъ растительности на югъ отъ него и сѣвернѣе; на сѣверъ отъ хребта всѣ породы деревьевъ уже малорослы, и изъ нихъ нѣтъ ни одного, достигающаго толщины въ обхватъ. Главную породу деревьевъ составляетъ здѣсь лиственница; въ мѣстахъ защищенныхъ отъ вѣтровъ укромно ютятся тонкіе и хилые кедры, березы и тополи, а по низменнымъ берегамъ рѣкъ и болотъ тянутся непролазныя чащи ивняка, или, по здѣшнему, тальника. Чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ растительность жиже, корявѣе и утомительнѣе для глазъ; деревья переходятъ въ кустарники, а затѣмъ стелющійся по землѣ верескъ, ольха и тальникъ вовсе исчезаютъ, уступая свое мѣсто безграничной, необъятной тундрѣ. Кора каждаго дерева на сторонѣ, обращенной къ сѣверу, грубѣе и толще, чѣмъ на сторонѣ южной; самые сучья простираютъ свои вѣтви къ югу подъ вліяніемъ сѣверныхъ вѣтровъ и южнаго солнца. Почва въ лѣсахъ болотиста, покрыта мхами и кустами черной смородины, шиповника, ольхи и преимущественно тальника. Долины и поляны покрываются тучной травой, доставляющей изобильный запасъ корма для скота, а ближе къ сѣверу, въ особенности вершины горъ покрыты лучшими моховыми пастбищами для оленей. Чуть только освободится

земля отъ ледяной коры и солнечные припеки станутъ чувствительными, является новый, страшный и безпощадный врагъ человѣка и животныхъ— комаръ. Изо всѣхъ топей и болотъ подымаются тучи и, громко жужжа свою кровожадную пѣсню, носятся въ воздухѣ, ища свою добычу. Человѣкъ не находитъ себѣ убѣжища: надѣваемыя на лицо сѣтки изъ конскаго волоса и дымокуры являются только легкимъ предохранительнымъ средствомъ; комаръ пронизываетъ и самую одежду. Бѣлыя лошади, исключительная масть якутскихъ лошадей, становятся коричневыми; громадныя стада оленей разбѣгаются, ища себѣ спасенія или въ водѣ или на вершинахъ горъ.

Въ Сибири все носитъ на себѣ особый отпечатокъ; такъ точно и весенніе разливы въ области имѣютъ свой совершенно отличный характеръ. Тающіе снѣга на горахъ и равнинахъ несутъ къ рѣкамъ почти всѣ свои водяныя богатства, а верховья рѣкъ, текущія по узкимъ долинамъ и горнымъ ущельямъ, доставляя неимовѣрную массу прибывающихъ водъ, весьма скоро переполняютъ ложе рѣки: поверхность рѣки, быстро возвышаясь, выступаетъ изъ береговъ, служа такимъ образомъ пособникомъ для скорѣйшаго очищенія рѣки ото льда. Это половодье продолжается обыкновенно до 20 чиселъ іюня, и всѣ торгующіе и золотопромышленники по Ленѣ пользуются имъ для сплава своихъ товаровъ, такъ что скорость доставленія таковыхъ находится въ зависимости отъ размѣровъ и продолжительности разливовъ. Опустошенія, которыя производятъ разливы, нигдѣ не достигаютъ такихъ гиганскихъ размѣровъ, какъ здѣсь; поднимаясь на десятки футовъ выше обыкновеннаго уровня, вода затопляетъ окрестности на многія версты, несется съ неимовѣрной силой и скоростію, захватывая на пути своемъ все, что только дерзаетъ становиться поперекъ ея неукротимаго бѣга—вода срываетъ громадные куски скалъ, глубоко врѣзывается въ почву, отрываетъ цѣлыя полосы земли, поросшія высокимъ и густымъ лѣсомъ и несетъ она эти трофеи своей стихійной необузданности съ ужасным ревомъ въ Ледовитый океанъ. Громадная сила воды и скорость движенія льдовъ, проходя мимо ущелій высокихъ каменистыхъ скалъ, сглаживаетъ или шлифуетъ, даже полируя ихъ, образовывая по берегамъ рѣки громадныя отвѣсныя стѣны. Итакъ воды этой части Сибири лежатъ три четверти года, какъ скованные богатыри; только съ небольшимъ три мѣсяца пользуются онѣ своей свободой, и природа, желая какъ-бы вознаградить ихъ за столь долгое оцѣпенѣніе, даетъ имъ хотя на короткое время, но полную и необузданную волю!

Водяное богатство области, при рѣзкихъ скачкахъ температуры, спо-

собствуетъ наполненію воздуха немалымъ количествомъ паровъ; большое вліяніе на влажность воздуха оказываетъ вѣчно-мерзлая почва, этотъ неизсякаемый источникъ обильныхъ испареній, такъ какъ нижніе слои—непромокаемое дно, не представляютъ водѣ ни малѣйшей возможности просачиваться въ глубину. Влажность воздуха, доходящая до своего апогея, оказываетъ важное значеніе какъ въ санитарномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Три сѣверные округа въ особенности представляютъ сплошные ряды рѣкъ, озеръ и болотъ, которыя и даютъ, конечно, пищу туманамъ, висящимъ иногда по вечерамъ густыми облаками надъ самой поверхностью воды. Якуты разсказываютъ, что, благодаря обильной росѣ, караси часто перекочевываютъ изъ одного озера въ другое, ближайшее: трава до того густо смачивается росой, что рыба въ состояніи скользить по ней. Если это и не совсѣмъ правда, то разсказъ характеристиченъ и имѣетъ въ себѣ долю истины. Обыкновенны туманы и зимой; иногда при ясномъ небѣ стелется по земной поверхности сѣро-синій туманъ. Страшное противорѣчіе—сухость воздуха съ туманомъ, налегающимъ въ видѣ пара! Среднее число дней въ году съ дождями и снѣгомъ въ Якутскѣ должно считать 90,2; изъ нихъ дождеобильнѣйшій — октябрь — 11,7; наименѣе дождливый — апрѣль,—5,0 дней. Самымъ дождливымъ вѣтромъ является юго-западный и наименѣе дождливымъ—сѣверный; вѣроятность дождя въ первомъ случаѣ противъ второго въ 1,5 раза. Дожди большею частію бываютъ тихіе, ливни случаются рѣдко; послѣднимъ сопутствуютъ грозы; только у Нелькана, благодаря близости морскаго берега, бываютъ дожди въ видѣ мелкой пыли (буса̀). Градъ въ Якутской области не только не представляетъ рѣдкости, но даже весьма обыкновенное явленіе, которое, по величинѣ градинъ и силѣ вѣтра, бываетъ иногда весьма опустошительнаго свойства. Среднее число грозъ въ Якутскѣ можно опредѣлить въ 33; изъ нихъ на весну приходится 3 и на лѣто 30, т. е. въ маѣ—3, іюнѣ—8, іюлѣ—16 и августѣ—6.

Одинъ взглядъ на описанную пустыню невольно вселяетъ мысль, что здѣсь граница обитаемаго міра, тѣмъ не менѣе и въ этихъ ужасныхъ мѣстахъ поселился человѣкъ!

Населеніе Якутской области состоитъ изъ различныхъ племенъ и поселеній, частію пришлыхъ, частію коренныхъ обитателей, которые по своей разрозненности не слились до сихъ поръ въ одно цѣлое, а, напротивъ, сохранили всѣ особенности своего быта, что̀ отразилось не только на внутренней ихъ жизни, но и на внѣшней, а потому для большей ясности представляется необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности относительно

группированія населенія, способа устройства жилищъ и самыхъ селеній, и представить особенности, въ этомъ отношеніи, свойственныя каждому племени.

Русскіе. Они являются исключительными обывателями городовъ по теченію р. Лены и въ селеніяхъ: Мархѣ, 1-й и 2-й, Павловкѣ, с. Доброиъ, въ с. Амгѣ, Усть-Майскомъ селеніи, двухъ селеніяхъ на Нюрьбѣ и по р. Индигиркѣ. По сторонамъ, вдали отъ Лены, встрѣчается очень мало русскихъ поселеній. Русскіе перенесли изъ своей родины способъ постройки жилищъ; поэтому русская изба съ чистой печью въ Якутской области такая же, что и въ среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи; тотъ же планъ постройки сохраняется и у зажиточныхъ, или городскихъ жителей, съ небольшимъ отступленіемъ. Если позволяетъ мѣстность, то селенія раскидываются широко, располагаясь чаще всего длиннею улицей.

Якуты занимаютъ всю плоскую часть области; только на полярной тундрѣ живутъ Чукчи, а на лѣсистыхъ горныхъ отрогахъ Яблоноваго и Становаго хребта—Тунгусы. Якутъ по своему занятію скотоводъ и мѣняетъ въ годъ два жилища, переселяясь весной изъ зимника въ лѣтникъ, ближе къ лѣсу и лугамъ для корма скота. Въ Якутской области, въ слѣдствіе частію суровыхъ зимъ, частію мокрой болотистой почвы, возможно разведеніе только лошадей и рогатаго скота. Овцы и свиньи разводятся въ очень ограниченномъ количествѣ, хотя овцеводство могло бы, по прибыльности своей, быть гораздо выгоднѣе, чѣмъ разведеніе рогатаго скота. Свиньи не выдерживаютъ сильныхъ морозовъ и на четвертомъ году жизни непремѣнно падаютъ. Жилище Якута раздѣляется на двѣ половины, находящіяся подъ одной крышей: жилую юрту и хотонъ (слѣва) — для скота; обѣ половины соединены небольшою дверью; все вмѣстѣ снаружи имѣетъ форму усѣченной четырехъугольной пирамиды. Объ устройствѣ юртъ будетъ подробно изложено ниже. Якутъ выбираетъ равнину, гдѣ высокая тучная трава на заливныхъ лугахъ дѣлаетъ возможнымъ разведеніе скота; любимыя же мѣста Тунгуса—хребты и ихъ мѣстные отроги, далеко опускающіеся въ эту равнину.

Тунгусы называютъ себя Овенъ; живущіе изъ нихъ ближе къ морю носятъ названіе Ламутовъ, отъ слова ламъ—море. Между Тунгусами встрѣчаются: 1) занимающіеся промысломъ и ѣздящіе на собакахъ и 2) собственно оленные, или бродячіе Тунгусы. Одежда ихъ изъ оленьихъ шкуръ, пріобрѣтенныхъ отъ оленныхъ Тунгусовъ; главное продовольствіе—рыба съ примѣсью жира морскихъ звѣрей. Настоящій Тунгусъ, оленный или бродячій, по промыслу своему звѣроловъ и не можетъ долго оставаться на мѣ-

стѣ и потому бродитъ. Хотя нѣкоторые Тунгусскіе рода и владѣютъ большими стадами оленей на сѣверѣ, но они никогда не оставляютъ своего любимаго промысла; поэтому жилища ихъ (ураса) приспособлены къ легкому передвиженію: десятка два тонкихъ жердей и нѣсколько десятковъ выдѣланныхъ въ видѣ замши оленьихъ шкуръ (ровдуга) легко навьючиваются на оленей и не затрудняютъ передвиженій. Зимой Тунгусы бродятъ болѣе по падямъ и тѣснымъ долинамъ горныхъ хребтовъ; лѣтомъ удаляются на вершины горъ. Урасы ихъ до того легки, что едва защищаютъ ихъ отъ вѣтра; не смотря на постоянно разложенный огонь зимой, безъ мѣховой одежды въ нихъ невозможно сидѣть. На мѣстѣ, гдѣ становится ураса зимой, счищается снѣгъ до земли; на нее кладутъ тонкія вѣтви хвои и мѣста сидѣнья устилаютъ невыдѣланными оленьими шкурами. Сѣвернаго оленя Тунгусы приручили съ незапамятныхъ временъ. Только одна крайняя нужда, когда стадо его истребилось отъ падежа или отъ волковъ, можетъ заставить Тунгуса бросить свою свободную жизнь въ лѣсахъ. Тунгусъ бродитъ со всею страстью души; черезъ каждые два, три дня онъ переноситъ свое жилище на другое мѣсто и утверждаетъ, что нѣтъ худшей жизни, какъ жить постоянно на одномъ мѣстѣ. Своею беззаботностью и веселостью, подвижностію, ловкостью и остротою, пріятностью и живымъ юморомъ Тунгусъ отличается отъ своего сибирскаго собрата—кислаго, непривѣтливаго и апатичнаго Якута. При небольшемъ навыкѣ не трудно отличить одного отъ другого, не смотря на ту податливость, съ которою Тунгусъ подчиняется Якуту. Послѣдній, сколько мнѣ пришлось замѣтить, всегда съ какимъ-то презрѣніемъ отзывается о Тунгусѣ и ставитъ даже въ укоръ своему собрату случайную примѣсь въ немъ тунгусской крови. Вообще о противоположности характеровъ между ними слѣдуетъ сказать, что Тунгусы очень добродушны, веселы, гостепріимны и всегда безъ всякаго разсчета готовы подѣлиться со всякимъ нуждающимся своимъ послѣднимъ; въ своихъ расчетахъ съ купцами они необыкновенно честны, а среди преступленій имъ неизвѣстны даже простыя кражи. Что же касается Якутовъ, то я рѣшительно увѣренъ, что если они и дѣлятся въ тундрѣ пищей съ товарищами, то или въ силу необходимости, или по заведенному обычаю, или даже по расчету, имѣя въ виду, что въ случаѣ нужды можетъ самъ надѣяться на такую же помощь. Тунгусъ помогаетъ по влеченію сердца, по искреннему добродушію. Тунгусъ—неиспорченное дитя дикой природы и, какъ вѣрный сынъ ея, онъ весь во власти окружающей его обстановки: чтобы ни случилось, на всякій случай у него готова примѣта; на всякое обстоятельство найдется суевѣрное толкованіе.

Не смотря на то, что все существованіе Тунгусовъ находится въ зависимости отъ успѣшности ихъ промысловъ, они плохіе стрѣлки и большею частью промышляютъ, ставя пасти, капканы, петли, самострѣлы. Нерѣдко за хорошимъ промышленникомъ слѣдуетъ нѣсколько голодныхъ семей, и все упромышленное однимъ становится общимъ достояніемъ: всѣ пользуются успѣхомъ и трудами одного и не считаютъ себя за то обязанными. Счастливъ его промыселъ — значитъ, онъ богатъ и можетъ дѣлиться съ неимущими; неудаченъ — онъ самъ идетъ прокармливаться за болѣе счастливымъ. Болѣе состоятельные уплачиваютъ за бѣдняковъ подать и повинности и, содержа ихъ на свои средства, не ставятъ имъ этого на счетъ. Одежда Тунгуса соотвѣтствуетъ его подвижности, она легка и имѣетъ форму камзола съ расходящимися спереди полами, изукрашена бисеромъ и оторочена бахрамой изъ окрашеннаго ольховой корой мѣха; грудь прикрыта передникомъ, надѣваемымъ подъ камзолъ, непосредственно на тѣло и изукрашеннымъ тѣми же рисунками, какъ и камзолъ; на головѣ чепецъ съ тою же отдѣлкой; короткія до колѣна панталоны; мѣховая въ обтяжку изукрашенная обувь. У женщинъ та же одежда, съ прибавленіемъ ленты, обвивающей косу, въ которую вплетены металлическія пуговицы и другія блестящія украшенія. Украшенія къ платью и самое платье изъ оленьихъ кожъ и шкуръ шьется сухожильями изъ тѣхъ же оленей. Отправляясь на охоту, Тунгусъ надѣваетъ приспособленную къ тому одежду и длинные непромокаемые сапоги—сāра, смазанные теплымъ рыбьимъ жиромъ. Съ помощію лыжъ онъ съ невѣроятною быстротой пробѣгаетъ громадныя пространства. Не имѣя съ собой никогда запаса пищи, онъ по неволѣ неразборчивъ въ ней и ѣстъ и пьетъ, что̀ попадется, причемъ самымъ любимымъ кушаньемъ считается непереварившееся содержимое желудка оленя; прибавивъ къ нему ягодъ для кислоты, онъ замораживаетъ или засушиваетъ это пластами; главное его достояніе — олень, а потому онъ никогда не рѣшится зарѣзать домашняго оленя, даже въ случаѣ крайности, но мясомъ павшаго не только не побрезгуетъ, но ѣстъ съ наслажденіемъ. Женщина главная распорядительница въ домашнемъ хозяйствѣ; она же и полная раба, не покладающая своихъ рукъ, а потому она и цѣнится съ этой стороны очень дорого и отдается замужъ или за извѣстную плату—калымъ, или же будущій мужъ отрабатываетъ за нее натурой. Тунгусы, какъ и всѣ инородцы, страстно любятъ водку и табакъ и также беззавѣтно отдаются игрѣ въ шашки и карты. За водку и табакъ онъ можетъ отдать не только то, что̀ имѣетъ, но и будущій свой промыселъ; въ карты и шашки онъ играетъ смѣло и готовъ поставить „на конъ“ все, что̀ потребуютъ.

От Тунгусовъ перейдемъ къ Юкагирамъ. Эти инородцы въ небольшемъ своемъ числѣ кочуютъ по берегу Ледовитаго океана между Яною и Колымой. Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что Юкагиры—остатки исчезнувшаго племени Омукъ. По удостовѣренію же Якутовъ, племени Омукъ никогда не было, а этимъ именемъ Якуты называли и называютъ всякаго инородца не ихъ племени и даже Якута другого наслега или другого рода. Юкагиры, ближайшіе къ Колымѣ, заимствовали отъ колымскихъ мѣщанъ образъ постройки и имѣютъ нѣчто въ родѣ русскихъ домовъ, т. е. кладя бревна жилищъ горизонтально, а не наклонно, какъ строются юрты. На рѣкѣ Хромѣ, восточнѣе Яны, гдѣ вовсе нѣтъ лѣсу плавника (наноснаго водой), а мѣстный кустарникъ очень малорослъ, Юкагиры строютъ свои жилища изъ оленьихъ роговъ надъ выкопанной ямой, заваливая сверху дерномъ, землей и снѣгомъ; дверь бываетъ очень мала, такъ что только привычный инородецъ съ его подвижнымъ станомъ можетъ пролѣзать въ такую дыру. Освѣщеніе у нихъ изъ моржоваго жира, и имъ же они и отапливаются, дорожа рѣдкимъ тальникомъ (ракитникомъ). Въ характерѣ этихъ инородцевъ еще хранится отпечатокъ кочеваго народа: радушное гостепріимство, откровенность, дѣтская простота, хотя и эти добродѣтели, при сношеніи съ торговцами, начинаютъ терять свою прелесть, уступая по необходимости мѣсто притворству, скрытности и подъ часъ желанію обмануть противную сторону. Ѣздятъ они на собакахъ и питаются рыбою и отъ оленей. Запасшись мясомъ оленя и табакомъ, Юкагиръ можетъ спокойно сидѣть передъ своимъ огонькомъ совершенно беззаботно; избытокъ промысла идетъ на промѣнъ чая, посуды, рѣдко дабы, а жена приготовитъ ему пищу и необходимую одежду.

На сѣверо-восточныхъ тундрахъ области, кочуетъ небольшое племя Чукчей съ своими, сравнительно большими, стадами оленей. Эти номады передвигаются съ мѣста на мѣсто, выбирая болѣе обильныя мохомъ мѣста. Главный пунктъ, гдѣ они сбираются для обмѣна своимъ товаромъ съ Русскими,—такъ называемая крѣпость Анюй. Не мѣняя такъ быстро свои мѣста, какъ Тунгусы, Чукчи имѣютъ болѣе тяжелыя жилища: деревянный остовъ покрывается оленьими шкурами съ шерстью и, кромѣ того, внутри изъ такихъ же шкуръ устраиваются отдѣльныя канурки, такъ что внутренняя часть служитъ пріемной для гостей, а боковыя — жилыми помѣщеніями и для склада товаровъ; полъ застилается оленьими и медвѣжьими шкурами. У Чукчей до сихъ поръ развито многоженство и, смотря по средствамъ, у хозяина столько отдѣльныхъ чумовъ, сколько онъ имѣетъ женъ. Изо всѣхъ инородческихъ племенъ области, Чукчи самостоятельнѣе другихъ сохранили

свою независимость; на снѣжныхъ степяхъ своего льдистаго отечества Чукчи почитаютъ себя счастливѣе всѣхъ своихъ сосѣдей, на которыхъ смотрятъ съ сожалѣніемъ; имѣя небольшія потребности, они легко удовлетворяются произведеніями своихъ стадъ, которыя даютъ имъ жилище, одежду, пищу и все, что потребуется для ихъ кочевой жизни; они легко и хладнокровно переносятъ условія своей жизни и не завидуютъ другимъ, видя, что за необходимыя удовольствія или удобства жизни надобно отказаться отъ своей природной независимости; только торговля сблизила ихъ отчасти съ Русскими и Американцами. Хотя Чукчи переходятъ съ мѣста на мѣсто, но замѣтная между ними наклонность къ осѣдлой жизни выражается въ собираніи запасовъ, бережливости и даже скупости,—качествахъ, совершенно непонятныхъ кочующимъ народамъ. Нужно замѣтить, что сѣвернѣе Якутска едва ли найдется нѣсколько десятковъ человѣкъ, за исключеніемъ, конечно, чиновниковъ и духовныхъ, но не женъ ихъ, которые бы умѣли считать хоть до 20-ти, а потому не будетъ удивительнымъ, что Чукчи не знаютъ счета головъ своего стада. Одежда Чукочъ—широкая, тяжелая оленья кухлянка (въ видѣ рубахи) и длинные мѣховые шаровары приспособлены къ мало подвижной жизни. Мужчины и женщины стригутъ голову до гола, причемъ мужчины оставляютъ вокругъ головы длинные волоса въ видѣ обруча, а женщины—косы на вискахъ. Головное украшеніе мужчинъ—корольки, вплетенные въ волоса и въ ушахъ по пряди бисера; мужчины и женщины татуируютъ лицо, руки, грудь, лопатки иглою, натирая язвинки порохомъ. Эти минкѣліи остаются на всю жизнь, не смываясь. При приближеніи смерти у Чукочъ совершается обычная священная церемонія: отецъ проситъ старшаго сына „отпустить его къ родникамъ“. Сынъ чрезъ ровдужную занавѣску, съ лѣвой стороны постели, твердою рукой пронзаетъ сердце родителя. Многоженство и отпущеніе къ родникамъ отъ времени до времени становится явленіемъ болѣе рѣдкимъ. Чукчи дѣлятся на осѣдлыхъ или береговыхъ и на оленныхъ или кочевыхъ. Береговые доставляютъ кочующимъ китовыя ребра и мясо, моржевые ремни и жиръ, а въ замѣнъ получаютъ оленьи кожи и готовое платье. Для освѣщенія и нагрѣванія своихъ шатровъ Чукчи употребляютъ мохъ, пропитанный китовымъ жиромъ. Пищу ихъ составляетъ вареная оленина съ тюленьимъ или рыбьимъ жиромъ; за лакомство считаютъ Чукчи мясо бѣлаго медвѣдя и китовую кожу, которую ѣдятъ сырую, оставляя на ней при съемкѣ тонкій слой мяса; любятъ замороженный олений мозгъ; питье приготовляютъ изъ мясного соку со снѣгомъ и пьютъ изъ чашекъ чрезъ оленью кость, или чрезъ трубочку изъ лебяжьяго крыла; рыбу употребляютъ только при недостаткѣ, а къ

соли показываютъ рѣшительное отвращеніе. Табакъ курятъ всѣ, даже женщины; табакъ черкасскій слишкомъ крѣпокъ, а потому его курятъ, какъ и всѣ инородцы, съ примѣсью древесныхъ стружекъ. За лакомство ѣдятъ тальниковые листья, заквашенные въ нерпичьемъ жиру, и кору съ тальниковыхъ корней, заѣдая тѣмъ же прокисшимъ жиромъ; ѣдятъ также морскую капусту. Можетъ быть 0,9 всего населенія области, и Чукчи между ними, жуютъ, какъ лакомство, затвердѣлую лиственичную сѣру; она очищаетъ зубы и ротъ и обильно снабжаетъ желудокъ слюной, столь необходимой для переваривания такой грубой и тяжелой пищи.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Табл. I.

Распредѣленіе населенія Якутской области по городамъ и округамъ.

въ 1887 году.	Муж.	Жен.	Итого.
Г. Якутскъ	3.214	2.527	5.741
Якутскій округъ	73.029	71.893	144.922
Г. Олекминскъ	318	308	626
Олекминскій окр.	7.515	6.491	14.006
Г. Вилюйскъ	224	230	454
Вилюйскій окр.	36.241	34.066	70.307
Г. Верхоянскъ	121	115	236
Верхоянскій окр.	6.672	6.327	12.999
Г. Колымскъ	260	242	502
Колымскій окр.	3.028	2.850	5.878
Итого	130.622	125.049	255.671
Итого въ городахъ	4.137	3.422	7.559
„ „ округахъ	126.485	121.627	248.112
Итого	130.622	125.049	255.671

Табл. II.

Населеніе Якутской области по сословіямъ. въ 1887 году.	Мужч.	Женщ.	Итого.
Дворянъ потомствен.	42	43	85
„ личныхъ	171	200	371
Духов. православн. бѣлаго	339	349	688
„ „ монаш. . . .	8	—	8
„ магометанскаго	1	—	1
Почетн. гражд. потомств.	17	10	27
„ „ личныхъ	81	85	166
Купцовъ	74	85	159
Мѣщанъ	958	896	1.854
Крестьянъ госуд. вс. наим. . .	2.815	2.761	5.576
Регулярныхъ войскъ	154	19	173
Иррегулярныхъ войскъ	462	395	857
Уволенныхъ въ запасъ.	61	10	71
Отставн. нижнихъ ч., ихъ семьи .	296	339	635
Якутовъ	112.284	111.662	223.946
Тунгусовъ	5.548	4.777	10.325
Юкагиръ	225	205	430
Чуванцевъ	75	65	140
Коряковъ	5	—	5
Ламутовъ	684	658	1.342
Чукчей	582	517	1.099
Иностранныхъ подданныхъ	1	—	1
Лицъ, не принадл. къ выше приведеннымъ разрядамъ	5.729	1.983	7.712
Итого. . .	130.622	125.049	255.671

В. Л. Приклонскій

Членъ-Сотрудникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Путевыя письма и замѣтки Срезневскаго о Сербо-Лужичанахъ.

(1840 г.).

Прим. Ред. Помѣщаемыя здѣсь письма и замѣтки Срезневскаго получены нами отъ дочери покойнаго Измаила Ивановича О. И. Срезневской, за что̀ и приносимъ ей глубокую благодарность. Писанныя за 50 лѣтъ назадъ, онѣ имѣютъ большой интересъ. Прежде всего онѣ важны для біографіи одного изъ первыхъ нашихъ Славистовъ и насадителей Славяновѣдѣнія, одного изъ весьма крупныхъ русскихъ ученыхъ, принимавшаго одно время близкое участіе въ трудахъ Географическаго Общества. Онѣ важны и для исторіи науки. Мысли Срезневскаго о живомъ изученіи народностей въ Европѣ, высказанныя имъ въ первомъ помѣщаемомъ здѣсь письмѣ къ Ганкѣ, были тогда совершенною почти новостью въ наукѣ. Превосходный наблюдатель живого народнаго языка и быта—ein herrlicher Beobachter, какъ его назвалъ однажды Шафарикъ, нашъ ученый оставилъ нѣсколько прекрасныхъ этнологическихъ и діалектологическихъ изслѣдованій о сѣверо- и югозападныхъ Славянахъ, за исключеніемъ Болгаръ: первыя превосходныя изслѣдованія о нихъ принадлежитъ другому русскому Славису—В. И. Григоровичу. Въ отчетахъ Срезневскаго—въ неизданныхъ еще путевыхъ его письмахъ и дневникахъ 40-хъ годовъ разсѣяны весьма цѣнныя замѣтки и свѣдѣнія о многихъ тогдашнихъ славянскихъ этнографахъ. Такъ и настоящія письма и замѣтки его содержатъ любопытныя данныя о заслуженномъ сербо-лужицкомъ этнографѣ Смолярѣ, составителѣ превосходнаго Сборника народныхъ пѣсенъ съ разными объясненіями и подробностями о народномъ бытѣ Сербо-Лужичанъ, самаго маленькаго народца славянскаго—ихъ всего будетъ 250,000 душъ съ небольшимъ. Письма и замѣтки Срезневскаго знакомятъ насъ съ сербо-лужицкою землицею и ея населеніемъ, какими онѣ были за полвѣка назадъ. Неоконченное здѣсь письмо къ Ганкѣ напечатано цѣликомъ по-чешски, съ подробностями объ упомянутыхъ въ концѣ чешскихъ рукописяхъ. (Čas. Č. Mus. 1840. 403—412).

Письмо къ В. В. Ганкѣ.

Дрезденъ 1840. Ноября 1.

Давно я не писалъ къ вамъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ! Теперь, хоть и оканчивается наконецъ мое странствованіе, продолжавшееся вмѣсто двухъ мѣсяцевъ цѣлыхъ пять, и хоть вотъ ужъ скоро скоро я ворочусь опять къ вамъ, въ Прагу, но улучивъ минуту свободную отъ занятій, не могу лишить себя удовольствія написать къ вамъ хотя нѣсколько строкъ. Описывать мои пути и переходы отъ Вратьславы, и откуда я писалъ вамъ мое послѣднее письмо, до Дрездена, гдѣ теперь отдыхаю отъ странствій, было бы слишкомъ долго и трудно для моего странническаго терпѣнія, впрочемъ не могу не пересказать вамъ, гдѣ я былъ—и потомъ... о чемъ нибудь изъ того, что между видѣннымъ мною можетъ быть для васъ любопытно.

Изъ Вратьславы я сдѣлалъ поѣздку въ Ополье и оттуда пѣшкомъ обходилъ всю средину земли, занимаемой Прусскими Слезаками, которымъ Нѣмцы дали чудное названіе Wasser Polaken, хоть имъ и пристало это названіе столько же, сколько напримѣр Словакамъ имя Чеховъ. Одно литература, а другое мѣстность народности. Народъ небольшой, народъ бѣдный, но сохранилъ и сохраняетъ въ образѣ жизни, обычаяхъ, обрядахъ, рѣчи многое, что стоитъ подороже какого нибудь стараго слова, запропалаго въ какой нибудь старой книгѣ. Читаютъ же такую книгу въ надеждѣ найдти такое слово, тратятъ на это мѣсяцъ, другой; а народъ... умираетъ не прочтеннымъ. Выгоды промышленности заставляютъ изучать нравы и обычаи дикихъ народовъ,—и о дикаряхъ Океаніи мы имѣемъ въ 5 разъ болѣе свѣдѣній, нежели о народахъ Европейскихъ: тутъ я не вижу просвѣщенія. Путешественникъ, ограниченный подобно мнѣ временемъ, не можетъ изучить народъ—хорошо, если онъ успѣетъ только познакомиться съ нимъ: тутъ нужны мѣстные наблюдатели, которые могли бы посвящать на познаніе народа не недѣли, а годы. И—Европа, богатая всѣмъ, такихъ мѣстныхъ наблюдателей имѣетъ слишкомъ мало. Слезаки, подобно многимъ другимъ народамъ и народцамъ Европы, не имѣли ни

одного. Я подмѣтилъ, распросилъ, записалъ, что могъ... что могъ! Какъ все это ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что можно сдѣлать! И съ грустью оставлялъ я Слезаковъ, увѣренный, что они, подобно другимъ народамъ, скорѣе утратятъ свою народность, нежели найдутъ мѣсто въ этнографіи. По неволѣ погрустишь, когда вспомнишь, что этнографическая карта Европы остается бѣлою не только для Слезаковъ, но и для славянскихъ народовъ вообще, не только для славянскихъ, но и для германскихъ, бѣлою если не совершенно, то по крайней мѣрѣ почти, или лучше сказать, что и книги такой вовсе нѣтъ, а есть только нѣсколько лоскутковъ матерьяловъ,—и между тѣмъ есть люди, смѣющіе взяться за перо историка! Не мудрено послѣ этого, что исторія Европы остается похожею на некрологъ, написанный ex officio по послужному списку. Впрочемъ я кажется заболтался. Между землею Слезаковъ и Лужицами Славянъ по языку уже нѣтъ,—и между тѣмъ я не могъ проѣхать прямо въ Будишинъ. Въ Легницахъ напримѣръ надобно было осмотрѣть славянскія рукописи, хранящіяся въ библіотекѣ при церкви Петропавловской, и послушать преданій народныхъ о Татарахъ и ихъ битвахъ со Славянами; изъ Легницъ погода позволила мнѣ сдѣлать прогулку на Исполиновы горы, все еще не совсѣмъ нѣмыя для Славянолюба; страна между Легницами и Сгорѣльцемъ еще болѣе занимательна не только въ отношеніи преданій, но и въ отношеніи архитектуры, одежды и образа жизни и обычаевъ жителей; въ Сгорѣльцѣ я нашелъ много для себя любопытнаго въ библіотекахъ ученаго общества и Милліевской, и радъ былъ знакомству съ кандидатомъ Смоляромъ, любителемъ и знатокомъ Лужицко-Сербской народности, съ пасторомъ Гауптомъ, ученымъ секретаремъ ученаго общества и издателемъ Лужицкаго магазина, и съ совѣтникомъ полиціи Кёлеромъ, любителемъ славяно-германскихъ древностей; около Сгорѣльца, Кёнигсгамъ, Ландскрона, Яворникъ и другія мѣста стоили также посѣщенія. Передвинувшись въ Будишинъ, я не могъ и тутъ не остаться на нѣсколько дней: осмотрѣть рукописи и рѣдкія книги въ библіотекахъ Ратуши и Герсдорфской, осмотрѣть городища, лежащія въ немаломъ количествѣ около Будишина, побывать на окрестныхъ горахъ, богатыхъ самыми любопытными преданіями, послушать горно-Лужицкихъ проповѣдниковъ, между которыми вамъ нѣ незнакомы имена Якоба и Кригера, принять участіе въ аукціонѣ библіотеки покойнаго Лубенскаго,—на все это надобно было время. Изъ Будишина я пошелъ вмѣстѣ съ Смоляромъ писать „мыслѣте" по Лужицамъ: надобно было и познакомиться съ народомъ Лужицко-Сербскимъ, до сихъ поръ еще столь мало извѣстнымъ, надобно было и обо-

зрѣть городища и могилы, а слѣдовательно нельзя было держаться не только битой дороги, но иногда и тропинокъ. Одна только восточная граница Лужицъ Сербскихъ осталась нами не посѣщенною: говорю „нами", ибо по Лужицамъ мы бродили большею частію вмѣстѣ съ Смоляромъ. Этого человѣка я остаюсь вѣчнымъ должникомъ и вѣчнымъ почитателемъ. Это образецъ для старыхъ и малыхъ любителей и знатоковъ народности. Онъ не беретъ на себя много, хочетъ узнать только свое отечество, и изучаетъ не по верхамъ, не на шарамыгу: онъ сдѣлался совершенно народнымъ человѣкомъ, обходитъ страну всюду, какъ свой, всюду родственно встрѣчаемый, передаетъ замѣчаемое не памятной книжкѣ, а памяти жизни, живетъ въ духѣ и тѣлѣ своей родной народностью, слушая сказку, разсказываетъ другую, танцуя съ поселянкой, напѣваетъ пѣсню, можетъ быть уже забытую ею, въ старомъ обрядѣ не зритель, а исполнитель; врагъ всего стараго дурного, остается Китайцемъ по чувству ко всему старому, доброму, проникаетъ въ жизнь народа и проникается ею. О, еслибъ каждый Европейскій народъ или народецъ имѣлъ по одному Смоляру на такое количество людей, какое въ Лужицахъ Сербскихъ и если бы, разумѣется, они имѣли средства давать знать свѣту о своихъ наблюденіяхъ, иное бы поприще раскрылось для исторіи, для филологіи, для философіи... Завидую Сербамъ и радуюсь за нихъ: если и смерть удѣлъ ихъ народности, она не умретъ для исторіи. Да, Вячеславъ Вячеславовичъ, вспомню о Смолярѣ и дѣлаюсь другимъ человѣкомъ. Всегда я любилъ изученіе народности, почиталъ его важнымъ и умѣлъ доказать это силлогизмомъ; Смоляръ первый доказалъ мнѣ это жизнію. И что еще можно ждать отъ него! Онъ такъ еще молодъ, только начинаетъ свое поприще: „дайте — поброжу" — говоритъ онъ самъ: далъ бы Богъ жизнь и здоровье, дастъ и терпѣнье къ ученымъ трудамъ. Конечно, дастъ—и терпѣнье и умѣнье: кто не ходитъ ощупью, въ своемъ вѣкѣ, не будетъ ощупью ходить и въ вѣкахъ прошедшихъ. Впрочемъ я кажется опять заболтался. Пріѣхавши въ Дрезденъ, я думалъ, что уже не ворочусь на сѣверъ, но, узнавши о городищахъ и могилахъ, лежащихъ въ окрестностяхъ Чернаго Эльстера, воротился, поѣхалъ въ Добрылукъ, оттуда зигзаками до Эльбы, и не увидѣлъ опять Дрездена до тѣхъ поръ, пока не обозрѣлъ всѣхъ важнѣйшихъ насыпей, находящихся въ тѣхъ мѣстахъ. Трудно отвѣчать рѣшительно на вопросъ, кто и для чего строилъ тѣ насыпи, но онѣ всюду, гдѣ есть или были Славяне, и изыскателю славянскому непростительно оставаться къ нимъ равнодушнымъ. Въ Дрезденѣ знакомство съ д-ромъ Клеммомъ, его кабинетъ, публичная библіотека, музеумъ древностей, му-

зеумъ фарфоровъ заставляетъ забывать о теченіи времени. А пора, пора и въ вашъ музеумъ. Вѣдь чуть не три мѣсяца съ половиной шелъ я отъ Вратислави досюда [1])....

Письма И. И. С. къ матери.

(Сен.—Окт. 1840)

Саксонія. Будишинъ (Бауценъ).

26 Сент. 1840.

И такъ я простился съ Сгорѣльцемъ. Вчера утромъ въ половинѣ шестаго подъѣхала къ моей квартирѣ коляска, взяла меня съ вещами, поѣхала къ Гаупту, гдѣ тоже все было готово, усадила въ себѣ насъ трехъ съ Гауптомъ и Смоляромъ, и повезла насъ въ Будишинъ, столицу Горныхъ Лужичанъ или Сербовъ, какъ называютъ они сами себя, или Вендовъ, какъ называются они по нѣмецки. Въ половинѣ 7-го мы выѣхали, въ часъ пополудни пріѣхали: всего 6 миль. Этимъ началось мое странствіе по Лузаціи или Сербскимъ Лужицамъ. Буду вести вамъ дневникъ моего странствія, кратко, какъ позволитъ время, оставляя подробности для своей записной книжки и памяти. По дорогѣ видѣли мы Сербовъ и Сербокъ, но вскользь: я надѣюсь, что будетъ еще время присмотрѣться къ нимъ ближе, а то, что̀ я узналъ о нихъ во Вратислави и Сгорѣльцѣ, дѣлаетъ меня нетерпѣливымъ скорѣе увидѣть ихъ.

Въ Будишинѣ мы остановились у Молодаго мѣсяца, въ томъ самомъ домѣ гдѣ живетъ д-ръ Клинъ, другъ Гаупта и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ Вендовъ. Мы съ Смоляромъ заняли комнату въ гостинницѣ; Гауптъ отправился къ Клину.

Послѣ обѣда всѣ четверо пошли гулять по окрестностямъ Будишина, замѣчательнымъ для меня по остаткамъ славянской старины,—и обходили верстъ около 20, если не болѣе. Прежде всего побывали на одномъ школь-

---

[1]) Письмо неокончено. Далѣе слѣд. строки: «О чемъ же еще писать? Предметовъ много,—выборъ труденъ. А, кстати! Сегодня же еще вчитывался я въ чешскій пергаминъ:—дамъ вамъ отчетъ о Чешскихъ пергаминахъ, мною видѣнныхъ на пути. Отчетъ, правда, будетъ плохой; но да проститъ Чехъ не чеху. Однако прежде всего я долженъ сообщить вамъ нѣчто стоющее о Келеров. замѣчаніи касательно новаго отрывка изъ Еванг. Іоапа».

Потомъ объ отрывкѣ изъ объясненія 10 заповѣдей, что у Келера.

О рукописяхъ Сгорѣльскихъ съ замѣчані по билет найд одной изъ нихъ съ отмѣткою о какой то рукописи Гусса.

момъ праздникѣ; потомъ пошли на городище Доброславское, прелестно рисующееся на скалахъ, стѣнами, опускающимися къ Спрее; потомъ пошли черезъ нѣсколько сербскихъ деревень на гору Любенцъ, гдѣ также есть остатки городища, видѣли съ нея чуть не подъ ногами границу Богеміи; далѣе спустились въ Будишинскую равнину, гдѣ каждый уголокъ напоминаетъ о войнѣ Русскихъ съ Французами, ужинали въ Стрѣлѣ, минутахъ въ 10 отъ Будишина, и въ началѣ 10-го воротились домой. Прогулка была прекрасная. Клинъ былъ душою нашего общества: какъ юмористъ, забавлялъ онъ насъ остротами; къ тому же онъ Сербъ. Болѣе всего утѣшало меня то, что онъ, хоть и докторъ и совѣтникъ полиціи, обращался съ Сербами какъ съ родными, говорилъ съ ними по сербски, ласкалъ дѣтей, жалъ руки старымъ... Такихъ чиновниковъ въ Чехіи кажется нѣтъ. Сербы умный, добрый народъ, не бѣдны, довольно образованы—по крайней мѣрѣ всѣ умѣютъ читать, и между тѣмъ сохранили много старыхъ обычаевъ, обрядовъ, даже суевѣрій. Языкъ, занимая средину между польскимъ и великорусскимъ, очень пріятенъ, и несносно легокъ для выговора, такъ что мнѣ, знакомому съ нимъ до сихъ поръ книжно, трудно понимать когда говорятъ,— такъ скоро и плавно можно говорить на немъ.

Вечеръ.

Сегодня опять цѣлый день мы странствовали — въ троихъ съ Гауптомъ и Смоляромъ. Сначала по городу; потомъ въ половинѣ 10-го вышли изъ города по дорожкѣ къ горамъ. На дорогѣ догнали дѣвушку, шедшую съ одноколкой домой изъ города. Гауптъ на привѣтствіе „Помгай Богъ“ получилъ въ отвѣтъ обычное „Вершъ помази“; Смоляръ заговорилъ съ нею, я присосѣдился и помогалъ ей тащить тяжелую одноколку; потомъ когда дѣло дошло до записыванія пѣсенъ, я предоставилъ Смоляру свою книжку, а самъ чистилъ груши и подчивалъ ими ее и спутниковъ. Гауптъ присѣлъ и нарисовалъ эту сцену.— Обѣдали подъ горами, верстахъ въ 15 отъ Будишина, у лѣсничаго. Послѣ обѣда пошли съ нимъ на гору, освященную именемъ Чернобога. Чернобогъ очень высокъ и представляетъ далекіе виды на Лужицы, Саксонію, Саксонскую Швейцарію и Чехію. Лѣсничій, водя насъ со скалы на скалу, пересказывалъ преданія о нихъ: тутъ, говорилъ онъ, приносили въ жертву людей, тутъ было чортово окно, тутъ—адъ. Съ Чернобога видна другая гора— Бѣлобогъ. Жалѣю, что время не позволило намъ идти къ ней и на нее. Мы завернули на западъ, къ горѣ Прашицѣ, проходили мимо скалъ, наз. Громадникомъ, гдѣ, какъ говоритъ преданіе собирались въ старину Сербы. еще язычники, на сеймы, заглянули въ котелъ, вѣчно наполненный водою,

гдѣ они умывали руки передъ подачею ихъ другъ другу въ знакъ союза. Отдохнувши на Прашицѣ, мы спустились внизъ и къ вечеру пришли въ городъ, исходивши не менѣе 30 или 35 верстъ. Вечеръ провели всѣ вмѣстѣ съ Клиномъ въ нашей комнатѣ, пили чай, разсуждали о Сербахъ. Тутъ были и два гимназиста Серба, изъ членовъ сербскаго Буд. общества. Этихъ обществъ нѣсколько: старшее въ Лейпцигѣ, другое въ Вратиславѣ, третье здѣсь. Молодые Сербы собираются, читаютъ свои опыты, ведутъ журналъ трудамъ,—хлопочутъ о возрожденіи Сербской литературы, и, что̀ всего важнѣе, не забываютъ народа, изучаютъ его, описываютъ народность. Смоляръ имѣетъ на всѣ эти общества большое вліяніе.

27-е.

Сегодня воскресенье. Въ Будишинѣ двѣ сербскія церкви, одна евангелическая, другая католическая или Подъянская, какъ называютъ Сербы: надобно было заглянуть въ каждую изъ нихъ, и мы съ Смоляромъ пошли. Въ первой слушали начало проповѣди, и не дослушавши, а посмѣявшись надъ искусствомъ проповѣдника мѣшать Нѣмечину съ Славянщиной, пошли въ другую, и слушали тамъ молитвы. Молящіеся тамъ и тамъ были большею частью изъ простаго народа, впрочемъ очень хорошо одѣты—въ коротенькія кофты и юбки съ передникомъ и въ чепцахъ съ широкими фальбарами вокругъ шеи. Подъянки отличаются любовью къ черному цвѣту. Далѣе мы пошли въ соборъ. Чудное зданіе—кривое, искоробленное и къ тому еще раздѣленное желѣзной рѣшеткой на двѣ части: задній алтарь католическій, передній, съ боку, евангелическій.—Обѣдали у Клина.

Послѣ обѣда пошли за городъ, посѣтили два городища и скалу, называемую Пшибогомъ „идоломъ“. Скала стѣною, на скалѣ стародавнія липы, подъ скалою Спрее и такъ глубоко, что дна еще не достали. Преданіе говоритъ, что на этой скалѣ стоялъ идолъ и сверженъ былъ въ воду. Скалисто-лѣсистыя окрестности превосходны.

Воротившись вечеромъ домой, мы съ Смоляромъ занимались. Теперь 11-ть. Пора спать. Желаю и вамъ покойной ночи, милая маменька. Вы вѣрно уже почиваете, а если нѣтъ, то вѣрно и обо мнѣ подумали хоть минутку.

29-е—17 Сент.

Помните, милая маменька—17-е Сентября? Какъ вамъ не помнить, когда вы меня такъ нѣжно любите! Годъ тому назадъ вы провожали меня, благословляли на дальній и долгій путь, плакали и благословляли.

Господи, уже цѣлый годъ я не вижу васъ! О, скоро ли пройдетъ и все время разлуки.

Вчера я былъ въ двухъ библіотекахъ, и работалъ цѣлый день надъ перечитываніемъ и переписываніемъ рукописей тамъ найденныхъ. Утромъ сегодня то-же.—А послѣ обѣда съ Гауптомъ и Смоляромъ ходили на Доброславское городище и копали тамъ. Найдти нашли только черепья, перекаленный гранитъ и множество угля. На утесѣ, опускающемся стѣною во 100 шаговъ къ Спрее, сидѣлъ я, смотрѣлъ на копанье нашихъ работниковъ и мечталъ о давноминувшемъ, мечталъ, какъ на этомъ мѣстѣ, лѣтъ за 1000 назадъ, приносились жертвы богамъ, сожигались мертвые. Смотрѣлъ на окрестности, населялъ ихъ хижинами богомольныхъ язычниковъ, сзывалъ ихъ сюда къ молитвѣ; молился съ ними о Васъ,—и такъ встрѣтилъ мой новый годъ. Теперь сидимъ съ Смоляромъ за однимъ столикомъ и пишемъ—я письмо, а онъ—сербскіе разговоры, которые приготовляетъ къ печати. Мы живемъ съ нимъ по братски. Одно нехорошо: по сербски я говорить еще не могу, а слѣд. дѣло ведется по нѣмецки.

Еще два слова о Будишинѣ. Миленькій городокъ съ башнями и стѣнами, оставшимися отъ прежнихъ укрѣпленій. Съ запада онъ опускается амфитеатромъ и съ Дрезденской дороги рисуется амфитеатромъ. Жителей болѣе 10.000. Двѣ улицы прекрасны, широки и прямы. Сербскій языкъ слышится безпрестанно.

Добру ноцъ моя люба мачи! Пшею вамъ (желаю) добре соны (сновидѣнія). То со вѣ (разумѣется) зо дыжь со вамъ джіе (что когда вамъ будетъ что сниться), со вамъ теижъ вотэ мнѣ джечь будже (помечтаете и обо мнѣ). Добру ноцъ моя найлюбша!

.Монастырь Маріенштернъ (Клёштеръ),
въ 4-хъ часахъ отъ Будишина—1-е октября 1840.

Вотъ гдѣ я, милая маменька. Въ половинѣ 10-го вышли мы съ Смоляромъ изъ Будишина, до обѣда осмотрѣли три городища, послѣ обѣда четыре, и пришли сюда подъ вечеръ, исходивши не менѣе 30 верстъ. День прекрасный, путешествіе занимательное и веселое. Мнѣ бы хотѣлось пѣшкомъ пройдти по всѣмъ Лужицамъ, поближе познакомиться съ этимъ народомъ, сохранившимъ въ себѣ такъ много стариннаго и въ языкѣ, и въ жизни.—Сегодня я уже не говорилъ почти ни слова по нѣмецки;—въ Лужицахъ хочу говорить не иначе какъ по сербски.—Земля богатая; деревни на каждомъ шагу; виды на горы очень милы. Въ поляхъ дѣятельность: пашутъ, сѣютъ и боронятъ, или собираютъ овощи и отаву.

Городъ Каменецъ. 2-е окт.

Въ 7 часовъ утра мы вышли изъ Маріенштерна, заглянувши прежде въ церковь и на монастырь. Монастырь этотъ женскій, и какъ всѣ католическіе монастыри, хорошо построенъ. Самое селеніе очень мило. Переходя съ одной тропинки на другую, мы осмотрѣли три городища, и пришли сюда отдохнуть и поѣсть. Бьетъ 11-ть. Мы завтракаемъ и черезъ четверть часа идемъ далѣе. Каменецъ стоитъ на скалахъ, годится для картины, но самъ не хорошъ.—Теперь мы въ 5-ти часахъ ходьбы отъ Дрездена; но идемъ не къ нему, а на востокъ.

Кёнигсбарта (Ракецы). *Вечеръ.*

Сегодня мы сдѣлали препорядочный переходъ: никакъ не менѣе $4^1/_2$ миль, т. е. около 35 верстъ. До Ваза, родины Смоляра, остается два часа пути.—Сербы не только не бѣдны, но даже кажется богаче Чеховъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы проходили, всѣ говорятъ и по нѣмецки. Это двуязычіе не можетъ не вредить чистотѣ сербскаго языка, и Сербы точно довольно часто употребляютъ нѣмецкія слова, впрочемъ въ проповѣдяхъ отъ пасторовъ желаютъ слышать чистый языкъ.—Мѣста прекрасныя: горы въ виду, лѣсу много, воды много, деревеньки въ зелени. Только уже осень. осень. Туманъ не поднимался цѣлый день; а теперь льетъ проливной дождь. Хорошо, что намъ остается небольшой переходъ до отдыха. Впрочемъ большой грязи тутъ быть не можетъ: почва усѣяна камнями.

Пруссія, Вазъ. 4-е окт.

Вчера пока встали да осмотрѣлись, умылись да одѣлись, напились кофе да выкурили по сигарѣ, ударило 9. Подъ туманомъ пошли мы къ Вазу или Лозѣ, родинѣ Смоляра, перешли изъ Саксоніи въ Пруссію и черезъ $1^3|_4$ часа были тамъ. Изъ за густыхъ, высокихъ липъ и тополей выглядываетъ башня церкви. Рядомъ съ нею стоитъ домикъ, называемый школою, то-же заросшій деревьями; къ этому домику подошли мы. Изъ домика услышали наши голоса и вышли встрѣчать жданныхъ гостей: вышелъ лысенькій старичекъ въ тулупѣ и колпачкѣ—отецъ Смоляра—шульлерерь и ктиторъ цузаменъ; вышла веселенькая полустарушка въ крестьянскомъ платьѣ—мать Смоляра; вышли двѣ дѣвочки босикомъ—сестры. „Витай, сынку! витай брачику! Витайте, кнѣже!“ говорили они и по сербскому обычаю жали намъ руки, и повели въ домикъ. Въ этомъ домикѣ на право большая комната—школа, на лѣво комнатка со стряпильною печкой, лавками, тремя простыми стульями, чѣмъ-то въ родѣ софы и цимбалами,

а по стѣнамъ полки и гвозди для посуды, за нею другая крошечная комнатка съ постелями. Въ сѣняхъ разные закоулки и кажется еще комнатка. На чердакѣ еще комнатка довольно длинная и очень, очень узкая. Эта послѣдняя была приготовлена для насъ. Хозяйка не знала, какъ насъ угостить, подчивала и водкой, и пивомъ, и хлѣбомъ съ масломъ, и разными разностями. Послѣ обѣда пошли мы на верхъ, а въ школу подъ нами собрались мальчики и дѣвочки, и запѣли, зажужжали. Потомъ кофе; въ 7 часовъ ужинъ. Въ 8-мъ пришелъ буръ съ буровкой (селянинъ съ селянкой) изъ родныхъ, потомъ пасторъ Зейлеръ, знаменитый въ сербской литературѣ сочинитель Горно-Лужицкой грамматики,—и пили шоколадъ. Говорили по сербски; разговаривали весело, по просту, очень хорошо. Огарокъ горѣлъ на столѣ, а на печномъ уголкѣ горѣли лучины. Въ 10½ подали другъ другу руки и, сказавши другъ другу" добру ноцъ! спиче дере!" (хорошо, пріятно), разстались. Теперь 8. Намъ принесли кофе. Будемъ пить, потомъ заниматься, а потомъ и въ церковь.

5-е окт.

Церковь была полна. На нижнихъ лавкахъ сидѣли женщины; а на хорахъ, которыми въ три яруса окружена церковь, мужчины. Мужчины не имѣютъ почти ничего національнаго въ своемъ костюмѣ: длинные сюртуки, жилеты, шляпы, все дѣлаетъ ихъ похожими на нашихъ мѣщанъ. Замужнія женщины почти всѣ имѣли на головѣ большую, широкую бѣлую „плахту", заколотую подъ горломъ и прикрывающую всю талью, а дѣвушки—что-то въ родѣ очипка съ лентами; жарующія, т. е. въ траурѣ, который продолжается тутъ 53 недѣли, были въ черныхъ юбкахъ и тоже плахтѣ, но такой длинной, что юбка видна снизу только на четверть. Зейлеръ говорилъ прекрасную проповѣдь.—Обѣдали у Зейлера. Между его домомъ и церковью кладбище. Потомъ глядѣли на обрядъ погребенія и крещенія. Вечеромъ опять были у Зейлера и просидѣли до 11 часовъ. Пили чай, а Зейлеръ съ двумя Смолярами пѣли сербскія пѣсни. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ удивительное сходство съ русскими. Напр.

2. „Прости и не забудь меня!“
Такъ молвилъ онъ,—и на коня,
„Чрезъ три года ты жди меня!“

3. Прошли три года, и домой
Всѣ Сербы молодцы идутъ,
И пѣсни весело поютъ.

4. И вышла Гальжа ихъ встрѣчать.
Гдѣ жъ милый мой?—Га, милый твой—
Въ землѣ остался онъ чужой.

5. Тамъ, Гальжа, весело ему:
Нашелъ другую Гальжу онъ
А Гальжѣ нашей шлетъ поклонъ.

6. Въ могилѣ Гальжа; розы кустъ
На той могилѣ тамъ цвѣтетъ
И соловей въ тѣни поетъ.

Опять Саксонія. Будишинъ. 6 окт.

Вчера въ Ракецахъ была ярмарка, и мы цѣлою группою отправились туда, кто для чего, а я чтобы видѣть сельскую ярмарку. Описывать ее долго, опишу когда нибудь на словахъ. Оттуда мнѣ нужно было идти въ Будишинъ на аукціонъ сербскихъ книгъ,—и я пошелъ, а чтобы и самую дорогу сдѣлать для себя занимательною, я пошелъ окольнымъ путемъ, мимо двухъ городищъ. Смоляръ подробно описалъ мнѣ, какъ я долженъ идти, а остальное не трудно было и самому сдѣлать съ помощью привѣтствія „Пом'ай Бо!“ и вопроса „дже пучь до“ той или другой деревни „дже?“ (идетъ). Вышедши изъ Ракецъ въ 4, я могъ бы вчера же придти въ Будишинъ, но запоздалъ на городищахъ и ночевалъ на постояломъ дворѣ въ $1^1|_2$ часахъ отъ Будишина.—Сегодня и завтра пробуду тутъ, а потомъ опять въ Вазъ иною дорогою, чтобъ посѣтить еще нѣсколько гродищъ. Опять прощусь съ Саксоніей; ворочусь въ нее, но уже съ тѣмъ, чтобы проститься навсегда.

Будишинъ. 7-го октября.

Дѣла мои тутъ окончены. Книги на аукціонѣ куплены, и дешево. Библія Горно-Лужицкая также. Завтра рано выхожу изъ Будишина вмѣстѣ

съ Домшикомъ, гимназистомъ и секретаремъ здѣшняго Серб. общества. Прощай, Саксонія!—Впрочемъ это письмо отправится къ Вамъ изъ Саксоніи. Вы будете ждать его долгенько. Не сердитесь на меня: мнѣ хочется въ немъ помѣстить всѣ мои приключенія въ Лузаціи. „Странствуетъ мой Измайлуша!“ — говорите Вы. Да, странствую, маменька. Забылъ сегодня отдать сапоги починить, да вотъ теперь, когда уже всѣ сапожники спятъ, я буду самъ чинить. Написалъ бы и болѣе, да сапоги ждутъ.

Опять Пруссія. Вазъ. 8 октября.

Вотъ сегодняшнее странствіе такъ было подлинно странствіе по Лужицамъ: съ боковъ вѣтеръ, сверху дождь, подъ ногами болото,—и мы же еще съ Домашкомъ выбираемъ путь поближе отъ городища къ городищу, не по дорожкамъ, а какъ случится: поле такъ поле, лугъ такъ и лугъ. Я не промокъ, а продрогъ порядочно. — Теперь, отогрѣвшись ромомъ и чаемъ, пишу лежа: нѣжусь. Кажется и прошлый годъ я мокъ въ это время, по дорогѣ къ Москвѣ, и отогрѣвался у добраго почтеннаго Кучина.

11-е октября.

Эрнестъ еще спитъ; а я уже давно всталъ. Мы поздоровались съ хозяйкой, которая приходила затопить печку и принесла воду для умыванья; пожали другъ другу руки и съ дочучькой ея, принесшей мнѣ сапоги.—Добрые, прекрасные люди. Я у нихъ, какъ родной, и въ нѣсколько дней такъ привыкъ, такъ обжился, что жаль разставаться. А между тѣмъ сегодня въ дорогу—продолжать странствіе по Лужицамъ.—Вчера цѣлый день я записывалъ разныя разности объ обычаяхъ Сербовъ. Вечеромъ, уже послѣ ужина, когда мы съ Эрнестомъ и старикомъ тихо занимались на нашемъ чердакѣ, зовутъ насъ внизъ. Идемъ. Вхожу въ комнату, — и вижу: столъ накрытъ скатертью; на столѣ 2 свѣчки, ромъ, 2 рюмочки, бѣлый хлѣбъ, а за столомъ прехорошенькая дѣвушка въ сватебномъ костюмѣ. Это была племянница хозяйки, одѣвшаяся нарочно, чтобы показать мнѣ костюмъ. И мы съ нею повторили часть сватебныхъ обрядовъ: я игралъ ролю жениха, а она—дружки невѣстиной. Смѣху было довольно. Пришелъ Зейлеръ,—и мы просмѣялись до половины 12-го.—Тутъ, между прочимъ, я узналъ, что все селеніе полно говору обо мнѣ: „вишь ты! какой-то русской пріѣхалъ къ намъ, да и хочетъ не токмо что по Сербски говорить выучиться, а еще и все до ниточки записать, какъ что у насъ ведется.“ — Зейлеръ говоритъ, что года черезъ два изъ этого составится цѣлая сказка. До сихъ поръ Сербы слыхали о Русскихъ и видали ихъ, какъ воиновъ; а и вообще

въ землицѣ сербской еще не было путешественника, для котораго-бы народъ и его бытъ что нибудь значилъ. Какъ-бы то ни было, я радуюсь, что запасъ мой разныхъ разностей о Сербахъ уже довольно великъ и можетъ еще болѣе увеличиться.—Послѣ обѣда въ путь. До вечера прощайте.

Злой Комаровъ (Зенфтербергъ). 13 окт.

Думалъ писать третьяго дни, вечеромъ,—не могъ, думалъ вчера,—то-же было нельзя. Теперь сидя на окнѣ Золотого Орла въ Зломъ Комаровѣ въ Дольней Лузаціи, перескажу Вамъ, какъ велось со мною все это время. Велось довольно чудно, какъ вы увидите.—Третьяго дни послѣ обѣда вышли мы на странствіе. Старикъ Смоляръ провожалъ насъ до ближней деревни. Къ пяти часамъ мы пришли въ деревню Кочинъ. Тамъ праздновался кермушъ *) (праздникъ освященія церкви), и мы пришли туда нарочно, чтобы видѣть, какъ празднуютъ Сербы. Смоляръ всюду между селянами имѣетъ знакомыхъ,—и мимоходомъ зазваны были мы отпить пива и закусить тыканцемъ (пирогомъ). Тутъ я долженъ былъ рисовать мѣломъ на столѣ карту Европы и Азіи, и разсказывать о Россіи. Русскихъ тутъ знаютъ, и даже слова „водка“ и „капуста“ очень извѣстны. Потомъ пошли мы въ корчму, тоже къ знакомымъ, и остались тутъ на ночь. Въ 6 часовъ собрались селяне и засѣли пить пиво и водку и играть въ карты, а немного позже въ большомъ чуланѣ собрались дѣвушки и молодцы, и принялись танцовать подъ пискъ кларнета и скрыпъ гусли (трехъ-струнной скрыпки), танцовали и пѣли—большею частью сербскіе танцы и пѣсни. Насмотрѣвшись и наслушавшись, я пошелъ спать. Намъ приготовлена была огромная постель—въ холодномъ чуланѣ, полнымъ всякой всячины. Утромъ въ 11 часовъ, напивши с кофею съ тыканцемъ, мы отправились далѣе—въ Куловъ (Витихенау), мѣстечко, гдѣ должна была быть ярмарка. И тутъ нашли мы знакомыхъ, сытно пообѣдали, побродили по ярмаркѣ, заходили въ корчму, гдѣ танцовали по сербски, и потомъ отправились опять далѣе. Злой Комаровъ отъ Кулова 5 часовъ ходьбы, и мы надѣялись придти сюда около половины 9-го вечеромъ. Судьба расположила иначе. Мнѣ захотѣлось ѣсть. На пути мы заходили въ корчму въ одной деревнѣ еще до захожденія солнца, но она была заперта. Пошли далѣе до Лутъ (Laute). Оттуда до З. Комарова $1^1/_2$ часа ходьбы. Мы пришли туда въ началѣ 7-го. Ѣдимъ хлѣбъ съ масломъ, запиваемъ пивомъ, болтаемъ съ хозяйкой, и уже располагаемся тутъ остаться ночевать; какъ вдругъ входитъ въ корчму какой-то краснолицый человѣкъ, садится за одинъ столъ

*) См. ниже изъ пут. записокъ и записн. книжки.

съ нами, пьетъ водку и пиво и заговариваетъ съ нами, а узнавши, кто мы начинаетъ насъ упрекать, зачѣмъ не пошли мы прямо къ нему. Это былъ пасторъ. За упреками послѣдовало приглашеніе: „кушать сегодня я вамъ не могу ничего дать, но отдѣльная комната съ чистыми постелями и завтра завтракъ къ вашимъ услугамъ.“ Онъ купилъ себѣ водки, и мы отправились. Въ теплой комнатѣ около камина усѣлись мы, и давай болтать. Жена его, жирная Саксонка, подчивала насъ персиками, нарѣзала со стѣны свѣжаго винограда, а ктиторъ взялъ гитару и заставилъ насъ всѣхъ подпѣвать. Время прошло очень весело до половины 11-го; а потомъ пасторъ повелъ насъ на верхъ, указалъ на постели и пожелалъ покойной ночи. Сегодня утромъ въ 7 часовъ мы уже пили кофе и ѣли гренки, а въ 9 пасторъ насъ велъ по дорогѣ въ Куловъ, и разсказывалъ какъ идти. Теперь уже 12-й. Будемъ обѣдать, и потомъ пойдемъ къ пастору Либушу, а потомъ далѣе. Мы пробираемся къ Болоту (Spreewald), центру Дольнихъ Сербовъ. Жаль, что ужь позднее время года: и прохладно, и грязновато. Ну, да все хорошо.

Ветешовъ (Ветшау). 14 октября.

И опять вышло не такъ, какъ предполагали. — Въ Зломъ Комаровѣ предполагали остаться до 2-хъ послѣ обѣда, а между тѣмъ пробыли и вчера весь вечеръ, и сегодня все утро. Пасторъ Либушь извѣстенъ сочиненіемъ о миѳологіи горныхъ народовъ, сочиненіемъ очень страннымъ, но тѣмъ не менѣе любопытнымъ. Разговорившись съ нимъ объ этомъ предметѣ, мы незамѣтно провели съ нимъ въ полу-спорѣ часа два; а потомъ онъ рѣшительно сказалъ намъ, что мы должны оставаться ночевать у него, что въ Приценъ, куда мы хотѣли идти то-же къ пастору, мы не успѣемъ прійдти, что по дорогѣ не только не найдемъ покойнаго ночлега, но еще и заблудиться можемъ. Убѣжденія были очень убѣдительны; а къ тому же онъ самъ добрый старичекъ, и у него же премиленькая родная дочь и премиленькая пріемыша: въ кругу добраго семейства провести вечеръ гораздо лучше, нежели тащиться въ потемкахъ Богъ знаетъ куда. Остались—и не жалѣли. Альвина (дочь) очень мило пѣла намъ разныя пѣсеньки, потчивала персиками и орѣхами; а вечеромъ пріѣхала не знаю откуда и пасторша,—и мы усѣлись вокругъ стола болтать, пить чай и закусывать. Я не зналъ что и дѣлать съ доброю пасторшею: она чистила мнѣ орѣхи и яблоки, принудила пить 6 чашекъ чаю, кормила всѣмъ возможнымъ до того, что я уже по русски сталъ клясться „ей Богу не могу“. На выраженія моей благодарности она отвѣчала, что я для нихъ рѣдкій, дорогой гость. Это же былъ

и день рожденія Альвины. Сегодня утромъ пошло то же: и кофей, и завтракъ, и фрукты, все вмѣстѣ и безпрестанно до 11 часовъ. Едва въ 12 успѣли мы выбраться изъ Комарова.

Оттуда до Ветешова по прямой дорогѣ 4 мили; мы шли окольною дорогою черезъ Приценъ, и слѣд. прошли едвали не 35 верстъ всѣ сполна. Переходъ этотъ былъ впрочемъ не очень пріятенъ. Въ Приценъ мы шли къ пастору Бронишу, и Смоляръ писалъ ему, что мы придемъ еще недѣли за полторы. Пришли, встрѣчаемъ домоправительницу (онъ не женатъ), и узнаемъ, что его нѣтъ дома, что воротится вечеромъ, что письма не получалъ. Я оставилъ свою карточку, сказалъ ей, кто я; но она, бестія, не подумала, что мы голодны и устали, что въ Приценъ уже не воротимся,— и очень хладнокровно позволила намъ идти изъ Прицена куда намъ угодно. Мы прошли еще 1/2 часа, и въ одной корчмѣ поѣли масла съ хлѣбомъ и запили рюмкой горькой водки: тутъ былъ и весь нашъ обѣдъ. Теперь 9-й часъ. Ноги устали; перо прегадкое; и небо въ облакахъ и не сулитъ намъ завтра хорошій день. По дорогѣ мы встрѣтили мало сербскаго. Въ одной деревнѣ на нашъ вопросъ мужикъ отвѣчалъ, что старики еще говорятъ между собою по сербски, а молодые люди всѣ уже говорятъ только по нѣмецки. Ниже, въ Болотѣ, сербское еще не гаснетъ: туда идемъ завтра. Тамъ многіе говорятъ только по сербски, не разумѣя ни слова по нѣмецки, — и купцы въ Ветешовѣ и въ другихъ городахъ должны умѣть по сербски.—Что до страны, то она по пути нашему измѣнялась, подобно нарѣчію, мало по малу: въ Куловѣ видны горы, воды не много, лѣсу то же; въ Комаровѣ горизонтъ уже очень малъ, даль равнины скрыта за лѣсами, и воды уже много; по дорогѣ сюда идешь большею частью лѣсомъ, и изъ за лѣса видишь то болото, то прудъ, то озеро. Черезъ нѣсколько часовъ ходьбы вступимъ въ область стоячихъ водъ.—Различіе и въ платьѣ женскомъ: до Вутъ юбки длинныя, тальи короткія, шнуровокъ не знаютъ; за Вутами юбки все короче и короче, и тальи длиннѣе, и всѣ въ шнуровкахъ.

Превозъ (Ферро), 15 Октя.

День полный приключеній, чудный день. Въ Ветешовѣ мы узнали, что, желая пуститься въ Болото, мы должны сначала идти въ Люббенау. Такъ мы и сдѣлали. До Люббенау три часа,—и мы пришли туда въ 1/2 двѣнадцатаго. Городокъ очень дурной, но странный по мѣстоположенію: со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ лугами, и дорога къ нему вьется по этимъ лугамъ, между узкими канальцами, которыми они прорѣзаны. Въ „Венеціи“, о которой точно напоминаетъ собою Люббенау, мы обѣдали, наняли

лодку до деревни Стропицы и запаслись и хлѣбомъ и горькой водкой на дорогу; а въ концѣ перваго мы уже сидѣли на нашемъ челнокѣ и медленно двигались впередъ по каналу. Челнокъ сажени три длиною, аршина 2 шириною, плоскодонный, былъ уложенъ травою, и сидѣть, даже лежать было довольно покойно. Среди насъ стоялъ нашъ гондольеръ и весломъ пихалъ лодку впередъ. Болото или Спреевальдъ есть огромный лугъ, поросшій лѣсомъ ольховымъ и ясеневымъ; Спрее, протекая черезъ него, дѣлится на множество рукавовъ и образуетъ ими тысячи островковъ. Не только дороги тутъ нѣтъ, но и тропинки чрезвычайно рѣдки и большею частью идутъ отъ домика къ огороду, не далѣе. Все сообщеніе между хуторами и деревнями—по каналамъ на челнокахъ; сѣно, траву, дрова изъ лѣсу, хлѣбъ съ поля, купленное въ городѣ или гдѣ нибудь на ярмаркѣ и товаръ на ярмарку, все везется на нихъ; одно семейство къ другому въ гости ѣдетъ на челнокѣ. По одному изъ этихъ каналовъ мы поѣхали и изъ одного въ другой, поворачивая то вправо, то влѣво, ѣхали 4 часа до 1-го мостика, откуда тропинка могла насъ въ 1/3 часа довести до Стропицъ. Тутъ мы встали, и продрогшіе, чтобъ отогрѣться, пошли пѣшкомъ. Чудной переѣздъ: каналъ узокъ, лугъ чуть не вровнѣ съ водою, ольхи и ясени, выходя старыми искривленными корнями изъ воды, обвитыя хмѣлемъ, высоко поднимаются надъ головою.

Въ Стропицѣ думали остаться ночевать, но не нашли пристанища: сегодня день рожденія короля, и всюду пьютъ пиво и играютъ въ карты. Пошли; добрый часъ шли до Бѣлой горы. Пришли туда, стемнѣло и обложилось облаками. Пошли далѣе до Превоза. Темно, а тутъ еще и песокъ подъ ногами и дождь сверху. Пришли къ лѣсу: двѣ дороги, одна туда, другая туда. Воротились къ хатѣ егеря (лѣсничаго), взяли женщину, чтобъ показала намъ дорогу, и пошли. Она довела до лѣсу, и воротилась. Темно хоть глаза выколи; вѣтеръ гудитъ, дождь льетъ, — идемъ, — и такъ прошло болѣе 1/2 часа. Потомъ вышли въ поле и шли еще часъ. Наконецъ слава Богу: въ Превозѣ тоже пиво и карты, но есть постели, и мы могли кое что узнать объ обычаяхъ Дольнихъ Сербовъ.— Идемъ спать. Покойную ночь.—Всего этого довольно, чтобы назвать этотъ день днемъ приключеній.

17 окт. Хочебузъ (Котбусъ).

И вчерашній нашъ переходъ изъ Превоза сюда былъ по болоту и песку подъ дождемъ. Сначала мы отправились въ Борковъ, огромное, промышленное селеніе въ Болотѣ, замѣчательное для насъ тѣмъ, что подлѣ

него есть остатки Грода, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, жилъ Вендскій король. Осмотрѣвши это городище, мы пообѣдали въ гостинницѣ, напились кофе у пастора Матинка, ревностнаго Серба, и пошли далѣе — ужѐ на югъ. До Кочебуза шли мы болѣе 3 часовъ, не думая о дождѣ, который не только не переставалъ, но часто лилъ ливмя. Мы впрочемъ такъ привыкли къ дождю, что не переставали идти, и завертывали на городища, которыя сохранились въ этихъ мѣстахъ. За то и пришли сюда мокрые, какъ вареныя утки. Смѣючись шли, смѣючись и пришли. А пришли, велѣли себѣ подать воды для чая, рому для пунша, водки для ногъ,—и черезъ часъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Тутъ оканчивается наше пѣшеходство по Лужицамъ. Довольно: страну знаемъ, съ народомъ тоже довольно познакомились. Сегодня осмотрю городъ, запасусь Дольно-Сербскими книгами и уже въ дилижансѣ отправлюсь въ Гойерсверду (Воерецъ), гдѣ ждутъ меня мои вещи, и потомъ далѣе. Куда путь мой далѣе—Вы узнаете, если слѣдите насъ по картѣ. Я скажу только, что мое путешествіе уже приближается къ концу: осень въ полномъ цвѣтѣ, и въ Прагѣ ждутъ меня.

Полдень.

Хочебузъ довольно порядочный городокъ, живой, веселый, промышленный. Есть и старыя стѣны, и старыя ворота, и аллеи для гулянья вокругъ стѣнъ, и широкія улицы, и домики веселой наружности, а старыхъ домовъ очень мало. Жителей кажется 12,000. Спрее мутна и грязна и закрыта грязными фабриками.

Въ два часа ѣду. Письмо посылаю отсюда, а не изъ Саксоніи. На станціи во время ѣзды отдавать письмо будетъ не время.

Прощайте, душенька Маменька. Недѣли черезъ три ждите слѣдующаго письма. Поклонъ всѣмъ незабывшимъ Вашего

Измаилуху.

(11 окт.) Кермушъ въ Котинѣ.

(Изъ путевыхъ записокъ, въ дополненіе къ письму).

Часамъ къ пяти послѣ обѣда мы пришли въ Котинъ. Село небольшое, бѣдное; но тутъ у Смоляра есть добрые знакомые, и съ ихъ помощью надѣялись видѣть, какъ празднуютъ Сербы свой Кермушъ. Такъ называется у нихъ день освященія церкви (съ нѣмецкаго Kirchmesse). Праздникъ самый важный въ году для всякаго прихода. Каждое семейство приготовляется къ нему если не за два, за три дня, такъ по крайней мѣрѣ за день: пе-

кутъ, жарятъ, варятъ, чистятся, моются, убираются; жены воюютъ съ мужьями, мужья загодя приготовляются пить и напиваются; дѣти выброшены куда попало, и кто полоскается въ грязи, кто идетъ въ кучу играть въ похороны и въ собачки, кто дерется, и плачъ и вой ихъ раздается по цѣлой деревнѣ. Наканунѣ чуть не до полночи нѣтъ никому покою.

Утро праздника проходитъ тихо: всѣ разряженные сначала собираются въ церковь, оставляя дома только немощныхъ; потомъ ходятъ съ поздравленіями. Обѣдаютъ поздно, каждая семья у себя дома, а безсемейные непремѣнно въ какой нибудь семьѣ. Два главныя украшенія обѣда—свиная нога и тыканцы. Свиная нога жаренная, толстая и огромная, подается на деревянной доскѣ цѣликомъ, какъ пирогъ; каждый отрѣзываетъ себѣ ломоть и кушаетъ со свѣклой или шинкованной подпеченной капустой. Тыканцы—огромные пироги въ родѣ лепешекъ, толщиною пальца въ полтора, а длиною и шириною чуть не въ аршинъ; тѣсто для нихъ приготовляется на маслѣ и присыпается сверху тертыми сухарями и сахаромъ. Тыканцы ѣдятъ цѣлый день: всякому прохожему подаютъ его, пьющимъ съ водкой или съ пивомъ, другимъ безо всего.

Изъ путевой книжки.

(Въ дополненіе къ письму).

Кермушь празднуется въ цѣлой осадѣ (приходѣ). Пришедши въ 5 часовъ въ господу, мы застали четырехъ буровъ, играющихъ въ карты. Игра въ деньги. Играютъ горячо. Пиво и водка подлѣ нихъ. Сукмы сняты. Черные плисовые камзолы безъ рукавовъ. Рубашки миткальныя. Штаны желтые кожаные до колѣнъ. Сапоги долгіе, лакированные. На головѣ шапка, въ зубахъ трубка. Входя, мы должны были поздороваться съ каждымъ, пожатіемъ руки, съ прибавленіемъ „витайте къ намъ“, и отпить пива. Господа большая изба со стряпильной печкой и съ прилавкомъ, за которымъ продается пиво и водка. Около 6 стали раставлять столы и всю избу заставили ими. Въ ½ 7-го подали своимъ ужинъ: сначало свиное мясо со свеклою, потомъ теленокъ и гусь съ солеными огурцами, наконецъ тыканцы съ масломъ. Тыканцы—огромной величины лепешки, печеныя съ масломъ и присыпанныя сахаромъ и сухарями. Каждый отрѣзывалъ себѣ кусокъ самъ, сколько хотѣлъ. Нѣкоторые изъ гостей тоже подходили и отрѣзывали. Послѣ ужина отдѣлились два музыканта, одинъ взялъ кларнетъ, другой трехструнную скрипку, съ выгнутою декою (гусли), и заиграли народныя пѣсни. Мужиковъ собралось уже много,—и всѣ, кто не игралъ въ карты, стали пѣть. Пѣсни чрезвычайно похожи напѣвомъ на велико-русскія, особенно руладами и финаломъ. Самое теченіе мелодіи напоминаетъ иногда мало-рус-

скія. Послѣ нѣсколькихъ пѣсенъ, старушка хозяйка увѣдомила, что гољьцы готовы и ждутъ гољьцовъ. Музыканты вышли изъ избы, за ними и гольцы, а изба наполнилась усѣвшимися играть въ карты. Мы пошли смотрѣть на рейсованье. Надъ коморою построенъ огромный чуланъ. Съ трехъ сторонъ по окошечку безъ рамы. Въ одномъ углу надстройка для сидѣнья музыкантамъ. По стѣнамъ полки, гдѣ гољьцы складывали свое пиво и трубки а подъ ними колки, на которые вѣшали они свои сукны. Одинъ изъ гољьцевъ назначаетъ, чтò должны играть, и потомъ платитъ; натанцовавшись онъ передаетъ свое мѣсто другому, и т. д. Гољьцы стоятъ около музыкантовъ. Гольцы подлѣ дверей. Голецъ выбираетъ гольцу и танцуетъ цѣлый вечеръ съ нею одною. Назначивши музыкантамъ, чтò играть, онъ хлопаетъ въ ладоши и этимъ призываетъ свою гольцу. Танцовали Серскій, Нѣмецкій (вальсъ), Чотишнъ (Польку), чучь (рейдованъ), экосешъ. Серскій начинается тѣмъ, что дѣвушка, подошедши, крутится на одномъ мѣстѣ, потомъ ложится на руку гольца, который тоже ложится на ея руку, и кружатся вмѣстѣ на одномъ мѣстѣ направо и налѣво подъ $^2/_4$; потомъ идутъ кругомъ медленно и снова начинаютъ кружиться. Этотъ танецъ сопровождается пѣснью. Вообще при танцахъ стукотня ужасная. Танцы продолжались за полночь. Игравшіе въ карты играли до тѣхъ поръ, пока напившись потеряли силы играть. Стали пѣть съ куканьемъ, и это продолжалось до 4 часовъ.

Сообщ. О. И. Срезневскою.

Старое и новое

въ

народномъ убранствѣ и одеждѣ.

Крестьянская одежда, бѣлье и головные уборы, въ Водотыйской волости, имѣютъ свою исторію, свою моду и свой прогрессъ, но подъ вліяніемъ различныхъ условій прошлыхъ временъ многое изъ этой исторіи уже позабыто, и о немъ можно знать лишь изъ немногихъ неясныхъ преданій, самые же образцы древней одежды, бѣлья и т. п. пропали безслѣдно. Въ прежнія времена, когда господствовало крѣпостное право, тогда въ исторіи крестьянской одежды не существовало никакого прогресса, не было никакой моды, но реформы послѣ шестидесятыхъ годовъ создали новую моду въ крестьянскомъ убранствѣ, и въ исторіи крестьянской одежды наступилъ прогрессъ, который почти съ каждымъ годомъ быстро идетъ впередъ. Въ виду такой быстроты разложенія старины, къ которой наше молодое поколѣніе относится не только равнодушно, но даже съ пренебреженіемъ, я поторопился заняться, по силѣ возможности, изложеніемъ краткой исторіи народнаго убранства въ Водотыйской волости. Этотъ очеркъ, безъ сомнѣнія, можетъ послужить подспорьемъ для нашихъ этнографовъ, занимающихся собираніемъ различныхъ этнографическихъ матеріаловъ и учрежденіемъ этнографическихъ музеевъ. Моя этнографическая исторія крестьянской одежды, при всемъ отсутствіи литературной отдѣлки, все таки можетъ служить хоть отчасти интересамъ науки, и ученые люди не осудятъ меня за ея топорное изложеніе, по пословицѣ: какъ умѣемъ, такъ пѣемъ. Дѣло не въ красномъ словѣ, а въ исторической истинѣ.

Изъ немногихъ преданій извѣстно, что въ древнее время крестьяне, живущіе въ предѣлахъ нынѣшней Водотыйской волости, какъ мущины, такъ равно и женщины, цвѣтъ одежды предпочитали исключительно одинъ только б ѣ л ы й, при чемъ мущины носили какіе-то балахоны, образцовъ которыхъ въ настоящее время не осталось; хотя еще въ пятидесятыхъ годахъ въ с. Соловьевкѣ у крестьянина Павла Савченко и существовалъ такой балахонъ, но онъ уже былъ какъ рѣдкость, и служилъ насмѣшкою тому, который его употреблялъ его, какъ одежду, такъ что владѣтель

означеннаго балахона. Павелъ Савченко, получилъ прозвище Балахони, каковое прозвище и понынѣ носитъ внукъ его Максимъ Балахоня. Какую форму имѣли означенные балахоны, преданіе не говоритъ; извѣстно только, что они были суконные, цвѣта бѣлаго. Какой формы одежду носили женщины—крестьянки во времена балахонщины; неизвѣстно, извѣстно только, что одежда ихъ была суконная, бѣлаго цвѣта. По всѣмъ вѣроятіямъ, и у женщинъ были балахоны, только другаго кроя. Что же касается обуви, то во времена балахонщины, какъ у мущинъ, такъ равно и женщинъ сапога не было вовсе, а были лапти, въ которые были обуты даже и дѣти. Волосъ въ то время не стригли, а только подстригали вокругъ; бороды же брили или стригли. На головахъ мущины носили шапки, сшитыя изъ бѣлаго сукна, а женщины платки—„засованы хустки". Хустки эти были сотканы изъ обыкновеннаго толстаго крестьянскаго холста, только на двухъ противуположныхъ другъ другу сторонахъ этой хустки было выткано красною заполочью, т. е. красными нитками по двѣ или три узенькихъ полоски: эти то полоски, засованныя на платкѣ, и дали этимъ платкамъ названіе засованныхъ хустокъ. Дѣвушки украшали головы узенькими суконными лентами краснаго цвѣта, которыя ленты носили названіе суконокъ; за эти суконки втыкали въ волосы различные лѣсные и полевые цвѣты и, кромѣ того, изъ полевыхъ васильковъ или волошки плели роскошные вѣнки. Изъ домашнихъ цвѣтовъ были извѣстны только: настурци, воздывы (гвоздика желтаго цвѣта), чорнобрывци и кручаны паничи (ночная красавица). Въ тогдашнее время балахонщины не было даже кожуховъ, какъ выражается преданіе, но за то тогда не было и холодныхъ зимъ; если же и случались, то въ лѣсахъ, при обиліи огненнихъ костровъ, холода эти не были замѣтны. Говорятъ, что въ тогдашнее время температура воздуха была настолько тепла, что на полѣ ночевали въ однихъ рубашкахъ, и то еще было жарко. Когда же стали истреблять лѣса, то температура воздуха значительно перемѣнилась, и дошло до того, что въ послѣдствіи стало холодно ночевать на полѣ даже подъ кожухомъ. Рубахи во времена балахонщины, какъ мущины, такъ ровно и женщины носили изъ толстаго холста собственнаго приготовленія, причемъ у мущинъ и у женщинъ воротники были стоячіе, а рукава съ „чохлами". Какъ воротники, такъ равно и „чохлы" у мущинъ и женщинъ были „вышываны" или „штапованы" красными нитками; впрочемъ для вышивки ихъ не употреблялось никакихъ узоровъ, а прямо ставились рядомъ столбики, крестики или же звѣздочки, [узоры] ; но за

то изобиловали узорами „плахты“, которыя приготовлялись домашнимъ образомъ изъ крашеной шерсти пяти цвѣтовъ: бѣлаго, синяго, краснаго, желтаго и чернаго, употреблялись вмѣсто нынѣшнихъ сподницъ, какъ женщинами, такъ равно и дѣвушками. Плахта закрывала только заднюю часть рубахи отъ пояса до земли, спереди же, вмѣсто нынѣшняго фартуха, была такъ называемая запаска. Она была одного только цвѣта: краснаго, синяго или зеленаго, и притомъ была не домашняго изготовленія, а покупная, изъ шерстяной матеріи. Плахтъ и запасокъ въ настоящее время въ Водотыйской волости уже не носитъ никто: теперь ихъ сбываютъ жидамъ, которые употребляютъ ихъ вмѣсто ковровъ. Нѣкоторые же, дорожащіе дѣдовскою „стариною“, не хотятъ уступать ихъ „проклятой жидовѣ“ и донашиваютъ сами, но уже не женщины, а мущины, сшивъ изъ нихъ широкіе штаны, въ которыхъ

И тѐпло и гàрно ходы́ть,
Да щэ й любо ди́ло робы́ть.....

Что же касается штановъ изъ холста, то таковые во времена балахонщины носились съ очкуромъ. Очкуръ это ременный поясокъ или же прямо конопляный мотузокъ или веревочка, который очкуръ протягивался сквозь „очкурню“,—т. е. верхнюю часть штановъ, и такимъ образомъ штаны стягивались, причемъ конецъ очкура укрѣплялся пряжкою, если очкуръ былъ ременный, или же завязываніемъ, если очкуръ былъ изъ веревочки, но во всякомъ случаѣ конецъ очкура долженъ былъ висѣть такъ, чтобы онъ „телепався“, т. е. качался. Съ подобнымъ очкуромъ разъ былъ слѣдующій забавный случай: крестьянинъ с. Соловьевки, Титъ Крутинь, въ жнива, выпроводивъ въ поле всѣхъ своихъ домашнихъ и самъ оставшись дома, задумалъ приготовить для себя галушки, для чего развелъ въ печи огонь и сталъ кипятить воду, и въ то же время началъ мѣсить тѣсто. Мѣся тѣсто, онъ вмѣсилъ туда и конецъ своего очкура. Вдругъ закипаетъ вода. Тогда онъ поспѣшно схватываетъ рогачи и вытаскиваетъ изъ печи горшокъ съ кипяткомъ, дабы вбросить въ него галушки. Каково же было его удивленіе, когда въ ночвахъ, гдѣ онъ мѣсилъ, тѣста неоказалось и такъ какъ двери были отворены, то онъ подумалъ, что тѣсто схватила собака; поэтому схватилъ палку и побѣжалъ на дворъ отыскивать собаку, похитительницу тѣста. На бѣду, собака лежала на дворѣ подъ окошкомъ избушки и что-то ѣла; Крутинь, предполагая, что собака доѣдаетъ его тѣсто, подбѣжалъ къ собакѣ и началъ ее колотить; въ то время къ нему пришелъ его сосѣдъ, Яковъ Музыка, и спросилъ, зачѣмъ онъ бьетъ собаку?....

— Проклятый Лейба тисто зъивъ! отвѣтилъ Крутинь.

— Якэ тисто?

— Да тамъ трохы замисывъ на галушкы.

— А тожъ якэ висыть на очкури?.. спросилъ Музыка, указывая на тѣсто, которое висѣло у Крутиня на концѣ очкура, который онъ въ его вмѣсилъ, и когда побѣжалъ къ печкѣ, чтобы вынуть горшокъ съ кипяткомъ, то онъ унесъ съ собою и тѣсто на очкурѣ.

— Пху, бый його сыла Бога! Ото оказія!... Воскликнулъ Крутинь, снимая тѣсто съ очкура и весело смѣясь:—Цэ такъ якъ ото кажуть: на кони идэ да й коня шукае, такъ и це. Якъ би нэ я, до тыбѣ и нэ найшовъ бы, замѣтилъ Музыка.

— Сказано, оказія! Ну, за тэ, што ты найшовъ тисто, да ходимъ же да зваримъ галушки, да будэшъ исты горячы, сказалъ Крутинь, и оба старика въ веселомъ настроеніи отправились въ хату Крутиня.

Теперь скажемъ о поясахъ. Во времена балахонщины всѣ мущины и женщины носили здѣсь пояса тканые изъ холста и росписанные поперечными полосками изъ красныхъ и синихъ нитокъ; но женщины подпоясывались въ это время еще и красными поясами, для которыхъ покупалась красная шерстяная матерія, и по оной, на обоихъ концахъ пояса, нашивались различные цвѣты разноцвѣтною бумагою. Впрочемъ, такіе пояса носили женщины и дѣвушки только изъ зажиточныхъ семействъ. Такіе пояса въ настоящее время составляютъ рѣдкость; одинъ изъ такихъ поясовъ пріобрѣтенъ мною для составленія музея. Что же касается полотняныхъ поясовъ и штановъ съ очкурами, то таковые въ настоящее время также вытѣснены современною модою и попадаются только изрѣдка, но въ Соловьевкѣ и Водотыяхъ такихъ штановъ и поясовъ уже не носятъ вовсе.

Когда миновало время балахоновъ, неизвѣстно, но послѣ нихъ бѣлый цвѣтъ свитокъ сдѣлался преобладающимъ только у женщинъ. Что же касается мужской одежды, то свиты для мущинъ начали шить изъ чернаго сукна, причемъ свиты были трехъ названій: гуня, куртка и до стану свита. Гуня—это въ родѣ большаго пальто, весьма широкая и съ круглымъ башлыкомъ сзади; куртка—это меньшая свитка, клиньями; до стану свита—это свита сшитая въ родѣ казакина, иногда подъ рукава вставлялись продолговатыя четырехъ-угольныя полоски синей матеріи [1]). Бѣлыя свиты для мущинъ были только лѣтнія и назывались чэмлиты. Ихъ шили изъ самаго тонкаго бѣлаго сукна, причемъ воротники у чэмлитовъ, а равно и рукава были съ закотами, которые были изъ чернаго бар-

[1]) Всѣ показанныя свиты шились съ стоячими воротниками, которые были обложены тоненькими ленточками изъ голубой матеріи.

хата и вышиты разноцвѣтною бумагою или шелкомъ и при томъ непремѣнно крестиками: ××××××. Но были чемлиты и изъ сѣраго сукна, но у этихъ закоты на воротникахъ и рукавахъ уже дѣлались не изъ чернаго бархата, а изъ синей матеріи, такъ называемой „кришанины", которые также были вышиты разноцвѣтнымъ шелкомъ. Въ настоящее время мода уже вытѣснила чемлиты, и они уже составляютъ этнографическую рѣдкость.

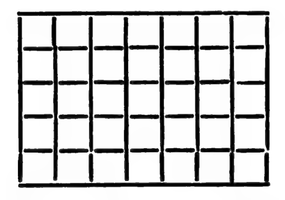
Говоря объ одеждѣ крестьянъ, нельзя мимоходомъ не сказать нѣсколько словъ и объ одеждѣ дворовой прислуги у помѣщика, которая прислуга состояла изъ мѣстныхъ крестьянъ. Нужно знать, что въ цвѣтущее время господства крѣпостнаго права многіе изъ польскихъ магнатовъ, владѣя крестьянами и содержа многочисленную дворню, одѣвали ее каждый на особый манеръ, у каждаго была своя форма одежды, какъ по покрою, такъ равно и по цвѣту. Такъ, напримѣръ, у владѣльца С. Соловьевки, Эразма Михаловскаго, бывшаго управляющаго имѣніями графа Чацкаго и присмотрѣвшагося къ графскимъ прихотямъ, были также и свои прихоти; въ особенности онъ любилъ показать себя въ убранствѣ прислуги. Вся прислуга у него была одѣта весьма богато и красиво. Такъ всѣ лакеи, повара и поваренки, кучера и конюхи, садовники и ихъ помощники— всѣ носили одежду одинаковаго покроя и цвѣта. На будніе дни были сюртуки и пальто изъ матеріи, похожей на толстое жирардовское полотно, которое употребляютъ на обивку бричекъ и т. п., причемъ всѣ пуговицы были перломутровыя. На праздники же и во время баловъ одежда прислуги Михаловскаго состояла изъ сюртука и брюкъ, которые были сшиты изъ сѣро-синяго сукна, жилеты же были сшиты изъ тонкаго синяго сукна. Какъ въ сюртукахъ, такъ равно и въ жилетахъ пуговицы были изъ серебра 84 пробы, съ гербомъ Михаловскаго. О достоинствѣ этихъ пуговицъ можно судить изъ того, что послѣ паденія крѣпостнаго права, когда бывшая дворня Михайловскаго стала продавать эти пуговицы, то Евреи платили за каждую штуку по 30 к. сер.

Но вернемся къ обыкновенному убранству простаго крѣпостнаго люда. Когда мущины стали носить свиты чернаго сукна, въ то время появились и кожухи, которые шились изъ обыкновенной овечьей кожи, бѣлые съ стоячими воротниками для мущинъ и круглыми висячими для женщинъ, причемъ воротники дѣлались не изъ обыкновенной овечьей кожи, а изъ черныхъ барашковъ. Другихъ украшеній на кожухахъ небыло никакихъ. Что же касается женскихъ свитъ, то кромѣ обыкновенныхъ свитъ изъ бѣлаго сукна для нихъ шили еще свиты съ усами. Свиты эти шили

также бѣлаго цвѣта, только сзади, у стана, гдѣ поясъ, нашивали узоры въ видѣ усовъ изъ снурковъ, сплетенныхъ изъ нитокъ, спряденныхъ изъ черной овечьей шерсти. Въ настоящее время свитъ съ усами уже нѣтъ, и нигдѣ ихъ нельзя достать.

Разомъ съ кожухами явилась потребность и въ сапогахъ, но они были такъ дешевы, что за шитье пары сапогъ платили 7$^{1}/_{2}$ коп. серебр., кожухъ же платился 3 рубля.

Что же касается головныхъ уборовъ, то вмѣстѣ съ исчезновеніемъ бѣлыхъ свитъ у мущинъ, исчезли и шапки изъ бѣлаго сукна; вмѣсто нихъ стали носить шапки изъ барашковъ, верхи же въ нихъ были изъ чернаго бархата. Теперь шапокъ этихъ уже нѣтъ, и ихъ нельзя нигдѣ достать. Женщины же, вмѣсто засныванныхъ хустокъ, стали употреблять попысаны хустки, на полѣ которыхъ заполочью были вытканы, какъ будто написаны изрѣдка узенькія полоски крестъ на крестъ, какъ это изображено на рисункѣ А.

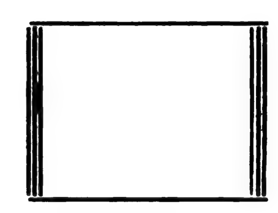

Рис. А. Попысана хустка.   Заснована хустка.

Дѣвушки же украшали головы лентами, сотканными изъ шелка съ узорами. Ленты эти теперь уже вышли изъ моды, и ихъ можно встрѣтить только въ старыхъ церковныхъ книгахъ въ видѣ заложекъ или „закладокъ". Для праздниковъ и торжественныхъ случаевъ старухи и замужнія женщины употребляли бѣлыя и сѣрыя намитки—тончайшія льняныя покрывала домашняго изготовленія, подъ которыя на голову надѣвали очипки—жовты и рублевы. Очипки эти изготовляютъ и теперь жиды въ м. Брусиловѣ. Они шьются изъ коленкора желтаго цвѣта, жовтые изъ коленкора цвѣта апельсиннаго, и притомъ безъ всякихъ украшеній, рублевые же изъ коленкора лимоннаго цвѣта, при чемъ на нихъ вышиваются цвѣты разнообразною бумагою и мишурою. Въ настоящее время намитки уже выходятъ изъ употребленія, ихъ носятъ уже немногіе.

Что касается поясовъ, то со введеніемъ для мущинъ черныхъ свитокъ стали употреблять и клѣтчатые, плетеные пояса изъ шерсти, окрашенной въ красный и зеленый цвѣтъ, или же въ красный и черный цвѣтъ. Женщины стали носить также плетеные поясы изъ шерсти, но только

одного краснаго цвѣта. Въ это же время плахту для молодыхъ замужнихъ женщинъ замѣнилъ литныкъ и споднця. Литныкъ—это платье для зимы; онъ изготовлялся изъ тончайшихъ нитокъ овечьей шерсти и окрашивался въ красный, синій или же черный цвѣтъ. Споднида же составляла лѣтнее платье, и была шита изъ полосатой дымы. Дѣвушки и лѣтомъ и зимою носили однѣ только сподницы, плахты же носили и лѣтомъ и зимою однѣ только старухи. Въ настоящее время дымовыхъ сподницъ нѣтъ.

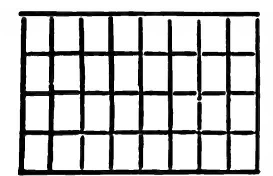
Кромѣ литныка и дымовыхъ сподницъ, которыя были только принадлежностью женщинъ изъ зажиточныхъ семействъ, бѣдныя вообще носили какія то охвоты, которыхъ въ настоящее время нигдѣ нельзя достать. Кромѣ охвотъ, носили еще выбойки. Выбойки дѣлались такъ: на обыкновенномъ толстомъ крестьянскомъ холстѣ особые мастера, которые пріѣзжали изъ Ярославской и Московской губерніи, посредствомъ деревянной доски, на которой были вырѣзаны различные узоры, темно-синею краскою, дѣлали различные узоры, и такимъ образомъ изъ простаго холста выходило нѣчто въ родѣ пестраго ситца, изъ котораго шили не только сподницы, но даже и жупаны, нѣчто въ роди полукафтанья. Изъ этой же выбойки мущины шили себѣ штаны. Рубашки, какъ мужескія, такъ равно и женскія измѣнились тѣмъ, что стоячіе воротнички остались только у стариковъ, у молодыхъ же мущинъ и женщинъ воротники рубахъ стали лежачіе „съ закотомъ", при чемъ дѣвушки и женщины стали вышивать на рукавахъ своихъ рубахъ красными и бѣлыми нитками различные узоры. Штаны у мущинъ тоже измѣнились: вмѣсто очкура они стали укрѣпляться посредствомъ пуговицы.

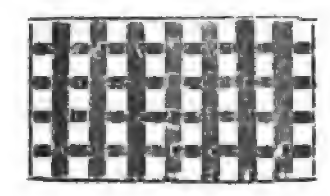
Съ паденіемъ господства крѣпостнаго права, прогрессъ и моды въ крестьянской одеждѣ быстро двинулись впередъ. Съ 1867 года въ селахъ Евреи открыли лавки, въ которыхъ стали продавать не только различные ситцы и кумачи, но даже и тонкое сукно. Крестьяне стали стричь волосы и носить суконные жилеты. Вмѣсто толстыхъ рубахъ стали носить бѣлыя коленкоровыя и изъ тонкаго Ярославскаго и Морозовскаго полотенъ. Женщины на сподницы вмѣсто „дымы" стали употреблять различные ситцы и вообще матеріи съ пестрыми узорами. Литныки, вмѣсто синихъ, черныхъ и красныхъ, стали изготовлять клѣтчатые, употребляя для этого красную и зеленую, или же красную и черную шерсть. Стали также носить и тканые изъ красной, зеленой и черной шерсти поясы, которые впрочемъ были въ модѣ не болѣе 3 лѣтъ и вышли изъ употребленія; теперь они также составляютъ этнографическую рѣдкость. Клѣтчатые же литныки остаются

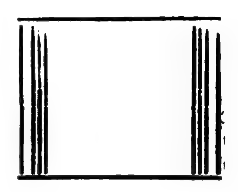
еще и теперь. Какъ тканые поясы, такъ равно и клѣтчатые литныки въ Водотыйской волости введены по модѣ, употребляемой издавна крестьянами с. Лучина, Сквирскаго уѣзда.

Во время крѣпостнаго права сивыхъ шапокъ не носилъ никто, а равно не было и зеленыхъ поясовъ изъ купленной шерстяной матеріи; съ паденіемъ же крѣпостнаго права сейчасъ же появились зеленые поясы и сивыя шапки; впрочемъ сивыя шапки и зеленые поясы носитъ только молодежь, въ особенности—парубки. Разомъ съ сивыми шапками вошли въ моду и козырки—лѣтнія шапки по Парижской модѣ. Въ крѣпостное право, лѣтомъ носили соломенные брыли, сшитые изъ простой стрички, которая плелась изъ ржаной соломы; съ паденіемъ же крѣпостнаго права брыли эти, т. е. соломенныя шляпы, стали шить изъ зубчатой стрички. „Зубци“ плетутся уже изъ пшеничной соломы, изъ ржаной плетется только простая стричка. Самыя красивѣйшія брыли или соломенныя шляпы изготовляются крестьянами с. Соловьевки. Съ 1870 года вошли въ употребленіе чорны брыли.—Это войлочныя шляпы изъ чернаго, а также и сѣраго войлока, а кто побогаче, тотъ носитъ поярковую шляпу чернаго или сѣраго цвѣта. Съ этого же года какъ молодыя женщины, такъ равно и дѣвушки головы начали повязывать разноцвѣтными шелковыми платками, даже на сподницы начали употреблять шелковыя матеріи. Разноцвѣтныя же шелковыя ленты для украшенія волосъ дѣвушки начали употреблять, сейчасъ же при паденіи крѣпостнаго права, при чемъ вѣнки на голову стали покупать сдѣланные изъ искусственныхъ цвѣтовъ, изготовленныхъ монахинями Кіево-Флоровскаго монастыря, тогда какъ до паденія крѣпостнаго права изготовляли ихъ сами изъ гусиныхъ перьевъ, которыя обмакивали въ мѣдянку приготовленную на растопленномъ воскѣ, золотили ихъ кусочками шумихи и затѣмъ уже изъ этихъ ярко-зеленыхъ перьевъ, позолоченныхъ шумихою и представлявшихъ собою зеленые листья, а также и изъ красной бумаги сплетали при посредствѣ проволоки и нитокъ прекрасные малороссійскіе вѣнки. Вѣнки эти въ настоящее время вышли уже изъ моды и составляютъ этнографическую рѣдкость. Съ 1880 года крестьянскія дѣвушки на головахъ уже носятъ сѣтки. Самое плетеніе волосъ у дѣвушекъ измѣнилось. До паденія крѣпостнаго права дѣвушки заплетали косы такъ, что у нихъ около ушей на лбу были такъ называемые начосы. — это пряди волосъ. Съ 1867 года начосы вышли изъ моды, и волоса дѣвицы стали зачесывать къ верху по юкнерській, при чемъ для украшенія волосъ въ огородахъ и садикахъ, или по мѣстному горидчыкахъ начали сѣять, садить различные цвѣты благородной породы, въ видѣ разно-

видныхъ астръ, левкоевъ, циній, резеды, георгинъ, розъ и проч. Женщины же, вмѣсто заснованныхъ и попысанныхъ хустокъ, стали изготовлять и носить картысты и набэли. Картысты—это тканые изъ льняной пряжи на половину съ красною заполочью, а набэли—это тканые на половину изъ чулочныхъ бѣлыхъ вязальныхъ нитокъ и красной заполочи, такъ что какъ картыстые, такъ ровно и набэли платки выходили клѣтчатые, а клѣтки по малороссійски карты, поэтому платки эти и называются картысты. Вотъ ихъ рисунокъ подъ буквою Б.

Попысана хустка.

Б. Картыста хустка.

Заснована хустка.

Съ 1870 года какъ мущины, такъ равно и женщины начали носить одежду изъ покупной матеріи. Женщины кофты на ватѣ и безъ ваты, а мущины лэйбыкы—только на ватѣ. Лэйбыкы—это нѣчто въ родѣ англійскихъ спенаровъ. Какъ женскія кофты, такъ равно и мужскіе лейбыки шились изъ одной только черной или сѣрой матеріи; это было до 1882 года, въ этомъ же году мужскіе лэйбыки стали шить изъ разноцвѣтныхъ пестрыхъ матерій, такъ что грудь изъ красной матеріи, рукава изъ зеленой, а спинка изъ синей или голубой. Матерія для этой цѣли шла побольше изъ сортовъ бумазеи или байки. Но въ настоящее время лэйбыки шьются опять изъ черной или сѣрой матеріи; за то женскій полъ накинулся на яркіе цвѣта, такъ что съ 1885 года—особенно вошли въ моду яркіе цвѣта на платья дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ. На платья теперь подбираютъ матерію такъ, что если сподница голубая, то кофта будетъ красная или розовая, если же сподница красная или розовая, то кофта будетъ синяя, голубая или ярко-зеленая. На головы также обратили большое вниманіе наши крестьянскія дѣвушки, и съ 1885 года уже покрываютъ ихъ или черным, или же бѣлымъ платкомъ, но за то уже и въ волосахъ дѣвицъ съ этого же 1885 года появились черныя широкія ленты. Какъ видите, мода и прогрессъ! Въ настоящее время въ большой модѣ байковыя матеріи коричневаго цвѣта, которыя съ 1884 года идутъ исключительно на однѣ сподницы. Въ 1883 году изъ коричневой байки мущины шили лейбики, но черная и сѣрая матерія взяли вверхъ, и теперь лейбики большею частію сѣрые и черные. Штаны у мущинъ въ

настоящее время почти у каждаго крестьянина сшиты изъ покупной матеріи сѣраго, черного и полосатаго цвѣтовъ изъ дешевенькаго трико. Хустки домашняго изготовленія, подъ различными названіями, въ родѣ попысаныхъ или картыстыхъ, въ настоящее время уже почти выходятъ изъ моды, теперь все „крамныя", покупныя: даже старухи вмѣсто намитокъ носятъ крамныя хустки.

Кожухи стараго кроя въ настоящее время остались только мужскіе съ стоячимъ воротникомъ, да и то воротники приставляютъ иногда изъ сиваго *) барашка. Женскихъ же кожуховъ съ круглыми комирами **) въ настоящее время нѣтъ: они уже составляютъ этнографическую рѣдкость. Теперь, какъ для женщинъ, такъ равно и для мущинъ большею частію употребляются кожухи съ косымъ комиромъ, которые комиры дѣлаются иногда изъ сиваго барашка. Впрочемъ кожухи съ сивыми воротниками носятъ одни только зажиточные люди, но за то украшенія на кожухахъ изъ лоскутковъ разноцвѣтной юфти въ модѣ у всѣхъ, даже и у бѣдняковъ. Украшенія эти въ особенности дѣлаются на углу верхней полы, гдѣ нашивается изъ лоскутковъ юфти различные цвѣты, иногда даже цѣлые букеты розъ, лилій и т. п. Желтые полушубки, крашеные и дубленые великоросейскаго кроя, вошли здѣсь въ моду съ 1872 года. Съ этого же года вошли во всеобщее употребленіе и башлыки изъ желтаго верблюжьяго сукна такого кроя, какіе носятъ въ войскахъ. Съ этого же времени желтое верблюжье сукно начали употреблять на зимніе штаны. Съ 1876 года пошли входъ башлыки, сшитые изъ сѣраго сукна. Съ этого же года на кофты для молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ стали употреблять черный плисъ: впрочемъ плисовыхъ кофтъ шьютъ мало, такъ что онѣ были въ модѣ всего только два года, и матеріи яркихъ цвѣтовъ вытѣснили ихъ изъ моды. Съ 1884 года молодыя женщины и дѣвушки стали употреблять большіе теплые платки, окутываясь таковыми во время холода. Съ этого же года вошла въ употребленіе даже помада, которую употребляютъ не только мущины, но даже и дѣвушки; впрочемъ потребителей помады еще весьма мало въ кругѣ крестьянской молодежи.

Постельное бѣлье идетъ по модѣ; до паденія крѣпостнаго права подушки дѣлались прямо изъ однихъ куриныхъ перьевъ, на напирначи же и верхнія наволочки употреблялся одинъ только толстый холстъ домашняго изготовленія; послѣ же паденія крѣпостничества подушки стали изготовлять изъ гусиныхъ перьевъ, а „напирначи" изъ дымовыхъ поло-

*) Сивый—сѣрый.

**) Комиръ—воротникъ, ковниръ, польск. kołnierz.

ситныхъ матерій, только верхнія наволоки оставались прежнія. Такъ было до 1872 года. Съ этого же времени нѣкоторые изъ болѣе зажиточныхъ на „напирнячи“ стали употреблять красный кумачъ, а на верхнія наволоки бѣлый коленкоръ и ярославское полотно; причемъ наволоки стали дѣлать съ пуговичками, такъ чтобы былъ виденъ и красный кумачъ. Съ 1883 года уже почти всѣ начали дѣлать пуховыя подушки, причемъ на „напирнячи“ употребляютъ очень густой и крѣпкій холстъ желтаго или лиловаго цвѣта, а на верхнія наволоки берутъ разноцвѣтные ситцы, въ особенности полосатые.

Говоря о модѣ на убранства, я еще забылъ сказать о серьгахъ—этихъ необходимыхъ украшеньяхъ женщинъ и дѣвушекъ. Дѣвочки, явившись на свѣтъ Божій и достигнувъ 3-хъ лѣтняго возраста, уже подвергаются необходимой пыткѣ прокалыванья ушей. Она совершается посредствомъ серебряныхъ дротиковъ, которые, по вѣрованью народа, не производятъ воспаленія въ ранкѣ, и проколы сдѣланные такими дротиками скорѣе заживаютъ. Для того, чтобы не было воспаленія и чтобы проколы скорѣе зажили, въ теченіи нѣсколькихъ дней дѣлаютъ къ нимъ припарку. Что же касается самихъ серегъ, то до паденія крѣпостнаго права онѣ дѣлались прямо изъ бусъ разноцвѣтнаго стекла, которыя бусы употребляются на крестьянскія мониста и ожерелья. Такія серьги во множествѣ изготовлялись жидами, развозились по деревнямъ и обмѣнивались на тряпье и кости. Послѣ же 1863 года черниговскіе коробейники, совмѣстно съ ситцами, лентами, перцомъ, сказками и картинами, стали носить и серьги, хотя и стеклянныя, но уже особаго вида и устройства. Съ 1872 года крестьянки стали заказывать жидамъ серьги серебряныя, въ формѣ Георгіевскихъ крестовъ; начиная же съ 1880 г. во всеобщее употребленіе вошли серебряныя, а также и вызолоченныя серьги—кольца, большею частію съ привѣсками—жолудями изъ желтаго стекла или янтаря. Но время идетъ, а съ нимъ быстро движется впередъ мода и прогрессъ; улучшеніе быта крестьянъ также идетъ послѣдовательно, и съ каждымъ годомъ все увеличиваясь; поэтому, безъ сомнѣнія, можно еще ожидать и новой перемѣны въ модѣ убранства крестьянъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время уже научились поддѣлывать драгоцѣнные камни, и есть надежда, что въ недалекомъ будущемъ эти искусственные бриліанты, топазы, аметисты и проч. найдутъ примѣненіе и въ модѣ крестьянскаго убранства. Изъ настоящей исторіи крестьянскаго убранства читатель видитъ, на сколько шелкъ, мишура и пестрота различныхъ матерій вытѣсняютъ изъ моды крестьянскаго убранства простыя дешевенькія матеріи; почему же искусственные камни не могутъ вытѣснить

изъ моды убранства стекло простое? Въ настоящее время каждый крестьянинъ и крестьянка стараются придерживаться девиза: хоть дорого, да мило!... Но между ними есть и недовольные на искорененіе дѣдовской старины съ ея простотою и дешевизною. Они говорятъ: „Нашы диды не издылы на чавункахъ, нэ носылы шолкивъ, атласивъ да чобитъ на скрыпахъ, протэ малы стильки грошэй, шо и въ зэмлю закопувалы, а хлиба?... Боже мій! У каждаго стоявъ стожекъ на току, а въ коморн булы повны засикы [1]) пшеныци. А тэперь? Тэперь якъ то кажуть: ни въ комори — ны въ обори; на ногахъ сапьянъ скрыпыть, а въ борщи чортъ кыпыть [2]). Колыбъ нэ выйшло такъ, якъ тій баби, шо то росказуетця въ казци о Золотій рыбци. Якъ добре да ще хочутъ и луччо, а гляды да й будэ всякому такъ, якъ тому диду—рыбаку:

Глядь: опять передъ нимъ землянка;
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто!....

И. Савченковъ

крестьянинъ с. Соловьевки, Водотыйской волости, Радомысльскаго уѣзда, Кіевск. губ., членъ-сотрудникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

---

[1]) Засикы—закрома.

[2]) Т. е. и хозяинъ и хозяйка убраны по послѣдней модѣ, на ногахъ у нихъ сапожки со скрипомъ, а борщъ постный, даже безъ масла.

Повѣрья крестьянъ Тамбовской губерніи.

(*Очеркъ*).

Среди населенія крестьянъ Тамбовской губерніи въ общемъ, а въ Кирсановскомъ ея уѣздѣ въ частности, подъ оболочкой христіанства, понимаемаго пока только внѣшнимъ образомъ, сохранилось еще много остатковъ язычества. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ допускается даже многобожіе для домашнихъ животныхъ и проч.; такъ, напр., въ селѣ Рудовкѣ, Осино-Гаевской волости, Кирсановскаго уѣзда, существуетъ особый „куриный богъ". Богъ этотъ—предметъ не отвлеченный, а осязаемый и неодушевленный, который люди могутъ помѣщать гдѣ угодно; представляетъ его собою черный камень, просверленный по срединѣ, величиною въ гусиное яйцо, который въ такомъ видѣ отыскивается гдѣ-либо въ землѣ. Куриный богъ вѣшается за питку на стѣнѣ въ курятникѣ съ тою цѣлью, чтобы больше плодились и сохранялись у хозяина куры. Если-же околѣваетъ какая-либо курица, она вѣшается за ногу на осину близъ курятника. Этотъ обрядъ выполняется для того, чтобы обезопасить куръ отъ падежа. Куриный богъ вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть названъ и зубнымъ богомъ; по-крайней мѣрѣ при заболѣваніи зубовъ мѣстныя знахарки прибѣгаютъ къ нему, какъ къ вѣрному талисману. Церемонія лѣченія продѣлывается такимъ образомъ: ворожейка ведетъ больнаго въ „курникъ" (помѣщеніе для куръ), пошепчетъ что-то куриному богу и, затѣмъ, прикладываетъ его къ больному мѣсту разъ шесть крестообразно; послѣ этого боль должна стихнуть. Сохранились, хотя и слабо, преданія о другихъ странныхъ обрядахъ, нынѣ уже не существующихъ, но бывшихъ въ ходу еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ; значеніе ихъ никто изъ крестьянъ объяснить не можетъ, и потому приходится ограничиваться передачею голыхъ фактовъ безъ комментаріевъ. Когда бывалъ падежъ крупнаго и мелкаго скота, жители отыскивали по близости селенія высокую гору, прокапывали въ срединѣ ея насквозь большое отверстіе, зажигали съ обоихъ концовъ отверстія горы, костры и, отслуживши молебенъ, прогоняли, въ дыму, чрезъ отверстіе приведенный заранѣе больной скотъ. Если выполненіе этого обряда не попріоста-

навливало падежа, прибѣгали къ другому. Въ глухую полночь выходили на улицу со всего села дѣвушки и вдовы, заранѣе сговорившіяся между собою, приносили съ собой икону, ладонъ, зажженый фонарь и соху, раздѣвались, расплетали косы, распускали ихъ по плечамъ и, оставшись въ однихъ бѣлыхъ сорочкахъ, безъ платьевъ и обуви (несмотря на время года), направлялись по улицамъ села въ такомъ порядкѣ: одна несла впереди икону, рядомъ съ нею другая кадила ладономъ, третья освѣщала фонаремъ дорогу, а остальныя сзади тащили соху. На каждомъ переулкѣ останавливались, распахивали сохою борозды, на подобіе креста, зарывали на этомъ мѣстѣ часть курившагося ладона и тутъ-же молились Богу. По совершеніи этой церемоніи на всѣхъ переулкахъ, расходились по домамъ. Во все время шествія процессіи, всѣ соблюдали строжайшую тишину и старались, чтобы ихъ шествіе никто изъ постороннихъ, въ особенности изъ мужчинъ, не замѣтилъ, для чего уходили всѣ изъ домовъ тайно отъ семейныхъ. Время совершенія этого обряда предварительно никогда не было извѣстно ни мужчинамъ, ни дѣтямъ, ни замужнимъ женщинамъ; узнавали объ этомъ только на другой день. Если-же вдовы и дѣвушки во время процессіи замѣчали, что за ними наблюдаетъ кто-либо изъ постороннихъ, то также тихо и чинно, безъ шума, всѣмъ кружкомъ нападали на него, наносили побои и, затѣмъ, оставивъ жертву своего насилія на мѣстѣ, продолжали шествіе въ прежнемъ порядкѣ. Впрочемъ, послѣ одной такой расправы, бывшей въ с. Рудовкѣ, смѣльчаковъ слѣдить за бѣлыми женщинами находилось мало.

Православные окружены массою темныхъ духовъ, которые подраздѣляются па добрыхъ и недобрыхъ; съ первыми они стараются жить ладно, съ послѣдними ведутъ борьбу. Къ числу недобрыхъ духовъ принадлежатъ нѣкоторыя болѣзни, напр., лихорадка и грыжа. Чтобы очистить больного отъ вселившагося въ него темнаго, недобраго духа и выгнать его, прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ. Больного лихорадкою выводятъ на дворъ, надѣваютъ ему на шею хомутъ и обливаютъ холодною водою. Когда появляется грыжа, больного везутъ въ ближайшій лѣсъ; тамъ раскалываютъ дубокъ, вбиваютъ въ отверстіе клинья и затѣмъ больного протаскиваютъ три раза чрезъ отверстіе; послѣ этого съ него снимаютъ рубашку и вѣшаютъ на деревѣ, а сами уходятъ. Брать рубашку, какъ нечистую, считается непозволительнымъ для ея владѣльца, и для постороннихъ. По выполненіи этихъ обрядовъ, болѣзни должны выйти изъ больныхъ.

Съ нѣкоторыми духами крестьяне живутъ одними, даже экономическими, интересами, и потому считаютъ необходимостью поддерживать съ

ними довольно тѣсное общеніе. Особенною любовью православныхъ пользуется „дѣдушка домовой“. Домовой—невидимое, добродушное существо. Если онъ благоволитъ къ живущимъ въ домѣ, вся скотинка ходитъ здоровехонька, лошадушки полнехоньки; онъ ихъ и холитъ, и моетъ, и гривы имъ заплетаетъ. Всѣ домочадцы не нарадуются на заботы дѣдушки; за то, если ужъ и разсердится домовой, что̀ бываетъ рѣдко, настаютъ пасмурные, тяжелые дни: лошади начинаютъ худѣть и падать; по утру то у одного, то у другого члена семьи замѣчаются на тѣлѣ синяки отъ его щипковъ. Домовой является не только помощникомъ крестьянина въ хозяйствѣ, но и его оракуломъ. Если услышатъ семейные въ переднемъ углу стонъ, то ужъ знаютъ, что дѣдъ хочетъ что-то предсказать; передаютъ объ этомъ желаніи старшему члену семьи; собираются, подъ его предводительствомъ, въ тѣсный кружокъ и, съ дрожью въ голосѣ, спрашиваютъ: „къ добру или къ худу?“ Онъ можетъ внятно отвѣтить „къ добру“ или „къ „худу“. Сообразно отвѣту, мѣняется душевное расположеніе хозяевъ и дѣлаются серьезныя приготовленія къ встрѣчѣ дурныхъ или хорошихъ происшествій. Изъ этого ясно видно, что жизнь домового тѣсно связана съ очагомъ крестьянина и для послѣдняго существованіе безъ него является немыслимымъ. Домовой величается именемъ „хозяина“, живетъ онъ въ углу клѣти на дворѣ, вмѣстѣ со скотиной; борода у него сѣдая, самъ сгорбленный. У каждаго домохозяина имѣется свой особый домовой; когда онъ переноситъ строенія и переходитъ на другую усадьбу, то наканунѣ перехода въ новое жилище, онъ входитъ въ клѣть и говоритъ: „дѣдушка хозяинъ, иди со мною: какъ мы съ тобою жили, такъ и опять будемъ жить. Милости просимъ“. На это предложеніе дѣдъ всегда соглашается и не отказывается слѣдовать въ другое мѣсто. Домовой ведетъ жизнь одинокую, холостецкую, сожительства съ равнымъ ему духомъ не терпитъ. Когда двѣ семьи, жившія врозь, сходились для совмѣстнаго житья, то часто замѣчали на потолкѣ и на дворѣ шумъ и возню: это дрались между собою двое домовыхъ, соперничавшихъ въ первенствѣ по распоряженію домомъ. Нерѣдко изъ-за опасенія обидѣть своего родного домового, семья, при всемъ желаніи, находила невозможнымъ сойтись съ другой. Такъ велико значеніе домового!

За этимъ духомъ слѣдуютъ другіе, тоже имѣющіе немалое значеніе въ жизни народа; общее имъ названіе—„нечистая сила“, но въ частности они подраздѣляются на категоріи, имѣющія особыя спеціальныя занятія. Главный начальникъ всей нечистой силы — „сатана“; живетъ онъ постоянно въ аду, гдѣ отдаетъ приказанія и выслушиваетъ донесенія отъ

своихъ подчиненныхъ, чертенятъ и дьяволятъ. Изъ числа ихъ наиболѣе пользуются извѣстностью: „Любостай“ и „Фармазонъ“. Первый, когда начинаетъ тосковать какая-либо женщина по своемъ умершемъ или отсутствующемъ родственникѣ, чаще всего по мужѣ, подлетаетъ къ ея избѣ въ видѣ огненнаго змѣя, разсыпается искрами на ея крышѣ, превращается въ извѣстнаго, дорогаго для женщины, мужчину, утѣшаетъ ее и затѣмъ вступаетъ съ нею въ плотское сожитіе. Послѣ пяти или шести мѣсяцевъ подобной связи, женщина обыкновенно чахнетъ и, умирая, переходитъ во власть сатаны. Во избѣжаніе этого печальнаго конца, крестьяне всегда стараются уговорить тоскующую женщину развлечься и позабыть горе. А Фармазонъ является покорнымъ слугою всякому желающему пользоваться его услугами. Если кому хочется пріобрѣсть что-либо недостижимое для простого смертнаго, напр., красоту, богатство, славу, извѣстныя знанія, любовь красавицы и т. п., онъ выходитъ въ чистое поле, призываетъ Фармазона, разрѣзываетъ мизинецъ правой руки и кровью изъ раны подписываетъ росписку, по которой, за выполненіемъ просимаго, душа его послѣ смерти отходитъ въ собственность дьявола. Послѣ этого искупленіе души признается хотя и возможнымъ, но крайне тяжелымъ. Отщепенецъ отъ дьявола можетъ вновь выйти въ поле и просить нарушить условіе. Тогда Фармазонъ беретъ ружье и стрѣляетъ въ портретъ этого человѣка, который изготовляется еще при заключеніи условія. Портретъ и росписка уничтожаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ на лицѣ человѣка послѣ этого остаются всѣ видимые слѣды и раны отъ выстрѣла изъ ружья, да и дѣйствіе чаръ надъ просимымъ рушится.

Другіе чертенята приносятъ немного вреда; какъ существа молодыя, глупыя и еще неопытныя, они только ребячатся, шутятъ и играютъ. Часто мы замѣчаемъ лѣтомъ поднявшійся на дорогѣ столбъ пыли отъ вихря. Крестьяне говорятъ, что это бѣсится чертенокъ. Когда столбъ подымается въ близкомъ разстояніи, нужно непремѣнно упасть на землю ничкомъ, иначе можно подняться къ верху и разбиться объ землю. Если въ это время ударить ножомъ прямо въ столбъ, изъ послѣдняго покажется кровь, и затѣмъ все разсыплется.

Животныя и насѣкомыя также дѣлятся на чистыхъ и нечистыхъ. Черные тараканы являются признакомъ матеріальнаго богатства и изобилія, и потому ихъ размноженію въ домѣ всегда радуются. Когда входятъ въ новый домъ, хозяинъ нарочно приноситъ въ чулкѣ таракановъ и распускаетъ по избѣ. Пропажа таракановъ изъ дома и вытье собаки около него однозначущи: какъ то, такъ и другое явленіе предвѣщаетъ пожаръ.

Самыми радикальными огнетушительными средствами являются: обходъ кругомъ пожара съ иконою, спасенною ранѣе отъ огня. Рыба, плывущая по теченію, считается чистою, а противъ теченія—нечистою. Послѣднюю ловить грѣшно.

Большимъ грѣхомъ считается для родителей заспáть младенцевъ-дѣтей. Засыпаніемъ называется нечаянное умерщвленіе, во время сна, ребенка, лежащаго на кровати между родителями, что случается нерѣдко. Въ этомъ случаѣ виновная мать должна идти одна ночью въ церковь, очертить тамъ извѣстный кругъ отъ діавольскаго наважденія, стать въ немъ и усердно молиться Богу. Въ первую ночь, Богородица покажетъ матери ея ребенка, находящагося въ крови. На слѣдующую ночь, при повтореніи, на ребенкѣ окажется крови меньше. Такимъ образомъ, молитва продолжается до тѣхъ поръ, когда ребенокъ покажется Богородицею совершенно чистый, и тогда мать успокаивается.

Убѣжденіе крестьянъ о наказуемости проступковъ противъ дѣтей основывается на примѣтѣ съ кукушки. По поводу ея сложилась такая легенда: кукушка изъ-за дѣтей чѣмъ-то прогнѣвила Бога, и вотъ Онъ проклялъ ее. Съ тѣхъ поръ она не знаетъ покою, не имѣетъ ни постояннаго мѣста, ни гнѣзда, яйца свои кладетъ въ чужія гнѣзда и вѣчно плачетъ; слѣды ея слезъ остаются на тѣхъ деревьяхъ, гдѣ она сидитъ, въ видѣ черныхъ кольцеобразныхъ кружечковъ. И будетъ она страдать до второго пришествія. Кукушка считается оракуломъ; она можетъ предсказать, сколько кому лѣтъ жить. Желающій узнать это нарочно спрашиваетъ въ лѣсу: „кукушка, кукушка, сколько мнѣ лѣтъ жить"? Сколько разъ она прокукуетъ, столько лѣтъ остается житья на бѣломъ свѣтѣ. Если-же кукушка будетъ молчать послѣ вопроса, значитъ, въ этомъ году спрашивающій умретъ. Въ иныхъ случаяхъ ранній ея крикъ считается дурнымъ предзнаменованіемъ. Нѣкоторые, желая получить хорошій урожай, приходятъ рано утромъ въ лѣсъ и стараются пораньше поѣсть, пока кукушка еще не кричала; иначе годъ будетъ голодный.

Для полученія хорошаго урожая хлѣба, находятъ необходимымъ соблюдать еще слѣдующій обычай: въ день засѣва хлѣба ни одинъ домохозяинъ не даетъ другому ни взаймы, ни за деньги, ни одного зерна или куска хлѣба: нарушеніе этого условія можетъ повести къ неурожаю.

Чтобы предугадать будущій урожай, старшій членъ семьи въ ночь подъ новый годъ втыкаетъ въ снѣгъ на гумнѣ нѣсколько колосьевъ разнаго хлѣба, а утромъ смотритъ: если на которомъ колосѣ окажется иней, тотъ хлѣбъ въ наступающемъ году долженъ уродиться. Съ этою-же цѣлью,

прибѣгаютъ къ другому обряду: въ то-же время въ избѣ на столѣ разстилается чистая бѣлая скатерть; если на ней утромъ появится какое-либо зерно, этотъ хлѣбъ уродится обильно. Для разведенія ягнятъ, подъ новый годъ запираютъ тотъ хлѣвъ, въ которомъ находятся овцы: если желаютъ болѣе бѣлошерстныхъ ягнятъ, то метлою, а двойнятъ разношерстныхъ—вилами. Подъ новый-же годъ производятся гаданія съ другими цѣлями. Желающіе узнать долготу своей жизни, послѣ ужина кладутъ кусочки хлѣба на окно; чьего куска утромъ не окажется, тотъ въ этомъ году умретъ, а остальные переживутъ его. Невѣсты съ цѣлью узнать, въ богатый или бѣдный домъ выйдутъ замужъ, подходятъ къ плетню, перебираютъ пальцами всѣ колья отъ начала его до конца и при этомъ приговариваютъ: „сусѣкъ, мѣшокъ"; если на послѣднемъ колу остается сказать слово „сусѣкъ" — быть въ богатомъ домѣ, а „мѣшокъ" — въ бѣдномъ. Чтобы узнать размѣръ будущей семьи, выдергиваютъ изъ одонья на угадъ колосъ и считаютъ: сколько въ немъ окажется зеренъ, столько будетъ членовъ въ семьѣ жениха.

Подъ новый годъ считается большимъ грѣхомъ прясть; у нарушителей этого обычая духъ „Волосень", подъ видомъ костоѣды, отъѣстъ палецъ, и изъ него выпадетъ нечистая кость. Этотъ-же обычай строго соблюдается въ теченіи всего года каждую недѣлю въ день пятницы и наканунѣ ея. Покровительницею каждой пятницы считается какая-то особенно чтимая „матушка Прасковея" (называемая такъ народомъ), которая своимъ непочетницамъ-бабамъ можетъ засорить глаза куделью и намыкою отъ пряжи.

Въ день Крещенія Господня, послѣ молебна на рѣкѣ, купаются въ ней раздѣтые съ цѣлью: больные—излѣчиться отъ болѣзни, а наряжавшіеся въ маски подъ новый годъ — вновь перекреститься послѣ принятія образа чорта и очиститься отъ грѣха.

День св. Касьяна почитается особенно страшнымъ: если онъ въ этотъ день на кого взглянетъ, тотъ, говорятъ, сгибнетъ. Работы въ этотъ день и наканунѣ прекращаются. У одного крестьянина, работавшаго въ праздникъ, разсказываютъ, Касьянъ убилъ корову.

Подъ Благовѣщеніе, огней въ избахъ всю ночь не тушатъ: лучше уродится ленъ, иначе молнія все повыжжетъ. Кто на Благовѣщеніе счастливо игралъ въ орлянку, тотъ весь годъ будетъ выигрывать деньги въ эту игру. Другого рода спеціалисты, воры, стараются аккуратнѣе стащить какую-либо чужую вещь въ ночь подъ Рождество: послѣ этого успѣхъ воровства считается обезпеченнымъ, не смотря на самыя рискованныя предпріятія, во весь круглый годъ. Словомъ, каждый святой является покрови-

телемъ того или другого ремесла или животнаго; такъ, напр., покровителемъ коровъ считается Власій, овецъ—Настасья, лошадей Фролъ и Лавръ, пчелъ—Зосима и Савватій, икона коихъ, послѣ молебна, въ день праздника святыхъ, ставится на пчельникъ, а огурцовъ—Константинъ и Елена. День посадки огурцовъ называется „огуречнымъ праздникомъ"; въ этотъ день служится молебенъ.

Плохая пора настала для колдуновъ: въ деревняхъ стали находиться такіе молодцы, которые обращаютъ ни во что ихъ знанія и вполнѣ гарантируютъ себя отъ ихъ чаръ. Средство для этого самое ничтожное—игла; она всегда носится при себѣ. Чтобы обезсилить колдуна, достаточно продѣть иглою его одежду. Считается возможнымъ даже одурачить колдуна: достаточно только, проткнувши иглу сквозь одежды, воткнуть ее ухомъ къ верху въ дверь того зданія, куда вошелъ колдунъ: до тѣхъ поръ, пока игла будетъ находиться въ двери, онъ не можетъ выйти изъ дома, не смотря ни на какія усилія.

Относительно загробной жизни, крестьяне имѣютъ такое представленіе, что ихъ родственники послѣ смерти, до истеченія шести недѣль, продолжаютъ невидимо пребывать въ томъ домѣ, гдѣ жили, и даже пользоваться пищею. На основаніи этого предположенія, на ночь въ домѣ всегда разстилается бѣлая скатерть, на которой ставится кушанье, поѣдаемое за ночь покойникомъ.

В. Бондаренко.

2-го іюля, 1890 г.
С. Осиновые Гаи,
Кирсанов. у.

Замѣтка о литовской свадьбѣ

(въ Вепровской волости 1-го мироваго участка, Вилкомирскаго уѣзда, Ковенской губерніи).

Молодой человѣкъ, достигшій полнаго возраста, подмѣтивъ себѣ невѣсту, проситъ хорошо знакомаго, надежнаго человѣка быть ему сватомъ и, въ назначенное ими время, ѣдутъ попытать счастье. Передъ выѣздомъ женихъ проситъ разрѣшенія своихъ родителей на задуманное имъ дѣло; родители соглашаются и отецъ предлагаетъ свату крѣпче уговариваться о приданомъ за дѣвушкой, къ которой ѣдутъ съ предложеніемъ, а мать со слезами провожаетъ изъ дому своего сына. Пріѣхали къ невѣстѣ. Если она замѣтитъ пріѣздъ гостей раньше, бѣжитъ въ амбаръ или не жилой конецъ дома, поспѣшно переодѣвается въ праздничное платье, шитое изъ домашней довольно тонкой матеріи, называемой по-литовски — черкасасъ, входитъ въ избу и здравствуется съ женихомъ и его сватомъ. По принятому обычаю крестьянъ, хозяева заботятся объ угощеніи своихъ гостей; но пріѣхавшіе прежде высказываютъ цѣль своей поѣздки и спрашиваютъ мнѣнія объ этомъ родителей невѣсты; если получаютъ отказъ, то сейчасъ-же уѣзжаютъ домой; если-же дѣло находится въ сомнительномъ состояніи, соглашаются принять угощеніе. За угощеніемъ пиршлисъ (сватъ) всѣми силами старается расхвалить жениха: описываетъ его характеръ, честность, достатки и прочія хорошія стороны; тутъ-же рѣчь идетъ и о приданомъ, состоящемъ иногда изъ денегъ, а чаще ограничиваются изъ скота и хозяйской утвари. Невѣста и ея родители повѣрили свату, первая готова выйдти замужъ, а послѣдніе готовы выдать ее. Сосватанные подходятъ къ родителямъ и просятъ у нихъ благословеніе на обрученіе, тѣ благословляютъ будущую молодую чету, желая ей всего хорошаго. Послѣ этого, сватъ вынимаетъ изъ сумки, сшитой изъ кожи барсука и нарочно предназначенной для пиршлисовъ, бутылку съ водкой, и начинаютъ выпивать обязательно всѣ, за будущую хорошую, счастливую, богатую жизнь имѣющихъ быть, мужа и жены. Сватова водка кончена, посылаетъ за новою отецъ невѣсты, и выпивка продол-

жается; за выпивкой и закуской, которая при выпивкѣ непремѣнно бываетъ, уговариваются и назначаютъ день свадьбы; гости уѣзжаютъ домой.

Далѣе идетъ приготовленіе къ предстоящей свадьба и запрашиванье свадебной компаніи, состоящей изъ родныхъ и близкихъ хорошихъ сосѣдей. Наканунѣ вѣнчанія, въ домъ жениха пріѣзжаютъ свадебные, прошенные гости; тутъ бываетъ небольшое угощеніе, передъ которымъ пиршлисъ беретъ пустую тарелку и бутылку съ водкой и ставитъ ихъ на столъ; вокругъ стола сидятъ гости; сватъ объявляетъ о складкѣ денегъ жениху на покупку канчука (нагайки), имѣющаго усмирять молодую жену, если она будетъ негодная, и слѣдитъ за каждымъ, сколько кто даетъ денегъ, щедраго угощаетъ водкой изъ большой рюмки, а менѣе щедрыхъ изъ обыкновенной. У невѣсты въ это время гости собрались, тамъ такъ-же бываетъ складка денегъ для невѣсты, назначенная ей, по принятому мѣстному обычаю, на проѣздъ къ вѣнцу и первое обзаведеніе въ чужомъ домѣ. Пріѣхали къ невѣстѣ женихъ, сватъ и вся ихъ компанія: пиршлисъ, войдя въ избу, угощаетъ своей водкой мужскую компанію, а свочу (посаженную мать), сидящую за столомъ по правую сторону отъ невѣсты, и помяргясъ (дружекъ), сидящихъ по лѣвую сторону отъ нея, виномъ. Угощеніе это дѣлается для того, чтобы мѣстная компанія уступила невѣсту и мѣсто пріѣхавшей. Обѣ компаніи соединяются и ѣдутъ къ вѣнцу. Послѣ вѣнца обѣдъ для всѣхъ устраиваетъ своча, выпивка за обѣдомъ идетъ на счетъ шаферовъ со стороны жениха; затѣмъ уѣзжаютъ къ молодой женѣ, гдѣ гулянье продолжается—у зажиточныхъ нѣсколько дней. Передъ выѣздомъ къ мужу, шафера его платятъ нѣсколько денегъ матери за приданое. У женившагося черезъ сутки или двое свадьба кончается, и всѣ гости уѣзжаютъ домой.

Учитель Вепровскаго Народнаго Училища *Я. Рисовъ*.

Къ видѣнію Амфилога.

— —

Въ IV-мъ выпускѣ моихъ Розысканій, гл. XVII, я старался разобрать, по отношенію къ его составнымъ частямъ и кое-какимъ параллелямъ, славянское сказаніе объ Амфилогѣ, сарацинскомъ царѣ, обращенныиъ въ христіанство видѣніемъ, въ таинствѣ евхаристіи, Христа въ образѣ младенца, котораго закалаетъ, и отъ тѣла и крови котораго причащаетъ пресвитеръ. Сказаніе представляетъ еще много неясностей по вопросу о его генезисѣ. Я представлялъ его себѣ такимъ образомъ, что къ какому-нибудь разсказу объ обращеніи поганина (въ данномъ случаѣ Сарацина), пристала легенда о вразумленіи, путемъ суда, недоумѣвающаго христіанина, въ родѣ разсказанной аввой Арсеніемъ (у меня стр. 336—7) и сходной съ нею, Вильгельму Мальмсберійскому, о пресвитерѣ Plegus'ѣ или Plecgils'ѣ *). Но есть въ параллель къ разсказу объ Амфилогѣ и другіе, гдѣ дѣло идетъ, какъ и тамъ, объ обращеніи поганина, на этотъ разъ Евреина. Укажу, между прочимъ, на широко-распространенную легенду о мальчикѣ-жидовинѣ, который увлекся, слѣдомъ за своими товарищами-христіанами, въ церковь, гдѣ вмѣстѣ съ другими и пріобщился св. таинъ. Когда онъ разсказалъ о томъ отцу, тотъ бросилъ его въ раскаленную печь, гдѣ мальчикъ остается невредимымъ; мотивъ чуда, напоминающій намъ стихъ объ Аллипуевой женѣ **). Мѣсто дѣйствія чуда—то Константинополь, то Арменія, Египетъ, или Буржъ во Франціи; въ нѣкоторыхъ текстахъ ***) мальчикъ-Жидовинъ видитъ въ таинствѣ евхаристіи младенца-Христа и пріобщается ему образно missa celebrata, cum sacerdos populo communionem distribueret, videbatur Iudaeo puerulo quod puerum illi picto similem populo divideret. Qui cum aliis accedens crudem carnem a sacerdote accepit, quam patri domum detulit (Honor. Augustodensis).

Не о мальчикѣ, но также о Жидовинѣ и его обращеніи говорится въ житіи св. Василія, приписываемомъ Амфилохію, епископу Иконійскому ****):

---

*) Migne, Patrol. lat., t. 73, col. 991—2 (примѣчаніе Росвейда).

**) См. Wolter, Der Iudenknabe (Halle, 1879); Mussafia въ Zeitschr. f. rom. Phil. IX B., стр. 138, 412—413; Mélusine IV, стр. 39—41.

***) Wolter l. c., стр. 43, 94, 111; Mussafia l. c., стр. 412.

****) Migne, l. c., col. 391—302.

какой-то Еврей вмѣшался въ толпу христіанъ, желая увидать порядокъ службы и даръ причастія; видитъ Василія, раздѣлявшаго на части младенца, и самъ причащается отъ дѣйствительнаго тѣла и крови; сохранивъ частицы того и другой, онъ дома показываетъ ихъ женѣ въ знаменіе видѣннаго имъ, а на другой день идетъ креститься къ Василію.

Такого чуда не видѣлъ ни Василій, ни Григорій, говоритъ Амфилогу іерей легенды. Видѣлъ его дѣйствительно не Василій, а Жидовинъ по житію, которое и могъ имѣть въ виду составитель легенды.

Существовалъ-ли подобный разсказъ при имени Григорія? Въ статьѣ одной Шафариковой рукописи, описанной г. Поливкой (Opisi i izvodi, стр. 5), мое вниманіе остановилъ Сарацинъ, упоминаемый въ заглавіи „Тлькованіе о божьставней литургіи святаго Григоріа, юже видѣ некой страцинь". Не разумѣется-ли варіантъ легенды объ Амфилогѣ? Въ статьѣ съ соотвѣтствующимъ заглавіемъ, распространенной въ нашихъ рукописяхъ: „Святого Григорія Богослова откровеніе о святѣй службѣ, еже есть литургія" Сарацина нѣтъ. Тѣмъ не менѣе эта статья интересна по отношенію къ нашей легендѣ: какъ тамъ, такъ и здѣсь, дается то-же образное толкованіе литургіи, есть кое-гдѣ сходства, и эпизодъ о Христѣ младенцѣ, закалаемомъ въ таинствѣ: „и егда separate речетъ іерей святая святымъ, тогда видѣхъ ангела имоуща ножь и отроча на руку, и закласта и источиста кровь его въ святую чашу, а тѣмъ его рѣжоуще кладяста горѣ на хлѣбъ, и бысть хлѣбъ тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа, и сшедшеся достоиніи людіе ядяхоу и піяхоу пріемлюще святое тѣло и кровь во истину, на очищеніе грѣхомъ *).

Я не касаюсь вопроса объ авторѣ Василіева житія, ходящаго подъ именемъ Амфилохія. Списатель житія былъ, такъ или иначе, отождествленъ съ Амфилохіемъ Иконійскимъ, младшимъ современникомъ Василія Великаго и Григорія Назіанзина, одно и то-же чудесное видѣніе, отвѣтившее быть можетъ интересу къ спорамъ о догматѣ пресуществленія, могло пристать къ имени каждаго изъ нихъ, если позволено сблизить Амфилога легенды съ Амфилохіемъ. Легендѣ оставалось только сблизить чудо съ какимъ-нибудь инымъ мотивомъ обращенія „типа поганина"; такъ вмѣсто Евреина могъ явиться сарацинскій царевичъ Амфилогъ.

А. Веселовскій.

---

*) См. Красносельцева, «Толковая служба и другія сочиненія, относящіяся къ объясненію богослуженія въ древней Руси до XIII в., Православн. Собес. 1878 г., Май стр. 11—19 (текстъ).

Груша и Дуня.

Мы привыкли видѣть въ Груша уменьшительное отъ имени Агриппина, Аграфена, въ Дуня — уменьшительное отъ имени Евдокія, Авдотья. Но кажется было время, когда взаимныя отношенія этихъ словъ были иныя.

Великорусскія уменьшительныя отъ христіанскихъ именъ образуются довольно однообразно, можно сказать: правильно. Въ однихъ случаяхъ мы образуемъ ихъ изъ ударяемаго слога имени, соединеннаго съ однимъ изъ обычныхъ уменьшительныхъ суффиксовъ. Такъ, мы имѣемъ: Маша, Маня отъ Марья, Саша, Саня отъ Александръ и Александра, Доня отъ Домна и т. п. Въ другихъ случаяхъ уменьшительныя имена образуются изъ одного или нѣсколькихъ неударяемыхъ слоговъ имени: Таня отъ Татьяна, Мотя отъ Матрена, Катя отъ Екатерина и др. Вездѣ гласный звукъ имени или вполнѣ сохраняется, или измѣняется незначительно. Только Груша и Дуня представляютъ какъ будто исключеніе.

Слово груша у насъ извѣстно какъ нарицательное. Мы не можемъ назвать древнѣйшій памятникъ русской письменности, въ которомъ это слово находится; но едва ли ошибемся, если скажемъ, что оно существовало въ русскомъ языкѣ уже въ то время, когда онъ еще не начиналъ своей исторической жизни. На это указываетъ присутствіе слова груша во всѣхъ говорахъ русскаго языка и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, признакъ глубокой древности слова на славянской почвѣ.

Слово дуня, какъ нарицательное, неизвѣстно намъ по памятникамъ русскаго языка; кажется, оно не встрѣчается въ современныхъ русскихъ говорахъ. Но позволительно думать, что старый русскій языкъ его имѣлъ, какъ имѣли или имѣютъ почти всѣ другіе славянскіе языки. Великорусское и малорусское нарѣчіе обладаютъ словомъ дуля, обозначающимъ одинъ изъ видовъ груши; болгарскій языкъ знаетъ слова дуня и дуля, сербскій — дуня, польскій gdula, чешскій — hdoule, со значеніемъ: квитовое яблоко, айва. Церковно-славянскій языкъ сохраняетъ прототипъ этого слово: гдуние, несомнѣнно заимствованный изъ греческаго языка. Наше дуня въ старомъ

русскомъ языкѣ должно было значить или то же, что въ болгарскомъ и сербскомъ, или—что̀ болѣе вѣроятно—то же, что наше дуля.

Русскіе не только въ эпоху язычества, но и послѣ принятія христіанства, почти до конца XVII вѣка, употребляли свои, не-христіанскія личныя имена. Изъ нихъ мужескія извѣстны намъ въ довольно большомъ количествѣ; женскія же дошли до насъ лишь въ самомъ ограниченномъ числѣ. Между мужескими именами мы имѣемъ такія, которыя, употребляясь какъ нарицательныя, означаютъ животныя и растенія. Старые русскіе памятники сохранили намъ Барана Филипова, Зайца Захарьина, Волка Курицына (это—одинъ изъ жидовствующихъ XV—XVI в.), Станимира Дерновича [1]), Ивана Розановича (грамота Свидригайла 1430 г.). Болгары и Сербы, у которыхъ не-христіанскія имена и до сихъ поръ еще не вытѣснены христіанскими, имѣли и имѣютъ личныя имена образованныя изъ нарицательныхъ названій растеній въ довольно большомъ количествѣ.

Между прочими, у Болгаръ есть женскія имена: Вишна, Врьба, Карамфила (гвоздика), Маслина, Неранца (померанецъ), Трендафила (роза), Тименуша (полевой цвѣтокъ [2]); Сербы употребляли женскія имена: Вишня, Дафина (лавръ), Конопля, Малина, Наранча (померанецъ), Трнина (тернъ) [3]). И тѣ и другіе владѣли или даже владѣютъ интереснымъ для насъ женскимъ именемъ: болг. Дуля, Дуня, сербск. Дуня, Гдуня.

Мы имѣемъ право предположить, что нѣкогда и у Русскихъ были въ употребленіи не-христіанскія личныя имена Груша и Дуня. Съ теченіемъ времени, благодаря звуковому тожеству ихъ окончаній съ окончаніями уменьшительныхъ именъ (Маша и Маня), ихъ стали понимать какъ уменьшительныя и соединять съ нѣсколько созвучными христіанскими именами Аграфена и Авдотья; потомъ, когда другія не-христіанскія личныя имена у насъ вышли изъ употребленія, Груша и Дуня вполнѣ слились съ Аграфена и Авдотья и получили значеніе уменьшительныхъ отъ этихъ послѣднихъ.

А. Соболевскій.

---

[1]) Данныя взяты нами изъ «Славянскаго Именослова» Морошкина.

[2]) Словарь Дювернуа.

[3]) Maretić, O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba (Rad Jugosl. Ак. кн. 81—82); Новаковичъ, Српски поменици XV—XVII в.

Декамеронъ X, 3.

Боккачьо бралъ содержаніе своихъ новеллъ отовсюду: изъ народнаго разсказа и мѣстнаго историческаго анекдота, изъ фабліо и легенды, но на все накладывалъ печать своего стиля и своего художественнаго и соціальнаго пониманія. Точно понять историческое значеніе Декамерона въ томъ и другомъ отношеніи мы будемъ въ состояніи лишь тогда, когда у насъ соберется болѣе точныхъ свѣдѣній о дѣйствительныхъ его источникахъ (если они были письменные), а не о параллеляхъ къ тому и другому разсказу, мало уясняющихъ художественные пріемы Боккачьо и то, что̀ я назвалъ бы „освѣщеніемъ“ Декамерона. Прослѣдить эту сторону дѣла гораздо важнѣе, чѣмъ указать внѣшнія измѣненія ходячихъ сказочныхъ схемъ; послѣднія могли быть случайны, но сознательный художникъ могъ прибѣгать къ нимъ и въ цѣляхъ: уяснить свое міросозерцаніе, свое пониманіе стараго сюжета. Извѣстно, какъ освѣтилъ Боккачьо, съ точки зрѣнія религіозной терпимости, древнюю талмудическую легенду о трехъ перстняхъ (Дек. I, 3), въ какомъ своеобразномъ приложеніи явился у него демонологическій разсказъ, знакомый Гелинанду и Пассаванти (Дек. V, 8). Третья новелла десятаго дня вызываетъ подобныя же соображенія. Въ странахъ Китая жилъ когда-то богатый Натанъ, не знавшій границъ своей щедрости и великодушію. На большой дорогѣ онъ велѣлъ построить роскошный дворецъ, гдѣ находили пріютъ всѣ путешествовавшіе съ запада на востокъ и обратно. Слава Натана не даетъ покоя юношѣ Митридану, жившему въ сосѣдней странѣ; онъ хочетъ переять, затмить эту славу: также строитъ дворецъ и щедро одѣляетъ проходящихъ. Однажды, когда онъ сидѣлъ одинъ на дворѣ, какая-то женщина, войдя въ однѣ ворота, попросила у него милостыню, которую и получила; вернувшись вторыми воротами, снова получила ее, и такъ до двѣнадцати разъ. На тринадцатый Мидриданъ говоритъ ей: Милая, очень уже ты настойчива съ своими просьбами; тѣмъ не менѣе онъ опять подалъ ей. Старушка, услышавъ это, сказала: О щедрость Натана, сколь ты удивительна! Я вошла тридцатью двумя воротами, ведущими въ его дворецъ, какъ и въ твой, и попросила милостыни, и никогда онъ не показалъ, что узналъ меня, и всегда я ее

получала; а здѣсь, явившись лишь въ тринадцатый разъ, я была узнана и осмѣяна.—Такъ сказавъ, она ушла и болѣе не возвращалась.

Митриданъ пристыженъ щедростью Натана; не вынося его славы, которая перечила его собственной, онъ рѣшается убить его; великодушный Натанъ, не узнанный имъ, самъ даетъ ему совѣтъ, какъ это сдѣлать—и пораженный Митриданъ становится его другомъ.

Новелла Боккаччьо разсказана на тему о щедрости и великодушіи; для эпизода о милостынѣ, спрошенной неоднократно, я укажу на одно изъ благотвореній Іоанна Милостиваго и на соотвѣтствующую легенду объ Іоаннѣ Калитѣ (Разысканія, вып. IV, стр. 132, прим. 2 и Приложеніе стр. 104). О первомъ разсказывается: какой-то богатый иностранецъ захотѣлъ испытать доброту архіепископа, и когда Іоаннъ собирался посѣтить больницу, подошелъ одѣтый въ рубище, и попросилъ милостыни. Ему подали шесть золотыхъ. Черезъ три дня онъ явился въ другой одеждѣ и снова проситъ; Іоаннъ снова велѣлъ дать ему столько-же; когда нищій удалился, казначей шепнулъ архіепископу, что тотъ человѣкъ уже во второй разъ получилъ милостыню; а Іоаннъ—какъ будто не слышитъ; когда въ третій разъ подошелъ тотъ же нищій, архіепископъ, не смотря на новое предупрежденіе, сказалъ казначею: подай ему двѣнадцать золотыхъ, дабы онъ не былъ мнѣ Христомъ и не ввелъ меня въ искушеніе.—Въ легендѣ объ Іоаннѣ Калитѣ нищій два разъ подъ рядъ получилъ отъ него милостыню, въ третій онъ узнанъ, и Іоаннъ подалъ ему со словами: Возьми, несытыя зѣницы.—Самъ ты несытыя зѣницы, отвѣчаетъ нищій, здѣсь царствуешь, и на томъ свѣтѣ хочешь царствовать. Онъ посланъ былъ отъ Бога искусить Іоанна.

Въ легендѣ господствующіе мотивы: милостыня и искушенія ею; въ новеллѣ—щедрость и великодушіе; искушенія нѣтъ, но многократное явленіе старухи у Натана и Митридана указываетъ какъ-бы на идею испытанія. Таковая могла существовать въ источникѣ Боккаччьо, вѣроятно восточномъ: на это указываютъ имена дѣйствующихъ лицъ и мѣсто дѣйствія: Cattaio; предположеніе Кёртинга, что разумѣется Каттаро, лишено всякаго основанія.

А. Веселовскій.

Къ исторіи народныхъ праздниковъ въ Великой Руси.

В. Каптеревъ въ приложеніи къ своему труду: „Патріархъ Никонъ и его противники", вып. I, М. 1887, издалъ, между-прочимъ, очень любопытную челобитную царю Алексѣю Михайловичу 1651 года. Составителю, старцу Григорію иконописцу, Бѣлоруссу по происхожденію (объ этомъ свидѣтельствуетъ языкъ его челобитной: пастыр*а*, пастыр*у*, *у* Вяземскомъ уѣздѣ, на *инчиомъ*, со *у*довою, вс*и*хъ и т. п.),—случилось жить въ г. Вязьмѣ и присмотрѣться къ соблазнительному поведенію вяземскаго духовенства и мірскимъ игрищамъ свѣтскихъ людей, чтò заставило его выступить въ роли обличителя. Вотъ что онъ пишетъ объ игрищахъ:

„... Тако же и игрища разныя и мерзкія бываютъ въ началѣ отъ Рождества Христова и до Богоявленія, всенощныя, на коихъ святыхъ нарицаютъ и монастыри дѣлаютъ, и архимарита и келаря и старцевъ нарицаютъ; тамъ же и женокъ и дѣвокъ много ходятъ, и тамо дѣвицы дѣвство діаволу отдаютъ.

Другое игрище о Троичномъ дни: за городъ на курганя ходятъ и неподобная творятъ.

Третіе игрище отъ Петрова дни до Ильина дни: на реляхъ [1]) вѣшаются и на крутящихъ крутятся; и многихъ діаволъ беретъ, и [2]) деньги тыхъ благословляютъ при церкви погребати.

„Тако же о рождествѣ Іоанна Предтечи всю нощь бѣсятся, бочки дехтярныя зажигаютъ и зъ горъ катаютъ, и вѣники зажегши скачутъ [3]).

Тако жь вѣдуновъ много, и свадьбы безъ нихъ не могутъ отправити, и одинъ другаго портятъ".

А. Соболевскій.

---

[1]) На качеляхъ.

[2]) Вѣроятно, дальше пропущено: попы за—.

[3]) Рѣчь идетъ о Купальномъ праздникѣ, который въ Вязьмѣ справлялся по видимому нѣсколько сходно съ тѣмъ, какъ онъ справляется до сихъ поръ кое-гдѣ въ Бѣлоруссіи. Замѣчательно, что названіе Купало въ челобитной, какъ и въ другихъ великорусскихъ описаніяхъ не упоминается.

ОТДѢЛЪ II.

Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника.

Въ текущемъ году въ Императорскую Публичную Библіотеку поступилъ небольшой рукописный сборникъ (въ восьмушку, такъ-называемаго альбомнаго формата), заключающій въ себѣ большею частью канты духовнаго содержанія и, сверхъ того, три былины, здѣсь издаваемыя. Сборникъ писанъ весь однимъ почеркомъ (кромѣ послѣдняго листка, гдѣ письмо новѣйшее), и тѣмъ же почеркомъ сдѣлана на первомъ листѣ его помѣта 1803 года; рукопись получена изъ Вологодской губерніи. Изъ былинъ первая и третья написаны съ раздѣленіемъ на стихи, а вторая сплошь какъ проза; при печатаніи сдѣлана попытка разбить на стихи и эту былину. Правописаніе сборника вообще довольно грамотное, по старинному; но мы не сочли нужнымъ соблюдать его въ точности и замѣнили современнымъ, но удержали любопытныя фонетическія особенности рукописнаго текста, какъ напримѣръ: косечато = косящато, сидили = сидѣли, дровечъ = дровецъ, уподчивала = употчивала и т. п.

По содержанію наиболѣе любопытна первая былина — объ Ильѣ съ Добрыней на Соколѣ-кораблѣ; близко сходныхъ съ нею до сихъ поръ не встрѣчалось, и только отчасти напоминаютъ ее пересказы, помѣщенные въ сборникѣ Кирѣевскаго, вып. I, стр. 22—23, и вып. III, стр. 40—41. Вторая былина — о Добрынѣ и Маринѣ — извѣстна во многихъ пересказахъ, начиная со сборника Кирши Данилова, и притомъ въ болѣе полномъ видѣ; всего ближе къ нашему тексту пересказъ, напечатанный въ сборникѣ Кирѣевскаго, вып. II, стр. 43—44, гдѣ, также, какъ и въ издаваемомъ текстѣ, недостаетъ развязки разсказываемаго происшествія. Наконецъ, третья былина — о смерти князя Михаила Скопина — также извѣстна по нѣсколькимъ пересказамъ; изъ числа ихъ довольно близокъ къ нашему тексту пересказъ, находящійся въ 3-ей части Новиковскаго Пѣсенника и перепечатанный въ сборникѣ Кирѣевскаго, вып. VII, стр. 107—109. Здѣсь кстати будетъ напомнить что въ сочиненіи Ильи Геркмана, голландскаго стихотворца, пріѣзжавшаго въ Россію при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и оставившаго описаніе событій Смутнаго времени со словъ очевидцевъ, есть извѣстіе, что въ то время въ русскомъ народѣ пѣлись пѣсни въ честь князя М. В. Скопина-Шуйскаго, и что въ нихъ разсказывалось о смерти его отъ отравы [1]).

Л. Майковъ.

---

[1]) Сказанія Массы и Геркмана о Смутномъ времени въ Россіи. Изданіе Археографической Коммиссіи подъ редакціей *Е. Е. Замысловскаго*. С.-Пб. 1875, стр. 315. Подробнѣе объ этомъ и объ отношеніи былинъ о М. Скопинѣ къ встрѣчающейся въ хронографахъ статьѣ «О рожденіи князя Михаила Васильевича» см. въ статьѣ нашей «О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ пѣсенъ и былинъ», въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1880 г., ноябрь.

I. Илья Муромецъ съ Добрыней на Соколѣ-кораблѣ.

По морю, морю синему,
По синему, по Хвалунскому,
Ходилъ-гулялъ Соколъ-корабль.
Немного немало, двѣнадцать лѣтъ,
На якоряхъ Соколъ-корабль не стаивалъ,
Ко крутымъ берегамъ не приваливалъ,
Желтыхъ песковъ не хватывалъ.
Хорошо Соколъ-корабль изукрашенъ былъ:
Носъ, корма — по звѣриному,
А бока зведены по змѣиному.
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ
Еще вмѣсто очей было вставлено
Два камни два яхонта;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ.
Еще вмѣсто бровей было повѣшено
Два соболя два борзые;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ
Еще вмѣсто очей было повѣшено
Двѣ куницы мамурскія;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ
Еще три церкви соборныя;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ
Еще три монастыря три почестные;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ
Три торговища нѣмецкія;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ
Три люди незнаемые,
Незнаемые, незнакомые:
Промежду собою языка не вѣдали.
Хозяинъ-отъ былъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановъ,
Его вѣрный слуга — Добрынюшка,
Добрынюшка, Никитинъ сынъ,
Пятьсотъ гребцовъ, удалыхъ молодцовъ.
Какъ издалече—далече, изъ чиста поля
Зазрилъ, засмотрѣлъ Турецкой панъ,
Турецкой панъ, большой Салтанъ,
Большой Салтанъ Салтановичъ.
Онъ самъ говоритъ таково слово:
«Ахъ, вы, гой еси, ребята, добры молодцы,
Добры молодцы, донскіе казаки!
Что у васъ на синемъ морѣ дѣется,
Что чернѣется, что бѣлѣется?
Чернѣется Соколъ-корабль,
Бѣлѣются тонки парусы.
Вы бѣжите-ко, ребята, ко синю морю,
Вы садитесь, ребята, во легки струги,
Нагребайте поскорѣе на Соколъ-корабль,
Илью Муромца въ полонъ бери,
Добрынюшку подъ мечъ клони!»
Таки слова заслышалъ Илья Муромецъ.
Тако слово Добрынѣ выговаривалъ:
«Ты, Добрынюшка Никитинъ сынъ,
Скоро - борзо походи во Соколъ-корабль,
Скоро - борзо выноси мой тугой лукъ,
Мой тугой лукъ въ двѣнадцать пудъ,
Калену стрѣлу въ косу сажень!»
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Свой тугой лукъ натягиваетъ,
Калену стрѣлу накладываетъ,
Ко стрѣлочкѣ приговариваетъ:
«Полети, моя каленая стрѣла,
Выше лѣсу, выше лѣсу по поднебесью,
Не пади, моя каленая стрѣла,
Не на воду, не на землю,
А пади, моя каленая стрѣла,
Въ турецкой градъ, въ зеленъ садъ,
Въ зеленой садъ, во бѣлъ шатеръ,
Во бѣлъ шатеръ, за золотъ столъ,
За золотъ столъ, на ременчатъ стулъ,
Самому Салтану въ бѣлу грудь,
Распори ему турецкую грудь,
Ращиби ему ретиво сердце!»
Ахъ, тутъ Салтанъ покаялся:
«Не подай, Боже, водиться съ Ильей Муромцемъ
Не дѣтямъ нашимъ, не внучатамъ,
Не внучатамъ, не правнучатамъ,
Не правнучатамъ, не пращурятамъ!»

II. Добрыня и Марина.

Жилъ Микитушка, не старился, —
При старости померъ.
Осталось у Микитушки
Спорожоное дитя Добрыня.
Кнъ, Добрынюшка, матушки спрашивалъ:
«Отпусти меня, матушка,
Въ Новы городы гулять!»

Походитъ Добрыня со двора здолой,
Беретъ Добрыня калену стрѣлу,

Натягиваетъ Добрыня калену стрѣлу, —
Походитъ Добрыня со двора вѣдь здолой.
Есть въ томъ городѣ Маринушка,
Прекрасная Маринка безбожница,
Злая еретица халтурная.
Кругъ ея двора стѣна каменная,
На каменной стѣнѣ два голубя сидятъ,
Два сизые сидятъ, златымъ крыльемъ оплетаются.
Захотѣлося Добрынѣ два голубя устрѣлить,
Два сизыхъ устрѣлить.
Права ножка покатилась
Лѣва ручка подрожала:
Устрѣлилъ Добрыня во Маринино окно,
Устрѣлилъ прекраснаго Змѣевича.
Кинулась Маринушка во косечато окно:
«Кто здѣсь въ городѣ невѣжа есть: устрѣлилъ мила дружка?»
У Добрыни сердечко неуимчивое:
Походитъ ко Маринину двору,
Беретъ за булатную скобу,
Отворетъ дубовныя двери,
Садится возлѣ Маринушки.
День съ утра сидили, не говаривали.
У Добрыни сердечко неуимчивое:
Обуватъ сапожки зеленъ сафьянъ,
Походитъ Добрыня со двора здолой.
Кинулась Марина за Добрынюшкой,
Поколола дровечъ мелкошечко,
Затопляла палаты жарчешенько,
Слѣды сбирала, въ палату бросала.

III. Князь Михайло Скопинъ.

Прикажи, сударь-хозяинъ, Скопина просказать,
Скопина князя Михайла Васильевича!
Снаряжается Скопинъ въ каменну Москву,
Въ каменну Москву, да и во Шведскую,
Во Шведскую да во Нѣмецкую.
Ему матушка наказывала,
Молода жена наговаривала:
«Не ѣзди, Скопинъ, въ каменну Москву,
Не водись со князьями, боярами,
Со всею поленицею удалою,
Со Малютвой дочерью Курлатовой,
Съ Курлатовой Щербатовой,
Князя Дмитрія Петровича Шустовой женой».
Скопинъ своей матушки не слушаетъ;
Онъ самъ выходитъ на красно крыльцо,
Онъ самъ говорилъ таково слово:
«Есть ли у меня млады конюги,
Млады конюги, съ подконюшниками?
Походите на конюшну бѣлодубовую
По любимого по бахманца,
Сѣдлайте въ сѣдло черкайское,
Уздайте уздою тесмянною,
Подтягивайте подпругами шелковыми
Бѣлаго шелку шамахайскаго,
Застегивайте пряжками булатными
Не для-ради басы, ради крѣпости,
Ради крѣпости богатырскія!»
Сходилъ Скопинъ со краснаго крыльца
Со того крыльца княжескаго,
Садился Скопинъ на добраго коня
На любимаго на бахманца,
Поѣхалъ Скопинъ съ широкаго двора,
Онъ плеткой помахивалъ,
Золотой уздой побрякивалъ.
Пріѣхалъ Скопинъ въ каменну Москву
На ту площадь Красную
Къ тому собору Успенскому;
Скумился съ кумой крестовою
Малютвою дочерью Курлатовой
Съ Курлатовой Щербатовой,
Князя Дмитрія Петровича Шустовой женой.
У князя у Владимира
Былъ веселъ пиръ на радости.
Ахъ, бѣлой день ко вечеру,
Ахъ, солнышко катится ко западу.
До полусыта бояра наѣдалися,
До полупьяна напивалися,
Между собой расхвасталися.
Первой-етъ бояринъ хвалится,
Онъ хвалится, похваляется:
«У меня много золотой казны».
Второй бояринъ хвалится,
Онъ хвалится, похваляется:
«У меня много скатнаго жемчюга».
Еще бояринъ хвалится,
Онъ хвалится, похваляется:
«У меня много добрыхъ коней».
Помолчавши, Скопинъ слово выговорилъ:

«Еще, пищики, бояра, послушайте:
А кто де Москву пріочистилъ всю,
Кто подѣлалъ улочки широкія,
Переулочки чистыя?»
За бѣду боярамъ слово показалося,
За досаду кумѣ объявилося,
Сама говорила таково слово:
«Позабыла я, кума, поподшивати,
Поподшивати, почествовати».
Еще говорила таково слово:
«Гдѣ вы, слуги мои вѣрные?
Скоро-борзо походите во питейной кабакъ,
Вынимайте мой золотой кабанъ,
Невеликъ немалъ, въ полтора ведра вина;
Влейте ведро зеленаго вина
Да полуведро зѣлья лютаго,
Поднестите бакалъ Скопину князю!»
Въ середи чары огонь горѣлъ,
По краямъ чары ключи кипятъ.
Принимаетъ Скопинъ единой рукой,
Выпиваетъ Скопинъ на единой духъ:
Какъ тутъ ясныя очи замутилися,
Бѣлыя ручки опустилися,
Рѣзвыя ножки подломилися,
Загорѣлося ретивое сердце, —
Садился Скопинъ на добраго коня
Не по старому, не по прежнему.
Какъ издалече-далече, изъ чистаго поля
Завидѣла его матушка,
Сама говорила таково слово:
«Не кума ли тя, дитятко, уподшивала,
Не крестовая ли тя, дитятко, учествовала?»
Черезъ три часа Скопинъ представился.
Мыли его тѣло бѣлое
Тремя водами ключевыми;
Пеленали его тѣло бѣлое
Во ту фату мелкотравчату;
Клали его тѣло бѣлое
Во ту колоду бѣлодубову;
Выносили его тѣло бѣлое
Ко свѣту Михаилу Архангелу
Во ту церковь соборную;
Хоронили его тѣло бѣлое
Со всѣми попами, со дьяконами,
Со всѣми протопопы и архимандритами.

Пѣсни

крестьянъ села Молодова, Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда.

1.

Ой, волы-жъ мoi да половые (1),
Чому-жъ вы нэ орэтэ? (2)
Ой, літа-жъ мoi молодэнькie,
Якъ же вы марнэ идэтэ.
Ой, мы-бъ горалы, мы-бъ нэ стоялы,
Нікому поганяты;
Ой, пошлы літа да на край світа,
Нікому доганяты.
Запрагай, хлопче, запрагай, малый,
Коныки вороные.
Доганяй, хлопче, доганяй хучій
Літонька молодые.
Ой, коны-жъ мoi да вороныи,
Да зелизные пута;
Ой, кобъ же нэ ты, сэрдце дивчино,
Той нэ бувъ бы я тута.
Ой, зойды, зойды, ясный місяцу,
Якъ млыновэе коло.
Ой, выйды, выйды, сэрдце дивчино,
Промовъ до мэнэ слово.
Ой, рада-бъ выйти, ой рада-бъ выйти,
Съ тобою говорыты;
Людэ сумують, людэ говорать,
Щобъ тэбэ нэ любыты.
Нэхай сумують, нэхай говорать,
Наговоратся лыха;
А мы съ тобою, сэрдце дивчино,
Поговоримо съ-тыха.
Ой, глыбокіи да колодязы,—
Кобъ же мні нэ упасты;
Ой, полюбыла да пройды світа,
Кобъ же мні нэ пропасты.
Ой, глыбокіи да колодязы,
Да зелизные ключи;
Ой, полюбила да пройды світа,
Рано по воду идучи.
Дрібна пташечка нэвэлычэнька
По ракитнычку скаче;
Дурна дивчина безрозумная
По казаченьку плаче.
Ой, щобъ такъ тобі, якъ тэпэра мні,
Якъ я бідная плачу.
Сплакала очі тэмнэі ночи,
Що и світа нэ бачу.
Нэ плачь, дивчина, нэ плачь, молода,
Нэ труды головоньки.
Найдутся людэ,—лишь тобі будэ,—
Съ чужеі сторононьки.

2.

Шумыть, гудѐ у хмàрочцы (4),
Чи на дôщикъ, чи на вітроньки.
Загнівавса мый мылэнькій
Чи на мэнѐ, чи на дитоньки.
Якъ на мэнэ молодýю,
Трѐба ёгò пэрэпросыты;
Якъ на дитоньки малѐньки,
То трѐба ёго посварыты (5).
Ой, пойдý я у чистэ пôлэ,
У чистумъ поли полыни мныго;
Ой, прийдý я до дôмоньку,—
У мэнэ дôма ворогыў мныго.
Ворожитэ, ворòженьки,
Да на свое безголòвьечко;
А я бýду пыты и їсты,
Да на своѐ на здорòвьечко.
Сюды луги и туды луги,—
Да нидэ воды напытыса;
Ой, у мэнѐ рòду мныго,—
Да до нікого прыхилытыся.
Прыхилюса до яворка,
Да мні яворко нэ батэнько;
Прыхилюса до бэрѝзоньки,
Мні бэрѝзка нэ мàтэнка.

Зъ вітромъ шумы̀тъ и говòритъ,
А до мэнѐ словця̀ нэ мòвыть.
Прыхилюса до дубòчка,
Мні дубòчокъ нэ братòчокъ,—
Зъ вітромъ шумыть и говòрить.
А до мэнѐ словця̀ нэ мòвыть.
Ой, у бору̀ вòду бэру̀;
Вітеръ вòду розмываѐ.
Молода̀я молоды̀ца
Свою̀ дòлю проклинаѐ.
Ой, не выдна *) моя дòля,—
Вы̀дна моя ма̀ты:—
За когò я нэ хотіла,
Булò мэнѐ нэ дава̀ты.
Ой, я-жъ тэбѐ нэ дава̀ла,
Я н-но тебэ заручѝла;
Якъ сы̀вую голу̀боньку,
На ру̀ченькахъ заму̀чила.

3.

Ой, заржи̂, заржи, сывый кòныку,
Ра̀но на па̀шу (6) иду̀чи:
Чи нэ зачу̀е сэрдце ді̀вчина
Ра̀но по вòду иду̀чи.
Ой, якъ зачу̀ла, тя̀жко зотхну̀ла.
Сылнэнько запла̀кала:
«Чи того хлòпця
Сывый кòныкъ ржѐ,
Що я вірнэ коха̀ла?
Ой, чомъ не пришòвъ,
Чомъ не пріи̂хавъ.
Якъ я тобі каза̀ла:
Чи коня̀ нэ ма̀въ,
Дорòжки нэ зна̀въ,
Чи ма̀ты нэ пуска̀ла?»
— Я-жъ коныка ма̀ў,
Дорòженьку зна̀ў,
Мэнѐ ма̀ты пуска̀ла,—
Ста̀ршая сэстра̀,—
Бода̀й нэ зросла̀,—
Сэдэлцѐ захова̀ла:
«Ой, нэ ідь, браткò,
До тэ̀і дівки,
Що ты вірнэ коха̀ешь;
Нэ уміе ши̂ты, нэ вышива̀ты,
Онò кòсу чеса̀ты».
—Ой, рòсты-жъ, коса̀,
Ны̀жей пòяса,
Ещѐ бу̀ду чеса̀ты,
Чи нэ переста̀нуть
Злы̀е ворогѝ
Коло мѐнэ бреха̀ты.

4.

Ой, ты калыно, малыно,
Ты нэ стый надъ водою, bis.
Не махай голынòю (7).
Ты козаче молодэ̀нькій,
Не ровняйса зо мною.
Було тогди ровняться,
Якъ я у ба̀тэнька росла,—
Якъ той садъ на погòди,
Якъ вы̀шенька въ огорòди,
А я̀блычко у садòчку,
А пчілочка у мэдòчку.
Оддала маты дочку
На чужу̀ сторонòчку
Да за сы̀нее мòре,
На велы̀кее гòре.
А зовы̀ци (8) доганяють (9)
«У тебэ рòду нэ мае, bis.
У гостыни нэ бувае».
У нэділю ранэ̀нько
Выйду я молода̀я. bis.
На высòкую гòру,
Ста̀ну я подывлюса (10),
Да на сы̀нее мòре.
Сынэ море лэліе,—
Тамъ мій бра̀тейко ідэ:
«Ой, прошу̀, сэстрò, въ гòсты
На одынъ вэчорòчокъ, bis.
На солòдкій мэдòчокъ.
На зелѐнэе вы̀но,
Усімъ людямъ на ды̀во».
Всі людэ дыву̀ются,—(11)
Братъ съ сэстрòю частуются (12)
Мэдòмъ солодэнькимъ.
Вінòмъ зелененькимъ.

---

*) выдна—виновна.

5.

Сусидочки вы моі,
Приходитэ до мэнэ,
Гей! Приходитэ до мэнэ,
Посэдитэ у мене.
То я-жъ бо вамъ розскажу
Свою гіркую бэду;—(13)
Гей! Свою гіркую бэду,—
Свекровочку сварлыву (14).
Свекроў, шельма, сварлыва,
До роботы журлыва: (15)
Гей! Не пускае мэнэ молодую
Да на улыцю гулять.
Нэ пускае менэ молодую
Да на улыцю гулять,—
Гей! Заставляе мэнчого сына
У оконца пыльновать (16).
На улыци широкуй
Два козаченьки стоять;
Гей! Два козаченьки стоять,
Гарны рѣчи (17) говорать.
Забуласа попытать,
Що свекровцы отказать...
Гей! И скажу я сякъ и такъ,
Скажу слоўце *), абы якъ.

6.

Ой, одъ млына да-й до млына
Бытая **) дорога.
Тамъ, дэ пошла, поіхала
Моя тыхая мова (27).
Нэдалеко-жъ вінъ поіхавъ,
Онό за лѣсочокъ;—
Прислухайся, чорнявая ***),
Гдэ мій голосочокъ.
Щобъ я була зозулькою (28),
Рабы (29) крыльца міла,
Тобѣ я тую краіноньку
За дэнь облэтіла.
То я-бъ свого мылэнького
По шапци познала:
У ёго шапка ковпакова ****),
Хусточка (30) шовкόва,
Самъ хорошій і дородный,
У ёго тыхая мова.

7.

«Добрый вэчоръ Гáнночка,
Ганночка моя!
А чи въ дόма мáтэнка,
Матэнка твоя?»
— Дома, дома матэнка,
Бáтэнько въ саду,
Я-жъ, молодà Гáнночка, } bis.
По сѝняхъ (19) хожу, }
Свою рýсу кόсыньку
Гребэнцéмъ чешу».
Ой, чесала косыньку
Чáстымъ гребэнцèмъ,
Простояла нычэньку
Съ красныиъ молойцèмъ.
Плыла, плыла ýтонька
Крутымъ бэрожкòмъ,
Мандровàла *****) Ганночка
Изъ своимъ дружкомъ.

8

Ой, не шумитэ, Молодовскіи луги ******),
Нэ задавáйтэ мойму сэрдэньку тýги (20).
Пойду я пойдý, куды вікъ нэ ходыла;—
Зустрінy (21) того, кого вірнэ любыла.
Пойду я, пойду да подъ гай зеленэнькій,—
Зустрінэ менэ козакъ молодэнькій.
Вінъ стáнэ менэ дорόги пытáты.
А а молодà нэ смію одказáты.
Сказáла-бъ ему: «подъ гай зеленэнькій»,—
Ой, да жаль-же мні: що козакъ молодэнькій.

---

*) Слоуце по мѣстному произношенію—словцό=слово.
**) Бытая—торная.
***) Чорнявый—брюнетъ.
****) Ковпакова—конусообразная.
*****) Мандровала—сбѣжала.
******) «Молодовскіе луги» замѣняютъ словами: «вы, зеленые луга».

Сказала-бъ ёму: «подъ калыновы мо̀сты»,
Ой, да жаль-же мні: що до батэнька въ го̀сты.
Сказала-бъ ему: изъ моста да въ воду,
Ой, да жаль-же мні: що козацького ро̀ду.
—Нідэ ты, дэвча̀, не у ма̀тэнки росла,
Що нэ відаешь, куды̀ доро̀га по̀шла.
«Ой, мэнэ ма̀ты нэ на тэе учи̇ла,
Щобъ я козакївъ по доро̀гахъ воды̇ла».

Объясненіе нѣкоторыхъ не понятныхъ словъ.

1. Половые волы—сѣрые волы.
2. Гораты—пахать.
3. Марно—безполезно.
4. Хмара—туча.
5. Посварыты—побранить.
6. Паша—пастбище.
7. Голына—вѣтка.
8. Зовыца—золовка.
9. Доганяты—упрекать.
10. Подывлюса—посмотрю.
11. Дывуются—удивляются.
12. Частоватысь—угощаться.
13. Гіркая бэда—горькая бѣда.
14. Сварлыва—бранчива.
15. Журлыва—хлопотлива.
16. Пыльноваты—стеречь.
17. Гарныя рѣчи—интересныя рѣчи.
18. Отруиты—отравить.
19. Сины—сѣни.
20. Туга—печаль.
21. Зустрину—встрѣчу.

Записала *М. А. Саковичъ*, членъ-сотрудница Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

(*Окончаніе будетъ*).

Катру́шницкій ле́мезень.

(Условный языкъ шерстобитовъ м. Дрибина).

Занимаясь много лѣтъ этнографическими изслѣдованіями въ Могилевской губерніи, пишущій эти строки неоднократно слыхалъ о существованіи особаго условнаго языка у шерстобитовъ м. Дрибина; но, изслѣдуя уѣзды, болѣе или менѣе отдаленные отъ Дрибина, онъ до сего времени не имѣлъ возможности провѣрить основательность этихъ слуховъ, и только въ текущемъ 1889 году ему удалось посѣтить это мѣстечко во время поѣздки, совершенной по порученію и на средства И. Р. Г. О.

Результатъ этого посѣщенія предлагается здѣсь, вкратцѣ, вниманію Общества.

Мѣстечко Дрибинъ находится въ Чаусскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи. Оно расположено на берегу рѣчки Прони, праваго притока Сожа, на пустынной песчаной равнинѣ. Въ мѣстечкѣ насчитывается 219 домовъ, въ томъ числѣ 108 еврейскихъ, 1 церковь, 2 синагоги, 2 мельницы; здѣсь же находится народное училище, волостное правленіе, становая квартира.

Число жителей мѣстечка доходитъ до 1,100 д. обоего пола; изъ нихъ христіанъ 600 д. и евреевъ 500 д.

Христіане, за исключеніемъ нѣсколькихъ чиновниковъ и церковнаго причта, принадлежатъ къ крестьянскому сословію, составляя изъ себя одно изъ сельскихъ обществъ дрибинской волости.

Рѣчка Проня, протекающая вообще въ весьма низкихъ берегахъ, широко разливается весною (въ Дрибинѣ около 3 верстъ) и, выходя изъ русла, ежегодно заноситъ близъ лежащія равнины пескомъ. Благодаря этимъ заносамъ, двѣ смѣны крестьянскихъ полей представляютъ въ настоящее время сплошную песчаную равнину, почти лишенную растительности.

Абсолютная бѣдность почвы была также причиною тому, что въ 1861 году, при вводѣ въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, многіе дрибинскіе крестьяне совершенно отказались отъ надѣловъ.

Надо полагать, что именно эти обстоятельства были причиною отвлеченія крестьянскаго труда отъ земли и направленія его къ занятіямъ ремеслами.

Но отсутствіе лѣса вблизи препятствовало здѣсь развитію промысловъ лѣсныхъ и ремеслъ, имѣющихъ къ нимъ отношеніе; а невозможность произрастанія техническихъ растеній не дозволяла заниматься разведеніемъ льна, пеньки и т. п., и ремеслами, соединенными съ этимъ разведеніемъ. По свойству земли, наконецъ, крестьянину нельзя было заняться и гончарнымъ промысломъ. Такимъ образомъ, сама природа, такъ сказать, натолкнула его на шаповальство (валяніе войлочныхъ шапокъ).

Извѣстно, что до самаго послѣдняго времени у великорусскихъ крестьянъ, а у бѣлорусскихъ и до настоящаго времени, особенною любовью пользуются войлочныя шапки, по-бѣлорусски—магéрки, маргéлки. Не смотря на сильное вліяніе города, онѣ, благодаря своей легкости, прочности, дешевизнѣ и пригодности для всѣхъ временъ года, все еще находятся во всеобщемъ употребленіи по всѣмъ уѣздамъ, незначительно мѣняясь въ формѣ и цвѣтѣ.

Эта-то привязанность Бѣлоруса къ старинѣ, такъ сказать, косность его и поддерживаетъ, главнымъ образомъ, шаповальскій промыселъ.

О времени возникновенія промысла достовѣрныхъ данныхъ не имѣется. Въ «Опытѣ описанія Могилевской губерніи» Дембовецкаго г. Симановскій говоритъ, что промыселъ этотъ возникъ не ранѣе тридцатыхъ годовъ по иниціативѣ мѣстнаго помѣщика, пославшаго, будто бы, нѣсколько человѣкъ своихъ крестьянъ въ Нижегородскую губернію для обученія. По нашимъ же свѣдѣніямъ, основаннымъ на сообщеніи дрибинскихъ старожиловъ, шаповальство составляло предметъ занятій дрибинцевъ изстари.

Въ настоящее время промыселъ существуетъ почти исключительно въ отхожемъ видѣ, вытѣснивъ производство кустарное, несомнѣнно существовавшее до 1861 года. Мы, напр., посѣтивши Дрибинъ въ іюлѣ, не могли пріобрѣсть коллекціи магерокъ.

Рабочій сезонъ бываетъ преимущественно осенью и зимою. Какъ только крестьяне покончатъ полевыя работы и приступятъ къ стрижкѣ овецъ,—что̀ въ данной мѣстности бываетъ въ концѣ августа и въ сентябрѣ—такъ дрибинскіе шаповалы собираются партіями въ 8—10 человѣкъ и около Покрова-дня уходятъ изъ дому въ намѣченный заранѣе уѣздъ, неся съ собою и свои несложные инструменты: брынду и рѣшотку на плечахъ, болва́нки, пла́тики, крючекъ, колесо, щетки — въ торбѣ. Дойдя до извѣстнаго пункта, партія разбивается на пары и расходится по различнымъ волостямъ, распредѣленнымъ заблаговременно по полюбовному соглашенію.

Такъ какъ кромѣ шапокъ шаповалы валятъ еще хомутные войлоки — лямцы, валенки и т. п., то работа для нихъ находится почти въ каждой деревнѣ. Дѣло обыкновенно устраивается такъ, что владѣлецъ шерсти, заказчикъ, даетъ шаповаламъ у себя столъ и помѣщеніе, то есть, имъ представляется работать и имѣть ночлегъ въ избѣ и ѣсть ту же пищу,—весьма скромную,— которую ѣдятъ хозяева. Водка къ столу не подается. Размѣръ платы, которую шаповалы берутъ за свою работу, по нашимъ наблюденіямъ, одинаковъ почти во всѣхъ уѣздахъ, а именно: за работу магерки однорядной берется 5—7 коп., двурядной—10 коп., хомутнаго войлока 15—20 коп., валенокъ 30—40 коп.

Проблродивъ мѣсяца два съ половиною по губерніямъ Могилевской, Минской, Черниговской, Смоленской и Орловской, шаповалы зарабатываютъ, при худыхъ условіяхъ, 40 р., при хорошихъ—60 р., на двоихъ рабочихъ, и къ Колядамъ возвращаются домой. Этотъ первый періодъ работы считается самымъ главнымъ и самымъ прибыльнымъ. Если онъ по какимъ-нибудь причинамъ далъ мало заработковъ, то шаповалы отправляются на промыселъ второй разъ, предъ масляничнымъ заговѣньемъ, и возвращаются къ Пасхѣ. Зарабатывается за это время 30—40 р. на двоихъ. Въ третій разъ уходятъ на работу за недѣлю до Петрова поста, т.-е. около Троицына дня, и возвращаются къ Петрову дню. Количество заработковъ въ этотъ періодъ зависитъ отъ продолжительности петровскаго поста, но не превышаетъ во всякомъ случаѣ 30 р., такъ какъ въ это время шаповалы захватываютъ небольшой районъ. Впрочемъ большинство шаповаловъ предъ Пасхою не ходятъ на работу, ограничиваясь двумя отлучками—зимней и лѣтнею.

Такимъ образомъ, при хорошихъ условіяхъ, двое рабочихъ могутъ въ теченіи года заработать около 130 рублей, считая въ году пять рабочихъ мѣсяцевъ, и около 90 руб. за три мѣсяца, при готовыхъ харчахъ.

Нельзя сказать, чтобы трудъ, признаваемый тяжелымъ даже крестьянами и сопряженный съ бродячимъ образомъ жизни, оплачивался хорошо...

По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, которымъ не можемъ не довѣрять, почти всѣ шаповалы въ рабочее время ведутъ жизнь трезвую и, что̀ особенно важно, отличаются честностію. Намъ нигдѣ не случалось слышать жалобы на то, чтобы шаповалъ, работая въ деревнѣ, позволилъ себѣ взять что-либо чужое. Бѣлорусскій мужичекъ объясняетъ эту честность стремленіемъ шаповаловъ пріобрѣсть хорошую репутацію въ глазахъ заказчиковъ, при которой, по условіямъ работы, только и можно надѣяться на полученіе заказовъ. Если это объясненіе близко къ истинѣ, тогда легко допустить существованіе въ средѣ шаповаловъ особаго, неписаннаго, конечно, кодекса, регламентирующаго поведеніе и взаимныя отношенія ремесленниковъ. Очень

можетъ быть даже, что въ ихъ средѣ существуютъ особые «старосты», обязанные наблюдать за точнымъ исполненіемъ правилъ всѣми членами цеха, какъ это практикуется, напримѣръ, въ средѣ нищихъ. Лично мы впрочемъ склоняемся къ тому убѣжденію, что крайняя бѣдность въ домѣ и тяжелая трудовая жизнь въ походахъ наложили свою печать на шаповаловъ и сдѣлали ихъ болѣе или менѣе бережливыми и честными.

Странно нѣсколько, что при такихъ качествахъ шаповаловъ имъ понадобился особый условный языкъ. Языкъ этотъ, называемый ими Катрўшницкій лёмезень, находится въ употребленіи у дрибинскихъ шаповаловъ давно. По ихъ словамъ, они научились ему отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Лёмезень свой катрушники-шаповалы употребляютъ только внѣ дома, въ рабочихъ отлучкахъ, и никогда не говорятъ на немъ на родинѣ. Дѣлается это во-первыхъ изъ нежеланія его профанировать, во-вторыхъ изъ опасенія, чтобы не изучили его мѣстные Евреи, эксплоатирующіе, какъ и вездѣ, темную народную массу. Осторожность шаповаловъ дошла въ этомъ отношеніи до того, что лёмезень ихъ неизвѣстенъ даже членамъ семьи, не занимающимся шаповальствомъ.

Обращаясь собственно къ языку, слѣдуетъ прежде всего сказать, что количество словъ, которыя мы назовемъ не совсѣмъ точно коренными, въ немъ неособенно велико.

Для выраженія громаднаго большинства понятій берутся большею частью обыкновенныя бѣлорусскія слова, съ прибавленіемъ впереди приставокъ ку или шу и съ измѣненіемъ, по общимъ законамъ фонетики, начальныхъ согласныхъ, съ сокращеніемъ или опущеніемъ гласныхъ, напримѣръ: кўхереднiй—средній, середній; шўхлѣць—амбаръ, клѣть; шўсень—осень; шуйма—яма и т. п. Въ нѣкоторыхъ словахъ переставляются слоги, напр. лосо̀ма—солома; въ другихъ измѣняется окончаніе со вставкою новаго суффикса, напр. сивымный—сѣдой, сивый; любжаць—любить; читорицъ—читать и т. п. Въ словѣ трйполе прибавляется приставка три (поле).

Среди коренныхъ словъ, какъ намъ кажется, встрѣчаются древнерусскія, литовскія, нѣмецкія, татарскія, еврейскія и даже греческія и латинскія.

Собственныхъ склоненій и спряженій лёмезень не имѣетъ, пользуясь общими бѣлорусскими формами, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ.

СКЛОНЕНІЯ.

Имя существительное.

Во̀лотъ (конь), во̀лота, волоту, волота, волотомъ, на волоту; волоты, волотовъ, волотамъ, волотовъ, волотами, на волотахъ.

Лы̀нь (волкъ), лыня, лыню, лыня, лынемъ, по лыню; лыни, лыневъ, лынямъ, лыневъ, лынями, по лыняхъ.

Хѝрка (рука), хирки, хирцы, хирку, хиркой, у хирцы; хирки, хировъ, хиркамъ, хирки, хирками, у хиркахъ.

Зякро̀ (окно), зякра̀, зякрў, зякро, зякромъ, на зякрѣ; зякры̀, зякро̀въ, зякрамъ, зякры, зякрами, на зякрахъ.

Имя прилагательное.

Мѝкрый (малый), мѝкраго, мѝкрому, микрымъ, объ микрымъ (омъ); микрыя, микрыхъ, микрымъ, микрыми, объ микрыхъ.

Снёбрая (добрая), снёбрыя (ой), снёброй, снёбрую, снёброй, по снёброй; снёбрыя, снёбрыхъ, снёбрымъ, снёбрыми, по снёбрыхъ.

Ёрое (старое), ёраго, ёрому, ёрымъ, у ёрымъ (омъ); ёрыя, ёрыхъ, ёрымъ, ёрыми, у ёрыхъ.

Мѣстоименіе.

Мань (я), манька, маньку, манькомъ, при маньку; манькй (мы), маньковъ, манькамъ, манькамй, при манькахъ.

Бальва (ты), бальвы, бальвѣ, бальвой, на бальву; бальвы (вы), бальвовъ, бальвамъ, бальвами, на бальвахъ.

Снёнъ (онъ, ёнъ), снягò, снямỳ, снимъ, объ снёмъ; сняны (они, яны), снихъ, снимъ, сними, объ снихъ.

Кòра (что), кòра, кору, кора, корымъ, по корымъ, (омъ).

Спряженіе глагола хлицъ (идти).

Наст. вр.: Хлю, хлишъ, хлицъ, хлимъ, хлице, хлюцъ.

Прошедш. вр.: Хливъ, хлилà, хлилò, хлилй.

Будущее вр.: Корну хлицъ, корнешъ хлицъ, корнецъ хлицъ, корнемъ, корнеце корнуцъ — хлицъ.

Сослаг.: Хливъ ба, хлилà бъ, хлилò бъ, хлилй бъ.

Повел.: Хли, хлйця.

Причастіе: Хлйвшій.

Степени сравненія именъ прилагательныхъ и нарѣчій образуются по общимъ законамъ.

Собственныхъ *предлоговъ* и *союзовъ* лёмезень не имѣетъ и пользуется бѣлорусскими.

Приводимый ниже словарикъ катрỳшницкаго лёмезня записанъ лично нами отъ крестьянина м. Дрибина Якова Леонова, исправлявшаго должность старшины во время нашего проѣзда. Въ словарикъ вошли названія духовныхъ предметовъ, людей, животныхъ, частей тѣла, частей суши и воды, названія атмосферныхъ и физическихъ явленій, растеній, зданій, орудій, посуды, платья, обуви, кушаньевъ, напитковъ; приведены также употребительнѣйшіе глаголы, прилагательныя, числительныя, мѣстоименія и нарѣчія. Вообщей сложности записано 372 слова.

СЛОВАРИКЪ

Катрỳшницкаго лёмезня.

Физическія и атмосферныя явленія, части суши и воды.

Дождь — трухнёй.
Снѣгъ, Морозъ — сивòръ.
Зима — сивòрка.
Весна — шỳвесна.
Лѣто — кỳлѣто.
Осень — шỳсень.
Мѣсяцъ, Луна — шỳмѣсяцъ.
Годъ — шỳгодъ.
Недѣля — дѐушница.
Сутки — кỳсутки.
День — кỳдзень.
Ночь — кймка.
Часъ — кỳчасъ, кỳгодзина.
Вечеръ — шỳвечеръ.
Полдень — лухтовйна кỳдня, т.е. полов. дня.
Полночь — лухтовйна кймки.
Солнце — сьвянка.
Огонь — дулясъ.
Вода — сугà.
Рѣка — сугà хлицъ, т. е. вода идетъ, течетъ.
Озеро — сугà стычйцъ, т. е. вода стоитъ.
Болото — шалòто.
Поле — трйполе.
Земля — цыръ.
Гора — шỳгора.
Яма — шỳйма.
Камень — шỳкамень.
Желѣзо — куёзо.
Мѣдь — шедзь.

Предметы духовные.

Богъ — ахвѣсъ.
Чортъ — шѣстъ.
Другихъ названій нѣтъ.

Люди.

Люди — кулюдзи.
Человѣкъ — кучеловѣкъ.
Дѣдъ — шкрѣдъ.
Старикъ — ярохъ.
Старуха — яруха.
Отецъ — бакштэй.
Мать — бакштэйка.
Братъ — збранъ.
Сестра — збрановка.
Сынъ — зьвиньчикъ.
Дочь, Дѣвушка — шихта.
Ребенокъ, Мальчикъ — хвѣдзень.
Младенецъ — хвядненокъ.
Мужъ, Мужчина — жбанъ.
Жена, Женщина, Баба — жбаха.
Женихъ — драпалунъ.
Невѣста — драпалуха.
Чиновникъ, Панъ, баринъ — коврей.
Паня, барыня — коврайха.
Попъ — косей.
Попадья — косейка.
Мужикъ, Крестьянинъ — кужъ.
Мужичка, Крестьянка — кужовка.
Цыганъ — юганъ.
Цыганка — юганка.
Жидъ — кудлай.
Жидовка — кудлайка.
Солдатъ — катузъ.
Портной — шнейдзеръ.
Шерстобитъ — катрушникъ.
Сапожникъ — кушавецъ.
Пьяница — окерусъ.
Воръ — костусь.
Конокрадъ — волотовникъ.
Дуракъ — чмуракъ.
Слѣпецъ — наулѣпка.
Нищій — любокъ, любицень.
Бѣднякъ — кухта.
Богачъ — стодъ.
Вѣдьма — шкрѣдзьма.
Вѣдьмакъ, Знахарь — шкредзьмакъ.

Животныя.

Лошадь, конь — волотъ.
Кобыла — волоциха.
Жеребенокъ — волоцёнокъ.
Корова — явлыда.
Телёнокъ — явлыдзёнокъ.
Баранъ — мярхлюнъ.
Овца — мерхля.
Свинья — керха.
Кабанъ — кяршукъ.
Поросенокъ — кяршонокъ.
Коза — свякша.
Козелъ — свякшунъ.
Козленокъ — свякшонокъ.
Собака — ськилъ.
Сука — ськилиха.
Щенокъ — ськилёнокъ.
Котъ — моцень.
Волкъ — лынь.
Волчица — лыниха.
Волченокъ — лынёнокъ.
Медвѣдь — мармысь.
Медвѣдица — мармысиха.
Медвѣженокъ — мармысёнокъ.
Гусь — гэрбацень.
Пѣтухъ — варнакъ.
Курица — варначка.
Рыба — посалуга.
Селедка — голосьникъ.
Пчела — бурхотня.
Для другихъ нѣтъ названій.

Части тѣла.

Голова — главда.
Глазъ — сѣпка.
Носъ — морщикъ.
Ухо — слыхта.
Борода — верея.
Ротъ — тройло.
Зубъ — зубрикъ.
Языкъ (органъ), Языкъ (рѣчь) — лемезень, зня.
Рука — хирка.
Грудь женская — сыславка.
Животъ — кирмо.
Нога — ходула.
Хвостъ — хвилистъ.

Растенія.

Яблоня и вообще фруктовая дерево } — вислянка.
Яблоко и вообще фруктъ — висля́къ.
Дубъ — ку́дубъ.
Береза — ку́береза и т. д.
Лѣсъ — во̀ксимъ.
Дрова—бру́дки (для дерева нѣтъ названія).
Кустъ — шу̀кустъ.
Орѣхъ — лущàкъ.
Горохъ — говрйдъ.
Бобъ — бублѣй.
Капуста — лапу̀ха.
Свекла, бураки — шмуракй.
Огурецъ — мо̀хмарень, рня.
Конопля (зерно) — монацу̀ты.
Пенька — нанаво̀жница.
Ленъ — кѐдзеръ.
Гречиха— сувя̀зка.
Пшеница — а̀шпорка.
Ячмень — бурмѐль.
Овесъ — шублѐй.
Жито, рожь — зѣ́дка.
Трава — ку̀трава.
Грибъ — баго̀лъ, глà.
Солома — лосо̀ма.
Сѣно — вихро̀.

Зданія.

Церковь — хлюса.
Домъ, Дворъ } — хво̀ртъ.
Хата, хижина — хàзъ, хазо̀вка.
Кабакъ — кàня.
Мельница — скруго̀тъ.
Заводъ — ку̀заводъ.
Лавка (зданіе), Лавка (скамья) } — ку лыга.
Сарай — шу̀ня.
Баня — плёха.
Гумно — калу̀йка.
Амбаръ, Клѣть } — шухлѣцъ.
Комната — хазъ.
Печь — сцѐпра.
Окно — зякро̀.
Двери —ры̀пни.
Замо̀къ — ку̀замокъ.
Столъ — трѐпезь.
Полати — хвилаты.

Орудія.

Топоръ — маму̀ра.
Ножъ — мàхеръ
Ножницы — бàски.
Игла — болу̀ха.
Брында (орудіе шерстобита) — друвàнъ.
Крючокъ (въ брындѣ) — бàйзинъ.
Струна — лàбузка.
Веревка — крутàвка.
Рѣшето — трухло̀.
Колесо — ко̀цень.
Палка — ляпѐна.

Посуда.

Горшокъ — ко̀лтыръ.
Чугунъ (котелокъ) — югу̀нъ.
Ложка — коры̀бка.
Сковорода — куѐзьница.
Чарка — кучерàвка.
Бутылка (пляшка) — ку̀пляшка.

Платье.

Шапка — катру̀ха.
Армякъ (сермяга) —сипя̀га.
Тулупъ — полу̀щикъ.
Поясъ — по̀дробсень.
Рукавицы — нахйрницы.
Рубаха — сорохвѐйка.
Штаны — бурдàсы.
Сапоги — шко̀рни.
Лапти — верзюкй.
Онуча — обу̀тка.
Платокъ — хвилйстка.
Юбка — насты̀жница.
Холстъ— лоскоты̀ра.
Сукно — югно̀.
Подушка — подухвѐйка.
Серьга (звушница) — ку̀звушница.

Пища.

Хлѣбъ — окру̀жъ.
Соль — голо̀сь.
Картофель — шкуты̀.
Говядина — врѐся.
Булка (бѣлый хлѣбъ) — ку̀льманъ.
Молоко — гальмо̀.
Пиво — кѐра.
Водка — гàрдзь.
Квасъ — буклѐй.

Употребительнѣйшiе глаголы.

Родиться — **радòмитца, млюсь.**
Креститься — **христòмитца, млюсь.**
Лежать — **клюжàць, аю.**
Сидѣть — **кàчаць, чу.**
Стоять — **стыˈчаць, чу.**
Ходить — **хонджевàць, джую.**
Работать — **мàксаць, аю.**
Смотрѣть — **сѣпàць, аю.**
Слушать — **слыˈхциць, чу.**
Молчать — **кỳгаць, аю.**
Знать — **севрйць, рỳ.**
Говорить — **говрйдзиць, джу.**
Кричать — **крикеàвиць, влю.**
Плакать — **плыксиць, шу.**
Смѣяться — **лыхцитца, чусь.**
Писать — **писòрниць, ру.** (отсюда: письмо, записка — **писòрка**).
Читать — **читòрниць, ру.**
Молиться — **чàнитца, нюсь.**
Просить — **зитàць, аю.**
Давать — **угурàць, аю.**
Брать — **янèрниць, ру.**
Шить — **шуварѣць, ѣю.**
Мыть — **плèниць, ню.**
Мыться — **плèнитца, нюсь.**
Бить — **чунàць, аю.**
Кидать — **кидòрниць, ру.**
Идти } — **хляць, хлю.**
Течь }
Ѣхать — **èрчаць, чу.**
Купаться — **купòшитца, шусь.**
Чесаться — **чесмòнитца, нюсь.**
Ткать — **тукòшиць, шу.**
Жать }
Косить } — **бàсаць, аю.**
Рубить }
Рѣзать }
Любить — **любжàць, аю.**
Ругать, ся — **лайбòниць, тца.**
Клястись — **клянòшитца.**
Спать — **кимàць.**
Встрѣчаться — **схливатца, аюсь.**
Встрѣтиться — **схлйтца, люсь.**
Разставаться — **расхливàтца.**
Ѣсть — **трòниць, ою.**
Пить — **корйць, ру.**
Хотѣть — **вòлиць, лю.**
Бѣгать — **бѣгураць, аю.**
Убѣгать (утекать) — **ухливàць.**
Пахать — **рогàниць, влю.**
Сѣять — **сѣварѣць, ѣю.**
Возить — **вонзèраць, ру.**
Молоть — **крутàвиць, влю.**
Молотить — **молотырниць, ру.**
Красть — **климàць, аю.**
Носить — **тàшиць, шу.**
Покупать — **опуляць, яю.**
Продавать — **пропуляць, яю.**
Пѣть — **псàлиць, лю.** (отсюда: пѣсня — **псàлка**).
Курить — **курдòмиць, млю.**
Кусать — **кусмòрниць, ру.**
Ползать — **повзыˈриць, ру.**
Рвать — **крвусàць, аю.**
Вѣшать — **вѣхтòмиць, млю.**
Топиться — **топошйтца, шусь.**
Быть — **кòрнуць, ну.**
Есть — **скèнь.**
Нѣтъ — **някèнь.**

Употребительнѣйшiя прилагательныя.

Молодой — **драпёлый.**
Среднiй, середовой — **кỳхереднiй.**
Малый — **мйкрый.**
Большой } — **шàвлый.**
Высокiй }
Старый — **èрый.**
Толстый — **шатỳрный.**
Тонкiй — **лàзый.**
Холодный — **сивòрный.**
Теплый }
Горячiй } — **дулясный.**
Жаркiй }
Добрый — **снёбрый.**
Хорошiй — **шймскiй.**
Лучшiй — **шемчѣйшiй.**
Злой } — **кỳхердзитый.**
Сердитый }
Глупый — **чмурныˈй.**
Кислый — **кислйнный.**
Широкiй — **ширчйнный** (отсюда: бумага — **шйрка**).
Бѣлый — **плèнный.**
Черный — **калỳрный.**
Сѣрый — **сарйнный.**
Рыжiй — **рыжйнный.**
Сѣдой (сивый) — **сивыˈнный.**
Богатый — **стодый.**
Круглый — **крулйнный и. т. д.**
Слѣпой — **няỳлѣпый.**
Скорый — **мугрыˈй.**
Мѣдный — **шèдный.**
Желѣзный — **куèзный.**

Числительныя.

Разъ — связъ.
Одинъ } — ёный.
Первый }
(Отсюда: свадьба — янйдзьба).
Два — бакрыхъ.
Второй — бакрышній.
Три — стромахъ.
Третій — стромашній.
Четыре — бутыра.
Четвертый — бутыршій.
Пять — повдзёкана.
Пятый — повдзёканшій.
Шесть — бушёнь.
Шестой — бушёншій.
Семь — сёнжа.
Седьмой — сенжашній.
Восемь — восемжа.
Восьмой — восемжашній.
Девять — дзёвенжа.
Девятый — дзевенжашній.
Десять — дзёканъ.
Десятый — дзеканшій.
Одиннадцать — ёный зъ дзёканомъ.
Двѣнадцать — дзёканъ и бакрыхъ.
Тринадцать — дзёканъ и стромахъ.
Двадцать — бакрыхъ дзёкановъ.
Тридцать — стромахъ дзёкановъ.
Девяносто — дзёвенжа дзёкановъ.
Сто, сотня — кусотня.
Двѣсти — бакрыхъ кусотъ.
Девятьсотъ — дзёвенжа кусотъ.
Тысяча — кутысяча.
Половина — лухтовйна.
Четверть — кучетверть.
Фунтъ — вйхтъ.
Полуфунтъ — поввйхта.
Рубль — плённый (букв.—бѣлый).
Четвертакъ — марушникъ.
Гривенникъ — русовникъ.
Злотъ (15 к.) — шулцйна.
Пятакъ — шацёръ.
Копѣйка — ламёха.
Грошъ (1/2 к.) — бакрышникъ.
Деньги — хавбы.

Мѣстоименія.

Я — мань,—ка.
Мы — манькй.
Ты — бальва, вы.
Вы — бальвы.
Онъ (ёнъ), — свёнъ, сняго.
Она (яна) — сняна, сняе.
Оно (яно) — снянo, сняго.
Они (яны) — сняны, снихъ.
Что, чего — кора.
Какой (якій) — снявій.
Который — котосый.
Мой — манькoвъ, манёській.
Твой — бальвйнъ, бальвёньскій.
Свой — собёській.
Тотъ (той) — тонтый.
Этотъ — свёчій.
Самъ, самый — сабусъ.
Всякій, каждый — вшацкій.

Нарѣчія.

Гдѣ — скрандзѣ.
Здѣсь — снюдъ.
Тамъ — снямъ.
Нигдѣ — нискрандзѣ.
Давно — шавно.
Теперь — сняпёръ.
Никогда — нисвязу (букв.— ниразу).
Какъ } — снякъ.
Такъ }
Много — посо, сойко.
Мало — мйкро.
Почему — закорымъ (букв. зачѣмъ).
Скоро — мугромъ.
Скорѣй — мурджѣй.

Е. Романовъ.

Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрѣцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіею.

Прилагаемыя при семъ сказки и легенды всѣ писаны со словъ разныхъ Лопарей при помощи переводчика. При этомъ нужно замѣтить, что не рѣдко одно и тоже лицо разсказываетъ одну и ту же сказку различно. При разсказываніи сказокъ замѣчено было недовѣріе какое-то. Кромѣ этого Лопари нынѣ имѣютъ болѣе или менѣе частыя сношенія съ Русскими сказки и нѣкоторыя кажется, Лопарями получены отъ нихъ. Слушая сказки нѣсколько разъ и желая передать разсказъ болѣе или менѣе въ правильномъ видѣ, я, по мѣрѣ возможности, старался сохранить вѣрный смыслъ или суть дѣла сказки. Иначе при первомъ опытѣ сдѣлать ничего не возможно, потому что послѣ разсказа на лопарскомъ языкѣ переводчики передавали только мысли. Вотъ изъ мыслей-то и приходилось составлять сказанія и сказки болѣе или менѣе цѣльныя. Нѣкоторыя мысли разсказщики и сами переводили, и тѣ записаны ближе къ подлиннику. Въ немногихъ мѣстахъ послѣ русскихъ предложеній я записалъ фразы и на лопарскомъ языкѣ. Въ семъ случаѣ дѣлалъ такъ: *сперва писалъ по русски, послѣ ставилъ тире—и писалъ уже фразы на лопарскомъ языкѣ русскими буквами и для большей очевидности, какъ фразы, такъ и слова лопарскія подчеркивалъ.*

Не могу еще молчаніемъ пройти и того, почему я приступилъ къ собиранію сказокъ. Нѣкоторые говорили, что въ средѣ Лопарей, какъ нѣтъ грамотныхъ, такъ поэтому нѣтъ и сказокъ. Въ слѣдствіе этого въ свободное время я сталъ записывать ихъ. Сказокъ слышалъ я гораздо больше, но другихъ не записывалъ потому, что онѣ русскаго происхожденія. И въ прилагаемыхъ при семъ сказки: о лисѣ, медвѣдѣ, волкѣ и горностаѣ, старикѣ и старухѣ, замѣтно, передѣланы. Послѣдняя, нужно сказать, передѣлана удачно и, кажется, изъ сказки о рыбакѣ и рыбкѣ.

Въ сказкахъ еще часто приведется читать, что люди дѣлались каменными. Въ Лапландіи, дѣйствительно, говорятъ, есть каменныя бабы и одна, между прочимъ, находится, какъ мнѣ сказывалъ одинъ Пазрѣцкій Лопарь, на тундрѣ между Пазрѣкою и Печеньгою. Онъ видѣлъ ее годовъ 20 назадъ, и она стоитъ не на самомъ верху тундры, но немного ниже. Вышиною каменная баба будетъ поболѣе аршина. Она стоитъ на не очень большомъ камнѣ. Правая рука положена поперекъ груди, а лѣвая опущена. Камень не черный, а сѣроватый. Спросилъ я у него, можетъ-ли онъ показать? Онъ отвѣчалъ мнѣ: я думаю, не найти, потому что я одинъ разъ видѣлъ и даже удивился. Бюсты эти надобно полагать были прежде идолами.

Нойды—кебуны до принятія христіанства дѣйствительно имѣли большое значеніе, это видно и изъ житія преподобнаго Трифона, который не мало терпѣлъ зла отъ нихъ и былъ даже терзаемъ ими. Нойдами, одинъ умершій Лопинъ разсказывалъ мнѣ, дѣлались люди сами добровольно. По смерти нойды, діаволы или какіе-то люди, какъ называлъ ихъ Лопарь, приходили ночью и давались, обѣщаясь дѣлать все, что онъ прикажетъ. У меня были, онъ сказалъ, одинъ разъ, но я де сказалъ, что не принимаю, то они болѣе и не являлись. Лопари про Шведовъ и Финляндцевъ думаютъ и теперь, что у нихъ таковыхъ много, и поэтому при всей ненависти и враждѣ къ нимъ, на глазахъ уважаютъ ихъ изъ боязни. За недомолвки или сдѣланныя быть можетъ

опущенія прошу не поставить на видъ, ибо было трудно и даже невозможно, потому что и перевесть, по всей вѣроятности, не каждое слово и даже мысль могли правильно. Записалъ же ихъ собственно для того, чтобы онѣ не затерялись или болѣе не исказились бы.

Константинъ Щеколдинъ, Пазрѣцкаго прихода священникъ. 20 Августа 1887 г.

Лопарскія сказки.

1) **Кускасъ** (Сѣверное сіяніе).

Жилъ-былъ старикъ со старухою и имѣли они только одну дочь. Старикъ жилъ не богато и разъ пошолъ въ лѣсъ драть береста—скалы. Подошелъ онъ къ березѣ и сталъ снимать берестo. Въ это время откуда не возьмись съ березы соскочила *ацакъ*—лягушка и сказала ему: *Каллесъ! вальдъ му каонъ*—Старикъ возьми меня замужъ. *Мохтъ монъ вальдамъ ту. Мусте ли кавъ сарнъ каллесъ*—Какъ я тебя возму. У меня есть жена—сказалъ старикъ.

Лягушка не сказала болѣе ни слова, вскочила на березу и скрылась.

Старикъ послѣ этого испугался. Пошолъ отъ той березы прочь и пришолъ къ другой.

Здѣсь опять предъ нимъ явилась лягушка и сказала: Старикъ, возьми меня за мужъ.

Куда мнѣ съ тобой, голубушка, да у меня есть и старуха. Нѣтъ, мнѣ на старость довольно и одной,—отвѣтилъ ей старикъ.

Лягушка выслушала его и опять вскочила на березу и скрылась.

Старикъ послѣ этого не зналъ, что дѣлать: идти-ли домой безъ береста, или еще идти къ другимъ березамъ.

Рѣшился на послѣднее, чтобы не посмѣялись надъ нимъ, какъ-бы надъ дуракомъ.

Въ этотъ разъ онъ ушелъ отъ этихъ березъ далѣе, думая, что тамъ онъ сниметъ береста. Подошолъ онъ къ красивой и крѣпкой березѣ. Сдѣлалъ на берестѣ надрѣзъ. Опять только—откуда ни возьмись—съ березы соскочила лягушка и сказала: Старикъ возьми меня замужъ.

Ахъ, голубушка, это я слышалъ уже отъ двухъ, я отвѣтилъ имъ, что у меня есть жена. Тебѣ то же скажу: у меня есть старуха, довольно мнѣ и одной, да и что ты у меня будешь дѣлать, отвѣтилъ—старикъ.

Старикъ! если ты меня не возьмешь, тебѣ тогда будетъ худо и смерти не миновать. У меня есть ножницы,—*Скарри*. Я какъ разъ уколю ими тебя, будетъ тогда двѣ раны на твоемъ тѣлѣ; другой—будетъ четыре, а третій—будетъ шесть. Ты тогда изойдешь весь кровью, и мясо твое я съѣмъ.

Старикъ стоялъ въ это время ни живъ, ни мертвъ: умереть не хотѣлось, и онъ сказалъ: Дѣлать нечего! Пусть будетъ по твоему, только я тебѣ сдѣлаю другую вежу и буду приходить каждый день нѣсколько разъ.

Лягушка согласилась, и они пошли. Сдѣлалъ старикъ ей вежу и зажилъ такъ же, какъ и ранѣе. Къ лягушкѣ ходилъ и дѣлалъ, что она ему приказывала. Ровно черезъ годъ у ней родилось два сына и одна дочь. Дали имъ имена: первому сыну *Веррунъ-чулдъ*—тесанный пень, другому—*Ихтъ-Сяпаластъ*—оленій хомутъ и дочери *Кыдзимъ-Чалмъ*—остроглазка.

На первыхъ порахъ и послѣ этого они жили хорошо и согласно, но когда стали у лягушки дѣти большія, она стала требовать пищи. Старикъ между тѣмъ сдѣлался старъ, и приводилось иногда поэтому лягушкѣ—женѣ въ просьбахъ отказывать.

Разъ дѣти, наученныя матерью, пришли къ старику и сказали: *Есчь! удъ жни пуратъ*—Батюшко! давай намъ и матери ѣсть, а нѣтъ—она придетъ съ нами сама и тебя съѣстъ.

Дѣточки, чего я вамъ дамъ! Я сталъ старъ и самъ питаюсь почти только бѣлымъ мохомъ. Вотъ еще иногда принесетъ дочь рыбы, поѣмъ, а нѣтъ—хотя умирай съ голоду.

Выслушавъ это, дѣти лягушки убѣжали и пересказали все матери. Лягушка, ни мало не медля, взяла дѣтей и пошла къ старику. Зашли они въ вежу, убили старика, высосали сперва изъ него кровь, а послѣ съѣли и мясо. Старуха съ дочерью въ это время плакали, но горю пособить не могли. Когда лягушка съ дѣтьми наѣлась, они ушли домой.

По уходѣ ихъ старуха и сказала дочери: Знаю, что они скоро съѣдятъ и меня. И вотъ, когда придетъ это время, ты сдѣлай такъ: когда они будутъ ѣсть меня, ты въ то время собирай всѣ мои косточки въ мѣшокъ и считай ихъ. Всѣхъ ты положишь 99 косточекъ, но нужно будетъ, чтобы было сто. Ты послѣ этого Остроглазку ударь въ спину, и у ней изо рту упадетъ кость. Ты возьми и эту. Положи въ мѣшочекъ и бѣги отъ нихъ скорѣе прочь. Когда придешь ты до лужка, у котораго течетъ рѣчка; на лужокъ косточки положь въ одно мѣсто и ударь по нимъ сучкомъ березовымъ три раза, и предъ тобою явится избушка. Тутъ ты и живи. На случай нужды вотъ возьми эту сонную спичку—*наеръ сани*. Не забудь моего совѣта, и тогда будешь счастлива. Старуха съ дочерью послѣ этого опять стали жить. Не долго имъ только привелось. Вскорѣ опять дѣти лягушки пришли къ нимъ и сказали: Бабка, давай ѣсть, а нѣтъ—мать придетъ съ нами и тебя съѣстъ.

Что я вамъ дамъ, отвѣтила старуха. Былъ у меня кормилецъ, но вы его отняли. Мнѣ теперь не жалко и себя. Что хотите, то и дѣлайте со мною.

Услышавъ это, они побѣжали обратно къ матери и сказали. Лягушка взяла дѣтей и пришла къ старухѣ и сказала: Ты такая же злая, какъ и мужъ; по этому не осуди. Всѣ подошли къ ней въ это время и убили. Кровь сначала выпили изъ ней, а послѣ стали ѣсть и мясо. Дочь въ это время со слезами на глазахъ подбирала косточки незамѣтно и складывала въ мѣшокъ. Всѣхъ косточекъ она насчитала 99 и послѣ этого незамѣтно ударила Остроглазку по спинѣ, какъ бы нечаянно толкнула, и косточка выпала изо рта. Она подобрала и положила въ мѣшокъ, а Остроглазка въ это время сказала ей: Ты еще меня тронешь, это ничего. Придетъ очередь и до твоего мяса, тогда я полакомлюсь. Дочь старухи между тѣмъ въ это время вышла и пошла скорѣе въ лѣсъ, чтобъ ея не удержали. Сперва она бѣжала безъ дороги, а послѣ нашла и дорогу. Лягушка между тѣмъ, когда съѣли старуху, спросила у дѣтей: *костъ ли агка нийдъ*? гдѣ бабкина дочь? Стали смотрѣть вездѣ, но нигдѣ нѣтъ. Принялись искать около вежи, но и тутъ не нашли. Лягушка поворчала на дѣтей, но отъ этого пользы не было. Недолго думая послѣ этого, рѣшились и они идти въ лѣсъ и искать бабушкину дочь.

Дѣвушка въ это время добѣжала до лужка, который былъ у рѣчки, высыпала косточки, ударила по нимъ березовымъ сукомъ, и передъ нею предстала хорошая избушка, со всякимъ добромъ. Сейчасъ она вошла въ избу и стала жить, не чуствуя ни въ чемъ недостатка.

Лягушка съ дѣтьми ходила, ходила по лѣсамъ и, наконецъ, она пришла къ избушкѣ. Увидавъ житье, она сказала: здѣсь, я думаю, живетъ бабья дочь.

Нужно узнать, каково она живетъ. Всѣмъ она, быть можетъ, не покажется; завтра поэтому утромъ ты, *Веррунъ-чулдъ*, поди и попросись у ней, какъ будто-бы прохожій, отдохнуть.

Ночь проспали они въ лѣсу, а утромъ *Веррунъ-чулдъ* пришолъ къ избушкѣ и постучалъ.

Двери отворились, и онъ сказалъ: Голубушка, будь добра, дозволь мнѣ съ дороги отдохнуть у тебя въ хатѣ.

Много-ли васъ всѣхъ? спросила она.

Я одинъ только. У меня были товарищи, но они ушли далѣе.

Дѣвушка пригласила его въ избу и не показала виду, что его знаетъ, хотя давно увидѣла, что они всѣ вчера еще пришли.

Она напоила его, накормила, приготовила для отдыха постель и сказала: Ложись спать, а я у тебя поищу въ головѣ. Веррунъ-чулдъ легъ, и она стала гребнемъ чесать и искать вшей. Въ то время сама сонною спичкою уколола ему глаза и уши, и онъ послѣ ничего не увидѣлъ и не услышалъ. Сама дѣвушка въ это время вышивала серебромъ и золотомъ поясъ и играла съ солнцемъ. Наступилъ вечеръ. Она подошла къ Веррунъ-чулду и разбудила. «Время вставать и идти, потому что на ночь въ комнатѣ у себя я никого не оставляю.» Сынъ лягушки всталъ, поблагодарилъ ее и ушелъ.

Пришелъ къ матери и сказалъ: Бабкина дочь живетъ хорошо и очень добра. Она меня напоила, накормила и спать уложила и въ головѣ поискала. А что она дѣлала?—спросила мать. Я спалъ и ничего не видѣлъ. Мать осерчала на него и едва не поколотила. Она сказала: дали тебѣ имя тесанный пень и вполнѣ справедливо. Завтра поди ты, *Ихтъ-сяпаластъ.*

Утромъ пошолъ къ избушкѣ и второй сынъ. Его также хозяйка приняла и также спровадила обратно. Мать, увидѣвъ его, спросила, что бабкина дочь дѣлала? «Я спалъ, и ничего не видѣлъ.» Мать разсердилась и на него и сказала: «Отъ васъ, отъ обоихъ нечего дожидать добра. Одинъ пень—пнемъ и останется, а другой хомутъ—хомутомъ и будетъ.»

«Завтра поди ты еще, *Кыдзымъ-чолмашъ*,—сказала она дочери—надѣюсь, что ты скажешь мнѣ, чѣмъ занимается бабушкина дочь.»

Утромъ рано *Кыдзымъ-чолмашъ*—Остроглазка пошла къ бабкиной дочери. Остроглазку она напоила, накормила и уложила спать, и стала искать въ головѣ. Въ это время она, какъ бы не нарочно, уколола глаза и уши. Остроглазка не стала слышать и видѣть; впрочемъ она не видѣла только глазами, которые на лицѣ, а глазами другими, которые были на затылкѣ, она видѣла все. Такъ она видѣла, что бабкина дочь ѣла сладкія ягоды и пила сладкій медъ. Послѣ сѣла она вышивать поясъ серебромъ и золотомъ; въ то же время играла и съ солнцемъ. Остроглазкѣ очень хотѣлось встать и посмотрѣть хорошенько, но сонъ, наведенный спичкою, никакъ не дозволялъ. Она спала до вечера, когда опять ей бабкина дочь и сказала: «Время вставать и идти къ матери. Она тебя дожидаетъ и уже нѣсколько разъ выходила изъ лѣсу и смотрѣла, нейдешь ли ты?»

«Нѣтъ, голубушка, у меня матери нѣтъ, я одна одинешенька и осталась бы съ тобою жить, если бы ты взяла»

«Нѣтъ, голубушка, я живу одна и дала себѣ слово никогда никого не брать. Остроглазка поблагодарила ее и ушла. Пришла она къ матери и сказала: Бабкина дочь живетъ, какъ царица. Кушанья и питья у ней всякаго довольно. Солнце съ нею играетъ, а она въ то время вышиваетъ поясъ серебромъ и золотомъ. У ней есть какая-то еще спичка. Она коснулась ею моихъ глазъ переднихъ и ушей; я послѣ этого не увидѣла и не услышала. Къ счастію, она у меня не замѣтила заднихъ глазъ, и потому я видѣла.»

«Благодарю тебя, что ты, по крайней мѣрѣ, разсказала все, чѣмъ занимается бабкина дочь. За твою услугу послѣ смерти ея отдамъ я тебѣ домъ ея и все богатство.» «Къ слѣдующему дню она велѣла всѣмъ своимъ дѣтямъ приготовиться идти къ бабкиной дочери:» «Тогда мы сдѣлаемъ съ нею, что придетъ на умъ.»

Бабкина дочь это узнала ранѣе. Она поэтому поясъ положила около себя, а также и сонную спичку. Кромѣ того, въ косу себѣ положила на случай нужды маленькій ножичекъ.

Едва наступило утро, какъ лягушка со своими дѣтьми пришли къ избушкѣ и двери выломали силою. Не говоря ни слова съ хозяйкой, связали ей руки и ноги и зашили въ нерпичью шкуру. Сыновья послѣ этого по приказу матери понесли къ морю и тамъ бросили въ воду. Лягушка съ дочерью шли сзади и разговаривали о томъ, что они будутъ теперь жить лучше и богаче бабкиной дочери. Остроглазка въ это время оглянулась назадъ и сказала: Мама! мама! посмотри: избы-то бабкиной дочери не стало. Не бросайте ее въ морѣ, лучше будемъ жить вмѣстѣ.

«Поздно!—отвѣтила мать. Она уже плыветъ далеко и теперь, вѣроятно, умерла.» Поговорили они еще нѣсколько времени, но поправить своей ошибки не могли. Пошли ходить по лѣсамъ и теперь, вѣроятно, ходятъ, если не умерли.

Бабкину дочь между тѣмъ несло по морю и теченіемъ воды, при помощи вѣтра, выбросило на берегъ. Дѣвушка, когда почувствовала подъ собою землю, достала изъ косы ножичекъ, сдѣлала диру въ кожѣ, чтобы можно было выйти. Вышла она на берегъ и пошла странствовать на—удачу. Питалась она дорогою ягодами, а въ маленькихъ озерахъ доставала и рыбу. Долго она ходила и никого не видѣла. Наконецъ, она подумала, что ей уже никогда не увидѣть людей, полагая, что она находится на краю свѣта. Къ счастію, она вышла на тропинку и пошла по ней въ надеждѣ, что она приведетъ ее къ жилью. Не успѣла она этого хорошенько подумать, какъ предъ собою увидѣла большой домъ. Нѣсколько разъ она обошла его кругомъ, но людей не увидѣла никого, ни около дома, ни въ домѣ. Ей стало неловко. Дѣлать однако было нечего. Она пошла къ дверямъ и отворила. Въ это время она испугалась еще болѣе. Въ домѣ вездѣ стояла кровь—*вырръ*, какъ будто въ какомъ-нибудь озерѣ. Она не знала, что и дѣлать: остаться ли тутъ, или идти далѣе. Рѣшилась, наконецъ, на послѣднее, потому что, подумала, все равно умирать или здѣсь, или въ лѣсу. Принявъ намѣреніе остаться, она стала ведрами черпать кровь и носить въ сторону. Два раза она выносила кровь, но домъ опять былъ полонъ крови; наконецъ, не стало. Она взяла воды и вездѣ вымыла и все вычистила. Въ комнатахъ стало красиво. Она сѣла отдохнуть и подумала: чего я теперь поѣмъ. Въ это время на верху у комелька увидѣла рѣзки—хлѣбъ, взяла одну, отломила кусокъ и наѣлась. Остатки положила на старое мѣсто. На душѣ у ней было тяжело, потому что она предугадывала, что изба принадлежитъ людямъ, истекшимъ кровью или умершимъ насильственною смертью. Они, думала она, приходятъ сюда по ночамъ и рѣжутся, отъ того и на небѣ видны всполохи, или сѣверное сіяніе. Ей однако хотѣлось посмотрѣть на жильцовъ, и она рѣшилась обратиться въ веретено; тогда мнѣ, подумала она, не могутъ сдѣлать ничего худого. Какъ думала, такъ и сдѣлала. Ложась за комелекъ, она превратилась въ веретено. Ночь прошла спокойно. Наступилъ день, и вдругъ она услышала, что идутъ люди. Въ избу вошло нѣсколько человѣкъ и сказали: Здѣсь кто-то былъ и все вычистилъ, а между тѣмъ никого не видно; это удивительно. Всѣ взяли по рѣзкѣ—хлѣба и вышли, сказавъ Найнасу: Отъ твоей рѣзки—хлѣба начато ѣсть; значитъ, этотъ человѣкъ тебѣ родня. Найнасъ при нихъ ничего не сказалъ, а когда они ушли, спросилъ: «Кто здѣсь есть, покажись: если старикъ, мнѣ будешь отецъ, если старуха—мать, если въ моихъ лѣтахъ мущина—братъ, а женщина—сестра, а если красная дѣвица—будешь мнѣ женою.» Едва онъ выговорилъ послѣднія слова, какъ веретено выскочило изъ-за комелька на полъ и стало вертѣться. Найнасъ поднялъ его, переломилъ, и въ срединѣ очутилась дѣвица. Онъ обнялъ ее и сказалъ: «Красавица, съ этого времени ты будешь моею женою. Жаль только, что тебѣ болѣе здѣсь остаться нельзя, особенно ночью. Лишь только станетъ темнѣть, сюда соберутся всѣ убитые люди и будутъ между собою рѣзаться; поэтому могутъ и тебя зарѣзать, или, еще хуже, всполохи унесутъ высоко, высоко. Пойдемъ со мною. я провожу тебя къ своей матери.» Вывелъ ее на дорогу и далъ клубокъ нитокъ, говоря: «Какъ я отойду

отъ тебя, брось клубокъ на дорогу и, куда онъ покатится, туда поди и ты. Назадъ, въ верхъ и по сторонамъ не смотри, а только на клубокъ, въ противномъ случаѣ тебя возьмутъ [1]) всполохи—сѣверное сіяніе. Клубокъ приведетъ тебя къ рѣкѣ. На другой сторонѣ живетъ моя мать, и ты вскричи, чтобы она перевезла тебя въ томъ карбасѣ, который дѣлалъ Найнасъ. Съ пріѣздомъ матери, спроси у ней, на которомъ упругѣ порѣзался Найнасъ, на тотъ и садись. Матери съ тобою не жить, и поэтому сдѣлай для себя и для меня вежу. Я часто буду къ тебѣ ходить, и жизнь пойдетъ у насъ весело. «Простившись любезно, они разстались. Жена Найнаса по сказанному пошла, какъ по писанному. Вечеромъ всполохи, сѣверное сіяніе—заиграло на небѣ очень сильно и опустилось почти надъ самою головою странницы. Всполохи играли надъ головой со свистомъ и пѣли пѣсни: «вотъ идетъ Найнаса жена, но скоро возьметъ ее солнце.» Всполохи жгли ей и лицо, но на все это она не обращала вниманія, а смотрѣла только на клубокъ. Утромъ пришла она къ рѣкѣ и вскричала: «Матушка, будь добра, перевези меня въ томъ карбасѣ, который работалъ сынъ твой Найнасъ.» «Вскричала она раза три, и за ней пріѣхала свекровь и сказала: «Лучше бы ты не вспоминала мнѣ сына Найнаса: я уже и безъ напоминанія объ немъ вся съ горя высохла и посѣдѣла.» Ты своими словами еще увеличиваешь мою горесть.»

«Матушка! будь добра и выслушай меня. Меня такъ научилъ сынъ твой Найнасъ, а теперь мой любезный мужъ. Онъ сказалъ еще мнѣ, чтобы я спросила, на которомъ упругѣ онъ порѣзался въ этомъ карбасѣ, на томъ я должна и переѣхать.» Свекровь указала ей средній упругъ и они переѣхали. Въ тотъ же день она сдѣлала вежу и стала въ ней жить. Чрезъ нѣсколько времени пришолъ и Найнасъ и сказалъ: «Одну ночь сегодня я проведу здѣсь, но утромъ мнѣ нужно идти.» Женѣ отпустить его скоро не хотѣлось, потому что она уже нажилась одна, и вотъ, когда они легли спать и онъ уснулъ, она въ верху въ своей вежи подвѣсила свой серебряный поясъ. Наступило утро, и Найнасъ проснулся, сказалъ: «Теперь, я думаю, уже утро, пора мнѣ идти.»—«Нѣтъ, до утра еще долго. Посмотри на верхъ, какъ звѣзды еще блестятъ и свѣтятъ.» Найнасъ посмотрѣлъ и опять заснулъ, потому что онъ не зналъ, что въ верху подвѣшенъ поясъ со звѣздами. Такъ онъ просыпался до трехъ разъ, и каждый разъ его обманывали.

Къ несчастію, когда онъ проснулся въ третій разъ, мать закричала: «Невѣстка, возьми оленьи шкуры съ вежи, онѣ всѣ пересохнутъ отъ солнца, и тогда мужъ уйдетъ отъ тебя.»

Свекровь вскричала это три раза, и невѣстка, чтобы не услышалъ Найнасъ, безъ платка съ распущенными волосами [2]) высунулась изъ дверей на улицу. Въ это время солнце захватило ее за волоса и стало держать. Она закричала: «Найнасъ, дай мнѣ воды, меня сожгло солнц.» Найнасъ держалъ ее въ это время за ноги и умеръ. До трехъ разъ она просила воды у мужа, но, какъ отъ мертваго, получить не могла; тогда, обратясь къ солнцу, сказала: «Солнышко, солнышко, помилуй меня и ороси водою.» Солнце оросило ее водою, но въ то же время и взяло ее къ себѣ. Тамъ она сдѣлалась его женою, и стали жить такъ весело и счастливо, какъ не живетъ никто.

Вскорѣ у жены солнца родилась красавица дочь. Пока она была маленькая, держали ее при себѣ и научили всему хорошему. Наконецъ дочь выросла и стала невѣстою. Солнце разъ и сказало матери: «Намъ болѣе дочери здѣсь держать нельзя, нужно опустить ее на землю, и пусть она найдетъ себѣ тамъ суженаго. Мать не противорѣчила, а дочери разстаться было очень тяжело. Дѣлать однако было нечего, она должна была подчиниться волѣ родительской.

Насталъ день прощанія. Солнце съ матерью благословили ее и сказали: «Кого перваго ты встрѣтишь на землѣ, тотъ будетъ твой суженый. Живите въ согласіи и любви: тогда у васъ всего будетъ довольно.» Какъ дочь у нихъ была мастерица

---

[1]) Лопари и теперь вѣрятъ, что, при сильномъ сѣверномъ сіяніи, всполохи опускаются внизъ и могутъ схватить человѣка. Дѣйствительно, когда бываетъ сильное сіяніе,то они какъ будто опускаются на землю. Съ колокольчикомъ ѣздить считаютъ опаснымъ въ это время.

[2]) Теперь по этому Лопари никогда не выйдутъ съ открытою головою на улицу.

вышивать, дали ей еще шолку и сказали: «Приготовь три платка изъ него, продай, и денегъ за нихъ получишь довольно.» Солнце послѣ этого взяло свою дочь и перенесло ее на землю.

Долго, долго шла красная дѣвица и никого не встрѣтила. Наконецъ, увидѣла стадо оленей и при нихъ пастуха. Подошла къ нему и сказала: «Будь здоровъ и счастливъ, добрый человѣкъ.»

«Здравствуй, красотка, откуда идешь и далеко-ли? отвѣтилъ пастухъ.»

«Издалека мой путь лежитъ. Гдѣ я родилась, тамъ мнѣ сказали: поди и, кого встрѣтишь перваго, тотъ и будетъ твоимъ суженымъ мужемъ. Вотъ поэтому и прошу тебя, добрый человѣкъ, возьми меня себѣ женою,»—сказала она.

«Да, я радъ бы взять тебя, красавица, но чѣмъ будемъ мы кормиться? Теперь я съ трудомъ добываю и себѣ пропитаніе.»

«Предоставимъ это, добрый человѣкъ, волѣ Божіей. Родители мнѣ сказали еще: Богъ благословитъ вашъ союзъ, и вы будете счастливы.»

Пастухъ послѣ этого не противорѣчилъ, вступилъ съ нею въ бракъ, и они стали жить. Сначала она ходила съ нимъ и помогала ему пасти оленей. Жили они на хозяйскомъ дворѣ, а хлѣба давали только для одного человѣка. Имъ было маловато. Вотъ однажды ночью, когда мужъ спалъ, она вышила шолкомъ платокъ и послала мужа продавать. Платокъ былъ очень красивый и покупатель нашелся скоро За него получили сто рублей. На другой недѣлѣ она приготовила другой платокъ, болѣе и красивѣе перваго. Продали и этотъ. Денегъ получили двѣсти рублей. Денегъ было довольно, и мужъ пересталъ быть пастухомъ. Они купили себѣ домъ, оленей и другого имущества и зажили на удивленіе другимъ. Въ это время приготовила жена и третій платокъ, очень большой и красивый. Продали его и денегъ получили 300 р. Послѣ этого они зажили лучше всѣхъ и многіе стали даже завидовать имъ. Нашлось много людей и такихъ, которые говорили, что у нихъ богатство добыто не честнымъ образомъ. Пока такъ говорили не въ глаза, это они переносили; но однажды бывшему пастуху сказали: «Какъ ты ни говори, что все нажилъ трудами своими, но это не правда. Вѣрнѣе всего, гдѣ нибудь похитилъ.»

Слова эти ему слышать было тяжело и особенно при народѣ, онъ поэтому и сказалъ: «Я получилъ все добро, благодаря ясолнцу. На солнце я могу даже и самъ подняться.» Народъ, услышавъ это, разсердилс на него и сказалъ: «Завтра, если не исполнишь своего слова, мы убьемъ тебя.»

Пошелъ послѣ этого онъ къ своей женѣ и разсказалъ все. Женѣ это было непріятно, но мужа отъ смерти избавить было нужно. Она сказала ему: «Теперь ночь, а къ утру я что нибудь придумаю.» Едва началась заря, какъ жена сказала мужу: «Пойдемъ теперь на то мѣсто, гдѣ меня опустило солнце, и оттуда, быть можетъ, ты и сходишь.» Вышли они изъ погоста и увидѣли, что солнце гоняетъ на оленяхъ и ѣдетъ имъ на встрѣчу. Они подошли къ нему и разсказали про свое горе. Солнце подумало сперва, но потомъ сказало: «Садись на оленя и поѣдемъ.» Они уѣхали, а жена осталась съ караульными и пошла обратно. Сосѣди спросили у ней: «Гдѣ мужъ!» Она отвѣтила: «Видѣли же, какъ онъ поѣхалъ на солнце на оленѣ.»

Солнце, поднявшись на верхъ, зятя представило своей женѣ. Теща, увидавъ зятя, изумилась, хотя и рада была его видѣть. Поговорили они о дочери, а потомъ солнце сказало зятю: «Завтра утромъ поѣзжай ты кругомъ земли и сперва гони на медвѣдѣ, въ полдень замѣни его оленемъ—быкомъ, а вечеромъ и этого перемѣни на оленя—важенку.»

Съ наступленіемъ утра къ зятю явился медвѣдь. Онъ сѣлъ на него и поѣхалъ. Около полудня медвѣдь умеръ, и къ нему явился въ полдень быкъ— олень. Онъ сѣлъ и поѣхалъ, и увидѣлъ на доскѣ изображеніе человѣка. Картину эту онъ толкнулъ въ сторону и сказалъ: У меня былъ одинъ теленокъ, того не сохранилъ, а далъ на съѣденіе волкамъ; не стой и здѣсь на дорогѣ самъ. Поѣхалъ далѣе, и у него олень быкъ умеръ. Наступилъ вечеръ и къ нему пришелъ олень—важенка. Онъ сѣлъ на него, поѣхалъ и пріѣхалъ обратно на солнце. На другое утро солнце

ему сказало: Сегодня ты останься здѣсь съ тещею, а я поѣду кругомъ земли. Солнце путешествовало на медвѣдѣ до полудня и увидѣло, что лежитъ мертвый медвѣдь; поѣхало далѣе, увидѣло изображеніе въ сторонѣ и оленя быка мертвымъ, удивилось всему этому и не знало, почему это сдѣлалось.

Теща съ зятемъ въ это время переговорили обо всемъ, и теща узнавъ, что онъ толкнулъ изображеніе во время объѣзда кругомъ земли, очень сожалѣла.

Солнце, возвратившись, спросило зятя о мертвыхъ животныхъ и объ изображеніи. Зять отвѣтилъ, что они сами умерли, а про изображеніе сказалъ тоже, что и ранѣе. Солнце дало ему совѣтъ: болѣе этого не дѣлать и съ животными обходиться ласковѣе. На третій день солнце и жена его простились съ зятемъ, опустили его на землю и дали всякаго добра много-премного. Мужъ привезъ его на нѣсколькихъ возахъ и зажилъ съ женою послѣ этого на славу и удивленіе всѣмъ.

Вотъ поэтому-то и теперь Лопари, когда кто у нихъ изъ взрослыхъ умретъ, сейчасъ у хозяина продаютъ оленя и деньги отдаютъ за погребеніе и на свѣчи. Олень на эти предметы поступаетъ потому, что и по смерти умершій, по мнѣнію Лопарей, будетъ непремѣнно ѣздить на оленяхъ. Если же на эти предметы не дать оленя, это значитъ приговорить его къ тому, чтобы онъ въ загробной жизни ходилъ пѣшкомъ.

(Записана при переводчикѣ, со словъ Василія и Марьи Летовыхъ и Марьи Герасимовой).

2) Ляскъ агка—вдова старуха.

Нѣкогда жила-была одна Лопарка вдова—старуха, да съ нею жила въ вежи еще лягушка. У вдовы былъ сынъ, а у лягушки дочь—самка. Лягушка очень любила вдовкина сына и однажды ночью его взяла у вдовы, а къ ней положила свою дочь. Съ чужимъ сыномъ она убѣжала далеко, далеко. Старуха, проснувшись, увидѣла, что подлѣ ней лежитъ *нійдъ*—дочь лягушки, а сына и лягушки нѣтъ. На старуху напало горе, и она хотѣла убить дочь лягушки, но вспомнила, что одной будетъ скучно, и оставила при себѣ въ ожиданіи счастія въ будущемъ.

Лягушка-бѣглянка устроилась около одного озера въ густомъ лѣсу, чтобъ ее не могла найти вдова. Украденный сынъ выросъ очень скоро, но о своей матери не вспоминалъ, потому что ея не помнилъ. Лягушку признавалъ своею матерью. Лягушка его любила также очень. На день всегда онъ уходилъ въ лѣсъ на охоту и вечеромъ всегда возвращался или съ мясомъ дикихъ оленей, или со шкурами дикихъ звѣрей. Изъ шкуръ звѣрей онъ устроилъ себѣ и вежу, и жить ему стало лучше. По временамъ однако находила на него скука, потому что сердце рвалось къ подобному ему человѣку. Разъ онъ ушелъ на охоту далеко и пришелъ къ вежѣ, изъ которой дымъ поднимался въ верхъ. Ему захотѣлось узнать, кто это тутъ живетъ. Показаться самому ему однако не хотѣлось; поэтому въ вежу онъ не пошелъ, а тихонько поднялся на верхъ вежи и сталъ смотрѣть въ трубу, или въ окно, которымъ выходитъ дымъ. Въ сторонѣ, недалеко отъ огня, онъ увидѣлъ, что сидитъ старуха и подлѣ нея *ацекъ нійдъ*—лягушкина дѣвка. Надъ огнемъ висѣлъ котелъ и варилась сосновая каша. Охотникъ сжалился надъ старухою и незамѣтно опустилъ кусокъ пойды—мясного жиру.

Ацекъ нійдъ однако замѣтила это и сказала: «*Агка, агка* (бабушка, бабушка), смотри-ка въ котелъ: кто-то сверху опустилъ туда кусокъ сала, звѣзды плаваютъ по верху.»

«Не смѣйся, проказница! было-бы у меня теперь и сало и мясо, если-бы твоя мать *ацекъ* не украла у меня кормильца-сына. На той правдѣ, быть можетъ, лопнетъ отъ жиру.»

Охотникъ, услышавъ этотъ разговоръ, постарался незамѣтно скрыться. Чрезъ нѣсколько времени опять ему захотѣлось посмотрѣть старуху. Онъ пришелъ къ вежи и увидѣлъ, что сосны варится менѣе, чѣмъ и въ первый разъ. Онъ опять

опустилъ кусокъ мяса. *Ацекъ нійдъ* опять замѣтила первая и сказала: *Аіка, аіка*, намъ опять въ котелъ положили мяса.

«Ну, не привелось ѣсть промысла сыновняго, за то нашлись чужіе люди и тѣ пожалѣли моей бѣдности.» Охотнику хотя и хотѣлось зайти въ вежу, но и на этотъ разъ онъ ушолъ незамѣтно.

Возвратясь къ *ацекъ*, онъ сталъ думать: тамъ, вѣрно, живетъ моя мать—*му яина*, потому что мнѣ хочется быть тамъ постоянно. Хотя и рѣдко туда хожу, но мысли мои постоянно вертятся около старухи.

Съ наступленіемъ утра онъ пошелъ промышлять дикихъ оленей и лишь только убилъ одного, опять пошелъ по извѣстной ему тропинкѣ къ вежѣ. На этотъ разъ онъ зашелъ въ вежу и сказалъ: *тиръву*, *аіка* (здравствуй, старушка).

Тиръ ву—тиръ ву, му пуратый (здравствуй, мой кормилецъ). Садись и разскажи, откуда ты пришелъ и гдѣ живешь?

Живу я отсюда не очень далеко съ *ацекъ*. Сегодня былъ на охотѣ и убилъ одного оленя. Вотъ и тебѣ принесъ кусокъ мяса. Приготовь его, и я закушу вмѣстѣ съ тобою.

Спасибъ, *му пуратый*. У меня варится сосна, но положимъ туда и мясо, тогда каша будетъ славная.

Въ ожиданіи закуски старуха разсказала ему о своемъ житьѣ-бытьѣ и, какъ у ней *ацекъ* украла сына, и она осталась съ ея *ацекъ нійдъ*. Охотникъ, выслушавъ ея разсказъ, сказалъ, что онъ давно живетъ у *ацекъ*, съ малыхъ лѣтъ и родителей своихъ не помнитъ. Старуха, услыхавъ это, сказала: «Ты, кормилецъ, мой сынъ, теперь я узнаю тебя.» Старуха обрадовалась, бросилась къ нему и прижала къ своему сердцу. Въ это время обѣдъ подоспѣлъ, и они закусили. *Нійдъ ацекъ* послѣ сытнаго обѣда заснула, и сынъ съ матерью тогда условились, какъ имъ опять сойтись на житье вмѣстѣ. Сынъ въ это время предложилъ убить *нійдъ ацекъ* немедленно, но она отвѣтила: «Оставимъ до другого разу. Мнѣ одной, какъ ты уйдешь, жить будетъ скучно.» Сынъ вскорѣ простился съ матерью и сказалъ, что за ней скоро пріѣдетъ на оленяхъ. Возвратясь къ *ацекъ*, онъ сказалъ ей: «Мнѣ жить стало скучно, позволь жениться, я нашелъ себѣ и невѣсту.» Она немного постарше меня,но мнѣ понравилась. *Ацекъ* это не понравилось, но, когда онъ сказалъ: «если не позволишь жениться, тогда я болѣе съ охоты не возвращусь», она этого испугалась и позволила жениться.

Вскорѣ онъ за невѣстой, или вѣрнѣе, за своей матерью, поѣхалъ на оленяхъ.

Старуха, увидя своего сына, обрадовалась. Поздоровавшись съ сыномъ, старуха уложила все свое добро въ кережи. *Ацекъ нійдъ* старуха также взяла въ руки, какъ-бы желая отнести въ кережу, но немедленно положила ее въ горячій пепелъ, гдѣ она и сгорѣла. Мать свою сынъ посадилъ въ кережу, закрылъ ее пологой и далъ въ руки ей *скобель*, сказавъ: «Когда мы пріѣдемъ, насъ встрѣтитъ *ацекъ*. Она по пріѣздѣ будетъ поднимать тебя изъ кережи, и ты сейчасъ-же ударь скобелью, и она помретъ». Сказавъ это, сынъ сѣлъ на кережу и погналъ оленей къ своему жительству.

Скоро они и пріѣхали. *Ацекъ* выбѣжала на встрѣчу и хотѣла невѣсту поднять. Старуха, какъ сказалъ ей сынъ, ударила *ацекъ* скобелью, и она пропала. Сынъ съ матерью зашелъ въ вежу, и радости ихъ не было конца. На другой день сынъ вспомнилъ уже объ убитой лягушкѣ—*ацекъ*. Онъ пошелъ и досталъ лошадь. Убитую *ацекъ* привязалъ ко хвосту лошади и прогналъ ее прочь отъ своего жилья. Лошадь съ лягушкой понеслась, какъ стрѣла. И вотъ, гдѣ отпала голова лягушки, тутъ образовался красный мягкій мохъ, по лопарски *сяхтаръ*, употребляемый Лопарями на подстилку маленькимъ дѣтямъ въ зыбки, а гдѣ отпали лапы—ноги, тутъ образовался черный мохъ—*сомминъ*, употребляемый при дѣланіи карбасовъ. Сынъ послѣ этого зажилъ съ матерью, радуясь своему счастію и что избѣгли своихъ враговъ.

(Окончаніе будетъ).

Якутскія загадки.

(Табырынъ саха-геня).

(Приложенія къ Этногр. Очерк. Три года въ Якутской области).

1.	Сюсь киси бирь сабылахъ.	Сто человѣкъ подъ одной крышей. (Потолокъ юрты).
2.	Сюсь киси санама бирь.	У ста человѣкъ одна мысль. (Мысль объ обѣдѣ).
3.	Сюсь киси салутяньсярь икки или бултуръ.	Сто человѣкъ дорогу прокладываютъ, а двѣ руки ловятъ. (Чесавье волосъ гребнемъ и ловля въ головѣ).
4.	Баса гохъ мыгырыръ, бастаръ хасытыръ.	Безъ головы мычитъ, а съ головой кричитъ. (Бубенъ и шаманъ).
5.	Тюннюгярь икки тю усюттанъ аллараттанъ кёрсюсанъ сысталаръ кюню-усюнь, тусъ-тусна балларъ.	Ночью двѣ шерсти сверху и снизу встрѣчаются и слипаются, а днемъ врознь бываютъ. (Рѣсницы).
6.	Аллара ысэхъ исялляръ юся битя биллилляръ.	Внизу пиръ пируютъ, а вверху танецъ танцуютъ. (Водопой скота).
7.	Кюнь ал-хара соръ хасытыръ.	Ежедневно черный воронъ кричитъ. (Долбленіе проруби).
8.	Эльбяхъ ого бирь исиття иктиръ.	Много ребятъ въ одну посуду мочатся. (Доенье коровъ).
9.	Кулуна усулу сюрбють, унятя игярся халбытъ.	Жеребенокъ прытко поскакалъ, а кобыла заржала и осталась. (Выстрѣлъ изъ ружья).
10.	Иятя икерсіянъ халбытъ, кулуна хотагя халбытъ.	Мать заржала, осталась, жеребенокъ выбѣжалъ, убѣжалъ. (Выстрѣлъ).
11.	Сирь анныгаръ ити болго сытаръ.	Въ подземельѣ кусокъ горячаго желѣза лежитъ. (Медвѣдь въ берлогѣ).
12.	Хара оюръ исигярь ити тасъ сытаръ.	Въ дремучемъ лѣсу горячій камень лежитъ. (Тоже).
13.	Бярть киси асылыга сохъ сыльжаръ.	Удалой человѣкъ безъ пищи ходитъ. (Вѣтеръ).
14.	Атага сохъ сыльжаръ.	Безъ ногъ, а ходитъ. (Лодка, вѣтеръ).
15.	Хара турыя сымытанъ ахсанымъ бильбятъ.	Черный журавль своимъ яйцамъ счету не знаетъ. (Мѣхъ, въ которомъ разводится кумысъ).
16.	Тыяа сахъ барымы капсятярь.	Безъ языка, а все говоритъ. (Письмо).
17.	Арбагаръ остахъ тоёнъ юя-тугарынъ турарь.	Съ косматыми волосами господинъ вѣкъ стоитъ. (Холмъ).
18.	Бёчёгеръ огонёръ манысытъ выстаръ, бухатыръ оллахъ.	Горбатый старикъ—сынъ пастушки, а сынъ – богатыря. (Капканъ).
19.	Сылыкаръ аннысаръ кыталыктаръ кыстабылтаръ (?)	Подъ прессомъ смерти зимовали. (Зубы).
20.	Оюръ ортотугаръ оюнъ кырарь.	Среди лѣса шаманъ шаманитъ. (Осина).

21.	Сюсь атъ биръ ытысъ отукхянъ себиттаръ.	Сто лошадей одного клока сѣна съѣсть не могутъ. (Удила).
22.	Эренъ мосой лиясятиннянь тынаръ.	Пестрая змѣя сзади пышетъ. (Трубка).
23.	Ый кюнь икки тебелясяи-ляхъ.	Мѣсяцъ и солнце толкаются. (Молотъ и наковальня).
24.	Эмелясь кытыть сола биллибятъ.	Отъ пѣгой кобылицы слѣдовъ не замѣтно. (Берестяная вѣтка).
25.	Угá илійбатъ, хара баръ.	Черное и въ водѣ не мокнетъ. (Тѣнь).
26.	Кылана сохъ кётёръ.	Безъ крыльевъ летаетъ. (Облако).
27.	Курдархай ынахъ хаптасыны хая салыръ.	Бурая корова доску вдоль лижетъ. (Рубанокъ).
28.	Халжай юрдюгярь баръ хамна батъ хара.	Стоитъ черное на горѣ, не двигается. (Памятникъ).
29.	Юге киси биръ бисиляхтяхъ.	Знатный человѣкъ съ однимъ перстнемъ. (?).
30.	Кемюсь мастанъ кюнь тахсаръ.	Отъ серебряной палки солнце всходитъ. (Свѣча).
31.	Алжарай ола ханнахъ баргясяляръ.	Чортовъ сынъ въ красной шапкѣ. (Дятелъ).
32.	Тэкыса кутуругаръ белелятъ.	Дочь лѣса съ примѣтой на хвостѣ. (Горностай).
33.	Ютё ярь юсь курдахъ.	Добрый мужикъ съ тремя поясами. (Сѣдло)
34.	Хара-баръ кюнь-ый иккини хаххалыръ.	Чернота, застилающая солнце и мѣсяцъ. (Туча).
35.	Юсь курдулахъ ураса истярь тыннахъ булгъ баръ.	Внутри трехобручной урасы живетъ промыселъ. (Рыба въ мордѣ).
36.	Бесь сымытъ минннгясь, сеття сымытъ асы.	Пять яицъ сладкихъ и семь горькихъ. (Лѣто и зима).
37.	Юрюнь бе кутуругунъ тюннюгюнянь укпутъ.	Бѣлая кобыла въ окно хвостъ пропустила. (Лучь солнца).
38.	Ого баръ кяннинянь истяхъ.	Дитя съ животомъ назади. (Икра ноги).
39.	Маны джахтаръ лиясятинь сола халаръ.	У почтенной женщины остаются слѣды сидѣнья. (Горшокъ на пеплѣ).
40.	Ырастыкъ туттаръ соромжу.	Сватья—чистота. (Мочалка).
41.	Кюнь-ан тиритяръ.	Ежедневно потѣетъ. (Ледяное окно).
42.	Ытъ харага маскасыстыбытъ.	Собачій глазъ къ дереву прилипъ. (Мѣсто отъ сломаннаго сука въ деревѣ).
43.	Икки ытъ эрягяринь сырсалларъ, халларада коппатъ.	Двѣ собаки бѣгутъ, одна другую перегнать не можетъ. (Полозья).
44.	Биятинь кяия биллибятъ, харагынъ ахсана биллибятъ.	Поперегъ озера красная корова слѣдъ оставила. (Передернутая чрезъ озеро сѣть).
45.	Ута миннигясь, балыга онгога сохъ, кёль баръ	Озеро съ сладкой водой и рыбой безъ костей. (Аладьи въ маслѣ на сковородѣ).
46.	Сюрбя киси сырайдара кяннигярь.	Двадцать человѣкъ, у всѣхъ лица назади. (Пальцы рукъ и ногъ).
47.	Икки сарба атахтасанъ сыталларъ.	Два соболя ногами другъ къ другу лежать. (Брови)
48.	Сагаттанъ тардаръ, янгяртянь тутаръ.	За воротникъ тянетъ и за полу держитъ. (Подати и повинности).
49.	Чёмчёхъ харчы ынахъ истярь сытаръ.	Куча денегъ въ брюшинѣ коровы. (Сѣно).
50.	Баръ тогосого ыяммать.	На гвоздь не повѣсишь. (Яйцо).

51. Кюретягярь намчычахъ атъ-тагаръ кюстяхъ.
Хоть и ниже городьбы, а сильнѣе коня. (Колъ, къ которому на арканѣ привязываютъ коня).

52. Бэятя тарбахъ сага, а кисялярь яряняллярь.
Самъ съ палецъ, а люди на него полагаются. (Ключъ).

53. Халланъ-сирь икки ардыгаръ берягяли тураръ тэлманъ кучугуй хамнырь мамага.
Между небомъ и землей вѣтромъ качается комочекъ. (Паукъ).

54. Кюнюсюгярь хаягаска кирярь, тюнюгярь хаягастанъ тахсаръ.
Днемъ въ дыру влѣзаетъ, на ночь изъ дыры вылѣзаетъ. (Пуговица).

55. Бе уллуга юсь ый барамматъ.
Кобылье бедро въ три мѣсяца не устаетъ. (Полозъ).

56. Огонеръ о-тунанъ салгынынанъ асылыктанаръ.
Старикъ кормится огнемъ и воздухомъ. (Ружье).

57. Кёсь исигярь кютётъ ёскюрь.
Внутри горшка зять зарождается. (Зачатіе мальчика).

58. Іютя исигярь улахъ, ола исигярь от-тахъ, кыса вырытынанъ турда гына иктирь.
Мать внутри съ водой, сынъ въ серединѣ съ огнемъ, а дочь, стоя бокомъ, мочится. (Самоваръ).

59. Кёгёльчёрь атыръ сюрярь да, беятинь ерюнь ситпять.
Сиво-желѣзный жеребецъ бѣжитъ, не догнать ему своего табуна. (Пестъ, которымъ взбалтываютъ кумысъ).

60. Икки булуръ бе, бирь бастахтаръ.
Двѣ чалыя кобылы съ одной головой. (Кузнечные мѣхи).

61. Сюрьдюкъ интянь высылъ кемюсь чичахтаръ кётёнь тахсаларъ салгынга сю теллярь.
Изъ глубокаго колодца золотыя пташки вылетаютъ и въ воздухѣ исчезаютъ. (Искры изъ трубы).

62. Улаханъ столъ юрдюгярь тюгнясиллибить тегюрюкь арытураръ.
На большомъ столѣ опрокинутый вверхъ дномъ кругъ масла стоитъ. (Стогъ сѣна въ полѣ).

63. Бирь огону эльбяхтярь кяриччи лярыгярь ылалларь басыттанъ угурулларъ.
Одного ребенка многіе поочередно на руки берутъ и цѣлуютъ въ голову. (Чаронъ съ кумысомъ).

64. Саинъ сангыяхъ кятярь кысынъ устанъ кябисярь.
Лѣтомъ доху надѣваетъ, а зимой скидаетъ. (Лѣсъ).

65. Оюрга салуръ оргуяръ.
Въ лѣсу котелъ кипитъ. (Муравейникъ).

66. Э—тататъ эрень осогосъ.
Вотъ на диво пестрое брюшко. (Гагара).

67. Аибынъ, аибынъ эрень ого.
На удивленье пестрый ребенокъ. (Лягушка).

68. Тора хаягаска быльчагаръ кирярь.
Въ поперечную дыру пучеглазый лѣзетъ. (Петля и пуговица).

69. Кялятчини кятяхля охсоръ.
Приходящаго по затылку ударяетъ. (Ловушка для мышей).

70. Харанганы сырдатаръ.
Темноту освѣщаетъ. (Луна).

71. Улаханъ кылъ тютюнь супту юргюллярь да, оннугаръ юня тураръ, хасанъ да, барамматъ.
Шерсть великаго звѣря постоянно выдергиваютъ, тутъ же заростаетъ, никогда всего не выдергать. (Подати и налоги).

72. Хою хатынгтанъ тёсё да кярпитингъ иннигярь бары кярдилли бятъ.
Изъ густаго березника сколько ни руби, всего не вырубить. (Ясакъ).

73. Бирь масъ баръ соргото нитчагай, соргото куранахъ.
Есть дерево, однѣ части его сырыя, другія сухія. (Годъ съ мясоѣдомъ и постами).

74. Бирь харагы тастяргинь даганы, у-та бары сюрянь халбытъ.
Хоть и выколешь глазъ, а вода изъ него не потечетъ. (Прорубь).

75. Бярть киси беятя силлябятъ.
Удалъ человѣкъ, а безъ помощи плюнуть не можетъ. (Ружье).

76. Бирь харыя онордуга икки салалахъ.
Одна ель съ 12-ю вѣтвями. (Годъ).

77. Турдарбынъ халланга тіемь ятя деччи баръ.
Кабы всталъ, до неба досталъ. (Дорога).

78. Сыттыкъ аннытаръ сыты бысыя баръ.
Подъ подушкой словно острый ножъ. (Блоха).

79. Сирь аннынанъ сити оруяхъ сылжаръ.
Подъ землею волосяной воръ ходитъ. (Неводъ).

80. Урагасъ юрдюгярь ою бичикъ баллыбытъ.
На верху шеста вязаный мѣшокъ. (Сѣтка для рыбной ловли).

81. Кёгёльчерь атъ кутуругунъ кэянъ вётёхпётъ.
Сивый конь своего хвоста поднять не можетъ. (Безмѣнъ).

82. Балаганъ юрдюгярь бясь чарпата тохтобутъ.
На верху юрты сосновыя отруби разсыпаны. (Звѣзды).

83. Юсь сюсъ алта-анъ бесь курупаскы, бесь онъ икки уларъ, онъ ордуга икки хасъ бирь тоёнъ-кылъ бирги балларъ, икки киси уларыса кятиляярь киниляри.
365 куропатокъ, 52 тетери, 12 гусей, а вмѣстѣ — одинъ орелъ, которыхъ два человѣка стерегутъ. (Дни, недѣли, мѣсяца, годъ, солнце и луна).

84. Сысыга сырбасъ хонуга хогосъ.
На полянѣ вертится, по лугу прохаживается. (Журавль).

85. Ящикка хаиллыбатъ монетъ баръкся.
Говорятъ, есть монета, которую въ ящикъ не запрешь. (Солнечный лучъ).

86. Убагасъ-астахъ, отъ тыннахъ эмяхсинь баръ юсю.
Говорятъ, есть старуха съ жидкой водой и пламеннымъ духомъ. (Самоваръ).

87. Ытыска тутулбатъ элиги биль-либятъ.
Въ ладони не держится, въ горсти не замѣтно. (Вода).

88. Балаганъ юрдюгярь кельтягяй хамыяхъ сытаръ.
На верху юрты косая ложка лежитъ. (Мѣсяцъ).

89. Бастаръ бараммать дирдярь баръюсю.
Говорятъ, сколько не черпаютъ, всего не вычерпать. (Вода).

90. Сырая юрюнь да саната эрень баръюсю.
Лицо хоть и бѣлое, да мысли черныя. (Письмо).

91. Хонуга хампатъ, уга хамаръ, чогуръ бе баръ юсю диляярь.
Кобыла по полю не бѣжитъ, а по водѣ ходитъ. (Лодка).

92. Бирь киси икки аты бирдя миняръ.
Одинъ человѣкъ на двѣ лошади разомъ садится. (Лыжи).

93. Тю-тюнго кыстта сыеты санъ тюнягини кёрдюръ.
Шерсть съ шерстью встрѣтившись, ночевать просятся. (Дремота).

94. Кюннята кюся сюллубятъ, аты микалляръ.
Ежедневно на неутомимой лошади ѣздятъ. (Скамья)

95. Токуръ масъ тёё тоғмотъ.
Кривое дерево не промерзаетъ. (Рога).

96. Эльбяги игнярбить эрень.
Много опрокинуто пестрыхъ. (Карты).

97. Сигири исигерь сибиинялаpъ баллаpъ.
Въ стружкахъ талины свиньи водятся. (Насѣкомыя въ головѣ).

98. Тёся сохъ каляряхъ, тёся сохъ бараръ.
Безъ стуку приходитъ, безъ стуку уходитъ. (Заря).

99. Хону ортоту горъ коёнюсь тогосо тураръ.
Среди поля серебряный гвоздь стоитъ. (Пупъ).

100. Беятя солъ-уступъ хампотъ, архыстахъ балласына вигиттянь халбытъ. Самъ по дорогѣ не ходитъ, а когда есть спутникъ, отъ человѣка не отстаетъ. (Палка).

101. Удалой человѣкъ безъ провизіи ходитъ. (Вѣтеръ).
102. Острый ножъ небо чертитъ. (Молнія).
103. Печень его—камень черной, спинная кость его—желѣзная, а самъ очень сердитъ. (Жерновъ).
104. Подъ бревномъ снѣгъ не таетъ. (Бѣлое брюшко у бѣлки).
105. Мертвый съ живымъ въ сосѣдствѣ спятъ. (Кривой глазъ).
106. Въ кривой юртѣ кривой зять зимовалъ. (Ухо).
107. Храбрый человѣкъ отъ пальца запнулся. (Лошадь въ путахъ).
108. Между двумя озерами холмъ стоитъ. (Переносье).
109. Зимой въ шапкѣ, а на лѣто снимаетъ. (Пень со снѣгомъ).
110. Посуда, а ничего не держитъ. (Сито).
111. Два человѣка поясъ тянутъ. (Колья городьбы).
112. Безъ спины поднимаетъ, безъ ногъ бѣжитъ. (Лодка).
113. Знатный человѣкъ объ одномъ глазѣ. (Винтъ съ кольцемъ).
114. Китайская дѣвка алое сукно точитъ (льетъ). (Чайникъ).
115. Два волка всю жизнь только изъ гнѣзда выглядываютъ. (Ноздри).
116. Изъ травы, а сильнѣй лошади (Веревка).
117. Карій быкъ веревку волочитъ. (Игла съ ниткой).
118. На крюкъ не надѣнешь, на дорогѣ не найдешь. (Яйцо).
119. Что написалъ здѣшній писарь, того другому не разобрать. (Червоточина).
120. Съ юга пришли одноглазые тунгусы. (Иглы).
121. Не говоритъ, а время знаетъ. (Часы).
122. Не держитъ, а тянетъ. (Заика).
123. Видишь—стоитъ; начнешь ловить—убѣгаетъ. (Тѣнь).
124. Изъ юрты гонятъ, на дворѣ ласкаютъ. (Собака).
125. Сверху внизъ сосна растетъ. (Хвостъ).

Арыгы ырыэта.

Арыгытчанъ аллахъ атырыэнъ атырбытъ, водкатчанъ богдочонъ сурагырыэнъ сурагырбытъ. Юрдюкъ сирьга ёсьвабить, тёрють сирьга теребють. Россіяга олъ дайды охтатынъ утунъ уогурданъ—туранъ, Москвамъ сиригярь бурдукъ утунъ бусаранъ булкуяннаръ водка онгордуларъ. Законунанъ холбоннорь, докторъ-тоётторъ пробуйданъ туранъ охтахъ кюсьтяхъ болусу день, юрдюкь сирьга кёрдёрёнь—бёгёргё-

Пѣсня про водку.

Водочка бойкая недаромъ именовалась, водочка славная недаромъ прославилась и недаромъ въ разсказахъ сказывается, что она въ высшемъ мѣстѣ зачалась, въ природномъ мѣстѣ родилась. Въ Россіи сокъ охты подкрѣпивши, въ Москвѣ мучную воду сваривъ и размѣшавши, водку сдѣлали. Съ закономъ согласуясь доктора-господа испробовавъ признали, что будетъ сердита и сильна, въ высшемъ мѣстѣ по-

тёнъ баранъ, ыыгынанъ ыгыранъ казакъ командаларынъ хара тыэга тасардыларъ. Ыга туппутъ ыстаннахъ, сёрю туппутъ сёртуктахъ, хорогоръ курашкылахъ, саныянъ сапыгылахъ, дуговай масы ордуктачъ, тула хаманъ, тобуратчы охсонъ, охторонъ хаптаны солотолонъ, хаптатчы суоранъ, ырыэ курдукъ ыпсаранъ, той курдукъ тутанъ, кюлю курдукъ кебюльлянъ, ойну курдукъ уструстанъ баранъ, хахыяхъ масы хамыянъ ыланъ хаптатчы суоранъ, хардарыта олуктанъ хамъ туттаранъ баранъ, олъ бу ээттюнянь тобулута ыттянь баранъ, воронканы тосуянъ баранъ сурудъжалыны сурулачи суккуйдуларъ кулугутунъ тобуратчи охсонъ. Орёллахъ юрюнъ кёмюсь печатынанъ баттатыларъ, сургучунанъ суруянъ сороковой бочку солотуларъ, указынанъ онгордуларъ; онтонъ ёсь хосоно буолбутъ: ысылъ — кёмюсь кыджымахтахъ, харакемюсь халгасалахъ, русскай жемчюкь сюрюкьтяхъ, чоронъ долгуннахъ, ангарыяръ салгыннахъ, айдарыяръ айгыстаръ кэлиляхъ, кёэнгъ ээрюсь хатынъ агысъ ёсюнь атахтананъ, тогусъ ёсюнь олохтононъ, югюсь тить тюгяхьтяхъ, эльбяхъ тить эркинняхъ, юсь хатъ юрюттахъ, ыэръ джакыръ атахтахъ, юлляръ ырысъ кынаттахъ алларыгаръ, батыэгынанъ халатыларъ, уёгунанъ уктуларъ, кыэгынанъ кыстатыларъ, сололохъ тоёнъ керечюляхъ, Дураковъ сурукcуттахъ, эдярь нуча эрдиситтяхъ, хосунъ нуча кормаситтахъ, солдатъ нуча часовойдахъ, казакъ нуча карабыллахъ, пашнай барахсанъ мамабыллахъ буоланъ, джебу кэенгъ ёрюсь хатынъ таланыгаръ, салгыныгаръ салаттаранъ, кёмёлюгярь кётёхтёрень, сюрюгяръ сюктярянь, субу дайдыга джоллохъ соргулахъ Якутскай область кумагаръ тораттыларъ тюнь утуюмна, кюнюсь олорумна берегярь тигисьтиляръ. Торговайдыръ атысыттаръ кэлилярь день бу городъ тоетторо утары кирянь тергянь са-

казавши и укрѣпивши повелѣніемъ, вызвавъ казачью команду въ дремучій лѣсъ вывели. Въ узко сдержанныхъ штанахъ, туго обтянутыхъ сюртукахъ. высокихъ фуражкахъ, сафьяновыхъ сапогахъ, дубовую лѣсину одобряя и вокругъ обходя, звонко ударяя и сронивши, для разсколки продороживши, пластью стесавши, какъ пѣсню сложивши, какъ глину державши, какъ смѣхъ свобливши, какъ игру стуживши, березовое дерево собравши, плоско стесавши, наперекоръ зарубивши, сжато сложивши, съ той и другой стороны на сквозь продырявивши, воронку подставивши, съ сильнымъ журчаніемъ водку влили, шконтъ со стукомъ вбили. Серебряною печатью съ знакомъ орла запечатали сургучемъ, написавши сороковою бочкою наименовали, указомъ утвердили; отъ этого-то пословица произошла: съ золотистою шугою, черно-серебристымъ видомъ, русско-жемчужною быстротою, перекатистою волною, превосходнымъ воздухомъ, шумно — продолжительной прибылью, слѣдуя по 8-ми рукавамъ широкой рѣки Лены на 9-ти истокахъ укоренившись въ судно, съ днемъ изъ множества листвень, со многими лиственичными сторонами, съ тройнымъ потолкомъ, съ тяжелымъ якоремъ и раздувающимся парусным крыломъ, по вмѣстимости набили, по подъему склали, по силѣ расклали, имѣя при этомъ: смотрителя съ чиномъ господина, писаря Дуракова, русскихъ: молодаго гребщика, молодцоватаго кормовщика, часоваго изъ солдатъ, караульнаго изъ казаковъ, крестьянина бѣднаго пастуха, и такъ то на счастье пространной матушки рѣки, воздухомъ направляясь, поднимаясь по шугѣ, носясь по быстротѣ, на счастливый песокъ Якутской области своротили, ночью не спавши, днемъ не сидѣвши, къ берегу пристали. Здѣшніе господа, говоря, что прибыли

нанъ честь бердиляръ, указынанъ туттуларъ, судъ сирьдярьгя суругунанъ и биллярдиляръ. Бастанъ туранъ подвалга батЂэгынанъ халатыларъ, кабактарга таргаттыларъ, бочкунанъ бурайдыларъ, бедрянянь меряйдатыларъ, осьминананъ куттуларъ, партыгынанъ бастыларъ, хомосунанъ куттуларъ, рюмкананъ кюндюлятиляръ, бакалынанъ бастыларъ; маныляры батыста, байдары таптата, кёрселяри—кытта кяпсаття, билятчини билиьтя, законникка тусайда, джадангыны сатыаатта, умнасыты булла; ётёрь согусъ юрдюкь джелягн намтатта, кенгь джеляги—атчатта, оюлахъ оронногу—уларытта, осохъ юрдя оронното, рогожа сорганната, кирпича сыттыктата, шелко кушактагы сутуга курдата, кёмюсь курдагы кёнёплё курдата. Эрь джалы сана буланъ, эттяхь атахтахъ бЂоланъ, кёмюсь харчи атылахъ, маны киси сирдиттяхь, тоёнъ нуча кёрётчюляхь бЂоланъ, аяннанъ айдарыйда. Кини киси кютюрь джалы кётёгюллянь кюйгёрюянь эи, эи, эрь джалы! тіярь сиригярь сирбеттяняњ, олохъ сиригярь ордаянъ огуранъ тогусъ улусу толла, агысъ улусу аргарда, саттл улусу ситя селля; чугасары закускага тугуста, нагылытЂэнъ исинь наливкабЂолла, баратары—боростой бЂолла, итирьдяри—испиртъ бЂолла, курулатары—круктовай бЂолла, орулатары—ромъ бЂолла, маняритяри—бишневай бЂолла; бочёнлктахъ бэетя—джосуннагынъ, плягилахъ бэетя миннигясинь, симирьдяхь бэетя сибенинь, штопахъ бэетя ордукъ, бытылкалахъ бэетя быбарынъ, ыстаканнага ытыгынъ, рюмкалага кюндютюнь. Эт-та-тай-ага оголоръ, эрь джалы едяянь барда содарысанъ чайдамынъ садыЂэмынъ! ХахдарытЂэнъ саната хартыны ханыласта, содурустанъ барда содому онгордо. ордая бердя охсусуну турорда, абара бердя—альджархан онгордо, асанъ барда--бастарынъ абрахтатта; эЂстегю туксарда, эяляги—арарда; халеріянъ барда халланъ хабаргатынанъ бЂолла. модунъ саханы

торговые купцы и подходя къ берегу на встрѣчу пушечной пальбой честь отдали, по указу приняли, въ судебныя мѣста письменно знать дали. По первости, по вмѣстимости въ подвалъ набили, по кабакамъ роздали, бочками разсортировали, по ведрамъ измѣрили, осьминами разлили, полштофами черпали, шкаликами налили, рюмками угощали, бакаломъ черпали; за почетными (?) погналась, богатыхъ полюбила, съ умными поговорила, съ знатоками познакомилась, законника встрѣтила, бѣднаго опѣшила, нищаго нашла; въ скорости имѣющихъ высокіе дома понизила, пространные — уменьшила, украшенныя кровати перемѣнила, замѣнивъ: кровать печью, одѣяло рогожей, подушку кирпичемъ, шелковые кушаки тальничной корой. серебряные — коноплянными. Ахъ чудо выдуманное, будучи равняющаяся (sic) съ быстротою побѣга добраго коня, за серебряныя деньги покупаемая, почетнымъ человѣкомъ препровождаемая, русскимъ чиновникомъ надсматриваемая съ шумомъ пустилася въ путь. Ну ужъ ужасная путешествуетъ знаменито вотъ, вотъ странная въ опредѣленное мѣсто, сердясь и усилившись въ 9-ти улусахъ наполнилась, 7-мь улусовъ вполнѣ рысью обошла, чтобы сблизиться, къ закускѣ пристала,—чтобы неторопливо было, наливкой стала,—чтобы разорить, простою стала,—чтобы опьянить, спиртомъ стала,—чтобы веселиться, фруктовой стала,—чтобы шаманить заставить, ромомъ стала,—чтобы заставить бѣсноваться, вишневою стала;—которая въ боченкѣ—почетнѣе, въ флягахъ—слаще, въ кожаной посудѣ—свѣжѣе, въ штофахъ — лучше, въ бутылкахъ — выше, въ стаканахъ — уважительнѣе, въ рюмкахъ почетнѣе. Охъ да ну рябята, странно мѣшаться начала, щедрѣе щедрыхъ и содомнѣе! Унизить въ положеніи вздумала—съ картами соединилась, нетерпѣнія достигла — содомъ

булла мора тобугунанъ бўлла. Кютюрь эестёхъ! кегяльджіянь, нусхальджіянъ, кутчанъ, улатанъ кёстёнь, сютянь кёрянь.

надѣлала, разсердилася — драку завела, озлилася — раззореніе устроила, проходить стала—головы поправить заставила; ссорившихся озлобленныхъ—примирила, друзей — развела; хмѣлѣть стала—небо по горло сдѣлалось, предпріимчивость нашла—море по колѣно стало. Эко враждебная! пошевеливается, не торопится, уменьшается, увеличиваясь виднѣется, теряясь поднимается.

Пѣсня эта сложена Якутами въ первое время доставленія въ городъ Якутскъ казенныхъ спиртныхъ напитковъ и съ того времени перешла къ ихъ потомкамъ—нашимъ современникамъ.

(Перевелъ казакъ Як. полка Н. И. Безносовъ).

Прим. Ред. Въ извѣстномъ трудѣ Ак. Бетлинга Объ языкѣ Якутовъ Böhtlingk, Otto, Ueber die Sprache der Jakuten. St.Petersburg 1951 г. между якутскими текстами помѣщены 6 загадокъ (S.95). Въ недавно полученномъ выпускѣ тома I Записки В. Сиб. Отдѣла И. Р. Г. Общ. «Верхоянскій Сборникъ» помѣщены лишь въ русскомъ переводѣ Якутскія сказки, пѣсни, *загадки* и пословицы. Всего 320 загадокъ.

Якутскій текстъ вѣрно напечатанъ по списку, доставленному г. Приклонскимъ

О народныхъ забавахъ въ Москвѣ, въ другихъ городахъ и мѣстахъ въ Духовъ день.

(1741 г.)

Въ протоколѣ засѣданія Святѣйшаго Правительствующаго Синода 1741 г. мая 13 дня читается: «А понеже какъ Святѣйшему Синоду небезъизвѣстно, что во многихъ благочестія Россійскаго мѣстѣхъ, вмѣсто подобающаго христіаномъ благовѣнства, различная нѣкая безобразія, безчинія и суевѣрія чинятся, имянно же оныя суть слѣдующія отъ всемірно торжественнаго живоноснаго Христова Воскресенія дне седмыя седмицы въ четвертокъ иже предъ недѣлею Сошествія Святаго Духа, завиваютъ березки вѣнками и объвязываютъ оныя, какъ чаятельно, съ нѣкіимъ суевѣрнымъ упованіемъ и между тѣмъ чинятъ пиршествы, скачки и пляски мужіе же и жены, а особливо въ великоторжественный Сошествія Святаго Духа день, который надлежитъ христіаномъ, въ воспоминаніе преславныхъ и неизглаголанныхъ чудесъ Божіихъ и великихъ Ево изліянныхъ на насъ благодѣяній, препровождать со всякимъ благоговѣніемъ и веселіемъ духовнымъ; а оные безчинники въ толь великій и святой день вмѣсто подобающаго благоговѣнія, вышепомянутыя березки износя изъ домовъ своихъ, аки бы нѣкую вещь честную, съ немалымъ людства собраніемъ провождаютъ по подобію еллинскихъ пиршествъ: овіи въ лѣса, овіи же къ водамъ потому съ великою скачкою и пляскою (между чѣмъ можетъ быть и не безъ сквернодѣйствія) и съ нелѣпымъ крикомъ, и кои къ водамъ ходятъ, оныя вѣнки съ нѣкіимъ суевѣрнымъ упованіемъ пущаютъ въ рѣки, а къ тому и то еще дѣлается, что въ Москвѣ и въ нѣкіихъ знатныхъ городѣхъ и мѣстѣхъ, во время крестныхъ въ монастыри и къ знатнымъ приходскимъ церквамъ въ храмовые праздники хожденій, поставляются въ развращеніе священному благочинію при тѣхъ монастыряхъ и церквахъ кабаки, и притомъ употребляются кулашные бои, скачки же и пляски, по инымъ мѣстамъ и конское ристаніе совершается»...

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Пешель: Оскаръ. «Народовѣдѣніе»—переводъ подъ редакціею и съ предисловіемъ Э. Ю. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ 555 + V—XVI стр. С.-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина. Цѣна 4 р.

Жизнь покойнаго Оскара Пешеля представляетъ для насъ извѣстный интересъ. У насъ нерѣдко люди, готовившіеся съ молоду къ ученой дѣятельности, бросали потомъ и науку и литературу или, отдавшись журнальной работѣ, съ годами постепенно утрачивали серьезность и добросовѣстность въ работѣ, пиша на-скоро, какъ попало, de relus omnibus et quibusdam aliis. Пешель, напротивъ, на журнальной работѣ воспиталъ и приготовилъ себя въ хорошаго ученаго. Пешель былъ даровитъ, но ничего особеннаго, геніальнаго въ немъ не было. И, умерши 49 лѣтъ, онъ оставилъ по себѣ нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ: Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen. 1858. (2 изд. 1877), т. е. Исторія вѣка открытій, Geschichte d. Erdkunde bis auf A. v. Humboldt и K. Ritter. München. 1865. (2-е изд. 1877), т. е. Исторія землевѣдѣнія до А. Гумбольдта и К. Риттера включительно, наконецъ, Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde als Versuch einer Morphologie dei Erdoberfläche. Leipzig. 1870. Новыя задачи сравнительнаго землевѣдѣнія, какъ попытка морфологіи земной поверхности. Перев. г. Турчаковскаго. Одесса. 1879.

Въ апрѣлѣ 1871 г. Лейпцигскій университетъ пригласилъ Пешеля на каѳедру географіи въ званіи ординарнаго профессора. Здѣсь въ годъ своей смерти (19 августа) онъ издалъ свое «Пародовѣдѣнье» (Völkerkunde. Leipz. 1875). По смерти Пешеля были изданы его друзьями: Abhandlungen zur Erd- u Völkerkunde, Собраніе его статей по географіи и этнографіи 1877—79. 3 т., Physische Erdkunde bearbeitet von Leipoldt (2-е изд. 1883—85 г. 2 тома), т. е. Физическая географія; Europäische Staatenkunde, bearbeitet von Krümmel (1 Abth. I Bandes 1880 г., т. е. обзоръ Европейскихъ государствъ 1 отд. 1-го тома. Въ 1876 году вышелъ составленный имъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ Рих. Андрее физико-географическій и статистическій атласъ Германской имперіи.

Какъ же выработался изъ Пешеля такой видный научный дѣятель? 22-хъ лѣтъ Пешель окончилъ юридическій курсъ въ Лейпцигѣ, въ томъ же году онъ представилъ на полученіе докторскаго (по нашему кандидатскаго) диплома диссертацію «О понятіи трагическаго въ новой драмѣ. Критика Аристотелевской піитики». Въ слѣдъ затѣмъ Пешель—это былъ 1848 г.—бросился въ политику, и съ того года до 1854 г. былъ постояннымъ сотрудникомъ, а потомъ и соредакторомъ Аугсбургской «Всеобщей Газеты», одной изъ лучшихъ нѣмецкихъ политическичъ газетъ, извѣстной и своими научно-литературными прибавленіями, въ коихъ всегда участвовали многіе лучшіе нѣмецкіе писатели и ученые. Съ 1854 г. до своей профессуры въ Лейпцигѣ (1871 г.) Пешель около 17 лѣтъ состоялъ редакторомъ періодическаго изданія «Ausland». Если въ редакціи «Algem. Zeit.» въ Пешелѣ сталъ приготовляться, то за редакціею «Ausland'а» въ немъ окончательно сложился и выработался настоящій научный дѣятель. Благо той журналистикѣ, которая не заѣдаетъ и не убиваетъ дарованій, не отворачиваетъ и не отбиваетъ навсегда юныхъ ученыхъ отъ науки, а

напротивъ не хуже иного университета воспитываетъ и приготовляетъ хорошихъ ученыхъ изъ молодыхъ даровитыхъ людей съ высшимъ, правда, образованіемъ, но даже еще не обнаружившихъ своихъ наклонностей къ извѣстному отдѣлу знанія. Независимо отъ разныхъ другихъ условій русской и нѣмецкой общественной жизни, важное значеніе имѣетъ тутъ безспорно и характеръ господствующихъ у насъ и у Нѣмцевъ журналовъ. При недавнемъ еще полномъ почти отсутствіи у насъ небольшихъ спеціальныхъ журналовъ, предназначаемыхъ впрочемъ не исключительно для ученыхъ, но для всей образованной публики, наша выходящая изъ университетовъ молодежъ не могла и понынѣ еще мало имѣетъ возможности въ литературной обязательной работѣ находить не препятствія, а напротивъ благопріятные способы для дальнѣйшаго усовершенствованія въ любимой отрасли знанія. Такая литературная работа, приготовляющая ученыхъ, возможна лишь въ небольшихъ спеціальныхъ журналахъ съ хорошими редакторами, которые своимъ молодымъ сотрудникамъ могутъ служить почти не менѣе полезными руководителями, чѣмъ опытные профессора въ университетскихъ семинаріяхъ.

«Народовѣдѣнье» Пешеля ни по своему объему, ни по глубинѣ мысли и учености не можетъ быть сравниваемо съ превосходнымъ трудомъ Ѳ. Вайца по антропологіи, но оно, особенно въ послѣднемъ своемъ изданіи, благодаря дополненіямъ Кирхгоффа, имѣетъ достоинства яснаго, сжатаго изложенія общаго курса народовѣдѣнья съ довольно хорошимъ указаніемъ литературы предмета. Языкъ перевода, къ сожалѣнію, не отличается особымъ изяществомъ и нерѣдко даже страдаетъ разными неправильностями. Впрочемъ и въ предисловіи редактора встрѣчаемся съ такими фразами: «Пешель является достойнымъ воспріемникомъ идей Риттера и Гумбольдта»,—«его не всегда-то основательная, но всегда увлекательная полемика», «издатели ихъ не всегда-то оказывались на высотѣ задачи», «Пешель не раздѣлялъ Риттера и Гумбольдта, какъ антагонистовъ», «онъ стремится къ суммированію всѣхъ антропологическихъ признаковъ».

«Проф. Петри говоритъ: «въ орѳографіи географическихъ и этнографическихъ именъ мы придерживались какъ Пешеля, такъ и того, по возможности правильнаго произношенія, которое установилось на западѣ». Неужели г. Петри полагаетъ, что въ настоящее время Французы, Англичане, Нѣмцы, правильно—и что значитъ правильно?—произносятъ всѣ возможныя слова или имена собственныя различныхъ азіатскихъ, африканскихъ и пр. пр. языковъ и народовъ? Этому, по его мнѣнію, правильному произношенію «намъ, съ нашею своеобразною передѣлкою чуждыхъ названій, давно пора было бы послѣдовать». — Почтенному автору конечно очень хорошо извѣстно, какъ различно произносятъ «на западѣ» (Французы, Нѣмцы, Англичане) Латинскія даже слова и реченья. Тамъ стремятся достичь единства въ правописаніи словъ или именъ разныхъ чужихъ языковъ, но и оно еще не достигнуто. У насъ же вопросъ осложняется разностью азбукъ. Французы, Нѣмцы, Англичане, Испанцы одинаково могутъ писать Mexico,—хотя и не пишутъ, а произноситъ, какъ пожелаютъ и какъ умѣютъ. Мы же произнося разно, разно и пишемъ: и Мексика и Мехика. Не понимаю, почему напр. Сейлонъ (у г. Петри) лучше Цейлона? Новѣйшія живыя сношенія массы Англичанъ, Нѣмцевъ, Французовъ и пр. съ восточною западною и внутреннею Африкою скоро внесутъ, если уже не внесли, не мало новыхъ словъ—именъ нарицательныхъ и собственныхъ сначала лишь въ англійскую, нѣмецкую, французскую, итальянскую рѣчь колонистовъ, купцовъ и промышленниковъ, а черезъ нихъ въ послѣдствіи и въ литературные языки Англійскій, Французскій, Нѣмецкій и Итальянскій языки. И не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что одно и тоже африканское слово въ этихъ четырехъ языкахъ будетъ не менѣе различно произноситься и писаться, чѣмъ теперь произносятся и даже пишутся имена разныхъ Европейскихъ столицъ: Москвы, Лондона, Вѣны...

Въ переводѣ «Народовѣдѣнья» Пешеля нуждалась русская литература, и за усвоеніе ей этого труда надо поблагодарить и редактора и издателя. Нельзя впро-

чемъ не пожалѣть, что цѣна назначена слишкомъ высокая. Она значительно помѣшаетъ распространенію книги въ провинціи, между людьми интересующимися этнографіею: 4 р. 60 к. съ пересылкою.

Пыпина, А. Н. Исторія русской этнографіи. Т. I. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская Спб. 1890 г. IV + 424 стр.

Образованный и ученый знатокъ древней, старинной и новой русской и западныхъ славянскихъ литературъ приступилъ къ изданію давно имъ задуманнаго и по частямъ даже отпечатаннаго труда еще съ 1880 г., если не раньше. За этимъ первымъ томомъ должны послѣдовать еще три, которые почтенный авторъ надѣется выпустить въ свѣтъ въ нынѣшнемъ даже году. II томъ будетъ посвященъ великорусской этнографіи съ конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ до новѣйшаго времени, III т.—этнографіи малорусской и IV т.—бѣлорусской.

Въ первомъ томѣ мы находимъ краткій очеркъ изученій народности у насъ съ конца XVII и начала XVIII в. до настоящаго времени (стр. 17—50) и затѣмъ частныя обозрѣнія господствовавшихъ у насъ понятій о народности въ XVIII в. (51—77), научныхъ изслѣдованій Россіи въ XVIII в., съ Петра Великаго до Екатерины II включительно, о трудахъ по географіи и исторіи Россіи, по русской филологіи (стр. 178—196). Вторая большая половина тома занята обзоромъ научнаго изученія Россіи въ царствованіе Александра I и Николая I. Здѣсь картина уже значительно съужена противъ XVIII в., здѣсь уже не разсматриваются и часто даже не упоминаются ни географическія изслѣдованія первой половины нашего столѣтія, ни масса работъ по отысканію и обнародованію источниковъ и матеріаловъ русской исторіи, государственной, церковной, литературной... Въ главѣ VI (Александровскія времена, стр. 203—232) находимъ не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ нѣсколько страницъ (205—208) о Радищевѣ, сравнительно мало о Карамзинѣ-историкѣ, о работахъ и изысканіяхъ Бантыша-Каменскаго, митрополита Евгенія, самихъ Калайдовича и Востокова, къ коимъ авторъ относится съ понятнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Указавъ на высоковажное значеніе разсужденія Востокова о славянскомъ языкѣ (1820 г.), упомянувъ и его переводы сербскихъ народныхъ пѣсенъ, авторъ не отмѣтилъ его раннихъ работъ по народному языку ни важнаго разсужденія о русскомъ стихосложеніи, въ свое время замѣченнаго и оцѣненнаго Пушкинымъ, ни другихъ трудовъ 40-хъ годовъ. Далѣе, иныя замѣчанія о Пушкинѣ (на стр. 402, 405, 407, 420) покажутся не немногимъ односторонними и невѣрными.

Довольно большая глава посвящена Надеждину (стр. 233—272), чего онъ вполнѣ заслуживаетъ въ исторіи русской этнографіи, но можно было ожидать выписокъ и извлеченій не столько изъ его статей въ Телескопѣ о Пушкинѣ и русской поэзіи,—тутъ Надеждинъ обнаруживалъ мало вкуса и пониманія,—сколько изъ его позднѣйшихъ статей въ Энциклопедическомъ Словарѣ Плюшара, въ «Библіотекѣ для Чтенія», въ «Журн. М. Вн. Д.», въ «Wiener Jahrbücher», въ «Ж. Мин. Нар. Просв.» и въ «Записк. Геогр. Общ.» Въ слѣдующихъ главахъ находятся интересныя замѣчанія о Сахаровѣ, Снегиревѣ, Пассекѣ и Далѣ. Въ главѣ X нѣсколько неожиданно встрѣтились съ трудами по малорусской этнографіи кн. Цертелева, Максимовича, Срезневскаго и о Маякѣ, и нашли очень мало о Москвитянинѣ сороковыхъ годовъ и ничего о первыхъ двухъ Московскихъ сборникахъ, за исключеніемъ упоминанія о цензурныхъ выходкахъ противъ стихотворенія Хомякова. «Кіевъ» и статей «Москвитянина» о Турецкихъ и Австрійскихъ Славянахъ.

За окончаніемъ исторіи русской этнографіи, авторъ нашъ намѣренъ приступить къ печатанію составленной имъ систематической библіографіи русской этнографической литературы. Полное изданіе этого важнаго труда вмѣстѣ съ библіографическимъ указателемъ составитъ цѣлое событіе въ нашей наукѣ и немало конечно послужитъ ея дальнѣйшему развитію.

O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Linguistisch-historische Beiträge zur Erforschung des indo-germanischen Altertums. Zweite vollständig umgearbeitete und beträchtlich vermehrte Auflage. Jena 1890.

Новое изданіе книги Шрадера (русскій переводъ перваго изданія подъ заглавіемъ: Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія. Спб. 1886 г.) значительно отличается отъ перваго, какъ бо́льшимъ количествомъ лингвистическаго матеріала, такъ и большею тщательностью сопоставленій, которая особенно нужна въ такого рода работѣ, какъ возстановленіе первобытной культуры по лингвистическимъ даннымъ. Книга распадается, какъ и первое ея изданіе, на 4 части. Въ первой излагается исторія развитія «лингвистической палеонтологіи». Вторая—занимается методами изслѣдованія подобнаго рода вопросовъ, при чемъ авторъ обращаетъ особенное вниманіе на то, въ какія ошибки можетъ впасть изслѣдователь при слишкомъ поспѣшныхъ выводахъ изъ сопоставленій. Такимъ образомъ онъ приходитъ къ тому заключенію, что эти выводы во многихъ случаяхъ имѣютъ только ту или другую степень вѣроятности, отнюдь не болѣе. Въ слѣдующей, третьей части разсматриваются металлы, поскольку они были извѣстны Индо-Европейцамъ. Авторъ признаетъ самымъ вѣроятнымъ, что мѣдь была уже имъ извѣстна. Относительно другихъ металловъ (золота, серебра, бронзы, желѣза, олова и свинца) авторъ не дѣлаетъ никакихъ положительныхъ выводовъ и обращаетъ вниманіе на то, что знакомство съ металлами, могло происходить отъ сношеній съ сосѣдними народами. Поэтому онъ намѣчаетъ также и пути, которыми оно могло распространяться какъ отъ племенъ неиндоевропейскихъ, такъ и между самими Индо-Европейцами. Наконецъ послѣдняя часть, болѣе всѣхъ измѣненная противъ перваго изданія, разсматриваетъ первобытную жизнь (die Urzeit) Индо-Европейцевъ: окружавшую ихъ природу, скотоводство, земледѣліе, пищу, одежду, жилище, семью, государство и религію—все это, конечно, по лингвистическимъ даннымъ. Тутъ авторъ обращаетъ главное вниманіе на то, какія данныя можно найти въ этомъ для опредѣленія прародины Индо-Европейцевъ. Къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ не вполнѣ ясно для читателя, почему авторъ принимаетъ тотъ или другой выводъ; а такъ какъ въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ тому заключенію, что выводы его вполнѣ (за рѣдкими исключеніями) совпадаютъ съ тѣмъ, что̀ найдено археологами въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, и потому очень вѣроятно предположеніе, что жители ихъ принадлежали индоевропейскому племени, то невольно закрадывается сомнѣніе, не вліяли ли находки археологовъ на выводы автора изъ лингвистическихъ данныхъ? Въ послѣдней главѣ, представляющей итогъ выводовъ всей этой части, авторъ представляетъ ипотезу, гдѣ могла находиться прародина Индо-Европейцевъ. За прародину Европейцевъ, которые, по его мнѣнію, должны были нѣкоторое время жить общею жизнью, онъ считаетъ мѣстность ограниченную нижнимъ теченіемъ Дуная, Трансильванскими Альпами, Карпатами и Днѣпромъ, а прародину азіатскихъ Индо-Европейцевъ находитъ въ восточномъ Иранѣ. Къ опредѣленію общей прародины Индо-Европейцевъ онъ приходитъ слѣдующимъ путемъ (стр. 631): предполагая, что родины европейской и азіатской части Индо-Европейцевъ одинаково были удалены отъ предполагаемой общей ихъ родины, онъ находитъ, что линія, проведенная отъ устья Дуная къ среднему теченію Волги (устье Самары), приблизительно равна линіи, проведенной отъ устья Самары до верхняго теченія Окса или Яксарта. Тутъ-то на среднемъ теченіи Волги онъ и помѣщаетъ прародину Индо-Европейцевъ. Далѣе онъ разсматриваетъ, насколько самарскія степи соотвѣтствуютъ во всѣхъ отношеніяхъ выводамъ лингвистики, и находитъ, что соотвѣтствіе—полное. Самое названіе Волги—древнее Ра онъ производитъ отъ индоевропейскаго корня sru—течь, разлагая греческое Ῥᾶ=ῬαϜα, а это производя изъ *srâva (стр. 633). Трудно сказать, насколько вѣроятна эта ипотеза; съ увѣренностью можно сказать только то, что и она не устраняетъ массы сомнѣній.

P. v. Bradke. Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Altertumwissenschaft. Historisch-kritische Studien. Giessen. 1890.

Книга Брадке имѣетъ въ виду первое изданіе книги Шрадера «Sprachvergleichung und Urgeschichte», и потому является нѣсколько запоздавшей критикой. Но въ нѣкоторыхъ частяхъ она не теряетъ своего значенія и относительно втораго изданія книги Шрадера. Авторъ во многомъ не согласенъ со Шрадеромъ и, несмотря на то, что пишетъ «о методѣ и выводахъ» лингвистической палеонтологіи, менѣе всего касается той части книги Шрадера, гдѣ онъ разбираетъ пріемы такого рода изслѣдованій. Если авторъ справедливо указываетъ на нѣкоторую непослѣдовательность Шрадера тамъ, гдѣ онъ отступаетъ отъ принятыхъ правилъ; то съ другой стороны во многихъ случаяхъ выводы Брадке, которые онъ противупоставляетъ шрадеровскимъ, не могутъ претендовать на большую степень вѣроятности. Нельзя не отмѣтить еще большаго недостатка въ книгѣ Брадке. Во многихъ мѣстахъ онъ просто глумится надъ Шрадеромъ и вовсе, по видимому, не желаетъ объяснять, въ чемъ онъ видитъ недостатки его выводовъ и пріемовъ. Большое количество выписокъ, вмѣстѣ съ совершенно ненужными упоминаніями о «будущихъ біографахъ доктора Шрадера» и привычка автора повторяться слишкомъ увеличиваютъ объемъ книги, съ уменьшеніемъ котораго она значительно выиграла-бы, такъ какъ все таки многія возраженія автора дѣйствительно вѣски.

Веске, М. П.—Славяно-Финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань. 1890. (Изъ Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи за 1890 г. Т. VIII, вып. I). III + 303 + XX.

Трудъ замѣчательный и важный и для филологовъ, и для этнологовъ, для исторіи финскихъ и славянскихъ языковъ и народностей. По своимъ достоинствамъ и по своему значенію, эта отличная ученая работа даровитаго, прекрасно подготовленнаго и увы! уже покойнаго Веске должна быть поставлена рядомъ съ извѣстнымъ изслѣдованіемъ датскаго ученаго Томсена «О вліяніи германскихъ языковъ на Финско-Лопарскіе» (нѣм. перев. «Ueber den Einfluss d. germ. Spr. auf die Finnisch-Lappischen. Halle.» 1870.).

Сверхъ небольшаго предисловія и указателя разобранныхъ словъ, это изслѣдованіе Веске состоитъ изъ трехъ частей: въ первой (1—136) разсмотрѣны—финскія слова въ русскомъ языкѣ, во второй—славянскія, русскія и литовскія слова въ финскихъ нарѣчіяхъ, въ третьей—общія слова въ славянскомъ, русскомъ, литовскомъ и финскихъ языкахъ.

Сверхъ многихъ собственныхъ мѣстныхъ именъ преимущественно въ сѣверной и частію въ средней Россіи—финскаго происхожденія: Шенкурскъ, Тотьма, Валдай, Волга, рр. Югъ, Юга, Вель, и пр. и пр., здѣсь разобраны преимущественно сѣверныя областныя слова, «относящіяся къ рыболовству и передвиженію на водѣ «1) вальчагъ, лохъ, кирьякъ, лопшать, панъ, сорога, сорга, салакуша, сельдь, селава, сельга, галадья, шалега, макса, ямега, морда (рыболовной снарядъ), сойма, алажка, мылица, мульга»;—слова, относящіяся къ области природы: «курья, кулига, калуга (?), салма, шалга, туръ (печной столбъ—Арх. г.), кенда, мегъ, юркой (крутой, покатый), колдоба, когма и когва, шуга и шугъ, шухъ, шупъ, хонга, конда, мянда, мяндачь, паккула, чага, мороха, морошка, ягель, жижка, шира, лутокъ; наконецъ слова, означающія большею частью издѣлія изъ чего-либо (с. 89 и сл.): кенга, кеньга, каньги, койба, койбеницы, куракъ, кута (?)=изба, хата, гигна, игна, шакала, сарья, сарга, тарья, рога, шабала, лянгасъ, елаха, алаха; наконецъ слова смѣшаннаго значенія (с. 96 и сл.) «кайковать, кòлкать, калотать, кульпаться, тякчить, рабить (?), кетовать, мàлтать, малчить, кехтать, ряхаться (?) рядиться, котышить, коты-

чить, тȍркать, торнуть (?), турить (?), мулить, ляпать (?), лебезить (?), холить (?), гонить (?), лытать, лыскать (?), лынь, лѣнгасъ, лѣнгусъ, лѣнжъ, галубать (?), рава, кобарка, турба, юрить (?), кульма, шагла, ботать, вѣхоть (?), коверкать, коверзень, каверза, ковырять, кауриться, куердить, кувыркать,—всего, безъ мѣстныхъ названій, 88 словъ, безъ ихъ производныхъ.

Въ заключеніе (стр. 136) Веске замѣчаетъ: «мы надѣемся, что въ будущемъ еще удастся намъ дать на судъ публики бȍльшее количество примѣровъ, хотя розысканія на этой почвѣ и представляютъ не мало трудностей». Указавъ на статью Я. К. Грота «Слова Областнаго Словаря, сходныя съ финскими», Веске прибавилъ, что этотъ ученый «привелъ извѣстное количество словъ, заимствованныхъ Русскими у Финновъ, но на самомъ дѣлѣ матеріалъ гораздо обширнѣе, чѣмъ мы видимъ у Грота,—много словъ остались имъ не замѣчены. Противъ тѣхъ заимствованій, которыя приводитъ Я. К. Гротъ, я, съ своей стороны, не могу ничего сказать, а относительно необработаннаго еще матеріала я постараюсь сдѣлать должныя розысканія и представить ихъ вниманію читателей».

У Грота въ этой статьѣ указаны 62 слова, заимствованныя Русскими у Финновъ. Прибавивъ ихъ къ 88 словамъ, замѣченнымъ Веске, получимъ 150 словъ, безъ ихъ производныхъ. Но надлежитъ замѣтить, что нѣкоторыя отмѣченныя Гротомъ слова вошли и въ списокъ Веске. Такъ у Грота находимъ слѣд. слова: кенда, кехтать, кобра, конга, мянда, рага, равга, салма, хонга, юркій (покатый), шира. И такъ, одинадцать словъ, отмѣченныхъ Гротомъ, попали и въ число 88 словъ, приводимыхъ у Веске; слѣдовательно пока отмѣчено не 150, а 139 словъ. Изъ нихъ надо еще изъять нѣсколько словъ и у Грота и у Веске; такъ въ числѣ 62 словъ Грота — находятся: ялань тоже что алань, какъ особое слово,—слова хвастать и ховать, хортъ, вица, которыя и самъ Гротъ не считаетъ заимствованными отъ Финновъ, ряски (изодранное платье), яко бы отъ финск. rätti—лохмотье, тряпка, или räpä — изодранное платье, и лѣка (счетъ), лѣчить считать яко бы отъ luku, число, счетъ, lukea, считать, вага, сила, вараток, яко бы отъ wari — кипятокъ. И такъ, собственно финскихъ словъ отмѣчено Я. Г. Гротомъ не 62, а 51. Значитъ, изъ 139 словъ придется вычесть еще 11, итого 128. Но и изъ этихъ нѣкоторыя слова употребляются Русскими на сѣверѣ лишь въ разговорѣ о Лопаряхъ и Корелахъ и объ употребительныхъ у нихъ предметахъ. Наконецъ, нѣкоторыя производства словъ покойнаго Веске или положительно ошибочны, напр. гонить, лебезить, ряхаться (неряха, древнесл. рѣсьнъ, рѣсьнота, рѧсьнъ, Серб. далм. урес, Слов. rês.), турить, торкать, торнуть, или очень сомнительны, напр. кута, ляпать, вѣхоть, юрить. Слѣдовательно можно признать, что пока отмѣчено вѣрныхъ финскихъ словъ въ русскомъ языкѣ не болѣе 100 съ небольшимъ. Положимъ, еще наберется нѣсколько десятковъ, хотя бы даже еще столько же, т. е. 100 слишкомъ словъ, чтȍ, впрочемъ, мало вѣроятно. Все же количество финскихъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, нельзя не считать довольно незначительнымъ и не столько по ихъ количеству, сколько по ихъ смыслу, и сравнительно съ давностью, близостью и непрерывностью сношеній Русскихъ съ Финнами западными и восточными, съ огромнымъ просторомъ земли, гдѣ они сосѣдили и сосѣдятъ, наконецъ, съ количествомъ и смысломъ славянскихъ словъ, заимствованныхъ финскими же, но издавна уже смѣшанными съ турецкою стихіею, Мадьярами.

Слова русскія, славянскія заимствованныя Финнами разныхъ наименованій, еще должнымъ образомъ не сосчитаны. Онѣ совсѣмъ иного характера.

Вторая часть изслѣдованія представляетъ особенно важный интересъ. Тутъ отмѣчены, сколько намъ извѣстно въ первые у Веске, и это вмѣняемъ ему въ особую заслугу, нѣкоторые замѣчательные и въ высшей степени цѣнные для сла-

вянской филологіи и этнологіи факты. Нѣкоторыя изъ заимствованныхъ Финнами изъ славянскаго языка словъ указываютъ на глубокую древность.

Таковы слѣд. слова:

У Эстовъ unda, у Ливовъ uunda—уда̀, удочка. Несохранившееся древне-слав. онда—ѫда.

У Эстовъ rändan идти, rändama ходить, скитаться—русское гряду, древне слав. грѧдѫ.

У з. Финновъ suntia наказывать и пр. У Эстовъ sund принужденіе, приказаніе, судъ; у Ливовъ sunn (вм. sund), наказывать, судить. Русское судъ, судить, древне-слав. сѫдъ, сѫдити.

Мокша-Мордовское слово pandan гнать—въ друг. финскихъ нарѣчіяхъ Веске соотвѣтствующихъ словъ не находитъ — русское пудить — гнать, древне-слав. пѫдити.

У Финновъ rinda грудь, у Эстовъ, rind, rend, rond; у Ливовъ riinda, Лопарское radde—грудь—русское грудь, древнее слав. грѫдь. Такимъ-же образомъ сохраняютъ слѣды носовыхъ (ѫ,ѧ) слѣд. финскія, заимствованныя изъ славянскаго языка, слова—onte, ontto, Мокша-Морд. undu—дупло, пустой внутри—утлый, ѫтлъ; punga—пуговица; sango, hanko, sang—сукъ, сѫкъ; Эст. rang, raangas, ränki—прѧжитисѧ, сѫпрѫгъ, прѧгѫ и пр.; konts (осн. konsu и konsa) кусъ, куцый; ansa петля, Лит. asa, ansa, ѫза, узелъ, hammas, zambas зѫбъ, зубъ; tempaan, Лит. tempin, tempti, тяпать; tömp, тѫпъ, тупой. Далѣе, по мнѣнію Веске, слѣд. слова русскія, праславянскія и славяно-литовскія вошли также въ финскія нарѣчія: Лит. szalna иней, слана, tukstantis, тысѫща, тысяча, мезга, мязга, воскъ, рѣзка, рѣзакъ, опушка, вожжа, дрязгъ, дрязга, связка, связь, тощій (см. стр. 173 любопытное замѣчаніе), тискать, kausis, ковшъ, весна и обл. вешна, семья, язъ, явати, кара, карать, ладъ, ладить, кладъ, власть и пр., вапъ, вапа, падь, падина, край, травить, ласка, ласковый, истина, мир. нашь, польск. naš, жало, сапогъ, баить, квасъ, бранить, окно, солгать, слагать, кожа, коса, косма, косарь, косырь, кошъ, кошница, кошель, лопата, товаръ, доба, добрый, долбить, долото, скоба, скобка, скобель, копыто, купоросъ, врабій, воробей, пласа, полоса, сорока, Лит. szarka, свобода, Лит. žardas, жердь, Лит. talka, р. толока, Лит. straadas, дроздъ, крестъ, крестины, верба, серпъ, лента, бердо (въ ткацкомъ станкѣ), верста, деньга, вѣкъ; увѣчье, увѣчить, вихорь, дитя, вишня, синій, иго (въ Финск. ijes. Эст. ige. См. стр. 212—3 и 303), щипцы, пирогъ, пиръ, лицо, ликъ, липь, нить, тло, Лит. tiltas, либо, плету, плеть, кресло, гребу, гребецъ, берегъ, склепъ, желтый, Лат. geltas, ведро, четверть, сѣмя, сѣять, рѣпа, сѣрый, лѣнь, претить, ложка, торгъ, хортъ, копица (межевой знакъ, насыпь), горсть, доблесть, доблій, скорбь, шелкъ, балванъ, домовой, бокъ, ножь, тулка, буракъ, курта, куртка, кумъ, кума, тулупъ, чулокъ, чулки, мурава; муравей, дубина, будка, крючокъ, кудри, куль, гультяй, гуляка, курва, дура, дуракъ, дума, думать, бурый, бурко, улица, скупой, умъ, толкъ, кормъ, торба, колъ, коты, кошка, конь, костеръ, костра, воля, хлопецъ, проворный, гость, гостинецъ, воръ, родъ, родня, горохъ, столбъ, соль, соленый, розга, мокрый, мочить, мука, мученье, мучиться, лука, лукъ, лужа, гумно, жаль, жалость, жалѣть, жаловать, тряпка, тряпица, ярушка, ярка, верея, ворота, мѣра, веретено, недѣля, грѣхъ, престолъ, хлѣвъ. Итого 175 словъ русскихъ, праславянскихъ и славяно-литовскихъ.

«Въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, говоритъ Веске въ заключеніе этой главы,—мы должны теперь пріостановить пока продолженіе этой второй части нашей работы,—указанія словъ, заимствованныхъ Финнами изъ славянскаго, русскаго и литовскаго языка. Намъ предстоитъ въ предполагаемыхъ послѣдующихъ выпускахъ еще яснѣе обрисовать то культурное вліяніе Славянъ, Русскихъ и Литовцевъ на Финновъ, которое сильно сказывается въ языкѣ послѣднихъ, и привести еще нѣкоторое количество заимствованныхъ словъ, подводя ихъ также подъ извѣстные звуковые законы« (стр. 260).

→

Въ третьей части приведены слова финскія и славянскія, «которыя по звукамъ и по значеніямъ одинаковы между собою, но почему они одинаковы, болѣе или менѣе затруднительно пока доказать».

Здѣсь приведемъ слѣд. славянскія слова: баса, баской — только у Русскихъ изъ Славянъ и у Зырянъ изъ Финновъ, бѣгъ, — бѣгать и цѣлая группа финскихъ словъ въ разныхъ нарѣчіяхъ, шмель и чмель, дубъ, гусли, градъ, городъ, хмель, яга-баба, баба-яга, ярый, ярусъ, калига, Лит. kãra, kãria воскъ, кудель, конать, куна, кора, (едва-ли въ финскихъ нар. большая часть ихъ не заимствована).

Въ указателѣ помѣщены всѣ приведенныя въ сочиненіи слова славянскія, русскія, литовскія, собственно Финскія, Эстонскія, Ливонскія, Вопскія, Вепскія. Мордовскія, Черемисскія, Зырянскія, Лапарскія.

Въ «Живой Старинѣ» еще не разъ конечно будетъ рѣчь о трудахъ Веске. Разставаясь съ послѣднимъ высоко-замѣчательнымъ трудомъ, не можемъ не выразить глубокаго прискорбія о преждевременной смерти этого даровитаго ученаго.

Труды седьмаго Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ 1887 г., подъ редакціей графини Уваровой. Томъ I. Москва. 1890.

Изданія трудовъ Съѣздовъ, показывая результаты ихъ дѣятельности и успѣхи нашей археологіи, въ тоже время даютъ возможность появляться въ печати весьма почтеннымъ изслѣдованіямъ. Таково именно изслѣдованіе проф. Н. В. Покровскаго, занимающее больше половины перваго тома трудовъ Ярославскаго Съѣзда,—«Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ». Намѣтимъ вкратцѣ вопросы, разбираемые г. Покровскимъ. Установивъ обособленное положеніе иконографическаго содержанія въ древнихъ западно-европейскихъ храмахъ, г. Покровскій останавливается на храмахъ византійскихъ, своимъ архитектурнымъ складомъ доставлявшихъ просторъ для стѣнописи. «Отъ этого византійскаго источника, говоритъ онъ, получили свое начало древнія стѣнописи русскія и греческія эпохи возрожденія греческаго искусства въ XVI—XVII вв.» Въ слѣдствіе этого, памятники раздѣляются у него на слѣдующія группы:

1) Памятники византійскіе отъ XI в. до паденія Константинополя.

2) Памятники русско-византійскаго типа, главнымъ образомъ стѣнописи кіевскія, новгородскія и владиміро-суздальскія.

3) Памятники греческіе XVI—XVII вв., преимущественно Аѳонской горы.

4) Стѣнописи русскія того же времени и особенно стѣнописи храмовъ ярославскихъ.

Этотъ прекрасный трудъ профессора Покровскаго имѣетъ весьма важное значеніе между прочимъ и потому, что представляетъ попытку дать общій обзоръ иконографическихъ сюжетовъ въ ихъ постепенной преемственности, отмѣчая видоизмѣненія по времени и по мѣсту какъ въ византійскихъ, такъ и въ русскихъ памятникахъ иконографіи и символики. Къ изслѣдованію приложены 27 №№ превосходно исполненныхъ фототипическихъ снимковъ съ стѣнописей двухъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи русскихъ стѣнописей.

Изъ другихъ статей этого тома можно указать на слѣдующія: Н. Бранденбурга, «О признакахъ курганныхъ могилъ языческихъ Славянъ въ сѣверной полосѣ Россіи», преимущественно новгородскихъ, у о. Ильменя и по р. Волхову; Н. Троицкаго, «Берега р. Непрядвы въ археологическомъ отношеніи»; на двѣ статьи А. Верещагина, «о Вятскомъ лѣтописцѣ», доказывающія ошибку въ обозначеніи года заселенія Вятки новгородскими выходцами: (1174 вмѣсто 1374), и наконецъ, на сжатый прекрасный докладъ проф. Д. Багалея о томъ, «что желательно для русской исторической географіи».

Этнографическое обозрѣніе. Изданіе Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московсковскомъ Университетѣ, подъ редакціей секретаря Этнографическаго Отдѣла Н. А. Янчука. Москва. 1890. № 1, книга IV и № 2, книга V.

Посвятивши себя изученію «преимущественно» народностей Россіи и главнымъ образомъ ихъ духовнаго быта: обрядовъ, вѣрованій, обычнаго права, народной словесности и проч., Этнографическое Обозрѣніе восполняетъ значительный недочетъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ. То сочувствіе ученыхъ и читающей публики, съ которымъ встрѣчены были первыя книги этого журнала и о которомъ говорится отъ имени редакціи на первыхъ страницахъ IV-й книги, будетъ безъ сомнѣнія рости по мѣрѣ выхода слѣдующихъ книгъ тѣмъ болѣе, что, судя по вышедшимъ, разнообразіе въ матеріалахъ Обозрѣнія все увеличивается.

Въ первой книгѣ текущаго года большая часть статей ея удѣлена инородцамъ: двѣ важныя статьи, одна М. Ковалевскаго, «Дагестанская Народная Правда», разбирающая юридическій сборникъ XVII вѣка, другая проф. В. Миллера, «Кавказскія сказанія о циклопахъ»; — Н. Ядринцева, «О культѣ медвѣдя, преимущественно у сѣверныхъ инородцевъ»; изслѣдованіе И. Богаевскаго, «Очерки религіозныхъ представленій Вотяковъ», подробно останавливающееся на указаніи слѣдовъ родовой формы общежитія среди Вотяковъ, которыми можетъ быть объяснена часть современныхъ религіозныхъ представленій, и статья П. Назарова, «къ этнографіи Башкиръ», дающая подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ интересный очеркъ ихъ быта, на основаніи личныхъ наблюденій. Затѣмъ, статья—Г. Куликовскаго, «Похоронные обряды Обонежскаго края», кромѣ похоронныхъ и поминальныхъ обрядовъ, приводитъ повѣрья Обонежцевъ о болѣзняхъ и о душѣ; статья Н. Сумцова посвящена ворону въ народной словесности и статья г. Васильева «Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ Украинскаго народа», состоитъ изъ народныхъ разсказовъ о долѣ, бѣдѣ, недѣлѣ и пятницѣ, записанныхъ авторомъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, и краткаго къ нимъ объясненія.

Вторая книга содержитъ только двѣ статьи объ инородцахъ, изъ которыхъ одна составляетъ продолженіе изслѣдованія г. Богаевскаго, «Очерки религіозныхъ представленій Вотяковъ, о началѣ которой мы уже упоминали, а вторая—краткое описаніе чувашской свадьбы В. Ашмарина и Е. Шкапскаго. Украшеніемъ остальной части содержанія этой книги служатъ весьма цѣнныя статьи проф. и акад. А. Н. Веселовскаго и проф. В. Ѳ. Миллера. Первому принадлежатъ новые матеріалы «Къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ», а второму — «Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ»: О Добрынѣ въ отъѣздѣ и выходѣ его жены замужъ за Алешу Поповича и о боѣ отца съ сыномъ. Далѣе, имѣетъ интересъ историко-этнографическій этюдъ М. Запольскаго о Чародѣйствѣ въ сѣверо-западномъ краѣ въ XVII—XVIII вв., не смотря на свою краткость; къ нему приложены два заклинанія противъ чаръ, сообщенныя В. Антоновичемъ, по рукописи XVII вѣка изъ Галиціи. Сверхъ этихъ статей, во второй книгѣ помѣщены: переводъ съ англійскаго статьи Э. Тайлора, «О методѣ изслѣдованія развитія учрежденій въ примѣненіи къ законамъ о бракѣ и происхожденіи»;—«Къ исторіи сказаній объ искусномъ стрѣлкѣ», Н. Сумцова, и «Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ», П. И., гдѣ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ является ап. Петръ. Скажемъ еще нѣсколько словъ о некрологахъ— Г. Минейки, Н. Первухина, Д. Бакрадзе, Н. Барсова, М. Веске и Ю. Кольберга, которыми обозрѣніе честью поминаетъ своихъ почившихъ сотрудниковъ, и о последнемъ отдѣлѣ — библіографіи. Ею дѣйствительно можетъ гордиться Обозрѣніе. Здѣсь мы находимъ очень полный обзоръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже рецензіи не только книгъ русскихъ и иностранныхъ, но даже журнальныхъ и газетныхъ статей. Во второй книгѣ началъ печататься «Указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ сибирскихъ газетахъ отъ начала ихъ изданія», составленной А. Ивановскимъ.

Вотяки. Историко-Этнографическій очеркъ. И. Н. Смирнова. Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ Т. VIII, вып. 2. Казань. 1890 г.

Задавшись скромною цѣлью — представить сводъ всего, что уже извѣстно о Вотякахъ, профессоръ Смирновъ достигъ ея столь же успѣшно, какъ и въ первомъ своемъ очеркѣ «Черемисы». Этнографическому описанію онъ предпосылаетъ подробный обзоръ историческихъ данныхъ о Вотякахъ, объ ихъ древнемъ мѣстѣ жительства, позднѣйшихъ передвиженіяхъ и русской колонизаціи вятскаго края, объ отношеніи ихъ къ другимъ инородцамъ, о подчиненіи Москвѣ и объ ихъ обрусѣніи (гл. I), далѣе г. Смирновъ подробно описываетъ внѣшній бытъ Вотяковъ (гл. II).

Вотяки занимаютъ территорію между р. Вяткой съ ея притокомъ Нолей, р. Косой, впадающей въ Чепцу, р. Чепцой отъ устья Косы до верховья, р. Сивой, составляющей границу между Сарапульскимъ уѣздомъ Вятской губерніи и Оханскимъ уѣздомъ Пермской губерніи, и наконецъ, р. Камой отъ устья Сивы до устья Вятки; сверхъ того поселенія Вотяковъ встрѣчаются за р. Чепцей въ Слободскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ, въ Бирскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи, въ Осинскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи и въ Сизнерской волости Малмыжскаго уѣзда.—Мѣстность, покрытая сплошными лѣсами и болотами, иногда трудно проходимыми, суровый климатъ и др. неблагопріятныя условія жизни сдѣлали Вотяка слабымъ по организму. Жилище его принимало различныя формы подъ вліяніемъ другихъ народовъ. Первоначально это была яма съ крышей или шалашъ, позже курная изба. Деревни Вотяковъ большею частью имѣли подворный характеръ, а не общинный. Въ обстановкѣ и одеждѣ на Вотякахъ замѣтно вліяніе татарское и русское. Здѣсь любопытны замѣчанія автора о женскихъ украшеніяхъ. Главное занятіе Вотяковъ составляетъ земледѣліе, а затѣмъ уже идетъ скотоводство, охота, пчеловодство, отхожіе промыслы, ремесла, женскія издѣлія и приготовленіе кумышки—водки. Оставивъ въ сторонѣ пищу Вотяковъ, ихъ болѣзненность и игры, перейдемъ къ слѣдующей главѣ (III-й)—о семейной и общественной организаціи. Г. Смирновъ находитъ полное сходство у Вотяковъ съ Черемисами въ переживаемыхъ стадіяхъ семьи. Здѣсь онъ разсматриваетъ названія родства и нѣкоторыя изъ бытовыхъ чертъ и долго останавливается на матернитетѣ и на различныхъ формахъ брака. Семьи у Вотяковъ достигаютъ 25 — 30 человѣкъ, съ главою — хозяиномъ-отцемъ или выборнымъ съ правами отца. Но такой замѣститель отца — кузё подчиненъ семейному совѣту, тогда какъ отецъ распоряжается дѣтьми неограниченно. Большинство семей со смертью отца распадается на мелкія семьи; впрочемъ раздѣлы происходятъ иногда и при его жизни. Положеніе женщины въ Вотяцкой семьѣ зависимое, не смотря на то, что въ экономическомъ отношеніи она является довольно обезпеченной, и лишь въ религіозныхъ обрядахъ эта зависимость смѣняется равноправностью.

Помимо семейной общины у Вотяковъ не выработалось никакихъ тѣсно соединенныхъ обществъ. Кромѣ союза сосѣдей—бöляковъ и союза деревень—гуртъ. Затѣмъ, г. Смирновъ говоритъ объ общинномъ совѣтѣ — кенешъ, его власти, правахъ и дѣятельности и о болѣе крупныхъ союзахъ: мэръ и эль, имѣющихъ религіозный характеръ. Вѣрованіями Вотяковъ заняты двѣ главы—IV и V: въ первой находятся замѣчанія о языкѣ въ связи съ вѣрованіями, указаны воззрѣнія Вотяковъ на сонъ и смерть, понятія о душѣ и духахъ умершихъ; а во второй — самыя вѣрованія. Изложеніе ихъ г. Смирновъ начинаетъ съ одухотворенія явленій природы, при чемъ подробнѣе другихъ разбираетъ значеніе Вумуртовъ, Инмара и Квазя; затѣмъ перейдя въ болѣе раннимъ вѣрованіямъ, изслѣдуетъ фетишъ Мудор-Воршуда, распространяется объ угощеніи различныхъ божествъ и приводитъ рядъ указаній на слѣды человѣческихъ жертвоприношеній. Эту главу г. Смирновъ оканчиваетъ религіозными заимствованіями Вотяковъ со стороны христіанъ и мусульманъ. Далѣе слѣдуетъ характеристика духовной природы Вотяка, его наблю-

дательности, легковѣрія, равнодушія при альтруистическихъ чувствахъ и упорной настойчивости.

Не лишенный къ сожалѣнію многихъ смѣлыхъ предположеній и рѣшительныхъ выводовъ ипотетической этнографіи очеркъ профессора Смирнова получаетъ особенное значеніе своимъ обзоромъ литературы о Вотякахъ. Въ концѣ книги приложены двѣ сказки на вотяцкомъ нарѣчіи съ русскимъ переводомъ и пять №№ въ одномъ русскомъ изложеніи и еще два перечня языческихъ именъ у Вотяовъ.

Историческая записка о дѣятельности Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за первыя 25 лѣтъ существованія. Москва. 1890.

Это юбилейное изданіе Московскаго Археологическаго Общества, достойное памяти его основателя и бывшаго до конца своей жизни его предсѣдателемъ графа А. С. Уварова, представляетъ весьма полный и всесторонній отчетъ Общества за его 25-лѣтнюю плодотворную дѣятельность. Первая глава отчета излагаетъ исторію основанія Общества, постепенное увеличеніе его членовъ и расширеніе дѣятельности; во второй дается краткій общій обзоръ научныхъ работъ Общества по различнымъ отдѣламъ археологіи и распредѣленіе ихъ по раіонамъ Россіи; въ третьей указываются заботы Общества по сохраненію памятниковъ старины, приведенію ихъ въ извѣстность, составленію пособій для ихъ описаній и изученія, а въ четвертой, тѣсно связанной содержаніемъ съ предыдущей, напечатана лѣтопись дѣятельности Общества по возстановленію и охранѣ древнихъ зданій, особенно церквей. Пятая глава содержитъ историческій очеркъ дѣятельности русскихъ археологическихъ съѣздовъ въ связи съ дѣятельностью Московскаго Археологическаго Общества и обзоръ достигнутыхъ съѣздами результатовъ по отношенію къ наукѣ о древности и къ изслѣдованію памятниковъ русской старины; въ шестой главѣ исчислены милости Царскія, оказанныя Обществу, указаны вниманіе правительства и содѣйствіе со стороны частныхъ лицъ, и наконецъ послѣдовательныя измѣненія въ составѣ Общества.

Сверхъ всего названнаго выше, этотъ обширный отчетъ Общества пріобрѣтаетъ большое значеніе своими прекрасными приложеніями. Наиболѣе драгоцѣннымъ является образцовый указатель трудовъ членовъ Общества, распадающійся на нѣсколько отдѣловъ, а именно: вопросы общіе, древности каменнаго вѣка, древности бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ и древности южнаго побережья, памятники христіанскаго искусства, зодчества, памятники письма и языка, исторія и этнографія, домашній и общественный бытъ, нумизматика и сфрагистика, древности классическія, восточныя и средневѣковыя. Въ числѣ упоминаемыхъ здѣсь трудовъ входятъ также и труды не-членовъ, помѣщенные въ Трудахъ Общества «Древности». Затѣмъ, прибавленъ указатель раскопокъ, произведенныхъ самимъ Обществомъ, и сообщеній о раскопкахъ частныхъ лицъ, повѣщавшихъ о нихъ Общество, и наконецъ составъ Общества къ 1 января 1890 года.

Записка заканчивается довольно подробными некрологами почившихъ членовъ Общества, начиная съ его основателя графа Алексѣя Сергѣевича Уварова: Н. И. Костомарова, М. П. Погодина, Н. Я. Аристова, барона Б. В. Кёне, А. Е. Викторова, В. В. Григорьева, В. И. Григоровича, А. Н. Аѳанасьева, К. Н. Тихонравова и С. А. Усова.

Изъ этого краткаго описанія исторической записки Московскаго Археологическаго Общества можно замѣтить, какую пользу оно оказало русской археологіи.

Красноярскій округъ Енисейской губерніи. Очеркъ Н. В. Латкина, члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Спб. 1890 г.

Извѣстный дѣятель и авторъ сочиненій «Очеркъ Сѣверной и Южной системъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа» и «Панамскій каналъ», Н. В. Латкинъ въ настоящемъ очеркѣ даетъ довольно подробное описаніе города Красноярска и его округа, руководствуясь частью личными наблюденіями, между прочимъ напечатанною имъ брошюрою въ 1875 году—«Aperçu général de l'arrondissement de Krasnojarsk», частью же другими трудами: Памятныя книжки Енисейскаго статистическаго комитетаа за 1862 г. и за 1865 г., «Сборникъ статей историко-статистическихъ о Сибири», »Юбилейное описаніе Енисейской губерніи» и др.

Свѣдѣнія о Красноярскѣ пріобрѣтаютъ достовѣрный характеръ въ трудѣ перваго его губернатора Степанова, составившаго описаніе Енисейской губерніи. Впрочемъ до объявленія Красноярска губернскимъ городомъ въ 1822 году отъ его основанія, совершившагося черезъ 20 лѣтъ послѣ появленія Русскихъ на берегахъ Енисея, т. е. отъ 1628 года, онъ имѣлъ очень ограниченное мѣстное значеніе и нѣсколько разъ перечислялся изъ одной области въ другую.

Красноярскій округъ Енисейской губ. простирается на 18.115 верстъ и къ 1882 году содержалъ 91.660 человѣкъ населенія; въ городѣ же Красноярскѣ тогда было 16.802 чел. По густотѣ населенія—5 чел. на 1 кв. в.—Красноярскій округъ занимаетъ первое мѣсто въ Восточной Сибири. Процентное отношеніе рождаемости и смертности въ округѣ почти одинаково, и потому небольшей приростъ въ населеніи долженъ быть отнесенъ на переселенцевъ и ссыльныхъ. Холмистая мѣстность Красноярскаго округа, иногда переходящая въ гористую, большею частью покрытая лѣсомъ, съ большимъ количествомъ рѣкъ во главѣ съ Енисеемъ, золотыя розсыпи, континентальный климатъ, почва, плодородная только въ центральныхъ частяхъ округа, бѣдная растительность, — благопріятно и неблагопріятно отзываются на мѣстной жизни. Земледѣліе здѣсь стоитъ на очень первобытной ступени, нѣтъ правильнаго скотоводства, ни рыболовства и звѣроловства, еще менѣе развита ремесленная промышленностъ съ кустарными промыслами, не говоря уже о фабрично-заводской промышленности и торговлѣ. Въ административномъ отношеніи округъ дѣлится на 4 участка, по нѣскольку волостей каждый. Мѣстные органы управленія не вносятъ въ жизнь населенія ни порядка, ни просвѣщенія. По волостямъ все вліяніс сосредоточивается въ рукахъ кулаковъ—«богот еевъ и ихъ пособниковъ—писарей. Пьянство распространено въ сильныхъ размѣрахъ. Неграмотные оставляютъ $96^1/_2$ проц. всего населенія, но это было въ 1863—64 годахъ; теперь этотъ процентъ уменьшился. Еще печальнѣе недостатокъ церквей, такъ въ 1882 г. на весь округъ приходилось 32 церкви. Медицинская помощь и санитарная часть отсутствуютъ совершенно. Смѣшанный составъ населенія съ преобладаніемъ мужскаго, соединяющаго въ себѣ скорѣе дурныя наклонности своихъ элементовъ, чѣмъ хорошія, весьма дурно вліяетъ на его нравственность. Среднимъ числомъ здѣсь приходится одно преступленіе на 570 человѣкъ и одинъ осужденный на 318 чел. Самый городъ Красноярскъ имѣетъ живописное мѣстоположеніе на берегу Енисея при впаденіи въ него рѣчки Качи. Онъ не богатъ, а не очень давно, въ 1881 г., сильно пострадалъ отъ пожара. Главное его преимущество—близость къ другимъ населеннымъ мѣстамъ округа. Подводя итоги своему очерку, авторъ допускаетъ возможность при извѣстныхъ условіяхъ сдѣлаться Красноярскому округу однимъ изъ цвѣтущихъ въ Енисейской губерніи и отмѣчаетъ часть этихъ условій. Въ заключеніе приведемъ весьма прочувствованныя слова автора, которыми онъ заканчиваетъ очеркъ: «Пора перестать смотрѣть на Сибирь какъ на страну отверженцевъ, пора позаботиться о водвореніи въ ней лучшихъ порядковъ, чѣмъ тѣ, какіе существуютъ теперь. Чѣмъ хуже она нынѣ коренной своей метрополіи? Развѣ не тѣ же Русскіе живутъ въ ней? Развѣ не тѣ же у нихъ идеалы, не тѣ же стремленія, не та же вѣра, не тотъ же языкъ, не та же любовь къ отечеству? А Си-

бирь, вмѣстѣ съ ней конечно и Енисейская губернія съ ея Красноярскимъ округомъ, до сихъ поръ не пользуется ни благами новаго суда, ни благами народнаго просвѣщенія, не имѣетъ даже достаточно храмовъ, чтобы помолиться? Пора наконецъ окончательно освободить ее отъ растлѣвающей ея населеніе ссылки преступниковъ и нравственно порочныхъ людей. Довольно она служила Россіи, своей метрополіи, въ теченіе чуть не 250 лѣтъ отводнымъ каналомъ для ея отверженцевъ, заражаясь сама ихъ болѣзнями и пороками».

Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. Л. Майкова. I. Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. Спб. 1890 г.

Первымъ выпускомъ своихъ «Матеріаловъ и изслѣдованій» академикъ Л. Н. Майковъ сдѣлалъ любопытный вкладъ въ исторію нашей довольно замѣчательной старой литературы путешествій на Востокъ. Напечатанная имъ «Бесѣда» неизвѣстнаго составителя, заключающая въ себѣ много самостоятельныхъ и любопытныхъ свѣдѣній о святыняхъ и достопамятностяхъ Константинополя, занимаетъ не маловажное мѣсто среди другихъ путешествій этого рода по подробности и точности своихъ извѣстій. Въ своей книгѣ г. Майковъ сначала представляетъ обзоръ рукописей, содержащихъ списки новооткрытаго памятника: ркпси г. Тихонравова—конца XVI или начала XVII вѣка, С.-Петербургской Императорской Публичной библіотеки—XVII в. и Московскаго Россійскаго Историческаго Музея—также XVII вѣка (стр. 1—11), затѣмъ печатаетъ самый текстъ «Бесѣды» по Сборнику Публичной библіотеки съ исправленіями по остальнымъ спискамъ (стр. 12—28), и наконецъ входитъ въ очень цѣнное критическое изслѣдованіе времени появленія памятника въ его первоначальномъ видѣ (стр. 28—50). Внѣшнія и внутреннія данныя «Бесѣды» приводятъ автора къ выводу, что памятникъ этотъ не могъ быть составленъ позже 1440 г., а подробный разборъ его состава и сопоставленіе съ описаніями Константинополя у другихъ нашихъ паломниковъ дали автору возможность ограничить это время концемъ XIII или самымъ началомъ XIV вѣка *). Здѣсь онъ основывается преимущественно на отношеніи «Бесѣды» къ путешествію іеродіакона Зосимы (ок. 1420 г.) и на отсутствіи въ путешествіи Стефана Новгородца (1347—1350 г.) извѣстій о разграбленіи Константинополя Латинянами въ 1204—1261 г.

Въ напечатанной «Бесѣдѣ» г. Майковъ не видитъ самостоятельнаго произведенія, а смотритъ на нее какъ на передѣлку недошедшей до насъ повѣсти о Царьградѣ, которою пользовался и Троице-Сергіевскій іеродіаконъ Зосима въ первой четверти XV вѣка. Онъ полагаетъ, что составитель «Бесѣды», знавшій нѣкоторые изъ литературныхъ пріемовъ, жилъ не ранѣе XV вѣка. Далѣе авторъ предлагаетъ очень искусно построенное объясненіе причинъ появленія въ письменности такого памятника, какъ «Бесѣда», кроющихся въ желаніи поднять упадающее паломничество. Отъ безуспѣшности этой попытки зависитъ, по мнѣнію г. Майкова, незначительное количество списковъ «Бесѣды», да и то неполныхъ.

Высоко оцѣненный Г. С. Дестунисомъ въ прекрасной рецензіи, посвященной преимущественно разбору топографическихъ подробностей «Бесѣды», этотъ новый трудъ г. Майкова вызоветъ, безъ сомнѣнія, не менѣе сочувственные отзывы и знатоковъ древне-русской литературы.

---

*) Г. С. Дестунисъ въ своей рецензіи (Ж. М. Н. Пр. 1890 г., стр. 268) впрочемъ считаетъ болѣе вѣроятнымъ періодъ отъ 1332 до 1417 года.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга четвертая. Издана подъ редакціею Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1890.

Четвертая книга «Чтеній» въ обществѣ Нестора отличается довольно богатымъ разнообразнымъ содержаніемъ. Она состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ отдѣлѣ 1-мъ помѣщены въ сокращеніи сообщенія, читанныя на засѣданіяхъ Общества въ 1889 г. Изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить: «Къ вопросу о русскомъ народномъ стихѣ», Ю. Кулаковскаго, «Новыя данныя для исторіи землевладѣнія въ Малороссіи», И. Лучицкаго, «О первомъ томѣ сочиненія Е. Богуславскаго «Historya Słowian», Т. Флоринскаго, и «О кладѣ, найденномъ въ усадьбѣ Гребеневскаго», Б. Антоновича. Отдѣлъ 2-ой заключаетъ въ себѣ изслѣдованія. Они слѣдующія: «Изъ археологической экскурсіи въ Припетское Полѣсье», В. Завитневича; «Вторая археологическая раскопка около села Сараты» (въ Южной Бессарабіи), Ѳ. Кнауэра; «Черты семейнаго права Западной Россія въ половинѣ XVI вѣка», М. Владимірскаго-Буданова, «Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ XI—XVII вѣковъ», П. Владимирова; «Димитрій самозванецъ и Сигизмундъ III», В. Иконникова, и «Волненіе помѣщичьихъ крестьянъ Кіевской губ. въ 1855 г.», М. Ясинскаго.

Раскопки г. Завитневича, произведенныя въ Мозырскомъ у. Минской губ. въ средней полосѣ р. Припети, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, дали ему возможность сдѣлать очень любопытныя обобщенія. Различая погребеніе на почвенномъ слоѣ отъ погребенія въ ямахъ, онъ указываетъ на Припеть, какъ на рѣку, служившею границей, гдѣ сталкивались два племени — Дреговичей и Древлянъ, а, при подраздѣленіи кургановъ на курганы съ сосудами и безъ сосудовъ, онъ говоритъ о сосѣдствѣ Древлянъ и Полянъ. Изъ другихъ вопросовъ г. Завитневичъ долѣе останавливается на странномъ отсутствіи въ курганахъ оружія. Онъ объясняетъ это бытовыми особенностями нашихъ предковъ, исключительно посвящавшихъ себя мирнымъ занятіямъ. Упомянемъ еще объ его замѣчаніяхъ относительно женскихъ украшеній, положенія скелетовъ и о деревянныхъ гробахъ.—Статья г. Кнауэра служитъ продолженіемъ къ статьѣ въ III-ей книгѣ «Чтеній» 1889 г. и при своемъ строго-систематическомъ и краткомъ изложеніи, не обильна соображеніями и выводами.—Г. Владимірскій-Будановъ въ своемъ очеркѣ по исторіи семейнаго права болѣе имѣетъ въ виду исторію обычнаго права въ примѣненіи къ семейнымъ отношеніямъ, такъ какъ, говоритъ онъ, обычай предшествуетъ закону въ порядкѣ историческаго развитія, и христіанскій законъ въ семейномъ правѣ, заимствованный изъ Византіи, смѣнилъ прежній языческій порядокъ. Произведя свои наблюденія надъ жизнью обычнаго права въ литовско-русскомъ государствѣ въ половинѣ XVI вѣка, авторъ находитъ слѣдующее: 1) въ разныхъ мѣстахъ государства въ одно и то же время дѣйствовали совершенно противоположные обычаи; 2) въ одномъ и томъ же пунктѣ государства разные классы общества въ одно и то же время держатся весьма различныхъ воззрѣній на право; 3) въ культурныхъ центрахъ государства и въ высшихъ классахъ общества древніе обычаи скорѣе и полнѣе уступаютъ требованію реформирующаго закона; 4) на глазахъ исторіи совершается перерожденіе обычаевъ, т. е. такой процессъ въ развитіи права, при которомъ старая норма остается, но получаетъ совсѣмъ иной смыслъ, отрождаясь по временамъ и въ чистомъ своемъ видѣ. Далѣе идетъ краткая замѣтка автора о географическомъ распредѣленіи обычаевъ семейнаго права (I), а затѣмъ онъ показываетъ перерожденіе обычаевъ, выбравъ пунктомъ своихъ наблюденій г. Гродно: II—о бракѣ, III—о власти мужа, IV—о родительской власти. Остальная часть статьи г. Владимірскаго-Буданова занята изложеніемъ весьма любопытныхъ его обобщеній. Въ приложеніи къ очерку напечатано 14 №№ документовъ изъ неизданныхъ актовъ Виленскаго центральнаго архива.

Оставивъ въ сторонѣ статьи г. Иконникова и г. Ясинскаго, а также г. Владимирова, пользовавшагося большею частью изслѣдованіями проф. Ягича и проф. Соболевскаго и каталогомъ церковно-славянск. рукописей Петрушевича (Львовъ 1888 г.)

и отчасти своими наблюденіями, перейдемъ къ III-му отдѣлу «Чтеній»—матеріаламъ. Они слѣдующіе: Катихизисъ 1600 г., сообщеніе С. Голубева; акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи, сообщ. А. Лазаревскаго, и экстрактъ изъ дневника Неплюева 1746 г., сообщ. Владимірскаго-Буданова. Въ концѣ книги приложены три таблицы съ рисунками: двѣ—къ статьѣ г. Завитневича и третья—къ статьѣ г. Кнауэра.

Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, часть I. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. 1887 г.— Томъ I, часть II. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. 1890 г.

Въ новѣйшее время особенно посчастливилось народности бѣлорусской, ей посвящено было въ послѣдніе годы нѣсколько большихъ трудовъ: назовемъ сборникъ г. Романова, вышеупомянутые матеріалы г. Шейна и предстоящее изданіе обширнаго труда г. Добровольскаго.

Глубокая опытность въ собираніи матеріаловъ, обиліе и разнообразіе ихъ и большое знакомство съ мѣстнымъ краемъ, легко замѣчаемыя въ трудѣ г. Шейна, вполнѣ оправдываютъ полное одобреніе Отдѣленія Академіи Наукъ, выраженное талантливому собирателю на первыхъ страницахъ первой части его труда.

Въ I-ой части I-го тома г. Шейнъ помѣстилъ обряды бытовые: родины и крестины (стр. 3—36), обряды праздничные: рождественскіе, масленичные, великодные, Юрьева дня, троичные, русальные и купальскіе, обряды рабочей поры—толочанскіе и жнивные,—всѣ съ ихъ пѣснями (стр. 37—288), затѣмъ напечатаны пѣсни бесѣдныя — семейныя (268 — 451); бытовыя — рекрутскія и солдатскія (стр. 268—494) и пѣсни шуточныя (стр. 494—529), и въ заключеніе—пѣсни разгульныя съ ихъ подраздѣленіями: дударскія, застольныя, плясовыя (стр. 529—570); часть II-ая того же тома, раздѣленная на два отдѣла, обнимаетъ обряды свадебные (стр. 1—501)—въ первомъ отдѣлѣ, а во второмъ—обряды погребальные, поминальные, голошенія или причитанія надъ покойниками, а также примѣты, предвѣщающія смерть (стр. 582—708).

Вышедшая въ 1887 году первая часть труда г. Шейна тогда же нашла себѣ заслуженные сочувственные отзывы и потому, минуя уже указанные въ литературѣ достоинства и недостатки, преимущественно касающіеся отступленій отъ систематичности, прибавимъ отъ себя, что сверхъ значенія по содержанію, особенно по обилію прекрасно записанныхъ пѣсенъ, эта часть сборника г. Шейна содержитъ весьма цѣнныя особенности языка въ его мѣстныхъ говорахъ, несмотря на нѣкоторую непослѣдовательность въ правописаніи. Во второй части неутомимый собиратель выпускаетъ въ свѣтъ еще болѣе любопытныя данныя по обрядово-бытовой жизни бѣлорусскихъ крестьянъ нѣсколькихъ губерній и уѣздовъ, имѣющія довольно важное значеніе и вообще для русской этнографіи.

Насколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одного такого полнаго описанія свадебнаго обряда, которое можно было бы сопоставить съ тѣмъ, что извлекаетъ читатель изъ труда г. Шейна, даже при всемъ разнообразіи сообщеній его многочисленныхъ сотрудниковъ. Здѣсь отчетливо обрисовываются главные моменты многосложнаго свадебнаго обряда и ихъ подраздѣленія, напр. запоины, заручины и проч., подробно разъясняются выборъ, составъ и обязанности свадебныхъ чиновъ и много мѣста отводится свадебному коровао, играющему на свадьбѣ большую роль. Описанія этихъ обрядовъ, вышедшія изъ подъ редакціи г. Шейна весьма живыми и картинными, отличаются простотою изложенія и незамѣнимы по свѣжести впечатлѣній лицъ, близко стоящихъ къ крестьянской средѣ. Всѣ они въ достаточной мѣрѣ сопровождаются пѣснями, прилагаемыми также въ видѣ отдѣльныхъ добавленій.

Обряды погребальные и тѣсно связанные съ ними поминальные имѣютъ тѣ же достоинства, что и свадебные. Не останавливаясь на перечисленіи интересныхъ сторонъ этого отдѣла, укажемъ на любопытный обрядъ печатанія гроба, на положеніе въ гробъ разныхъ вещей, любимыхъ покойникомъ, и на почетъ лошади, отвозившей покойника на кладбище, а изъ поминальныхъ — на тѣ, въ которыхъ ясно обнаруживается вѣра крестьянъ въ близкое общеніе живыхъ съ умершими.

Въ слѣдъ за погребальными и поминальными обрядами приводятся неразлучныя съ ними причитанія и голошенія, съ замѣткой самого собирателя и съ сообщеніемъ г. Никифоровскаго, одного изъ главныхъ его сотрудниковъ.

Въ книгѣ г. Шейна приложены три изображенія свадебнаго коровая и ноты 18 пѣсенныхъ напѣвовъ, записанныхъ г-жею Оскеркой (два номера) и г-жею Рачинской (остальные).

Эта часть, какъ и первая, заслуживаетъ вниманія со стороны языка, какъ одинъ изъ хорошихъ источниковъ для характеристики бѣлорусскихъ говоровъ.

Не лишнее замѣтить, что интересующіеся народными юридическими обычаями могутъ найти въ матеріалахъ г. Шейна нѣсколько любопытныхъ чертъ, напр. относительно вознагражденія жениха со стороны невѣсты въ случаѣ отказа ея, о духовномъ завѣщаніи, о примачествѣ и др.

Вообще матеріалы г. Шейна, по своимъ неоспоримымъ достоинствамъ, должны занять весьма видное мѣсто среди другихъ трудовъ, посвященныхъ бѣлорусскому краю.

Двинскіе, или Борисовы камни. Изслѣдованіе А. Сапунова Дѣйствительнаго Члена Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, Члена-Соревнователя Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ и Дѣйствительнаго Члена Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Витебскъ, 1890. 2 + 31 стр. in 8°. + XI табл.

Двинскими, или Борисовыми камнями называются большія каменныя глыбы съ высѣченными изображеніями креста и надписями на Ц.-Славянскомъ языкѣ, лежащія въ руслѣ р. Двины.

Г. Сапуновъ въ своемъ изслѣдованіи приводитъ вкратцѣ литературу предмета и затѣмъ даетъ точныя описанія и изображенія камней, причемъ подробно исправляетъ ошибки, сдѣланныя его предшественниками въ передачѣ надписей. Кромѣ 4-хъ общеизвѣстныхъ камней г. Сапуновъ упоминаетъ о 5-мъ камнѣ, о которомъ сообщалъ въ «Памятникахъ старины Витебской губерніи» г. Сементовскій, о 6-мъ отысканномъ самимъ авторомъ даннаго изслѣдованія и о 7-мъ упоминаемомъ Е. Р. Романовымъ въ XIII т. «Древностей» Московскаго Археологическаго Общества.

Что касается вопросовъ, кѣмъ и съ какою цѣлью поставлены эти камни, то отвѣчая на первый, г. Сапуновъ соглашается съ тѣми изъ своихъ предшественниковъ, которые признавали этимъ лицомъ Полоцкаго князя Бориса Васильевича, † въ 1128 году, а на второй высказываетъ свое предположеніе: «Какъ извѣстно, Двина, съ незапамятныхъ временъ, была большою торговою дорогою Полочанъ; колоніи ихъ простирались вплоть до самаго Балтійскаго моря; по этой же рѣкѣ— князья полоцкіе совершали свои походы... Чтожъ удивительнаго, если этотъ благочестивый князь (Борисъ Васильевичъ), желая хоть чѣмъ нибудь отвратить бѣду, которою грозили Двинскіе камни предпріимчивымъ его подданнымъ, плававшимъ на своихъ стругахъ по Двинѣ,—пожелалъ, такъ сказать, обезвредить эти камни дѣломъ благочестія—изсѣченіемъ крестовъ и благочестивыхъ надписей. Это своего рода евфемизмъ. Въ то же время эти камни должны были громко свидѣтельствовать и о томъ, что князья Полоцкіе—единственные полноправные хозяева этого важнаго торговаго пути и что они—господа всей земли, по которой течетъ эта бѣлорусская рѣка...»

В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ. Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4. 1889. 8°. VI+90+IV. Цѣна 60 к. Складъ изданія у автора: Кіевъ, Кузнечная улица, д. № 14.

Разбираемая книжка несомнѣнно отвѣчаетъ насущной потребности. Кромѣ небольшаго отдѣла Миклошичевой Сравнительной Грамматики славянскихъ языковъ, посвященнаго малорусской фонетикѣ, извѣстной книги Житецкаго—«Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» (1876), его же «Очерка литературной исторіи малорусскаго нарѣчія» (1889), двухъ, трехъ уже давно появившихся въ разныхъ журналахъ статей (Лавровскаго въ Журн. М. Н. Пр. 1859 и Костомарова тамъ же 1863) и другихъ работъ, среди которыхъ самое видное мѣсто принадлежитъ «Замѣткамъ о малорусскомъ нарѣчіи» Потебни (Филолог. Записки 1870), Studien auf dem Gebiete der Rutenischen Sprache. 1880), Огоновскаго изслѣдованій седьмаго тома Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной Имп. Русск. Геогр. Обществомъ (1872—1877), мы не имѣемъ иныхъ пособій для знакомства съ малорусской фонетикой [1]).

Не входя въ разборъ перечисленныхъ научныхъ трудовъ, скажемъ только, что они частью устарѣли, такъ что не отвѣчаютъ современнымъ научнымъ требованіямъ, частью принадлежатъ не спеціалистамъ (статья Костомарова), частью преслѣдуютъ цѣли иныя, чѣмъ поставленныя въ разбираемой работѣ (книги Житецкаго), и потому удѣляютъ сравнительно мало мѣста фонетикѣ живаго языка.

Такимъ образомъ, книжка г. Науменко является въ нашей научной литературѣ первой и единственной попыткой дать болѣе или менѣе связное и систематическое представленіе фонетическихъ особенностей живаго малорусскаго языка, и благое намѣреніе автора заслуживаетъ всяческой похвалы. Къ сожалѣнію, выполненіе этого намѣренія таково, что парализуетъ почти совершенно заслугу автора.

Г. Науменко является въ своей работѣ ученымъ положительно допотопныхъ научныхъ пріемовъ и убѣжденій. Его научный багажъ ограничивается, по видимому, немногими книжками и статьями, посвященными лишь малорусскому языку.—Общія же лингвистическія свѣдѣнія онъ черпаетъ (стр. 1, 31) изъ «Первобытной культуры» Тайлора (!!!), который никакихъ правъ и претензій на званіе лингвиста никогда не имѣлъ и не имѣетъ, и изъ Компендіума Шлейхера, о которомъ, однако, г. Н., по-видимому, знаетъ только изъ третьихъ рукъ, ибо не цитуетъ названія книги, гдѣ онъ нашелъ взводимую на стр. 9-й на Шлейхера напраслину, будто этотъ ученый считалъ «основные» (?!) *о* и *е* дифтонгами a+u, a+i. Смѣемъ завѣрить г. Н., что въ работахъ Шлейхера, устарѣвшихъ уже больше 10 лѣтъ тому назадъ, все-таки ничего подобнаго этому утвержденію найти нельзя: Шлейхеръ могъ говорить это только о санскритскихъ $\bar{o}$ и $\bar{e}$, а не объ *европейскихъ* (*не основныхъ!*) о и е, происшедшихъ, по его теоріи вокализма, изъ праязыковаго краткаго $\breve{a}$.

Все движеніе и содержаніе европейской науки о языкѣ не только со времени Шлейхера, но и съ нимъ вмѣстѣ, остались чуждыми г. Н., и потому его книга кишитъ грубыми ошибками и промахами. О развитіи языка, процессахъ, въ немъ совершающихся, и законахъ, ими управляющихъ, г. Н. имѣетъ весьма странныя представленія. Онъ не понимаетъ другаго языка, кромѣ писаннаго на бумагѣ, что̀, конечно, весьма облегчаетъ разныя «выпаденія знаковъ смягченія» (стр. 23) и тому подобные бумажные «фонетическіе» процессы. Подъ законами языка г. Н. разумѣетъ просто правила правописанія, въ видѣ которыхъ имъ «устанавливаются грамматическія формы (стр. II предисловія)». Другихъ законовъ г. Н., по видимому, и не допускаетъ. Поэтому ему «отсутствіе прочно установившейся литературной рѣчи значительно затрудняетъ точную формулировку» того или другаго «закона» (стр. 14). О физіологіи звука—въ наше время conditio sine qua non всякаго фонетическаго

[1]) Къ этому перечню необходимо еще прибавить статьи Ганкевича, Верхратскаго и Гануша, въ Архивѣ Ягича (т. II, III, VII) посвященныя малорусскому ударенію, которое обходится въ книжкѣ г. Науменко.

изслѣдованія во всей европейской наукѣ—находимъ у него также весьма наивныя представленія: такъ для произношенія *о* и *у*, по его мнѣнію, надо «сжимать полость рта съ боковъ» (!!!) и т. д. (стр. 2).

Изрѣдка мы находимъ въ книгѣ экскурсіи въ область санскрита и сравнительной этимологіи, но весьма неудачныя: «дѣлить» не имѣетъ и не могло бы имѣть ничего общаго съ санскр. корнемъ dăh—раздроблять (стр. 5), каковаго въ дѣйствительности и нѣтъ въ санскритѣ, ибо dah (съ ă, не ā!) значитъ прежде всего *жечь* (сюда относится наше *деготь*), затѣмъ «уничтожать» и «мучить». Въ основѣ же слова дѣлити можетъ лежать только индоевропейскій корень—dhai, котораго въ санскритѣ не имѣется. Точно также сѣсти съ одной стороны и лат. sēdēre съ скр. sad съ другой не могутъ быть сопоставляемы такъ просто, какъ дѣлаетъ это авторъ на стр. 5-й, ибо представляютъ разныя степени вокализма (слав. ē, лат. и скр. ĕ). Если г. Н. не силенъ въ сравнительномъ и общемъ языкознаніи, то и въ области историческаго, славянскаго, ему часто приходится дѣлать странныя открытія: такова формула полногласія, приводимая имъ на стр. 29 и указанная уже въ одной рецензіи (въ Русскомъ Филол. Вѣстникѣ 1889 г. № 3); оро=ра, оло=ла; ере=рѣ (слав. яз.)= ре (рус.); еле=лѣ (слав.)=ле (рус.). Тутъ же г. Н. удивляется тому, что въ *льоду*=р. льду сохраняется «бѣглое» е, забывая, что въ стсл. ледъ, не льдъ. Въ мр. *бджола* по его мнѣнію б развилось изъ первичнаго *п* (стр. 64), тогда какъ на самомъ дѣлѣ первична именно форма бъчела, а русское п въ *пчела* вторично (б о у ч а т и).

Чередованія *е* и *о* въ *гремити—громовий* и *веду—водити* (стр. 16) для г. Н. совершенно равноправны (стсл. грьмѣти—громъ, но ведѫ—водити); чередованіе *и* съ *ѣ* въ *дитя—дѣти* (вызванное вліяніемъ ударенія) по его мнѣнію, есть подъемъ или усиленіе *і* въ *ѣ*, какъ въ *сидѣть—сѣсть* (стр. 17). Наоборотъ гласный *а* въ ви-ган-ьати (ср. стсл. изганıати) не есть для г. Н. результатъ подъема, какъ принято думать, а «ассимиляціи послѣдующимъ *а* звука *о*» (стр. 19). Г. Н. не знаетъ даже, по видимому, что называется закрытымъ слогомъ, въ слѣдствіе чего весьма неуклюже формулируетъ условія появленія і изъ о, прибѣгая къ разнымъ «малогласностямъ», «участію глухихъ (!) гласныхъ ъ и ь», производящихъ «стеченіе двухъ и болѣе согласныхъ (?)» и т. д. и т. (стр. 9).

Чтобы перечислить и исправить всѣ подобные промахи г. Н., пришлось бы написать книжку такого же объема, какъ его работа. Въ итогѣ является чувство невольнаго сожалѣнія, что авторъ, котораго одушевляли самыя прекрасныя намѣренія, взялся за свой трудъ съ такой недостаточной подготовкой. Г. Науменко видимо потратилъ не мало труда и старанія, собралъ довольно много матеріала (правда въ области почти только одного—слободскаго-украинскаго говора), но пріемы его подрываютъ въ читателѣ довѣріе и къ основательности его наблюденій, а отсюда и къ достовѣрности приводимаго матеріала. Путаница между *формами живаго* языка и *написаніями писаннаго* такъ у него велика, что читатель, не имѣющій возможности провѣрить извѣстныя формы собственнымъ наблюденіемъ перестаетъ вѣрить автору. Поэтому, даже какъ сборникъ сыраго матеріала, разбираемая книга представляетъ гораздо меньшую научную цѣнность, чѣмъ могла бы имѣть при нѣсколько лучшей и болѣе современной подготовкѣ автора.

С. Буличъ.

Ждановъ, И. Н. Пѣсни о князѣ Романѣ. Спб. 1890 г. (отт. изъ «Ж у р н. М и н. Н а р. П р.» 1890 г. №№ 4—5).

Какъ извѣстно, имя князя Романа упоминается въ одной малорусской веснянкѣ и въ цѣломъ рядѣ великорусскихъ пѣсенъ. Изъ послѣднихъ однѣ говорятъ о томъ, какъ на землю Романа дѣлаютъ неудачное нападеніе два племянника литовскаго короля, другіе разсказываютъ объ увозѣ литовскими (или татарскими) людьми жены

Романа, въ третьихъ повѣствуется, какъ князь Романъ погубилъ свою жену. Проф. Ждановъ, послѣ тщательнаго разбора пѣсенъ, пришелъ къ выводу, что князь Романъ какъ малорусской весняяки, такъ и великорусскихъ пѣсенъ — одно и тоже лицо, что это извѣстный галицко-волынскій князь Романъ, отецъ Даніила Галицкаго, убитый въ войнѣ съ двумя польскими князьями.

Мы думаемъ, что этотъ выводъ недостаточно обоснованъ. Пожалуй, можно, съ разными оговорками, согласиться съ авторомъ, что князь Романъ малорусской весняяки—галицко-волынскій князь XII вѣка; но трудно признать, чтобы хотя одна изъ великорусскихъ пѣсенъ имѣла въ виду этого князя. По нашему мнѣнію, авторъ слишкомъ мало вниманія обратилъ на историческія и мѣстныя указанія нашихъ пѣсенъ.

Онѣ говорятъ о двухъ литовскихъ князьяхъ Витвикахъ, родственникахъ польскаго короля Ягайловича, о нападеніи ихъ (передъ нападеніемъ на Русь) на ливонскую землю, о сборѣ Романомъ войска на берегу рѣки Березины; сверхъ того, они упоминаютъ о Москвѣ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ тою эпохою борьбы Руси съ Литвою, когда княжили въ Литвѣ два брата (Ольгердъ и Кейстутъ), когда Литва боролась, кромѣ Руси, съ ливонскими Нѣмцами, когда, наконецъ, установились союзныя отношенія Литвы съ Польшею. Имя Витвикъ — какъ будто искаженіе историческаго имени Витовтъ. Такимъ образомъ, передъ нами XIV и начало XV вѣка.

Романъ нашихъ пѣсенъ не можетъ быть Романомъ галицко-волынскимъ. Мы должны искать его среди князей смоленскихъ, рязанскихъ, брянскихъ XIV—XV в., изъ нихъ же нѣкоторые носили имя Романа. Лѣтописи сохранили намъ объ нихъ мало свѣдѣній, но это нисколько не мѣшаетъ предполагать, что одинъ или двое[1]), изъ нихъ остановили на себѣ вниманіе современниковъ и сдѣлались героями пѣсенъ.

А. С—скій.

Луньякъ. И. И. О происхожденіи именъ Чехъ, Лехъ, Русь и Славяне. (Ученыя Записки Казанскаго Университета 1890 г., кн. 2-я).

Авторъ, спеціалистъ по классической филологіи, вздумалъ объяснить вышеписанныя народныя названія изъ личныхъ собственныхъ именъ. Чехъ, по его мнѣнію,—уменьшительное отъ Вячеславъ, Лехъ,—отъ Болеславъ, Русъ— отъ Ростиславъ, Славъ—сокращеніе нѣсколькихъ именъ на—славъ. Къ сожалѣнію, при этомъ имъ не принято во вниманіе очень многое: что Вячеславъ, съ ч—исключительно русское имя, что Русъ со своимъ *у* не можетъ происходить отъ Ростиславъ, что Славяне, съ *а*—очень новая форма (древняя-словѣне—съ *о*), что наконецъ—это особенно важно—всѣ славянскія народныя названія, которыя находятся въ несомнѣнной связи съ личными именами, имѣютъ форму отчествъ: Лютичи отъ Лютъ, Радимичи отъ Радимъ и т. п.

И такъ, объясненіе г. Луньяка ни въ частностяхъ, ни въ общемъ не можетъ быть признано удачнымъ.

А. С—скій.

---

[1]) Пѣсни о борьбѣ съ Литвою и плѣненіи Литвою княгини говорятъ о Романѣ Дмитріевичѣ; пѣсня объ убійствѣ жены называетъ Романа Васильевичемъ. Эта мелкая подробность, можетъ быть, не лишена своего значенія.

Gopčević Spiridion, Makedonien und Alt—Serbien. Mit. 67. Original-Illstrationen (14 Tafeln, 2 Doppelbilder, 51 Textbilder) und einer ethnographischen Karte (1 : 300,000) in fünf Blättern und fünfzehnfachen Farbendruck, Wien. Verlag von Z. W. Seidel und Sohn. 1889. 4° VII+512. Preis 10 Gulden O. W.

Изъ числа многихъ непорѣшенныхъ и запутанныхъ вопросовъ славянской этнографіи за послѣднее время особенно выдвинулся и сталъ предметомъ обсужденія въ литературѣ вопросъ объ языкѣ и народности македонскихъ Славянъ. Такъ какъ Македонія, на ряду съ нѣкоторыми другими землями Балканскаго полуострова, наприм. съ Старой-Сербіей и Албаніей изучена еще весьма недостаточно, то нѣтъ ничего удивительнаго, что возникъ упомянутый вопросъ. Впрочемъ, замѣчается нынѣ рѣзкая форма въ постановкѣ вопроса — явленіе новѣйшее, вызванное не столько требованіями серьезнаго изученія, сколько стремленіями и побужденіями политическаго характера. До недавняго времени не существовало никакого сомнѣнія относительно того, къ какой народности должны быть отнесены Македонскіе Славяне. И ученые путешественники, и географы и дипломаты всѣхъ европейскихъ странъ и государствъ разсматривали Славянъ Македоніи, какъ разновидность болгарскаго племени. Сущность же Македонскаго вопроса сводилась къ точному выясненію дѣйствительнаго распредѣленія Славянъ въ Македоніи и ихъ отношеній къ другимъ народностямъ, живущимъ въ предѣлахъ той-же области, а также къ раскрытію всѣхъ частныхъ этнографическихъ особенностей, коими характеризуются отдѣльныя вѣтви Македонскихъ Болгаръ. Теперь же, за послѣднія нѣсколько лѣтъ, постановка вопроса существенно измѣнилась. Оспаривается уже и самое общепринятое въ наукѣ положеніе о болгаризмѣ Македонскихъ Славянъ и въ противоположность ему выставлено и доказывается мнѣніе о принадлежности Македонянъ къ сербскому племени. Мнѣніе это не только подробно развивается въ сербской печати и пропагандируется въ народѣ посредствомъ шумныхъ демонстрацій, но и находитъ себѣ сторонниковъ и защитниковъ среди нѣкоторыхъ ученыхъ, впрочемъ преимущественно сербскихъ же. Понятно, что Болгаре, издавна привыкшіе считать Македонію страной болгарской и укрѣпленные въ этомъ сознаніи Санъ-Стефанскимъ договоромъ, взялись за опроверженіе новой сербской теоріи. Такъ возникъ сербско-болгарскій споръ объ языкѣ и народности Македонскихъ Славянъ, въ настоящее время имѣющій цѣлую литературу. Къ сожалѣнію, литература эта очень бѣдна трудами безпристрастными, изслѣдованіями и наблюденіями точными и обстоятельными, на основаніи которыхъ можно было бы придти къ вѣрному и окончательному рѣшенію вопроса. Напротивъ, преобладающее содержаніе ея составляютъ политическія брошюры и памфлеты или же мнимо-научныя, завѣдомо тенденціонныя сочиненія, которыя не только не разъясняютъ дѣла, но вносятъ въ него еще большую путаницу. Современное политическое положеніе Сербіи и Болгаріи лишь способствуетъ развитію страстности въ полемикѣ между сербскими и болгарскими писателями, что въ свою очередь отзывается еще болѣе печально на научномъ обсужденіи спорнаго вопроса. Впрочемъ, справедливость требуетъ признать, что наибольшую страстность и рѣзкость въ полемикѣ и наименьшую объективность и критичность въ сужденіяхъ приходится наблюдать въ статьяхъ, брошюрахъ и книгахъ о Македоніи, выходящихъ съ сербской, а не болгарской, стороны. Увѣренные въ правильности своего взгляда на дѣло, Болгаре относятся сравнительно спокойно и сдержанно къ сербскимъ притязаніямъ на Македонію. Въ болгарской литературѣ замѣчается гораздо меньше памфлетовъ и политическихъ брошюръ по вопросу о народности Македонскихъ Славянъ, чѣмъ въ сербской. Зато появившіяся въ свѣтъ немногія изслѣдованія и статьи болгарскихъ ученыхъ отличаются научнымъ характеромъ и безпристрастіемъ, и даютъ нѣкоторый матеріалъ для рѣшенія вопроса, чего никакъ нельзя сказать о произведеніяхъ сербской печати. Такъ, напр., кромѣ извѣстныхъ статей профессора М. Дринова и нѣкоторыхъ изслѣдованій во французскомъ сборникѣ Офейкова, нельзя не указать на прекрасныя филологическія работы по болгарскому языку Теодорова и Матова появившіяся въ послѣднихъ книжкахъ Софійскаго Періодическаго Списанія.

Къ числу новѣйшихъ сочиненій о Македоніи, вышедшихъ изъ сербскаго лагеря, принадлежитъ и нѣмецкая книга г. Спиридона Гопчевича, заглавіе которой выписано выше. И по объему и по всей своей внѣшности, это сочиненіе рѣзко выдѣляется изъ массы книжекъ и брошюръ однороднаго содержанія, печатающихся въ Бѣлградѣ. Оно представляетъ огромный томъ въ 500 слишкомъ страницъ, роскошно изданный въ Вѣнѣ одною изъ извѣстныхъ книгопродавческихъ фирмъ, снабженный прекрасно выполненными рисунками, статистическими таблицами и подробной, на пяти листахъ, этнографической картой Старой Сербіи и Македоніи. При первомъ взглядѣ на книгу можно было бы подумать, что авторъ ея—человѣкъ ученый, вполнѣ приготовленный къ выполненію принятаго имъ на себя дѣла; что въ своемъ трудѣ онъ даетъ обстоятельное описаніе посѣщенныхъ имъ любопытныхъ славянскихъ областей и сообщаетъ болѣе или менѣе цѣнный этнографическій матеріалъ. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности ничего подобнаго не оказывается. Послѣ ближайшаго ознакомленія съ книгой, читатель, сколько нибудь знакомый съ предметомъ, который въ ней излагается, не только совершенно разочаровывается въ ея достоинствахъ, но и невольно проникается чувствомъ негодованія къ ея сочинителю. Великолѣпная по внѣшности книга г. Гопчевича въ отношеніи содержанія ничего не стоитъ, оно не даетъ ничего новаго, цѣннаго, научнаго и въ сущности есть не болѣе, какъ искусно построенный тенденціозный памфлетъ въ родѣ тѣхъ, какими являются quasi-научныя произведенія гг. П. Сретьковича, Веселиновича и другихъ сербскихъ патріотовъ ревностныхъ не по разуму. Что же касается автора ея, австрійскаго Серба, набившаго руку въ писаніи легковѣсныхъ путешествій—фельетоновъ, то въ новомъ своемъ трудѣ онъ заявляетъ себя, прежде всего недобросовѣстнымъ хвастуномъ и круглымъ невѣждой въ наукѣ, который однако позволяетъ себѣ относиться съ высокомѣріемъ и презрѣніемъ къ настоящимъ ея представителямъ, имѣющимъ неоспоримыя заслуги въ дѣлѣ изученія и описанія Старой Сербіи и Македоніи. Во всемъ своемъ сочиненіи, отъ первой строки до послѣдней онъ проводитъ одну мысль—что Македонскіе Славяне—Сербы, а не Болгаре. Очень возможно, что для пропаганды этой тенденціи написана и вся книга. Къ подтвержденію этой тенденціи должны служить сообщаемыя авторомъ несомнѣнно невѣрныя статистическія свѣдѣнія и этнографическая карта. Кромѣ этихъ «своихъ» матеріаловъ и наблюденій, онъ воспроизводитъ въ своей книгѣ въ одномъ цѣломъ и всѣ тѣ странные, не выдерживающіе критики, доводы въ пользу сербизма Македонянъ, которые разсѣяны въ мелкихъ сербскихъ брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ. Такимъ образомъ сочиненіе г. Гопчевича является полной апологіей извѣстной тенденціи сербскихъ шовинистовъ. Отсюда понятенъ тотъ восторгъ съ какимъ оно было принято въ сербскомъ королевствѣ. Бѣлградская печать единодушно привѣтствовала его, какъ замѣчательный трудъ, который долженъ сдѣлаться настольнымъ у всякаго Серба-патріота; книга была немедленно переведена на сербскій языкъ, а авторъ ея почтенъ даже орденомъ св. Савы. Съ другой стороны понятно и то, что тотчасъ же по выходѣ въ свѣтъ книги, въ австрійской печати явились весьма рѣзкіе критическіе отзывы о ея несостоятельности и даже прямо заподозрѣна достовѣрность находящихся въ ней свѣдѣній и наблюденій (См. Karl Hron Das Volksthum der Slaven Makedoniens. Wien. 1870. Ausland 1870. № 23, стр. 458).

Тенденціозность книги г. Гопчевича обнаруживается какъ изъ построенія ея, такъ изо всего ея содержанія. Она распадается на двѣ части: 1) описаніе путешествія по Македоніи и Старой Сербіи, и 2) Разборъ сербско-болгарскаго спора за Македонію. Авторъ начинаетъ съ подробной рекомендаціи передъ читателемъ собственной своей личности. Онъ изображаетъ себя человѣкомъ безпристрастнымъ, лично отнюдь не заинтересованнымъ въ томъ или другомъ рѣшеніи спора о Македоніи, стремящимся только къ открытію и обнародованію истины. Раньше, до поѣздки въ Македонію, онъ былъ убѣжденъ вмѣстѣ съ другими легковѣрными людьми, что эта страна заселена Болгарами, но, посѣтивъ ее лично, долженъ былъ измѣнить свое мнѣніе. Самое путешествіе въ Македонію онъ предпринялъ по просьбѣ богатаго Болгарина Петрова, который принялъ на свой счетъ всѣ путевые расходы и сопрово-

ждалъ его во всѣхъ переѣздахъ съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ возможность лично удостовѣриться въ болгаризмѣ Македонскихъ Славянъ и затѣмъ авторитетно повѣдалъ объ этомъ Европѣ. Желая обезпечить себя отъ необходимости кривить душой, въ случаѣ какихъ либо неожиданныхъ открытій въ путешествіи, онъ заключилъ съ Петровымъ условіе, по которому послѣдній обязался не предъявлять къ нему, Гопчевичу, никакихъ претензій въ томъ случаѣ, если добытые ими совмѣстно и обнародованные имъ—Гопчевичемъ—результаты по изслѣдованію вопроса о народности Македонскихъ Славянъ будутъ не въ пользу Болгаръ. И вотъ, оба они, авторъ-Сербъ и Петровъ-болгарскій патріотъ—вдвоемъ объѣзжаютъ многочисленныя села и города Македоніи — и что-же оказывается? Нигдѣ Славяне, называя себя Болгарами, не понимаютъ болгарской рѣчи Петрова и напротивъ, вездѣ свободно объясняются съ авторомъ книги—Сербомъ. Отсюда прямое заключеніе, что македонскіе Славяне-Сербы. Петровъ огорченъ и въ огорченіи разстается съ г. Гопчевичемъ. Послѣдній, напротивъ, въ восторгѣ отъ сдѣланнаго важнаго открытія, возвращается въ Вѣну, гдѣ принимается писать книгу въ защиту національныхъ правъ своихъ земляковъ, населяющихъ Старую Сербію и Македонію и притѣсняемыхъ Болгарами. Петровъ, однако, не угомонился. Когда книга уже печаталась, онъ подсылаетъ къ автору довѣреннаго человѣка съ цѣлью подкупить его и такимъ образомъ скрыть настоящую правду о Македоніи. Но и этотъ маневръ Болгарина не удался; онъ, Гопчевичъ, честный человѣкъ, не то что Лавелэ, который взялъ съ Болгаръ 60,000 левовъ (217 стр.) и затѣмъ писалъ о Македоніи съ болгарской точки зрѣнія, онъ выше всего ставитъ истину, а потому прогналъ подосланнаго къ нему Болгарина и выпустилъ въ свѣтъ книгу въ томъ видѣ, какъ она была написана. Въ такую форму облекаетъ г. Гопчевичъ свой разсказъ о сдѣланномъ имъ важномъ этнографическомъ открытіи въ Македоніи. Едва ли есть надобность разъяснять, сколько фальши и неправдоподобія во всемъ этомъ странномъ повѣствованіи. Болгаринъ Петровъ, сопутствующій автору въ его путешествіи и на каждомъ шагу вынужденный сознаваться, что Македонскіе Славяне не понимаютъ болгарской рѣчи,—очевидно, вымышленное лицо. Не трудно понять и то, зачѣмъ г. Гопчевичу понадобилось выводить на сцену это лицо и притомъ въ столь глупой роли, какая ему навязана. Что касается рисовки автора передъ читателемъ своею честностью, объективностью и другими достоинствами, то она говоритъ не въ его пользу и скорѣе бросаетъ тѣнь на него. Извѣстно, что истинно-добросовѣстный человѣкъ никогда не станетъ кричать о своей честности. Между тѣмъ, пріемы, которыми г. Гопчевичъ воспользовался при построеніи своей книги, даютъ читателю полное право предположить у автора отсутствіе безпристрастія и правдивости. Если г. Гопчевичъ не побоялся бросить бездоказательное обвиненіе въ продажности такого извѣстнаго и почтеннаго писателя, какъ Лавелэ, то я позволяю себѣ замѣтить, что общее впечатлѣніе по прочтеніи разбираемой книги получается такое, какъ будто она была написана по заказу и при томъ на основаніи матеріала, собраннаго не на мѣстѣ—въ Македоніи, а доставленнаго со стороны и частью, можетъ быть, сочиненнаго въ Вѣнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, описаніе путешествія Гопчевича, не смотря на его растянутость, въ высшей степени безсодержательно и поверхностно; оно бѣдно точными данными и живыми наблюденіями, не даетъ сколько-нибудь яснаго представленія ни о Старой Сербіи, ни о Македоніи, и въ отношеніи обстоятельности не можетъ быть даже сравниваемо съ предшествующими описаніями тѣхъ же земель, напр. съ почтеннымъ трудомъ Гана, котораго авторъ постоянно критикуетъ, какъ круглаго невѣжду и у котораго, однако, цѣликомъ заимствовалъ всѣ наиболѣе любопытныя страницы своего сочиненія или съ замѣчательными путешествіями В. И. Григоровича и А. Ѳ. Гильфердинга, которыя, повидимому, остались совсѣмъ неизвѣстны автору. Вниманіе г. Гопчевича сосредоточено почти исключительно на опредѣленіи народности населенія тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, причемъ это опредѣленіе производится вездѣ по одному и тому же шаблонному пріему распроса встрѣчающихся жителей. На однородные вопросы получались однородные отвѣты,

сущность которыхъ сводилась къ тому, что нигдѣ въ Македоніи нѣтъ Болгаръ, а во всѣхъ ея частяхъ и въ Охридѣ, и въ Прилѣпѣ, и въ Битоли, и въ Солуни и Сересѣ живутъ Сербы. Всѣ предшествующіе ученые путешественники, писавшіе о Македоніи и принимавшіе обитающихъ тамъ Славянъ за Болгаръ (Ами Буэ, Ганъ, Баргъ, Макензи, Ирби и др.), по мнѣнію Гопчевича, заблуждались, въ слѣдствіе неумѣнья различить сербскій и болгарскій языки или же были обмануты и подкуплены Болгарами. Здѣсь приходится пожалѣть, что авторъ прежде чѣмъ такъ осуждать своихъ предшественниковъ, не справился съ извѣстнымъ «Путешествіемъ по Европейской Турціи» В. И. Григоровича, трудовъ котораго онъ ни разу не упоминаетъ въ своей книгѣ. Авторитетъ Григоровича высоко стоитъ въ наукѣ. Про него нельзя сказать, что онъ не зналъ разницы между сербскимъ и болгарскимъ языками. Между тѣмъ онъ, какъ извѣстно, никогда не сомнѣвался въ болгаризмѣ Македонскихъ Славянъ и первый отмѣтилъ важнѣйшія особенности македоно-болгарскаго нарѣчія. Нельзя и заподозрить его въ подчиненіи болгарскому вліянію, такъ какъ въ ту пору, когда путешествовалъ Григоровичъ, не могло быть и рѣчи о какой либо дѣятельности болгарской пропаганды въ Македоніи.

Столь же плоха и неудовлетворительна и вторая часть книги, посвященная разбору сербско-болгарскаго спора за Македонію. Здѣсь г. Гопчевичъ съ развязностью ученаго, свободно вращающагося въ области исторіи, филологіи и этнографіи, разсказываетъ и пережевываетъ тѣ самыя нелѣпыя бредни, которыя уже не разъ приводились въ многочисленныхъ статьяхъ и брошурахъ сербскихъ шовинистовъ въ защиту новоизмышленной сербско-македонской теоріи. Онъ толкуетъ о сербскомъ и болгарскомъ языкѣ, о народной поэзіи, объ историческихъ правахъ Сербовъ на Македонію, о предосудительной дѣятельности болгарской пропаганды и пр. и пр., но всѣ эти разсужденія автора отличаются такою неосновательностью, бездоказательностью и невѣжествомъ, что не стоитъ входить въ ближайшее ихъ разсмотрѣніе. Достаточно будетъ указать, что г. Гопчевичь совершенно отрицаетъ существованіе у Болгаръ древнихъ пѣсенъ, объявляетъ всѣхъ собирателей болгарскихъ пѣсенъ (братьевъ Миладиновыхъ, Верковича, Безсонова, Качановскаго, Голикова и др.), фальсификаторами, умышленно передѣлывавшими чисто-сербскія пѣсни на болгарскій ладъ, утверждаетъ, что въ болгарскомъ языкѣ существуютъ три звука: юсъ, еръ и ерикъ, будто бы отсутствующіе въ македонскихъ говорахъ; отрицаетъ существованіе члена въ македонскихъ говорахъ и проч.

Относительно статистическаго матеріала, внесеннаго въ книгу, нужно замѣтить, что въ литературѣ было указано на его сомнительную достовѣрность (См. Karl Hron, Das Volksthum der Slaven Makedoniens. Wien. 1880 и статьи Р. Сигера въ Ausland. 1870, № 23). Между прочимъ, оказывается, что статистическія цифры населенія по деревнямъ и казамъ, заимствованы (безъ указанія на источникъ) изъ вышедшей въ 1881 г. въ Филиппополѣ брошюры «Ethnographie de la Macédoine», при чемъ стоявшіе въ рубрикахъ этой брошюры «Болгаре» переименованы г. Гопчевичемъ въ «Сербовъ». Составленная по такому матеріалу и по вышеуказаннымъ пріемамъ этнографическая карта Старой Сербіи и Македоніи, понятно, на столько же далека отъ истины, на сколько самъ г. Гопчевичъ далекъ отъ настоящей науки и отъ пониманія обязанностей добросовѣстнаго писателя.

Кіевъ. 5 Августа 1870 г.

Т. Флоринскій.

Viestnik Hrvatskoga Arkeologičkoga Družtva. Godina XII. Br. 1, 1 siečnja; Br. 2, 1 travnja; Br. 3, 1 srpnja. U Zagrebu. 1890.

Вѣстникъ Хорватскаго Археологическаго Общества, издаваемый подъ редакціей многозаслуженнаго археолога и историка С. Любича, въ своихъ небольшихъ книжкахъ весьма дѣятельно занимается изслѣдованіемъ мѣстныхъ древностей. Большая часть настоящихъ выпусковъ посвящена надписямъ. Здѣсь мы находимъ давно начатый рядъ

«старо-боснійскихъ надписей въ Босніи и Герцеговинѣ», печатаемый Вулетичемъ-Вукасовичемъ; «Римскія надписи въ Митровицѣ (кн. 1) и въ Босніи (кн. 2 и 3)», С. Любича; «Средневѣковыя надписи въ Шибеникѣ (кн. 1)», Ф. Радича и замѣтку Вулетича-Вукасовича: «Средневѣковая надпись на островѣ Шипанѣ (кн 3)». Сюда же отнесемъ замѣтку С. Любича о мѣстахъ Желятича Бана (кн. 3). Далѣе весьма интересно сообщеніе Ф. Радича и В. Вулетича «Доисторическіе предметы съ острова Корчулы и съ полуострова Пелещца въ Далмаціи», состоящіе изъ четырехъ предметовъ каменнаго вѣка и одного (два экземпляра)—бронзоваго вѣка, а также замѣтки Ф. Радича, «Славяно-византійскіе памятники въ Корчулѣ» и «Хорватскія древности въ Задрѣ»—обѣ въ кн. 3, и наконецъ замѣтка Г. Чрнчича, «Стиница, по латински Murula».

Обратимъ вниманіе еще на отдѣлы критики, корреспонденцій, мелкихъ замѣтокъ и извѣстій Общества древностей въ Книнѣ въ Далмаціи). Въ отдѣлѣ критики продолжаетъ печататься Фр. Радичевъ разборъ труда Ф. Булича, «Хорватскіе памятники временъ народной хорватской династіи».

Недавно вышла первая часть II тома почтеннаго труда проф. С. Любича, «Описаніе Археологическаго Отдѣла Національнаго Музея въ Загребѣ» (т. II, ч. 1), содержащая описаніе коллекцій монетъ отъ древнѣйшаго времени до императора Діоклетіана.

Свадебные обычаи у Бѣлыхъ Краинцевъ.

(Letopis Matice Slovenske za leto 1889. Zenitvanski običaji Belih Kranjcev. Spisal Janko B. stv. 64—84).

О свадебныхъ обычаяхъ Словѣнцевъ въ литературѣ извѣстно очень немного, и нѣкоторые ученые (какъ г. Краусс въ своемъ сочиненіи Sitte und Brauch der Südslaven) утверждаютъ, что обрядовъ свадебныхъ у Словѣнцевъ почти нѣтъ, а какіе есть, такъ тѣ только лучше всего показываютъ онѣмеченность словѣнскаго народа. Поэтому статья г. Janko B., написанная какъ бы въ опроверженіе этого взгляда на словѣнскіе обычаи, заслуживаетъ большаго вниманія, и мы приводимъ ее здѣсь въ значительномъ, правда, сокращеніи и съ опущеніемъ при этомъ пѣсенъ.

1.

Молодой человѣкъ при выборѣ невѣсты старается разузнать у своихъ родителей (или вообще старшихъ въ семьѣ), какая дѣвушка имъ была бы по сердцу. Когда выборъ сдѣланъ, мать молодого человѣка отправляется въ семью предполагаемой невѣсты, чтобы заранѣе, до посылки сватовъ, узнать о мнѣніи по этому поводу семьи и самой дѣвушки. Уже при самомъ входѣ гостьи дѣвушка, догадываясь, въ чемъ дѣло, выбѣгаетъ изъ комнаты и только, если женихъ ей по нраву, возвращается въ комнату; тогда гостью угощаютъ виномъ и хлѣбомъ. Послѣ этихъ предварительныхъ развѣдокъ начинается настоящее сватовство.

Сватами, или, по словѣнски, просителями (prosci; идутъ сватать gredo v prosce) идутъ женихъ, его отецъ и обыкновенно 1—2 изъ ближайшихъ его родственниковъ. Въ домѣ невѣсты сваты начинаютъ иносказательный разговоръ: «Мы—купцы и люди подорожные, говоритъ одинъ изъ нихъ: «зашли къ вамъ потому, что видимъ: у васъ огонь горитъ. Пустите насъ переночевать». На это отецъ невѣсты отвѣчаетъ въ томъ же родѣ, что у нихъ не гостиница, что онъ не знаетъ: кто они и откуда? и т. д. Но все оканчивается тѣмъ, что хозяинъ наконецъ соглашается впустить. «Если вы—порядочные люди, войдите въ мой домъ». Вошедшіе садятся за столъ, и начинается обѣдъ. Послѣ супа, дѣвушка (будущая невѣста) подаетъ на

столъ говядину съ хрѣномъ или свинину со словами: «Благослови вамъ Богъ сегодняшнее питье и ѣду» (Bog vam blagoslovi nocojšna jed in pijačo), и удаляется, а за столомъ прислуживаютъ другія женщины. Во время угощенія кто-нибудь со стороны жениха начинаетъ рѣчь о сватовствѣ. Отецъ невѣсты, какъ будто его захватили въ расплохъ, ссылается на дочку. Призываютъ ее. Она стыдится, перебираетъ складки платка; наконецъ заявляетъ, что согласна вступить «v sveti zakon» съ этимъ молодымъ человѣкомъ, и въ знакъ согласія подаетъ ему руку. Отецъ дѣлаетъ приличныя случаю наставленія, и дѣло кончено: дѣвушка «запрошена» (izprošena).

Затѣмъ начинается разговоръ о приданомъ, сопровождаемый шутками и притворнымъ споромъ, а также назначается срокъ, когда объявить священнику, чтобы онъ сдѣлалъ окличку (da ju okliče ali ozove).

Потомъ поютъ пѣсни. На прощаніе невѣста даритъ жениху нѣсколько румяныхъ яблокъ, а онъ ей немного денегъ или какую-нибудь мелочь.

2.

Въ ожиданіи брачнаго дня въ обоихъ домахъ (и у жениха и у невѣсты) идутъ приготовленія: шьютъ, моютъ, запасаютъ мясо, вино и т. д... Наконецъ приглашаютъ поѣзжанъ (svatove).

Женихъ съ отцемъ или другимъ родственникомъ отправляется по своимъ роднымъ, а невѣстинъ съ кѣмъ нибудь изъ своихъ—по своей роднѣ, приглашая всѣхъ отъ мала до велика на свой праздникъ. Обычно говорятъ при этомъ слѣдующее:

«Hvaljen bodi Jezus Kristus! Mi smo došli vas vabit vse od najmanjega do največega na našo dobro voljo, na zrelo vino, pečen kruh, na pečene guske in purane, bomo imeli dosti hrane, bomo imeli tri jen cent, bomo imeli trohtament. Boste imeli mehko pojstlo, trdo klop, malo spanca, dosti tanca, dobre volje, hopsasa!»..

Обыкновенно свадьба бываетъ въ среду.

Во вторникъ вечеромъ въ домѣ невѣсты собирается большое число поѣзжанъ (svatove), такъ какъ въ этотъ день женихъ приходитъ къ невѣстѣ за приданымъ (po škrinjo ali balo, собственно за сундукомъ). Тутъ бываютъ на лицо староста (starejšina) и ближайшій родственникъ жениха, руководящій всѣмъ обрядомъ, дружко (tovariš-Brautführer) обыкновенно лучшій другъ-пріятель жениха, нѣсколько другихъ сватовъ и два-три музыканта. Если невѣста изъ другой деревни, то «за скрыней» пріѣзжаютъ съ лошадьми, а если изъ той же, то съ волами.

«Скрыню» эту обыкновенно представляютъ собою два сундука, наполненные носильнымъ платьемъ, бѣльемъ, верхней одеждой, подушками и т. д. Забираніе «скрыни» изъ дому невѣсты сопровождается угощеніемъ, пѣснями, танцами и шутками, причемъ парни-односельцы невѣсты противятся увозу ея имущества [1]).

3.

Въ день свадьбы всѣ приглашенные въ лучшихъ нарядахъ и съ подарками для молодыхъ идутъ на торжество. Взрослые собираютъ часамъ къ 8 утра «na kosilo» въ невѣстинъ домъ. Здѣсь невѣста даетъ каждому изъ поѣзжанъ по искусственному цвѣтку на грудь или на шляпу; а жениху пришиваетъ на шляпу огромный букетъ. Затѣмъ начинается завтракъ, во время котораго невѣста въ отдѣльной комнатѣ убирается къ вѣнцу. Невѣста обыкновенно наряжается въ бѣлое платье, на голову одѣваетъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ съ зелеными вѣтками, а на грудь небольшой букетъ. На грудь и на спину спускаютъ нѣсколько красныхъ шелковыхъ

[1]) Остатокъ отъ того времени, когда еще «умыкаху» себѣ женъ.

лентъ. Еще недавно здѣсь невѣсты одѣвали на голову «naplet» изъ красныхъ шелковыхъ лентъ; «naplet» прикрѣплялся вокругъ головы, а надъ головой возвышался вѣнецъ чуть не въ ладонь вышиной.

Уже убранную невѣсту выводитъ «nevestin starejšina» въ общую комнату. Женихъ тотчасъ же становится рядомъ съ нею. Тогда отецъ невѣсты (или заступающій его мѣсто) пьетъ за здоровье новой пары съ такими словами: «Мы собрались сюда, дорогіе пріятели, на это веселье, чтобы пожелать всякаго счастья жениху и невѣстѣ. Богъ, Отецъ небесный дастъ имъ достойно принять это святое таинство, добросовѣстно исполнять обязанности своего положенія и послѣ этой жизни заслужить небеса». Остальные тоже пьютъ за здоровье и счастье молодыхъ.

Затѣмъ всѣ идутъ въ церковь въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди всѣхъ идутъ музыканты, наигрывая веселую «плясовую», за ними «старѣйшина» съ женою (starejšinka или posnážnica), потомъ нѣсколько поѣзжанъ со своими женами и среди нихъ **женихъ съ дружкой** (tovaršica) и **невѣста съ дружкомъ** (tovariš). Изъ церкви **молодые** идутъ уже рядомъ.

Существуютъ различныя примѣты, которыя прежде соблюдались на пути въ церковь и въ церкви, но теперь онѣ уже почти совсѣмъ позабыты. Вотъ нѣкоторыя: Отправляясь къ вѣнцу женихъ и невѣста должны взять съ собою побольше денегъ, въ особенности какихъ нибудь необыкновенныхъ: деньги всегда будутъ водиться, будетъ удача въ денежныхъ дѣлахъ.—Невѣста должна на пути въ церковь посмотрѣть на жениха сквозь пальцы, чтобы онъ ее больше любилъ.—Сколько пшеничныхъ зеренъ положитъ невѣста себѣ въ карманъ или башмакъ, столько лѣтъ проживетъ.—На пути въ церковь обыкновенно раздаютъ хлѣбъ людямъ, въ особенности дѣтямъ. Этотъ хлѣбъ дѣлить должна какая-нибудь женщина, только не невѣста: иначе если кто нибудь полученный отъ невѣсты хлѣбъ броситъ собакѣ или кошкѣ, то не будетъ счастья въ бракѣ, молодые будутъ между собою спорить и браниться.—Когда женихъ и невѣста опускаются на колѣни передъ алтаремъ, то невѣста должна наступить на полу жениховой одежды.—Когда идутъ изъ церкви, никто не долженъ становиться между молодыми мужемъ и женой, такъ какъ иначе между ними никогда не будетъ любви.

Изъ церкви всѣ отправляются въ домъ невѣсты; при этомъ молодой переноситъ молодую черезъ порогъ, чтобы ей никто не могъ причинить зла. Угощенья здѣсь не бываетъ, и поѣзжане вмѣстѣ съ женихомъ расходятся по домамъ.

Съ приближеніемъ вечера поѣзжане со стороны жениха собираются въ его домъ, чтобы вмѣстѣ идти за невѣстой. Среди нихъ находится и «starejšinka» или «posnažnica», на обязанности которой и лежитъ приводъ невѣсты въ новый домъ. Въ домѣ невѣсты между тѣмъ собрались ея поѣзжане. Между жениховыми поѣзжанами и поѣзжанами невѣсты начинаются переговоры. Первые просятся переночевать. Имъ отвѣчаютъ: Васъ слишкомъ много. Да и Богъ знаетъ, кто вы? а разбойниковъ мы не можемъ и не хотимъ принимать. Тутъ среди разныхъ шутокъ требуютъ, чтобы привели и выдали невѣсту. «Невѣстинъ старѣйшина» выводитъ имъ разныхъ женщинъ, какъ бы желая утаить отъ нихъ настоящую невѣсту. Наконецъ выходитъ и сама невѣста, неся въ рукахъ рюмку вина, покрытую краснымъ платкомъ. Съ появленіемъ невѣсты музыканты начинаютъ играть что нибудь веселое. «Невѣстинъ старѣйшина» подводитъ молодую за руку къ жениху, чтобы подать ему платокъ, затѣмъ трижды обводитъ ее вокругъ жениха и наконецъ оставляетъ ихъ другъ передъ другомъ. Тогда невѣста отпиваетъ немного вина и затѣмъ передаетъ рюмку жениху, который быстро выпиваетъ вино и изо всей силы разбиваетъ рюмку объ стѣну, чтобы она разсыпалась въ дребезги. Если бы рюмка отскочила отъ стѣны, жениху былъ бы большой срамъ.

Пока все это происходитъ передъ домомъ, «starejšinka», не смотря на сопротивленіе домашнихъ, прокрадывается въ кухню и перемѣшиваетъ яства, чтобы кто нибудь не подпоилъ поѣзжанъ, затѣмъ трижды обходитъ вокругъ стола, чтобы не отсталъ на пути кто-нибудь изъ поѣзжанъ, когда будутъ увозить невѣсту.

По окончаніи всѣхъ этихъ обрядовъ поѣзжане съ молодою парою входятъ въ комнату, такъ какъ предстоитъ богатое угощеніе или пиръ (pir, pirovanje).

4.

Собравшись въ комнатѣ, поѣзжане усаживаются за столъ. Первое мѣсто занимаетъ жениховъ старѣйшина, который теперь получаетъ названіе «stolo-ravnitelj», такъ какъ руководитъ всѣмъ пиромъ. Рядомъ съ нимъ садится pospážnica; потомъ женихъ и невѣста, дружко и дружка, а дальше остальные поѣзжане. «Столоравнитель» выбираетъ себѣ помощниковъ—fiškuš, podfiškuš и pazitelj, которые наблюдаютъ за угощеніемъ.

Невѣстинъ старѣйшина, перекрестившись, читаетъ вслухъ дважды «Отче нашъ» и «češena si Marija», а остальные поѣзжане ему вторятъ. Затѣмъ начинается самое угощеніе, сопровождаемое пѣснями.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ во время этого обѣда наливаютъ виномъ двѣ рюмки, и эти рюмки обходятъ всѣхъ поѣзжанъ: выпиваютъ каждый разъ двое и, выпивши, цѣлуются между собою. По мѣстамъ поѣзжане за столъ садятся такъ, чтобы у каждаго мужчины по ту и по другую руку сидѣли женщины. Въ такомъ случаѣ мужчина, выпивши очередную рюмку, цѣлуетъ сперва одну, а потомъ и другую свою сосѣдку.

Послѣ этой «круговой» начинаются здравицы. Пьютъ сначала за здоровье молодыхъ; потомъ жениховъ старѣйшина—за здоровье поѣзжанъ со стороны невѣсты и на оборотъ. И все это сопровождается пѣснями. При здравицахъ у каждаго должна быть полная рюмка: кто будетъ съ неполной рюмкой, въ наказаніе долженъ выпить лишнихъ двѣ-три рюмки. Точно такое же наказаніе налагается и на тѣхъ, кто выходитъ изъ-за стола и кто возвращается назадъ.

Въ комнату между тѣмъ врывается веселая молодежь, и начинаются танцы, сопровождаемые музыкою и пѣснями. Общему веселью содѣйствуютъ забавныя выходки музыкантовъ и стряпухи.

Между тѣмъ во время этого пѣнія со стола убираютъ остатки пира и посуду и накрываютъ его бѣлою скатертью, а по серединѣ ставятъ бѣлый подносъ, предназначаемый для собиранія подарковъ отъ поѣзжанъ. Поѣзжане всѣ встаютъ, а музыканты начинаютъ играть и пѣть пѣсни, приглашая присутствующихъ не скупиться и подарить невѣсту: «вчера она еще была дѣвушка, а сегодня невѣста... Подходите и дарите... Развязывайте черныя мошны, вынимайте серебряные гроши»... Каждый даритъ невѣстѣ, сколько можетъ денегъ, и затѣмъ цѣлуется съ женихомъ и невѣстой. Деньги эти дѣлаются собственностью невѣсты. Ихъ пересчитываютъ и вручаютъ ей, а она передаетъ жениху.

Послѣ этого забавляются еще нѣкоторое время. Наконецъ наступаетъ пора расходиться. Всѣ выходятъ изъ-за стола. (Невѣста въ это время должна немного потянуть скатерть, чтобы ея сестра, если таковая имѣется, поскорѣе вышла замужъ). Дружко (tovariš) снимаетъ со стѣны большой изукрашенный хлѣбъ (vrtanj), который обвязанный длиннымъ полотенцемъ висѣлъ въ продолженіе всего пира на гвоздѣ надъ «молодою». Дружко закидываетъ его на плечо и несетъ въ домъ жениха. Невѣста въ лѣвой рукѣ несетъ такой же хлѣбъ, только немного поменьше, а въ правой фонарь, въ которомъ горитъ освященная свѣча. Она плачетъ, а поѣзжане поютъ приличествующія случаю пѣсни.

5.

Придя во дворъ жениха, невѣста беретъ къ себѣ на колѣни мальчика не старше трехъ лѣтъ, изъ жениховой родни, выражая этимъ желаніе имѣть перваго ребенка мужскаго пола и вмѣстѣ показывая, что всѣмъ дѣтямъ въ роднѣ жениха она будетъ настоящею матерью. Мальчикъ этотъ называется «nakolénče». Ему

вручается принесенный невѣстою хлѣбъ, съ приколотымъ платкомъ, который тоже достается мальчику. Затѣмъ какая-нибудь женщина приноситъ бутылку вина и двѣ рюмки. Мать жениха или занимающая ея мѣсто наливаетъ вино и чокается съ невѣстой. которая при этомъ говоритъ: «Draga mama! Bodite mi od sedaj mati, a jaz vam bodem pokorna hčerka. Bog daj, da bi se z očmi gledale, a v srci ljubile» и опускаетъ въ рюмку двѣ серебряныхъ монеты въ даръ жениховой матери.

Послѣ этого приносятъ каравай хлѣба, передаютъ невѣстѣ и вводятъ ее въ комнату, гдѣ она кладетъ хлѣбъ на столъ и сама садится. Поѣзжане также садятся. Ихъ угощаютъ только супомъ, и они скоро расходятся. Женихъ и невѣста собираются идти спать; при этомъ невѣсту раздѣваетъ «posnážnica», которая за это получаетъ немного денегъ. Но лишь только молодые лягутъ, какъ у воротъ музыканты начинаютъ играть и пѣть «ютреницу», и невѣстѣ приходится выйти и дать имъ немного денегъ, чтобы они ушли. Послѣ этого уже никто не безпокоитъ молодыхъ, и они ложатся спать. Говорятъ, что кто изъ нихъ первый заснетъ, тотъ первымъ и помретъ.

Часовъ около одиннадцати или ближе къ полудню «молодые» встаютъ, и posnážnica одѣваетъ «молодой» на голову «ялбицу» (чепчикъ) вмѣсто вѣнка.

Къ обѣду опять собираются нѣкоторые поѣзжане и забавляются пѣснями и танцами, а женщины между тѣмъ готовятся къ вечернему угощенію, которое должно быть такъ же богато и роскошно, какъ и первое (въ домѣ невѣсты).

Въ сумерки приходятъ поѣзжане невѣсты, которые теперь называются pohódi или rúhari (такъ какъ приносятъ ruho—одежду, которую невѣста съ одною изъ своихъ родственницъ дѣлитъ между членами жениховой семьи), и пированье идетъ совершенно такъ же, какъ было въ домѣ невѣсты.

На разсвѣтѣ, когда соберутся zúhari идти домой, старѣйшина снимаетъ vrtánj, и теперь висѣвшій надъ невѣстой, и дѣлитъ его такъ, что невѣста получаетъ двѣ части, a rúhari одну; но раздѣлъ происходитъ не безъ спора между рухарями и поснажницей, которая вступается за права невѣсты. Долю невѣсты прячутъ въ ея «скрыню», а въ ближайшее воскресенье послѣ обѣдни невѣста вмѣстѣ съ поснажницей дѣлитъ между народомъ.

Слѣдующій день пятница. Родня невѣсты забавляется въ домѣ невѣсты, родня жениха въ его домѣ. Послѣ полудня является музыкантъ съ повѣшеннымъ на шею окоромъ или чѣмъ нибудь подобнымъ и показываетъ видъ, что ѣстъ свою ношу. Родные жениха ведутъ его [1]) въ домъ невѣсты, гдѣ ихъ принимаютъ со смѣхомъ.

Здѣсь музыкантъ дурачится, переходя отъ одного къ другому, пока не свалится въ лужу.

Послѣ разныхъ дурачествъ и шутокъ музыкантъ переодѣвается; начинаются пѣсни, музыка, танцы... и «пиръ» конченъ. Гости расходятся съ пѣснями и свистомъ по своимъ домамъ.

Тѣмъ и кончается свадьба у Бѣлыхъ Краинцевъ. Изъ сказаннаго видно, что у Словѣнцевъ сохранились еще нѣкоторые обряды, существующіе у другихъ Славянъ, напр. nakolénče, сваты, намеки на увозъ и т. д. и слѣдовательно, сдѣланный г. Краусомъ упрекъ имъ не совсѣмъ заслуженъ.

---

[1]) Объ этомъ говорятъ: «petka vodiju» ведутъ пятницу.

Въ томъ же выпускѣ Лѣтописи Матицы Словѣнской и тѣмъ же г. Janko B. представлено описаніе одного праздника словѣнскихъ пастуховъ. Статья озаглавлена: «Križi v Gribljah» [1]).

Еще наканунѣ праздника «крестовъ» (Вознесеніе Господне) пастухи рубятъ дрова и дѣлаютъ изъ нихъ огромный костеръ («slog» отъ «слагати»). Затѣмъ какой-нибудь изъ нихъ бодрствуютъ всю ночь, дожидаясь когда на колокольнѣ заблаговѣстятъ къ «Богородицѣ» (Zdravo Marijo), такъ какъ за неимѣніемъ часовъ это единственный способъ опредѣлить время. Еще съ вечера каждый запасаетъ всего, что̀ ему нужно будетъ утромъ взять съ собою на пастбище: яицъ, солонины, масла, хлѣба и т. д. и все это, сложенное въ торбу, кладетъ около себя. Лишь только услышитъ благовѣстъ, отвязываетъ скотъ (только воловъ и телятъ) и, забросивши торбу за плечи, отправляется въ поле. Кто придетъ раньше, тотъ зажигаетъ огонь.

Раньше праздника пастухи замѣчаютъ, на которой березѣ закричитъ первый разъ въ это лѣто кукушка. Услышавши первое кукованье, пастухъ трижды обходитъ обходитъ вокругъ березы, на которой сидитъ кукушка, и снимаетъ немного бересты. Эту бересту пастухи приносятъ съ собою на križi: она съ прибавленіемъ нѣсколькихъ кусочковъ хлѣба передъ солнечнымъ восходомъ закапывается на выгонѣ (izgon) сосѣднихъ, чтобы коровы враждебныхъ пастуховъ бѣсились отъ укушенія оводовъ.

Если какой нибудь пастухъ, заспавшись, не услышитъ благовѣста и пригонитъ свое стадо только теперь, то его встрѣчаютъ смѣхомъ, шутливыми пѣснями, бѣгутъ къ нему на встрѣчу съ горящими головнями посвѣтить, чтобы не случилось чего нибудь.

Затѣмъ начинаютъ готовить завтракъ на все еще горящемъ кострѣ. Главную роль въ этомъ завтракѣ играютъ яйца, причемъ скорлупа яйца не разбивается, а лишь просверливается въ двухъ мѣстахъ.

Пока пастухи занимаются всѣмъ этимъ, солнце успѣетъ взойти, и младшіе братья или сестры приведутъ коровъ: въ этотъ день коровъ нельзя выводить въ поле раньше восхода, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ цѣлый годъ будутъ доить колдуньи.

Послѣ завтрака, кто постарше, идетъ къ обѣднѣ, а молодые остаются въ полѣ со стадами. Все это происходитъ до полудня.

Послѣ полудня начинается самый праздникъ. Когда всѣ соберутся снова, пастухи садятся въ кружокъ и начинаютъ угощаться каждый своимъ добромъ; при этомъ разрѣшается и вино, которое развязываетъ языки и еще больше придаетъ веселья. Еще утромъ около костра вбиваютъ высокую и тонкую березу съ обрубленными или окороченными сучьями и вѣтвями. На эти сучки и вѣтки насаживаются скорлупы отъ съѣденныхъ яицъ, а на верхушку вѣшаются торбы пастуховъ. Въ такомъ нарядѣ береза остается среди поля нѣсколько дней, чтобы всѣ знали, сколько яицъ съѣли пастухи. Остальная часть дня проводится въ пѣсняхъ, а вечеромъ съ тѣми же пѣснями и свистомъ пастухи гонятъ свои стада домой.

Словаки въ Бачской и Срѣмской столицахъ (брошюра г. Фел. Кутлика; «Báč-Sriemski Slováci»).

Бачская сто̀лица лежитъ между Дунаемъ и Тисою и занимаетъ пространство въ 180 кв. миль съ населеніемъ болѣе 600,000 чел.; на Сѣв. она граничитъ съ Пештскою, на В. съ Чонградскою и Торонтальскою, на Зап. съ Бараньянскою, а на Югѣ со Срѣмскою. Народъ дѣлитъ ее на верхнюю (горнюю) и нижнюю или дольнюю Бачку.

---

[1]) Деревня въ подземельскомъ приходѣ, недалеко отъ Кольпы.

Хотя еще въ 1522 г. въ этой мѣстности встрѣчаются названія общинъ, указывающія на присутствіе здѣсь Словаковъ (напр. Tòt—Szöregt, Tòt—Falu, Tòt—Vajszka, Batho—Tòtfalu и Csente—Tòtfalu) [1]), но теперешняя словенская часть населенія Бачки—колонисты, пришедшіе сюда уже послѣ возвращенія этихъ земель отъ Туровъ подъ австрійскую власть, послѣ Зентинской битвы въ 1697 г.

Въ 1699 г., по описи этой столицы, здѣсь было всего 2,256 домохозяевъ при 3,776 ютрахъ пахатной земли, а теперь ея здѣсь 1,216,307 ютровъ. На свободныхъ земляхъ селились дальше въ Кульпинъ, Сильбашу и Паланки, гдѣ покупали себѣ земли и основывали общины а частью были поселяемы колонисты различныхъ народностей, такъ въ 1733—1824 гг. здѣсь поселились Мадьяры—католики, въ 1782—1873 тт. Мадьяры—кальвинисты, а въ 1748 и 1736 гг. Русскіе-уніаты, составившіе двѣ и по сю пору цвѣтущія общины—Керестуръ и Куцура. Особенно сильна была колонизація этихъ мѣстъ при Маріи-Терезѣ и Іосифѣ II, когда сюда было приглашено множество нѣмецкихъ семействъ изъ южной Германіи (католической).

Между другими народностями пришли сюда и Словаки, вышедшіе преимущественно изъ стòлицъ нитранской, пресбургской, гонтянской, зволенской, новоградской, веспримской и комарнской, хотя были отдѣльныя семьи и изъ другихъ стòлицъ. Причины, приведшія сюда Словаковъ, различны. Почему пришли сюда первые словенскіе поселенцы, неизвѣстно; но позже другихъ поселившіеся здѣсь Словаки изъ пештской и бекешской столицъ пришли сюда, частью скрываясь отъ своихъ господъ, а частью остановились, когда были вызваны Іосифомъ II для копанія шанцевъ при Землинѣ и Бѣлградѣ. Тогда пришли сюда фамиліи Шимовци, Шарвашковци, Тушановци и др. Пештскіе и веспримскіе Словаки бѣжали сюда отъ насильственной мадьяризаціи.

Въ дольней Бачкѣ находится такъ называемое «Futocké pánstvo» (Футоцкая экономія), которое въ 1740 г. получила въ аренду фамилія Черновичей подъ условіемъ заселенія этой мѣстности. Впослѣдствіи эту экономію держалъ генералъ Nehem, послѣ него гр. Gabriani, гр Brunswick, гр. Forray, а теперь гр. Chotek.

На приглашеніе Футоцкой экономіи явились сюда Словаки-евангелики изъ указанныхъ выше стòлицъ, поселившіеся въ Петровцѣ, Гложанахъ и Кисачахъ. Переселенцы, чтобы легче укрыться отъ своихъ оставленныхъ господъ, перемѣнили свои прозванія на новыя по имени своихъ прежнихъ мѣстожительствъ, такъ явились фамиліи Maglòdsky, Peterský, Lietavský, Iršan, Lešt'an, Turčan, Štrba, Lipták и мн. другія. Но были, вѣроятно, и другія основанія для перемѣны фамилій, такъ какъ нѣкоторые переселенцы принадлежали къ дворянскимъ семьямъ.

Указанныя три общины—Петровцы, Гложаны и Кисачи—были родоначальницами остальныхъ словенскихъ евангелическихъ общинъ, такъ какъ въ послѣдствіи многіе по различнымъ причинамъ уходили изъ этихъ общинъ, существующія и до сей поры. Такъ Пивница и Лалитъ основаны на казенныхъ земляхъ, а теперешнія ихъ владѣнія откуплены у Сербовъ; Байша лежитъ въ бывшей когда-то Зако-Войничовской экономіи, Селенча—на земляхъ Калочскаго архіепископства, — Старая Пазова—на прежней Военной Границѣ.

Въ Бачкѣ селились и католическіе Словаки; здѣсь они образуютъ слѣдующія общины:

1) Kupusin, основанъ въ 1755 г.; къ 1826 г. здѣсь произошла мадьяризація почти всей общины, хотя говорятъ еще и теперь по-словенски. Въ послѣднее время многіе изъ членовъ этой общины переселяются въ Славонію.

2) Selenča, основана въ 1788 году; говорятъ здѣсь и по сію пору только по-словенски.

Въ Тополю и Немешъ-Милитичъ католическіе Словаки пришли изъ Тренчанской стòлицы и въ настоящее время уже совершенно омадьярились. Были еще Словаки-католики въ Темеринѣ, Вепровцѣ и Парабутѣ. Въ Адѣ, гдѣ жили и основали

---

[1]) Tòt помадьярски значитъ «Словакъ».

общину Чехи, все уже омадьярилось. и по словенски говорятъ лишь старики, да и то не дома и между собой, а на ярмаркахъ и по нуждѣ.

На другой сторонѣ Дуная противъ Бачской столицы лежитъ Срѣмская. Сюда Словаки пришли уже изъ Бачки. Первыми явились и основали первую здѣсь словенскую общину Селенчане, ушедшіе для спасенія своего вѣроисповѣданія изъ Бачки, когда тамъ у нихъ былъ отнятъ молитвенный домъ. Позже многіе изъ нихъ передвинулись къ Савѣ и составили новую словенскую общину Болёвцы.

Въ позднѣйшее время сюда стали переходить многіе изъ Петровца, Кульпина, Пивницы, Кисачей, а нѣкоторыя семьи и изъ Нитранской столицы и селиться въ Илокѣ, Бингулахъ, Ердевикѣ и другихъ Срѣмскихъ общинахъ, и это переселеніе продолжается до настоящаго времени. Въ 1863 г. сюда пришло много Словаковъ изъ Чанадской столицы.

—

Бачскіе Словаки говорятъ на новоградскомъ нарѣчіи. Пивничане (т. е. члены общины Пивницы) говорятъ также мягко, но ихъ говоръ нитранскій, почти такой же, на какомъ и до сихъ поръ говорятъ Словаки подъ Бѣлою Горою. Словаки-католики говорятъ скорѣе по пресбургски, чѣмъ по нитрански. Бачскіе Словаки говорятъ не довольно скоро и гладко и въ разговорѣ часто употребляютъ сербскія и мадьярскія слова; охотно говорятъ и по-сербски. Здѣсь не рѣдкость—Словаки говорящіе по-сербски и по-нѣмецки или по-сербски и по-мадьярски. По мадьярски говорятъ почти всѣ Байшане и частью Пивничане, по-сербски всѣ, а по-нѣмецки Кульпинчане, Сильбашане, Лалитяне и Пивничане.

Одежда у всѣхъ различная, и по платью можно узнать, кто изъ какой общины. Народъ крѣпко держится старыхъ обычаевъ, которые, какъ онъ говоритъ «od staršich zostaly», и неохотно ихъ оставляетъ: «Въ старину лучше было».

Подать платятъ исправно, и Гложанчане съ Касичанами въ этомъ отношеніи вотъ уже нѣсколько лѣтъ оказываются первыми.

Въ военную службу здѣшніе Словаки идутъ неохотно, но если приходится, то подчиняются закону. Въ прежнихъ полкахъ военно-граничарскихъ многіе добивались офицерскимъ чиновъ, да и теперь нерѣдко получаютъ «führer»-ство.

Школьное образованіе подчиняется мѣстнымъ законамъ. Исправнѣе всего школы посѣщаются дѣтьми въ Кисачахъ и Кульпинѣ. Книги, печатанныя латиницей, здѣсь не любимы: «to sú mad'arské knihy»; словенскимъ письмомъ считается лишь «швабахъ», т. е. готическій, нѣмецкій шрифтъ. Въ школахъ однако начинаютъ входить въ употребленіе книги, печатанныя обоими шрифтами поочередно—латиницей и швабахомъ.

Докторскихъ совѣтовъ и рецептовъ не признаютъ («čo doktor vie?») и больше довѣряютъ домашнимъ средствамъ. Многіе обладаютъ замѣчательнымъ знаніемъ цѣлебныхъ свойствъ различныхъ растеній. Извѣстныя словенскія семьи хранятъ «tajomstvo liečby» (таинство врачеванія) отъ болѣзни послѣ укушенія бѣшеною собакою (эта болѣзнь здѣсь называется «bés» отъ падучей, которая здѣсь носитъ названіе zrádnik. Отъ первой лѣчитъ, какъ говорятъ, старшій членъ семьи Vizy въ Петровцѣ, а отъ отъ второй — Михаилъ Демитер-Заборскій въ Лалити. Никто изъ нихъ не выдастъ своей тайны ни за что никому и только «предъ смертью» передаетъ ее по наслѣдству старѣйшему члену своей семьи. Къ этимъ двумъ семьямъ приходятъ лѣчиться несчастные даже съ далекихъ окраинъ Бачки, Баната и Срѣма.

Любовь къ родному клочку у здѣшнихъ Словаковъ такъ велика, что они бросаютъ его только въ случаѣ крайней нужды. Только теперь, когда въ старыхъ общинахъ число членовъ значительно увеличилось, а земли мало, многіе по необходимости должны переселяться изъ Бачки въ Срѣмъ. Съ плачемъ и ночью покидаютъ эти несчастные свое родное пепелище и отправляются въ «чужую сторону», на тотъ берегъ Дуная.

Пѣснями здѣшніе Словаки богаты, но эти пѣсни нельзя и сравнивать съ пѣснями горныхъ Словаковъ. «Когда здѣсь нѣтъ лѣсовъ, луговъ, вершинъ, пташекъ» и т. д., то какъ же будешь пѣть? Чрезвычайныя, изъ ряду выходящія событія тотчасъ воспѣваются въ пѣсняхъ, и пѣсня «о Босніи» («o Bosne») рисуетъ политическія воззрѣнія народа. Общесловенскія пѣсни здѣсь поютъ охотно, но мотивъ ихъ здѣсь становится протяжнѣе, потому что пѣвецъ думаетъ о томъ, что поетъ. Для своихъ пѣсенъ подбираютъ также словенскіе напѣвы, хотя они и носятъ уже отчасти то сербскій, то мадьярскій оттѣнокъ.

Молодые люди здѣсь, по большей части, не сами женятся, а ихъ женятъ отецъ или мать, старшій братъ или сестра.

Когда въ семьѣ станетъ извѣстно, что такой-то хочетъ жениться, то домашніе узнаютъ, которая дѣвушка пойдетъ за него. Потомъ посылаютъ развѣдать хорошенько о дѣлѣ «ňaničku». Стараются женить сыновей и выдать замужъ дочерей, обыкновенно заблаговременно: «при своей жизни сдѣлаю дѣтей людьми, поставлю ихъ на ноги...» Поэтому здѣсь не рѣдкость встрѣтить человѣка лѣтъ сорока, котораго называютъ уже «старымъ отцемъ».

На свадьбахъ всѣмъ руководитъ «Старшій» (Starejši). «Молодая» (mladucha), по приходѣ въ жениховъ домъ, даритъ послѣ ужина подарки новой роднѣ и новымъ друзьямъ.

Раздача подарковъ, которыхъ бываетъ обыкновенно довольно много для старыхъ и малыхъ «новыхъ друзей», составляетъ обязанность «старшаго», и онъ никогда не ошибется и не спутаетъ, кому какой надо вручить подарокъ съ соотвѣтствующими словами. Удержались еще танцы съ молодою, и что она получитъ здѣсь, то составляетъ ея собственный капиталъ, которымъ она сама распоряжается...

Покойниковъ въ дому долго не держатъ и торопятся похоронить. До похоронъ около покойника радные и сосѣди проводятъ цѣлую ночь въ пѣніи и молитвѣ.

Замѣчательное плодородіе почвы сдѣлало то, что Словаки занимаются исключительно хлѣбопашествомъ, и въ полевыхъ работахъ проявляютъ много трудолюбія и выносливости. Они не только свою землю обработываютъ, но нанимаютъ или обработываютъ изъ-полу земли за Дунаемъ, такъ что даже Нѣмцы не могутъ съ ними въ этомъ соперничать.

Сѣютъ здѣсь жито, кукурузу, овесъ, ячмень, и т. д.; мѣстами сѣютъ и горохъ, для домашняго обихода. Конопля, которая здѣсь родится отлично, воздѣлывается тоже только для домашняго обихода. Женщины сами ее обработываютъ, прядутъ и ткутъ и излишекъ полотна продаютъ, а на эти деньги одѣваютъ дѣтей. Отецъ на дѣтей не даетъ почти ничего, а только насѣетъ конопли, которая потомъ всецѣло и предоставляется въ распоряженіе женщинъ, есть «бабье» (ženskō).

Молотьба (по здѣшнему, tlačba) хлѣба производится лошадьми (цѣпы не въ употребленіи), но въ послѣднія 10—12 лѣтъ достигли большого распространенія и машины, приводимыя въ движеніе парами или лошадьми.

Кромѣ земледѣлія здѣшніе Словаки имѣютъ и другія занятія: портняжничаютъ, шьютъ сапоги, дѣлаютъ шапки, занимаются кузнечнымъ ремесломъ, плотничаютъ, столярничаютъ, держатъ мельницы. Пивницкіе Словаки кромѣ того жгутъ уголь.

Свои дома Словаки здѣсь бьютъ изъ земли и покрываютъ преимущественно тростникомъ, но за послѣднее время стала входить въ употребленіе и черепица. Домъ «хозяина» состоитъ изъ «передней» и «задней» комнатъ (izba), кухни и клѣти (komora); въ задней части дома кромѣ того имѣется еще отдѣленіе для храненія всякаго добра. Комнаты держатся въ замѣчательной чистотѣ и порядкѣ; словенская «хозяйка» любитъ чистоту и каждую субботу непремѣнно приберетъ хорошенько свое жилище, даже выбѣлитъ его въ теченіе года раза два.

Бачъ—Срѣмскіе Словаки выдвинули изъ своей среды нѣсколькихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей. Наиболѣе замѣчательный изъ нихъ—Павелъ-Іосифъ Шафарикъ, род. 13 мая 1795 г. въ Кобеляровѣ.

WISŁA: Tom IV. I. styczeń, luty, marzec 1890.

Первая книжка этого прекраснаго журнала начинается статьей извѣстной польской писательницы г-жи Елизы Оржешко (Eliza Orzeszkowa): «Ludzie i kwiaty nad Niemnem».

Въ первой главѣ своей статьи г-жа Оржешко приводитъ (на стр. 1—4) народныя названія 32 растеній, указывая при этомъ и на то значеніе, какое имѣютъ нѣкоторыя изъ этихъ растеній въ быту мѣстнаго населенія: одни растенія обладаютъ цѣлебными свойствами, какъ напр., подъ № 2 Makryca, Anagallis arvensis, Kurzyślad polny, lekarstwo od djarji i dyssenterji, или № 3 Zlatnik, помогающій отъ боли подъ грудью и отъ желтухи, другія — полезны въ домашнемъ обиходѣ, напр., № 13 Dzieźnik, употребляемый при чисткѣ квашни; наконецъ третьи имѣютъ чудодѣйственное значеніе и пригодны для ворожбы или гаданія, какъ напр., № 20 Barlinak., по плаванію листьевъ котораго въ горшкѣ съ водою можно узнать, умретъ или останется въ живыхъ больной. Затѣмъ на стр. 4—18 приводятся пословицы (числомъ 161), поговорки на разные случаи и, наконецъ, загадки, которыхъ всего 24. Во второй главѣ (стр. 13—23) говорится о семейныхъ отношеніяхъ у крестьянъ: указывается на страстное желаніе крестьянъ имѣть побольше дѣтей и на любовь ихъ къ этимъ дѣтямъ, выставляется на видъ отсутствіе сыновней любви у взрослыхъ дѣтей, въ особенности у женатыхъ сыновей, и на обычное явленіе въ крестьянской (да и не одной крестьянской) жизни, нелюбовь и даже ненависть свекрови къ своей невѣсткѣ, при этомъ г-жа Оржешко приводитъ три пѣсни, въ которыхъ говорится объ этой нелюбви. Въ третьей главѣ почтенная писательница заступается за крестьянъ, заявляя протестъ противъ г. К. Матьяса, который въ своей статьѣ Chłopskie serdce (Wisła III) доказываетъ, что «chłop ma serdce twarde jak kamień» и что крестьянину несвойственны никакіе благородные порывы и стремленія.

За статьей г-жи Оржешко идутъ (1 стр. 32—48) сдѣланныя г. Бр. Грабовскимъ извлеченія изъ древнихъ польскихъ писателей (Padania i legendy zapisane u autorów staropolskich), которыя можно было бы скорѣе назвать анекдотами, напр., № 3. Marek po piekle.

Въ слѣдующемъ затѣмъ очеркѣ «Chłopskie dziecko» (стр. 48—68) г-жа Karolina Smoleńsówna наблюдать жизнь крестьянскаго ребенка съ первыхъ дней его жизни и описываетъ заботы о немъ матери, уходъ за нимъ, болѣзни, которымъ подвергается ребенокъ, и тѣ средства, которыя предпринимаются для излѣченія, взаимныя отношенія дѣтей между собою — любовь, ослабѣвающая съ годами; ихъ физическое и умственное развитіе и внѣшнія силы, вліяющія на развитіе дѣтей.

Какъ нельзя болѣе кстати за этой статьей идутъ «Bajki i gadki dziecięce» (стр. 68—78), собранныя г. Вл. Метляковскимъ, а за ними коротенькое (въ 6 строчекъ) росписаніе дѣтской игры «въ «Нѣмца и Поляка», г. Al. P.

Стр. 79—112 занимаетъ интересный очеркъ г-жи Казиміры Сржижинской: «Wieś Krynice w Tomaszewskiem», въ которомъ описывается бытъ обитателей этой живописно расположенной на берегу большого, въ 60 морговъ Крыницкаго озера деревушки: описаны хаты съ ихъ убогимъ убранствомъ (отмѣтить слѣдуетъ маленькія лампы съ «газомъ», т. е. нефтью) и хозяйственныя постройки, состояніе умственнаго развитія и религіознаго сознанія обитателей деревушки, ихъ одежда (въ послѣднее время замѣчается стремленіе къ городскому: входятъ въ употребленіе сѣрые обшитые черною тесемкою сюртуки и черныя фуражки), домоводство и земледѣлье (при-

ведено нѣсколько пѣсенъ, которыя поются во время жатвы), супружескія отношенія и взглядъ на поведеніе дѣвушекъ (къ дочерямъ богатыхъ предъявляются большія нравственныя требованія); обычаи и обряды—свадебные (намеки на куплю невѣсты), похоронные (по смерти домохозяина отворяютъ всѣ двери жилища, чтобы онъ осмотрѣлъ еще разъ свое хозяйство), повѣрья—о покойникахъ (жила вынутая изъ трупа и высушенная дѣлаетъ разбойника невидимымъ; душа покойника, первую ночь послѣ смерти ночь проводитъ у святой «Barbarki», вторую у св. Θеклы, третью у святой Екатерины и т. д., пока не дойдетъ до престола Божья);—о рожденіи младенцевъ (крестятъ какъ можно раньше, передъ отъѣздомъ въ церковь даютъ мальчику въ руки цѣпъ или шило, а дѣвочкѣ иглу или веретено, чтобы они были къ работѣ охочи, мать носитъ съ собою ножъ, а также кладетъ и ребенку ножъ противъ дьявола и т. д.):—о нечистой силѣ (богинки изъ лѣсу подкладываютъ своихъ дѣтей, людьми дьяволы живутъ въ заброшенныхъ домахъ, на кладбищахъ, въ дебряхъ; дьяволы эти не всегда только вредятъ, но иногда дѣлаютъ людямъ и добро, давая имъ инклюзъ — чудесную монету, которая всегда возвращается къ владѣльцу, если только онъ при расплатѣ ею удержитъ хоть грошъ изъ нея, или открывая возможность исцѣлиться или обогатиться (при этомъ приведена сказка о томъ, какъ богатый за ¼ żyta i bułkę chleba выкололъ глаза своему бѣдному брату и этотъ бѣдный братъ слышалъ разговоры дьявола; сходную сказку см. въ «Смол. Сборн.» И. Г. О.), при кончинѣ міра «Zły» будетъ искушать людей питьемъ и ѣдой, набирая себѣ сторонниковъ; адъ и рай—по вѣрованіямъ крыничанъ, Богъ и отношенія Его къ людямъ (приведенъ разсказъ о Христѣ подъ видомъ дѣда (dziada) посѣтившемъ бѣдняка крестьянина), обряды въ нѣкоторые праздники, повѣрья о животныхъ (быки разговариваютъ и предсказываютъ будущее въ ночь на Рождество Христово жабы, змѣи, жуки) и т. д.

За этимъ очеркомъ напечатана въ переводѣ Бр. Грабовскаго статья г. Фр. Краусса подъ заглавіемъ: «Gonitwy ślubne» (стр. 112—122). Здѣсь авторъ указываетъ на существованіе и у другихъ, кромѣ славянскихъ, народовъ состязанія за обладанія невѣстой или съ ея родичами, или съ соперниками, или наконецъ съ самою невѣстою, и приводитъ записанную имъ боснійскую пѣсню: «Pavo ujti udovicu mladu», въ которой говорится о состязаніи въ бѣгѣ молодой вдовы мусульманки Авы съ искателями ея руки.

Далѣе идетъ начало интереснаго описанія экскурсіи по Бугу и его прибрежьямъ, совершенной лѣтомъ 1875 г. г. Сиг. Глогеромъ. Оно носитъ заглавіе: «Na falach Bogu».

Стр. 132—155 занимаютъ слѣдующія замѣтки и небольшія статейки: »Do Brzoziy Grzyżyńskiej» о ребенкѣ, который при жизни поднялъ руку на родителей, а по смерти эта рука высунулась изъ гроба; г. Андр. Стороженко List do redakcji z powodu «Jemioły», г. I. С. Зембы «Przezwiska ludowe» какъ дополненіе къ статьѣ проф. Сумцова объ «кличкахъ уличныхъ» (въ Кіевск. Старинѣ), г. Раф. Любича «Podanie o prawdzie osieckiej i przysłowie, ślusarz zawinił, a kowala powieszono» съ двумя стихотворными разсказами (мѣстнаго происхожденія), интересная замѣтка г. И. Коперницкаго «Odrzwia ozdobne w chatach Górali Ruskich», служащая какъ бы дополненіемъ къ его же весьма интересному этнографическому очерку: «O góralach Ruskich w Galicyj» (см. Zbiór wiadomości do antropologii kraiowej); г. Зембы образцы условнаго воровскаго языка подъ заглавіемъ: Przyczynek do słownictwa szwargotu złodziejskiego.

Затѣмъ на стр. 156—165 продолжается трудъ г. Яна Карловича «Systematyka pieśni ludu polskiego», а слѣдующія 161—187 занимаетъ интересная замѣтка г. С. Адальберга о еврейскихъ пословицахъ, причемъ авторъ указываетъ, что еврейскій жаргонъ можетъ доставить благодарный матеріалъ изслѣдователю польской рѣчи XVI—XVII вв. и что знаніе его можетъ послужить къ уясненію многихъ темныхъ преданій, и приводитъ при этомъ 580 пословицъ, изъ которыхъ многія существуютъ и въ русскомъ языкѣ.

Въ крошечной замѣткѣ г. Яна Карловича: «Kobza i skrzypica» приведены народныя названія частей этихъ двухъ музыкальныхъ инструментовъ.

Въ отдѣлѣ Poszukiwania (стр. 189—226) говорится о намѣреніи редакціи отвести особый отдѣлъ свѣдѣніямъ о народномъ врачествѣ, приводится составленный въ редакціи журнала «Zdrowie» «вопросникъ» (Kwestionarjusz) для собирателей, затѣмъ тутъ же напечатаны «Kilka słów w kwestji lecznictwa ludowego w Polsce» д-ра Іос. Пельчынскаго, «Zamawianje róży w Częstochowskiem» г. Бр. Грабовскаго. Изъ другихъ замѣтокъ этого отдѣла отмѣтимъ г-жи Ст. Ульяновской «Chata łotewska» (стр. 187—200, съ 3 рис.), указатели междометій служащихъ для призыва и отогнанія различныхъ животныхъ (стр. 202—213), Pisanki (съ двумя таблицами) и др.

Въ отдѣлѣ «Bibliografja, krytyka i wiadomości bieżące» даны отчеты о слѣдующихъ книгахъ и статьяхъ: «Letopis matice Slovenske za leto 1889», «Herben Morawské obrázky. Praga. 1889 г.», «Ferdinando Borsari Geografia etnologica e storica della Tripolitania, Cirenaica e Fezzan», С. А. Бершадскій, Еврей король, «Jgnacja Piątkowska, Jeszcze o klechdach i pieśniach ludu w ziemi Sieradzkiej», «Фаминцынъ А. Скоморохи на Руси. Спб. 1889», представлено обозрѣніе нѣкоторыхъ журналовъ; затѣмъ идутъ «Nowości» и наконецъ корреспонденція изъ Праги о выставкѣ словенскихъ вышивокъ въ Прагѣ (чешской). Къ выпуску приложена хромолитографія, представляющая молодуху (mężatka) Агапу Маучанъ.

Wisła. Tom IV. Kwiecień, maj, czerwiec.

Во второмъ выпускѣ «Вислы» за этотъ годъ на первомъ планѣ стоитъ очеркъ исторіи антропологіи (Szkic dziejów antropologji) г. Любора Нидерле (Чехъ), переведенный съ чешскаго г. Ст. Цишевскимъ и пополненный авторомъ для польскаго изданія (по-чешски см. Athenaeum, 1889 г.).

Затѣмъ идетъ маленькая замѣтка «Oranie wody» (kradzież ziemi, wody, oborywanie wsi podczas zarazy), въ которой по поводу газетнаго сообщенія о произведенномъ по случаю засухи бабами вспахиванія рѣки г. Al. P. сообщаетъ свѣдѣнія о существованіи подобныхъ обычаевъ у Чувашъ. На стр. 334 — 336 г. Ст. Цишевскій сообщаетъ два народныхъ преданія «O zamku Ojcowskim, obleganym przez Szwedów» и «O Grodzisku», а затѣмъ на стр. 336 --338 идутъ преданія объ Ольштынѣ, собранныя г. Вл. Вериго въ статьѣ Olsztyn w opowieściach ludu» и на стр. 339—340 «Kozik» замѣтка г. Меч. Довойны-Сильвестровича о пастушескомъ ножѣ съ ручкой изъ козьяго рога (чаще употребляется лѣвый рогъ, чѣмъ правый), носящемъ названіе по-польски «kozik», а по литовски «ragutis» и «raginiuks». Затѣмъ на стр. 341—343 г. R. Zawiliński сообщаетъ «Mit o Tantalu i Syzyfie w powieściach ludu od Myslenic i Lidy», а на стр. 343 — 344 для сравненія съ этимъ миѳомъ перепечатывается изъ VI т. Biblioteki Wisły разсказъ «O jednem panie, co z bidnemy obiady jad», въ которомъ разсказывается, какъ Іисусъ Христосъ приходилъ въ гости къ этому пану и звалъ его къ себѣ на обѣдъ и какъ этотъ панъ, идя ко Христу на обѣдъ, видѣлъ по дорогѣ женщину, переливавшую воду изъ одного колодца въ другой, человѣку, которому было тѣсно въ обширныхъ покояхъ и т. д. Стр. 345—377 занимаетъ первая половина очерка г. Р. Язеяги подъ заглавіемъ: «Ziemia Chełmińska-Michałowska», представляющая обстоятельное географическо-статистическо-этнографичечкое описаніе этого уголка былой Польши, отошедшаго во власть Пруссіи. Подъ именемъ «Хелминско-Михаловской земли» разумѣютъ ту часть польскихъ земель, которая ограничивается правымъ берегомъ Вислы, Восточной Пруссіей и царствомъ Польскимъ. Славянскому элементу въ слѣдствіе такого близкаго сосѣдства съ нѣмецкимъ приходилось постоянно выдерживать упорную борьбу съ этимъ послѣднимъ; на помощь нѣмецкому элементу въ 1885—86 годахъ пришло прусское правительство, которое выселило изъ границъ Х.—М. земли болѣе 9.000 чел. славянской народности и, закупивши у

польскихъ владѣльцевъ до 7,000 гект. земли, отдало нѣмецкимъ поселенцамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усилило нѣмецкій элементъ въ городахъ. Но кромѣ неравной борьбы съ Нѣмцами, Славянамъ этого края приходится, по словамъ автора, переносить еще и еврейское иго: «Żydzi są tutaj absolutnemi panami sytuacji.» Въ ихъ рукахъ капиталы, въ ихъ рукахъ главная промышленность, въ ихъ рукахъ вся ввозная торговля, именно хлѣбная и лѣсная. Они, на которыхъ нѣмецкая интеллигенція охотно смотрѣла первоначально какъ на своихъ союзниковъ противъ ненавистнаго католическо-польскаго элемента, съумѣли такъ направить дѣло, что de facto теперь вся околица принадлежитъ имъ, а крестьяне являются не чѣмъ инымъ, какъ только крѣпостными, которые съ разрѣшенія своихъ кациковъ и по уплатѣ надлежащаго чинша могутъ обрабатывать принадлежащія имъ нивы» (стр. 363). Чтобы дать понятіе о полнотѣ и характерѣ содержанія этого очерка, я приведу названія главъ, на которыя онъ раздѣленъ (первая его половина).

1) Granice ziemi Chełmińsko-Michałowskiéj, iej charakter geograficzny (стр. 346—354).

2) Wsie i miasta (354—358).

3) Ludność i iej rozsiedlenie (357—370).

4) Ruch ludności (370—377).

Надо кромѣ этого упомянуть, что очеркъ г. Лазенги богато снабженъ статистическими данными. Будемъ дожидаться окончанія этого интереснаго и полезнаго труда.

Слѣдующая затѣмъ статья г. Ст. Цишевскаго представляетъ лишь (Uzupełnienie artycułu lud jako twórca terminologji językoznawczej i niektórych nazw plemiennych»; авторъ приводитъ рядъ насмѣшливыхъ прозвищъ», которыя присвоиваются жителямъ того или другого селенія ихъ сосѣдями, и находитъ возможнымъ объяснять подобнымъ образомъ и происхожденіе племенныхъ названій. На стр. 383 г-жа Стеф. Ульяновская приводитъ простонародный анекдотъ: «Mądry studant i głupi pàn. (Z humorystyki ludowej, od Krakowa»), интересный тѣмъ, что почти дословно совпадаетъ со второю частью одного изъ разсказовъ печатающагося «Смоленскаго Сборника» (изд. Имп. Русск. Геогр. Об.) «Ze starej książki» (384—37) представляетъ выписки о происхожденіи нѣкоторыхъ обрядовъ и обычаевъ, сдѣланныя изъ книги: «Ozdoba Kosciołа Katolickiego etc. Roku 1739 w Lublinie etc». Затѣмъ на стр. 387—389 г. Al. E. приведены «Cztery podania o stworzeniu ziemi», взятыя одно польское изъ «Краковскаго Сборника свѣдѣній по антропологіи» 1878 г., одно мордовское—изъ «Древней и Новой Россіи» 1880 г., одно малорусское изъ «Историческаго Вѣстника» за 1888 и одно черемисское изъ «Истор. Вѣстн.» 1889 г.

На стр. 389—393 находятся замѣтки «Pszyczynek do przesądów o babie i innych». «Zestawienie klechdy polskiej z czeremiską i wociacką» и «Spinki góralskie». Послѣдняя приложена къ рисунку, представляющему двѣ пряжки, употребляемыя русскими горцами въ Татрахъ для застегиванія рубашекъ. Эти пряжки, по замѣчанію автора замѣтки г. Довгирда, почти тожественны съ такими же, находимыми въ могилахъ начала желѣзнаго вѣка въ Зап. Европѣ.

Далѣе стр. 393—425 заняты продолженіемъ работы г. Я. Карловича: «Systematyka pieśni ludu polskiego». (Пѣсни о Ясѣ и Касѣ), а затѣмъ (на стр. 426—438) Przyczynki do pieśni dziadowskiej o bitwie pod Wiedniem roku 1683», причемъ авторъ г. С. Вольскій приводитъ варіанты этой пѣсни.

Въ отдѣлѣ «Poszukiwania» (стр. 439—476) слѣдуетъ отмѣтить «przyczynki» о народномъ врачеваніи г. I. Зембы и др. Л. Чарковскаго, а также замѣтку г. Сембржицкаго о народныхъ названіяхъ для нѣкоторыхъ медикаментовъ; замѣтку г. Р. Любича объ «à pochylone», его же и г. Павловича — междометія для призыва животныхъ; г. Соколовскаго описаніе четырехъ горъ—«piłkalnis» *). Статья «W spra-

*) «Pilkalnis», co znaczy w doslownem tlumaczeniu sypanka lub sypana góra — такъ объяснено это слово въ III томѣ Вислы, стр. 380.

wie czytelnictwa ludowego», перепечатанная изъ «Glośa» № 18, 1890 поднимаетъ вопросъ о томъ, что читать народу и какъ смотритъ народъ на образованіе и чтеніе; для рѣшенія втораго изъ этихъ вопросовъ рекомендуется наблюденіе и собираніе свѣдѣній объ этомъ среди народа по прилагаемому вопроснику («Kwestjonarjusz»), главныя подраздѣленія котораго слѣд.: I. Warunki czytelnictwa—a) Ogólne warunki oswiaty. b) Stan oświaty, c) Poglądy ludu na oświatę II. Czytelnictwo. a) Stan czytelnictwa: b) Poglądy na czytelnictwo c) Oceny pojedyńczych książek.

Въ отдѣлѣ «Bibliografja krytyka i wiadomośc bieżące» разсмотрѣны работы; Фр. Бартоша «Narodné pisně moravské v nově nasbirané», Сумцова «Воронъ въ народной словесности», Халанскаго «Былина о Жидовинѣ», Картальяка «la France préhistorique», Сабатини «Il. volgo di Roma», Летурно «Evolution de la morale», «Evolution du mariage et de la famille», «Evolution de la propriété») и Макшеева «Крестьянскій кредитъ, частная задолженность и частныя ссудо-сберегательныя кассы».

Въ отдѣлѣ «Przegląd czasopism» представленъ обзоръ слѣдующихъ журналовъ; «Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien» III и IV за 1889, «Mélusine» Мартъ—Апрѣль 1890; «Am Ur—Guel» 9, «Revue des traditions populaires», февраль 1890, «La tradition» мартъ 1890 и «Этнографическое Обозрѣніе» III 1889.—Затѣмъ сообщаются книжныя «новости», а дальше идутъ «Smierc O. Kolberga» г. Коперницкаго, некрологи Минейка, Пфуля и Красича, и наконецъ «Drobiazgi».

Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1890).

Тѣсная родственная связь литовскаго со славянскимъ племенемъ давно перестала быть вопросомъ, но несмотря на это, по ученой разработкѣ языка и древностей литовскихъ у насъ сдѣлано слишкомъ мало сравнительно съ тѣмъ, что было бы желательно и необходимо.

Изученіе литовскаго языка и быта стало необходимостью съ тѣхъ поръ, какъ было доказана относительная древность балтійскихъ языковъ передъ славянскими (особенно А. Ф. Поттомъ «De Borusso-Lithuanicae tam in Slavicis quam in Letticis principatu commentatio. 1837. Halis Sax.). Въ предлагаемомъ обзорѣ трудовъ по литовской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе, съ 1879 по 1889 годъ, отмѣчаемъ участіе самихъ Литовцевъ въ изученіи своей родной живой старины выразившееся въ основаніи ученаго для изученія Литвы общества въ Тильзитѣ и, наконецъ, современное загадочное состояніе и ослабленіе въ Европѣ литовской народности, которая десять лѣтъ тому назадъ стала выселять колонистовъ въ сѣверную Америку и теперь въ новомъ мірѣ считаетъ уже до 75,000 душъ обоего пола [1]).

Этнографическое изученіе Литвы началось недавно. Въ началѣ нашего столѣтія господствовало извѣстное историко-этнографическое направленіе, которое рѣшало вопросы о происхожденіи племенъ по преимуществу на основаніи отрывчатыхъ извѣстій и намековъ древнихъ писателей. Сводомъ подобныхъ розысканій было сочиненіе П. И. Кеппена «О происхожденіи, языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ. С.-Петербургъ. 1827». Это сочиненіе составляетъ не только, какъ выражается Котляревскій [1]), заключительный сводъ подобныхъ разысканій, но должно быть разсматри-

---

[1]) Срв. „Vienybe Lieituvniku", литовская газета, издающаяся въ Плимутѣ, въ Сѣверной Америкѣ 1890, № 24.

[1]) Соч. Котляревскаго, т. II. (Сборникъ отд. русскаго языка и словесности, изд. Акад. Наукъ. Томъ XLVIII.

ваемо и какъ первая попытка литовской библіографіи и первый опытъ исторіи народной литовской литературы. Со временъ Бреткуна, Даукши и Ширвида до нашихъ дней, она стала все болѣе и болѣе удовлетворять духовнымъ и умственнымъ потребностямъ литовскаго простонародія (срв. Гильфердингъ Нѣсколько замѣчаній, въ Сборникѣ Шелковича, томъ V, стр. 116).

Въ 1840 году П. И. Прейсъ, въ донесеніи министру народнаго просвѣщенія изъ г. Кенигсберга, отъ 1 марта (17 февраля), сообщая о результатахъ своихъ занятій литовскимъ языкомъ, настаивалъ на необходимости знанія его для славянскаго филолога. Далѣе онъ говоритъ о литовскихъ словахъ, заимствованныхъ изъ древне-русскаго языка. На основаніи этихъ заимствованій Прейсъ пытался доказать, что Литовцы исповѣдывали грековосточную вѣру еще до прибытія въ Пруссію и Литву Нѣмцевъ. Разсматривая въ концѣ своего донесенія вопросы, касающіеся миѳологіи и древней географической номенклатуры, Прейсъ указываетъ на настоятельную потребность въ составленіи историческаго именослова и словаря славянолитовскихъ мѣстностей. (Срв. мою статью «Einfluss Westausslands auf Litauen vor dem 12-ten Jahrhundert, какъ введеніе къ нѣмецкому переводу статьи Прейса въ «Mitteilungen» Тильзитскаго Литовскаго литературнаго общества томъ II, вып. 5 (11) Heidelberg. 1886 г., стр. 306—312).

Въ 1853 году, А. Киркоръ, въ статьѣ «Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію (Этногр. Сборникъ Ш. 1853) коснулся также и этнографіи литовскаго племени, основывая свои заключенія впрочемъ преимущественно на польскихъ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже [1]).

Въ 1860 г. Костомаровъ, въ статьѣ «Литовская народная поэзія» ознакомилъ русскую публику съ литовскою пѣснью и духомъ литовскаго народнаго творчества, которое, по его мнѣнію, служить можетъ полнымъ выраженіемъ судьбы этого народа.

«Литовскія пѣсни, по словамъ Костомарова, дышатъ уютной непроѣздною деревнею, гдѣ жизнь протекаетъ нераздѣльно съ природою, при отчужденіи отъ всего остальнаго міра, въ несложномъ обществѣ близкихъ между собою людей, соединенныхъ связью чувства, а не гражданскаго долга, не нуждаясь ни въ законахъ, ни въ администраціи, покорная внѣшнимъ силамъ, но упорно хранящая внутреннюю святыню души и потому затаенная, даже иногда скрытная». Костомаровъ преимущественно пользовался сборниками народныхъ пѣсень и сказокъ Прусскихъ Литовцевъ и польской книгою Л. Сѣменьскаго «Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie Poznań. 1845 г., а относительно русской Литвы книгою С. Довконта. Dajnes Ziamajtiû pagal rodiû dajninikû ěszrawytas. С.-Петербургъ. 1846 г. Кромѣ того, Костомарову уже былъ извѣстенъ трудъ А. Шлейхера «Lithauische Mährchen, Sprichwörter, Räthsel und Lieder (вмѣстѣ съ нотами)», вышедшій въ 1857 г. въ Веймарѣ съ нѣмецкимъ переводомъ текстовъ, какъ приложеніе къ литовской грамматики Шлейхера. Шлейхеръ въ 1856 г. издалъ первую, въ научномъ отношеніи удовлетворительную, литовскую грамматику, какъ результатъ поѣздки своей изъ Праги въ Прусскую Литву.

Въ послѣдніе годы своей жизни А. Шлейхеръ († въ 1868 г.) получалъ кромѣ того ежегодное пособіе отъ Императорской Академіи Наукъ. Въ приложеніи къ протоколамъ историко-филологическаго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ отъ 12 іюня 1863 года (Записки Императорской Академіи Наукъ. Томъ IV, 1864 г.

---

[1]) Здѣсь слѣдовало бы сказать объ отчетахъ и многихъ цѣнныхъ замѣткахъ Микуцкаго въ Извѣст. II. Отдѣл. Ак. Н. подъ ред. Срезневскаго. Ред.

[2]) Историческія монографіи и изслѣдованія. Изд. 2-е. Спб. 1880. стр. 343—373.

[1]) Краткія свѣдѣнія по исторіи польской этнологіи у Д. И. Коперницкаго «O etnografii i ethnologii, ich przedmiôt, rozwój i znaczenie naukowe dla encyclopedyi wychowawczej, Warsz. 1885. 8 стр. 19 и слѣд. О Довконтѣ см. мой отчетъ объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ. 1885 г. Спб. 1887 года. стр. 114—121.

Спб. стр. 83 и 91—98) напечатана была записка академиков Бетлинга, Куника и Шифнера «о сравнительном изслѣдованіи славянских и литовских нарѣчій».

Академики от автора, который бы занимался полной обработкою славянских древностей, требуют, чтобы он стоял на современной высотѣ сравнительнаго языкознанія и бытописанія, и в особенности сравнительной литовско-славянской грамматики и лексикографіи. Послѣднее требованіе, по словам автора академической записки (А. Куника), основано на том, что Литва и Славяне, как оказывается из выводов лингвистики и миѳологіи, в Европѣ составляли нѣкогда еще нераздѣльное цѣлое, и что именно литовскій язык донынѣ хранит в себѣ остатки прежняго самостоятельнаго, или основнаго литовско-славянскаго языка, болѣе кореннаго и первобытнаго, чѣм даже старославянскій.

В 1864 году, в № 8-м газеты «День», Гильфердинг выступил горячим заступником литовской народности, в статьѣ, озаглавленной «Нѣсколько замѣчаній о литовском и жмудском племени». Не упомянув ни Прейса, ни Кеппена, Гильфердинг замѣчает, что научное изслѣдованіе славянскаго языка без литовскаго немыслимо и невозможно. Нравы, обычаи, обряды, преданія, пѣсни и сказки Литовцев представляют особый мір, нами еще совсѣм неизвѣданный. «Небольшія статьи гг. Микуцкаго и Юшкевича, двух природных Литовцев о литовском языкѣ, вот все, чѣм ограничилась пока дѣятельность нашей науки по этой части».

Ознакомив затѣм читателя с нѣкоторыми чертами литовской миѳологіи по польской книгѣ Юцевича Ludwik z Pokiewa «Litwa pod względem starożytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów». Вильно. 1846 г., он восклицает: «Как не пожелать, чтобы эти сокровища литовских сказаній и повѣрій собирались, пока их не унесут с собою в гроб отживающія поколѣнія, чтобы они записывались с тою полнотою и совѣстливою тщательностью, каких требует дѣло науки».

Излагая в этой статьѣ, написанной с большим увлеченіем, вкратцѣ не только прошлое литовских занятій, но и выясняя высоконаучную важность изученія литовскаго языка и быта, он напоминает русским читателям, что в настоящее время наступил крайній срок для трудов по собираніи этнографических матеріалов. Что не будет теперь замѣчено и записано (т. е. в эпоху 60 годов, наканунѣ освобожденія крестьян от крѣпостничества), то скоро погибнет для науки невозвратно. Именно то обстоятельство, что с каждым днем древній обычай на Литвѣ все болѣе вымирает и исчезает, заставил Гильфердинга обратиться к русским дѣятелям Сѣверо-Западнаго Края того времени. Воззванія Гильфердинга нашли сочувственный отклик в средѣ служащих в Вильнѣ по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, при попечителѣ округа незабвенном И. П. Корниловѣ, под предсѣдательством котораго и открыт был Виленскій (Сѣверо-Западный) отдѣл Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Дѣятельность этого отдѣла ограничивалась в дѣлѣ изученія Литвы весьма впрочем немногими, небольшими статьями Говорскаго (в Вѣстникѣ Сѣв.-Зап. Россіи), Кулина, и нѣсколькими отчетами отдѣла. К сожалѣнію, русскіе люди того времени не оглашали своих свѣдѣній. В. Кулин в статьѣ «Нѣсколько слов о жмудских народных книгах» (Сборник Шолковича стр. 406) говорит о важности таких наблюденій слѣдующее: «Свѣдѣнія, замѣтки и наблюденія, добросовѣстно собранныя русскими людьми на мѣстѣ, прольют новый свѣт на эту terram incognitam и, без сомнѣнія, будут весьма полезны как для правительства, так и для русскаго общества и для литовскаго народа. Нам случалось бесѣдовать со многими лицами, служащими в Ковенской губерніи, каждое из них имѣет болѣе или менѣе порядочный запас интересных свѣдѣній и наблюденій об этой ново-открытой землѣ».

Но несмотря на это вѣрное сознаніе задач изслѣдованія литовской окраины, литовское племя и его этнографическій быт остались неизученными со стороны

мѣстныхъ русскихъ дѣятелей. Единственнымъ самостоятельнымъ изданіемъ Виленскаго отдѣла вышли «протоколы Виленскаго Статистическаго съѣзда 1874 года, при Сѣверо-Западномъ Отдѣлѣ», изданные подъ редакціей правителя дѣлъ Отдѣла Н. А. Зиновьева. Вильно. 1874. 8°, 123 и 10 стр.

Съ 1874 года по 1889 годъ вообще ничего не предпринимается и не издается Отдѣломъ, который въ одной памятной книжкѣ губерніи существуетъ уже много лѣтъ. Протоколы засѣданій отдѣла съ 1867 по 1873 года обнародованные въ Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, представляютъ и для литовской топографіи нѣкоторый интересъ. Сверхъ сообщенія Ю. П. Кузнецова, о способѣ собиранія этнографическихъ матеріаловъ, въ общемъ собраніи 1871 года, 20 августа, Виленскій архиваріусъ Н. П. Горбачевскій говорилъ о важности сравнительнаго изслѣдованія древней и новой топографіи края для опредѣленія племенныхъ границъ. Какъ явствуетъ затѣмъ изъ журнала засѣданія распорядительнаго комитета названнаго Отдѣла отъ 9 августа 1871 года, тогдашнимъ римско-католическимъ епископомъ М. Волончевскимъ доставлены были въ Отдѣлъ описанія нѣкоторыхъ приходовъ его епархіи, а именно по Тельшевскому уѣзду—Тельшевскаго, Масядскаго и Кульскаго, по Шавельскому у.—Шавельскаго прихода, по Поневѣжскому у. — Подбиржанскаго прихода, по Ново-Александровскому у. — Жаблинскаго и по Ковенскому у.—Лауевскаго прихода. Въ томъ же году образовано было отдѣленіе статистики подъ предсѣдательствомъ г. Гюббенета.

Какъ мы ниже увидимъ, только черезъ 10 лѣтъ дѣло статистическаго изученія края вновь оживилось, благодаря дѣятельности секретарей губернскихъ комитетовъ.

Въ 1875 г., А. А. Котляревскій въ статьѣ, озаглавленной «Обзоръ успѣховъ славяновѣдѣнія за послѣдніе три года 1873—1875», въ первой половинѣ (I): «Эпоха до-славянская» коснулся Литвы и литовскихъ изслѣдованій, причемъ представилъ краткій историческій очеркъ изученія Литвы съ начала нашего вѣка до 1873—1875 гг. у Поляковъ, Нѣмцевъ и у насъ въ Россіи. Разсматривая все, что до того времени было сдѣлано по ученой разработкѣ языка и древностей литовскихъ, онъ приходитъ къ тому результату, что очень мало сдѣлано, въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ желательно и чего требуетъ важность задачи. «Когда русскіе ученые сознаютъ, говоритъ онъ въ заключеніи, что изученіе Литвы лежитъ главнымъ образомъ на ихъ обязанности, тогда, конечно, и дѣло получитъ совсѣмъ иное движеніе». Котляревскій вообще рѣзко осуждаетъ польскихъ ученыхъ въ шляхетно-книжномъ направленіи и отсутствіи современныхъ взглядовъ на литовскія занятія, которыя, по его мнѣнію, должны быть оживляемы изслѣдованіемъ дотолѣ не тронутой области народнаго языка, быта и еще живыхъ вѣрованій, обычаевъ и нравовъ Литвы» (в. с. стр. 367). Изъ трудовъ польскихъ ученыхъ въ области Литовщины исключеніе составляютъ: 1) сочиненіе Юцевича (Ludwik z Pokiewa) «Litwa pod względem starożytnych zabytkow. Wilno. 1842. «Послѣдній трудъ, по словамъ Котляревскаго, «есть трудъ дѣйствительнаго знатока предмета, но знатока непосредственнаго, совершенно чуждаго научныхъ пріемовъ изслѣдованія.»— Я. Карловичъ o języku litewskim см. Rozprawy wydziału filologicznego Akademii Krakowskiéj. Tom II. 1875, стр. 135—376.

Этотъ очеркъ А. Котляревскаго вышелъ не совсѣмъ полнымъ. Такъ въ 1874 г. въ журналѣ «Osvěta», 477—489 и 568—581 обнародована была статья Л. Гейтлера: «Litva a Litvané», а въ 1875 г. отдѣльной книгой вышли литовскіе этюды того же автора (Litauische Studien. Auswahl aus den ältesten Denkmälern, dialektische Beispiele, lexikalische und sprachwissenschaftliche Beiträge. Прага. 1875 г.—какъ результатъ путешествія, предпринятаго имъ лѣтомъ 1873 года по

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго. Томъ II (Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности. И. Акад. Наукъ; Томъ XLVIII) стр. 358—372.

Литвѣ и Жмуди, при полномъ сочувствіи и содѣйствіи проф. Нессельмана, въ Кенигсбергѣ и А. Барановскаго въ Ковнѣ. Литовскія пѣсни записаны были Л. Гейтлеромъ въ Шавельскомъ и Поневѣжскомъ уѣздахъ Ковенской губ., діалектологическіе тексты сообщены были ему Эйнарсомъ для Мэмельскаго діалекта, К. Буткосомъ для Новоалександровскаго и А. Барановскимъ для Оникштенскаго.

Л. Гейтлеръ въ 1877 году напечаталъ статью Bretkunova litavska postila въ загребскомъ Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Томъ XL. Послѣднимъ трудомъ Гейтлера по литвовѣдѣнію была статейка «Beiträge zur litauischen dialektologie». Wien. 1885. Л. Гейтлеръ умеръ въ томъ же году, 3 августа, оплаканный Литовцами [1]), какъ изслѣдователь ихъ языка; живо сочувствуя успѣхамъ литвовѣдѣнія, Гейтлеръ принялъ участіе въ дѣятельности новаго литературнаго литовскаго общества въ Тильзитѣ.

Вопросъ о славянскихъ заимствованіяхъ литовскаго языка, затронутый, какъ мы выше видѣли, П. Прейсомъ, подробнѣе разработанъ былъ польскимъ ученымъ А. Брикнеромъ въ книгѣ «Lituslavische Studien». I. Theil.: «Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar. 1877.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ среди любителей литовскаго языка, нѣкоторыхъ германистовъ и славистовъ, возникла мысль объ учрежденіи научнаго общества для изслѣдованія литовскаго языка и быта соединенными силами, особенно по почину А. Бецценбергера, въ Кенигсбергѣ, гг. Гизевіуса и Келькела въ Тильзитѣ. Эти лица составили воззваніе и разослали приглашеніе къ участію въ образованіи перваго ученаго литовскаго общества. Въ этомъ приглашеніи, разосланномъ во второй половинѣ 1879 г., было, между прочимъ, сказано:

Представляющій собой одинъ изъ важнѣйшихъ для сравнительнаго языкознанія предметовъ изученія, литовскій языкъ вымираетъ и приближается къ своему концу; литовскій языкъ, одновременно притѣсненный нѣмецкимъ, польскимъ, русскимъ и латинскимъ, продлитъ свое существованіе недолгое время.

Вмѣстѣ съ языкомъ исчезнетъ особенность народа, который въ свое время господствовалъ на европейскомъ сѣверѣ; вмѣстѣ съ языкомъ вымираютъ и обычаи, сказанія, миѳы, вообще народная литовская поэзія, на которую обращали вниманіе Гердеръ въ своихъ Stimmen dev Völker in Liedern и Шамиссо въ своихъ подражаніяхъ. До сихъ поръ (т. е. до основанія названнаго общества), свѣдѣнія наши о Литвѣ и ея обитателяхъ были неполныя и малоопредѣленныя, и именно этотъ недостатокъ въ яркомъ освѣщеніи литовскаго народнаго быта, языка, его историческихъ судебъ и древностей побудилъ извѣстныхъ лингвистовъ, германистовъ и славистовъ основать литовское литературное общество, по образцу уже существующихъ Латышскаго литературнаго Общества въ Прибалтійскомъ краѣ Россіи, общества для изслѣдованія нижненѣмецкаго языка и т. д.

Дѣятельность новаго общества, въ основаніи котораго участвовали извѣстные ученые, напр., В. Мангардтъ въ Данцигѣ, Ф. Миклошичъ въ Вѣнѣ, А. Ф. Поттъ (Pott) въ Галлѣ, І. Шмидтъ въ Берлинѣ, Нессельманъ, Бецценбергеръ, О. Шаде и другіе, сосредоточилась въ Тильзитѣ, уже потому что именно отсюда Литовцамъ какъ въ восточной Пруссіи, такъ и въ нашихъ литовскихъ губерніяхъ (Ковенской, Виленской и Сувалкской) доставлялась и доставляется понынѣ единственная духовная пища: молитвенники, алтаржники и изрѣдка какая нибудь забавная книжка свѣтскаго содержанія (Срв. о прусско-литовскихъ контрафакціяхъ и народныхъ книгахъ мой отчетъ о результатахъ этнографической поѣздки къ Прусскимъ Литовцамъ лѣтомъ 1883 года. Отд. оттискъ, стр. 16, примѣчаніе).

Число членовъ общества увеличивалось постепенно, и равномѣрно расширялся кругъ его дѣятельности. Періодическое изданіе Общества «Mitteilungen der Litauischen Litterarischen Gesellschaft» скоро стало являться чаще, такъ что въ

[1]) Срв. въ литовской газетѣ «Auszra» за 1885 г., № 7—8, некрологъ написанный И. Басановичемъ, стр. 211—214.

1883 году, 6 выпусковъ этихъ сообщеній составляло уже отдѣльный томъ, въ 1887 г. вышелъ второй томъ уже объемистѣе перваго, состоящій также изъ 6 выпусковъ; нынѣ же печатается 15 выпускъ, или 3-й выпускъ 3-го тома. Отдѣльно отъ этихъ «Mitteilungen» вышелъ, при пособіи прусскаго правительства, особый сборникъ литовскихъ народныхъ напѣвовъ, собранныхъ тильзитскимъ любителемъ народной музыки и изслѣдователемъ пѣсенной старины, г. Х. Барчемъ, въ двухъ томахъ, съ переводомъ литовскихъ текстовъ на нѣмецкій языкъ, историко-литературными примѣчаніями, введеніемъ о народномъ пѣніи, народной музыкѣ и народныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Ch. Bartsch. Dainu Balsai. Melodien litauischer Volkslieder gesammelt und im Auftrage der Litauischen- litterarischen Gesellschaft herausgegeben. Heidelberg. Bd. 1. 1886. Bd. 2. 1889 [1]). Еще въ 1878 г. въ парижскомъ журналѣ «Mélusine» помѣщена была замѣтка о литовскихъ народныхъ мелодіяхъ и указана ихъ музыкальная особенность. (срв. в. с. стр. 194). О литовскомъ музыкальномъ инструментѣ «канклесъ» подробно говоритъ Ал. С. Фаминцынъ въ своемъ сочиненіи: «Гусли. Русскій народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ съ многочисленными рисунками СПБ. 1890. стр. 52 и слѣд.

Изъ статей, обнародованныхъ въ «Mitteilungen», въ этнографическомъ отношеніи особое вниманіе на себя обращаютъ:

1) сказки и поговорки и вообще діалектологическіе матеріалы для изученія Мемельскаго говора, сообщенныя первымъ предсѣдателемъ общества, пасторомъ Якоби (срв. I томъ статьи № 8 и 10);

2) сказки, записанныя И. Шлюпасомъ въ Шавельскомъ уѣздѣ (см. въ I томѣ сказку о рыбакѣ на стр. 358-й и Budwardżei на стр. 386);

3) матеріалы по этнографіи Литовцевъ Вылковышскаго уѣзда, Сувалкск. губ., гмины Ошкабалы, состоящія: a) изъ пѣсенъ или дайнъ р. 114—118; b) въ 2-мъ томѣ «Fragmenta mythologiae» стр. 57—70 (на литовскомъ языкѣ) и на стр. 177 и слѣд. (въ нѣмецкомъ переводѣ); c) 215 загадокъ на стр. 189 и слѣд. подъ заглавіемъ Oškabalun myslei;

4) сказки, записанныя Юркшатомъ въ дер. Галбрасты, въ Рагнитскомъ уѣздѣ, томъ I, стр. 83, томъ II, стр. 48,

5) разные матеріалы, сообщенные И. Концевичемъ: a) слова и реченія для характеристики Шадовскаго говора, Ковенской губерніи I, 222; b) литовскія сказки II, 164 и слѣд. II 258 и слѣд. и 417 и слѣд. и тому под.

Наконецъ, нынѣшнимъ предсѣдателемъ Гофхейнцемъ (Hoffheinz) обнародованы были образцы литовскихъ духовныхъ напѣвовъ (Proben litauischer Choralmelodien) II, 394—406. Литовскія духовныя пѣсни представляютъ изъ себя передѣлку 1) нѣмецкихъ и латинскихъ оригиналовъ духовнаго пѣснопѣнія; 2) литовскихъ свѣтскихъ пѣсенъ или такъ называемыхъ дайнъ.

(Окончаніе въ слѣд. кн.).

---

[1]) Срв. мою статью въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» CCXLIX, отд. 2, стр. 193—195 и A. Bezzenberger'а въ Zeitschrift für Vergl. Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur. Berlin. 1877—78. Bd. 1, стр. 268—280.

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

Дѣтскія игры.

Олонецкія дѣтскія игры можно подвести подъ двѣ категоріи: 1) когда всѣ играющіе забавляются на счетъ одного игрока, дѣлающагося въ игрѣ страдательнымъ лицомъ и 2) когда всѣ раздѣляются на двѣ партіи, противящіяся одна другой.

1) Игра въ прятки, или, какъ еще называютъ, ухоронки, палочкой ворованой.

Наступило лѣто, самая веселая и удобная пора для игры. Послѣ обѣда собираются дѣти во дворъ къ кому нибудь изъ своихъ товарищей, особенно къ такому, про котораго знаютъ, что онъ не откажется поиграть и самъ, да и другихъ еще вызоветъ. Обыкновенно этотъ мальчикъ постарше другихъ или пользуется уваженіемъ за свое проворство, а что еще чаще бываетъ, отличается силою. Собрались дѣти въ кружокъ и, чтобы не терять времени, начинаютъ уговаривать маленькихъ товарищей идти въ гонки. Охотниковъ не нашлось. Коноводъ начинаетъ считать [1]), легко ударяя въ грудь каждаго: «яблочекъ катился вкругъ огорода, кто его поднялъ, тотъ воевода, воеводскій сынъ», «шишелъ, вышелъ, вонъ пошелъ». При словѣ «пошелъ» изъ круга отдѣляется одинъ изъ играющихъ и именно тотъ, на долю котораго пришлось это слово. Начинаютъ считать снова, повторяя тѣ же самыя слова до тѣхъ поръ, пока не останется одинъ изъ игроковъ, который и долженъ идти въ гонки. Часто случается, что тотъ, которому пришлось отыскивать товарищей, начинаетъ вздорить, доказывая, что невѣрно считали. Игра замедляется: на спорящаго сыплется потокъ насмѣшекъ, порой остроумныхъ, а иногда такихъ, которыя показываютъ нравственную порчу дѣтей. Чтобы положить конецъ спору, коноводъ беретъ палку и крича: палка менѣ, людей болѣ; заставляетъ каждаго захватывать ее рукою. Положившій руку на конецъ палки идетъ въ гонки, въ противномъ случаѣ исключается изъ игры. Затѣмъ, одинъ изъ игроковъ бросаетъ палку сколь возможно дальше, чтобы товарищи имѣли время убѣжать и спрятаться. Палка брошена, игроки разбѣжались. Отыскивающій подымаетъ палку и кладетъ ее на условленное мѣсто со словами: «палочка пришла, никого не нашла; кого перваго найдетъ, тотъ за палочкой пойдетъ»; или «чуръ, моя палочка не украденая, не ворованая». Этимъ онъ даетъ знать, чтобы всѣ были осторожными, если не хотятъ замѣнить его. Посмотрѣвъ вокругъ, отыскивающій сторожитъ, не спрятался ли кто за угломъ или не услышитъ ли разговора. Повертѣвшись около одного мѣста, онъ отходитъ подальше отъ палки и, замѣтивъ товарища, кричитъ: «чуръ, Мишка, выходи!» самъ бѣжитъ къ палкѣ и колотитъ ею. Этотъ стукъ даетъ знать товарищамъ, что можно быть уже посмѣлѣе, когда одинъ *очурканъ*. Найденный выходитъ и съ нетерпѣніемъ

---

[1]) Считать—въ смыслѣ произносить. Кромѣ приведеннаго считанья есть и другія, напр., слѣдующія лишенныя смысла: «пери, нери, суга, луга, пяти, сота, ива, сива, дубъ, крестъ, палъ въ лѣсъ, шишелъ вышелъ, вонъ пошелъ; «или: тани, бини, стань подъ нами, подъ желѣзными столбами; трынца, брынца, самъ король». Иногда считаютъ: первой, другой, три и т. д. до десяти.

ждетъ, когда его выкупятъ. Онъ кричитъ, когда отыскивающій отойдетъ въ сторону, «лети, лети», чтобы онъ подумалъ, что тамъ кто нибудь спрятался. Ищущій вѣритъ и бѣжитъ; найденный же, обманывая, кричитъ, «стой», или «дальше, дальше». Изъ-за уголка, между тѣмъ выскакиваетъ спрятавшійся, хвать палку и кричатъ «украдена». Палка бросается снова и тотъ же мальчикъ идетъ въ гонки; если же онъ отыскалъ всѣхъ, то его замѣняетъ прежде всѣхъ найденный. Надо замѣтить, что въ этой игрѣ принимаютъ участіе мальчики вмѣстѣ съ дѣвочками, равно какъ и въ слѣдующей.

2) Игра въ камешки. Игроки собираютъ по извѣстному числу камешковъ и начинаютъ тягаться—кому начинать игру. Камешки полагаютъ въ ладонь и, подбросивъ ихъ въ верхъ, стараются поймать хотя нѣсколько на наружную сторону кисти а, затѣмъ, повернувъ ее, проворно схватываютъ камешки снова ладонью, или, какъ говорятъ, въ пясть. Кто подхватилъ болѣе другихъ, тотъ и начинаетъ игру: беретъ ото всѣхъ камешки, также подбрасываетъ ихъ въ верхъ и, сколько можетъ, схватываетъ на лету. Затѣмъ уже онъ долженъ взять одинъ изъ пойманныхъ, подбросить въ верхъ, схватить лежащій на землѣ и поспѣть взять брошенный, пока онъ не упалъ; такъ должно сдѣлать со 2, 3 и т. д., пока всѣхъ не переловитъ. Переловивши всѣ камешки, игрокъ отлагаетъ одинъ изъ нихъ въ сторону и снова начинаетъ играть игру. Если случится, что при началѣ игры игрокъ не поймаетъ ни одного камешка или брошенный выпуститъ изъ руки, или даже поймаетъ, но съ земли другаго не успѣетъ взять; наконецъ, когда онъ всѣ эти условія и выполнитъ, но пошевелитъ другіе камешки, то игру начинаетъ сосѣдъ по очереди. Должно замѣтить, что играютъ сидя. Когда кто переловитъ и отложитъ въ сторону условленное число камешковъ, то чужіе уже ловитъ лѣвою рукой. Но вотъ уже всѣ камешки игроками переловлены—начинаютъ возвращать ихъ тѣмъ, которые не могли сами поймать. При этомъ проигравшій протягиваетъ руку, а тотъ, который обыгралъ, подбрасываетъ коровушку [1]) въ верхъ, ущипнетъ товарищу руку и, поймавъ камешекъ, возвращаетъ товарищу, хлопая его при этомъ по рукѣ. Такъ игра продолжается. пока не возвратятъ всѣхъ камешковъ. Условій много: ловятъ по одному, потомъ заразъ по два, по три, всѣ заразъ.

3) Игра въ ляпки. Собирается толпа и, опредѣливъ точно такъ же, какъ при игрѣ въ прятки, кому идти въ гонки, разбѣгается. Оставшійся бѣжитъ за товарищами, и котораго нагонитъ, бьетъ рукою, что значитъ «далъ ляпокъ». Пойманный замѣняетъ его и т. д. Игра продолжается пока не наскучитъ. Въ этой игрѣ часто убѣгающій кричитъ на дому, особенно когда бѣжать далѣе невозможно; если онъ забѣжитъ въ сѣни, въ амбаръ. Преслѣдующій не бьетъ его, а бѣжитъ за другими.

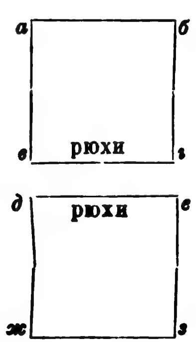
4) Котя, котя, продай дитя! Игроки представляютъ, что имѣютъ у себя каждый по ребенку а часто даже приглашаютъ маленькихъ дѣтей и садятъ ихъ передъ собою. Садятся обыкновенно кружкомъ. Тотъ, кому досталось идти въ гонки. подходитъ къ первой парѣ и говоритъ: «котя, котя, продай дитя!» Мальчикъ не соглашается отдать и потому отвѣчаетъ: «сходи за рѣку, купи табаку». Спрашивающій уходитъ, но вскорѣ обращается къ другому съ тѣми же словами. Мальчикъ отвѣчаетъ: «продамъ» и бѣжитъ по кругу въ одну сторону, а спрашивающій въ другую. Кто прежде прибѣжитъ къ проданному, тотъ садится; а опоздавшій занять мѣсто снова начинаетъ покупать.

5) Игра рыбкой. Нѣсколько человѣкъ собираются въ кучу и, рѣшивъ, что будутъ играть рыбкой, отправляются сбирать голики. Когда соберутъ ихъ достаточное число, начинаютъ тягаться: берутъ по голику и бросаютъ черезъ голову; чей

[1]) Такъ называется въ игрѣ камешекъ.

голикъ упадетъ ближе, тому идти въ гонки. Затѣмъ чертятъ круглый городъ, и голики сваливаютъ по срединѣ его. Голики эти называются рыбкою. Обязанность поставленнаго въ городъ состоитъ въ томъ, чтобы беречь голики; чтобы ихъ не утащили, онъ зорко присматриваетъ за товарищами. Подходятъ игроки по очереди и спрашиваютъ: «свѣжая ли рыбка»? на что получаютъ отвѣтъ: «свѣжая, покупайте»! Но вотъ одинъ изъ игроковъ пробѣжалъ мимо города, и ему не удалось утащить ни одного голика, а напротивъ защищавшій ударилъ его голикомъ. Попытки завладѣть городомъ продолжаются долго, если стоящій въ немъ мальчикъ бойкій; но если онъ неповоротливъ, то голики скоро вытащатъ. Защищавшій ихъ бѣжитъ до извѣстнаго мѣста и обратно до города, а товарищи бьютъ его въ это время голиками за то, что не сберегъ города. Затѣмъ выбираютъ новаго и продолжаютъ игру.

6) Рюхи. Игра эта на столько же принадлежитъ къ дѣтскимъ, на сколько и къ играмъ взрослыхъ людей. У дѣтей она оканчивается наказаніемъ проигравшихъ: они должны собрать рюхи разогнанныя въ разныя стороны; у взрослыхъ же заканчивается или платою денегъ, или попойкой. Условія и составъ игры слѣдующіе: изъ жерди выпиливаютъ нѣсколько цилиндровъ (рюхъ) вершка въ два и раздѣляютъ ихъ на двѣ партіи. Затѣмъ палкою обозначаютъ на землѣ четыреугольникъ въ нѣсколько саженъ въ длину и ширину. Мѣрою при этомъ служитъ палка, которою бьютъ рюхи. Палокъ всегда бываетъ столько, сколько играющихъ. Когда одинъ городъ обозначенъ, то въ разстояніи отъ него на нѣсколько шаговъ чертятъ другой, а затѣмъ ставятъ рюхи на ближнихъ чертахъ города. Рюхи размѣщаются группами: или ставятъ попарно одну надъ другою (попъ), или попарно на ребрахъ (катокъ), или всѣ вмѣстѣ (колокольня). Колокольню составляютъ такъ: ставятъ въ рядъ рюхъ 5, на нихъ 4, затѣмъ сверху 3, 2 и 1; остальныя же размѣщаютъ въ сторонѣ попами или катками для худыхъ игроковъ. Но вотъ рюхи разставлены въ обоихъ городахъ; игроки должны раздѣлиться пополамъ и опредѣлить, кому начинать игру. Выбираютъ двухъ опытныхъ игроковъ и называютъ ихъ матками; остальные удаляются въ сторону и условливаются, какое бы имъ принять названіе. Подходитъ первая пара и говоритъ: «матки, матки, щепинки иль травинки»? Одна изъ матокъ отвѣчаетъ: «щепинки». Назвавшійся щепинкой подходитъ къ нему, а другой ко второй маткѣ. Такъ продолжается и далѣе размѣщеніе игроковъ. Играющіе раздѣлились на двѣ партіи; остается знать, кому начинать игру. Одинъ изъ матокъ беретъ щепку, плюетъ на нее и говоритъ: «суши, али моря!» «Суши!» кричитъ другой. Щепка подбрасывается и если упадетъ ненаслюненною стороною въ верхъ, то просившій «суши» начинаетъ со своей партіей игру.

Игроки становятся на черту *аб*. Матка бросаетъ палку въ рюхи на *де* и если выгонитъ хотя одну за городъ *дежз*, то переходитъ съ партіей на черту *вг* и бьетъ въ остальныя рюхи. Въ рукахъ первой партіи не осталось уже ни одной палки; тогда игроки второй партіи начинаютъ игру съ черты *жз* тѣми палками, которыя

были у нихъ при началѣ игры, и тѣми, которыя перебросали имъ съ перваго города. Обыкновенно всѣхъ рюхъ съ одного раза выгнать не удается, а потому игроки первой партіи опять берутъ палки и продолжаютъ игру. Если одна партія выгнала рюхи за городъ ранѣе другой, то игроки, какъ говорятъ, сдѣлали ѣ з д у. Проигравшіе должны платить условленное, собрать рюхи и поставить на городъ. Затѣмъ выигравшіе садятся на спины проигравшихъ и бьютъ рюхи и потомъ снова заставляютъ поставить рюхи въ порядокъ. Игра начинается выигравшими.

7. К о р ш у н ъ. Подобно многимъ игра эта начинается опредѣленіемъ, кому быть страдательнымъ лицомъ. Вотъ составился кружокъ человѣкъ изъ десяти. Коноводъ с ч и т а е т ъ: «яблочекъ катился вкругъ огорода; кто его поднялъ, тотъ воевода, воеводскій сынъ» и пр. или иногда: «первенчики, другеньчики, на калеги, на малеги, на Божій росы, на поповой полосы, были чашки, колодки, медокъ сластокъ, Родивонъ, поди вонъ. Шышелъ, вышелъ, вонъ пошелъ». Оставшійся послѣднимъ дѣлается коршуномъ, садится на землю и роетъ палочкой ямку. Толпа игроковъ ходитъ около коршуна и говоритъ на распѣвъ: «околъ коршуна хожу, стару бабушку ищу. «Гдѣ бы ю найти? На огнѣ бы ю сожгать?» Толпа останавливается и спрашиваетъ у коршуна:

— Коршунъ, коршунъ, что ты дѣлаешь?

Ямку копаю.

— Что тамъ ищешь?

Денежку.

— Что ей дѣлать?

Иголочку купить.

— Что иголочкой дѣлать?

Мѣшочекъ сшить.

— Что имъ дѣлать?

Камешки класть.

— Что камешкамъ дѣлать?

Въ вашихъ дѣтей кидать.

— Что наши дѣти надоѣли?

Горохъ да бобы съѣли.

Коноводъ обращается къ играющимъ и кричитъ: «кышъ, мои дѣти!» Толпа разбѣгается; коршунъ спѣшитъ за нею и, кого поймаетъ, тотъ дѣлается его плѣнникомъ. Затѣмъ начинается второй актъ игры. Мальчики говорятъ, что истопилась баня, и въ нее ведутъ коршуна. Послѣдній обращается къ вожатымъ и спрашиваетъ: «н ѣ т у л и у васъ лягушекъ да жижелюшекъ». Толпа молчитъ, но лишь только коршунъ вступитъ на то мѣсто, которое называется банею, всѣ кричатъ: «лягушки да жижелюшки». Снова толпа бѣжитъ въ сторону, а коршунъ за нею, и тотъ, кого перваго онъ поймаетъ, дѣлается вмѣсто него коршуномъ.

8. Г у с и - л е б е д и. Одинъ изъ мальчиковъ представляетъ изъ себя волка, другой—хозяина гусей. Толпа дѣтей (гуси) идетъ, погоняемая хозяиномъ, и расходится въ стороны, однако не далеко другъ отъ друга. Волкъ сидитъ въ сторонѣ отъ гусей. Чрезъ нѣсколько времени хозяинъ кричитъ:

— Гуси,—лебеди, домой!

Гуси отвѣчаютъ: «намъ нельзя идти домой».

— Что же?

«Сѣрый волкъ подъ горой».

— Что онъ дѣлаетъ?

«Сѣрыхъ да бѣлыхъ овечекъ стрижетъ».

— Гуси-лебеди, домой! кричитъ хозяинъ погромче.

Гуси бѣгутъ къ нему; но въ это время выбѣгаетъ волкъ и схватываетъ одного изъ играющихъ. Пойманный дѣлается волкомъ, а волкъ заступаетъ мѣсто хозяина.

9. Волкъ. Выбираютъ волка, быть которымъ никто не отказывается; остальные игроки представляютъ овецъ. Волкъ имѣетъ садъ, гдѣ растетъ трава. Овцы приходятъ къ нему и говорятъ: «позволь намъ, царь, погулять въ твоемъ саду?»— Подите, погуляйте, отвѣчаетъ волкъ, да только не щиплите травы, а то мнѣ не на чемъ спать.—Овцы нарушаютъ данное слово, начинаютъ щипать траву, приговаривая на распѣвъ:

Щиплемъ, щиплемъ травку,
Зелену муравку,
Бабкѣ на рукавчикъ,
Дѣдкѣ на кафтанчикъ;
Сѣрому волку грязи на лопату.

Волкъ бросается на нихъ, и, кого поймаетъ, тотъ заступаетъ его мѣсто.

10. Голуби. Тоненькими палочками огораживаютъ нѣсколько городковъ, а въ средину ихъ становятся мальчики, представляющіе голубей. Передъ каждымъ городомъ стоитъ хозяинъ. Когда всѣ играющіе размѣстятся по городкамъ, хозяинъ выпускаетъ пару голубей. Они бѣгаютъ около другихъ городовъ, похлопывая въ ладоши: этимъ выражается полетъ голубей, прихлопывающихъ крыльями, когда они собираются летать или садятся куда нибудь. Если голубь забѣжитъ не въ свой кругъ, то хозяинъ этого круга кричитъ: «тутъ». Голубь остается у того хозяина, въ городъ котораго онъ забѣжалъ. Если же хозяинъ не успѣетъ закричать «тутъ», то голубь имѣетъ право улетѣть. Если у кого изъ города улетѣли всѣ голуби, тотъ идетъ покупать ихъ у сосѣдей, и, когда купитъ, опять начинаетъ играть по прежнему. Эта игра, какъ и двѣ предыдущихъ, принадлежитъ къ играмъ малолѣтнихъ, и участвуютъ въ ней дѣвочки и мальчики.

11. Круглымъ городомъ. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи и опредѣляютъ, какъ при игрѣ въ рюхи, кому начинать игру. Чертятъ городъ; одна партія становится въ него, а другая идетъ прятать мячикъ, который дается одному изъ играющихъ. Прятавшіе мячикъ возвращаются, при чемъ каждый держитъ руку въ карманѣ или за пазухой, для того чтобы находящіеся въ городу не моглидогадаться у кого мячикъ. Мальчики бѣгаютъ вокругъ города, приговаривая: «ужъ я иного огрѣю, ужъ я иного ожгу». Тотъ, у кого мячикъ, выжидаетъ удобнаго случая упечь товарища. Въ случаѣ промаха, всѣ кричатъ: «сгорѣлъ, сгорѣлъ!» и мальчикъ оставляетъ игру. Если же играющему удастся попасть, то тотъ, въ кого онъ попалъ, долженъ отвѣтить тѣмъ же; иначе также оставляетъ игру. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ упеченъ послѣдній изъ бывшихъ въ городу.

12. Ярки. По числу играющихъ вырываютъ въ землѣ, въ разстояніи одна отъ другой вершка на два, небольшія ямочки, округляютъ ихъ каблукомъ сапога, а по сторонамъ всѣхъ ямокъ кладутъ въ длину двѣ палки. Назначивъ, кому принадлежитъ какая ямка, одинъ изъ игроковъ беретъ мячикъ и катитъ его чрезъ лунки. Если мячикъ остановится въ чьей либо лункѣ, тотъ долженъ, проворно схватить его и бросить въ товарищей, которые при этомъ обыкновенно стараются убѣжать. Если мальчику удастся попасть въ кого нибудь, то тотъ, въ котораго онъ попалъ, беретъ мячикъ и тоже старается ударить другаго. Въ случаѣ промаха, всѣ кричатъ: «не попалъ». Въ лунку промахнувшагося кладутъ щепку (она называется яркой) или палкой проводятъ на землѣ черту. Потомъ опять катятъ черезъ лунки мячикъ и снова попадаютъ имъ въ товарищей. Когда въ чьей либо лункѣ окажется условленное число яровъ (ихъ обыкновенно 3 или 5), то начинается розыгрышъ или яренье. Проигравшій становится на свою лунку, положивши подъ ногу мячъ. Товарищи наклоняютъ его и начинаютъ бить въ спину кулаками, подъ ладъ пѣсенки:

Ярка, не ярка,
Баранъ, не баранъ;
Старая овечка,
Не ярочка.
Три годы баранъ
На палатяхъ спалъ,
Молоко слакалъ. *)

Окончивъ пѣсню, игроки разбѣгаются во всѣ стороны, а мальчикъ, котораго ярили, поспѣшно бросаетъ въ нихъ мячикомъ Въ случаѣ промаха, его снова ярятъ; если же удастся попасть въ кого нибудь, то игру начинаютъ, какъ и прежде.

13. Чуръ мой. Толпа играющихъ дѣлится, такъ же какъ и при игрѣ въ рюхи, на двѣ партіи и опредѣляетъ, которой изъ нихъ начинать игру. Половина становится въ городъ, который представляетъ небольшой кругъ, огороженный колышками. Другіе разбѣгаются и прячутся, гдѣ кому поудобнѣе. Черезъ нѣсколько времени стоящіе въ городѣ кричатъ вмѣстѣ «осарасоли соли, былъ въ городу, никого не боюсь». Завидя одного изъ спрятавшихся кричатъ: «чуръ моей, чуръ!» и бѣгутъ въ городъ. Это дѣлается всякій разъ, какъ увидятъ одного изъ спрятавшихся. Найденный выходитъ и ждетъ окончанія игры. Но вотъ нѣкоторые изъ отыскивающихъ забѣжали далеко отъ города. Спрятавшіеся выскочили, ударили зазѣвавшихся шапками и сами побѣжали въ городъ. Гдѣ они ударили товарищей, съ того мѣста послѣдніе должны ихъ везти на спинѣ въ городъ. Незащитившіе городъ должны снова отыскивать товарищей.

14. Караванъ. Игра эта не замысловата и даже желательно, чтобы ее оставили, по тому вреду, который можетъ произойти. Собирается толпа въ нѣсколько человѣкъ и становится въ рядъ. Играющіе кладутъ на плеча другъ другу руки; а тѣ, которые половче и полегче другихъ, садятся на руки товарищей перваго ряда, полагая также руку на плечо сосѣда, а другою придерживаются, чтобы не упасть. Иногда на руки мальчиковъ втораго ряда садятся еще, и составляется третій рядъ. Затѣмъ, по данному знаку, толпа двигается впередъ до опредѣленнаго мѣста. Всегда случается или умышленно, или безъ умысла, нижніе игроки не могутъ поддержать верхній рядъ, опускаютъ руки и тѣ падаютъ: кто со слезами на глазахъ отъ ушиба, а кто смѣется, что ему удалось упасть удачно.

15. Игра мячикомъ въ стѣнки. Игроки собираются около домовой стѣны и условливаются, кому первымъ начинать ловить мячикъ и кому послѣ него. Первый подбрасываетъ мячикъ въ верхъ такъ, чтобы онъ ударился объ стѣну, отскочилъ отъ нее и упалъ бы въ руки. Мальчикъ такъ подбрасываетъ мячикъ и ловитъ его обѣими руками пять разъ. Мячикъ пойманъ и въ пятый разъ; играющій бросаетъ его такъ же, какъ и прежде, и пять разъ ловитъ одною правою рукой затѣмъ пять разъ лѣвою. Послѣ этого ладонью лѣвой руки упирается въ стѣну, подбрасываетъ мячикъ подъ руку такъ, чтобы онъ, описавъ около руки полукругъ, упалъ бы въ подставленную правую руку. Потомъ играющій упирается въ стѣну лѣвою ногою и подбрасывая мячикъ, также какъ и чрезъ руку, ловитъ его до пяти разъ правою рукою. Когда все это удалось исполнить, игрокъ бросаетъ мячикъ изъ рукъ внизъ и ловитъ, не дозволяя мячику упасть на землю. При этомъ приговариваютъ обыкновенно: «хамъ-семъ, съѣмъ всѣхъ, съ лучкомъ, съ перцемъ, съ собачьимъ сердцемъ». Затѣмъ, подбрасываетъ мячикъ въ верхъ, такъ чтобы онъ отскочивъ отъ стѣны, упалъ на подставленную голову. Исполнивъ все это, игрокъ отходитъ, а мячикъ ловитъ слѣдующій. Если играющій въ это время,

*) Иногда бык камлыкъ на полатяхъ спалъ.
Весь кисель сожралъ.

какъ ловилъ, выпуститъ мячикъ изъ рукъ, то онъ отходитъ, ожидая очереди, а игру начинаетъ слѣдующій за нимъ. Когда же дойдетъ снова очередь, то начинаетъ съ того пріема, на которомъ остановился, т. е. ловитъ правою рукою или чрезъ ногу. Когда уже всѣ поймали мячикъ по условленному числу разъ, и остался одинъ изъ игроковъ, его начинаютъ гонять: ставятъ не вдалекѣ отъ себя и мячикомъ по порядку бросаютъ въ него. Затѣмъ всѣ собираются въ толпу, подходятъ къ стѣнѣ; одинъ изъ игроковъ бросаетъ мячикъ въ стѣну; толпа бѣжитъ. Находящійся же въ гонкахъ ловитъ мячикъ и бросаетъ въ разбѣжавшихся товарищей. Если ему удастся попасть въ кого нибудь, то тотъ оставляетъ игру (сгорѣлъ, какъ говорятъ); остальные же играютъ, пока не будетъ упеченъ послѣдній изъ играющихъ.

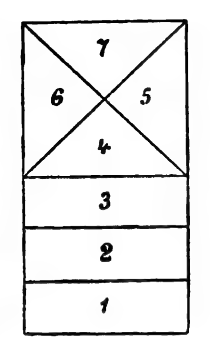
16. Бабки. Игра эта извѣстна кажется вездѣ и предпочитается другимъ, потому что въ ней, кромѣ удовольствія, представляется еще интересъ получить копейку или двѣ. Въ бабки играютъ даже взрослые. Видовъ игры въ бабки много; изъ нихъ болѣе употребительны: слѣдующіе: одинъ изъ мальчиковъ ставитъ пару бабокъ (гнѣздо); на разстояніи вершка ставитъ гнѣздо другой, третій и т. д. Затѣмъ, одинъ изъ мальчиковъ бросаетъ битку вдаль, за нимъ тоже дѣлаютъ и товарищи; чья битка упала далѣе всѣхъ, тотъ прежде и начинаетъ бить въ конъ. Надо замѣтить, что въ Петрезаводскѣ начинаютъ бить не съ того мѣста, гдѣ упала битка, а сдѣлавъ три шага ближе къ кону.—Случается, что битки упадаютъ на равномъ разстояніи; тогда играющіе перебрасываютъ ихъ снова. Кто бросалъ битку прежде всѣхъ, тотъ въ слѣдующій разъ бросаетъ ее послѣднимъ, или даже и вовсе не бросаетъ. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ вправѣ взять всѣ бабки, если бы игроки промахнулись. Проигравшій бабки покупаетъ ихъ у товарищей; на 1/4 копѣйки онъ получаетъ три пары бабокъ, или, какъ говорятъ, шестеръ. Въ этой же игрѣ неимѣющій бабокъ можетъ отставить въ сторону гнѣздо. Если кто попадетъ въ это гнѣздо, то беретъ его, съ отставившаго получаетъ 1/4 коп., ему отдаетъ только два гнѣзда.

б) Къ этой игрѣ близка другая и отличается только тѣмъ, что битки бросаютъ не отъ кона, а бьютъ съ опредѣленнаго мѣста. Но чтобы узнать, кому когда бить, битки бросаютъ на землю: чья бабка упала въ верхъ выпуклою стороною (жогъ), бьетъ ранѣе того, у кого она упадетъ бокомъ, въ верхъ тою стороною, которая длиннѣе противоположной ей (это плоцка); затѣмъ слѣдуетъ тотъ, у котораго бабка упала въ верхъ стороною противоположной плоцкѣ (тюря), и, наконецъ, тотъ, у котораго бабка упала стороною противоположною жоху (ничка); когда же у многихъ бабки упадутъ одинаково, то перебрасываютъ ихъ снова, или бьютъ по условленной очереди.

в) Изъ кону въ конъ. Ставятъ рядъ бабокъ, отходятъ на условленное мѣсто и съ него, по очереди, бросаютъ битки, такъ чтобы онѣ пролетѣли за конъ. Кто при этомъ выбьетъ нѣсколько бабокъ, тотъ беретъ ихъ; но это случается рѣдко, потому что битки бросаютъ издалека. Перебросивши битки, бьютъ съ противуположной стороны кона по очереди, чья битка лежитъ дальше.

г) Иногда играютъ двое такъ: ставятъ по гнѣзду бабокъ, и одинъ изъ игроковъ бросаетъ неподалеку отъ кона битку, другой его загоняетъ. Бросавшій битку раньше, относитъ ее далѣе, второй опять загоняетъ его, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока кто либо не уступитъ. Начинаютъ бить и, въ случаѣ промаха обоихъ, снова бросаютъ битки, если же будетъ выбито гнѣздо, то прибавляютъ еще по одному и продолжаютъ играть. Маленькія дѣти вмѣсто бабокъ употребляютъ иногда камешки и играютъ такъ же, но чтобы составить гнѣздо, камешки кладутъ одинъ на другой. Битками бываютъ обыкновенныя бабки или налитыя свинцомъ, иногда бабки вылитыя изъ чугуна, но чаще всего камни и металлическія плитки.

17. Классы. На землѣ чертится прямоугольникъ произвольной величины и поперечными чертами дѣлится на нѣсколько частей, «классовъ». Городъ этотъ чаще всего имѣетъ такую фигуру. Цифры означаютъ классы. Толпа уговаривается въ очереди, кому играть первымъ, вторымъ и т. д. Затѣмъ одинъ изъ играющихъ беретъ камешекъ и бросаетъ въ 1-й классъ; скачетъ на одной ногѣ и старается носкомъ сапога выкинуть камень за черту аб. Когда это удалось, игрокъ изъ города же бросаетъ камень во 2-ой классъ и опять скачетъ на одной ногѣ и старается такъ же, какъ и въ первый разъ, выкинуть камень изъ города. Въ случаѣ же, когда игрокъ оступится или наступитъ на черту, или бросая камень изъ — за города, попадетъ не въ тотъ классъ, въ который слѣдовало попасть, или даже, когда камень упадетъ на черту классовъ,—играетъ уже слѣдующій. Первый же мальчикъ ждетъ очереди, начиная попадать въ тотъ классъ, на которомъ остановился. Когда игроку удастся попасть во всѣ классы, то ему, какъ говорятъ, дѣлается экзаменъ. Мальчикъ кладетъ камень на носокъ сапога и идетъ на каблукѣ (другая нога свободна) черезъ весь городъ, наблюдая, чтобы не уронить камень, или не наступить на черту. Послѣ этого игрокъ обязанъ, положивъ камень на носокъ сапога, перебросить его черезъ городъ; если онъ исполнитъ это, то составляетъ игру, въ противномъ же случаѣ доигрываетъ, когда придетъ очередь, или же, какъ бываетъ иногда условіе, начинаетъ игру снова. Игра развязки никакой не имѣетъ, и потому видно, что она составилась только для упражненія въ ловкости скакать на одной ногѣ, дѣйствовать ею и пріучаться къ глазомѣру.

18. Зимнимъ буемъ. Игра эта начинается осенью и продолжается до наступленія зимы. Игроки берутъ палки длиною аршина въ два; а, чтобы узнать, кому идти въ гонки, ставятъ палки на носокъ сапога и бросаютъ: чья палка упадетъ ближе, того и начинаютъ гонять. Прежде же всего дѣлаютъ лунки, одною меньше противъ числа игроковъ и становятся къ нимъ. Находящійся въ гонкахъ беретъ буй (рюху, а иногда деревянный шарикъ) и палкою подгоняетъ къ игрокамъ. Тотъ, къ которому буй ближе, старается палкою же отогнать отъ себя далѣе, чтобы товарищъ не попалъ имъ въ ногу; но когда видятъ, что, стоя у лунки, бить неудобно, скачетъ на одной ногѣ и отгоняетъ буй въ сторону. Тоже дѣлаютъ и другіе и даже часто, особенно бойкіе, присхакивая на одной ногѣ, стараются помочь товарищу отбиться отъ того, который находится въ гонкахъ. Когда столпится нѣсколько человѣкъ, то попасть буемъ въ ногу котораго нибудь очень легко, и въ такомъ случаѣ находящійся въ гонкахъ заступаетъ лунку, а тотъ, въ ногу котораго попали, идетъ въ гонки. Если кто либо оступится или пойдетъ на обѣихъ ногахъ, то находящійся въ гонкахъ бѣжитъ къ его лункѣ и если успѣетъ, то заступаетъ ее, а игроки въ это время гонятъ буй какъ можно дальше. Гоняемый, если буй далеко отъ лунокъ, подбѣгаетъ къ нему, схватываетъ рукою и кричитъ: «на масло!» Игроки поднимаютъ палки вверхъ. Буй летитъ. Вотъ онъ ударился объ палку одного изъ играющихъ. Мальчики идутъ къ лункамъ, при чемъ стараются, стоять на каблукѣ сапога, упираясь носкомъ въ поставленную впереди палку. Находящійся въ гонкахъ бьетъ въ буй, стараясь попасть имъ въ чью либо ногу и, въ случаѣ удачи, становится къ лункѣ; если же промахнется, то игра продолжается по прежнему. Когда буй бросается на масло и не ударяется ни въ чью палку, то его гонятъ дальше отъ лунокъ, но только игроки не скачутъ уже на одной ногѣ. Гонятъ буй до тѣхъ поръ, пока мальчикъ не схватитъ его. Игра зимнимъ буемъ осенью и въ началѣ зимы (пока снѣгъ не глубокъ) очень употребительна и составляетъ забаву мальчиковъ лѣтъ 12—15. Часто приходится видѣть при этой игрѣ и слезы и споръ находящагося въ гонкахъ, если онъ моложе другихъ и не можетъ освободиться изъ страдательнаго по-

ложенія. Когда такой игрокъ надоѣстъ товарищамъ, то его удаляютъ изъ игры или въ наказаніе катаютъ на палкахъ. Это дѣлается такъ: приносятъ нѣсколько круглыхъ полѣнъ, кладутъ на нихъ спиною спорящаго и, держа за руки и за ноги, прокатываютъ по кругликамъ. Игрокъ удаляется, а оставшіеся, чтобы узнать, кому идти въ гонки, перебрасываютъ, какъ и въ началѣ игры, палки. Палки, употребляемыя при этой игрѣ, для удобства подгонять буй къ лункамъ имѣютъ загнутый конецъ. Для этого вырубаютъ дерево съ корнемъ, или насаживаютъ на конецъ палки коровій рогъ.

Записалъ К. М. Петровъ въ Петрозаводскѣ.

---

19. Стойкой. По числу играющихъ дѣлаютъ лунки въ разстояніи 1½—2 арш. одна отъ другой. На срединѣ противъ лунокъ въ разстояніи отъ 3 до 5 саж. дѣлаютъ еще одну лунку (соль), къ которой ставятъ рюху. Одинъ изъ играющихъ по жребію долженъ ставить рюху, а остальные сбить ее съ мѣста, стоя у своей лунки. Когда собьютъ рюху, то стоящіе безъ палокъ должны сбѣгать за ними и стать на свои мѣста, пока ставящій рюху не поставитъ ее вновь. Если это онъ успѣетъ сдѣлать, то также бѣжитъ къ лункамъ и, когда перегонитъ котораго нибудь изъ товарищей, то становится къ лункамъ, а опоздавшій замѣняетъ мѣсто его у соли.

20. Шаромъ (куркомъ). На ровномъ мѣстѣ кладутъ жердь (коска); противъ середины ея, въ разстояніи 3—4 саженъ дѣлаютъ лунку (соль). Играющіе бросаютъ палки въ верхъ такъ, чтобы онѣ въ воздухѣ перевернулись нѣсколько разъ. Чья палка упадетъ рукояткой къ жерди, тотъ долженъ быть у шара. Если падетъ палка рукояткой къ жерди у многихъ, то перебрасываютъ, пока не останется одинъ. Затѣмъ, играющіе бросаютъ палки къ лункѣ такъ, чтобы перевертываясь съ конца на конецъ и ударяя въ землю, онѣ оказались за лункой. Стоящій у шара долженъ попасть имъ въ одну изъ палокъ. Если попадаетъ въ чью либо палку, то бѣжитъ къ жерди, а тотъ, въ чью палку ударился шаръ, долженъ съ того мѣста, гдѣ взялъ шаръ, попасть имъ въ жердь. Стоящіе у жерди стараются отбить шаръ на лету. Если шаромъ удастся попасть въ жердь, то опять начинаютъ бросать палки, а гоняемый долженъ попасть въ одну изъ палокъ. Если не попадетъ, то остается у соли, а остальные бѣгутъ къ жерди.

21. Хлоптой. Одинъ изъ играющихъ подбрасываетъ мячикъ къ верху, а другой при паденіи его внизъ долженъ ударить палкой. Шаръ летитъ, играющіе стараются поймать его. Кто поймаетъ, тотъ начинаетъ бить, а бившій подбрасывать.

22. Хлоптой съ клиномъ. Вбиваютъ въ землю клинъ; отъ клина вершкахъ въ ½ кладутъ палку; на палку, оперши однимъ концомъ въ клинъ, кладутъ дощечку, а на нее мячикъ. Одинъ изъ играющихъ ударяетъ по дощечкѣ палкой; мячикъ летитъ въ верхъ, и играющіе стараются поймать его. Поймавшій снова начинаетъ игру.

23. На уносъ. Играющіе раздѣляются на двѣ равныя партіи. Одинъ изъ игрековъ бросаетъ мячикъ въ верхъ, а остальные стараются поймать его и унести. Одна партія уноситъ въ сторону; другая въ противоположную ей. За унесшимъ гонится противная партія, старается отнять мячикъ и унести въ свою сторону, Партія, у которой унесли мячикъ, считается проигравшей.

24) Чиркой (въ иныхъ мѣстахъ щильцомъ). Дѣлается четырехгранный брусокъ, вершковъ 5 длины, и срѣзывается съ концовъ подъ угломъ въ 45°. Отмѣриваютъ площадь въ квадратный аршинъ (городъ). Одинъ изъ играющихъ кла-

детъ чирку въ городъ и бьетъ по ней палкой. Чирка взлетаетъ вверхъ; при паденіи играющій старается еще разъ ударить ее, чтобы чирка упала дальше отъ города. Бившій указываетъ палкою середину города; а гоняемый съ мѣста, гдѣ упала чирка, дѣлаетъ три шага и бросаетъ ее въ городъ. Если попадетъ, то бьетъ чирку самъ; въ противномъ случаѣ—первый изъ играющихъ. Каждый изъ играющихъ долженъ бить чирку десять разъ съ правой стороны, одинъ разъ съ лѣвой и еще одинъ съ правой. Если при ударѣ по чиркѣ дѣлается промахъ, и чирка упадетъ въ городъ, то всѣ выбитые разы не считаются. Кто изъ играющихъ не успѣетъ сдѣлать двѣнадцати условленныхъ разъ, тотъ штрафуется (безчастки). Виновный приноситъ чирку и ставитъ ее въ городъ. Выигравшіе бьютъ чирку до перваго промаха, и проигравшій бѣгаетъ за нею и старается попасть въ городъ.

25) Парами. [1]) Играющіе берутъ другъ друга за руки и становятся парами, одна за другою. Одинъ становится впереди. Задняя пара бѣжитъ мимо одинка съ обѣихъ сторонъ играющихъ. Одинокъ долженъ поймать кого либо изъ бѣгущихъ. Если поймаетъ, то становится съ пойманнымъ въ первую пару, а оставшійся дѣлается одинкомъ. Если одинокъ не успѣетъ поймать кого-либо изъ пары, то продолжаетъ бѣжать слѣдующая задняя пара и т. д.

26) Кругомъ. Играющіе, взявшись за руки, образуютъ цѣпь. Одинъ изъ нихъ, обходя вокругъ цѣпи, ударяетъ кого либо изъ стоящихъ и бѣжитъ. Получившій ударъ бѣжитъ за первымъ и старается также ударить его (дать ляпокъ). Отплативъ, занимаетъ мѣсто за цѣпью, а первый мѣсто въ цѣпи.

27) Кругомъ со столбомъ. Играющіе составляютъ цѣпь. Одинъ съ завязанными глазами становится внутри цѣпи; его поворачиваютъ нѣсколько разъ и, затѣмъ, становятъ спиною къ кому либо изъ играющихъ. Мальчикъ долженъ отгадать, у кого стоитъ. Если угадаетъ, то становится въ цѣпь; въ противномъ случаѣ переходитъ къ другому, третьему, пока не отгадаетъ.

№№ 19—27 записалъ въ Бадогахъ, Вытегорскаго уѣзда, учитель *Т. Е. Рѣпниковъ*.

Taulen—Korpa, или Вихорь.

Лѣтомъ 1885 года я экскурсировалъ по Шлиссельбургскому уѣзду, и здѣсь мнѣ удалось найти въ лѣсахъ на ели особыя, гипертрофированныя вѣтви, представляющія очень густые вѣники, состоящіе изъ весьма укороченныхъ, тѣсно сидящихъ вѣточекъ. Образованія эти обязаны своимъ происхожденіемъ одному паразитному грибку, и у Нѣмцевъ носятъ названіе «Hexenbese». (См. A. De Bary. Vergleichende Morphologie und Biologie d. Pilze, Mycetozoen und Bacterien. 1884. p. 395).

Въ чухонскихъ деревняхъ Шлиссельбургскаго уѣзда эти образованія называются *Taulen Korpa*, что значитъ *Рука Вѣтра*, и употребляются противъ кашля. «Если у васъ, говоритъ Чухонецъ, кашель съ вѣтру, то пропустите три раза воду черезъ такой вѣникъ и затѣмъ выпейте эту воду: кашель сейчасъ же пройдетъ. (Записано въ деревнѣ Губки, Рябовской волости отъ Чухонца, содержателя земской станціи).

Въ русскихъ деревняхъ такія образованія носятъ названіе *Вихорь* и, положенныя подъ крышу, предохраняютъ ее отъ вѣтра. «Такую крышу, говоритъ разсказчикъ, никакой вихорь, никакой ураганъ не снесетъ». (Записано въ с. Порѣчьѣ, отъ старика—сторожа волостнаго правленія).

1885. Студ. СПБ. Универс. *Н. Кузнецовъ*.

---

[1]) Эта игра обыкновенно начинаетъ деревенскіе хороводы. Въ парахъ участвуютъ дѣвушки и парни.

Ловля снятка тагасомъ на Бѣломъ озерѣ.

Извѣстный лучшій бѣлый снятокъ ловится въ Бѣломъ озерѣ, Бѣлорускаго уѣзда Новгородской губерніи. Истари извѣстное, Бѣлое озеро имѣетъ площадь 60 × 40 верстъ, глубина же его не превышаетъ 2-хъ печатныхъ саженъ. Третья часть озера принадлежитъ городу Бѣлозерску, которую городъ отдаетъ ежегодно въ аренду изъ $^1/_6$ или $^1/_7$ всего улова съ той части, а остальная часть озера принадлежитъ прибрежнымъ крестьянамъ.

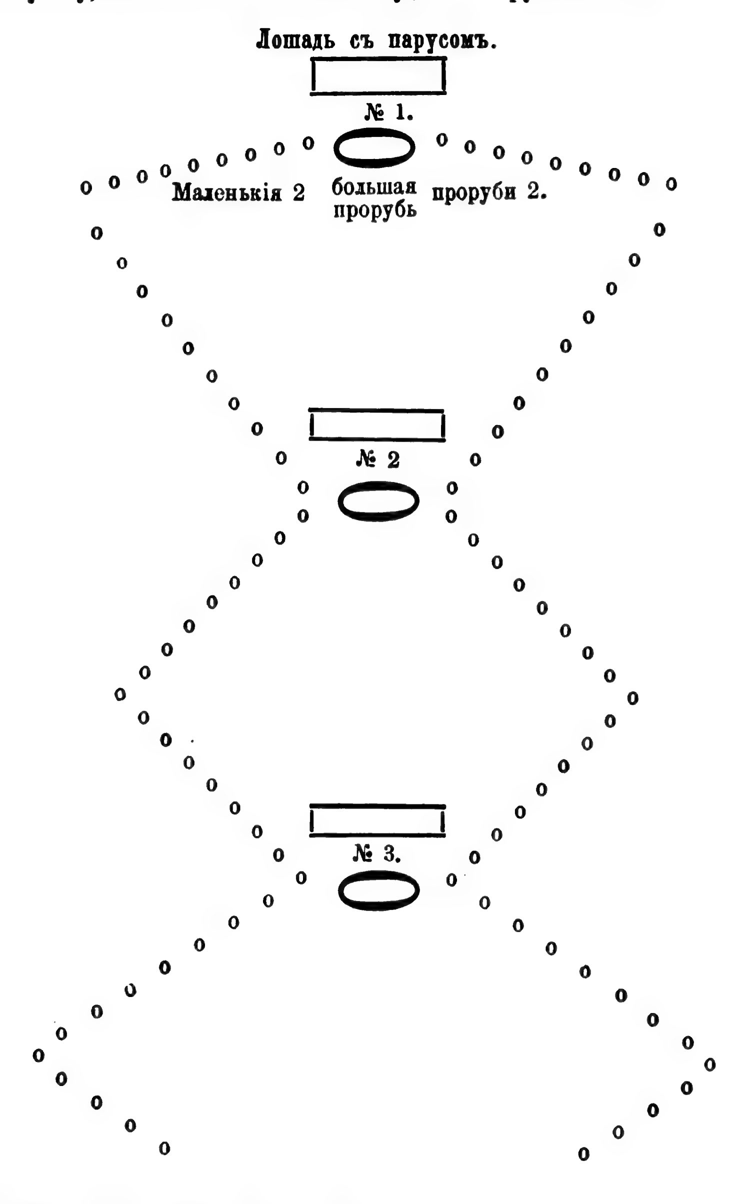
На городской части озера сбирается для ловли снятка до 25 тагасовъ (артелей) съ неводами, на паяхъ; это названіе идетъ съ незапамятныхъ временъ. Въ тагасѣ бываетъ отъ 20 до 40 человѣкъ—ловцовъ, и на каждыхъ двухъ ловцовъ полагается лошадь съ санями. Тагасъ избираетъ изъ своей среды распорядителя—хозяина, который распоряжается всѣми дѣлами тагаса полновластно; остальные ловцы всѣ между собою равны; но изъ нихъ тѣ, которые при ловлѣ исполняютъ болѣе трудныя и важныя обязанности, пользуются добавочнымъ паемъ изъ улова. Выйти изъ тагаса каждый участникъ имѣетъ право только во время расшивки невода, а принять въ тагасъ можетъ исключительно одинъ хозяинъ.

Ловятъ снятковъ неводами, которые сшиваются изъ различныхъ сѣтей, принадлежащихъ членамъ тагаса. Главную и наиболѣе цѣнную часть въ неводѣ составляетъ частая матица, принадлежащая обыкновенно хозяину тагаса и стоющая около 50 р.; къ ней съ обѣихъ сторонъ пришиваются равныя по длинѣ полы, состоящія изъ разныхъ сѣтей: къ самой матицѣ пришивается «притонъ» (частая сѣть), къ притону «палева» (немного рѣже), къ палевѣ—«тагасокъ» (еще рѣже), къ тагаску—«рѣдкушка» (рѣдкая сѣть) и къ рѣдкушкѣ привязывается длинное «ужище» (веревка). Длина невода бываетъ до 200 саженъ, а глубина—отъ 6 до 7 аршинъ. Неводъ служитъ отъ 3 до 4 лѣтъ. Проловивъ недѣли три, неводъ расшиваютъ, и каждый владѣлецъ снасти беретъ свою часть на домъ для ремонта и просушки. Расшивка невода приноравливается обыкновенно къ празднику, ибо ремонтъ и просушка продолжается отъ 4 до 6 дней.

Снятковъ ловятъ обыкновенно съ осени, какъ станетъ озеро, и до весны, пока держитъ рыбаковъ ледъ, т. е. приблизительно съ $^1/_2$ Ноября до $^1/_2$ Марта. Передъ ловлей тагасъ сбирается на сборной квартирѣ. На промыселъ выѣзжаютъ ежедневно въ 6 часовъ утра и ловятъ до 6 вечера, дѣлая до девяти тоней. По прибытіи на мѣсто ловли, вырубаютъ большую прорубь (черт. ф. 1), отъ которой вырубаютъ по обѣ стороны маленькія проруби (фиг. 2), чрезъ которыя гонятся подо льдомъ двѣ жерди съ привязанными къ нимъ концами ужицъ. Захвативъ извѣстное пространство, жерди сходятся къ вырубленной новой большой проруби (фиг. 3), въ которую и выбираютъ неводъ. Какъ только покажется изъ проруби рѣдкушка невода, веревки съ жердями снова гонятся чрезъ маленькія прорубки, сдѣланныя отъ второй большой проруби, дальше такъ же, какъ и отъ первой большой проруби. Для выловленной рыбы приготовляютъ расчищенное на льду мѣсто—гумно, гдѣ и раскладываютъ рыбу для замораживанія; рыбу посыпаютъ снѣгомъ и, когда она замерзнетъ, просѣваютъ въ особо приготовленныхъ для того рѣшетахъ. Неводъ на ночь не увозятъ, а оставляютъ его въ проруби на шестахъ или зарываютъ снѣгомъ толщиною до 1 аршина, чтобы неводъ не смерзся.

Выловленная рыба хозяиномъ тагаса продается чаще оптомъ на глазомѣръ городскимъ скупщикамъ, а вырученныя за рыбу деньги дѣлятся между всѣми членами тагаса слѣдующимъ образомъ: сначала уплачиваются аренда за озеро по условію и общіе расходы по тагасу, какъ то: за наемъ сборной избы, покупку корзинъ для рыбы, покупку метелъ, лопатъ, ужищъ, паруса, служащаго для защиты отъ вѣтра, прикрѣпляемаго на жердяхъ къ санямъ, кожанныхъ фартуковъ (хамы), поправку пешенъ и др., (вещи эти хранятся у хозяина тагаса); остальныя деньги дѣлятся на жеребья—паи: за матицу получается 2 пая, за каждыя 7 саженъ невода по

$^{1}/_{2}$ пая, лошадь получаетъ $1^{1}/_{2}$ пая, хозяинъ за управленіе, кромѣ пая, какъ участникъ въ неводѣ, получаетъ $^{1}/_{2}$ пая, 2 маточника, 2 помощника къ нимъ (палешника) и 2 жердиника—всѣ шестеро получаютъ 2 пая; они же, какъ общіе участники въ неводѣ, и всѣ остальные ловцы получаютъ жеребій $^{1}/_{2}$ пая. Цѣна на снятки, смотря по улову, бываетъ отъ 80 к. за пудъ до 2 руб. 80 коп.

Городская часть озера дохода городу давала, какъ видно изъ книгъ Бѣлозерской Городской Управы, изъ $^{1}/_{7}$ части улова за много послѣднихъ лѣтъ, наименьшая цифра въ 1876 году 313 р., а наибольшая цифра 4454 р. 45 коп. въ 1884 году.

Кромѣ снятковъ въ Бѣломъ озерѣ попадаетъ и другая рыба и преимущественно «судакъ».

Ноябрь 1888 года гор. Архангельскъ. *Я. Лейцингеръ.*

Описаніе игры литовскихъ пастуховъ подъ названіемъ «Калуте».

Осенью, когда уже становится холоднѣе, пастухи начинаютъ играть въ камешки подъ названіемъ калуте; орудіемъ къ этой игрѣ служатъ: калуте, куцюс, дварас и барштчей.

Калуте—это шарообразный камешокъ величиною съ куриное яйцо.

Куцюс—палка длиною (обязательно) отъ земли до носа ея же собственника съ загнутымъ нижнимъ концомъ; верхняя часть называется котае, а нижняя векере; иногда употребляется прямая палка съ набитымъ на нижній конецъ бараньимъ рогомъ.

Дварас—яма (на ровномъ лугу) величиною съ большую шапку; эта яма выкапывается такъ: всѣ играющіе свои палки загнутыми концами на перекрестъ устремляютъ въ лугъ и идутъ кругомъ до тѣхъ поръ, пока образуется требуемая яма, и тогда всѣ разомъ свои палки вдругъ вытягиваютъ изъ ямы вмѣстѣ со всею разрыхленною землею, которой куски называютъ кяулюкес (свинки, ихъ-то палками прочь отбиваютъ, и это послѣднее дѣйствіе называется кяулес нугит (свиней прогнать).

Барштис—яма такой величины, въ которой кулакъ можетъ свободно помѣститься, и выкапывается она вышеописаннымъ образомъ. Барштисовъ полагается числомъ меньше одного игрока, въ разстояніи фута на четыре отъ большой ямы; такимъ образомъ, всѣ ямы составляютъ видъ крѣпости съ окружающими фортами, какъ дѣйствительно можно будетъ замѣтить изъ описанія самой игры. Этихъ приспособленій почти для всѣхъ игръ этого рода достаточно, но при нѣкоторыхъ существуютъ еще особыя условія, о чемъ въ свое время будетъ сказано.

Игры, о которыхъ будемъ говорить, суть слѣдующія: иж бар(к)шчо, иж непамуштос, иж дуртиню, иж селиню.

До начала каждой игры, игроки должны рѣшить, кому слѣдуетъ загонять камешекъ въ большую яму, т.-е. кому исполнять самую трудную часть игры. Это рѣшается слѣдующимъ образомъ. Игроки поочередно становятся у большой ямы, такъ чтобы концами пальцевъ къ ней прикасались, ставятъ передъ собою свою палку и обнимаютъ за верхній конецъ правою рукою, а затѣмъ, размахавъ палку, бросаютъ ее черезъ голову назадъ, какъ можно дальше; чья палка падаетъ ближе всѣхъ къ ямѣ, тому и слѣдуетъ загонять камешекъ въ большую яму, а остальные берутъ, такъ сказать, подъ охраненіе малыя ямы, каждый по одной. Иногда является сомнѣніе, кому загонять, т.-е. чья палка ближе, тогда идутъ на судъ (авст провос).

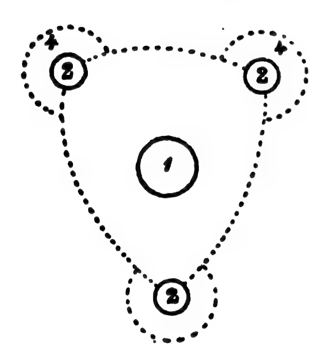
Судъ производится слѣдующимъ порядкомъ. Кто нибудь изъ товарищей беретъ свою палку въ правую руку менѣе—болѣе у половины и, держа ее въ вертикальномъ направленіи, подаетъ или бросаетъ одному изъ спорящихъ, а тотъ, схативъ гдѣ попало, оборачиваетъ палку другимъ концомъ въ верхъ, и противникъ долженъ взять за палку цѣлою кистью возлѣ руки товарища повыше; и такъ далѣе оба спорящіе перебираютъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній, обнявъ конецъ палки, можетъ ее обнести три раза вокругъ себя или, какъ говорятъ, вокругъ хоховеи, вотъ тотъ и правъ, и противникъ долженъ ему уступить. Случается, что или въ этомъ случаѣ, или въ другомъ, присужденный не хочетъ повиноваться, тогда его подвергаютъ наказанію подъ названіемъ «нустаупит». Это наказаніе вотъ въ чемъ состоитъ: всѣ товарищи бросаютъ свои палки на главную яму накрестъ, хватаютъ ослушника по рукамъ и но-

гамъ, растягиваютъ на палкахъ и, вложивъ камешекъ въ рукавицу, ударяютъ ею по задницѣ три раза, затѣмъ, озорника, обыкновенно прослезившагося отъ злости и стыда, а иногда и боли, освобождаютъ, и игра на нѣкоторое время откладывается. Но такое строгое наказаніе, какъ производящее довольно непріятное впечатлѣніе и замѣшательство между товарищами, употребляется весьма рѣдко; обыкновенно церемонія не доводится до конца и обязанность виновнаго исполняетъ кто-нибудь изъ товарищей, на что̀ всѣ конечно соглашаются. Вмѣсто слово «нустаупит» иногда употребляется «нубщдит», или даже вмѣсто б, ставятъ п, тогда выходитъ немножко сально, а какъ въ игрѣ принимаютъ участіе и дѣвочки, то въ ихъ присутствіи считается такая нескромность рѣшительно непозволительною, а потому и между мальчиками допускается весьма рѣдко.

Теперь приступимъ къ описанію самой употребительной игры этого рода—иж барщчо. Для большей ясности представимъ планъ мѣста игры для четырехъ дѣтей.

№№ 1—дварас, 2—барштис, 3—падваре, 4—пабарште.

Коль скоро рѣшено кому загонять камешекъ въ яму № 1, то остальные игроки, въ видѣ охранителей той же ямы, втыкаютъ свои палки въ ямы № 2 и опять вытягиваютъ въ знакъ, что каждый беретъ подъ свою охрану извѣстную позицію, и ему позволяется стоять только внѣ № 3, на такой дистанціи, чтобы могъ достать палкою ямочку, принятую подъ свою охрану; камешекъ бросается въ яму № 1, оттуда одинъ изъ охранителей, обыкновенно самый искусный, вынувъ камешокъ палкою, ставитъ на краю той же ямы и ударяетъ изо всей силы, что̀ означаетъ начало игры. Тутъ ужъ начинается самая игра, которая со стороны загоняющаго состоитъ въ томъ, чтобы загнать камешекъ въ яму № 1 или овладѣть которою-нибудь изъ охраняемыхъ ямочекъ, а задача охранителей до того не допустить.

Первая задача не допустить камешокъ въ яму очень проста: отбить и кончено; но вторая потруднѣе, когда ударишь камешекъ, то слѣдуетъ воткнуть хоть на мгновеніе свою палку въ охраняемую яму, а то, если загоняющій прежде поспѣетъ это исполнить, значитъ овладѣлъ ямочкой, и нужно его смѣнить со всѣми обязанностями; это называется «уждеге барштн», и только каждый съ позиціи передъ своею ямочкою подъ № 4 можетъ отбивать камешокъ безотвѣтственно. Загоняющему иногда удается загнать камешекъ въ яму № 1, тогда онъ ткнетъ свою палку въ любую ямочку № 2, а остальные должны перемѣнить позиціи съ выраженіемъ «ани майнай», но если охраняющіе всѣ перемѣнили ямочки, а загоняющій не успѣлъ, то онъ опять повторяетъ свою обязанность, что̀ впрочемъ случается весьма рѣдко. Но если кто изъ охранителей не успѣлъ занять другую ямочку, то загонявшій его безъ спроса смѣняетъ и затѣмъ, вынувъ камешекъ изъ ямы, ударяетъ его изо всей силы, какъ въ началѣ игры. Такимъ образомъ игра можетъ продолжаться сколько угодно.

Иж непамуштое играется совсѣмъ какъ въ предъидущей игрѣ съ тою разницею, что охраняющій, желая отбить камешокъ, не долженъ промахнуться подъ опасеніемъ принять на себя обязанность загоняющаго.

Иж селиню, занимающіе малыя ямочки, коль скоро вынули изъ нихъ свою палку и загоняющій успѣлъ которую нибудь изъ нихъ занять, тогда загоняющій смѣняется. Остальныя условія, какъ въ первой игрѣ.

Иж дуртихею играется безъ окружныхъ ямочекъ, а охраняющіе должны стоять отъ большой ямы такъ далеко, чтобъ могли достать палкою охраняемую (большую) яму и, когда кто изъ охранителей ударитъ камешекъ, то долженъ убѣжать; если же загоняющій его толкнетъ концемъ палки, пока камешекъ катится, то наступаетъ смѣна загоняющаго. При этой игрѣ, если камешекъ попадаетъ въ яму, всѣ играющіе спѣшатъ воткнуть свои палки въ яму, и послѣдній изъ нихъ долженъ загонять.

Иж падварес играется въ двоемъ безъ барштисовъ, одинъ изъ нихъ загоняетъ камешекъ въ яму, а другой не пускаетъ, какъ скоро же камешекъ загнанъ въ яму, то играющіе перемѣняютъ свои роли.

Особымъ удольствомъ при описанныхъ играхъ считается, когда камешекъ ловится палкою на лету.

Всѣ онѣ мнѣ самому хорошо извѣстны, потому что 26 лѣтъ тому назадъ, я самъ принималъ въ нихъ участіе, когда я еще жилъ у родителей въ деревнѣ Карклупяны въ шести верстахъ на югъ отъ Вержболова и Кибартъ. Въ той же самой деревнѣ мною въ 1868 году были записаны 72 пѣсни и переданы тогдашнему учителю Вейверскихъ педагогическихъ курсовъ, Г. Гилюсу, который обѣщалъ ихъ напечатать; въ настоящее время въ сказанной мѣстности ни пѣсенъ, ни игоръ почти нельзя ни слышать, ни видѣть.

12-го октября 1886 г. учитель Вержболовскаго училища

Арминайтисъ.

Литовскія повѣрья.

Литовцы вѣрятъ, что подъ землею зарыто много большихъ кладовъ, которые удается иногда найти счастливцамъ случайно. Клады эти иногда можно видѣть горящими; можно де видѣть выходящее изъ земли пламя, что служитъ де несомнѣннымъ признакомъ находящихся въ томъ мѣстѣ денегъ, и только слѣдуетъ назначить то мѣсто себѣ и на слѣдующій или какой нибудь день выкопать. Пламя отъ горящихъ денегъ можно видѣть только утромъ или вечеромъ, сейчасъ послѣ заката солнца.

Объ одномъ изъ такихъ кладовъ мнѣ разсказывалъ одинъ человѣкъ, будто бы со словъ очевидца этого происшествія, слѣдующее.

Одинъ изъ его знакомыхъ шелъ довольно поздно вечеромъ изъ одной мызы, гдѣ онъ работалъ цѣлый день, домой. Путь его лежалъ мимо одного пруда, который образовался, по мѣстному преданію, изъ озера, только теперь сильно обмелѣвшаго и заросшаго травою и камышемъ. Было довольно темно. Не подходя еще къ пруду, онъ замѣтилъ какое то сверхъестественное и фантастическое явленіе: на прудѣ, среди заросшей травы, въ томъ мѣстѣ, куда не можетъ ступить человѣческая нога, по причинѣ необыкновенно илистаго дна, онъ замѣтилъ какой-то свѣтъ. Явленіе это сильно озадачило бѣднаго работника. Дабы узнать, что за причина этого, онъ подошелъ совсѣмъ близко къ тому мѣсту, и каковъ же былъ его испугъ, когда онъ замѣтилъ на поверхности воды пребольшущій плавающій сундукъ. Но что еще страннѣе? Крышка сундука быстро открылась, сундукъ оказалось наполненъ червонцами (раудонайсейе), на одномъ концѣ сундука сидѣла дѣва съ распущенными волосами и скоро принялась чесать ихъ, а на другомъ концѣ сидѣлъ прекрасный юноша съ поднятымъ въ рукѣ мечемъ. Работникъ хотѣлъ поскорѣе уйти, но уже не было никакой возможности, потому что онъ стоялъ очень близко сундука, и притомъ ноги его отъ сильнаго испуга совсѣмъ подкосились, руки перестали дѣйствовать, глаза поблѣднѣли. Между тѣмъ сундукъ подплылъ къ нему такъ близко, что онъ могъ достать его совкомъ (су шюпеля), этотъ совокъ у него находился въ рукахъ. Но впрочемъ чего робѣть, подумалъ онъ про себя, послѣ нѣкотораго времени, когда у него руки снова стали дѣйствовать. Онъ перекрестился: «да будетъ Божья сила со мной!» подумалъ онъ, и сталъ загребать совкомъ изъ сундука червонцы. Загребъ нѣсколько червонцевъ и выбросилъ ихъ на берегъ. Юноша размахнулся по направленію его совка мечемъ. Дѣва заговорила съ работникомъ.

«Если хочешь завладѣть кладомъ, это очень нетрудно, только исполни мое требованіе...

— «Согласенъ, отвѣчалъ работникъ, будь это требованіе мнѣ по силѣ».

«Да совсѣмъ по силѣ, если только пожелаешь».

— «Пожелалъ бы, барыня, какъ не пожелать, я человѣкъ бѣдный, состою наемникомъ въ мызѣ, хоть бы достать еще нѣсколько червонцевъ на хлѣбъ».

«Можно завладѣть не то что нѣсколькими червонцами, но даже цѣлымъ кладомъ, коли только съумѣешь, время намъ давно настало передать этотъ кладъ какому нибудь человѣку, но надо достать намъ двѣнадцать головъ».

Двѣнадцать головъ! какъ тутъ быть? гдѣ достать двѣнадцать головъ?—дѣло мудреное. Это не по моимъ силамъ! разбойничать что ли? нѣтъ, а лучше я еще загребу нѣсколько червонцевъ изъ сундука».

Но чуть протянулъ онъ совокъ, юноша ударилъ мечомъ и отрубилъ конецъ совка.

Боже мой! промолвилъ бѣднякъ, совокъ мой также денегъ стоитъ! вотъ тебѣ и кладъ!

«Глупый! промолвила дѣва, много ли труда стоило тебѣ поймать двѣнадцать куръ, воробьевъ или даже мухъ, вотъ бы и завладѣлъ кладомъ, а безъ того червонцы не перейдутъ ни въ чьи руки. Уже столько столѣтій мы бережемъ его, но ни одного не нашлось находчиваго!»

При сихъ словахъ надъ сундукомъ стало темно, сундукъ съ большимъ стукомъ закрылся и исчезъ въ водѣ.

Работникъ остолбенѣлъ, перекрестился. Дрожа отъ испуга побрелъ онъ домой къ своей женѣ. Стало разсвѣтать, и они вдвоемъ съ женою отправились къ тому мѣсту, гдѣ онъ это видѣлъ. И что же? прудъ какъ былъ заросшій травою, такъ и есть, на водѣ плаваетъ отрубленный конецъ совка, но—что удивительнѣе,—въ травѣ лежало нѣсколько червонцевъ. Это были червонцы, которые онъ забралъ изъ фантастическаго сундука, плававшаго ночью на прудѣ.

По настоящее время всѣмъ указываютъ это мѣсто, гдѣ работникъ видѣлъ это явленіе, и называютъ это мѣсто заколдованнымъ. Говорятъ, что до сихъ поръ не встрѣчается смѣльчака, который рискнулъ бы пойти къ сему мѣсту ночью.

У Литовцевъ очень развито вѣрованіе въ разные заговоры, чародѣйства и преданія о мертвецахъ, которые, будто бы, ходятъ послѣ смерти и показываются живущимъ.

Въ заговоры Литовцы вѣрятъ больше, чѣмъ во всѣ медицинскія науки, и въ случаѣ, если кто заболѣетъ, то Литовецъ скорѣе обратится къ какой либо деревенской знахаркѣ или знахарю, который лишь только съумѣетъ представиться ему знающимъ чудодѣйственныя слова противъ всякихъ болѣзней.

Я обратился къ одному человѣку, который постоянно и по настоящее время заговариваетъ отъ укушенія ядовитыхъ змѣй, чтобы онъ мнѣ сказалъ чудодѣйствующія слова, которыми онъ заговариваетъ укушенныхъ змѣями. Онъ объяснилъ мнѣ, что не можетъ этого сдѣлать, по той причинѣ, что слова тогда потеряютъ для него свое значеніе; этими словами только могъ бы я заговаривать. Если онъ скажетъ человѣку старше себя, тогда они могутъ заговаривать оба, я же моложе его. Я сталъ его уговаривать, чтобы онъ мнѣ написалъ ихъ; написать, по его мнѣнію, возможно, а такъ какъ онъ грамотный, то написалъ мнѣ эти слова и объяснилъ ихъ употребленіе.

Заговоривать противъ укушенія змѣями должно только при восхожденіи солнца, при закатѣ солнца и въ полдень, въ другое время сутокъ невозможно. Изъ дома, въ которомъ находится больной укушенный змѣей, слѣдуетъ принести хлѣба кусокъ тому, кто знаетъ заговоръ (ужадет). Заговорщикъ беретъ этотъ кусокъ хлѣба и, если это заговариваніе происходитъ при восходѣ солнца, то долженъ стать подъ крышей, подъ деревомъ или подъ чѣмъ нибудь, лишь бы не подъ открытымъ небомъ, лицемъ къ восходящему солнцу, если же при закатѣ, то къ западу, а если въ полдень, то на югъ, положить этотъ кусокъ хлѣба на ладонь, тереть его безъимяннымъ пальцемъ (безъимянный палецъ, неизвѣстно почему то у нихъ, т. е. у Литовцевъ, имѣетъ какое то чародѣйское значеніе) и произносить слѣдующія слова:

«Жинау аш гос ня біау, гос есатя траіос девиняріос, аджинги ир аш жинау аш гос.»....

Это повторяется три раза. Затѣмъ произноситъ имена больнаго, если онъ муропомазанъ, то прежде произноситъ имя данное при муропомазаніи, а затѣмъ, имя данное при св. крещеніи, такъ, напримѣръ, если при муропомазаніи было дано Иванъ, а при св. крещеніи Соломонъ, то слѣдуетъ поступить такъ:

«Іонас—Салямонас аджинги ир аш жинау Іонас—Салямонас.»....

Это повторяется три раза, а затѣмъ этотъ кусокъ хлѣба отдается больному, который долженъ его съѣсть, послѣ чего и выздоровѣетъ.

Если это заговариваніе происходитъ надъ укушеннымъ животнымъ, то только вмѣсто именъ человѣка произносится кличка и названіе животнаго, послѣ чего это животное должно съѣсть этотъ хлѣбъ.

Замѣчательно, что того человѣка, который знаетъ эти слова, змѣя никогда не укуситъ.

Если кровь быстро стекаетъ изъ раны, которую сдѣлаютъ какимъ либо острымъ орудіемъ, то слѣдуетъ остановить (заговорить) слѣдующими словами, причемъ взять крови, которая истекаетъ изъ раны, тереть между пальцами и говорить:

«Пьювис пьюви свяйкина, арину — арину сутрину трасу—трасу сутрину»...

Это повторить три раза, послѣ чего кровь должна перестать течь.

«Но акю скауденмо рейкя ни аки иляйст вежіо гирнас.»

Что они называютъ «вежіо гирномъ», я не знаю; знаю только что это находятъ въ ракѣ, но какой членъ или кость рака?

«Но дѣгліо рейк паскуст брѣджіо раго ир су вандіяню ижгяртъ, о дѣглис туой памята».

«Яйгу кам кила вотисъ, тай ряйкя та дайкта патрит су перкуно кулка, о туой ижгія».

«Пяркуно кулка» называютъ камни, заостренные съ одной стороны, а по срединѣ съ дырочкой. Камни эти находятъ въ землѣ. Неизвѣстно, откуда эти камни происходятъ, только я слышалъ отъ одного ученаго человѣка, что эти камни, по всей вѣроятности, въ глубокую старину въ каменномъ вѣкѣ, употреблялись вмѣсто топоровъ.

Какъ лѣкарственное вещество, употребляются у Литовцевъ фульгуриты, которые они называютъ вельніо пиритас, рупужес вайникас; что они называютъ этимъ именемъ не знаю, но должно быть какое нибудь окаменѣвшее растеніе или животное. Вельніо пирштас ир рупутес вайникас имѣютъ одинаковое значеніе, какъ и пяркуло кулка.

Записана Матвѣемъ Гелисомъ въ Гришкабудѣ, Сув. губ. Волковышскаго уѣзда.

† М. П. Веске.

4-го мая текущаго года скончался отъ паралича сердца преподаватель финскихъ нарѣчій въ Казанскомъ Университетѣ Михаилъ Петровичъ Веске. Смерть немногимъ у насъ извѣстнаго энтузіаста науки была тяжелымъ ударомъ для всѣхъ, кому дороги судьбы русской филологіи и этнографіи. Еще тяжелѣе отозвалась она на далекой родинѣ покойнаго, въ сердцахъ народа, которому онъ отдалъ лучшіе годы своей жизни и весь пылъ своей души. Эсты лишились своего благороднѣйшаго представителя и именно въ ту пору, когда надъ ними начала заниматься заря новой жизни, которую онъ горячо привѣтствовалъ.

Михаилъ Петровичъ *Веске* родился 16-го января 1843 г. въ крестьянской усадьбѣ Веске, волости Гольстерсгоффъ, Лифляндской губерніи. До 14 лѣтъ будущій ученый велъ обычную жизнь деревенскаго мальчика, пасъ скотину и присматривалъ за домомъ. Съ 14 до 19 лѣтъ онъ посѣщалъ мѣстную деревенскую школу, затѣмъ приходское училище, чтобы со временемъ сдѣлаться сельскимъ учителемъ. Ученіе чередовалось съ крестьянскими работами. На 18-мъ году талантливымъ юношей овладѣло желаніе сдѣлаться миссіонеромъ и отправиться въ Ост-Индію. Ознакомившись подъ руководствомъ пастора Ганзена съ нѣмецкимъ и древними языками, онъ поступилъ въ январѣ 1863 г. въ четвертый классъ (кварту) Дерптской гимназіи, изъ шестаго класса (изъ секунды) которой вышелъ въ 1866 году для того, чтобы уѣхать осенью того же года въ Лейпцигъ и поступить въ тамошній миссіонерскій домъ (Missionshaus). Въ миссіонерскомъ домѣ молодой Эстъ готовился къ слушанію богословскихъ предметовъ въ Лейпцигскомъ университетѣ. Богословскія штудіи не въ состояніи были, однако, овладѣть горячей душей покойнаго. Въ немъ проснулась другая жажда—жажда поработать, обогатившись научными познаніями, на пользу роднаго народа, съ страданіями котораго отъ феодаловъ-бароновъ онъ познакомился въ дѣтствѣ. Передъ Троицей 1867 г. онъ оставилъ миссіонерскій домъ и поступилъ въ вольные слушатели университета. Весною слѣдующаго года, на основаніи свидѣтельствъ отъ профессора Царнке и другихъ объ удовлетворительныхъ познаніяхъ, онъ былъ записанъ въ студенты филологіи и сталъ получать пособіе отъ Лейпцигскаго университета. Съ іюля 1868 г. покойный, благодаря содѣйствію русскаго генеральнаго консула въ Лейпцигѣ Гаве, сталъ получать отъ Великой Княгини Елены Павловны и получалъ въ продолженіе пяти лѣтъ по 200 таллеровъ ежегодно.

Какъ успѣшно шли ученыя занятія молодаго эстонскаго крестьянина въ Лейпцигѣ, видно изъ того, что уже въ концѣ 1870 г. онъ былъ, по рекомендаціи профессора Брокгауза, приглашенъ Максомъ Мюллеромъ отправиться въ Англію, чтобы помогать этому извѣстному филологу при изданіи санскритскихъ памятниковъ. Это путешествіе, впрочемъ, не состоялось. Прежній помощникъ М. Мюллера д-ръ Дюбуа послѣ взятія Нѣмцами Парижа нашелъ возможнымъ оставить нѣмецкую армію и вернуться къ ученымъ трудамъ.

Лѣтомъ 1872 года Веске выдержалъ докторскій экзаменъ и на основаніи диссертаціи: «Изслѣдованія по сравнительной грамматикѣ финскихъ нарѣчій» (Лейпцигъ, у Брейткопфа и Гертеля) былъ признанъ докторомъ философіи. По совѣту профессоровъ Царнке и Брокгауза, Веске занимался болѣе всего индоевропейскимъ языковѣдѣніемъ, чтобы потомъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ заняться изслѣдованіемъ финскихъ языковъ. Въ первыхъ числахъ 1873 года Великая Княгиня Елена Павловна скончалась, и Веске увидѣлъ свои розовыя надежды разрушенными. Онъ не имѣлъ даже средствъ для возвращенія на родину. Его и на этотъ разъ спасло

ходатайство генеральнаго консула фонъ-Гаве, благодаря которому онъ получилъ отъ Великой Княгини Екатерины Михайловны 200 рублей, на которые въ апрѣлѣ 1873 года и возвратился на родину. На первыхъ порахъ своего пребыванія въ Дерптѣ онъ жилъ частными уроками (между прочимъ и санскритскаго языка). Зимой 1874 г. онъ послалъ въ Академію Наукъ прошеніе о выдачѣ ему пособія на поѣздку къ восточнымъ Финнамъ или, по крайней мѣрѣ, въ Остзейскія губерніи и въ Финляндію, но получилъ чрезъ профессора Лео Мейера отъ академика д-ра Видемана отвѣтъ, что Академія располагаетъ очень незначительными суммами для командировокъ и не можетъ исполнить его просьбы (sic!). Въ сентябрѣ 1874 г. покойный былъ избранъ въ лекторы эстонскаго языка при Дерптскомъ университетѣ. Съ этого времени онъ дѣлаетъ почти каждое лѣто поѣздки съ научными цѣлями въ эстонскіе приходы, а лѣтомъ 1880 г. въ Финляндію. Три изъ этихъ поѣздокъ были сдѣланы на пособіе отъ Дерптскаго университета. Во время своихъ путешествій М. П. собиралъ матеріалы для опредѣленія діалектическихъ различій и изученія миѳологіи, народныя пѣсни (числомъ болѣе 1500). Лингвистическія изслѣдованія имѣли не одну теоретическую цѣль. Ученый и журналистъ въ одно и то же время— Веске черпалъ въ говорахъ народа матеріалы для литературнаго эстонскаго языка. Научная дѣятельность шла рука объ руку съ общественной. Одновременно съ научными наблюденіями Веске производилъ наблюденія практическаго характера, ловилъ малѣйшіе намеки на прогрессъ въ жизни родного народа, всматривался въ условія, противодѣйствующія его нормальному развитію. Открытія, сдѣланныя въ этой сферѣ, не оставались у покойнаго мертвымъ капиталомъ. Со всѣмъ пыломъ своего темперамента онъ бросается въ борьбу съ притѣснителями своего народа. Онъ одновременно работаетъ, какъ поэтъ, журналистъ, ученый и практическій боецъ. Сегодня онъ пишетъ стихотвореніе, которымъ будитъ въ народѣ чувство самосознанія, завтра въ газетной статьѣ ратуетъ противъ пасторовъ и барововъ. Оторвавшись отъ ученаго изслѣдованія или отъ записыванія народныхъ пѣсенъ, онъ разъясняетъ эстонскимъ крестьянамъ, гдѣ искать защиты противъ притѣснителей, какъ формулировать свои жалобы и желанія, самъ пишетъ прошенія для обиженныхъ. Время сенаторской ревизіи Манассеина было временемъ самой напряженной общественной дѣятельности покойнаго. Скрываясь отъ слѣдившихъ за нимъ бароновъ, онъ по ночамъ писалъ крестьянамъ жалобы на помѣщиковъ, являлся на крестьянскія сходки и, составляя петиціи и адресы, самъ ѣздилъ въ Петербургъ къ сенатору Манассеину и министру внутреннихъ дѣлъ. Такая дѣятельность должна была неизбѣжно обострить отношенія покойнаго къ представителямъ Дерптскаго университета, гдѣ былъ силенъ феодальный нѣмецко-баронскій элементъ. Его начали выставлять какъ опаснаго агитатора, который де является виновникомъ поджоговъ и другихъ проявленій соціальной борьбы. Горячія нѣмецкія головы мечтали о томъ, чтобы упрятать безпокойнаго Эста въ Сибирь; болѣе умѣренный баронъ Штакельбергъ довольствовался *долгосрочной его командировкой* въ Вятку.

Въ 1885 г. найденъ былъ наконецъ благовидный способъ сбыть «агитатора». По ходатайству Дерптскаго университета, покойный былъ отправленъ правительствомъ на два года въ Венгрію и оттуда на Волгу и на Уралъ для изслѣдованія мадьярскаго и восточно-финскихъ языковъ. Эта командировка рѣшила судьбу покойнаго. Онъ былъ назначенъ преподавателемъ финскихъ нарѣчій въ Казанскомъ университетѣ. Въ августѣ 1887 г. онъ прибылъ въ Казань. Недостаточный навыкъ въ русскомъ языкѣ и характеръ предмета былъ причиной того, что онъ въ теченіе трехъ лѣтъ имѣлъ дѣло съ однимъ только слушателемъ. Но эти годы не остались пустымъ мѣстомъ въ жизни покойнаго и въ исторіи русской науки. Въ новой средѣ, гдѣ у него не было враговъ, гдѣ, напротивъ, онъ нашелъ группу людей, съ полнымъ сочувствіемъ принявшихъ его, какъ человѣка и ученаго, онъ быстро пріобрѣлъ возможность работать въ той области, которая его особенно занимала. Уже весной 1888 г. историко-филологическій факультетъ, помимо всякихъ исканій со стороны покойнаго, предложилъ ему примкнуть къ экспедиціи, снаряжавшейся къ Черемисамъ

самъ. Это предложеніе безъ всякихъ протестовъ и интригъ, къ которымъ такъ пріучилъ своего лектора Дерптскій университетъ, было утверждено Совѣтомъ. Ту же поддержку своимъ планамъ встрѣтилъ М. П. и въ 1889 г., отправляясь къ Мордвѣ. Результатомъ двухъ путешествій къ мѣстнымъ инородцамъ были изслѣдованіе о нарѣчіяхъ черемисскаго языка и собраніе (до 200) черемисскихъ и мордовскихъ пѣсенъ. Казанское Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи, членомъ котораго онъ сдѣлался съ 1887 г., въ свою очередь дало ему возможность написать и издать первый томъ изслѣдованія «Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка», изслѣдованія, имѣющаго громадное значеніе для начальной исторіи славянскаго и финскаго міровъ. Изслѣдованіе съ такимъ направленіемъ не могло явиться въ Дерптѣ, гдѣ политика помѣшала бы людямъ науки оцѣнить теорію, такъ мало согласную съ Балтійскими представленіями о русскомъ варварствѣ. Смерть застала Веске надъ обработкой втораго тома, въ который должны были войдти выводы изъ матеріаловъ перваго тома и новые факты. За нѣсколько минутъ до смерти онъ развивалъ предъ своимъ слушателемъ основныя идеи этого тома. Крестьянинъ—ученый умеръ, какъ честный боецъ науки, держа ея знамя въ рукѣ. На немногихъ страницахъ некролога, не можетъ быть, конечно, мѣста для характеристики научной дѣятельности покойнаго. Ограничимся поэтому нѣсколькими замѣчаніями объ его этнографическихъ трудахъ.

Еще въ бытность свою студентомъ въ Лейпцигѣ, Веске напечаталъ:

Нѣсколько эстонскихъ сказокъ въ періодическомъ изданія «Ausland».

Объ эстонскихъ народныхъ пѣсняхъ въ періодическомъ изданіи «Europa».

О поэмѣ Калеви-Поэгъ въ періодическомъ изданіи «Globus».

Вернувшись на родину, онъ сталъ дѣятельнымъ членомъ Эстонскаго ученаго Общества и напечаталъ въ его изданіяхъ цѣлый рядъ этнографическихъ статей.

Въ 1874 году:

Mythen und Märchen vom Ei bei den Esten, Finnen, Griechen und Syrern Sitzbr. d. Gel. Est. Gesell. S. 17—25.

Ueber die Identität der estnischen Wene und des Volkernamens Wenden. Sitzbr. d. gel. Est. Gesell. S. 34—40.

Ueber das Estnische Volkslied, Ibid. S. 68—84.

Ueber die Erklärung des estn. mytholog. Namens Wanemuine, Ibid. S. 100—101.

Ueber den Culturfortschritt in Leben der Esten. Ibid. 139—149.

Въ 1875 году:

Ueber eine Estnische Sängerin; ibid. S. 17—25.

Въ 1876 году:

Bericht über die Ergebnisse einer Reise durch das Estenland im Sommer. Verhandlungen der Gel. Estn. Gesell. Bd. VIII, H. 3. S. 41—84.

Ueber den Culturfortschritt im Leben der Esten Sitzbr. d. Gel. Estn. Ges. S. 37—50.

Bericht über die Resultate der im Sommer 1876 gemachten wissenschaftl. Reise, ibid. S. 161—169.

Въ 1877 году:

Fortsetzung der Berichtes uber die Ergebnisse einer Reise durch das Estenland im Sommer 1875. Verhandl. d. Geleh. Estn. Gesell. B. VIII, Hf. 2. S. 1—32.

Ueber die Estnische Ortsnamen auf *were*, im Deutschen auf *fer*. ibid. Hf. 4. S. 47—95.

Beiträge zur Sage von Kalewipoeg, Sitz. d. Est. Gesell. S. 32—38.

Ueber die Estn. Volkssage von Koit und Ämarik — Morgenroth und Abendroth. Ibid. S. 122—124.

Въ 1878 году:

Отчетъ о путешествіи съ научною цѣлью въ западной Эстляндіи лѣтомъ 1878 г. (Reise aruanne 1878). Ежегодникъ эстонскаго литературнаго общества; стр. 26—35.

Ueber den estnischen Waldgott. Sitz. d. Gel. Estn. Ges. S. 47—49.

Въ 1879 году:

Отчетъ о поѣздкѣ въ Перновскій уѣздъ лѣтомъ 1879 г. (Reisi aruanne) Ежегодникъ эстонскаго литературнаго общества 1879 г., стр. 34—41 (содержитъ сообщенія о перновскомъ нарѣчіи и о языческихъ вѣрованіяхъ въ феннернскомъ приходѣ).

Эстонскія народныя пѣсни изъ устъ народа. (Eesti rahwalaulud). Первая часть. 99 стр.

Въ 1881 году:

Эстонскія народныя пѣсни о роженицѣ (Eesti rahwalaulud nurganaisest) (съ грамматическими и миѳологическими объясненіями). Ежегодникъ эстонскаго литературнаго общества, стр. 23—49.

Отчетъ о совершенной лѣтомъ 1880 г. съ научными цѣлями поѣздкѣ въ Финляндію. Въ нѣсколькихъ приложеніяхъ къ эстонской газетѣ «Сакала» съ начала 1881 года.

Въ 1882 году:

Отчетъ о поѣздкѣ въ Везенбергскій уѣздъ лѣтомъ 1882 г. Sitzungsber. des estn. liter. Vereins. Стр. 16—18.

Въ 1883 году:

Эстонскія народныя пѣсни (Eesti rahwalaulud). Вторая часть. 86 стр.

Въ ежемѣсячномъ научномъ и беллитристическомъ журналѣ на эстонскомъ языкѣ «Oma Maa» (Родная земля), издаваемомъ съ апрѣля 1884 г. и редактированномъ Веске, самъ Веске напечаталъ:

Этнографія финскихъ племенъ (Soome sugurahwaste ethnographia) № 1—3.

Къ исторіи жилищъ финскихъ племенъ (Soome sugurahwaste elumajade ajaluost). (Очерки историко-филологическіе) № 5—7.

О способахъ добыванія женъ у финскихъ племенъ (Soome sugurahwaste naise wôtmise wiisist) № 9.

О словѣ «raha» (теперь «деньги», прежде «шкура») № 3.

О русскомъ народѣ и вообще о Славянахъ (Wene rahwast ja üleüldse Slaavi sugurahwastest) № 3.

Древнія мѣста жертвоприношеній Эстонцевъ (Eesti rahwa wanad ohwri kohad) № 1 и 2.

Дополненіе къ разсказамъ о Калеви-Поэгѣ (Kalewipoeg juttude lisad) № 1—3, 6

Эстонскія народныя пѣсни (Eesti rahwalaulud) № 1 и 8.

Въ 1885 году:

Древнія мѣста жертвоприношеній Эстонцевъ. (Свѣдѣнія о мѣстахъ, о которыхъ старики говорятъ, «какъ» и когда приносили тамъ въ послѣдній разъ жертвы). № 2 и 3.

Gebete an die Waldgottheiten bei den alten Esten. Sitz. d. Gel. Estn. Gesell.

Перейдя въ Казань, Веске напечаталъ упомянутыя уже выше «Изслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка.» Казань. 1889. Отд. отт. изъ VII т. «Извѣстій Общ. Арх. Ист. и Этногр. при Имп. Каз. Унив.», въ 1890 г.

Замѣтки о путешествіи къ Черемисамъ. «Oma Maa». 1889

Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань. 1890. Отд. отт. изъ VIII т. «Извѣстій Общ. Арх., Ист. и Эти. при Имп. Каз. Унив.».

Перечень работъ покойнаго Веске показываетъ, что онъ трудился главнымъ образомъ надъ всестороннимъ изученіемъ родного народа. Для преподавателя, который пожелалъ-бы заняться этнографическимъ изученіемъ Эстовъ, труды Веске должны служить однимъ изъ существенныхъ пособій. Особенную цѣну имѣютъ его указанія на то, гдѣ слѣдуетъ искать наиболѣе чистыхъ слѣдовъ и памятниковъ Эстонской старины въ вѣрованіяхъ и бытѣ (у православныхъ Эстовъ Псковской губерніи). Капитальнымъ трудомъ и драгоцѣннымъ вкладомъ М. П. въ русскую науку, конечно, навсегда останется первый томъ его изслѣдованій о славяно-финскихъ культурныхъ отношеніяхъ по даннымъ языка. Представляя спеціалистамъ оцѣнить это произведеніе въ подробностяхъ, мы отмѣтимъ здѣсь только принципіальную сторону его. М. П. первый рѣшительно и опредѣленно высказалъ мысль о широкомъ доисторическомъ вліяніи Славянства на Финскій міръ: воспитанные въ Германскихъ или узко-Финскихъ симпатіяхъ, его предшественники обходили вопросъ о древнемъ славянскомъ вліяніи на Финновъ, тщательно отмѣчая вліянія — германское и литовское. Изслѣдованіе Веске отодвинуло начало славяно-финскихъ сношеній на цѣлый рядъ вѣковъ въ глубь прошедшаго и показало вмѣстѣ съ тѣмъ, что еще въ доисторическую эпоху было положено начало тѣснаго сближенія Финновъ со Славянами. Покойный поднялъ, но не успѣлъ окончательно обработать богатую новь; можно отъ души пожелать въ интересахъ русской науки, чтобы среди его соплеменниковъ поскорѣе нашлись люди, подобно ему соединяющіе въ себѣ глубокое спеціальное образованіе съ свободой научнаго изслѣдованія и широкимъ патріотизмомъ. Эти люди могли бы закончить начатое дѣло.

И. Смирновъ.

Казань.

---

† О. Кольбергъ.

3 іюля текущаго года, окончилъ въ Краковѣ свою жизнь маститый и многозаслуженный Польскій этнографъ, знатокъ народной музыки и ревностный собиратель народныхъ польскихъ пѣсенъ — Оскаръ Кольбергъ.

Кольбергъ родился въ 1814 году 10—12 февр. въ м. Присухѣ Опочинскаго уѣзда Радомской губерніи, образованіе получилъ въ Варшавскомъ лицеѣ, гдѣ, кромѣ научныхъ предметовъ, усердно занимался музыкой (частнымъ образомъ); въ 1835 г.

ѣздилъ въ Берлинъ, гдѣ слушалъ между прочимъ теорію гармонизаціи у лучшихъ профессоровъ; по возвращеніи своемъ на родину онъ въ 1838—39 гг. занималъ мѣсто учителя въ Бѣлоруссіи и уже въ 1840 году занялся собираніемъ народныхъ пѣсенъ, а съ 1842 года началъ ихъ и издавать.

Болѣе подробная біографія и перечень трудовъ О. Кольберга будутъ помѣщены въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ «Живой Старины».

† Д-ръ Пфуль.

21 декабря 1889 года, скончался Хр. Пфуль, извѣстный сербско-лужицкій филологъ и писатель, составитель лучшаго сербо-лужицко-нѣмецкаго словаря (изд. 1865 г.) Пфуль родился 18 марта 1825 г. въ Прейшвицѣ близъ Будишина. Годы 1848—1872 былъ учителемъ гимназіи въ Дрезденѣ, затѣмъ, оставивши по слабости здоровья службу, поселился на родинѣ и отдался занятіямъ наукой и литературой.

† С. П. Микуцкій.

25 августа скончался въ Варшавѣ на 76 году жизни Станиславъ Павловичъ Микуцкій, бывшій доцентъ Императорскаго Варшавскаго Университета.

Природный Литвинъ, крестьянинъ родомъ, онъ былъ отличнымъ знатокомъ своего роднаго языка и всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Его отчеты и путевыя замѣтки изъ Литвы, куда былъ командированъ II Отдѣл. Имп. Акад. Н. въ 50-хъ годахъ, содержатъ въ себѣ много цѣннаго. Къ сожалѣнію онъ не остановился на этой почвѣ, гдѣ бы могъ много сдѣлать для науки, но къ сожалѣнію безъ научной подготовки, безъ хорошаго образованія, онъ не сознавалъ ясно ни своихъ силъ, ни задачъ науки и привлекалъ къ своимъ изысканіямъ все большее число языковъ и пускался въ самыя смѣлыя догадки, такъ что наукѣ, не смотря на его страсть къ языковѣдѣнію и на его упорное трудолюбіе, онъ не оказалъ тѣхъ услугъ, какія бы могъ ей оказать, если бы ограничился въ своихъ изслѣдованіяхъ литовскимъ и славянскими языками. Микуцкій былъ горячо преданъ Россіи и въ 60-хъ годахъ бывало писалъ по нѣскольку разъ въ недѣлю горячія письма А. Ѳ. Гильфердингу и инымъ лицамъ, болѣе или менѣе близко стоявшимъ къ Н. А. Милютину, котораго вмѣстѣ съ его сотрудниками въ Польшѣ онъ высоко чтилъ за освобожденіе крестьянъ.

НОВѢЙШІЯ ИЗДАНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

(выпущенныя въ 1889—90 гг.).

Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи, изданные на Высочайше дарованныя Императорскому Русскому Географическому Обществу средства.

Отдѣлъ ботаническій. Томъ I. Flora tangutica. Выпускъ I, Thalamiflorae et Disciflorae. Съ 31 таблицею. Спб. 1889. 4° Ц. 6 р.

Томъ II. Перечень растеній Монголіи и прилегающей части Китайскаго Туркестана. Выпускъ I. Thalamiflorae et Disciflorae. Съ XIV таблицами. Спб. 1889. 4°. Ц. 4 р.

Анучинъ. Д. Н. О географическомъ распредѣленіи роста мужскаго населенія Россіи сравнительно съ распредѣленіемъ роста въ другихъ странахъ (съ десятью картами). (Записки И. Р. Г. О. по Отдѣленію Статистики. Т. VII, вып. 7). Спб. 1889 г. Ц. 2 р.

Воейковъ, А. И. Снѣжный покровъ, его вліяніе на почву, климатъ и погоду и способы изслѣдованія. Изд. 2-е, значительно дополненное. (Записки И. Р. Г. О. по общей географіи, Т. XVIII, № 2). Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Воейковъ, А. И. Метеорологическія сельскохозяйственныя наблюденія въ Россіи въ 1887 г. (Записки И. Р. Г. О. по общей географіи. Т. XVIII, № 5). Спб. 1889 г. Ц. 50 к.

Верещагинъ. Г. Е. Вотяки Сарапульскаго уѣзда. (Записки И. Р. Г. О. по Отдѣленію Этнографіи. Т. XIV, выпускъ 3). Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Ѳедоровъ. П. Ѳ. Соловки. (Записки И. Р. Г. О. по Отдѣленію Этнографіи. Т. XIX, выпускъ 1). Кронштадтъ. 1889 г. Ц. 3 р.

Тилло, А. А. Распредѣленіе атмосфернаго давленія на пространствѣ Россійской Имперіи и Азіятскаго Материка, на основаніи наблюденій съ 1836—1885 гг. Критически обработалъ Алексѣй Тилло, Предсѣд. Отд. Матем. Геогр. (Записки И. Р. Г. О. по Общей Географіи, Т. XXI.).

Атласъ изъ 69 картъ Распредѣленія Атмосфернаго Давленія на пространствѣ Россійской Имперіи и Азіятскаго Материка на основаніи наблюденій съ 1836 по 1885 годъ. Составилъ Алексѣй Тилло. Приложеніе къ XXI Т. (Запис. И. Р. Г. О. по Общей Географіи).

Пинчуки, этнографическій сборникъ. Собралъ въ Минскомъ уѣздѣ Минской губерніи Г. Г. Булгаковскій. (Запис. И. Р. Г. О. по Отд. Этнографіи. Т. XIII, вып. 3).

2p

Цѣна 2 р.